Петръ Струве.

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

(1893—1901 гг.).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома Призрѣн. Малолѣтн. Бѣдн. Лиговская ул., д. 26.
1902.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Спб. Невскій, 54.

Бертранъ. **Общества взаимопомощи въ Бельгіи.** Стр. 143 60 к.

Блондель. **Торгово-промышленный подъемъ Германіи.** Перев. подъ ред. Туганъ-Барановскаго. Стр. 294 1 р. 50 к.

Бюхеръ. **Работа и ритмъ.** Перев. подъ ред. Д. Коропчевскаго. Стр. 114 60 к.

Веббъ, С. и *Б.* **Теорія и практика англійскаго трэдъ - юніонизма** Перев. подъ ред. Струве. Т. I. Стр. 382 2 р. 50 к. Т. II. Стр. 401 2 р 50 к.

Гиббинсъ. **Промышленная исторія Англіи.** Перев. Каменскаго, 2-ое изд. Стр 168 80 к.

Гиббинсъ. **Очерки исторіи англійской торговли и колоній.** Перев. Каменскаго. Стр. 127 50 к.

Гиггсъ. **Физіократы.** Французскіе экономисты XVIII в. Перев. подъ редак. Струве. Стр. 114 50 к.

Гобсонъ. **Эволюція современнаго капитализма.** Перев. съ англ. съ предислов. автора для русск. изданія. Стр. 430 1 р. 50 к.

Гобсонъ. **Проблемы бѣдности и безработицы.** Съ приложеніемъ статьи П. Струве о безработицѣ. Стр. 382 1 р. 50 к.

Гольцовъ. **Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII в.** Стр. 199 1 р. 25 к.

Гуго. **Новѣйшія теченія въ англійскомъ самоуправленіи.** Перев. подъ ред. Протопопова. Стр. 261 1 р. 50 к

Гумпловичъ. **Основы соціологіи.** Пер. подъ ред. Гессена Стр. 360 1 р. 30 к.

Деморъ, Массаръ и *Фандервельдъ.* **Регресивная эволюція въ біологіи и соціологіи.** Перев. подъ ред. Д. Коропчевскаго и Фаусека. Стр. 379 1 р. 25 к.

Дитятинъ. **Статьи по исторіи русскаго права.** Стр. 631 2 р. 50 к.

Дружининъ. **Общедоступное руководство къ изученію законовъ.** 2 части. Стр. 175 75 к.

Г. У. Воен. учебн. зав. **рекомендовано** въ биб. воен. учил. и въ фунд. библ. кадетс. корпус.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущена** въ учен. старш. возр. биб. средн. учеб. завед., город. училищъ, въ ученич. биб. низшихъ учил. и въ безпл. биб. и читал.

Дружининъ. **Русское государственное гражданское и уголовное право** въ популярномъ изложеніи. Стр. 230 1 р.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **одобрена** для *уч. старш. возр.* биб. сред. учебн. *зав., для учит. биб. город. и сельск.*

Карышевъ. **Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ.** Стр. 608 1 р. 20 к.

Киддъ. **Соціальная эволюція.** Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Стр. 334 1 р. 25 к.

Клей. **Чахотка какъ соціальное явленіе.** Перев. съ дополнен. д-ра медиц. Яроцкаго. Стр. 120 50 к.

Уч. Ком. М. Нар. Пр. **допущено** въ учит. библ. низшихъ училищъ и въ безпл. народн. читальни и библ.

Кнаппъ. **Освобожденіе крестьянъ и образованіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи.** Стр. 275 1 р. 25 к.

Летурно. **Соціологія основанная на этнографіи.** Вып. I. Стр. 168 53 рис. 60 к. Вып. II. Стр. 226 61 рис. 1 р. Вып. III. Стр. 287 39 рис. 90 к.

Летурно. **Эволюція торговли.** Стр. 371 2 р.

Марксъ, К. **Капиталъ.** Томъ I. Процессъ производства капитала. Перев. подъ редак. П. Струве. Стр. 707 3 р.

Нитти. **Народонаселеніе и общественный строй.** Перев. подъ ред. Коропчевскаго. Стр. 374 1 р. 25 к.

Парвусъ. **Міровой рынокъ и сельско-хозяйственный кризисъ.** Стр. 192 40 к.

Де-Рузье, П. **Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи.** Перев. подъ ред. и съ предисловіемъ П. Струве. Стр. 348 1 р. 50 к.

Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Подъ редак. проф. Гамбарова. Стр. 196 1 р.

Скворцовъ. Проф. **Основаніе политической экономіи.** Стр. 441 2 р. 50 к.

Туганъ-Барановскій. **Промышленные кризисы.** Очеркъ изъ соціальной исторіи Англіи. Изд. 2-ое, переработанное. Стр. 333 2 р. 25 к.

Туганъ - Барановскій. **Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ.** 2-ое значительно дополненное изданіе. Стр. 574 3 р. 50 к.

Тэйлоръ. **Первобытная культура.** Пер. подъ ред. Коропчевскаго. 2 т. Стр. 859 4 р.

Эсменъ. **Общія основанія конституціоннаго права.** Пер. подъ ред. Дерюжинскаго. Стр. 357 1 р. 75 к.

Янсенъ. **Экономическое правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи.** Стр. 321 1 р. 25 к.

Болинъ. **Спиноза.** Біографическій и культурно-историческій очеркъ. По

Петръ Струве.

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

(1893—1901 гг.).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная улица, домъ № 3—5.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе.

1) Моимъ критикамъ 1
2) Наши утописты 60
3) Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому 84
4) „Мужики“ Г. Чехова 121
5) „Мужики“ Чехова и Г. Михайлевскій 133
6) Замѣчательная книга 147
7) Miscellanea 170
8) Философія идеальнаго добра или апологія реальнаго зла? . . 187
9) Памяти Владиміра Соловьева 198
10) Романтика противъ казенщины 203
11) Новая книга по русской исторіи и литературѣ 221
12) Нѣсколько словъ по поводу статьи Г. Оболенскаго: „Новый расколъ въ нашей интеллигенціи“ 233
13) Марксъ о Гёте 252
14) Ф. Лассаль 259
15) Еще о Лассалѣ 267
16) Замѣтки о Гауптманѣ и Нитцше 279
17) Противъ ортодоксальной нетерпимости—pro domo sua 291
18) Памяти Н. В. Шелгунова 309
19) Австрійское крестьянство и его бытописатель 317
20) Соціально-экономическая подкладка нѣмецкаго вопроса въ Австріи 335
21) Международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ 369
22) „Экономическіе этюды“ Н. В. Водовозова 419
23) Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности 427
24) Научная исторія русской крупной промышленности 448
25) Изъ лѣтнихъ наблюденій 465
26) Свобода и историческая необходимость 487
27) Къ вопросу о морали 508
28) Право и права 522
29) Въ чемъ же истинный національнизмъ? 526

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Выпуская въ свѣтъ сборникъ своихъ статей, написанныхъ за время съ 1893 по 1901 годъ, авторъ считаетъ нужнымъ предпослать ему нѣсколько оправдательныхъ словъ. Не самый фактъ изданія требуетъ оправданія—такіе сборники издаются часто и съ полнымъ правомъ. Особенность настоящаго сборника состоитъ въ томъ, что въ немъ на глазахъ читателя авторъ перестраиваетъ свое міровоззрѣніе и такимъ образомъ, какъ бы ведетъ борьбу съ самимъ собой.

Въ 1894 году, когда авторъ опубликовалъ свою книгу „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“, онъ былъ въ философіи критическимъ позитивистомъ, въ соціологіи и политической экономіи рѣшительнымъ, хотя и вовсе не правовѣрнымъ, марксистомъ. Съ тѣхъ поръ и позитивизмъ, и опирающійся на него марксизмъ перестали для автора быть всей истиной, перестали всецѣло опредѣлять и окрашивать его міровоззрѣніе. Ему пришлось на свой страхъ искать и вырабатывать себѣ новый строй идей. Злобствующій догматизмъ, не только опровергающій несогласномыслящихъ, но и производящій надъ ними морально-психологическій сыскъ, видитъ въ такой работѣ только „эпикурейское порханіе мысли“. Онъ не способенъ понять, что право критики само по себѣ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой мыслящей личности. Отъ этого права авторъ не намѣренъ отказываться, хотя бы ему и угрожало постоянно находиться подъ обвиненіемъ въ „неустойчивости“.

Авторъ старался не исправлять прежнихъ статей согласно своимъ новымъ взглядамъ; онъ вычеркнулъ и измѣнилъ въ нихъ сравнительно очень *немногое*, хотя теперь *многое* изъ того, что оставлено безъ вся-

кихъ измѣненій, написалось бы иначе или совсѣмъ осталось бы не написаннымъ. Но въ свое время все это цѣликомъ отвѣчало взглядамъ и настроенію автора. Откровенно критикуя свои прежніе взгляды, авторъ не стыдится ихъ и не желаетъ ихъ утаивать. При перепечаткѣ статей сдѣланы нѣкоторыя добавленія, кое-что смягчено и выражено осторожнѣе, вычеркнуты нѣкоторыя полемическія рѣзкости и устранены тѣ сужденія, которыя теперь не могутъ быть поддерживаемы авторомъ даже какъ частичныя истины, такъ какъ онъ призналъ ихъ за безусловно неправильныя.

Въ предлагаемый сборникъ вошло далеко не все написанное авторомъ за указанный промежутокъ времени. Не перепечатаны здѣсь ни журнальныя внутреннія обозрѣнія, ни публицистическія статьи изъ газеты „Сѣверный Курьеръ“, ни изслѣдованія по теоріи политической экономіи и по исторіи крѣпостного хозяйства. Не включены также нѣмецкій критическій опытъ о Марксовой теоріи соціальнаго развитія, напечатанный въ XIV томѣ „Архива“ Брауна, и предисловіе къ книгѣ Н. А. Бердяева *), двѣ работы, въ которыхъ новое міросозерцаніе автора формулировано и съ его соціологической, и съ его философско-метафизической стороны. Къ нимъ авторъ долженъ отослать всякаго читателя, желающаго получить болѣе полное знакомство съ новымъ строемъ его воззрѣній, соціологическихъ и философскихъ. Въ предлагаемомъ сборникѣ этотъ строй идей представленъ лишь неполно, главнымъ образомъ статьями 1900—1901 гг.

Авторъ считаетъ нужнымъ оговорить, что—по причинамъ, неинтереснымъ для читателей—самое печатаніе сборника затянулось на нѣсколько лѣтъ.

Мартъ 1902 г.

*) „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ (Спб. 1901 г.).

МОИМЪ КРИТИКАМЪ *).

Книга „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ вызвала довольно значительное количество отзывовъ. Нѣкоторые изъ нихъ я не считаю возможнымъ оставить безъ отвѣта. Мой отвѣтъ критикамъ на ихъ возраженія и недоумѣнія я отнюдь не думаю ограничивать настоящей отповѣдью. Въ болѣе или менѣе стройномъ видѣ этотъ отвѣтъ будетъ данъ въ тѣхъ задуманныхъ мною работахъ, въ которыхъ основныя положенія „Критическихъ Замѣтокъ“ должны получить дальнѣйшее развитіе и обоснованіе. Предлагаемая же реплика—плодъ вполнѣ естественной потребности по возможности скорѣе отвѣтить на цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ и устранить нѣкоторое, къ сожалѣнію, изрядное, количество недоразумѣній, въ нихъ заключающихся. Долженъ при этомъ сказать напередъ, что нѣкоторыя возраженія, въ особенности характера философскаго, будутъ мною теперь оставлены безъ отвѣта—не потому, чтобы мнѣ нечего было на нихъ отвѣтить, а, наоборотъ, потому, что мнѣ слишкомъ много пришлось бы говорить о вопросахъ, поднятыхъ этими возраженіями. Разобраться съ надлежащей основательностью въ этой области не такъ легко, какъ представляется, повидимому, моимъ критикамъ [1]), которые, воспользовавшись краткостью и сжатостью нѣкоторыхъ философскихъ моихъ разсужденій и ихъ недостаточною вразумительностью для непривычныхъ къ философской терминологіи читателей, упрекаютъ меня въ неточности, неясности и неполнотѣ (Г. Михайловскій, „Русск. Бог.“ 1894 г. № 10) или даже

*) Настоящая статья была написана въ началѣ 1895 г., но не появилась тогда въ свѣтъ. Я печатаю ее теперь съ нѣкоторыми дополненіями и оговорками, особо отмѣчаемыми.

[1]) Отчасти, поэтому, я въ философской части своей книжки выражаюсь почти афористически, намѣчая точку зрѣнія и цитатами, такъ сказать, указывая дальнѣйшее обоснованіе ея. Такой характеръ изложенія сразу устраняетъ всякое подозрѣніе въ томъ, что авторъ хочетъ дать нѣчто большее, чѣмъ одни руководящія общія положенія.

въ увлеченіи метафизической фразеологіей (г. С. „В. Евр.“ 1894 г. № 12). Любопытно, что „жалкую метафизическую фразеологію“ г. С. усматриваетъ въ фразѣ, въ которой, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни слѣда метафизики, и выражены въ сущности мысли, ставшія прочнымъ достояніемъ научной философіи (отрицаніе субстанціальности души, принадлежащее разрушителямъ метафизики Юму и Канту, признаніе мышленія и его законовъ продуктомъ коллективнаго соціальнаго творчества—одна изъ основныхъ идей современной научной психологіи). Что такія положенія—„тарабарщина“ для г. С., въ этомъ я неповиненъ. Слова г. С. о „жалкой метафизической фразеологіи“ свидѣтельствуетъ лишь о прочности укоренившейся въ нашемъ обществѣ и даже—увы!—въ литературѣ дурной привычки называть метафизикой все, чего мы... не понимаемъ, все, что́ *для насъ*—„тарабарщина“. Привычка эта—печальный симптомъ философской необразованности и отсутствія серьезныхъ философскихъ интересовъ.

I.

Обращусь прежде всего къ г. Михайловскому. Свою критику онъ начинаетъ съ довольно характернаго недоразумѣнія. Характерно оно потому, что, такъ сказать, ad oculoc демонстрируетъ противоположность между складомъ мышленія съ одной стороны г. Михайловскаго, съ другой—его современныхъ литературныхъ противниковъ, въ частности—автора „Критическихъ Замѣтокъ“. Г. Михайловскій недоволенъ тѣмъ, что я занимаюсь при помощи вопросительныхъ знаковъ „молчаливой, но тѣмъ не менѣе, выразительной грамматической критикой“, и замѣчаетъ вполнѣ основательно, но слишкомъ вѣжливо, что подобная критика представляетъ „нѣкоторую роскошь въ трактатѣ объ экономическомъ развитіи Россіи“. Я выражусь сильнѣе и скажу, что заниматься грамматической критикой въ данномъ случаѣ было бы съ моей стороны просто глупо.

Вопросительный знакъ мой относится не къ грамматикѣ и не къ логикѣ г. Михайловскаго, а къ пониманію имъ общественныхъ явленій. Столь немилый моему критику знакъ выражаетъ недоумѣніе по адресу того взгляда, который отсутствіемъ экономической науки и грубостью нравственныхъ идей объясняетъ развитіе цѣлаго соціально-экономическаго строя (западно-европейскаго капитализма). Г. Михайловскій, повидимому, думаетъ, что

экономическая наука, или, точнѣе, теорія экономической политики можетъ завѣдывать кругомъ экономическихъ явленій, и что отъ степени совершенства этой науки зависитъ и степень совершенства соціально-экономическаго строя. Авторъ же „Критическихъ Замѣтокъ“ раздѣляетъ тотъ взглядъ, что кругомъ экономическихъ явленій завѣдывали и завѣдуютъ общественные классы, и что экономическая наука принимаетъ участіе въ этомъ завѣдываніи постольку, поскольку ея указанія представляютъ теоретическое („научное“) выраженіе интересовъ господствующихъ классовъ.

Буржуазная политическая экономія (въ смыслѣ системы экономической политики) дѣйствительно завѣдывала [1]) кругомъ экономическихъ явленій и участвовала въ развитіи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ—потому, что носителемъ процесса экономическаго развитія являлась буржуазія, а современный, такъ называемый катедеръ-соціализмъ, т.-е. опять-таки „наука“, „завѣдующая кругомъ экономическихъ явленій“, есть систематическое выраженіе той совокупности возможныхъ и необходимыхъ [2]) уступокъ буржуазіи рабочему классу, которая обычно фигурируетъ подъ кличкой „соціальной реформы“.

Итакъ, вотъ—истинный смыслъ заподозрѣннаго въ грамматической критикѣ вопросительнаго знака. Мой строгій критикъ оказался ужасно чувствительнымъ по части грамматической безупречности своихъ фразъ и крайне беззаботнымъ насчетъ научной продуманности своихъ соціологическихъ идей. Тривіальное и прямо плоское объясненіе капитализма невѣжествомъ и грубостью нравовъ казалось ему стоящимъ выше „молчаливой, но тѣмъ не менѣе выразительной, критики“. Я склоненъ скорѣе думать, что оно ниже даже самой молчаливой критики.

До сихъ поръ приходилось говорить о недоразумѣніи, а теперь на сцену появляется уже нѣчто, менѣе—какъ бы выразиться помягче—извинительное. Г. Михайловскій упрекаетъ меня въ томъ, что въ своей критикѣ народнической литературы я „допу-

---

[1]) Наука въ строгомъ смыслѣ слова ничѣмъ завѣдывать не можетъ: нормировка человѣческихъ отношеній и воздѣйствіе на жизнь *научнымъ* понятіемъ *науки* не объемлется.

[2]) Возможныхъ—т.-е. такихъ, которыя мыслимы безъ посягательства на основныя начала современнаго хозяйственнаго строя; необходимыхъ—т.-е. такихъ, безъ которыхъ невозможно спокойное существованіе „общества“.

стилъ пробѣлы, граничащіе съ извращеніемъ", и прибавляетъ при этомъ поучительно, что „извращеніе не оправдывается никакою краткостью и бѣглостью". Мое извращеніе идей г. Михайловскаго, по мнѣнію послѣдняго, состоитъ въ томъ, что я стараюсь выставить его человѣкомъ, не признающимъ существованія причинной связи въ явленіяхъ общественной жизни, другими словами, не признающимъ ихъ законосообразности. Упрекъ г. Михайловскаго совершенно несправедливъ, въ чемъ, я надѣюсь, всякаго непредубѣжденнаго читателя убѣдитъ слѣдующее мѣсто изъ моей книги. Процитировавъ нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій г. Михайловскаго, я замѣчаю: „по этому взгляду историческій процессъ *„законосообразенъ"*, но въ то же время не существуетъ *непреодолимыхъ* историческихъ тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить, съ одной стороны, исходнымъ пунктомъ, а съ другой—обязательными границами для цѣлесообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ" (стр. 10—11 „Критич. Зам.").

Неужели г. Михайловскій имѣлъ право, взводя на меня обвиненіе въ допущеніи пробѣловъ, граничащихъ съ извращеніемъ, игнорировать столь ясныя слова, какъ: „по этому взгляду историческій процессъ законосообразенъ". Когда я писалъ эти слова, я имѣлъ въ виду именно тѣ заявленія г. Михайловскаго, которыя онъ цитируетъ для моего обличенія. Г. Михайловскій могъ бы меня упрекнуть въ томъ, что я недостаточно или совсѣмъ не объяснилъ одновременной наличности въ его соціологической теоріи, съ одной стороны, признанія законосообразности общественныхъ явленій, съ другой стороны, отрицанія соціологической необходимости для личности. Но это былъ бы уже другой упрекъ, существенно отличный и по своему содержанію, и по своему моральному значенію отъ упрека, сдѣланнаго г. Михайловскимъ. На первый упрекъ я бы отвѣтилъ словами поэта:

Aber was nicht zu begreifen
Wüsst'ich auch nicht zu erklären;
Helfet alle mich belehren!

На второй—я скажу: извращеніе путемъ умолчанія совершено самимъ г. Михайловскимъ.

Весьма обрадовали г. Михайловскаго (и нѣкоторыхъ другихъ) мои слова, что чисто философское обоснованіе экономическаго матеріализма еще не дано; онъ даже привѣтствуетъ сказавшуюся *въ этихъ* словахъ „добросовѣстность и скромность", но—увы!—

тутъ повторилась „alte Geschichte doch bleibt sie ewig neu“: злоупотребленіе чужой скромностью. Мое замѣчаніе о философской необоснованности экономическаго матеріализма въ связи со всѣмъ моимъ изложеніемъ имѣло тотъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, что чисто философская точка зрѣнія основателей экономическаго матеріализма, т.-е. ихъ *теорія познанія* осталась невыясненной [1]).

Это отнюдь не мѣшаетъ экономическому матеріализму быть и строго научной теоріей, и плодотворнѣйшимъ „эвристическимъ“ принципомъ. Какъ эвристическій принципъ, указывающій, куда преимущественно слѣдуетъ направлять изслѣдователю общественныхъ явленій свое вниманіе, какъ Аріаднина нить, экономическій матеріализмъ обѣщаетъ произвести полный переворотъ въ наукѣ.

Тѣхъ, кто, какъ г. Михайловскій, ехидно указываютъ, что, „справедливо признавая теорію экономическаго матеріализма философски необоснованной и фактически непровѣренной“, я тѣмъ не менѣе на ней строю „всѣ свои выводы вплоть до призыва на выучку

---

[1]) Пока экономическое пониманіе исторіи не будетъ обосновано на принципахъ критической философіи—какъ частный случай того матеріализма явленій („Materialismus der Erscheinung“—выраженіе Фр. Альб. Ланге), который является единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ для всякой науки,—до тѣхъ поръ я не могу считать экономическій матеріализмъ философски вполнѣ обоснованнымъ.

Г. Михайловскій думаетъ, что я напрасно пытаюсь опереться на критическую философію. Онъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что именно съ помощью критической философіи можетъ быть окончательно показано, на какихъ грубыхъ недоразумѣніяхъ основанъ пресловутый субъективный методъ, принадлежащій къ категоріи западно-европейскихъ „старыхъ шляпокъ“ самаго сомнительнаго достоинства.

До меня никто изъ марксистовъ не обращался къ критической философіи: наоборотъ, марксисты обнаруживали по отношенію къ этой философіи не только полное равнодушіе, но даже скептицизмъ, на мой взглядъ недостаточно мотивированный (см., напр., статью Бернштейна о Фр. Альб. Ланге въ Neue Zeit. X. 2).

Дополненіе 1900 г. Высказываясь такъ въ 1895 г., я не зналъ, что являюсь піонеромъ цѣлаго новаго направленія въ критической разработкѣ историко-философскихъ воззрѣній Маркса. Направленіе это характеризуется стремленіемъ сочетать идеи новѣйшей критической философіи съ жизнеспособными основными теоретическими и практическими идеями Маркса. Съ 1895 г. создалась цѣлая литература въ этомъ духѣ. Первое мѣсто въ ней безспорно принадлежитъ—если не причислять сюда извѣстныхъ трудовъ Штаммлера и Зомбарта—небольшимъ, но содержательнымъ и глубокимъ вещамъ *Конрада Шмидта*.

капитализму", мы спросимъ: какая теорія общественнаго развитія болѣе обоснована научно и философски, чѣмъ экономическій матеріализмъ? Всѣ мои взгляды по отдѣльнымъ вопросамъ, затронутымъ въ моей книжкѣ дѣйствительно могутъ быть сведены къ основной концепціи экономическаго матеріализма, но для тѣхъ, кто не признаетъ его основныхъ положеній, все-таки, думается мнѣ, совершенно непозволительно съ торжествомъ отдѣлываться отъ моихъ выводовъ простымъ указаніемъ, что они опираются на теорію, „философски необоснованную". *Экономическая* эволюція во всякомъ случаѣ превосходно объясняется соціологическимъ ученіемъ Маркса, и потому освѣщеніе вопроса объ экономическомъ развитіи Россіи, съ точки зрѣнія этого ученія, конечно, гораздо болѣе научно, чѣмъ попытка выяснить тотъ же вопросъ при помощи теорій, опирающихся на пресловутую „роль личности" въ исторіи. Допустимъ, что всей человѣческой исторіи нельзя объяснить развитіемъ производительныхъ силъ и борьбою классовъ, но неужели геніальная соціологическая теорія Маркса менѣе пригодна для выясненія условій нашего хозяйственнаго развитія, чѣмъ соціологическія идеи гг. Михайловскаго и Южакова? Или г. Михайловскій полагаетъ, что въ трудахъ проф. Карѣева дано „философское обоснованіе" самобытной соціологіи?

Въ своей книжкѣ я, между прочимъ, старался разсѣять туманъ, напускаемый самобытными соціологами при помощи слова „личность" („Критическія Замѣтки", стр. 13, 31, 62). Но — увы!—повидимому, самыя ясныя вещи при нѣкоторыхъ условіяхъ не всегда и не всѣмъ возможно втолковать. Оказывается, что я обнаруживаю „презрѣніе" къ личности. Такъ, совершенно такъ обвиняли и обвиняютъ въ презрѣніи къ человѣческому духу всѣхъ не признающихъ независимости психической жизни отъ матеріальныхъ условій, въ разрушеніи нравственности, въ отрицаніи моральной отвѣтственности и т. д.—всѣхъ отвергающихъ свободу воли. Но нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ безцеремонно замалчивать, что въ одномъ случаѣ подъ личностью разумѣется одно, въ другомъ—другое. А между тѣмъ на этомъ пріемѣ строятся самыя побѣдоносныя противоположенія. „Вы помните,—спрашиваетъ г. Михайловскій своихъ читателей („Русск. Бог." 1895 г. № 1-й),—назойливость, съ которою г. Струве твердилъ, что „экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину", и что „соціологія можетъ игнорировать *личность*". Во избѣжаніе недоразумѣній, онъ это „повторялъ", онъ

„настаивалъ“ на этомъ. Г. Бельтовъ возражая, правда, не г. Струве, иронически спрашиваетъ: „что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей. Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства“ (222). И далѣе уже не въ бровь, а прямо въ глазъ: „матеріалисты-діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической“.

Г. Михайловскій сильно ошибается, если полагаетъ, что въ данномъ случаѣ есть какое-либо разногласіе между г. Бельтовымъ и мной. Самъ же г. Михайловскій (въ № 10 „Русскаго Богатства“ за 1894 г.) цитировалъ мои слова со стр. 55 „Критическихъ Замѣтокъ“: „въ томъ указаніи, что люди сознательно преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, что въ силу этого они не могутъ на практикѣ смотрѣть на себя иначе, какъ на дѣятелей прогресса; что такимъ образомъ извѣстная доктрина: Laisser faire, laisser passer, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собой никакой теоретической почвы,—во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго“. Г. Бельтовъ, я увѣренъ, не раздѣляетъ теоріи г. Карѣева о „роли личности въ исторіи“,—теоріи, по которой принципомъ личности является „самоопредѣляемость, т.-е. самобытность, какъ выработка идей дѣятельностью собственной мысли и самостоятельность, какъ стремленіе къ достиженію личныхъ (не въ смыслѣ эгоистическихъ, а въ смыслѣ самостоятельно поставленныхъ) цѣлей; личность, пассивно воспринимающая идеи изъ окружающей культуры, личность, пассивно повинующаяся требованіямъ данной соціальной организаціи, есть произведеніе надъ-органической среды, а она опредѣляется извнѣ; она не самобытная личность, а какъ бы клѣточка соціальной организаціи“. (Н. Карѣевъ. „Сущность историческаго процесса“, 613 — 614). А если г. Бельтовъ не раздѣляетъ теоріи „самобытныхъ и самоопредѣляемыхъ личностей“, то почему г. Михайловскій противополагаетъ взглядъ г. Бельтова на личность—моему? Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма „самобытныя“ и „несамобытныя“ личности, такъ сказать, одного и того же происхожденія; онъ и тутъ не признаетъ различія между „бѣлой“ и „черной“ костью. Съ этой точки зрѣнія различіе въ роли личностей не есть нѣчто первичное, чѣмъ можно было бы объяснять историческій процессъ. Разъ самъ „само-

бытныя личности", подлежатъ объясненію, указаніе на ихъ роль ничего не объясняетъ. Отрицать роль личности въ исторіи въ только что указанномъ смыслѣ не значитъ вовсе ни презирать личность, ни обрекать ее на пассивность.

Г. Михайловскій благоразумно воздержался отъ пространныхъ разсужденій о моемъ презрѣніи къ личности, но все-таки онъ ввелъ въ соблазнъ одного изъ малыхъ сихъ, наговорившаго совершенно невѣроятныя вещи на эту тему. Я имѣю въ виду брошюру г. Гофштеттера: „Доктринеры капитализма" (Спб. 1895 г.). Тутъ есть все до разглагольствованій о свободѣ воли включительно, нѣтъ только ни логики, ни здраваго смысла. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ. „Если соціальный законъ слагается изъ желаній, то, слѣдовательно, желанія становятся закономъ" (Вотъ такъ силлогизмъ! Ich rate Euch drim zuerst collegium logicum!). „Прямымъ выводомъ изъ отрицанія роли личности въ исторіи и соціологическаго фатализма марксистовъ является полная пассивность, упованіе на волю непреоборимыхъ законовъ соціальнаго развитія и дряблый гражданскій индиферентизмъ" (10). Воля законовъ! Вѣдь, вы сами, г. Гофштеттеръ, сказали выше, что „всякій законъ.... только констатируетъ порядокъ.... явленій" (9). Откуда же у закона воля! Точно такъ же вы сами вѣрно замѣтили, что „смѣшно противо (по) ставлять эти (т.-е. научные) законы свободной волѣ человѣчества" (человѣка?) (9). Зачѣмъ же вы на слѣдующей страницѣ въ серьезъ дѣлаете смѣшное и себя посмѣшищемъ?! „Прямымъ выводомъ.... является.... дряблый гражданскій индиферентизмъ". Образчикъ своихъ прямыхъ выводовъ г. Гофштеттеръ далъ намъ уже выше, и мы поневолѣ относимся скептически къ его „непреоборимой" логикѣ. Въ отвѣтъ на его „прямой выводъ" скажемъ, что эта логика сочетается съ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ ученія Маркса, то г. Гофштеттеру лучше было бы о гражданскомъ индиферентизмѣ... помолчать. Онъ самъ дѣйствительно не индиферентенъ (стр. 27) къ такого рода союзамъ, къ которымъ мы болѣе чѣмъ индиферентны. И о гражданскомъ индиферентизмѣ марксистовъ смѣетъ говорить господинъ, который жалѣетъ о растратѣ силъ русской интеллигенціи „въ безплодной погонѣ за иными *неэкономическими* (курсивъ г. Г.) идеалами" (19). Съ какихъ поръ, спросимъ мы г. Гофштеттера, индиферентизмъ къ т. н. „неэкономическимъ" идеаламъ считается гражданскимъ мужествомъ? Великое общественное *значеніе* экономическаго матеріализма, между прочимъ, заклю-

чается и въ томъ, что онъ устраняетъ самое нелѣпое раздѣленіе „экономическаго“ и „неэкономическаго“ [1]). На практикѣ это приводить къ тому, что представителей экономическаго матеріализма ни на какой экономической мякинѣ провести нельзя. Народники же, какъ показываетъ примѣръ г. Гофштеттера, до сихъ поръ, несмотря на обильный и печальный опытъ, еще не всѣ проникли въ тайну экономической мякины. Не мѣшало бы также г. Гофштеттеру просто поучиться. А то вѣдь не оберешься курьезовъ. Вотъ, напр., еще одинъ изъ многихъ. Указаніе автора „Критическихъ Замѣтокъ“, что „при созданіи продуктовъ соціальнаго творчества западно-европейскаго трудящагося населенія сознаніе и активность присутствовали въ гораздо большей степени, чѣмъ при созданіи и разложеніи самой общины“ („Кр. Зам.“ 163), по мнѣнію г. Гофштеттера (10), противорѣчитъ теоріи экономическаго матеріализма. Г. Гофштеттеръ, думаетъ, повидимому, что всякая активность и сознательность можетъ быть признаваема и объясняема только съ точки зрѣнія „роли личности въ исторіи“. Онъ не знаетъ или не понимаетъ, что переходъ капитализма въ новую экономическую формацію *съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма* немыслимъ, безъ возрастающей сознательности и активности заинтересованнаго класса, и что самая эта доктрина составляетъ существенное содержаніе *сознанія* западно-европейскаго трудящагося населенія. Словомъ, г. Гофштеттеръ или не знаетъ того ученія, о которомъ говоритъ, или же его собственное сознаніе совершенно „непреоборимо“ для логики. Этотъ глубокомысленный „штатсъ-народникъ“ далъ дальнѣйшее развитіе и... законченную форму нѣкоторымъ намекамъ г. Михайловскаго. „Что касается русскаго капитализма“, писалъ послѣдній, „какъ соціальной группы, то онъ, можетъ быть, и признаетъ г. Струве своимъ стремленіемъ и выраженіемъ. Часть этой группы въ отвѣтъ на призывъ на выучку къ капитализму, по своему патріархальному невѣжеству, скажетъ, пожалуй: не надо намъ тебя, еще грѣха съ тобой наживешь! Но другая часть будетъ рада взять къ себѣ на выучку способныхъ людей, хотя бы и съ камнемъ за пазухой. Камень этотъ состоитъ въ томъ, что капитализмъ есть историческая категорія, которая уступитъ съ теченіемъ времени мѣсто иному строю. Но вѣдь улита

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что отмѣченныя глубоко реакціонныя ноты не составляютъ оригинальнаго достоянія г. Гофштеттера: онѣ цѣликомъ взяты изъ музыки г. В. В. (кромѣ предисловія къ „Судьбамъ капитализма“, см. „Наши направленія“, стр. 81, 108, 143).

ѣдетъ, когда-то будетъ! Когда-то еще она доползетъ до послѣдняго термина гегелевской тріады, да и такъ ли оно вообще будетъ, а пока погрѣть руки можно". („Р. Б.", № 10, 1894). Г. Гофштеттеръ эту ловкую инсинуацію высказалъ въ болѣе грубой формѣ. Типичнымъ образчикомъ „... прислужничества интеллигенціи капитализму служитъ вся книга г. Струве" (25). Еще до гг. Михайловскаго и Гофштеттера это обвиненіе было брошено въ лицо тогда анонимныхъ еще марксистовъ въ книгѣ г. В. В. „Наши направленія", и имъ же повторено по моему личному адресу въ статьяхъ „Нѣмецкій соціалъ-демократизмъ и русскій буржуаизмъ" („Недѣля", №№ 47—49) и по адресу всѣхъ марксистовъ—въ книгѣ „Очерки теоретической экономіи". Оно опирается на цѣлую цѣпь недоразумѣній, которую разъ навсегда слѣдуетъ разрушить. Прежде однако, чѣмъ заняться этимъ дѣломъ, я обращусь къ совершенно одиноко стоящему критику—г. Головину изъ „Русскаго Вѣстника" (1894 г. № 12). Здѣсь передъ нами попытка столь основательнаго и столь глубокаго „непониманія" нѣкоторыхъ важнѣйшихъ положеній моей книги, что я вынужденъ прибѣгнуть къ сопоставленію en regard текста „благосклонной" рецензіи г. Головина и моего:

Г. Головинъ.

„Г. Струве, довольно-таки явно передѣлываетъ по своему основную идею книги Маркса „Das Kapital", утверждая, что главная ея задача—разъясненіе великой культурной роли капитализма. Плодотворную мощь капитала, какъ создателя добавочной цѣнности, Марксъ, конечно, признаетъ, но за это именно онъ его и клеймитъ, такъ какъ вся его книга не что иное, какъ обвинительный актъ противъ этого самаго капитала, какъ тенденціозное изобличеніе его въ систематическомъ ограбленіи рабочихъ" (стр. 325).

Струве.

„Капиталъ" Маркса, представляя въ теоретическомъ отношеніи дальнѣйшее развитіе и углубленіе положеній Рикардо, въ одно и то же время является и широкой исторической картиной и соціально-политическимъ обличеніемъ капиталистическаго строя" (стр. 123).

„Марксу принадлежитъ извѣстное противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія — прогресса въ области производства и прогресса въ области распредѣленія. Марксъ видѣлъ въ несоотвѣтствіи между способами производства и организаціей распредѣленія одно изъ тѣхъ противорѣчій капиталистическаго строя, отъ которыхъ ему суждено погибнуть" (стр. 129—130).—„Противопоставленіе экономическаго прогресса современности ея соціальнымъ не-

„Не болѣе заслуживаетъ восхваленія и другая мнимая заслуга Маркса,—установленная имъ зависимость распредѣленія отъ данной формы производства. Г. Струве и за это восхваляетъ своего учителя, усматривая существенный моментъ народнаго хозяйства лишь въ производствѣ, возможно большая интенсивность котораго и составляетъ будто бы главную цѣль промышленнаго развитія страны. Распредѣленіе здѣсь является уже второстепеннымъ актомъ, безусловно зависящимъ отъ данной формы производства. Здѣсь Марксъ опять очень ловко перепуталъ карты съ очевидною цѣлью показать, что при капиталистическомъ производствѣ о справедливомъ распредѣленіи и рѣчи быть не можетъ, потому что каждое новое усиленіе продуктивности труда идетъ на пользу капиталиста и въ ущербъ рабочимъ. Неужели однако г. Струве не догадывается, что такая постановка вопроса нужна была Марксу въ виду агитаторскихъ цѣлей, и что въ безнадежномъ положеніи рабочихъ, какое онъ рисуетъ, нѣмецкій публицистъ видѣлъ лишь стимулъ къ революціонной пропагандѣ? Если бы для Маркса распредѣленіе, въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ-то безразличнымъ, ему не зачѣмъ было бы и писать свою книгу. Онъ могъ бы ограничиться простымъ восхваленіемъ благотворной роли капитала, какъ дѣлали это Сэ и Бастіа. Г. устройствамъ имѣетъ, конечно, свои глубокія основанія. Это противопоставленіе составляетъ безсмертную заслугу всей критики капиталистическаго строя и возникшихъ на его почвѣ ученій, критики, вершиной которой является знаменитый трактатъ о капиталѣ“ (стр. 134).

—„Извѣстная доктрина „Laissez faire, laissez passer“, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собой никакой теоретической почвы“ (стр. 55).

—„Подобно тому, какъ взгляду на органическое развитіе права была противопоставлена идея борьбы за право (Ihering), такъ ученію объ естественномъ и органическомъ ростѣ соціальнаго прогресса можетъ и должно быть противопоставлено ученіе о борьбѣ за соціальный прогрессъ. „Техническое развитіе способовъ производства,—говоритъ Бернштейнъ,—есть необходимый потенціальный факторъ (соціальнаго прогресса), но не исключительный, не такой факторъ, который дѣйствовалъ бы самопроизвольно, механически“ (стр. 137).

—„Тамъ, гдѣ капитализмъ достигъ своего апогея, со стороны рабочихъ замѣчается совершенно явственная практическая тенденція къ урегулированію производства. Таковы стремленія рабочихъ въ англійской каменноугольной промышленности [ср. Auerbach. Die Ordnung des Arbeitsverhältnisses in d. Kohlengruben von Northumberland u. Durham (Schriften d. Vereines für Sozialpolitik. XLV Arbeitseinstellungen u. Fortbildung d. Arbeitsvertrages)]. Со стороны предпринимателей та же самая тенденція выражается въ картеллированіи предпріятій. Путемъ картеллей совершается, по остроумному замѣчанію Шенланка (ср. его статью

Струве какъ будто не замѣчаетъ, что самъ онъ идетъ прямо по стопамъ этихъ экономистовъ, заботясь исключительно объ усиленіи производства и выказывая полное равнодушіе къ судьбѣ производителей. Съ его утилитарно-матеріалистической точки зрѣнія, личность является почти ничѣмъ, une „quantité negligeable", и вся суть заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше производилось товару. Г. Струве, такимъ образомъ, очень близко сходится съ такъ называемой Манчестерской школой, и его ученіе о роковомъ характерѣ экономической эволюціи, какъ нельзя болѣе похоже на знаменитый принципъ „Laissez faire". Со стороны ученика Маркса это нѣсколько странно" (стр. 326—327).

Der britische Kohlentrust. Sozialpolitisches Centralblatt, III, № 2), конверсія капитализма въ новую экономическую форму. О томъ, чтобы эта конверсія имѣла не только экономическій, но и соціальный смыслъ, долженъ позаботиться заинтересованный классъ.

Такъ съ разныхъ сторонъ подготовляется крушеніе принципа свободной конкуренціи. Но это явленіе возможно только какъ результатъ опредѣленной эволюціи самого производства, и поэтому, повторяемъ, Шульце-Геверницъ правъ, что дальнѣйшій соціальный прогрессъ мыслимъ только на почвѣ капитализма и не мирится съ устарѣлыми народно-хозяйственными формами. Значеніе производственнаго прогресса для соціальнаго огромно и врядъ ли можетъ быть преувеличено, если только помнить, что первый есть необходимое, но недостаточное условіе послѣдняго" (стр. 145—146).

„Гентонъ, указывая на то, что капитализмъ, обобществляя производство, можетъ a la longue существовать и имѣетъ смыслъ только при условіи широкаго потребленія народныхъ массъ, этимъ самымъ невольно признаетъ экономическую важность распредѣленія.

И, на самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ соображеній приводитъ къ выводу, что реформы въ области распредѣленія, если только онѣ находятся „въ неразрывной связи съ процессомъ производства" являются и справедливыми и, что́ еще болѣе важно, „экономичными" (стр. 155).

Сдѣланныя сопоставленія въ достаточной мѣрѣ, въ какой мѣрѣ характеристика моихъ воззрѣній, сдѣланная г. Головинымъ, соотвѣтствуетъ тому, что́ я дѣйствительно писалъ. Характерно, что и г. Головинъ, приписывая мнѣ самую пошлую буржуазную точку зрѣнія: „чтобы какъ можно больше производилось товару", и при-

верженность къ теоріи „Laissez faire, laissez passer“, повторяетъ народническое указаніе на презрѣніе къ личности и на роковой характеръ экономической эволюціи.

Повидимому, гг. народники и г. Головинъ одинаково не понимаютъ, что можно не быть ни ноющимъ народникомъ, ни пошлымъ буржуа. Между тѣмъ, какъ разъ Марксъ и его послѣдователи представляютъ нѣкоторый третій типъ, идущій своимъ, совершенно особымъ, путемъ. Поэтому, русскіе послѣдователи Маркса одинаково выступаютъ и противъ экономическаго романтизма, и противъ утопизма, мечтающаго о преобразованіи общественно-экономическаго порядка безъ содѣйствія заинтересованныхъ общественныхъ силъ и даже при содѣйствіи силъ съ явно противоположными интересами, и, наконецъ, противъ всякихъ буржуазныхъ поползновеній, откровенныхъ и замаскированныхъ. Я въ своей книжкѣ направилъ критику исключительно на экономическій романтизмъ и утопизмъ, но, думается, достаточно ясно оттѣнилъ свое отношеніе къ капитализму въ главѣ „Прогрессъ экономическій и прогрессъ соціальный“. Г. Головинъ отыскалъ въ моей книжкѣ какую-то положительную часть, съ которой онъ вполнѣ согласенъ, „не задавая себѣ даже вопроса, каковы его (т.-е. мои) мечты насчетъ далекаго будущаго“. „Когда можно идти съ кѣмъ-либо рука объ руку по одной дорогѣ, не зачѣмъ останавливаться въ виду того, что спутнику, быть можетъ, предстоитъ гораздо болѣе продолжительное путешествіе“, поясняетъ съ добродушной наивностью критикъ „Русскаго Вѣстника“. Но никакой положительной части, во вкусѣ г. Головина, т.-е. въ смыслѣ прожектовъ „преобразованія нашего экономическаго строя“, въ моей книжкѣ нѣтъ. Въ отрицательномъ отношеніи къ нѣкоторымъ пунктамъ народнической программы мы сходимся съ г. Головинымъ, но такое же согласіе существуетъ въ Германіи по отношенію, напримѣръ, къ цехамъ между либералами и соціалъ-демократами, въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ сторонъ капитализма между реакціонерами и соціалъ-демократами, въ оцѣнкѣ соціалъ-демократическихъ требованій между либералами и реакціонерами; но изъ этого еще никто въ здравомъ умѣ и твердой памяти не думалъ выводить, что всѣ эти фракціи „идутъ по одному пути“, въ смыслѣ г. Головина. Тутъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь имѣетъ силу принципъ: „si duo dicunt idem, non est idem. Независимо отъ „мечтаній насчетъ далекаго будущаго“, есть множество вопросовъ настоящаго, которые всѣ сводятся къ одному общему: интересы какого общественнаго класса выражаетъ данное соціально-

политическое міровоззрѣніе? И отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ единственный прочный критерій для классификаціи направленій. Шествіе по историческому пути, къ счастью или къ несчастью, не есть увеселительная прогулка. Тутъ и отдѣльные люди, и цѣлыя общественныя группы постоянно толкаютъ другъ друга и ведутъ непрерывную борьбу за свои интересы. Шествующіе идутъ по одному пути, но это вовсе не значитъ, что они представители одинаковыхъ интересовъ и общихъ задачъ.

Наши оппоненты, стремящіеся уличить насъ въ стремленіи прислуживаться къ буржуазіи, насаждать капитализмъ и обезземеливать крестьянъ, совершенно не понимаютъ теоретической позиціи, занимаемой нами, и воистину зря тратятъ заряды. Г. Михайловскій самъ давно безповоротно осудилъ всѣхъ тѣхъ, кто теперь старается (и, между прочимъ, значитъ и самого себя) выставить „учениковъ“ прислужниками капитализма. „Надо доподлинно знать, что историческій процессъ дѣйствительно неизбѣжно таковъ, какимъ его рисуетъ Марксъ“,—и тогда „столкновеніе нравственнаго чувства съ исторической необходимостью должно разрѣшиться въ пользу необходимости“ (Соч., т. 2-й, стр. 340).

Столкновеніе, указываемое г. Михайловскимъ, дѣйствительно устранено тѣми, или, точнѣе, оно никогда не существовало для тѣхъ, кто, взявъ себѣ въ руководство матеріалистическую теорію Маркса. не побоялись смѣло взглянуть въ глаза дѣйствительности. Въ ней они констатировали условія, необходимыя для развитія капитализма. Не *всякій* историческій процессъ неизбѣжно таковъ, какимъ его рисуетъ Марксъ, но *хозяйственныя условія Россіи XIX вѣка* представляютъ картину развивающагося капитализма, и нѣтъ такихъ общественныхъ силъ, которыя могли бы остановить его развитіе (не говоря уже о томъ, что послѣднее несетъ съ собою далеко не одно зло). Отсюда прямая обязанность — не просто поддаваться импульсамъ нравственнаго чувства, а сознательно сдѣлать послѣднее факторомъ исторической необходимости. Съ нашей точки зрѣнія ясно, какимъ путемъ простое, и по большей части, пустопорожнее „моральное негодованіе“ можетъ быть превращено въ дѣйственную историческую силу. Оно должно быть пріурочено къ интересамъ того общественнаго класса, которому, по условіямъ развитія производительныхъ силъ („объективному ходу матеріальнаго процесса“—„Крит. Замѣтки“, стр. 283), суждено быть носителемъ общественнаго прогресса и высшихъ *нравственныхъ* идеаловъ.

Моихъ оппонентовъ съ г. Михайловскимъ во главѣ очень возмутили заключительныя слова критическихъ замѣтокъ: „признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“. „Я слишкомъ чту“, говоритъ г. Михайловскій („Русское Богатство“ за 1894 г. № 10), „другія, не философскія заслуги основателей экономическаго матеріализма, чтобы дольше держать ихъ рядомъ съ г. Струве. Заслуги послѣдняго пока довольно скромны, и начинаетъ онъ свою научно-публицистическую карьеру при условіяхъ, рѣзко отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ возникъ и окрѣпъ экономическій матеріализмъ на своей родинѣ. Поэтому-то онъ и говоритъ: „пойдемъ на выучку къ капитализму“, чего никогда не говорили, не говорятъ и не могутъ говорить его учителя. Оставимъ же учителей и остановимся на ученикѣ, хотя намъ придется при этомъ приводить, между прочимъ, и слова учителей, ученикомъ повторяемыя“. Объ условіяхъ, при которыхъ я начинаю, а г. Михайловскій продолжаетъ свою публицистическую карьеру, я не могу говорить съ должной обстоятельностью и ясностью. Странно только, почему г. Михайловскій безъ всякой надобности затронулъ столь невеселую матерію? Но истолковывать смыслъ своихъ словъ я буду по мѣрѣ силъ и возможности, и тутъ я долженъ съ полной опредѣленностью заявить, что инкриминируемыя слова: „пойдемъ на выучку къ капитализму“ вполнѣ соотвѣтствуютъ моему убѣжденію. Все дѣло въ смыслѣ. А смыслъ „страшныхъ словъ“ таковъ. Во-первыхъ, русское общество въ его цѣломъ потому нуждается въ капиталистической выучкѣ, что только эта выучка, развивая производительныя силы страны, создаетъ и будетъ создавать условія культурнаго прогресса и предпосылки новой болѣе высокой экономической формаціи. Во-вторыхъ, только капиталистическая выучка можетъ взростить классовое самосознаніе — этотъ могущественный рычагъ общественнаго развитія. Въ-третьихъ, только капиталистическая выучка внесетъ во взаимныя отношенія общественныхъ классовъ полную ясность, которая сдѣлаетъ совершенно невозможной путаницу понятій о роли интеллигенціи и государства въ экономическомъ процессѣ, до самаго послѣдняго времени, можно сказать, безраздѣльно господствовавшую у насъ. Капиталистическая выучка уничтожитъ тотъ фантомъ всесильной неклассовой интеллигенціи, который до сихъ поръ есть главный устой вѣры въ самобытное экономическое развитіе. Фантомъ этотъ, конечно, объясняется реальнымъ и весьма вѣскимъ фактомъ существованія задачъ, общихъ различнымъ общественнымъ

классамъ. Но такой общей задачей не можетъ быть уничтоженіе капитализма, т.-е. экономическаго господства одного класса надъ другимъ. И возлагать на интеллигенцію подобную задачу значитъ впадать въ утопизмъ, не только безплодный, но и вредный.

И кто можетъ утверждать, что Марксъ не признавалъ значенія капиталистической выучки въ только что указанномъ смыслѣ? Въ знаменитомъ манифестѣ есть краснорѣчивыя страницы, рисующія культурно-воспитательное значеніе буржуазіи,—страницы, которыя еще недавно одинъ нѣмецкій ученый назвалъ диѳирамбическимъ прославленіемъ исторической миссіи капитализма (*Зомбартъ*: "Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx" въ „Braun's Archiv für soziale Gasctzgebung und Statistik". 1894, Heft 4, S. 588—589). Во всѣхъ трехъ томахъ „Капитала" достаточно аналогичныхъ мѣстъ. Значеніе же капитализма для развитія классоваго самосознанія — вѣдь это одна изъ основныхъ нотъ ученія Маркса. И не даромъ же эпиграфомъ своей заключительной главы я взялъ слова изъ предисловія къ „Капиталу": „Насъ мучаетъ не только развитіе капиталистическаго производства, но также недостаточное его развитіе". Этихъ словъ не могъ бы написать ноющій народникъ. Народники, наоборотъ, восторгались каждымъ доказательствомъ недостаточнаго развитія капитализма въ Россіи, забывая, что не отсутствіе противодѣйствующихъ силъ, а наличность силъ, дѣйствующихъ въ опредѣленномъ направленіи, создаетъ движеніе впередъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ сказалъ я: „пойдемъ на выучку капитализма". Это значитъ: станемъ сознательно на почву данныхъ капиталистическихъ отношеній съ ихъ классовыми противорѣчіями. Это вовсе не значитъ — для меня, по крайней мѣрѣ — „будемъ служить буржуазіи", ибо капиталистическія отношенія подразумѣваютъ не одну буржуазію, но и ея антипода, вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ нуждающагося въ капиталистической выучкѣ.

Народникъ разсуждаетъ такъ (типическій образчикъ подобнаго разсужденія представляетъ статья г. Михайловскаго о моей книжкѣ): русскій крестьянинъ хочетъ экономической самостоятельности, и я, представитель его интересовъ, требую для всѣхъ и каждаго изъ русскихъ крестьянъ такой самостоятельности. „Народный" идеалъ становится моимъ идеаломъ. Между тѣмъ марксистъ, испорченный западно-европейской наукой, ищущій понять совершающійся экономическій процессъ, сличаетъ идеалъ съ дѣйствительностью. Сличеніе показываетъ, что въ дѣйствительности есть условія,

Общ. Коперникъ
№
Научная библиотека

искажающія идеалъ настолько, что онъ становится совершенно непріемлемымъ. Условія эти могутъ быть формулированы въ трехъ словахъ: господство товарно-хозяйственныхъ отношеній. При этихъ условіяхъ, въ то время какъ Сидоръ достигаетъ экономической самостоятельности, и даже экономической силы, Петръ теряетъ ее—и это результатъ не какихъ-либо злоумышленій, и даже не дурной политики, а закономѣрнаго развитія данной экономической формаціи, необходимо развивающей въ себѣ классовыя противорѣчія. Русскій мужикъ никогда, даже въ эпоху блаженной памяти крѣпостного права или „народнаго производства", не былъ на одно лицо, а теперь ужъ такъ явственно раскололся, что всякій народолюбецъ обязанъ уяснить себѣ, кого, Петра или Сидора, зазащищаетъ онъ, и кому изъ нихъ пойдутъ на пользу проектируемыя имъ реформы. Вѣдь съ нашей точки зрѣнія почти всѣ эти реформы (очень многія изъ нихъ безусловно необходимы) приведутъ Россію къ пышному расцвѣту капитализма даже гораздо болѣе вѣрнымъ и прочнымъ путемъ, чѣмъ вывозныя преміи и высокій таможенный тарифъ. Этого большинство народниковъ и народничествующихъ либераловъ до сихъ поръ не понимаетъ; поэтому-то они недовольны скептическимъ отношеніемъ къ народническимъ реформамъ г. Николая—она, который, очень твердо зная, что товарное производство въ своемъ развитіи неизбѣжно родитъ капитализмъ, утѣшается только тѣмъ, что русскій капитализмъ—дитя якобы мертворожденное, и что вмѣсто него мы увидимъ „обобществленный" трудъ, появленіе котораго объясняется довѣрчивымъ россіянамъ приблизительно такъ же, какъ обыкновенно родители и няньки объясняютъ дѣтямъ появленіе на свѣтъ новаго братца или сестрицы.

Посмотримъ еще съ другой стороны на народническій идеалъ. Во мнѣ, напримѣръ, мужикъ, у котораго всего вдосталь, сейчасъ же порождаетъ представленіе о томъ, что для капитализма такой мужикъ—лафа, какъ объ этомъ въ свое время докладывалъ россійскимъ капиталистамъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" г. В. В., тотъ самый, который... „доказалъ" невозможность развитія капитализма въ Россіи [1]). Г. Михайловскій, повидимому, можетъ

[1]) Г. В. В. въ 1894 году не понимаетъ того, что онъ говорилъ въ 1883 г. („Недѣля", 1894 г. № 48). Въ своей книжкѣ (стр. 252—253) я указалъ, что еще въ 1883 г. В. В. самъ sans le vouloir et le savoir далъ формулу капиталистическаго развитія Россіи, вполнѣ устраняющую мнимыя препятствія, созданныя его же собственнымъ воображеніемъ.

183897

удовольствоваться тѣмъ, что выставивъ идеалъ, удостовѣритъ его совпаденіе съ завѣтными стремленіями русскаго мужика къ экономической самостоятельности. Но я, къ сожалѣнію, экономистъ и потому не въ силахъ отбиться отъ вопроса, что́ изъ сего идеала „по соображеніи“ съ условіями дѣйствительности выйдетъ. И вотъ именно изслѣдованіе этого вопроса и портитъ мнѣ все удовольствіе. Получается гармонія, но только не та, о которой столько лѣтъ твердили народники, а совсѣмъ другая: гармонія экономической самостоятельности съ развитіемъ капитализма.

Игнорируя существованіе и развитіе классовыхъ противорѣчій, практическія предложенія народниковъ, поскольку они осуществимы, а не представляютъ простое фантазерство на тему объ „обратномъ ходѣ историческаго колеса“, носятъ явно мелко-буржуазный характеръ. Г. В. В. замѣчаетъ, что „не абстрактные принципы теоріи, а практическіе изъ нея выводы опредѣляютъ истинный характеръ какого-либо направленія общественной мысли, и что логическая работа мысли легко на почвѣ существующаго раздѣленія общества на противоположные, по своимъ интересамъ, классы, самыя широкія общечеловѣческія идеи обращаетъ въ узкія формулы, соотвѣтствующія интересамъ одного класса, заявляющаго претензію на активную общественную роль“ („Наши направленія“, стр. 122). Это разсужденіе, которымъ г. В. В. думаетъ поразить марксистовъ, обращается—увы!—всецѣло противъ народничества. Если относительно практическихъ предложеній народниковъ поставить вопросъ: чьи идеалы эти предложенія выражаютъ и кому они пойдутъ на пользу, то возможенъ только одинъ отвѣтъ: буржуазному слою крестьянства.

Какіе результаты дала крестьянская реформа, на специфически „народный“ характеръ которой не уставали указывать народники до г. Ник. —она включительно? Какіе результаты дала дѣятельность крестьянскаго банка? Какіе результаты можетъ дать мелкій кредитъ и содѣйствіе техническому прогрессу крестьянскаго хозяйства? На эти вопросы отвѣчаютъ намъ частью всѣмъ извѣстные факты, частью заявленія самихъ гг. народниковъ. Приведу одно весьма типичное заявленіе. „Факты какъ оффиціальной, такъ и земской статистики убѣдительно доказываютъ, что крестьянская масса не остается однородной, въ ней начался процессъ диффе-

---

Теперь г. В. В. не понимаетъ своей собственной формулы. Въ этой *бѣдѣ я безсиленъ ему помочь.*

ренціаціи, выпаденіе средины, соотвѣтствующей одно- и двулошаднымъ хозяйствамъ и распредѣленіе остальной массы по двумъ крайнимъ полюсамъ, безлошадія и беззеѣмелія—на одномъ, многолошадія и многоземелія—на другомъ. Приходя на помощь крестьянскому хозяйству, земскіе агрономы не должны забывать, что предъ ними не однородная масса, члены которой не въ одинаковой степени способны усвоять пропагандируемые ими улучшенные пріемы земледѣльческой техники. Совершающійся процессъ дифференцировки я не считаю роковымъ и допускаю возможность не только его остановить, но даже дать ему обратный ходъ, не только затормозить, но даже повернуть назадъ раскатившееся „колесо исторіи". Агрономія является такой силой, отъ метода приложенія которой зависитъ, будетъ ли она ускорять дифференціацію или дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Западно-европейскій опытъ да послужитъ для нея предостереженіемъ противъ увлеченія цвѣтущимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, безъ разбора, кому оно принадлежитъ".

„Пусть идея *равномѣрнаго распредѣленія* не забывается земскими агрономами, иначе наша наука явится факторомъ обездоленія народныхъ массъ".

„Пусть у русскихъ земскихъ агрономовъ надъ идеей о цвѣтущемъ сельскомъ хозяйствѣ господствуетъ идея *равномѣрнаго распредѣленія*, за хозяйствомъ не забывается хозяинъ, за желѣзными плугами, кормовой свеклой и беркширскими свиньями не забывается человѣкъ! Десятина клевера или человѣческая жизнь?—вотъ вопросъ. Въ Мекленбургѣ его рѣшили въ пользу десятины клевера: я не сомнѣваюсь, что мы всѣ его рѣшимъ въ пользу человѣческой жизни. Но многія дѣйствія наши непроизвольны: рѣшивъ про себя вопросъ въ пользу человѣка, нашей нрактическое дѣятельностью мы можемъ *непроизвольно* рѣшить его въ пользу десятины клевера".

„Поэтому дѣйствія агронома должны быть сознательны: онъ долженъ знать, кому онъ помогаетъ, кто усвоиваетъ пропагандируемые имъ пріемы улучшенной техники, насколько усвоиваетъ ихъ бѣдное, среднее и богатое крестьянство".

„Не безразлично по своимъ послѣдствіямъ, кому онъ приходитъ на помощь: если его пропаганда находитъ подготовленную почву только между богатыми крестьянами, то агрономъ не долженъ приходить въ восторгъ отъ своего успѣха, а долженъ, наоборотъ, задуматься, не способствовалъ ли онъ этимъ, невольно,

процессу дифференціаціи". (Статья *П. В.* Какимъ крестьянамъ долженъ помогать земскій агрономъ? въ журналѣ „Хозяинъ" 1894 г. № 21) [1]).

Вотъ вамъ, гг. народники, краснорѣчивый отвѣтъ изъ устъ одного изъ вашихъ на вопросъ: cui prodest? Стихійные результаты агрономическаго прогресса и вся совокупность экономическихъ условій, весь строй народнаго и государственнаго хозяйства—съ одной стороны, земскіе агрономы, одушевленные идеей равномѣрнаго распредѣленія—съ другой стороны. Исходъ этой борьбы несомнѣненъ для тѣхъ, кто не зараженъ вѣрою въ возможность повертыванія „колеса исторіи"... руками земскихъ агрономовъ. Ну, а для тѣхъ, кто не страдаетъ столь близорукимъ скептицизмомъ, открываются широчайшія перспективы. Помилуйте, что значатъ земскіе агрономы?! Вотъ, если идеей *равномѣрнаго распредѣленія* проникнутся и земскіе начальники съ ихъ сильной и близкой къ народу властью, то всѣ невѣрующіе въ народническія пророчества будутъ устыжены, ибо тогда несомнѣнно „колесу исторіи" будетъ мощными руками [2]) данъ обратный ходъ, и въ результатѣ наступитъ пошехонское раздолье (не описано ли оно уже въ „Пошехонскихъ разсказахъ"?).

Вернемся однако къ г. В. В. „Въ борьбѣ знающаго и потому сильнаго съ невѣжественнымъ и слѣдовательно слабымъ тотъ изъ знающихъ, кто не стоитъ за послѣдняго, дѣйствуетъ въ пользу перваго, такъ какъ добровольно устраняется отъ помощи, какую могъ бы оказать нуждающемуся въ его услугахъ собрату. Поэтому

---

[1]) На четвертомъ агрономическомъ съѣздѣ въ Вяткѣ г. Баскинымъ поднятъ былъ вопросъ о значеніи дѣятельности земскихъ агрономовъ. Г. Баскинъ подвергъ послѣднюю съ точки зрѣнія ея соціально-экономическихъ результатовъ самой строгой критикѣ. Земская агрономія дѣйствуетъ „въ сторону наименьшаго сопротивленія, независимо отъ какихъ бы то ни было предопредѣленныхъ руслъ" (См. корреспонденцію въ „Новомъ Времени" за 1894 г. № 6736).

[2]) Характерно, что есть голоса, совѣтующіе земскимъ агрономамъ бороться съ „дифференціаціей" именно этимъ путемъ. „Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ,—пишетъ нѣкто г. *Катаевъ* (ст. „Задачи экономической дѣятельности земскихъ агрономовъ" въ журн. Хозяинъ 1894 г. № 19),—администрація и земство стараются искусственно насадить общественныя запашки, дѣлая ихъ такъ или иначе обязательными для населенія. Нѣтъ повода возставать противъ подобной обязательности, такъ какъ это *можетъ быть лишь полезно* для крестьянства".

простое безмолвное признаніе соціологической законности господства капиталистическаго режима есть уже шагъ въ пользу послѣдняго. Но разсматриваемое направленіе (т.-е. русскій марксизмъ П. С.) не ограничивается такимъ безмолвнымъ признаніемъ, а главную свою дѣятельность проявляетъ пока въ проповѣди упомянутой законности переворота, т.-е. настраиваетъ общественное мнѣніе въ пользу грядущаго капиталистическаго режима, охлаждаетъ благожелательные порывы общества сдѣлать что-либо для поддержанія падающаго крестьянскаго хозяйства, подготовляетъ почву для экспропріаціи крестьянства въ пользу буржуазіи". („Наши направленія", стр. 120—121, ср. „Недѣля" 1894 г. № 49).

Эти разсужденія, откровенно говоря, поражаютъ своей несообразностью. Во-первыхъ, марксисты признаютъ соціологическую законность не „господства капиталистическаго режима", а его наступленія и наличности. Во-вторыхъ, какъ слѣдуетъ понимать, что признаніе неизбѣжности капитализма есть шагъ въ пользу послѣдняго? Неужели Марксъ и Энгельсъ, которые выступили на публицистическую арену въ то время, когда „героемъ" германской обработывающей промышленности былъ самостоятельный ремесленникъ, и число такихъ ремесленниковъ значительно превосходило число наемныхъ рабочихъ (подмастерьевъ, Gesellen), когда Германія вывозила, а не ввозила хлѣбъ, неужели и они, настаивая на неизбѣжности капитализма, „облегчали одному классу порабощеніе другого". Такъ слѣдуетъ по логикѣ г. В. В. Характерно, что народники, выступающіе съ цѣлой коллекціей экономическихъ реформъ, соціально-экономическія послѣдствія которыхъ лучшимъ изъ нихъ представляются иногда очень сомнительными съ точки зрѣнія сохраненія т. н. экономической самостоятельности всей народной массы и поддержанія „устоевъ", въ то же время безцеремонно упрекаютъ въ буржуазности тѣхъ, кто *никакихъ такихъ* реформъ отъ своего имени не предлагаетъ, а лишь констатируетъ общую тенденцію экономическаго развитія. Вѣдь марксисты самое большее, что „охлаждаютъ" только „благожелательные порывы" извѣстнымъ образомъ настроенныхъ интеллигентовъ къ участію въ скорѣйшемъ превращеніи части крестьянства въ несомнѣнную буржуазію (во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности въ чисто политическомъ, это превращеніе будетъ фактомъ безспорно прогрессивнымъ).

Народническіе идеалы, какъ они выражены у Злато-

вратскаго, чужды всякой буржуазности [1]). Это чистѣйшая идеологія натуральнаго хозяйства и первобытнаго равенства, идеологія, въ которой слышится громкая нота протеста противъ нарождающагося въ крестьянской средѣ буржуазнаго слоя. Златовратскій въ общемъ—идеологъ недифференцированнаго крестьянства, но поскольку онъ видитъ надвигающуюся на послѣднее дифференціацію, онъ представляетъ интересы труда въ крестьянской массѣ.

Идеологія Златовратскаго цѣнна тѣмъ, что этотъ писатель, своимъ искреннимъ протестомъ противъ хозяйственности и умиляющихся ею народниковъ и народничествующихъ либераловъ, указалъ всѣмъ народникамъ на ту наклонную плоскость, на которую они неизбѣжно становятся, вступая въ компромиссы съ хозяйственностью [2]). Эти компромиссы—начало неотвратимаго буржуазнаго грѣхопаденія народничества, грѣхопаденія, являющагося идеологическимъ отраженіемъ важнѣйшаго соціально-экономическаго процесса пореформенной Россіи—разслоенія крестьянства.

Лучшимъ выразителемъ буржуазнаго грѣхопаденія народничества является г. В. В. И не въ сознательномъ и даже не въ безсознательномъ прислужничествѣ буржуазіи тутъ дѣло,—подобныя обвиненія только компрометируютъ тѣхъ, кто ихъ выставляетъ,—а въ построеніи цѣлаго міровоззрѣнія, которое ограничивается полемъ зрѣнія и интересами мелкаго буржуа. Отсюда — эти тенденціи, въ противоположность г. —ону, найти „некапиталистическое теченіе въ русской экономической жизни, какъ самостоя-

---

[1]) „Въ представленіи народа, идеалъ общины—не группа отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, дворовъ, связанныхъ только правомъ отъ времени до времени производить „равненіе“ между собою. Далеко нѣтъ. Идеалъ народной общины—это такая гармоническая организація, въ которой права слабаго и маломощнаго гарантируются *не условно, не періодически*, а постоянно, неуклонно въ каждый моментъ общинной жизни. Принципъ общинной помочи проявляется здѣсь не въ видѣ филантропическихъ или только моральныхъ побужденій, не въ видѣ разныхъ формъ „мелкаго кредита“ или „народнаго продовольствія“, а органически сливается со всѣмъ строемъ общины... сливается такъ, что дѣлается *обиходомъ*, началомъ, дѣйствующимъ постоянно“. (Соч. т. II, стр. 437).

[2]) Обратная сторона медали—полное игнорированіе экономическаго и культурнаго значенія хозяйственности. Отсюда—одновременно и презрѣніе къ хозяйственности, и страхъ передъ нею. Оба одинаково неосновательны и безплодны. Въ „Критическихъ Замѣткахъ“ я обратилъ вниманіе только на эту сторону міровоззрѣнія Златовратскаго.

тельный факторъ послѣдней“ („Очерки теоретической экономіи“, стр. 233), открыть „законы некапиталистической эволюціи промышленности“ (l. c. 235), разграничить товарное хозяйство и капитализмъ не какъ двѣ послѣдовательныя ступени одного и того же историческаго процесса, а какъ двѣ различныя экономическія формаціи, отнюдь не соединенныя преемственною связью, и представить товарное хозяйство способнымъ къ „самостоятельной некапиталистической эволюціи“ [1]); отсюда—стремленіе защитить кредитъ отъ суровой оцѣнки г. —она (255); отсюда—постоянныя указанія на прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, безъ всякаго анализа той соціальной обстановки, въ которой констатируется этотъ прогрессъ. Отсюда же радость г. В. В. по поводу того, что „наша интеллигенція вообще, литература въ частности, даже представители наиболѣе буржуазныхъ теченій носятъ на себѣ, такъ сказать, народническій характеръ“ [2]). Попробуйте, г. В. В., обернуть эту фразу и получится истинная характеристика положенія вещей въ современной русской литературѣ. Г. В. В. и въ другомъ мѣстѣ обнаруживаетъ нѣкоторое чутье истины, но только чутье его оказывается... недостаточнымъ. „Въ новѣйшее время совершенно ясно выразилось наше подчиненіе интеллектуальнымъ вліяніямъ, исходящимъ изъ западнаго буржуазнаго общества“ [3]). Бѣдный западъ! За все онъ является козломъ отпущенія! И гдѣ это открылъ г. В. В. за послѣднее время подчиненіе русскаго общества интеллектуальнымъ вліяніямъ занада? Не видимъ ли мы скорѣе подчиненіе разнымъ модамъ и вѣяніямъ, идущимъ съ запада, рядомъ съ постыднымъ забвеніемъ лучшихъ идеаловъ западно-европейской культуры. Не проще ли было бы, г. В. В., не обращаясь къ интеллектуальнымъ вліяніямъ запада,

---

[1]) Нельзя не отмѣтить здѣсь одного полемическаго увлеченія г. В. В. Онъ одинаково упрекаетъ г. —она и меня въ отождествленіи товарнаго производства и капитализма; но г. —она г. В. В. почитаетъ и боится. Въ полемикѣ же со мной онъ увлекается. „Г. Струве поправляетъ не только г. В. В., но и Маркса, упраздняя специфическій смыслъ слова „капитализмъ“ и расширяя это понятіе до того, чтобы этимъ марксовскимъ терминомъ можно было покрыть Листовское понятіе товарнаго производства“ (стр. 282). Понятіе товарнаго производства заимствовано мною и г. —ономъ, который никогда не думалъ обращаться къ Листу и ссылаться на него, не у Листа, а у Маркса, по которому капитализмъ есть обобщенное товарное производство, такъ сказать—его вершина и конечная стадія.

[2]) Недѣля 1894 г. № 47.

[3]) Недѣля 1894 г. № 47.

сказать: въ новѣйшее время совершенно ясно выразилось превращеніе нашего общества въ буржуазное—и однимъ изъ симптомовъ такого превращенія является законченное развитіе теоріи, выдающей капиталистическую эволюцію, въ которой по историческимъ и другимъ условіямъ въ данный историческій моментъ очень крупная роль достается мелкой крестьянской буржуазіи съ ея еще неопредѣлившимся, да и по существу, двойственнымъ, соціальнымъ обликомъ, за торжество „народнаго производства".

Непониманіе теоретической позиціи марксизма достигаетъ своего апогея именно у г. В. В. въ его статьяхъ въ „Недѣлѣ" и въ книгѣ „Очерки теоретической экономіи" (Спб. 1895 г.). Здѣсь невозможно останавливаться на всѣхъ проявленіяхъ этого непониманія, и я отмѣчу лишь наиболѣе рѣзкія. Г. В. В. все время старается представить дѣло такъ, будто авторъ „Критическихъ Замѣтокъ" проектируетъ „насажденіе мелкой буржуазіи". „Система г. Струве тѣмъ и прочна, что, кромѣ стоящихъ другъ противъ друга враждебныхъ силъ, капиталистовъ и рабочихъ, она создаетъ третью силу мелкой земледѣльческой буржуазіи, составляющей ту группу „третьихъ лицъ", которая скрадываетъ противорѣчія капиталистическаго строя" (Недѣля, № 49). Не система г. Струве, а ходъ экономической эволюціи создаетъ эту группу третьихъ лицъ, необходимую для прочнаго развитія промышленнаго капитализма въ Россіи, и всѣ осуществимые прожекты народниковъ послужатъ именно на пользу этой группы, столь опасной для народническихъ мечтаній объ „особомъ пути развитія". Что же дѣлать, г. В. В., если дѣйствительное развитіе экономическихъ отношеній создаетъ, вмѣстѣ съ сельскимъ и промышленнымъ пролетаріатомъ [1]), также многочисленный классъ сельской буржуазіи, и если существованіе и развитіе этого класса имѣетъ огромное значеніе для нашего промышленнаго капитализма? Отъ факта не отвертишься благороднымъ негодованіемъ по поводу того, что констатированіе даннаго факта равносильно признанію за русскимъ капитализмомъ прочной почвы для развитія.

---

[1]) Слова мои о „жалкомъ сельскомъ пролетаріатѣ, въ культурномъ и другихъ отношеніяхъ совершенно безнадежномъ", относятся вовсе не къ капиталистической эволюціи, какъ хочетъ представить г. В. В., а къ отвлеченно мыслимому случаю ея задержки. Пользуясь этими словами, г. В. В. извращаетъ ихъ смыслъ и прямо совершаетъ передержку (въ № 49 „Недѣли" за 1894 г.). Съ сожалѣніемъ констатирую это.

„Распространеніе такого (марксистскаго) ученія среди лицъ, сочувствующихъ трудящемуся населенію, представляется совершенно естественнымъ на западѣ, гдѣ господство капиталистическихъ отношеній является совершившимся фактомъ, пролетаріатъ составляетъ бо̀льшую половину населенія и задачей настоящаго момента является организація рабочаго класса“ и т. д. и т. д.— вѣщаетъ г. В. В. [1]). Но, когда г. В. В. говоритъ о западѣ, будьте осторожны читатель, здѣсь нашъ самобытный экономистъ плаваетъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“. Послушаемъ лучше западнаго человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ компетентнаго:

„Пролетаріатъ не только не тождественъ съ народомъ, онъ не только не составляетъ во всѣхъ государствахъ—быть можетъ, за исключеніемъ Англіи—большинства населенія, но, наоборотъ, въ большинствѣ странъ находится въ значительномъ меньшинствѣ. Правда, онъ быстро растетъ, но не такъ быстро, какъ того многіе ожидаютъ... Но число представителей класса не есть единственный факторъ, отъ котораго зависитъ его сила. Столь же важно, и даже, быть можетъ, еще важнѣе *значеніе класса въ общемъ процессѣ производства*“ (Karl Kautsky. Der Entwurf des neuen Parteiprogramms. Neue Zeit. IX, 2, 751 — 752). Тутъ важно еще и то, столь мастерски освѣщенное Марксомъ, обстоятельство, что къ пролетаріату по своей двойственной соціальной природѣ примыкаетъ мелкая буржуазія, какъ городская, такъ и сельская. Въ данный историческій моментъ сельская буржуазія представляетъ одинъ изъ устоевъ капитализма, но на извѣстной ступени развитія послѣдній, развивая таящіяся въ немъ противорѣчія, станетъ *разлагать* мелкую буржуазію. Система, которую г. В. В. угодно называть системой г. Струве, прочна только въ данный историческій моментъ, но она таитъ въ себѣ противорѣчія, общій характеръ которыхъ можно предугадать уже и теперь.

Не понимаетъ г. В. В. не только русскихъ марксистовъ. Непониманіе имъ западно-европейскихъ явленій столь же, если не болѣе—sit venia verbo—чудовищно. Но тутъ проявляется, сверхъ неумѣнія понять чужую точку зрѣнія, и изумительное незнаніе фактовъ. Г. В. В. обвиняетъ меня въ томъ, что я въ своей книжкѣ, посвященной вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи, обнаружилъ незнаніе предмета и литературы, позволительное лишь заѣзжему нѣмцу (О. т. э., стр. 285). Основаніемъ для такой

[1]) Недѣля 1894 г. № 49.

оцѣнки послужило, между прочимъ, мое собственное признаніе въ томъ, что я не могу претендовать на сколько-нибудь полное, исчерпывающее знакомство со всей литературой народничества—опять значитъ злоупотребленіе чужой скромностью!.. Но теперь, послѣ изданія книги „Очерки теоретической экономіи", позволительно спросить: въ какомъ отношеніи находится мое знаніе русскихъ отношеній и русской экономической литературы къ познаніямъ г. В. В. по части Германіи и нѣмецкаго соціальнаго движенія, о которомъ онъ разсуждаетъ „съ видомъ знатока"? Увы!—существуютъ серьезныя основанія подозрѣвать, что единственнымъ источникомъ мудрости г. В. В. по этой части служатъ корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей". Корреспонденціи хорошія—спору нѣтъ, мы всѣ ихъ читаемъ съ интересомъ, но онѣ... не могутъ замѣнить даже самаго неполнаго знакомства съ литературой [1]).

За подтвержденіями недалеко ходить. „Если бы нѣмецкій соціалъ-демократизмъ былъ выраженіемъ соціализма, а не выступающаго на защиту своихъ интересовъ въ современномъ обществѣ пролетаріата, впервые познающаго свое значеніе, то—поелику не всѣ же нѣмцы идеалисты—рядомъ съ этой преслѣдующей идеалистическія задачи партіей мы видѣли бы еще болѣе сильную партію—рабочую, представляющую практическіе интересы неидеалистической части нѣмецкаго пролетаріата" (О. т. э., стр. 248). И далѣе: „Если бы соціализмъ игралъ въ этомъ движеніи не роль простого знака, отличающаго одну, опредѣленную организацію, если бы онъ былъ движущей идеей, принципомъ, требующимъ отъ членовъ партіи извѣстнаго специфическаго служенія,—въ такомъ случаѣ соціалистическая партія отдѣлилась бы отъ общей рабочей, и масса пролетаріата, стремящагося къ лучшему благоустройству на почвѣ существующаго строя и мало думающаго объ идеальномъ будущемъ, образовала бы самостоятельную рабочую партію" (ib., стр. 249—250). И только благодаря участію „высшей интеллигенціи", по мнѣнію г. В. В., нѣмецкое рабочее движеніе окрасилось цвѣтомъ соціализма. Всѣ эти разсужденія прямо из-

[1]) Г. В. В. очень вѣрно говоритъ о себѣ подобныхъ россіянахъ: „мы охотно и внимательно наблюдаемъ западно-европейскую жизнь, такъ называемая политическая хроника составляетъ наиболѣе интересную и читаемую часть нашихъ газетъ, и тѣмъ не менѣе врядъ ли можно сказать, что мы хорошо понимаемъ новѣйшія теченія западно-европейской исторіи" (О. т. э., стр. 246). Нельзя и понимать того, чего не знаешь.

умляютъ своей, можно сказать, законченной... простотой. Тутъ все дѣвственно. Вотъ что значитъ самобытная логика и свобода отъ всякихъ предвзятыхъ „точекъ зрѣнія“. Около 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ двое ученыхъ, вышедшіе, правда, изъ одной философской школы, почти одновременно и въ общемъ независимо одинъ отъ другого объяснили загадочное и совершенно новое явленіе европейской исторической жизни — соціализмъ. Лоренцъ Штейнъ [1]) въ „Соціализмѣ и коммунизмѣ современной Франціи“ (1842), книгѣ, составившей эпоху въ развитіи государственной науки, и Марксъ (съ Энгельсомъ) въ знаменитомъ „К. Манифестѣ“ (1848) показали, что совершенно отвлеченныя, „чистыя“, повидимому, теоріи и концепціи представляютъ собой и идеологическое выраженіе интересовъ извѣстнаго класса, и что разсматривать эти концепціи внѣ ихъ связи съ классовыми интересами значитъ не понимать ни ихъ значенія, ни ихъ дѣйствительнаго происхожденія. Открытіе Штейна и Маркса оказало огромное вліяніе и на науку, и на жизнь: въ значительной мѣрѣ благодаря этому „лучу свѣта“ западно-европейскіе люди стали „понимать новѣйшія теченія“ своей исторіи. А мы—увы!—до сихъ поръ, оказывается, ихъ не понимаемъ, быть можетъ, потому, что читаемъ только... газетную политическую хронику. „Мы“ успѣхи соціализма въ Германіи объясняемъ тѣмъ, что нѣмецкій рабочій, „какъ настоящій нѣмецъ... можетъ одновременно и предаваться мечтамъ (соціализмъ) и практически устраиваться въ жизни“ (рабочее движеніе, какъ организованная борьба за соціальныя реформы) (ib., стр. 253). Въ этомъ сочетаніи „мечтаній“ и практическихъ стремленій „мы“ видимъ „внѣшнее соединеніе элементовъ идеальнаго и реальнаго“. Не будетъ ли ближе къ истинѣ сказать, что „наши“ разсужденія представляютъ собой примѣръ грубаго, плоскаго, съ точки зрѣнія современной науки, такъ ска-

---

[1]) Штейнъ раскрылъ глаза представителямъ профессіональной науки и буржуазіи, Марксъ—пролетаріату. Замѣчу, что, по научной глубинѣ и послѣдовательности, тоненькая брошюрка Маркса несравненно выше толстой книги Штейна, въ послѣднемъ изданіи разросшейся въ цѣлые 3 тома („Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich“. Leipzig, 1850—1855). *Доп. 1900 г.* Въ позднѣйшихъ спеціальныхъ этюдахъ, посвященныхъ мною исторіи развитія научнаго соціализма, мнѣ кажется, я доказалъ, что есть всѣ основанія предполагать нѣкоторое вліяніе Л. Штейна на Маркса. Возраженія Меринга противъ моихъ статей меня не убѣдили. См. мои статьи въ журналѣ „Neue Zeit“ за 1895—96 и 1896—97 гг.

зать, допотопнаго *разъединенія* элементовъ идеальнаго и реальнаго и яркій образчикъ той русской оригинальности, которая, по остроумному замѣчанію одного современнаго публициста, состоитъ въ „умственной безпечности“ [1]), гарантирующей ея обладателямъ полную свободу отъ всякаго рода неудобнаго умственнаго багажа.

Критиковать и оцѣнивать какое-нибудь движеніе можно только съ двоякой точки зрѣнія. Можно или, исходя изъ тѣхъ же принциповъ, слѣдить за ихъ развитіемъ въ данномъ движеніи и степенью послѣдовательности осуществленія этихъ принциповъ измѣрять внутреннюю силу и значеніе движенія, или же оцѣнивать самые руководящіе принципы послѣдняго, на основаніи какого-нибудь *высшаго критерія*. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя безъ всякихъ оговорокъ руководиться въ оцѣнкѣ цѣлаго направленія идеями, отрицаніе которыхъ составляетъ существенную часть идейнаго содержанія даннаго направленія. Ни съ чѣмъ несообразно, поэтому, оцѣнивать нѣмецкое рабочее движеніе, съ точки зрѣнія „чистой“, „общечеловѣческой“ „идеи соціализма“, какъ это дѣлаетъ г. В. В., разъ существенную часть идейнаго содержанія этого движенія составляетъ отрицаніе „чистой“, „общечеловѣческой“, „внѣклассовой“ идеи соціализма. Для того, чтобы стать „соціалистическимъ“ во вкусѣ г. В. В., нѣмецкое рабочее движеніе должно было бы отвергнуть доктрину Маркса и Энгельса и воспріять идеи гг. В. В. и К°. Понятно, что такая „критика“ производитъ только смѣхотворное впечатлѣніе, и страницы изъ книжки г. В. В., посвященныя германскому движенію, могли бы съ успѣхомъ найти себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь юмористическомъ листкѣ для рабочихъ, въ Glühlichter или Der wahre Jakob. Вотъ что значитъ, если *не*заѣзжій русскій начнетъ „отъ разума“ разсуждать о западныхъ дѣлахъ. Есть еще другіе перлы въ новомъ opus'ѣ г. В. В. Научный соціализмъ „рѣзко раздѣляетъ идеальную цѣль и реальныя средства“. Помилуйте, г. В. В., зачѣмъ же вы свои собственныя измышленія выдаете за научный соціализмъ! Вѣдь это вы все стараетесь о томъ, чтобы отдѣлить „чистую идею“ отъ классовыхъ интересовъ и классовой борьбы и, съ видомъ открывающаго Америку человѣка, констатируете отсутствіе дорогой вамъ „чистой идеи“ въ нѣмецкомъ движеніи для того, чтобы съ торжествомъ воскликнуть: „идеальной цѣли“

[1]) Вл. Соловьевъ. Нац. вопросъ, вып. 1-й (изд. 2-е), стр. 161.

нѣтъ, есть только „практическіе интересы“. Но это раздѣленіе „идеальной цѣли“ и „реальныхъ средствъ“ или „практическихъ интересовъ“—вѣдь оно ваше собственное созданіе и съ научнымъ соціализмомъ ничего общаго не имѣетъ. Худо ли, хорошо ли это, но научный соціализмъ неразрывно сливаетъ и въ теоріи, и на практикѣ то, что́ вы раздѣляете. Но „врядъ ли можно сказать, что мы хорошо понимаемъ новѣйшія теченія западно-европейской исторіи“. Совершенно вѣрно сказано, г. В. В., но требуетъ дополненія: мы не только не понимаемъ, но и не знаемъ того, о чемъ говоримъ. Стр. 246—269 „Очерковъ теоретической экономіи“ написаны точно спеціально для того, чтобы иллюстрировать грустную истину объ „умственной безпечности“. „Примиреніе (рабочаго класса съ капиталистическимъ строемъ) выразилось въ томъ, что идея соціализма начала терять прежній практически-революціонный или, какъ нынѣ принято называть, утопическій характеръ“ (стр. 251). Указанное г. В. В. примиреніе—плодъ его собственной фантазіи, которая разгуливаетъ необремененная никакимъ багажемъ. Но если о настоящемъ, въ виду его якобы недостаточной выясненности, еще такъ-сякъ дозволительно фантазировать, то для фантазій о прошломъ, имѣющемъ свою документальную исторію, и такого оправданія нельзя привести. Утопическій соціализмъ имѣлъ „практически-революціонный характеръ“,—это обвиненіе, къ счастью, уже не опасно ни для Овена, ни для Сенъ-Симона, ни для Фурье, которыхъ имъ ни подъ какую непріятность уже не подведешь, но все-таки покойникамъ надлежитъ болѣе, чѣмъ кому-либо, „воздавать по дѣламъ ихъ“. Въ „утопическомъ соціализмѣ“ какъ разъ отсутствовали тѣ черты, которыя можно подвести подъ „практически-революціонный характеръ“. Кстати, полная вздорность разсужденій г. В. В. объ отошедшемъ въ исторію утопическомъ соціализмѣ служитъ дополнительнымъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что и современныя „теченія“ представляются имъ въ совершенно превратномъ видѣ. Но самъ г. В. В. позаботился о томъ, чтобы на косвенныя доказательства приходилось смотрѣть, какъ на излишнюю роскошь. „Новѣйшій, такъ называемый научный соціализмъ примирилъ теоретическую революціонность соціалистической идеи съ практической обязательностью для каждаго быть вѣрноподданнымъ существующаго государства и этимъ предотвратилъ громадную растрату силъ молодого движенія нѣмецкихъ рабочихъ, весьма вѣроятную въ случаѣ, если бы соціалистическая

идея среди интеллигенціи сохраняла прежній, такъ называемый утопическій характеръ" (стр. 252). Если г. В. В. хочетъ этими словами сказать, что нѣмецкое рабочее движеніе не носитъ бунтарскаго характера и что, наоборотъ, направляющая это движеніе доктрина прямо отрицаетъ бунтарство и такъ называемую „революціонную фразу" (Revolutionsphrase), то онъ правъ [1]). Но онъ думаетъ и говоритъ совсѣмъ не это. Онъ разсуждаетъ о большей идейности падкаго именно на „революціонную фразу" французскаго рабочаго класса сравнительно съ нѣмецкимъ: первый, по по мнѣнію г. В. В., „политически несравненно болѣе развитъ". Въ то же время г. В. В., такъ сказать, „однимъ духомъ", объясняетъ этой идейностью „безсиліе и малоорганизованность французскаго рабочаго класса"..., „политически несравненно болѣе развитаго" и не замѣчаетъ, что такимъ объясненіемъ онъ, во 1-хъ, самъ безповоротно компрометируетъ любезную ему идейность, а, во 2-хъ, заставляетъ очень подозрительно относиться къ „политической развитости", выражающейся въ „безсиліи и малоорганизованности". И дѣйствительно: идейность во вкусѣ гг. В. В. и К^0 никакихъ другихъ плодовъ дать не можетъ. Но чему же удивляться, если г. В. В. утверждаетъ даже, что организація рабочаго класса въ Германіи при другихъ условіяхъ могла бы итти подъ знаменемъ... анархизма? (стр. 253). „Организація класса" да еще „для систематическаго сознательнаго участія его въ общественно-политической жизни" подъ знаменемъ анархизма—вѣдь это уже прямо относится къ области наглядныхъ несообразностей, коихъ въ народнической литературѣ имѣется, впрочемъ, достаточное количество. И тутъ небольшая историческая справка могла бы спасти г. В. В. отъ печатнаго изображенія подобной нелѣпости. Исторія рабочаго движенія въ Австріи за

[1]) Знаетъ ли г. В. В., а если знаетъ, то зачѣмъ умалчиваетъ, говоря о „практической обязательности" и т. д., что нѣмецкая рабочая партія съ 1878 по 1890 г. жила въ тискахъ исключительнаго закона, дѣйствіе котораго между прочимъ выразилось въ томъ, что за десятилѣтіе съ 1878 по 1888 г. члены партіи высидѣли въ общей сложности 831 годъ и 6 дней тюремнаго заключенія. Нужны были истинная идейность, дѣйствительно высокое политическое развитіе и упорная выдержка, чтобы при этихъ условіяхъ мирнымъ путемъ, безъ растраты человѣческихъ жизней, заставить правительство и господствующіе классы отказаться отъ исключительнаго закона. И такихъ людей, которые не хотѣли цѣной отрѣченія отъ широкихъ идеаловъ купить безмятежнаго житія и такъ называемыхъ практическихъ успѣховъ, г. В. В. обвиняетъ въ недостаткѣ идейности!

восемидесятые годы представляетъ характерный и поучительный примѣръ дезорганизаціи рабочаго класса анархизмомъ, а нѣмецкіе рабочіе своей организованностью обязаны между прочимъ тому, что анархическая пропаганда въ Германіи никогда никакого успѣха не имѣла.

Остается отмѣтить еще одну черту въ полемикѣ г. В. В. Онъ сожалѣетъ о томъ, что нерасположеніе къ Марксу распространено въ средѣ буржуазіи, и что выходящіе изъ нея настоящіе, патентованные ученые боятся ученія Маркса; онъ желаетъ, чтобы люди научились отдѣлять доказанныя положенія системы Маркса отъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ или произвольныхъ его гипотезъ (стр. 213). Но въ то же время, когда авторъ „Критическихъ Замѣтокъ“ въ чемъ-нибудь отступаетъ отъ Маркса, г. В. В. кричитъ о буржуазности, о заимствованіяхъ у буржуазныхъ экономистовъ, о томъ, что въ „Критическихъ Замѣткахъ“ только терминологія взята у Маркса. Лицемѣрность этихъ упрековъ въ устахъ г. В. В., приглашающаго буржуазныхъ экономистовъ не бояться Маркса, бросается въ глаза. И этотъ же самый г. В. В., защищающій память Маркса отъ поруганія, якобы нанесеннаго ей авторомъ “Критическихъ Замѣтокъ“, съ развязностью говоритъ о томъ, что „Марксъ представляетъ намъ въ двухъ лицахъ: ученаго экономиста и диллетанта соціолога“ [1]). Точно экономическая доктрина Маркса въ ея основныхъ и дѣйствительно оригинальныхъ положеніяхъ и соціологическое ученіе этого писателя не есть нѣчто цѣлое и нераздѣльное [2]). Бѣда г. В. В. въ томъ-то и

---

[1]) Далѣе г. В. В. повторяетъ уже ранѣе сдѣланное въ нашей литературѣ и изумительно глубокое противопоставленіе толстой книги экономическаго содержанія („Капиталъ“) тоненькой брошюркѣ соціологическаго содержанія („К. манифестъ“). Вотъ, можно сказать, типографская оцѣнка произведеній или идей великаго писателя. Сравненіе количества буквъ толстой книги и тоненькой брошюрки не даетъ никакого правильнаго критерія для оцѣнки высказанныхъ въ обоихъ произведеніяхъ идей, и это знаетъ всякій, сколько-нибудь знакомый съ литературной дѣятельностью Маркса въ ея цѣломъ.

[2]) *Доп. 1900 г.* Новѣйшая критика Маркса приходитъ къ такой оцѣнкѣ различныхъ положеній его ученія, которая діаметрально противоположна высказанной г. В. В. Чисто-экономическая доктрина Маркса представляется новѣйшей критикѣ гораздо менѣе цѣнной, чѣмъ его соціологическія обобщенія, которыя, впрочемъ, дѣйствительно сплетаются съ экономическими положеніями въ одну эстетически стройную и законченную систему. Задача критики Маркса состоитъ въ методологическомъ расчлененіи этихъ двухъ элементовъ его системы. Перепечатываемая полеми-

состоитъ, что онъ знаетъ и понимаетъ лишь обрывки системы, которые и предлагаетъ „ad usum delphini“ буржуазной политической экономіи. Система же въ цѣломъ непригодна для буржуазнаго употребленія.

II.

Своей аргументаціи, что развитіе промышленнаго капитализма отнюдь не является—какъ утверждаетъ г. —онъ—основной причиной крестьянскаго разоренія, что самое развитіе промышленности есть, наоборотъ, результатъ вовлеченія земледѣлія въ сферу обмѣна, что фактъ вовлеченія земледѣлія въ сферу обмѣна стимулировалъ размноженіе и осложнилъ и, такъ сказать, окрасилъ его соціальныя послѣдствія (перенаселеніе и разореніе крестьянства), а не создалъ ихъ, другими словами, что перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи не есть капиталистическое перенаселеніе,—всей этой аргументаціи я придаю очень существенное значеніе въ нашемъ спорѣ. Эти положенія до сихъ поръ не опровергнуты критикой, а выставленныя противъ нихъ возраженія основаны на недоразумѣніи. Такъ, одинъ критикъ [1]) усомнился даже въ вѣрности общаго положенія, что товарное производство и капитализмъ повышаютъ емкость территоріи по отношенію къ населенію. Но это положеніе 1) прямо вытекаетъ изъ того, что товарно-капиталистическое производство повышаетъ производительныя силы всей подпадающей подъ его господство территоріи, 2) блистательно доказывается исторіей населенія въ Европѣ за XIX столѣтіе. XIX вѣкъ—вѣкъ капитализма—характеризуется въ общемъ непрерывнымъ ростомъ европейскаго населенія; въ частности же это явленіе особенно рѣзко наблюдается въ странахъ съ наиболѣе стремительнымъ развитіемъ капитализма—въ Великобританіи и Германіи, *несмотря на огромную эмиграцію*. Мой оппонентъ въ „Саратовскомъ Дневникѣ“ думаетъ опровергнуть меня указаніемъ на русскую дѣйствительность, на стаціонарное или почти стаціонарное состояніе нашего сельско-хозяйственнаго производства, на паденіе заработной платы, на примѣръ Ирландіи и на

ческая статья написана мною еще тогда, когда поддерживаемое мною теперь критическое отношеніе къ ученію Маркса обрисовалась еще далеко не со всѣхъ сторонъ, и когда я лично еще принималъ ходячія положенія его экономической доктрины безъ критики.

[1]) „Саратовскій Дневникъ“, № 256 (1894 г.), ст. „Экономическій оптимизмъ“.

противоположное будто бы мнѣніе г. Скворцова. Но недостаточное производство при постоянномъ ростѣ населенія именно и объясняется въ моей книжкѣ технической несостоятельностью нашего земледѣлія, являющейся наслѣдіемъ и спутникомъ его натурально-хозяйственной организаціи. Русское сельское хозяйство уже вовлечено въ обмѣнъ, но еще не реорганизовано имъ технически, такъ сказать не вылупилось еще изъ своей натурально-хозяйственной скорлупы. Отсюда недостаточное производство по отношенію къ растущему населенію.

„Развѣ г-ну Струве не извѣстенъ классическій примѣръ Ирландіи съ ея „перенаселеніемъ", вызваннымъ быстрымъ развитіемъ товарнаго хозяйства,—примѣръ, такъ основательно разобранный Марксомъ", спрашиваетъ мой критикъ. Конечно мнѣ извѣстенъ примѣръ, такъ основательно разобранный Марксомъ, и такъ... неосновательно выдвигаемый авторомъ статьи „Экономическій оптимизмъ". Перенаселеніе Ирландіи было вызвано не быстрымъ развитіемъ товарнаго хозяйства, а измѣненіемъ въ его направленіи, произведеннымъ отмѣною хлѣбныхъ пошлинъ. „Англійскія хлѣбныя пошлины съ 1815—пишетъ Марксъ (Das Kapital I[3], 796, Anmerkung 188)—обезпечивали Ирландіи монополію свободнаго ввоза хлѣба въ Великобританію; онѣ, такъ сказать, искусственно поощряли производство зерна. Эта монополія была въ 1846 г. внезапно устранена отмѣной хлѣбныхъ пошлинъ. Независимо отъ другихъ обстоятельствъ, одного этого событія было достаточно для того, чтобы могущественнымъ образомъ содѣйствовать превращенію ирландскихъ пашенъ въ пастбища, концентраціи фермъ и изгнанію мелкихъ съемщиковъ". Но не надо забывать, что Ирландія, по словамъ того же Маркса, представляетъ только „отдѣленный широкимъ каналомъ земледѣльческій округъ Англіи, которой она поставляетъ зерно, шерсть, скотъ, промышленныхъ и военныхъ новобранцевъ" (l. c. 726). А емкость всей территоріи Соединеннаго Королевства безспорно повысилась параллельно съ развитіемъ капитализма.

Указаніе на мнѣніе А. И. Скворцова основано на недоразумѣніи другого рода. Я утверждаю въ своей книжкѣ, что развитіе капитализма въ Россіи будетъ опираться на внутренній рынокъ, и это положеніе стоитъ въ связи со всей моей концепціей дѣйствительнаго развитія нашего пореформеннаго хозяйства. Не промышленный капитализмъ и даже не проникновеніе товарнаго хозяйства вообще разоряетъ крестьянство, т. е. низводитъ его къ

одному нищенскому уровню,—такое положеніе вещей создается технической нераціональностью крестьянскаго хозяйства въ связи съ непрерывнымъ ростомъ населенія и осложняется податнымъ бременемъ, экономической зависимостью крестьянъ отъ землевладѣльцевъ и т. д. Проникновеніе же товарнаго хозяйства не разоряетъ крестьянства, а дифференцируетъ его, причемъ для извѣстной части крестьянства эта дифференціація, конечно, выражается въ потерѣ хозяйственной самостоятельности и разоренiи. Но *массовое, поголовное разореніе*—поскольку оно можетъ быть констати ровано—*есть результатъ не проникновенія товарнаго хозяйства, а перенаселенія и технической нераціональности крестьянскаго земледѣлія*. Мой критикъ самъ путается въ своемъ противоположеніи: онъ противополагаетъ фактъ разоренія значительной части, допустимъ даже, большинства крестьянства повышенію емкости территоріи по отношенію къ населенію. Но благосостояніе массы населенія можетъ падать, а населеніе будетъ въ тоже время возрастать, т. е. емкость территоріи будетъ повышаться. Первые шаги капитализма характеризуются почти повсюду именно такимъ отношеніемъ между ростомъ населенія и развитіемъ его благосостоянія. Самъ авторъ статьи совершенно вѣрно говоритъ, что пониженіе благосостоянія массы населенія и повышеніе его покупательной способности (его платящаго спроса) могутъ происходить параллельно. Но онъ совершенно напрасно поучаетъ меня въ этомъ отношеніи [1]) и столь же напрасно видитъ въ моей аргументаціи какую-то „идеализацію товарнаго хозяйства и капитализма“. Я ничего не идеализирую, я намѣчаю только совершенно объективно извѣстную схему развитія, опираясь на факты дѣйствительности и положенія теоріи.

Основное положеніе теоріи гг. В. В. и Н—она можетъ быть формулировано такъ: русскій капитализмъ, развиваясь, разоряетъ все населеніе и тѣмъ самымъ подрываетъ свое собственное существованіе. Мое же объясненіе того же процеса таково: на почвѣ технической нераціональности крестьянскаго хозяйства возникло натуральнохозяйственное перенаселеніе, представляющее почву для развитія капиталистическихъ отношеній. Почему же, можно спросить, я называю это перенаселеніе натуральнохозяйственнымъ,

---

[1]) Этотъ случай прямо указанъ въ моей книжкѣ (стр. 272) и даже далъ поводъ г. В. В. излить лишній разъ на меня свое моральное негодованіе (Недѣля № 49).

хотя и признаю, что оно осложнено проникновеніемъ товарнаго хозяйства, податнымъ бременемъ, экономическою зависимостью крестьянства отъ землевладѣльцевъ? А потому, что всѣ эти моменты могли бы совершенно отсутствовать, но если бы размноженіе совершалось такъ, какъ оно совершалось до сихъ поръ, перенаселеніе при технической неподвижности производства неизбѣжно наступило бы. Можно было бы, пожалуй, утверждать, что при отсутствіи неблагопріятныхъ соціальныхъ моментовъ растущее населеніе приспособилось бы къ измѣнившимся условіямъ существованія. Но какъ? Только путемъ реорганизаціи народнаго хозяйства на началахъ обмѣна, ибо для другой реорганизаціи отсутствовали бы и общественныя [1]), и техническія, и, наконецъ, чисто интеллектуальныя предпосылки. Возникло бы товарное хозяйство и, въ силу своего объективнаго превосходства, вытѣснило бы натуральное. А, разъ возникши и утвердившись, товарное хозяйство развило бы всѣ таящіяся въ немъ противорѣчія, развило бы *капитализмъ*.

Законъ размноженія земледѣльческаго населенія Россіи эмпирически установленъ [2]); законъ этотъ самъ служитъ указаніемъ на преобладаніе земледѣлія и господство въ немъ натуральнохозяйственныхъ отношеній и только при этихъ условіяхъ и могъ *быть констатированъ*. Почти всѣ соціальные моменты, могущіе считаться чуждыми натуральнохозяйственному строю, задерживали размноженіе и тѣмъ не менѣе оно въ *земледѣльческой* Россіи происходило весьма энергично, гораздо энергичнѣе, чѣмъ прогрессъ сельскохозяйственнаго производства. Такимъ образомъ создалась перенаселенность земледѣльческой Россіи. Объясненіе перенаселенія паденіемъ домашнихъ, кустарныхъ и другихъ подсобныхъ промысловъ явно неудовлетворительно, потому что сокращеніе домашняго производства тканей явилось результатомъ расширенія запашекъ, а не наоборотъ, да и само по себѣ никакъ не могло создать перенаселенія, кустарные же промыслы въ черноземной Россіи никогда серьезнаго значенія не имѣли. Капиталистическими отношеніями въ самомъ земледѣліи этого перенаселенія объяснить также нельзя. Тамъ, гдѣ земледѣліе носитъ наиболѣе капиталистическій харак-

---

[1]) Общественныя предпосылки, это значитъ — заинтересованные въ подобной реорганизаціи и активно выступившіе для ея осуществленія общественные классы.

[2]) См. приложеніе I къ моей книжкѣ.

теръ (область южнаго экстензивнаго чернозема съ производствомъ пшеницы на продажу), перенаселенности нѣтъ, а тамъ, гдѣ послѣдняя на лицо, въ самомъ производствѣ отнюдь не могуть быть константированы измѣненія, поведшія къ уменьшенію потребности въ живомъ трудѣ. Точно также невозможно объяснить это явленіе паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ, потому что послѣднее обнаружилось гораздо позже перенаселенности. Ростъ же арендныхъ цѣнъ не объясняетъ перенаселенности, а самъ ею, наоборотъ, объясняется.

Тяжесть налоговъ, высокая арендная плата, эксплуатація крестьянства торговымъ и ростовщическимъ капиталомъ страшно ухудшаютъ положеніе крестьянства, но всѣ эти факты не могутъ объяснять существующаго въ значительной части Россіи „утѣсненія“. Самое классовое расчлененіе крестьянства, поскольку основы его не были унаслѣдованы отъ дореформенной эпохи или не перенесены на „новыя земли“ вмѣстѣ съ производствомъ хлѣба, какъ рыночнаго товара, развилось на почвѣ „утѣсненія“, т. е. перенаселенности. Мое объясненіе характера и значенія этой перенаселенности можетъ быть поддерживаемо независимо отъ общаго теоретическаго взгляда на вопросъ о населеніи. Это объясненіе укладывается вполнѣ въ рамки Марксовой теоріи. Нужно только—вполнѣ въ духѣ Маркса—отказаться отъ приложенія категорій развитого капиталистическаго строя къ явленіямъ совсѣмъ другого порядка, которыя составляютъ почву для развитія капитализма, но не могутъ быть имъ объясняемы. Указанная перенаселенность вытекаетъ съ одной стороны изъ самыхъ условій нераціональнаго натуральнаго хозяйства, съ другой стороны изъ свойственнаго этой экономической организаціи *въ данной ея обрисовкѣ* [1]) *эмпирически констатированнаго закона размноженія.*

Такъ безъ всякихъ натяжекъ объясняется основной *производственный* механизмъ существующаго кризиса въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральной Россіи. Этотъ производственный механизмъ приводитъ въ дѣйствіе дальнѣйшія пружины экономической

---

[1]) Въ данной ея обрисовкѣ—очень важное ограниченіе. Не всякая натуральнохозяйственная организація благопріятствуетъ размноженію и приводитъ къ перенаселенности. Австрійское альпійское крестьянское хозяйство, наоборотъ, задерживаетъ размноженіе, такъ какъ по своимъ техническимъ условіямъ оно требуетъ недѣлимости и единонаслѣдія, съ одной стороны, безбрачія рабочаго персонала, съ другой стороны (см. мою статью въ Вѣстн. Евр. 1894 г. № 2, ниже перепечатываемую).

эволюціи, классовыя противорѣчія. „Общественныя отношенія производителей, общественныя условія производства мѣняются... съ измѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства“ (Марксъ). Степень развитія производительныхъ силъ, т. е. организація производства (въ данномъ случаѣ—натуральное земледѣльческое хозяйство, еще не приспособленное къ товарному обмѣну) во взаимодѣйствіи съ характерными для этой экономической организаціи условіями размноженія представляетъ матеріальную основу измѣненій къ общественныхъ условіяхъ производства, т. е. классоваго расчлененія [1]). Объяснять, наоборотъ, фактъ перенаселенія классовымъ расчлененіемъ было бы совершенно противно духу ученія Маркса, который и явленія капиталистическаго перенаселенія выводитъ изъ основной черты технико-экономической организаціи капиталистическаго производства, изъ его колебательнаго характера.

Перехожу въ возраженіямъ г. Николая—она [2]). Статьи его въ отвѣтъ мнѣ загромождены массой совершенно неидущихъ къ дѣлу разсужденій, проникнуты самымъ нетерпимымъ отношеніемъ къ *личности* противника, сочетающимся съ прямо отталкивающимъ самомнѣніемъ, но тѣмъ не менѣе я открыто признаю, что это—самыя серьезныя и поучительныя возраженія. Такъ какъ мы ведемъ нашъ публичный споръ не для самоуслажденія, то я постараюсь отвѣчать г.—ону такъ, чтобы передъ читателемъ какъ можно рѣзче и отчетливѣе встала сущность нашего разногласія: пусть читатель пойметъ, что дѣло тутъ не въ невѣжествѣ, логомахіи, отсутствіи критической мысли, фантазіяхъ и пр. и пр. г. П. фонъ-Струве съ одной стороны, глубинѣ познаній и пониманія, серьезной статистической разработкѣ вопроса у г. —она, съ другой стороны. Вопросъ о степени пониманія и размѣрѣ познаній можетъ быть иногда очень важнымъ (мы видѣли это на примѣрахъ гг. В. В. и Гофштеттера), но въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого основанія его ставить.

Если бы даже было вѣрно, что марксисты вродѣ гг. Бельтова и Струве никакого анализа русской дѣйствительности не произ-

---

[1]) „Коллизіи классовъ обусловлены степенью развитія ихъ экономическаго положенія, характеромъ и способомъ ихъ производства и зависящаго отъ него обмѣна“ (Энгельсъ въ предисл. къ 3-му изд. „Der 18-te Brumaire“ Маркса. Hamburg 1885).

[2]) „Апологія власти денегъ какъ признакъ времени“ (Русское Богатство 1895 №№ 1 и 2).

водили (г. Ник—онъ утверждаетъ это въ № 3 „Русскаго Богатства“ за 1895 г.), если бы даже было вѣрно это *ложное* утвержденіе, то всетаки въ данномъ вопросѣ это обстоятельство не имѣло бы ровно никакого значенія. У марксистовъ имѣется въ рукахъ богатый матеріалъ, собранный ихъ литературными противниками. И если, пользуясь этимъ матеріаломъ и опирающимся на него *фактическимъ анализомъ*, марксисты приходятъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ гг. —онъ и В. В., то это объясняется не различіемъ въ „размѣрахъ познаній“, а именно различіемъ въ „точкахъ зрѣнія“. Только въ безграничномъ самомнѣніи можно было написать такую фразу: „если кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно объективному способу изслѣдованія, тотъ, можно быть вполнѣ въ томъ увѣреннымъ, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришли мы, то близкимъ къ нимъ“ (Р. Б. 1895, № 3, стр. 53). Г. —онъ забываетъ, что въ *фактахъ* безъ „точки зрѣнія“ (къ которой онъ съ высоты своего объективнаго статистическаго величія относится очень презрительно) нельзя совершенно разобраться. „Точка зрѣнія“ по отношенія къ *данному ряду фактовъ* въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляетъ то, что на философскомъ языкѣ называется aprioгi, хотя конечно не слѣдуетъ забывать, что по своему содержанію такое aprioгi эмпирическаго происхожденія [1]). Противопоставлять эмпиріи „точку зрѣнія“ и разсуждать о томъ, что важнѣе, значитъ совсѣмъ не понимать *соотношенія* между ними.

Г. —онъ ужасно обрадовался ошибкамъ, сдѣланнымъ мною на

---

1) Г. —ону, какъ любителю поучительныхъ примѣровъ изъ области естествознанія, я укажу на открытіе механическаго эквивалента тепла Робертомъ Майеромъ и Джоулемъ. „Майеръ, говоритъ Риль, принималъ a priori всеобщій принципъ сохраненія (энергіи), который и руководилъ имъ въ исканіи механическаго эквивалента тепла и, благодаря открытію послѣдняго, получилъ эмпирическое подтвержденіе. Такъ какъ я раздѣляю такое пониманіе принципа сохраненія энергіи и убѣжденъ, что къ великому открытію механическаго эквивалента теплоты Майеръ могъ быть приведенъ лишь своими вѣрными понятіями о причинности и силѣ, то мнѣ представляются важными нѣкоторыя замѣчанія Джоуля, вмѣстѣ съ Майеромъ открывшаго механическій эквивалентъ тепла и соотношеніе формъ энергіи: эти замѣчанія доказываютъ, что и для Джоуля логическій принципъ сохраненія энергіи былъ ясенъ a priori, хотя онъ и высказывался объ этомъ съ гораздо меньшей ясностью“ (Riehl. Der philosophische Kritizismus etc. II, 1, S. 226).

стр. 208 и 210 „Критическихъ Замѣтокъ“. Конечно, если интенсивность и производительность труда растутъ въ одинаковой мѣрѣ, то цѣнность единицы продукта должна упасть, и мое противоположное утвержденіе *невѣрно. Точно также невѣрно*, что поднятіе интенсивности труда безъ повышенія его производительности не имѣетъ смысла (210). Я очень благодаренъ г. —ону за то, что онъ указалъ мнѣ мои ошибки. Но эти ошибки *никакого значенія для основной нити моей аргументаціи не имѣютъ* [1]). Г. —онъ подробно останавливается на нихъ, и затѣмъ можно сказать, носится съ ними по всей своей статьѣ, точно въ нихъ ключъ къ пониманію всего нашего разногласія и даже, въ частности, нашего спора объ эволюціи сельскаго хозяйства. Но это просто некрасивый полемическій пріемъ, я думаю, неспособный никого убѣдить. Центръ тяжести моей аргументаціи заключается вовсе не въ томъ, что при повышеніи интенсивности труда не упадетъ цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, а въ томъ, что при разсужденіяхъ о развитіи земледѣлія и аграрныхъ отношеній нельзя, какъ это дѣлаетъ г. —онъ, игнорировать вліянія интенсификаціи хозяйства—на первомъ мѣстѣ—а также—и это на второмъ мѣстѣ—интенсификаціи труда. Это указаніе, какія бы ошибки я ни сдѣлалъ по вопросу о соотношеніи между производительностью и интенсивностью труда, остается въ полной силѣ.

Сущность моего возраженія заключается въ слѣдующихъ строчкахъ, которыя г. —онъ самъ воспроизводитъ на стр. 167, № 1, Р. Б. за 1895 г. Г. —онъ, говорю я на стр. 209 моей книги, „не понимаетъ, что прочное повышеніе производительности земледѣлія требуетъ въ то же время повышенія его интенсивности—*въ смыслѣ увеличенія затраты труда и капитала на единицу пространства* [2]). И если... невѣрно знаменитое положеніе англійской политической экономіи, что повышеніе интенсивности земледѣлія сопровождается всегда пониженіемъ его производительности, то еще менѣе возможно принять мнѣніе г. —она, что ростъ производительности въ земледѣліи имѣетъ тенденцію постоянно понижать мѣновую цѣнность получаемыхъ съ данной площади продуктовъ, т. е. доходъ земледѣльца. Это положеніе было бы вѣрно

[1]) Одна изъ нихъ, которую г. —онъ перепечатываетъ курсивомъ (у меня его нѣтъ), представляетъ собой даже просто вводное предложеніе.

[2]) Курсивъ въ моей книжкѣ. Этотъ курсивъ г. —онъ игнорируетъ, но далѣе самъ перепечатываетъ курсивомъ другія слова, не оговаривая что *у меня курсива нѣтъ*.

только въ томъ случаѣ, если бы ростъ производительности могъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и роста интенсивности труда земледѣльца [1]), но эта возможность болѣе чѣмъ проблематична и противорѣчитъ эмпирическимъ даннымъ".

Я не даромъ подчеркнулъ въ данномъ случаѣ интенсификацію хозяйства, потому что я вполнѣ понимаю, что рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь не интенсификація труда, а интенсификація хозяйства. Указаніе на интенсификацію труда могло бы быть даже совершенно опущено, и мое возраженіе всетаки сохранялобы свою полную силу. Во всякомъ случаѣ, сюда совершенно нечего припутывать моихъ ошибокъ по вопросу о соотношеніи между интенсивностью и производительностью труда. И, въ самомъ дѣлѣ, на только что цитированное мѣсто изъ моей книги г. —онъ, какъ ему очевидно ни хотѣлось этого, *не могъ* возразить только указаніемъ на мои ошибки. Его отвѣтъ заключается въ слѣдующихъ словахъ. „Ростъ производительности земледѣльческаго труда, въ противность мнѣнію г. П. фонъ-Струве, можетъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и напряженности труда. Это значитъ, что при помощи меньшаго количества живаго труда при экстенсивномъ хозяйствѣ получается съ большей площади большее количество продуктовъ. И это станетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока не будутъ заняты всѣ земли, могущія быть распаханными" (Р. Б. 1895, № 1. стр. 168). Въ то же время г. —онъ говоритъ, что существующія условія мірового хозяйства „таковы, что въ земледѣльческомъ хозяйствѣ „ростъ производительности имѣетъ тенденцію понижать мѣновую цѣнность продуктовъ" [2]) (хотя и не съ данной площади)". Но если мѣновая цѣнность продуктовъ, получаемыхъ съ данной площади, т. е. валовой доходъ не падаетъ, то какъ возможно это безъ интенсификаціи хозяйства? Возможно ли вообще сколько-нибудь продолжительное поддержаніе экстенсивнаго хозяйства на какой бы то ни было территоріи? Не видимъ ли мы на самомъ дѣлѣ въ исторіи, что экстенсивное *земледѣліе* своего рода Вѣчный Жидъ, который постоянно переходитъ на новыя земли. Г.—онъ совершенно вѣрно указываетъ, что отъ конкуренціи экстенсивнаго земледѣлія странамъ съ бо-

---

[1]) Слова „роста интенсивности труда земледѣльца" г —онъ приводитъ въ курсивѣ. Курсива этого у меня нѣтъ.

[2]) Эти слова взяты у меня.

лѣе интенсивнымъ хозяйствомъ часто приходится очень скверно, но онъ игнорируетъ совершенно, что эта конкуренція очень часто является также могущественнымъ стимуломъ къ интенсификаціи хозяйства. Г.—онъ въ сущности утверждаетъ, что при современныхъ условіяхъ мірового хозяйства нигдѣ не возможно ни существованіе интенсивнаго хозяйства, ни дальнѣйшая интенсификація земледѣлія. Это положеніе, по мнѣнію г.—она, подтверждается примѣромъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдніе особенно поучительны въ данномъ отношеніи, потому что здѣсь мы можемъ прослѣдить эволюцію экстенсивнаго хозяйства при условіяхъ современнаго мірового хозяйства, а главный, занимающій насъ, вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли или, вѣрнѣе, должна ли при современныхъ условіяхъ происходить реорганизація экстенсивнаго хозяйства въ интенсивное. Это есть общій вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію, ибо регрессивный метаморфозъ интенсивнаго хозяйства въ экстенсивное—подъ вліяніемъ конкуренціи—очень часто можетъ быть всего проще объясненъ прогрессомъ, т. е. интенсификаціей хозяйства въ конкурирующей странѣ.

Г.—онъ хочетъ представить дѣло такъ, какъ будто бы я выдумалъ интенсификацію американскаго сельскаго хозяйства. Онъ указываетъ при этомъ на тотъ, отмѣченный и мною, фактъ, что конкуренція западныхъ штатовъ чрезвычайно тягостно отражается на фермерахъ восточныхъ штатовъ. Фактъ—самъ по себѣ ничего еще не говорящій. Упадокъ земледѣлія въ нѣкоторыхъ восточныхъ штатахъ, т. е. въ частности въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой Англіи, очень просто объясняется почвенными условіями этихъ штатовъ, при которыхъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ не стоитъ, разъ можно получать со стороны земледѣльческіе продукты. Развивается только высокоинтенсивное хозяйство въ густонаселенныхъ промышленныхъ штатахъ Новой Англіи (въ особенности въ Массачусетсѣ). Эволюція сельскаго хозяйства и въ этой области отнюдь не можетъ быть охарактеризована просто словомъ „упадокъ“, какъ представляетъ это г.-онъ. Безспорно переживается кризисъ; но, какъ замѣчаетъ Левассеръ, это даже „не столько кризисъ, сколько безвозвратное преобразованіе; положеніе однако вовсе не безнадежное, такъ какъ земля имѣетъ разныя назначенія и, если въ одномъ мѣстѣ поля возвращаются къ своему прежнему состоянію, запускаются подъ лѣсъ, то въ другомъ они покрываются овощами“. (О Новой Англіи см.

Levasseur. L'agriculture aux Etats-Unis, Paris 1894, 164—173). Что въ лѣсистыхъ штатахъ съ гранитной почвой (Мэнъ, Нью-Гэмпширъ, Вермонтъ) запускаются поля, вполнѣ естественно и ничего печальнаго не представляетъ.

Далѣе г.—онъ пользуется статистикой, которая говоритъ, что въ восточныхъ штатахъ размѣръ фермъ мельчаетъ [1]), что „цѣнность ихъ, обусловленная доходностью, повышается крайне незначительно", а отсюда вытекаетъ сокращеніе общей культивируемой площади этого района. Но всякая статистика должна быть разсмотрѣна съ извѣстной „точки зрѣнія". И тогда окажется, что самое раздѣленіе Соединенныхъ Штатовъ на западную и восточную части при помощи „раздѣльной линіи, представляемой теченіемъ Миссисипи, а на Сѣверѣ западной оконечностью Верхняго Озера" не имѣетъ сельско-хозяйственнаго смысла и полученныя путемъ такого раздѣленія сопоставленія лишены всякаго значенія. Дѣло въ томъ, что въ сельско-хозяйственномъ отношеніи Соединенные Штаты дѣлятся обыкновенно на 5—9 областей и только сравненіе процесса внутри такихъ областей даетъ возможность дѣлать какіе-нибудь выводы. Такъ, напримѣръ, Левассеръ дѣлитъ весь Союзъ на 9 сельско-хозяйственныхъ областей. Этимъ дѣленіемъ я воспользуюсь въ своемъ изложеніи.

Я говорилъ въ своей книжкѣ, что американскій фермеръ сокращаетъ площадь пшеничныхъ посѣвовъ и начинаетъ производить болѣе цѣнный продуктъ—скотъ (Крит. Замѣтки, стр. 210). Г.—онъ заявляетъ, что говоря это я „основывался на доктринерскомъ предразсудкѣ, что это должно быть именно такъ, какъ онъ говоритъ" (Р. Б. 1895 г. № 1, стр. 182). А опровергается мое утвержденіе тѣмъ, что ростъ западнаго района въ сельско-хозяйственномъ отношеніи быстрѣе роста восточнаго. Но это понятно само собой—первые шаги развитія почти всегда быстрѣе дальнѣйшихъ; чѣмъ ниже абсолютно какая-нибудь величина, тѣмъ всегда больше ея относительный и очень часто абсолютный ростъ. Экстенсивное хозяйство, пока оно еще распространяется, всегда растетъ очень энергично. Но, опять-таки повторяемъ, раздѣленіе, принятое г.—ономъ, никуда не годится, а потому посмотримъ, не основаны ли его слова о доктринерскомъ предраз-

[1]) Между прочимъ, косвенное доказательство интенсификаціи хозяйства. П. С.

судкѣ на этомъ никуда негодномъ раздѣленіи. Новая Англія, какъ мы видѣли, ничего не доказываетъ, и конечно, не о сокращеніи посѣвовъ въ этой области говорилъ я въ своей книжкѣ, ибо сборъ пшеницы въ Новой Англіи совершенно минимальный. Замѣчу только, что и въ Новой Англіи число молочныхъ коровъ увеличилось съ 1860 по 1893 г. съ 676 тыс. головъ до 863 тыс. (Levasseur).

Для провѣрки моего утвержденія необходимо обратиться къ житницѣ Соединенныхъ штатовъ къ области центральныхъ равнинъ (штаты: Огайо, Мичиганъ, Индіана, Иллинойсъ, Миссури, Айова, Небраска, Канзасъ. Levasseur l. c., 201—217). „Было время, говоритъ Левассеръ, когда западная часть этой области была „преріей“, „Far West“ (отдаленный западъ). Но „Far West“, не имѣющій опредѣленныхъ границъ, все удаляется по мѣрѣ заселенія страны, и культура мѣстами покрыла уже прерію деревьями“.

На эту область въ 1892 г. изъ общаго сбора маиса=1,628 милл. бушелей, приходилось 1,031 м.; пшеницы=515 м. б.—248 м.; овса (1893)=638 м. б.—343 м. Здѣсь особенно поучительны въ разсматриваемомъ мною отношеніи два штата—Иллинойсъ и Айова (изъ нихъ первый относится къ восточной, второй—къ западной части, по раздѣленію г.—она). По производству пшеницы Иллинойсъ занималъ въ 1880 г. первое мѣсто, въ 1891 г. — седьмое, Айова въ 1880 г.—седьмое, въ 1891 г.—девятое. По производству же маиса (главный кормъ для скота, включая сюда и свиней) Иллинойсъ и Айова сохранили свое первенство, помѣнявшись только мѣстами: Айова обогнала Иллинойсъ и занимаетъ теперь первое мѣсто въ этомъ отношеніи [Fr. Oetken. Die Landwirtschaft in den Vereinigten Staaten von Nordamerika etc. Berlin 1893 (846 SS.) S. 49—50].

За тотъ же періодъ цѣнность молочныхъ коровъ возрасла: въ Айовѣ съ 21 милл. долл. до 24 [1]), въ Иллинойсѣ съ 20 до 24 [2]). Количество другого скота увеличилось еще болѣе. Въ 1892 г. первое мѣсто по количеству свиней занимали именно Айова (7.105,320 штукъ) и Иллинойсъ (4.894,815 шт.). А „превращеніе маиса въ свиное мясо есть одно изъ главныхъ употребленій этого

---

[1]) Въ 1893 г. уже 27 м. Въ Айовѣ молочное хозяйство стоитъ на очень высокомъ уровнѣ.

[2]) Въ 1893 г. уже болѣе 25 м.

зернового продукта" (Levasseur 158). Для всей области прогрессъ иллюстрируется слѣдующими цифрами: въ 1859 г. общее число скота на фермахъ было 28,6 милл. гол., въ 1893 г. оно поднялось до 62 м. Въ 1868 г. весь сборъ маиса и пшеницы составлялъ 560 милл. бушелей, въ 1888 г. онъ поднялся до 1496 м. Общая цѣнность фермъ утроилась за 30 лѣтъ: въ 1860 г. она составляла 1,97, въ 1880 г.—4,565, въ 1890 г.—6,069 милл. долл.; средняя цѣнность одной фермы поднялась съ 2,879 долл. въ 1860 г. до 3,140 въ 1880 г. и до 4,200 въ 1890 (Levasseur 210). Этотъ ростъ отнюдь нельзя отнести насчетъ расширенія пшеничныхъ посѣвовъ; это не есть, словомъ, ростъ примитивнаго экстенсивнаго хозяйства. Сборъ пшеницы во всей области возросъ съ 150,228 милл. буш. въ 1869 г. до 248 м. въ 1892 г. (въ 1893 г. онъ опустился до 165,896 м.). Но въ Айовѣ и Иллинойсѣ сборъ пшеницы упалъ съ 29,435 и 30,128 м. б. въ 1869 г. до 6,749 и 15,507 м. б. въ 1893. Въ Айовѣ въ 1880 г. площадь подъ пшеничными посѣвами составляла 3.190,212 акровъ, въ 1893 лишь 587 т. акр. Именно про Айову, Oetken, практическій сельскій хозяинъ, спеціально знакомый съ этимъ штатомъ, говоритъ: „полевое хозяйство въ общемъ... совершенно понятнымъ образомъ съ каждымъ годомъ приближается къ правильному плодосмѣну, хотя этотъ прогрессъ и происходитъ очень медленно и незамѣтенъ, если наблюдать короткіе періоды" (l. c. 141). Въ частности развивается т р а в о с ѣ я н і е. Сокращеніе пшеничныхъ посѣвовъ въ значительной и въ сельско-хозяйственномъ отношеніи важнѣйшей области во всемъ союзѣ насчетъ производства скота выражается въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что, въ то время какъ съ 1880 г. и сборъ и вывозъ пшеницы въ общемъ находятся въ станціонарномъ состояніи, производство и вывозъ скота растутъ чрезвычайно энергично. „Вывозъ живого рогатаго скота увеличился съ 27,530 гол., цѣнностью въ 439,987 долл. или 15,98 д. за штуку въ 1870 до 374,679 гол. цѣнностью въ 30.445,249 долл. или 81,26 д. за штуку въ 1891 г. За этотъ короткій періодъ число головъ экспортируемаго скота увеличилось вдесятеро, цѣнность же его возрасла въ семьдесятъ разъ, и даже болѣе, если считать 1890 г." (Oetken l. c. 293). Съ 1880 г. вывозъ живого скота возросъ къ 1890 г. съ 180,756 головъ до 394,836.

Вывозъ свѣжаго битаго мяса (I) и вывозъ солонины и копченаго мяса (II) представлялся за соотвѣтствующіе годы въ слѣдующихъ цифрахъ:

	I	II
1880.	84.717,194 фунтовъ	45.237,472 ф.
1890.	173.237,596 —	97.508,419 —

Всѣ эти данныя объясняютъ, почему западно-европейскіе знатоки американской конкуренціи [1]) считаютъ для европейскаго сельскаго хозяйства опасной не столько хлѣбную конкуренцію Америки, сколько конкуренцію мясомъ, прямо мотивируя этотъ взглядъ тенденціей сокращенія хлѣбнаго производства насчетъ -производства скота, замѣчаемой въ американскомъ сельскомъ хозяйствѣ. А въ этой тенденціи и выражается интенсификація американскаго хозяйства. Кромѣ того, при оцѣнкѣ успѣховъ скотоводства въ С. Америкѣ надлежитъ принимать во вниманіе, что цифры головъ скота очень недостаточно выражаютъ прогрессъ, такъ какъ скотъ улучшается въ качественномъ отношеніи: его мясность и молочность увеличиваются [2]). Въ центральной области, о которой мы говорили выше, широко практикуется наряду съ выращиваніемъ рожденнаго на мѣстѣ скота и откармливаніе степного. „Я не знаю, говоритъ Левассеръ объ этой области, другой большой территоріи, которая обладала бы на душу населенія такимъ изобиліемъ и въ то же время такимъ разнообразіемъ хлѣбовъ и скота". Повышеніемъ молочности скота и еще болѣе увеличеніемъ жироваго содержанія въ молокѣ, быть можетъ, всего проще объясняется незначительный ростъ числа молочныхъ коровъ въ штатѣ Нью-Іоркъ, на что указываетъ г.—онъ. И этотъ техническій прогрессъ въ данномъ случаѣ естественно объясняется капиталистическимъ раздѣленіемъ труда въ указанномъ производствѣ. Тамъ, гдѣ развилось раціональное молочное хозяйство—въ связи съ маслодѣліемъ и сыровареніемъ на началахъ чисто капиталистическаго производства—молоко фермеровъ оплачивается не по количеству, а по жировому содержанію. Естественно, что такой методъ оплаты стимулируетъ техническій прогрессъ.

Съ 1850 г. въ области раціональнаго молочнаго хозяйства средняя молочность и среднее жировое содержаніе молока увеличились въ два раза (Oetken). И „этотъ прогрессъ американскаго молочнаго хозяйства—по крайней мѣрѣ теперешній болѣе

---

[1]) Напр. Sering и Oetken.

[2]) Обстоятельно объ этомъ говоритъ Oetken l. c.

оживленный темпъ въ его развитіи—относится къ той эпохѣ, когда почти одновременно и въ Западной Европѣ были введены современныя совершенныя сливкоотдѣлительныя машины" (Oetken l. c. 358). Итакъ, по основанному на фактическихъ данныхъ взгляду компетентнаго лица, прогрессъ американскаго молочнаго хозяйства тѣсно связанъ съ тѣмъ самымъ явленіемъ, которымъ г.--онъ объясняетъ его упадокъ. И тутъ мы имѣемъ еще разъ поучительный для г.—она примѣръ, показывающій, что и къ статистическимъ цифрамъ нужно подходить съ извѣстной „точкой зрѣнія", что знать кое что нестатистическое полезно для того, чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе внушительными „цифрами" [1]).

Читатель видитъ теперь самъ, въ какихъ цифрахъ и фактахъ представляется.... „доктринерскій предразсудокъ" г. Струве.

Во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ г. —онъ самымъ грубымъ образомъ обобщаетъ рядъ фактовъ, либо вообще очень мало имѣющихъ общаго между собой, лнбо представляющихъ различныя ступени одного и того же процесса. Конечный результатъ процесса принимается г. —ономъ за ближайшій, и это про-

[1]) Наше разногласіе относительно значенія и жизнеспособности bonanza-farms, конечно, вытекаетъ изъ различія нашихъ взглядовъ на прочность хищническаго экстенсивнаго хозяйства. Г.—онъ отъ моихъ возраженій, основанныхъ на мнѣніи такихъ общепризнанныхъ знатоковъ американскаго народнаго хозяйства, какъ Зерингъ и Руд. Мейеръ, отдѣлывается ссылкой на... разсказъ одной чикагской газеты (Рус. Б—во, № 1, стр. 176), представляя дѣло такъ, будто высказанный мною взглядъ есть мое *личное мнѣніе*. Еще недавно Зерингъ на послѣднемъ собраніи „Verein'a für Sozialpolitik" повторилъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ взглядъ на bonanza farms, высказанный имъ еще въ 1887 г. (Verhandlungen der am 28 и 29. September 1894 in Wien abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Socialpolitik über die Kartelle u. das ländliche Erbrecht. Lpz. 1895 Ss. 304—306). „Конкуренцію намъ (т. е. западной Европѣ) дѣлаютъ не малочисленныя и быстро уменьшающіяся въ числѣ (in starkem Rückgange begriffenen) bonanza-farms, а среднія предпріятія, хозяйство въ которыхъ ведется съ необыкновенной утонченностью" („die mittelgrossen Betriebe, die mit ausserordentlichem Raffinement bewirtschaftet werden"). Къ Зерингу и Р. Мейеру въ послѣднее время присоединился и профессоръ агрономіи Бреславльскаго университета Вольтманъ (Wohltmann), посѣтившій въ 1893 г. Америку (Landwirtschaftliche Reissestudien 1894). Ср. еще статью Р. Мейера: Ueber Latifundien-Landwirthschaft in Nordamerika Neue Zeit XII (1893—1894), 2, 682—688), которую авторъ заканчиваетъ слѣдующей фразой:..... „я остаюсь при томъ, что и въ Сѣверной Америкѣ, кромѣ Калифорніи,

исходитъ не случайно, а вытекаетъ изъ всего характера его мышленія, которое можно, по терминологіи Маркса и Энгельса, охарактеризовать какъ абсолютное и метафизическое. Поэтому-то г. —онъ совершенно всуе цитируетъ разныя мѣста изъ всѣхъ трехъ томовъ „Капитала".

„Мораль исторіи, —приводитъ г. —онъ одно мѣсто изъ 3-го тома Капитала—которую мы можемъ... извлечь, разсматривая земледѣліе также и съ другихъ сторонъ, заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію или что раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и содѣйствуетъ техническому развитію земледѣлія) и требуетъ или рукъ самихъ работающихъ мелкихъ крестьянъ, или контроля ассоціированныхъ производителей" (Ш, 1, 98).

Маленькая фраза: „хотя послѣдняя (т. е. капиталнстическая система) содѣйствуетъ техническому развитію земледѣлія" содержитъ все громадное различіе между Марксомъ и г. —ономъ. Развитіе каждой данной экономической формы и ея противорѣчій, съ точки зрѣнія Маркса, представляетъ цѣлый процессъ, различныя фазы котораго могутъ имѣть между собой нѣкоторое внѣшнее сходство, состоящее хотя бы въ томъ, что съ практической точки зрѣнія онѣ завершаются кризисомъ. Но это сходство не даетъ права отожествлять различныя фазы, и только „точка зрѣнія" можетъ избавить изслѣдователя отъ подобныхъ грубыхъ ошибокъ.

„Великая заслуга капитала — раціонализація земледѣлія"— говоритъ Марксъ (Ш, 1, 157), но въ своемъ развитіи капитализмъ въ земледѣліи приходитъ въ столкновеніе съ раціональностью.

Утверждая это, Марксъ имѣетъ въ виду англійское капиталистическое земледѣліе, гдѣ предприниматель и земельный собственникъ два различныхъ лица; изъ столкновенія ихъ интересовъ выводитъ Марксъ свой взглядъ на то, что въ данный историческій моментъ данная система производственныхъ отношеній не-

---

существующія теперь исполинскія фермы перестаютъ приносить доходъ и должны прекратить свое существованіе" („ich bleibe dabei, dass auch in Nordamerika, ausserhalb Kaliforniens, der jetzt übliche Riesenfarmbetrieb unrentabel wird und also enden muss"). Эти фермы недолговѣчны именно потому, что онѣ практикуютъ совершенно хищническое экстенсивное хозяйство, à la longue не могущее быть и *экономически* раціональнымъ.

совмѣстна съ дальнѣйшимъ техническимъ прогрессомъ [1]). Вырванная изъ связи съ другими положеніями, развиваемыми Марксомъ въ томъ же 3-мъ томѣ Капитала, эта фраза можетъ быть очень ложно истолкована: такъ изъ нея можно было бы, пожалуй, вывести, что Марксъ вѣрилъ въ возможность увѣковѣчить мелкое крестьянское земледѣліе съ его нераціональнымъ, полу-натуральнымъ хозяйствомъ. Но Марксъ былъ очень далекъ отъ такого взгляда. Резюмируя свою оцѣнку капиталистическаго и мелкаго крестьянскаго земледѣлія, онъ говоритъ: „при мелкой культурѣ, цѣна земли, являющая формой и результатомъ частной собственности на землю, выступаетъ какъ преграда производства. При крупномъ земледѣліи и опирающейся на капиталистическій способъ производства крупной земельной собственности такой преградой является также институтъ собственности, потому что онъ ограничиваетъ производительное помѣщеніе капитала арендаторомъ, помѣщеніе, плоды котораго въ конечномъ счетѣ достаются не ему, а поземельному собственнику. При той и при другой формѣ на мѣсто сознательной, раціональной обработки земли, какъ общей вѣчной собственности, какъ неотчуждаемаго условія существованія и воспроизведенія цѣпи смѣняющихся поколѣній человѣчества, является эксплуатація и расточеніе силъ земли (не говоря уже о зависимости эксплуатаціи не отъ достигнутой высоты общественнаго развитія, а отъ случайныхъ и неравныхъ условій отдѣльнаго производителя). При мелкой собственности это происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ и познаній для примѣненія общественной производительной силы труда. При крупной собственности это вызывается путемъ эксплуатаціи этихъ средствъ въ интересахъ возможно болѣе быстраго обогащенія арендатора и собственника. При томъ и при другомъ размѣрѣ землевладѣнія такой результатъ порождается зависимостью производителя отъ рыночной цѣны“ („Капиталъ“, Ш, 2, 346—447).

Эти и другія разсужденія Маркса объ аграрныхъ отношеніяхъ, содержащіяся въ 3-мъ томѣ, не исчерпываютъ нисколько вопроса объ экономической эволюціи сельскаго хозяйства при всѣхъ возможныхъ и дѣйствительно наблюдаемыхъ условіяхъ; нѣкоторыя положенія навѣрное нуждаются въ поправкахъ, основываясь на отвергнутыхъ уже теоріяхъ прежней агрономіи (ученіе Либиха о

[1]) Какимъ образомъ эта коллизія интересовъ задерживаетъ прогрессъ, будетъ ясно изъ дальнѣйшихъ, приводимыхъ ниже, разсужденій Маркса.

Raubbau на стр. 347), но во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ ясно выступаетъ основная *точка зрѣнія* Маркса. Она сводится къ слѣдующему:

Земледѣліе, основанное на изолированномъ хозяйствѣ разобщенныхъ производителей, подчиненное рыночнымъ колебаніямъ, страдаетъ отъ той же анархіи производства, что и промышленность. *При этой анархіи* даже технически вполнѣ раціональное производство не можетъ быть прочно. Кромѣ того подчиненіе производителя рынку приводитъ къ столкновенію между экономическою и техническою раціональностью. Словомъ, по Марксу эволюція земледѣлія и промышленности при развитомъ товарномъ, т. е. капиталистическомъ, производствѣ въ главныхъ чертахъ *тождественна*, не въ смыслѣ полнаго сходства формъ, а въ смыслѣ конечнаго результата,—необходимости общественной организаціи. Но такъ же прогрессивна, исторически-необходима и законна съ этой *точки зрѣнія* и роль въ земледѣліи товарнаго производства, частной собственности и капитала. „Оправданіе поземельной собственности, какъ и другихъ формъ собственности опредѣленнаго способа производства, состоитъ въ томъ, что самый способъ производства, а, стало быть, и вытекающія изъ него условія производства и обмѣна представляютъ преходящую историческую необходимость“ („Капиталъ“, III, 2, стр. 162).

Марксъ, конечно, понималъ, что конкуренція и кризисы на извѣстной ступени экономической эволюціи не задерживаютъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ, но, напротивъ, стимулируютъ его и что товарно-капиталистическое хозяйство не можетъ развить своихъ противорѣчій, находясь еще въ зачаточномъ состояніи. Это—„точка зрѣнія“ и устанавливалась она не разъ основателями „новой школы“; она положена въ основу ихъ анализа общественныхъ отношеній. Отсюда ясно, что выдвигать противъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что ближайшая экономическая будущность Россіи необходимо сведется къ развитію капиталистическихъ отношеній, въ наличности уже существующихъ, указаніе на конечныя противорѣчія капитализма, нисколько не соотвѣтствуетъ *„точкѣ зрѣнія“* Маркса.

„Ни г. Бельтовъ, ни г. П. фонъ-Струве и никто другой изъ подобныхъ имъ „учениковъ Маркса“ никогда никакого такого анализа (т. е. анализа дѣйствительныхъ отношеній) не производили“ („Р. Б.“ № 3, стр. 46).

Я не буду ссылаться на анализъ русской внутренней жизни,

который—съ *нашей* точки зрѣнія—былъ произведенъ задолго до появленія не только „Критическихъ Замѣтокъ“, но и „Очерковъ нашего переформеннаго хозяйства“ (какъ книги) [1]). Русскій читатель и безъ моихъ указаній сумѣетъ по достоинству оцѣнить это сужденіе г. —она, отрицающее существованіе такого анализа. Но и шестая глава „Критическихъ Замѣтокъ“, несмотря на всю ея неполноту, содержитъ въ себѣ анализъ русской дѣйствительности. Анализъ этотъ ведется съ опредѣленной точки зрѣнія, и потому-то онъ приводитъ автора къ выводамъ не только не „тождественнымъ“, но даже и не „близкимъ“ къ положеніямъ г. —она. Отрицать анализъ противника, утверждать, что его работа кишитъ противорѣчіями и непониманіемъ основныхъ задачъ науки и т. д. и т. д. (стр. 53, № 3, „Р. Б.“) не значитъ опровергнуть противника, это значитъ въ лучшемъ случаѣ обнаружить печальные признаки маніи величія. Авторъ „Критическихъ Замѣтокъ“, хотя и не любитель бѣлыхъ перчатокъ въ литературѣ, но въ своей полемикѣ съ противниками онъ всюду старался не только показать ошибки, недостатокъ познаній и пониманія у противниковъ, но вскрыть самыя основы разногласія, вытекающаго изъ различія „точекъ зрѣнія“. Такъ будетъ поступать онъ и теперь.

Исходнымъ пунктомъ анализа русской дѣйствительности въ „Критическихъ Замѣткахъ“ служитъ констатированіе народнохозяйственнаго переворота огромной важности—перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Первичнымъ моментомъ является тутъ не развитіе промышленнаго капитализма на почвѣ насильственной экспропріаціи непосредственнаго производителя [2]), а вовлеченіе земледѣлія въ обмѣнъ, дифференцирующее сельское населеніе на классъ сельской, болѣе или менѣе мелкой, буржуазіи и сельскаго пролетаріата, изъ котораго рекрутируется и пролетаріатъ промышленный. Развитіе этой дифференціаціи обостряетъ перенаселенность въ центральной земледѣльческой области (см. выше). Рядомъ съ дифференцирующимъ дѣйствіемъ проникающаго мѣноваго хозяйства, техническая нераціональность

---

[1]) Ср. указаніе въ Socialpolitisches Centralblatt, № 1 за 1893—1894 г.

[2]) Марксъ, повидимому, считалъ такой ходъ процесса всеобщимъ при развитіи капитализма. Въ „Критическихъ Замѣткахъ“ я указываю, что въ Россіи процессъ происходитъ нѣсколько иначе, чѣмъ нисколько не измѣняется его сущность—развитіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній.

крестьянскаго хозяйства, выражающаяся въ неурожаяхъ, нивеллируетъ крестьянскую массу. Первый процессъ создаетъ и расширяетъ внутренній рынокъ для промышленнаго капитала, второй его сокращаетъ. Мы, конечно, также не раздѣляемъ мнѣнія, что Россіи „предстоитъ“ участь Перу или Мексики, или Месопотаміи („Русск. Бог.“ № 2). Русское буржуазное общество, — скажемъ мы, перефразируя высокопарныя слова г. —она на стр. 23 № 2 „Русск. Бог.“—слишкомъ сильно для того, чтобы не дать своей возникающей мелкой буржуазіи культурныхъ средствъ для устраненія технической нераціональности. Въ этомъ, какъ указывалъ не какой нибудь марксистъ, а даже самъ г. В. В., заинтересована и крупная русская буржуазія; въ этомъ заинтересовано государство; для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ „героическому средству“, рекомендуемому г.—ономъ („героическимъ“ его совершенно вѣрно называетъ г. В. В., „Очерки теоретической экономіи“, стр. 241). „Героическое средство“ немыслимо безъ „героическаго самосознанія“, о которомъ говорилъ авторъ книги „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (стр. 235). А для примѣненія скромныхъ средствъ, рекомендуемыхъ г. В. В., достаточно самосознанія развивающейся мелкой буржуазіи и матеріальныхъ средствъ наличнаго общества. Но г. —онъ не понимаетъ или не признаетъ указаннаго процесса. Онъ думаетъ, что въ Россіи наблюдается лишь частный случай „заколдованнаго круга“, въ которомъ вращается всемірное капиталистическое хозяйство. „Европейская крупная промышленность сама роетъ себѣ могилу“, — цитируетъ онъ Маркса. „Съ опредѣленной точки развитія каждое дальнѣйшее расширеніе рынка обозначаетъ для нея возникновеніе новаго конкурента... Не говоря о Россіи и объ американскихъ штатахъ, Остъ-Индія, Японія, Китай, Австралія развиваются въ промышленныя государства, которыя въ промышленномъ отношеніи будутъ сами себя удовлетворять“.

Но неужели г.—онъ не видитъ, что цитируемое имъ разсужденіе совершенно ясно говоритъ, что для полученія „заколдованнаго круга“, на который онъ указываетъ, необходимъ тотъ частный случай на русской почвѣ, возможность и развитіе котораго онъ отрицаетъ?

Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить еще случай, когда г.—онъ опять всуе цитируетъ Маркса: „Конечная причина всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ все-таки заключается въ бѣдности и ограниченности потребленія массъ (и цитируемый авторъ тоже запутывается „въ безвыходномъ кругѣ“, выходъ изъ котораго по

мнѣнію г. П. фонъ-Струве „очень простъ") сравнительно со стремленіемъ капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ будто предѣлами имъ служитъ только абсолютная способность потребленія общества" („Р. Б." № 2, стр. 19).

Всякое мѣсто убѣдительно, поскольку оно не вырвано изъ контекста и смыслъ его такимъ образомъ не искаженъ. Между тѣмъ, тотъ абзацъ, изъ котораго заимствована цитата, начинается слѣдующей фразой: „представимъ себѣ все общество состоящимъ исключительно изъ промышленныхъ капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ". Ясно, что цитата къ нашему частному случаю не относится и никакъ не можетъ объяснять его эволюціи. Еще менѣе можетъ она опровергать аргументацію автора „Критическихъ Замѣтокъ" (стр. 245—260). Я прямо указывалъ, что „фикція, по которой все современное общество состоитъ только изъ капиталистовъ и рабочихъ, не можетъ ни на волосъ подвинуть насъ впередъ въ дѣлѣ выясненія какого-либо историческаго процесса". Эта фикція можетъ только затемнить вопросъ о развитіи капиталистическаго хозяйства въ Россіи.

Г.—онъ ужасно ненавидитъ капитализмъ, но, къ сожалѣнію, его пониманіе капитализма не находится на уровнѣ ненависти. И опять дѣло тутъ въ *„точкѣ зрѣнія"*, а не въ размѣрѣ познаній. Отъ сдѣланныхъ въ моей книгѣ указаній, что статистическія данныя о производствѣ и потребленіи волокнистыхъ матеріаловъ, на которыя опирается г.—онъ, никакого доказательнаго значенія не имѣютъ, онъ отдѣлывается очень странными возраженіями. Статистическія данныя г. — она неубѣдительны, потому что 1) взяты за слишкомъ короткій періодъ, при чемъ не приняты во вниманіе такіе „пертурбаціонные" факторы, какъ неурожаи, 2) сравниваются несравнимыя ни въ потребительномъ, ни въ мѣновомъ отношеніи величины — пуды льна и хлопка. Теперь г.—онъ для того, чтобы поддержать свои выводы и отстоять свои совершенно несостоятельные пріемы доказательства, ссылается на то, „что потребительная стоимость льняныхъ и шерстяныхъ издѣлій во много разъ превышаетъ хлопчатобумажныя, что они и теплѣе и прочнѣе, дольше носятся. Выразить эти отношенія въ цифрахъ для потребленія всей Россіи довольно затруднительно, но фактъ остается фактомъ, худшая потребительная стоимость вытѣсняетъ лучшую" („Русское Богатство" № 2, стр. 5). „Крайне глубокая и

„оригинальная“ мысль г. П. фонъ-Струве показываетъ, насколько онъ проникъ въ смыслъ того вопроса, который взялся обсуждать, и вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько самъ онъ проникнутъ идеей „власти денегъ“. Рѣчь идетъ вѣдь о *потребительныхъ стоимостяхъ*, объ измѣненіи ихъ количества и качества во времени, совершенно независимо отъ того, какова ихъ мѣновая стоимость“ („Р. Б.“ № 2, стр. 6).

Но, во-первыхъ, о потребительной стоимости (цѣнности) *издѣлій* двухъ родовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя судить по количеству *сырья* того и другого рода, не зная точно отношенія между сырьемъ и издѣліями. А во-вторыхъ,—и это самое важное — для вопроса *о развитіи національнаго богатства, т. е. капитализма, совершенно безразлична потребительная цѣнность.*

Г.—онъ не понимаетъ, что національное богатство есть понятіе капиталистическое, и что не г. П. фонъ-Струве проникнутъ идеей „власти денегъ“, а проникнутъ ею капиталистическій строй, для котораго имѣютъ значеніе только мѣновыя стоимости, производимыя ради прибыли. Другими словами для развитія капиталистическаго хозяйства важно *платящее* потребленіе, а не потребленіе вообще. Эволюція же капиталистическаго хозяйства есть главный предметъ нашего спора. Тутъ мы переходимъ къ изумительному косвенному доказательству г. — она. Положенія г. — она доказываются яко бы „законами потребленія“ Энгеля. Развитіе народнаго хозяйства въ моментъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному выясняется путемъ аналогіи съ расходнымъ бюджетомъ рабочихъ семействъ — чистѣйшій случай денежнаго хозяйства, основаннаго на продажѣ рабочей силы!! Г.— онъ приводитъ подтверждающія законы Энгеля данныя американскаго изслѣдованія и говоритъ, что изъ этихъ данныхъ... „очевидно, что чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ больше увеличивается относительный расходъ на самую необходимую потребность существованія, на пищу; что уменьшающееся потребленіе хлѣба во всей странѣ указываетъ на то, что относительный расходъ на одежду и „прочія потребности“... понижается, слѣдовательно, производство продуктовъ обрабатывающей промышленности для всей страны *возрасти не можетъ*, не только абсолютно, но и относительно“ („Р. Б.“ № 2, стр. 11).

Вѣрно ли все это? Нѣтъ, потому что забыто *маленькое обстоятельство* — переходъ отъ хозяйства натуральнаго къ хозяйству денежному. Потребленіе пищи на душу въ такомъ случаѣ можетъ

упасть (при несоотвѣтствіи между ростомъ производства и населенія), но платящее потребленіе продуктовъ обрабатывающей промышленности можетъ въ то же время возрасти и абсолютно, и относительно. Абсолютно—потому, что прежнее натуральное удовлетвореніе потребностей уступаетъ мѣсто денежному, относительно—потому, что и экономически самостоятельная, зажиточная часть населенія, которое (очень важная черта!) дифференцируется, увеличиваетъ свое платящее потребленіе. Такъ безъ всякихъ натяжекъ объясняется ростъ русскаго капиталистическаго производства за 80-е годы при обѣднѣніи населенія. Этотъ случай указанъ въ „Критическихъ Замѣткахъ".

„Эти господа—говоритъ г.—онъ о марксистахъ,—на основаніи фактическихъ данныхъ пришли къ заключенію, что вся сумма общественныхъ производительныхъ силъ увеличивается, что народное благосостояніе, на которомъ основывается капиталистическое производство, возрастаетъ (sic! П. С.); что развитіе этого способа производства въ своемъ ходѣ не только не встрѣчаетъ никакихъ препятствій въ возрастающей бѣдности, но идетъ все впередъ, да впередъ; что „миссія" капитализма, состоящая по мнѣнію „учениковъ" Маркса въ относительномъ увеличеніи числа лицъ, занятыхъ въ обрабатывающей и добывающей промышленности, имъ выполняется; и ко всему этому „ученики Маркса" пришли, произведя „анализъ" хода экономическаго развитія" („Р. Б." № 3, стр. 46).

Неужели г. — онъ серьезно думаетъ, что капиталистическое производство основывается на народномъ благосостояніи [1])? Неужели такова его „точка зрѣнія"? Неужели г.—онъ серьезно думаетъ, что онъ самъ или г. Карышевъ доказали, что въ 80-е годы число фабрично-заводскихъ рабочихъ относительно уменьшилось? Этого доказать за отсутствіемъ сколько-нибудь точныхъ данныхъ прямо невозможно [2]). Но допустимъ даже, что фактъ относительнаго уменьшенія числа фабричныхъ рабочихъ доказанъ. Доказываетъ ли этотъ фактъ то, что хочетъ доказать имъ г.—онъ? Отнюдь нѣтъ. Дѣло въ томъ, что населеніе чисто земледѣльческой Россіи раз-

[1]) Конечно вся сумма общественныхъ производительныхъ силъ возрастаетъ при развитіи капитализма, но этотъ ростъ далеко не всегда тождественъ съ ростомъ народнаго благосостоянія.

[2]) Доп. 1900 г. Съ тѣхъ поръ вышла книга Туганъ-Барановскаго „Русская фабрика", въ которой статистическая аргументація г.г. Н—она и Карышева окончательно ниспровергнута.

множается гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе Россіи промысловой [1]) и, пока натуральное хозяйство продолжаетъ быть *преобладающимъ*, такой ходъ размноженія можетъ измѣнять соотношеніе между земледѣльческимъ и промышленнымъ населеніемъ въ пользу перваго. Но самый *ростъ населенія* (перенаселеніе, которое г.—онъ считаетъ только словомъ) [2]) необходимо положитъ или, быть можетъ, уже положилъ предѣлъ такому прогрессу: съ одной стороны, началось и прогрессируетъ бѣгство сельскаго населенія въ города и обращеніе его къ неземледѣльческому труду, съ другой стороны, именно въ 80-е годы полился потокъ сельскихъ рабочихъ изъ средней Россіи на югъ и востокъ, переселенцевъ въ Сибирь.

Говорить ли о томъ, что исключительное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ въ 1894 г. и вліяніе его на состояніе русской обрабатывающей промышленности ничего не доказываетъ, хотя г.—онъ и думаетъ, что „три четыре мѣсяца... (sic!)... принесли съ собой множество фактовъ, подтверждающихъ нашу основную мысль“ („Р. Б.“, № 3, стр, 55)? Такія доказательства нельзя даже опровергать, а приходится только отвергать и, такъ сказать, отсѣкать, какъ совершенно непригодныя. Оцѣнка доказательствъ также опредѣляется „точкой зрѣнія“.

Въ ней все дѣло. Вѣдь точкой зрѣнія продиктована, напримѣръ, такая фраза: „Чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891 г., тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію. И дѣйствительно, все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства“. („Р. Б.“ № 1, стр. 156).

Читатель можетъ замѣтить, что эта фраза—просто вздоръ, и конечно будетъ правъ. Но вздоръ вздору—рознь. Вздоръ г. — она не только насмѣшка надъ русской жизнью, отдающая манилов-

[1]) П. Н. Милюковъ „Очерки по исторіи русской культуры“ Часть I. Изд. 4-ое, стр. 34.

[2]) Г.—онъ отдѣлывается отъ вопроса о населеніи фразой, что безъ причинъ, о которыхъ говорилъ онъ въ своихъ „Очеркахъ“, не было бы перенаселенія („Р. Б.“ № 1 стр. 158). Очень смѣлое, но столь же неосновательное утвержденіе, предполагающее или что населеніе не размножалось бы, или же что при натуральномъ хозяйствѣ и полномъ экономическомъ равенствѣ оно всегда самоприспособлялось бы къ средствамъ существованія.

щиной, онъ—явная насмѣшка надъ ученіемъ Маркса. Существуетъ въ странѣ нѣсколько милліоновъ (считая неработающихъ женщинъ и дѣтей) лицъ, живущихъ на счетъ фабричнаго труда, существуетъ очень много кустарей, совершенно зависимыхъ или полузависимыхъ отъ капитала, существуетъ рѣзко дифференцированная масса крестьянства, средніе, крупные землевладѣльцы, мелкіе, средніе и крупные фабриканты, многочисленная бюрократія. И вся эта компанія, все это общество—утверждаетъ нашъ марксистъ—стало проникаться одной экономической или, точнѣе, соціально-экономической идеей. Тотъ, кто пишетъ такія вещи, конечно, не идеологъ плутократіи и не идеологъ натуральнаго хозяйства, онъ просто праздно и сладко болтающій Маниловъ. Марксистомъ такой Маниловъ никогда не будетъ, хотя бы онъ зналъ наизусть три тома „Капитала“ и цитировалъ ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Г. Ник.—онъ забавляется такими кличками, какъ „идеологи плутократіи“, онъ обличаетъ своихъ оппонентовъ въ ловкихъ пріемахъ, сводящихся къ неблаговидному злоупотребленію трудами такихъ авторовъ, какъ Марксъ и Энгельсъ въ интересахъ капитализма. Но прокуроръ, который обвиняетъ „свыше мѣры содѣяннаго“, рискуетъ, даже если подсудимый въ чемъ-нибудь и виновенъ, что присяжные его оправдаютъ. И г. Ник.—онъ ничего другого не добьется. Его обвиненія—плодъ прокурорскаго усердія не по разуму и сами уничтожаютъ себя. Въ то же время г.—онъ, обличая несогласно мыслящихъ, упорно продолжаетъ считать себя марксистомъ; это самообольщеніе само по себѣ было бы совершенно невинно, если бы въ немъ не крылось серьезное недоразумѣніе, которое въ интересахъ истины слѣдуетъ разрушить.

До сихъ поръ предполагалось, что „по теоріи новой школы“ планомѣрная организація производства явится тогда, когда производительныя силы общества перерастутъ данную хозяйственную форму, и что такая организація и общественныя силы, которыя ее создадутъ, вырастутъ на почвѣ столкновенія противоположныхъ интересовъ. А по г.—ону выходитъ, что организація должна быть и будетъ осуществлена государствомъ въ виду недостаточной производительности земледѣльческаго труда, и что рѣшеніе трудной задачи въ Россіи легко именно потому, что здѣсь отсутствуютъ противоположные интересы [1]) и все общество согласно съ

[1]) „...Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ отдѣльныя крестьянскія хозяйства будутъ соединяться въ группы такихъ хозяйствъ, чтобы имѣть возможность вводить болѣе раціональную

г.—ономъ въ отрицательномъ отношеніи къ капитализму. Изумительное совпаденіе идей „новой школы“ со взглядами г.—она, „несомнѣннаго марксиста“! Называть г.—она марксистомъ значитъ заподозривать великаго экономиста въ чертахъ, совершенно ему чуждыхъ: въ утопизмѣ извѣстной бюрократической окраски и въ сентиментальности, той сентиментальности, которую нѣмцы удачно характеризуютъ словомъ „Dusolei“ и которой неизбѣжно отмѣченъ всякій „Allerweltsocialismus“.

У Щедрина есть признаніе, что слово „регламентація“ вызываетъ въ немъ двойственное представленіе, съ одной стороны — о соціализмѣ, съ другой—объ аракчеевщинѣ. Долженъ признаться, что чтеніе г.—она всегда оставляетъ во мнѣ двойственное впечатлѣніе аналогичнаго рода. Правда въ духовномъ складѣ г.—она нѣтъ ничего аракчеевскаго, но въ его писаніяхъ чувствуется бюрократъ, мечтающій объ организаціи производства безъ борьбы общественныхъ интересовъ и классовъ, путемъ распространенія „здоровыхъ идей“ и торжества „правильной хозяйственной политики“. Но къ наименованію такого бюрократическаго утописта марксистомъ можно приложить только извѣстное объясненіе: lucus a non lucendo. Г.—онъ — марксистъ, очевидно, потому, что онъ не признаетъ соціологическихъ идей Маркса. При этомъ слѣдуетъ подчеркнуть, что именно эти идеи изъ всего арсенала Маркса и имѣютъ наибольшее практическое значеніе; имъ именно присуща магическая дѣйственная сила, способная перенести споръ о формахъ производства и путяхъ общественнаго развитія съ бумаги книгъ и журналовъ въ жизнь.

Въ статьѣ „Что же значитъ экономическая необходимость“ („Р. Б.“ 1895 г. 3) № „точка зрѣнія“ г.—она высказана съ полной законченностью. „...Задача... заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріальныхъ хозяйственныхъ условій отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, обставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но спо-

---

культуру и болѣе производительное, а слѣдовательно болѣе дешевое молочное и иное хозяйство, невозможное при мелкихъ размѣрахъ хозяйствъ. Но разрѣшеніе этого вопроса для нихъ будетъ крайне затруднительно, при этомъ будутъ замѣшаны самые разнообразные, противоположные интересы. И только наше общинное землевладѣніе даетъ совершенно простое его рѣшеніе“. („Р. Б.“ № 1 стр. 182).

собствовали бы развитію производительныхъ силъ труда всего общества, взятаго въ цѣломъ. А это возможно только послѣ детальнаго изученія связи общественно-хозяйственныхъ явленій".

„Въ этомъ смыслѣ надо, конечно, понимать тѣхъ, кто, указывая на упомянутое явленіе, говоритъ, что общественно-хозяйственныя условія должны быть направлены къ тому, чтобы законъ общественнаго раздѣленія труда не парализовалъ при своемъ проявленіи общественныя производительныя силы. Это совершенно равносильно тому, когда общество, видя разрушительное вліяніе обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр. и пр., не можетъ оставаться равнодушнымъ и относиться „объективно" къ разрушающему проявленію стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ также по опредѣленнымъ законамъ, а стремится урегулировать проявленіе ихъ настолько, чтобы они не оказывали разрушительнаго вліянія" (стр 51—52). Отождествлять „обобществленіе труда" съ мѣрами противъ обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр., развѣ это не значитъ смотрѣть на процессъ развитія общественныхъ формъ сквозь очки размечтавшагося до утопическихъ бредней бюрократа?! Нужно только, чтобы „общество" и власть имущіе прониклись *нашей идеей*, тогда и водворится всеобщее счастье — такъ всегда разсуждаютъ утописты. „Нужно изучить данное явленіе и изобрѣсти соотвѣтствующее мѣропріятіе, и тогда все зло будетъ устранено"—такъ всегда разсуждаютъ бюрократы. „Разъ... общество начинаетъ проникаться убѣжденіемъ, что законъ созиданія прибыли во всѣхъ ея видахъ при помощи удлиненія рабочаго дня вступаетъ въ коллизію съ болѣе глубокими общественными интересами, съ интересами физическаго и умственнаго развитія большинства населенія, то сначала проявленію его ставятъ преграды сами непосредственно заинтересованныя лица при помощи организацій, стачекъ и пр., но затѣмъ само общество проникается сознаніемъ необходимости дѣятельнаго своего участія и принимаетъ на себя обязанность огражденія своей будущности при помощи фабричнаго законодательства и пр. и пр. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что законъ созиданія прибыли названнымъ путемъ или законъ заработной платы невѣрны сами по себѣ" („Р. Б." 1895 г. № 3 стр. 52).

Изъ этого нѣсколько туманнаго разсужденія вполнѣ явствуетъ однако полное непониманіе г.—ономъ „точки зрѣнія" тѣхъ писателей, на авторитетъ которыхъ онъ постоянно ссылается, и въ

связи съ этимъ столь же глубокое непониманіе самой сущности совершающихся на нашихъ глазахъ общественно-экономическихъ явленій. На Западѣ даже буржуазные экономисты начинаютъ понимать, что въ современномъ обществѣ прогрессъ осуществляется путемъ постоянныхъ столкновеній общественныхъ интересовъ и классовъ и что, въ частности, противъ „закона созиданія прибыли“ борется не все „общество“, а заинтересованный классъ. Всѣ даже самые скромные успѣхи на этомъ пути (фабричное законодательство и т. п.) достигнуты благодаря этой борьбѣ, а не являются результатомъ проникновенія въ общественное сознаніе научныхъ обобщеній. Общество не представляетъ изъ себя „пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона“, потому что современное общество есть *система антагонистическихъ элементовъ*. А антагонистическіе элементы не могутъ обладать однимъ „сознательнымъ пониманіемъ явленій и законовъ“. Не только „сначала дѣйствуютъ сами непосредственно заинтересованныя лица“, они дѣйствуютъ и должны дѣйствовать *всегда и съ растущей энергіей* для того, чтобы само общество изъ системы антагонистическихъ элементовъ превратилось въ систему элементовъ гармоническихъ.

Все это — „точка зрѣнія“, г. Ник—онъ, и въ ней центръ тяжести. „Дай мнѣ точку опоры и я поверну землю“ [1]) гласитъ знаменитое Архимедовское изреченіе. Дайте намъ „точку зрѣнія“ и мы поймемъ дѣйствительность. А понявъ ее, мы сможемъ надлежащій рычагъ приложить къ надлежащей точкѣ. Все дѣло, стало быть, въ *„точкѣ зрѣнія“*.

---

[1]) Δος πῆ στῶ καὶ τὴν γῆν κινήσω.

НАШИ УТОПИСТЫ.

(1897 г.).

Ihr scheltet uns verdammte Geister
Und seid die wahren Hexenmeister.

Въ настоящее время русская публика очень живо интересуется экономическими вопросами. Я написалъ слово „вопросы“ и тотчасъ же подумалъ, что оно на нашемъ языкѣ имѣетъ особенный смыслъ или, точнѣе, оттѣнокъ смысла, котораго мы напрасно стали бы искать въ какомъ-нибудь западно-европейскомъ языкѣ. „Вопросы“—это то, о чемъ пишется въ книжкахъ и журналахъ, которые „читатель почитываетъ“, а „писатель пописываетъ“. И то и другое, и почитываніе, и пописываніе, большею частью, представляетъ изъ себя для упражняющихся въ этихъ занятіяхъ въ нѣкоторомъ родѣ умственный „бѣгъ на мѣстѣ“. Но и въ этомъ „но“ заключается утѣшеніе, повидимому, достаточно сильное и для писателя и для читателя, ибо и тотъ, и другой упорно продолжаютъ исполнять свои роли—но утомительный бѣгъ на мѣстѣ sub specie aeternitatis оказывается все-таки движеніемъ впередъ. Для отдѣльнаго писателя и читателя, въ особенности съ темпераментомъ, это утѣшеніе очень плохое, но литература въ цѣломъ способна на героическую работу осуществленія историческаго прогресса указаннымъ путемъ. Она достаточно вынослива, живуча и сильна для этого.

„Вопросы“—нѣчто среднее между жизнью и „разговорами“. Забота о томъ, чтобы они не слишкомъ приближались къ жизни, не лежитъ на литературѣ и не въ ея интересахъ. Но литературѣ не мѣшаетъ зорко смотрѣть за тѣмъ, какъ бы не опуститься до „разговоровъ“. Конечно, есть нѣчто еще худшее, чѣмъ разго-

воры. Это „наглость, доведенная до разврата“, которую Салтыковъ когда-то противопоставлялъ другой крайности нашей литературы (см. „Похороны“)—„недоконченности, невысказанности, боязни“. Такая „наглость“ въ сущности уже вовсе не литература, а приспособленіе литературы къ цѣлямъ, враждебнымъ и ей самой, и вообще человѣческому духу.

Экономическіе вопросы нынче занимаютъ не только публику, но и писателей разныхъ званій и сортовъ, т.-е. разныхъ талантовъ, знаній и спеціальностей. Не слѣдуетъ ли это расширеніе интереса къ экономическимъ вопросамъ приписать тому обстоятельству, что въ нашей литературѣ появилось теченіе, которое пытается философски связать экономическія явленія съ прочими сторонами общественной жизни? Не по этому ли случаю всполошились, напримѣръ, наши философы-метафизики? Интересы публики не ждутъ, они въ одно и то же время и заражаютъ писателя, и являются для него вызовомъ. На нихъ необходимо, въ той или другой формѣ, реагировать, скорѣе, какъ можно скорѣе реагировать. Приходится спѣшить. Нѣкоторые писатели, и изъ самыхъ первыхъ по дарованіямъ, не успѣваютъ овладѣть предметомъ даже настолько, чтобы соблюсти приличія, т.-е., говоря прямо, не обнаружить невѣжества. Такъ случилось съ г. Влад. Соловьевымъ. Даже г. Гротъ, преподнесшій въ послѣдней книжкѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ блестящему автору „Оправданія добра“ титулъ первенствующаго философа Россіи, замѣчаетъ: „менѣе компетентнымъ авторъ является несомнѣнно, когда обсуждаетъ „экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія“. „Менѣе компетентнымъ“—мы съ благодарностью отмѣчаемъ трогательный эвфемизмъ г. Грота.

Еще болѣе вредныя дѣйствія новыя литературныя явленія произвели на другого философа-метафизика, г. Чичерина: реагируя на нихъ, этотъ талантливый и свѣдущій писатель проявилъ легкомысліе, которое не столько возмущаетъ, сколько поражаетъ [1]).

Имѣя въ виду позже вернуться къ послѣднимъ писаніямъ гг. Соловьева и Чичерина для подробнаго разбора, мы пока оставляемъ ихъ и переходимъ къ литературному факту совсѣмъ другого порядка.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ русскіе читатели были пріят-

---

[1]) Ср. его статью о Грановскомъ въ той же книжкѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“.

но поражены появленіемъ въ свѣтъ русскаго перевода III тома „Капитала“. Благодаря этому переводу, и для лицъ, не владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, явилась возможность познакомиться съ трудомъ, которымъ завершена—правда, вчернѣ—экономическая система К. Маркса.

Какого мнѣнія ни держаться о философскихъ и научныхъ достоинствахъ этой системы, но одно намъ кажется неоспоримымъ: во второй половинѣ нашего столѣтія нѣтъ экономиста, который могъ бы соперничать съ Марксомъ по вліянію на экономическую науку и на общественное мнѣніе. Не даромъ бывшій австрійскій министръ, извѣстный экономистъ Бемъ-Баверкъ, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ критиковъ Маркса, признаетъ его геніальнымъ мыслителемъ, „оказавшимъ огромное вліяніе на мышленіе и чувства цѣлыхъ поколѣній“, и въ этомъ отношеніи сравниваетъ Маркса съ Гегелемъ [1]). Не даромъ клерикальный экономистъ, если не ошибаемся, членъ іезуитскаго ордена, Гогофъ (Hohoff), указывая съ прямо поразительнымъ по своей искренности сожалѣніемъ на философскія „заблужденія“ Маркса, объ его экономическихъ заслугахъ отзывается такъ: „Марксъ не только „peritus in arte sua“, человѣкъ свѣдущій въ своемъ искусствѣ, мастеръ своего дѣла, онъ совершенно безспорно гроссмейстеръ въ экономикѣ, какъ Аристотель въ философіи и Ѳома Аквинатъ въ теологіи; онъ „peritorum in sua arte omnium longe peritissimus“ (онъ изъ всѣхъ свѣдущихъ въ его искусствѣ самый свѣдущій). Къ этому взгляду мы пришли уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, при первомъ чтеніи „Капитала“, и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжавшіяся занятія теологіей, философіей, экономіей, исторіей, римскимъ, германскимъ и каноническимъ правомъ все болѣе и болѣе укрѣпляли насъ въ этомъ убѣжденіи“ [2]).

„Марксъ, даже независимо отъ стройности его системы, долженъ быть безъ колебаній признанъ самымъ ученымъ и глубокомысленнымъ экономистомъ современности“, — говоритъ авторъ „Исторіи матеріализма“ и „Рабочаго вопроса“, Фр. Альб. Ланге [3]).

---

[1]) Zum Abschluss d. Marx'schen Systems въ „Festgaben an Karl Knies“ Берлинъ, 1896.

[2]) W. Hohoff. „Die wissenschaftliche u. kulturhistorische Bedeutung d. Marx'schen Kritik des Kapitalismus“ въ Monatschrift für christliche Sozialreform (Ежемѣсячникѣ соціальной реформы въ христіанскомъ духѣ), herausgegeben von Professor D-r. J. Scheicher, 1895. H. 6, S. 257.

[3]) „Die Arbeiterfrage etc.“ 5-te Aufl. Winterthur. 1894. S. 248.

Число такихъ отзывовъ можно было бы увеличить во много разъ. Но къ чему? Приведенные достаточно иллюстрируютъ высказанную нами мысль.

Правда, вотъ уже второй годъ въ извѣстномъ своей солидностью „Вѣстникѣ Европы“ печатаются статьи, thema probandum —предметъ доказыванія—которыхъ сводится къ тому, что Марксъ былъ экономистомъ съ узкимъ кругозоромъ, злобнымъ и недобросовѣстнымъ софистомъ-скептикомъ, что онъ самъ не вѣрилъ въ то, что говорилъ, что труды его не имѣютъ серьезнаго значенія, а его соціальный идеалъ есть вульгарная мѣщанская утопія. Мы не думаемъ, чтобы статьи г. Слонимскаго служили къ украшенію почтеннаго журнала. Мы не увлекаемся девизомъ „умѣренность“, который является руководящимъ началомъ публицистической дѣятельности „Вѣстника Европы“, но полагаемъ, что даже съ точки зрѣнія этого не слишкомъ возвышеннаго и строгаго начала г. Слонимскій заслуживаетъ порицанія. Статьи г. Слонимскаго о Марксѣ невольно напомнили намъ замѣчаніе, сдѣланное его сотоварищемъ по журналу, г. Арсеньевымъ, о реакціонномъ беллетристѣ Болеславѣ Маркевичѣ: послѣдній „не щадитъ черныхъ красокъ для представителей антипатичныхъ ему направленій. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ тѣхъ первобытныхъ художниковъ кисти и слова (только безъ ихъ наивности), у которыхъ злодѣй выходитъ непремѣнно рыжимъ уродомъ“ (К. К. Арсеньевъ. Критическіе этюды по русской литературѣ, т. II, Спб. 1888, стр. 177).

Между лубочнымъ живописцемъ кистью и словомъ и лубочнымъ критикомъ есть однако одно существенное различіе: первый въ извѣстномъ смыслѣ самъ создаетъ свою лубочную картину, онъ можетъ сказать: своя рука владыка, тогда какъ второй продѣлываетъ свои операціи надъ существующимъ въ дѣйствительности объектомъ, онъ—безсознательно или сознательно—*искажаетъ* нѣчто *данное*.

Мы не намѣрены здѣсь разбирать тѣ пріемы, при помощи которыхъ г. Слонимскій превращаетъ Маркса въ „рыжаго урода“ политической экономіи и соціальной философіи. Пусть г. Слонимскій окончитъ свои длинныя критическія упражненія и пока утѣшается похвалой, полученной имъ въ компаніи съ г. К. Ѳ. Головинымъ отъ г. Владиміра Соловьева. Мы обѣщаемъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, со временемъ воздать должное его познаніямъ, глубокомыслію и справедливости [1]).

[1]) Доп. 1901 г. Съ тѣхъ поръ (1897 г.) г. Слонимскій благополучно

Теперь же достаточно установить, что европейская экономическая наука—въ лицѣ ея самыхъ различныхъ по направленію представителей—не раздѣляетъ развязности присяжнаго экономиста „Вѣстника Европы".

Да иначе и быть не можетъ. Для всякаго свѣдущаго и вдумчиваго изслѣдователя теперь должно все яснѣе и яснѣе обрисовываться историческое мѣсто, занимаемое Марксомъ въ развитіи европейской мысли. Даже если не вскрывать сложной и глубокой связи между общественными идеями и тѣми реальными отношеніями, на почвѣ которыхъ онѣ вырастаютъ, даже если имѣть дѣло лишь съ идеологіею эпохи, то и тогда нетрудно вполнѣ отчетливо увидѣть, какія великія умственныя теченія сливаются въ одинъ мощный потокъ въ духовномъ творчествѣ автора „Капитала". Во-первыхъ, идеалистическая нѣмецкая философія плюсъ ея позитивистическое отрицаніе въ лицѣ Фейербаха, во-вторыхъ, французскій соціализмъ и, въ-третьихъ, англійская политическая экономія. На средняго человѣка—хотя бы на г. Слонимскаго—съ избыткомъ хватило бы основательнаго изученія чего-нибудь одного, и то, навѣрное, ничего крупнаго и своеобразнаго не вышло бы. А тутъ получилось, какъ синтезъ, нѣчто очень крупное и вполнѣ новое.

Одна черта въ этомъ *новомъ* до послѣдняго времени упорно не давалась русскимъ, знакомившимся съ произведеніями Маркса и даже изучавшимъ ихъ. Черта эта, говоря кратко,—отрицаніе утопизма, строгій до неумолимости реализмъ въ общественной наукѣ и основанной на ней практической дѣятельности.

Утопизмъ—слово производное отъ „утопія". А утопіей, по примѣру Томаса Мора, зовутъ картину идеальнаго общественнаго строя, въ которой авторъ не стѣснялся тѣмъ, т.-е. сознательно не считался съ тѣмъ, что существуетъ, которую онъ рисовалъ независимо отъ дѣйствительности и наперекоръ ей. Но слова „утопія" и „утопизмъ" со времени Маркса пріобрѣли новый смыслъ, въ одно и то же время и шире, и глубже прежняго. Въ этомъ смыслѣ утопіей называется такое построеніе общественнаго идеала и всей системы средствъ, направленныхъ на его осуществленіе, въ которомъ главную роль играютъ не реальныя общественныя силы, общественные классы и классовые интересы, а

окончилъ свои статьи и даже выпустилъ ихъ отдѣльной книжкой, нашедшей себѣ въ русской печати суровую, но справедливую оцѣнку.

субъективныя пожеланія и умствованія автора построенія. Съ этой точки зрѣнія можно итти дальше и называть утопическими цѣли и идеалы, за которыми, хотя и стоятъ извѣстныя общественныя силы, но такія, которыя обречены по ходу общественнаго развитія, т.-е. развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, слабѣть и чахнуть. Наконецъ, утопично ожидать и требовать осуществленія извѣстныхъ задачъ и цѣлей отъ хотя бы и очень реальныхъ, весьма внушительныхъ и растущихъ общественныхъ силъ, разъ данныя задачи противорѣчатъ интересамъ, т.-е., другими словами, общественной природѣ этихъ силъ. Типичный примѣръ такого утопизма представляютъ приставанія Фурье съ фаланстерами къ Луи-Филиппу. Къ нему, т.-е., точнѣе, къ его правительству, издавшему лозунгъ: enrichessez vous, конечно, можно было съ большимъ расчетомъ на успѣхъ направить ходатайство о повышеніи покровительственной пошлины, о какихъ-нибудь концессіяхъ и т. п. Но отъ фаланстера и вообще отъ всѣхъ то геніально-глубокихъ, то забавно-наивныхъ мечтаній Фурье никакой здравомыслящій и практичный политикъ ни на какое „обогащеніе“ въ серьезъ разсчитывать не могъ и потому не сталъ бы ихъ поддерживать.

Такое представленіе объ утопіи и утопическомъ съ отдаленныхъ идеаловъ и конечныхъ цѣлей можетъ быть переносимо и на болѣе близкія и непосредственно осуществимыя задачи.

Утопія въ смыслѣ построенія идеальной картины будущаго строя и утопія въ томъ значеніи, о которомъ мы только что говорили, существенно отличаются одна отъ другой по своему практическому смыслу, при чемъ преимущество, по нашему мнѣнію, оказывается безусловно на сторонѣ утопіи перваго рода. Мы позволимъ себѣ прибѣгнуть для освѣщенія этой мысли къ слѣдующему сравненію нѣсколько тривіальнаго свойства. Извѣстно, что есть много обывателей и, быть можетъ, еще больше обывательницъ, любящихъ помечтать о томъ, какъ они устроятъ свою жизнь, выигравъ 200 тыс. или получивъ изрядное наслѣдство. Такія мечты совершенно безопасны и даже, можно сказать, составляютъ пріятное развлеченіе въ монотонной и сѣрой обывательской жизни. Утопія перваго рода нѣчто въ родѣ этихъ сладкихъ мечтаній о новой жизни послѣ выигрыша 200 тыс. и вообще послѣ нѣкотораго экстраординарнаго или чудеснаго событія съ обывателемъ. Но представьте себѣ, что найдутся люди, которые въ основу своихъ ежедневныхъ обывательскихъ дѣлъ будутъ класть расчеты на фантастич-

ческіе даже не 200 тысячъ, а болѣе скромныя суммы или вообще будутъ разсчитывать на презенты, утѣшенія и вспоможенія, которыхъ въ дѣйствительности не только можетъ не оказаться, но и, навѣрное, не окажется. Вѣдь этакимъ манеромъ обывательскія дѣла можно въ конецъ разстроить, а огорченій и разочарованій просто не оберешься. И дѣйствительно, утопизмъ второго рода неизбѣжно связанъ съ путаницей во всѣхъ расчетахъ, съ непрестанными разочарованіями; онъ способенъ создавать почву для самаго губительнаго пессимизма, изъ котораго подчасъ возможны только два выхода, одинъ хуже другого: непротивленіе злу или служеніе ему.

Объ утопіи перваго рода Щедринъ писалъ: „Литература провидитъ законы будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка. Утопизмъ не пугаетъ ея, потому что онъ можетъ запугать и поставить втупикъ только улицу". *Такая* утопія тождественна съ общественнымъ идеаломъ.

Но идеалъ для того, чтобы подчинить себѣ дѣятельность, долженъ доказать свою осуществимость; онъ долженъ быть реалистически обоснованъ. А реалистическое, научное обоснованіе не мирится съ утопизмомъ второго рода.

Объ этомъ утопизмѣ Щедринъ не высказывался просто потому, что такое пониманіе этого явленія было ему чуждо: утопизмъ, какъ теоретическое понятіе, былъ ему неизвѣстенъ. И онъ не зналъ его по очень простой причинѣ: онъ самъ, какъ публицистъ, былъ не чуждъ соціологическаго утопизма. Раскрытіе утопическихъ элементовъ въ соціальной философіи великаго сатирика не входитъ теперь въ нашу задачу. Это большая тема, на которой мы со временемъ надѣемся подробно остановиться. Скажемъ только, что художникъ Щедринъ даетъ въ изобиліи оружіе, которымъ можно побить Щедрина-утописта. Но, конечно, въ грубыхъ формахъ соціологическаго утопизма онъ никогда не былъ повиненъ. Такъ, лучше всякаго другого онъ понималъ, что организація труда, предпринятая Угрюмъ-Бурчеевымъ, ни къ чему, кромѣ членовредительства, привести не можетъ, и что на откровеніи Ѳеденьки Козелкова („почти уже администратора"): „Вѣдь по правдѣ-то сказать, мы всѣ немножко соціалисты. Вѣдь это, такъ сказать, наша національная подоплека. Le socialisme, la commune—c'est tout un! Разумѣется, съ разныхъ точекъ"— что на этомъ откровеніи никакого, даже самаго скромнаго плана общественныхъ реформъ нельзя построить.

Но наши утописты par profession нерѣдко обнаруживали поистинѣ дѣтскую вѣру и въ „національную подоплеку“, и въ помпадурскіе методы справедливаго распредѣленія. Такъ, г. Южаковъ въ 1885 г. напечаталъ на страницахъ „Русской Мысли“ трактатъ [1]), дающій нѣчто въ родѣ настоящаго соціологическаго изслѣдованія той „національной подоплеки“, на которую намекалъ Ѳеденька Козелковъ, а недавно („Русское Бог.“ 1895, № 5) онъ же опубликовалъ „Просвѣтительную утопію“, въ которой много чисто помпадурскаго фантазерства. Мы рекомендуемъ и названный трактатъ, и новѣйшую утопію почтеннаго журналиста вниманію читателей, а теперь остановимся на болѣе свѣжемъ (по времени) произведеніи того же автора.

„Народное хозяйство, — читаемъ мы въ „Дневникѣ журналиста“ („Русское Богатство“ 1896 г., № 12),—приходитъ постепенно въ упадокъ; капиталистическій процессъ, вторгшись въ русскую экономическую жизнь, накладываетъ свою тяжелую руку и на деревню; передъ этимъ властнымъ наступленіемъ мало-по-малу отступаютъ прежнія формы экономическаго быта; община, большая семья, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, все медленно готовится къ вымиранію, и все рано или поздно обречено на вымираніе, *если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество и нашъ народъ отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія.* Только въ строкахъ, отмѣченныхъ курсивомъ, гг. Струве, Гурвичъ, Санинъ и другіе ихъ единомышленники, могутъ быть несогласны съ тѣмъ, учениками кого они себя величаютъ. Ибо въ его извѣстномъ, вышеупомянутомъ письмѣ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ онъ высказывается именно въ смыслѣ идей, высказанныхъ въ вышеотмѣченныхъ курсивомъ строкахъ“ (стр. 106—107).

Впервые изъ изложенія идей „учителя“ г. Южаковымъ мы узнали, что этотъ писатель удѣлялъ въ общественной эволюціи такую огромную роль „разуму и совѣсти, знанію и патріотизму руководящихъ классовъ“. Смѣю завѣрить г. Южакова и моихъ читателей, что я и раньше былъ нѣсколько знакомъ съ Марксомъ, и не подозрѣвалъ этого. Но авторитетный тонъ г. Южакова обезкуражилъ меня, и я обратился вновь къ подлиннымъ сочиненіямъ автора „Капитала“ и къ немаленькой литературѣ, иностранной и русской, о немъ. Нигдѣ однако, даже въ недавно найденныхъ неизвѣстныхъ статьяхъ Маркса я не могъ отыскать подтвержденія словамъ г. Южакова. Большинство изъ критиковъ автора „Капи-

[1]) „Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX в.“

тала" такъ или иначе ставитъ ему въ укоръ, что онъ той почетной роли, о которой говоритъ г. Южаковъ, руководящимъ классамъ никогда не приписывалъ и даже положительно ее отрицалъ. Быть можетъ, это было дурно съ его стороны, но это такъ. Для объясненія удивительнаго превращенія Маркса подъ перомъ г. Южакова остается предположить, что рядомъ съ экзотерическимъ, всѣмъ извѣстнымъ ученіемъ Маркса у него было ученіе эзотерическое, изложенное въ письмахъ и документахъ, извѣстныхъ до сихъ поръ одному г. Южакову. Но, конечно, читатель, г. Южаковъ просто увлекся и по реакціи противъ г. Слонимскаго изобразилъ автора „Капитала" не „рыжимъ уродомъ", а наоборотъ свѣтлорусымъ красавцемъ съ ангельски-кроткимъ выраженіемъ лица. Это дѣлаетъ честь доброму сердцу почтеннаго соціолога. Но, право, пусть ужъ лучше такія историческія фигуры, какъ Марксъ, являются передъ глазами потомства съ своими настоящими физіономіями, хотя бы и не для всѣхъ пріятными, чѣмъ съ ангельскими ликами, любовно надѣтыми на нихъ почитателями-народниками. Впрочемъ, если бы даже Марксъ — чего никогда не было — когда-нибудь и написалъ нѣчто подобное „строкамъ" г. Южакова, то это значило бы только, что Марксъ однажды высказалъ взглядъ, съ которымъ абсолютно не мирится все, весьма стройное и законченное, соціологическое міровоззрѣніе этого писателя. Тогда „ученикамъ" пришлось бы положить на вѣсы это міровоззрѣніе и противорѣчащее ему заявленіе. Но въ такой операціи взвѣшиванія гг. ученикамъ нѣтъ никакой надобности. Ибо, сказать по правдѣ, ссылка г. Южакова на такъ называемое „письмо" представляетъ сплошное недоразумѣніе. Въ немъ, конечно, отчасти повиненъ самъ авторъ „Капитала", вложившій въ свое, написанное въ концѣ 70-хъ годовъ, „письмо" весьма изрядную дозу добродушной и благожелательной дипломатіи и таковой же ироніи. Фразу: „Если Россія будетъ продолжать итти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 года, она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для минованія всѣхъ перипетій капиталистическаго развитія" нельзя не признать въ устахъ автора „Капитала" нѣсколько странной и загадочной. Я прямо склоненъ видѣть въ ней настоящую иронію съ его стороны, ибо, насколько мнѣ извѣстно, вообще Марксъ избѣгалъ на мѣсто системы общественныхъ силъ подставлять географическіе или этнографическіе термины, сами нуждающіеся въ ближайшемъ соціологическомъ опредѣленіи.

Когда „Новое Время“ говоритъ, напр., что „*Россія* будетъ охранять цѣлость Оттоманской имперіи“ или что-нибудь подобное, то оно, конечно, подъ Россіей разумѣетъ правительство. Но авторъ „Капитала“ врядъ ли въ цитированной фразѣ могъ имѣть въ виду правительство: онъ, насколько изъ всѣхъ доступныхъ источниковъ мнѣ извѣстно, никогда не придерживался взгляда, приписывающаго современному государству и его мѣропріятіямъ экономическое всемогущество. Этого взгляда, впрочемъ, не раздѣляютъ ни огромное большинство экономистовъ, ни практическіе и, въ частности, правительственные дѣятели культурныхъ странъ. Кромѣ того, мнѣ ничего неизвѣстно о томъ, чтобы наше правительство когда-либо на практикѣ подавало поводъ думать, что оно раздѣляетъ народническое отвращеніе къ капитализму. Вся правительственная политика съ Петра Великаго и по наше время свидѣтельствуетъ объ обратномъ, а за послѣднее время мы читали даже авторитетныя заявленія министра финансовъ о томъ, что капиталистическое развитіе есть единственный нормальный путь хозяйственнаго прогресса страны. „Можно, конечно, относиться критически къ порядку хозяйственнаго развитія культурныхъ странъ, однако до сего времени еще не указано практическихъ способовъ разрѣшенія задачи равномѣрнаго хозяйственнаго развитія всѣхъ классовъ населенія“. (Слова „всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1897 годъ“).

Слово „народъ“ въ устахъ Маркса звучитъ тоже непонятно и загадочно. Онъ не былъ „народникомъ“ и очень осторожно обращался съ широкимъ по смыслу и доступнымъ самымъ различнымъ толкованіямъ обозначеніемъ „народъ“, въ противоположность жонглерамъ мысли и печати, которые при помощи этого слова выдѣлываютъ самые удивительные фокусы. Послѣдняго замѣчанія, читатель, прошу не относить къ г. Южакову.

Не ясно ли, что приведенная фраза изъ „письма“ имѣетъ ироническій смыслъ?

Но даже если и брать ее въ серьезъ, то все-таки она утратила въ настоящее время все свое утѣшительное для народниковъ значеніе. Ибо въ томъ же „письмѣ“ находится слѣдующій условный періодъ: „Если Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ доброй доли

своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть безжалостныхъ законовъ, какъ и всякая другая, не посвященная (profane) нація". („Юридическій Вѣстникъ" 1888, № 10, стр. 272—273). Г. Южаковъ самъ согласенъ, что условіе этого періода уже выполнено, а потому весь періодъ самымъ ходомъ вещей превращенъ изъ условнаго въ винословный: не „если", а „такъ какъ Россія давно стремится" и т. д., то она уже подпала подъ власть „безжалостныхъ законовъ".

Въ журналѣ, въ которомъ пишетъ г. Южаковъ, неоднократно порицались „ученики" за ихъ яко бы чрезмѣрное пристрастіе къ идеямъ и словамъ учителя. Я не знаю, правильны ли были эти упреки, или нѣтъ, но въ извѣстномъ смыслѣ г. Южаковъ оказывается еще болѣе ярымъ „ученикомъ": онъ даже свои *собственныя* мысли считаетъ нужнымъ освятить именемъ „учителя", точь-въ-точь какъ прежде на русскихъ ножевыхъ издѣліяхъ ставилось непремѣнно шеффильдское клеймо. Неужели и столь авторитетный писатель, какъ авторъ „Соціологическихъ этюдовъ", нуждается въ чужомъ клеймѣ для сбыта своихъ издѣлій, то бишь, для распространенія своихъ идей? Вовсе не пристало такому писателю проникать въ безславный литературный цехъ „учениковъ", слывущихъ литературными баши-бузуками или курдами.

Last not least—авторъ „Капитала" вовсе не раздѣлялъ слезливаго отношенія гг. Южакова и присныхъ къ капитализму. Не идеализируя, а, наоборотъ, сурово обличая послѣдній, онъ никогда однако не проливалъ слезъ надъ „горестными путями" экономическаго развитія. Въ 40-хъ гг., когда его отечество было въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ отсталой страной, нуждавшейся въ развитіи производительныхъ силъ, и Марксу, какъ выразителю интересовъ опредѣленной общественной группы, необходимо было высказаться по вопросу о свободѣ торговли и протекціонизмѣ *въ Германіи*, онъ безъ колебаній подалъ свой голосъ за *протекціонизмъ*--какъ рычагъ развитія капитализма и буржуазіи [1]). Онъ высмѣивалъ Грюна, который нападалъ на „та-

[1]) „Dem Proletarier, dem besitzlosen könnte es (also) dem Anscheine nach sehr gleichgültig sein, ob die Schutz-oder Freihandelsmänner das entscheidende Wort führen. Da aber, wie oben gesagt, die Bourgeoisie in Deutschland des Schutzes gegen das Ausland bedarf um mit den mittelalterlichen Ueberresten einer Feudalaristocratie... aufzuräumen und ihr eigenstes innerstes Wesen rein und lauter zur Entfaltung zu bringen—so

моженный союзъ“ за то, что его охранительныя пошлины насчетъ „нагихъ“ и „зябнущихъ“ удорожаютъ одежду къ выгодѣ либеральныхъ плутократовъ. „Нагіе и зябнущіе“, писалъ Марксъ, „какъ извѣстно, всюду выдвигаются въ Германіи мелкими буржуа (Spiessbürger) въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе борются противъ какой-либо прогрессивной буржуазной мѣры“ [1]). Я чувствую, что безповоротно компрометирую знаменитаго экономиста въ глазахъ многочисленныхъ добрыхъ душъ народничества. Стало быть, и онъ самъ „прислуживался“ къ капитализму и буржуазіи; стало быть, и онъ былъ „апологетомъ власти денегъ“. Но я скажу еще больше: ему самому и его нѣмецкимъ „ученикамъ“ въ то время приходилось уже считаться съ этими упреками въ „буржуазности“. Одинъ изъ нихъ, разбирая вопросъ объ охранительныхъ пошлинахъ, такъ и писалъ: „Промышленность есть единственный дѣйствительный рычагъ прогресса... Поэтому мы не выступаемъ противъ „благодѣяній“ промышленности и не боимся упрека въ томъ, что мы „буржуа“ [2]). Не правда ли, читатель, какая выразительная цитата, а ей **ровно 50 лѣтъ?**

Утопія г. Южакова, на которой стоитъ клеймо Маркса, преподносится въ столь обнаженномъ видѣ, что вскрывать ея утопическій характеръ, конечно, не приходится. Здѣсь передъ нами маниловщина en toutes lettres; признаюсь, она меня прямо трогаетъ своей святой простотою. Вотъ ужъ поистинѣ:

Das Unzulängliche hier wird's Ereigniss.
Das Unbeschreibliche hier ist es gethan.

Но та же утопія и та же маниловщина могутъ надѣть на себя тяжелое облаченіе научности и заговорить абстрактнымъ языкомъ. Утопистъ такого типа не выпалитъ вамъ прямо своей

---

hat auch die arbeitende Klasse ein Interesse an dem, was die Bourgeoisie zur ungeschmälerten Herrschaft verhilft“. (Передовая статья „Schutzzoll oder Freihandelssystem?“ въ „Deutsche Brüsseler Zeitung“ за 1847 г., № 47). Для экономически развитыхъ странъ Марксъ, какъ извѣстно изъ его „рѣчи о свободной торговлѣ“, высказался за послѣднюю.

[1]) Тамъ же ст. „Deutscher Sozialismus in Versen und Prosa II. Karl Grün: Ueber Goethe vom menschlichen Standpuncte (№№ 93—98).

[2]) Die Industrie... ist der einzige wirkliche Hebel alles Fortschrittes, das einzige Mittel die Massen zu bewegen... Aus diesen Gründen sind wir nicht gegen die „Segnungen“ der Industrie und fürchten den Vorwurf nicht, dass wir „*Bourgeois*“ seien. (F. Schnake, статья „Industrie und Schutzzölle“ въ „Westphälisches Dampfboot“ за 1847, стр. 68).

сокровенной мысли, онъ возведетъ сперва цѣлую фортецію силлогизмовъ и методически и „научно“ будетъ пробивать брешь, чрезъ которую вы попадете въ утопію, сами того не замѣтивши. Утопическаго вывода вамъ иногда вовсе не скажутъ, но вы будете чувствовать себя въ его „пріятной“ близости, куда вы—и какъ это важно и лестно для профана! — попали „научнымъ“ путемъ.

Эти мысли невольно пришли намъ въ голову, когда мы прочли замѣтку г. Николая—она въ январьскомъ № „Русскаго Богатства“ за текущій годъ: „Нѣсколько словъ объ основныхъ положеніяхъ теоріи К. Маркса“ (по поводу третьяго тома „Капитала“).

Въ этой замѣткѣ, между прочимъ, изображено слѣдующее:

„Когда въ основаніи всего общественнаго зданія авторъ „Капитала“ ставитъ условія хозяйственной дѣятельности, опредѣляющія политическія, юридическія и другія отношенія главнѣйшихъ агентовъ производства, не трудно видѣть, что вліяніе этого основного фактора должно претерпѣть извѣстныя органическія видоизмѣненія, вслѣдствіе все большаго и большаго дальнѣйшаго осложненія общественныхъ явленій, взятыхъ во всемъ ихъ цѣломъ, новыми факторами.

„Этотъ выводъ, вытекающій изъ изученія всего труда Маркса, указанія на который можно, впрочемъ, найти въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій, устраняетъ упреки, которые дѣлаются ему съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія.

„Во-первыхъ, Маркса упрекаютъ въ томъ, что при рѣшеніи вопросовъ, подлежавшихъ изслѣдованію въ третьемъ томѣ, онъ отклонился отъ основного закона, опредѣляющаго величину стоимости товара, изслѣдованнаго въ первомъ томѣ. Стало быть, его упрекаютъ въ томъ, что въ объясненіи конкретныхъ хозяйственныхъ явленій, къ изученію которыхъ онъ переходитъ въ третьемъ томѣ, онъ не поставилъ одну причину.

„Во-вторыхъ, при критикѣ историко-философскаго міросозерцанія Маркса, его упрекаютъ въ томъ, что, для объясненія комплекса общественныхъ явленій, въ основу ихъ онъ поставилъ только одни явленія хозяйственнаго порядка.

„Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что первый упрекъ основанъ на недостаточно ясномъ представленіи характера истинно научныхъ изслѣдованій, и что самый способъ изслѣдованія, переходъ отъ общихъ законовъ, лежащихъ въ основаніи явленій опредѣленнаго порядка, въ данномъ случаѣ явленій хозяйственныхъ, къ тѣмъ, которые видоизмѣняютъ чистое проявленіе ихъ, есть несомнѣнная научная заслуга Маркса...

„Этимъ самымъ рушится и второй, противоположный упрекъ, такъ какъ авторъ своимъ трудомъ, положивъ основаніе научной соціологіи, не подвергалъ систематическому изслѣдованію тѣхъ видоизмѣненій, которыми факторы высшаго общественнаго порядка, политическіе, право-

вые, нравственные и пр. и пр., воздѣйствуютъ на проявленіе факторовъ общественно-хозяйственныхъ, съ такою глубиною изслѣдованныхъ имъ въ чистомъ видѣ въ его классическомъ трудѣ.

„Изъ всего этого и выходитъ, что методъ, которому слѣдовалъ Марксъ, сохраняетъ чисто научный характеръ при анализѣ вопросовъ, подлежавшихъ изслѣдованію въ третьемъ томѣ „Капитала“; и что если, съ одной стороны, не имѣютъ основанія упреки, о которыхъ только что шла рѣчь, то и съ другой стороны, при рѣшеніи чисто практическихъ вопросовъ, которые постоянно ставятся дѣйствительной жизнью, нельзя придерживаться шаблонныхъ рѣшеній, годныхъ для всѣхъ народовъ, безъ детальнаго анализа цѣлаго ряда воздѣйствующихъ на нихъ факторовъ, какъ болѣе общаго, такъ и подчиненнаго имъ порядка и ихъ взаимной зависимости.

„Притомъ самъ Марксъ постоянно настаиваетъ на томъ, что экономическіе законы нельзя отождествлять съ законами природы, такъ какъ ими выражается сосуществованіе и послѣдовательность явленій лишь даннаго хозяйственнаго строя, который самъ подвергается измѣненіямъ. Точно такъ же нельзя отождествлять съ законами природы законы хозяйственно-историческаго развитія. Формы проявленія ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и различныя фазы такого развитія вполнѣ зависятъ отъ безконечнаго ряда условій, при которыхъ совершаются хозяйственныя явленія у даннаго народа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Словомъ, законы эти имѣютъ силу лишь при наличности цѣлаго ряда условій и въ предѣлахъ этихъ условій.

„Предполагать, что каждый народъ долженъ неизбѣжно пережить всѣ тѣ формы хозяйственнаго развитія, которыя пережиты экономически болѣе развитымъ народомъ, значило бы, съ одной стороны, придавать законамъ историческаго развитія значеніе законовъ природы, а съ другой—не принимать въ соображеніе воздѣйствія факторовъ еще болѣе общаго порядка, чѣмъ хозяйственные—поддержаніе существованія, поддержаніе вида—во-первыхъ, во-вторыхъ — факторовъ высшаго порядка, основывающихся на хозяйственныхъ: политическихъ, правовыхъ, нравственныхъ и пр. и пр.; и наконецъ, въ-третьихъ, ту историко-хозяйственную обстановку, среди которой приходится жить данному народу“ (стр. 26—28).

Разсужденія о теоріи трудовой цѣнности насъ здѣсь не занимаютъ, а потому мы обратимся къ соціологической части приведеннаго отрывка.

Эта послѣдняя, несмотря на чрезвычайно абстрактную форму и научную видимость, не отличается ни ясностью мысли, ни точностью изложенія. И всего менѣе она передаетъ точку зрѣнія того, отъ имени котораго говоритъ г. Ник.—онъ. Никому, кажется, до сихъ поръ не приходило въ голову отрицать, что авторъ, о которомъ идетъ рѣчь, „для объясненія комплекса (?) общественныхъ явленій въ основу ихъ поставилъ только одни явленія хозяйствен-

наго порядка". Непозволительная въ стилистическомъ отношеніи фраза г. Ник.—она, въ противность его собственному мнѣнію, совершенно вѣрно передаетъ соціологическое ученіе Маркса. Быть можетъ, это ученіе „односторонне" и „несостоятельно", но съ его точки зрѣнія общественное развитіе опредѣляется *въ конечномъ счетѣ* факторомъ экономическимъ. Въ каждый данный моментъ вся совокупность общественныхъ явленій слагается изъ факторовъ экономическихъ и изъ „факторовъ высшаго общественнаго порядка, политическихъ, правовыхъ, нравственныхъ и пр. и пр." и сводится къ ихъ взаимодѣйствію, но съ точки зрѣнія развитія основнымъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ единымъ опредѣляющимъ факторомъ, по Марксу, являются производительныя силы и производственныя отношенія общества. Взаимодѣйствіе всѣхъ „факторовъ" нельзя упускать изъ виду при изслѣдованіи и оцѣнкѣ отдѣльнаго историческаго періода, и эту мысль очень хорошо развиваетъ Энгельсъ въ напечатанномъ послѣ его смерти частномъ письмѣ къ Конраду Шмидту [1]). Но указанное взаимодѣйствіе нисколько не устраняетъ, съ точки зрѣнія Маркса, „конечнаго верховенства экономическаго развитія" (какъ выражается Энгельсъ въ упомянутомъ письмѣ — „schiessliche Suprematie der ökonomischen Entwicklung"). Наиболѣе ясная и законченная формулировка экономическаго пониманія исторіи дана была Марксомъ *въ эпоху его полной научной зрѣлости* въ предисловіи въ „Zur Kritik". Хотя книга эта недавно выдержала два изданія въ русскомъ переводѣ и навѣрное находится въ рукахъ у многихъ моихъ читателей, я все-таки считаю нужнымъ привести изъ нея выписку, чтобы такимъ способомъ поставить г. Ник.—она на очную ставку съ авторомъ „Капитала".

„Въ общественномъ производствѣ, служащемъ для поддержанія жизни, люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матерьяльныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, надъ которымъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способомъ производства матерьяльной жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего

[1]) См. Beilage zu № 250 der Leipziger Volkszeitung, d. 26 Oktober 1895. Русскій переводъ его былъ напечатанъ въ журналѣ „Міръ Божій".

развитія матерьяльныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими производственными отношеніями... Никакая общественная формація не погибнетъ, не развивъ всѣхъ производительныхъ силъ, для которыхъ она даетъ достаточный просторъ; новыя производственныя отношенія никогда не возникаютъ прежде, чѣмъ въ нѣдрахъ стараго общества не будутъ подготовлены матерьяльныя условія ихъ существованія". (Мы заимствуемъ переводъ этихъ мѣстъ не изъ русскаго изданія „Критики", гдѣ онъ неудовлетворителенъ, а изъ нашей статьи о Марксѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Арсеньева и Петрушевскаго).

Далѣе, то противоположеніе экономическихъ законовъ законамъ природы, которое мы находимъ у г. —она, совершенно чуждо Марксу. Конечно, онъ смѣялся надъ „вѣчными" и „естественными" законами буржуазной политической экономіи, конечно, онъ подчеркивалъ историческій характеръ экономическихъ явленій и выражающихъ эти явленія „категорій", но онъ никогда не изымалъ экономическихъ фактовъ и законовъ изъ общей закономѣрности всего эмпирически-реальнаго міра. Противоположеніе, которое дѣлаетъ г. —онъ, опирается на несостоятельное и отжившее представленіе о законахъ природы: они *также* не вѣчны, они также дѣйствуютъ лишь въ данномъ, исторически-опредѣленномъ, комплексѣ явленій. Законы природы *также* „имѣютъ силу лишь при наличности цѣлаго ряда условій и въ предѣлахъ этихъ условій". Или, быть можетъ, г. —онъ держится другого мнѣнія? Какъ законы всякаго исторически даннаго порядка явленій природы (и въ томъ числѣ всего „человѣческаго"), такъ и строгая причинность въ послѣдовательномъ историческомъ ходѣ этихъ явленій объемлется однимъ общимъ понятіемъ закономѣрности.

И, конечно, авторъ „Капитала" съ его острымъ философскимъ умомъ и богатымъ философскимъ образованіемъ прекрасно понималъ это. Въ идеалистической нѣмецкой философіи, ученикомъ которой былъ Марксъ, признаніе единой закономѣрности было прочной философской традиціей, заложенной съ одной стороны Кантовой теоріей опыта, съ другой — спинозизмомъ. И Марксъ не только не противопоставлялъ „законы природы" „законамъ экономическимъ" и „законамъ хозяйственно-историческаго развитія", а наоборотъ, вопреки утвержденіямъ г. —она, подчеркивалъ *тождество* этихъ законовъ.

Въ предисловіи къ первому изданію своего крупнѣйшаго труда онъ говоритъ, что его книга занимается *„естественными* зако-

нами капиталистическаго производства", которые „дѣйствуютъ... съ желѣзной необходимостью" [1]). Тамъ же, говоря объ экономическомъ развитіи Англіи, онъ замѣчаетъ: „И въ томъ случаѣ, если общество откроетъ *естественный* законъ своего движенія..., оно не можетъ ни перепрыгнуть черезъ *естественные* фазисы развитія, ни устранить ихъ декретомъ" [1]). „Естественный законъ движенія общества", „естественные фазисы развитія"--какъ это не похоже на передачу г. —она!

Какая разница между яснымъ, опредѣленнымъ до рѣзкости языкомъ Маркса и оговорками и отвлеченностями г. Ник. —она! Откуда эта разница?

На это мы не затруднимся отвѣтить.

Авторъ „Капитала" боролся за реализмъ и противъ утопизма; вскрывая дѣйствіе реальныхъ общественныхъ силъ, онъ и самъ нуждался въ ясной и рѣзкой постановкѣ вопроса и былъ прямо обязанъ представить своей аудиторіи такую постановку. Г. Ник. —онъ, нашъ единственный „истинный марксистъ", защищаетъ безнадежную утопію, которая тотчасъ же испаряется, лишь только ясная и рѣзкая постановка вопроса врывается въ туманъ его оговорокъ и отвлеченностей. Экономическое развитіе отнимаетъ почву у его утопіи. Не бѣда, ученый авторъ покажетъ вамъ въ нѣкоторомъ отдаленіи „факторы высшаго общественнаго порядка", „которые воздѣйствуютъ на проявленіе факторовъ общественно-хозяйственныхъ", и вы „научнымъ" путемъ попадете все-таки въ утопію, скучную и безплодную именно своей мнимой научностью. Въ подкрѣпленіе „факторамъ высшаго порядка" посылаются „факторы еще болѣе общаго порядка". Они играютъ роль грозныхъ указующихъ перстовъ, которые, съ одной стороны, предназначены пугать, съ другой—вселять вѣру въ утопію. А тутъ еще „законы хозяйственно-историческаго развитія не тождественны съ законами природы" и „имѣютъ силу лишь при наличности цѣлаго ряда условій". Въ „цѣлый рядъ условій" не трудно—необходимо лишь подходящее научное облаченіе и какъ можно болѣе абстрактный способъ выраженія—ввести какое-нибудь чудо, и дѣло готово: вы въ плѣну у утопіи.

Для того, чтобы читатель вполнѣ понялъ меня, онъ долженъ обратиться, во-первыхъ, къ „Очеркамъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства" и, во-вторыхъ, къ статьѣ „Что же зна-

[1]) Курсивъ нашъ.

читъ экономическая необходимость?“ [1]). А я охотно сыграю роль чичероне.

Снова приходится дѣлать длинную выписку.

„Задача заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матерьяльно-хозяйственныхъ условій отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, обставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда всего общества, взятаго въ цѣломъ. А это возможно только послѣ детальнаго изученія связи общественно-хозяйственныхъ явленій.

„Въ этомъ смыслѣ, конечно, надо понимать тѣхъ, кто, указывая на упомянутое явленіе, говоритъ, что общественно-хозяйственныя условія должны быть направлены къ тому, чтобы законъ общественнаго раздѣленія труда не парализовалъ при своемъ проявленіи общественныя производительныя силы.

„Это совершенно равносильно тому, когда общество, видя разрушительное вліяніе обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр. и пр., не можетъ оставаться равнодушнымъ и относиться „объективно“ къ разрушающему проявленію стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ также по опредѣленнымъ законамъ, а стремится урегулировать проявленіе ихъ настолько, чтобы они не оказывали разрушительнаго вліянія“. (Указ. статья, стр. 51—52).

Нечего и говорить, что въ подобныхъ разсужденіяхъ Марксъ совершенно неповиненъ. Онъ никогда не останавливался передъ абстракціей „общество“, или ничего не говорящей, или же таящей въ себѣ совершенно утопическое пониманіе общественнаго развитія. Онъ смотрѣлъ на современное общество, какъ на систему реальныхъ и антагонистическихъ силъ, и внимательно изучалъ ихъ соотношеніе. Утопія г.—она кончается какъ разъ тамъ, гдѣ или, вѣрнѣе, съ чего начинаются анализъ и реалистическое построеніе автора „Капитала“. Выраженныя въ цитированномъ отрывкѣ воззрѣнія г. Н.—она представляютъ изъ себя нѣчто, совершенно несогласимое не только съ соціологическимъ ученіемъ автора „Капитала“, но и со всѣмъ вообще историческимъ міровоззрѣніемъ XIX вѣка. Они огромный шагъ назадъ по сравненію и съ консервативно-реакціонной исторической школой въ правѣ, и съ оффиціальной исторической школой въ политической экономіи (Рошера и Книса). Они возвращаютъ насъ — фразеологія лишь иная—къ раціоналистически-утопическому міровоззрѣнію просвѣтителей XVIII вѣка, которое одинаково лежало въ основѣ и ре-

[1]) „Русское Богатство“, 1895 г. № 3.

волюціонной идеологіи, и теоріи просвѣщеннаго абсолютизма. Гельвецій говорилъ: l'education peut tout и предлагалъ bon plan de legislation; г. Николай—онъ говоритъ почти то же самое, примѣрно: la science peut tout и „предлагаетъ“ (o sancta simplicitas!) „обмірщеніе“ труда; первый строитъ свои расчеты на принятіи его принциповъ „par un prince eclairé et bienfaisant“, второй апеллируетъ къ обществу, тоже, конечно, „eclairée et bienfaisante“. Откровенно говоря, я думаю, что Гельвецій былъ бо̀льшимъ реалистомъ или, точнѣе, меньшимъ утопистомъ, чѣмъ г. Ник.—онъ. Но и тотъ, и другой общественное преобразованіе сводятъ къ чему-то въ родѣ рѣшенія математической или научно-технической задачи, и ссылка г. —она на закрѣпленіе сыпучихъ песковъ и на облѣсеніе поистинѣ заслуживаетъ названія классической. Будущій историкъ русской общественной мысли отмѣтитъ ее вмѣстѣ съ „Просвѣтительной утопіей“ г. Южакова, какъ одинъ изъ характерныхъ симптомовъ бюрократическаго способа мышленія народничества.

Механически-раціоналистическій взглядъ на общественныя реформы у Гельвеція и другихъ идеологовъ революціонной французской буржуазіи имѣлъ свою глубокую жизненную подкладку. Въ этомъ взглядѣ — независимо отъ его чисто-философскихъ формальныхъ элементовъ—новыя требованія жизни переплетались съ привычками мысли, источникъ которыхъ лежалъ въ общественномъ строѣ и государственной практикѣ національно-полицейскаго государства, по всей линіи одержавшаго побѣду надъ феодальными порядками и своей меркантилистической хозяйственной политикой могущественно работавшаго навстрѣчу новымъ экономическимъ и общественнымъ теченіямъ.

Историческая школа въ правѣ, сама являясь идеологическимъ отраженіемъ реакціи консервативныхъ элементовъ общества противъ общественныхъ преобразованій XVIII и начала XIX вѣка, въ *теоретическомъ* отношеніи представляла однако большой шагъ впередъ, поскольку она устраняла механическій раціонализмъ предшествующаго времени. Но и ея точка зрѣнія оказалась несостоятельной: ученіе объ „естественномъ ростѣ права“ должно было уступить мѣсто теоріи „борьбы за право“ Іеринга. Болѣе глубокое соціологическое ученіе автора „Капитала“ еще основательнѣе, чѣмъ теорія Іеринга, покончило съ реакціонно-историческимъ взглядомъ на правообразованіе и вообще на измѣненіе общественныхъ формъ. Но если и Іерингу, и Марксу вполнѣ чуждъ

квіетизмъ исторической романтики, то не менѣе далеки они и отъ механическаго раціонализма XVIII вѣка [1]).

Было бы въ высшей степени интересной и благодарной задачей историческимъ анализомъ вскрыть общественные корни и источники на первый взглядъ совершенно противоестественнаго и даже просто нелѣпаго сожительства въ головѣ г. Николая —она обрывковъ ученія Маркса съ раціоналистическимъ утопизмомъ. Это сожительство не просто несообразное сплетеніе несоединимыхъ вещей, интересное съ точки зрѣнія логики и индивидуальной психологіи, а чрезвычайно поучительный фактъ въ исторіи русской общественной мысли, такъ же тѣсно связанный съ реальными общественными отношеніями и культурными условіями страны, какъ раціоналистическая вѣра французовъ XVIII вѣка въ education была связана съ всемогущимъ полицейскимъ государствомъ того времени,

„Société eclairée et bienfaisante“ это одна лишь ободряющая сторона утопіи. Другая же страшная — „факторы болѣе общаго порядка“, предназначеніе которыхъ пугать. Это—упадокъ производительныхъ силъ и вырожденіе.

Г. Ник. —онъ хвалится тѣмъ, что онъ доказалъ эти ужасы, и, говорятъ, многіе вѣрятъ въ нихъ. Но я позволю себѣ не вѣрить; я думаю, что г. —онъ, въ нѣкоторомъ родѣ Кассандра наизнанку нашего капиталистическаго хозяйства. Кассандра настоящая прорицала истинные ужасы и ей не вѣрили, прорицанія же г. —она очень далеки отъ истины, жизнь надъ ними уже насмѣялась вдосталь и впредь не перестанетъ смѣяться, а въ то же время очень многіе вѣрятъ ужасамъ г. —она.

Г. —онъ доказываетъ, что производительныя силы страны падаютъ и ея хозяйство и населеніе вырождается. Этотъ ходъ вещей заставитъ société bienfaisante et eclairée стать на другой путь экономическаго развитія, онъ для нея изображаетъ „экономическую необходимость“.

Но даже если бы фактъ упадка національнаго богатства—которое г. —ономъ удивительно наивно смѣшивается съ народнымъ

---

[1]) Воззрѣнія Іеринга и Маркса мѣтко, но, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣгло сопоставляются въ интересной юридической диссертаціи г. Новгородцева „Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ послѣдовательномъ развитіи“. (Москва, 1896). Ср. мою рецензію на эту книгу въ „Новомъ Словѣ“ за 1897 г. (безъ подписи).

благосостояніемъ—былъ доказанъ, то предстояло бы *еще* доказать, что въ наличности имѣются общественныя силы, которыя способны перевести народное хозяйство на иные пути.

Откровенно говоря, если бы я вѣрилъ въ фактъ упадка производительныхъ силъ Россіи подъ дѣйствіемъ процесса капиталистическаго развитія, то я бы или махнулъ на все рукой и сталъ бы жить въ свое удовольствіе, „пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ женщинъ“, или же... удавился бы. Ибо для того, чтобы вѣрить въ société bienfaisante, просвѣщенное свѣтомъ science qui peut tout, я долженъ былъ бы—по бурбоновски—все забыть и ничему не научиться. Но, вопреки г. —ону, я думаю, что производительныя силы Россіи и ея національное богатство растутъ. При другихъ международно-хозяйственныхъ и культурно-общественныхъ условіяхъ они бы росли еще скорѣе—только и всего.

Вообще такія надежды на преобразованіе народнаго хозяйства, одной изъ необходимыхъ предпосылокъ которыхъ является „упадокъ“ или „вырожденіе“ его, не имѣютъ ничего общаго съ истиннымъ духомъ ученія автора „Капитала“. Если въ его сочиненіяхъ, и въ особенности раннихъ, тамъ и сямъ звучитъ нота о „вырожденіи“, какъ объ одномъ изъ условій экономическаго преобразованія, то это частью еще переживаніе утопизма, маленькій осколокъ утопической скорлупы, изъ которой въ 1843—1846 г. вылупилось реалистическое построеніе Маркса, частью же объясняется условіями времени. Многія стороны и условія капиталистическаго хозяйства и его развитія выяснились лишь постепенно. Много новыхъ фактовъ и чертъ всплыло за послѣднее 25-ти-лѣтіе. Энгельсъ незадолго до своей смерти, напримѣръ, самъ указалъ, что Марксъ и онъ въ 40-хъ гг. слишкомъ низко оцѣнивали способность мірового рынка къ расширенію. „Исторія уяснила“, писалъ онъ въ 1895 г., „что европейскій континентъ тогда (въ 1848 г.) вовсе не достигъ еще той степени экономическаго развитія, на которой возможно устраненіе капиталистическаго производства; она доказала это экономическимъ переворотомъ, который съ 1848 г. охватилъ весь континентъ и дѣйствительно насадилъ крупную промышленность во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ и за послѣднее время въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлалъ прямо-таки первоклассную промышленную страну“.

Въ 1845 г. тотъ же самый Энгельсъ произнесъ въ Эльберфельдѣ рѣчь, въ которой, точь въ точь какъ гг. Николай —онъ и В. В., доказывалъ невозможность развитія капитализма въ Гер-

маніи. Протекціонистскимъ планамъ Листа Энгельсъ противопоставлялъ слѣдующую аргументацію: „Допустимъ на минуту, что эти планы будутъ приведены въ исполненіе. Промышленность подымется... спросъ на трудъ и заработная плата повысятся... наступитъ, по всей видимости, цвѣтущее состояніе. Это продолжится до тѣхъ поръ, пока наша промышленность можетъ расширяться на счетъ удовлетворенія внутренняго рынка. Дальше же она не можетъ расширяться, ибо не будучи въ силахъ безъ таможенной охраны отстаивать за собой *внутренній рынокъ*, она еще менѣе будетъ способна бороться съ иностранной конкуренціей на рынкахъ нейтральныхъ“ [1]).

Когда Энгельсъ развивалъ такіе взгляды, онъ еще одной ногой стоялъ на почвѣ соціологическаго утопизма. Съ другой стороны, самая хозяйственная жизнь и ея доминирующее явленіе —капитализмъ—обрисовались еще недостаточно ясно. Теорія развитія капитализма выходила поэтому слишкомъ простой; неясность жизненныхъ явленій восполнялась простотой теоріи, а эта простота сама навязывалась тѣмъ, что нѣкоторыя стороны новыхъ отношеній поражали своей рѣзкостью и полной недвумысленностью.

Теорія экономическаго развитія Россіи, начертанная г.—ономъ, воспроизводитъ на русской почвѣ этотъ полуутопическій фазисъ западно-европейской мысли опредѣленнаго направленія. Но—какъ бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ—то, что было 50 лѣтъ тому назадъ полуутопическимъ и въ смыслѣ пониманія дѣйствительнаго хода развитія представляло огромный *шагъ впередъ*, теперь является чистѣйшимъ утопизмомъ и никакой научной цѣны, кромѣ отрицательной, не имѣетъ.

Въ приведенныхъ выше словахъ Энгельсъ слишкомъ низко оцѣнивалъ способность къ расширенію, конечно, не только мірового, но и внутренняго нѣмецкаго рынка. Не надо забывать, что въ ту пору Германія была страной съ довольно рѣзкимъ преобладаніемъ земледѣлія, страной, вывозившей хлѣбъ; въ ея сельскихъ мѣстностяхъ еще широко господствовало натуральное хозяйство.

Весьма характерно, что черезъ всю эльберфельдскую рѣчь Энгельса, *по существу*, проходятъ тѣ же двѣ основныя ноты, ко-

---

[1]) Эта рѣчь напечатана въ т. I издававшагося Н. Püttmann'омъ сборника „Rheinische Jahrbücher fur gesellschaftliche Reform“ (Darmstatt, 1845). Цит. мѣсто находится на стр. 74.

торыя мы слышимъ у г. —она: угроза гибелью народнаго хозяйства и призывъ ко всему „обществу“. Мы знаемъ теперь, что угроза не сбылась, а призывъ оказался недоразумѣніемъ, въ которое авторъ его, отрѣшившись отъ утопизма, никогда больше не впадалъ и о которомъ онъ потомъ, почти 50 лѣтъ спустя, по другому поводу, высказался, что онъ на практикѣ по большей части хуже, чѣмъ безполезенъ (meist schlimmer als nutzlos).

Г. —онъ убѣжденъ въ непогрѣшимости своего анализа русскаго народнаго хозяйства и въ истинности своихъ прорицаній. Для него послѣднія статистически-неопровержимо обоснованы первымъ. Но такъ ли ужъ неопровержимъ этотъ статистическій анализъ? Напомнимъ читателю, что въ немъ огромную роль играетъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Устраните изъ построенія г. —она этотъ фактъ или, точнѣе, *преувеличенную* оцѣнку этого факта, и капитализмъ станетъ возможенъ въ Россіи (т. е. отъ его развитія никакихъ ужасовъ въ родѣ упадка производительныхъ силъ и вырожденія не произойдетъ), а отъ „общества“ никакихъ героическихъ подвиговъ не потребуется. Въ анализѣ г. —она прогрессивное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и ихъ низкій уровень—гвоздь, а что въ анализѣ гвоздь, то для прорицаній—основной устой. Но вотъ передъ нами двухтомная книга, недавно изданная съ разрѣшенія департамента торговли и мануфактуръ: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Статьи Н. Ѳ. Анненскаго, В. Н. Григорьева, Н. А. Каблукова, Н. А. Карышева, Л. Н. Маресса, Н. О. Осипова, М. А. Плотникова, В. И. Покровскаго, Д. И. Рихтера, А. Ѳ. Фортунатова, А. И. Чупрова, Ф. А. Щербины подъ ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова“. Статьи эти—цѣлыя статистическія изслѣдованія. Резюмируются онѣ въ выводѣ, что для крестьянскаго населенія вообще (?) „наиболѣе выгодною комбинаціей оказываются высокіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ“. Я не стану вдаваться въ подробную критику этого положенія и вообще всей книги. Для меня важно лишь отмѣтить выводъ, что одинъ изъ устоевъ грозныхъ прорицаній г. —она—и притомъ, на мой взглядъ, основной устой—въ дѣйствительности вовсе не представляетъ такой страшной угрозы, какою онъ является въ построеніи автора. *И этого совершенно достаточно для того, чтобы признать анализъ несостоятельнымъ, а прорицанія фантастическими.* И спѣшу оговориться: низкій уровень цѣнъ я тоже считаю явленіемъ отрицательнымъ. Онъ замедляетъ общій темпъ экономиче-

скаго развитія страны, способствуя сохраненію отсталыхъ, прямо враждебныхъ всякой и технической, и общественной культурѣ натурально-хозяйственныхъ формъ (испольщина, отработки и пр.) и тѣмъ задерживая все хозяйство на низшей ступени. Повышеніе цѣнъ и земельной ренты смело бы очень быстро отсталыя экономическія формы и отношенія въ земледѣліи и тѣмъ явилось бы могущественнымъ факторомъ экономическаго и общекультурнаго прогресса страны; оно увеличило бы потребленіе промышленныхъ продуктовъ и ускорило бы развитіе промышленности въ ея наиболѣе прогрессивной формѣ (фабричной).

Точка зрѣнія г. —она логически не допускаетъ никакой практической программы. На вѣрѣ въ чудеса, которыя спасутъ страну отъ экономическаго и культурнаго вырожденія, ничего построить нельзя. Но такая безплодная въ практическомъ отношеніи „точка зрѣнія“ въ своемъ чистомъ видѣ никому не нужна.

Къ счастью или несчастью для г. о—на, у него есть „практическій“ двойникъ и истолкователь. Это г. В. В. Когда я думаю о немъ, мнѣ всегда приходятъ въ голову слова: So klein du bist, so gross bist du Phantast. А въ вольномъ переложеніи на русскій языкъ и въ ближайшемъ примѣненіи къ г. В. В. это значитъ: ты большой фантазеръ, но фантазія у тебя небольшая. Такъ примѣрно: хозяйственный мужичекъ и прогрессивныя теченія да немножко артелей изъ благонадежныхъ въ экономическомъ и прочихъ отношеніяхъ кустарей. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія, если не полностью, то во всякомъ случаѣ въ весьма значительной мѣрѣ удовлетворитъ г. В. В. И капитализмъ при этомъ процвѣтетъ.

Небольшая фантазія г. В. В. есть историческая немезида или, если хотите, историческая насмѣшка надъ утопизмомъ г. —она. Но это не единственная историческая насмѣшка надъ нимъ. Другая, быть можетъ, еще болѣе обидная для г. —она, состоитъ въ томъ, что его статистически-утопическое построеніе перешло также въ руки тѣхъ представителей опредѣленной общественной группы съ весьма реальными поползновеніями, которые свои вполнѣ конкретные классовые интересы очень ловко превращаютъ въ интересы нѣкоего весьма абстрактнаго существа средняго рода: земледѣлія или сельскаго хозяйства.

Но это длинная повѣсть, которую можно озаглавить: сказъ о русскихъ аграріяхъ. Аграрное перерожденіе утопіи мы затронемъ какъ-нибудь другой разъ.

Г. ЧИЧЕРИНЪ И ЕГО ОБРАЩЕНІЕ КЪ ПРОШЛОМУ.

(1897)

Щедринъ неоднократно говорилъ о безплодности обращеній къ прошлому, разумѣя подъ такими обращеніями приглашеніе реставрировать прошлое. Къ сожалѣнію, такія попытки не всегда безплодны; къ сожалѣнію, онѣ часто удаются. То, что мы называемъ прошлымъ, что составляло дѣйствительность вчерашняго дня, нерѣдко есть не прошлое, а могущественная, хотя и отживающая, сила настоящаго.

За всякимъ теоретическимъ обращеніемъ къ прошлому скрывается задняя мысль практическаго свойства. Наши „охранители“ въ 60-хъ, 70-хъ и въ 80-хъ гг. вздыхали, да и теперь еще вздыхаютъ по прошломъ, хотя имъ, повидимому, не было и нѣтъ основанія жаловаться на дѣйствительность вчерашняго и текущаго дня. Но дѣйствительность — стихія, и эта стихія измѣняется не въ ихъ пользу. Съ другой стороны, и люди противоположнаго направленія съ сожалѣніемъ обращаются къ прошлому, ко времени нашего „возрожденія“. Мы понимаемъ элегическое настроеніе людей, пережившихъ 60-е гг. И мы, по волѣ судебъ не могущіе и вспоминать этого времени, часто впадаемъ въ такое настроеніе. Да и безъ всякихъ воспоминаній намъ часто дѣлается жутко. Настоящее даетъ достаточно пищи для самаго тягостнаго состоянія духа. Мы понимаемъ и по человѣчеству сочувственно отзываемся на безчисленныя пессимистическія ноты, раздающіяся въ нашей литературѣ. Конечно, рѣчь идетъ о той литературѣ, которая не проповѣдуетъ изо дня въ день, что потокъ усложняющейся, развивающейся и раздвигающейся жизни необходимо ввести и постоянно вводить въ разъ навсегда установленное русло. Пессимизму, звучащему въ такого рода проповѣди, мы, наоборотъ, радуем-

ся—этотъ пессимизмъ вытекаетъ изъ того же источника, которымъ питается нашъ собственный оптимизмъ.

Итакъ, мы проговорились: мы оптимисты. Въ положеніи, самомъ тягостномъ для насъ лично, мы готовы твердить: eppur si muove. А все-таки жизнь движется впередъ. И этого движенія не остановить ничѣмъ.

Оптимизмъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ проповѣдью „отрадныхъ явленій“ и съ „реабилитаціей дѣйствительности“, противъ которой боролся Шелгуновъ; онъ питается одинаково и „отрадными“, и „безразличными“, и даже „безотрадными“ явленіями. Нѣкоторыми „безотрадными“, пожалуй, даже больше, чѣмъ нѣкоторыми „отрадными“.

На такія мысли насъ навела статья г. Чичерина: „Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго“ („Вопросы философіи и психологіи“, январь — февраль 1897 г.). Она тоже представляетъ обращеніе къ прошлому. Выше, въ очеркѣ, посвященномъ нашимъ утопистамъ, я сказалъ уже, что въ указанной статьѣ г. Чичеринъ проявилъ легкомысліе, которое не столько возмущаетъ, сколько поражаетъ. Перечитывая вновь статью г. Чичерина, я продолжалъ изумляться легкомыслію и смѣлости его, доходящимъ прямо до... неприличія.

Г. Чичеринъ интересная фигура въ нашей литературѣ. Замѣчательный ученый съ крупнымъ литературнымъ дарованіемъ и широкимъ философскимъ образованіемъ, онъ не замкнулся въ узкую сферу своей спеціальности — государственнаго права и его исторіи. Онъ философъ-энциклопедистъ по своимъ интересамъ и по затрогиваемымъ въ его трудахъ вопросамъ. Но какъ публицистъ эпохи съ конца 50-хъ и до половины 80-хъ гг., г. Чичеринъ напоминаетъ по своей судьбѣ барона Брамбеуса (О. И. Сенковскаго [1]), о которомъ авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“ писалъ: „Грустнымъ, но поучительнымъ примѣромъ можетъ служить для русскихъ писателей исторія литературной дѣятельности барона Брамбеуса: имѣть столько дарованій — и растратить ихъ совершенно понапрасну, безъ всякой пользы для литературы; между тѣмъ какъ даже наименѣе даровитые писатели часто приносили у насъ нѣ-

[1]) Я точно очерчиваю эпоху—съ 60-хъ по 80-ые гг.: новѣйшая, чрезвычайно полезная, публицистическая дѣятельность г. Чичерина, поскольку она сводится къ защитѣ самоуправленія, гражданской свободы и вообще общественной и личной самодѣятельности, конечно, изъемлется изъ нижеслѣдующаго сужденія и заслуживаетъ всяческаго признанія.

которую пользу, заслужили себѣ право на нѣкоторую признательность,—это грустно; имѣть столько силы—и не оказать рѣшительно никакого вліянія, между тѣмъ какъ писатели съ самымъ незначительнымъ запасомъ силъ имѣли у насъ свою долю вліянія, утвердили за собою мѣсто въ исторіи литературы—это грустно, это покажется почти невѣроятно людямъ, которые не будутъ уже, подобно нашему поколѣнію, очевидцами явленія, столь ненатуральнаго". („Очерки Гоголевскаго періода русской литературы", изд. 2-е, Спб., 1893 г., стр. 52). Такая судьба г. Чичерина, какъ публициста эпохи реформъ, такіе итоги его общественно-публицистической дѣятельности за самое живое и горячее время нашей общественности, конечно, объясняются совершенно иначе, чѣмъ „грустный и поучительный примѣръ", представляемый исторіей литературной дѣятельности барона Брамбеуса. Случай г. Чичерина гораздо болѣе трагическій, конечно, не съ личной, а съ общественной точки зрѣнія.

Но знаетъ-ли читатель, что такое г. Чичеринъ?

Г. Чичеринъ—ученикъ Грановскаго, консервативный либералъ или либеральный консерваторъ. У него есть два сильнѣйшія умственныя пристрастія. Одно положительное—къ метафизикѣ. Другое отрицательное — къ соціализму или, точнѣе, ко всему тому, что г. Чичерину кажется соціализмомъ. А что только въ нашъ соціальный вѣкъ не можетъ показаться соціализмомъ? Извѣстно, что англійскій государственный дѣятель сэръ Уильямъ Гаркортъ, бывшій членъ либеральнаго министерства Гладстона и Розберри, сказалъ въ парламентѣ: We are all socialists now. Мнѣ кажется, что это часто цитируемое изреченіе теперешняго лидера англійской оппозиціи служитъ довольно выразительнымъ доказательствомъ той неопредѣленности, до которой въ настоящее время дошло употребленіе слова, столь сильно дѣйствующаго на нервы г. Чичерина. Ему самому въ дѣйствіяхъ и планахъ московскаго губернскаго земства чудится „бюрократическій соціализмъ". Les éxtrêmes se touchent. Неразборчивымъ употребленіемъ слова „соціализмъ" и отыскиваніемъ этого „изма" тамъ, гдѣ его нѣтъ и слѣда, прегрѣшали нѣкоторые и даже очень извѣстные соціалисты. Особенно забавно и, если хотите, мило выходило это у Рара Cabet. Обличенія г. Чичерина звучатъ сурово (а откликъ „Московскихъ Вѣдомостей" еще хуже), тогда какъ рѣчи Рара Кабе были проникнуты добродушіемъ, поистинѣ трогательнымъ.

„Кабе въ своемъ „Voyage en Icarie" въ 12-й и 13-й главѣ

смѣшиваетъ въ одну кучу мнѣнія старыхъ и новыхъ авторитетовъ въ пользу соціализма. Онъ вовсе не заявляетъ претензіи изобразить историческое движеніе. Соціализмъ представляется французскому буржуа безпокойной особой. Хорошо, говоритъ Кабе, я вамъ приведу свидѣтельства самыхъ респектабельныхъ людей всѣхъ временъ, которые ручаются за характеръ моего кліента. И Кабе поступаетъ, какъ адвокатъ. Даже самыя невыгодныя для его кліента свидѣтельскія показанія онъ превращаетъ въ благопріятныя. Исторической вѣрности нельзя требовать въ защитительной рѣчи. Если какой-нибудь знаменитый человѣкъ при случаѣ однажды бросилъ слово противъ денегъ, противъ неравенства, противъ богатства, противъ соціальнаго неустройства, Кабе подхватываетъ это слово, проситъ его повторить, превращаетъ его въ исповѣданіе вѣры знаменитаго человѣка, печатаетъ это заявленіе, хлопаетъ въ ладоши и съ ироническимъ добродушіемъ (bonhommie) кричитъ своему обозленному буржуа: Ecoutez, écoutez, n'était-il pas communiste. Отъ Кабе не спасается никто, ни Монтескье, ни Сіэсъ, ни Ламартинъ, ни даже Гизо, все это коммунисты malgré eux. Voila mon communiste tout trouvé.“ Такъ характеризовалъ папашу Кабе Марксъ въ своемъ Anti-Grün'ѣ (Westphälisches Dampfboot 1847, S. 515).

Г. Чичеринъ гораздо строже, чѣмъ Papa Cabet, но онъ такъ же неразборчивъ. Les éxtrêmes se touchent.

Возвращаюсь къ литературной судьбѣ г. Чичерина.

Изъ русскихъ мыслителей 40-хъ годовъ, стоявшихъ въ первыхъ рядахъ литературы того времени и дѣйствительно двигавшихъ ее, до „возрожденія“ и новой эры дожилъ лишь Герценъ. Бѣлинскій и Грановскій умерли физической смертью, первый въ 1848 г., второй въ 1855 г. Боткинъ—для литературы пересталъ существовать. Какъ Герценъ продолжалъ традицію 40-хъ гг., извѣстно. Проведеніе идей Бѣлинскаго, продолженіе его литературнаго творчества, выпало на долю представителей слѣдующаго поколѣнія. Они (Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ) каждый на свой ладъ продолжали дѣло Бѣлинскаго. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать по существу дѣятельность каждаго изъ нихъ. Это будетъ сдѣлано въ нашемъ журналѣ въ другомъ мѣстѣ, сдѣлано въ полномъ сознаніи того, что наше время весьма и весьма нуждается въ ретроспективныхъ обозрѣніяхъ и оцѣнкахъ русской жизни.

Не знаемъ, какую общественную позицію занялъ бы Грановскій въ нашей литературѣ, если бы дожилъ до „эмансипаціи“ и

60-хъ гг. Но г. Чичеринъ, который въ обращеніи къ „свѣтлому образу Грановскаго, чуждаго всякой односторонности, умѣвшаго соединять живое сочувствіе къ Западу и его жизни съ пламенною любовью къ Россіи и яснымъ сознаніемъ ея потребностей", видитъ „отрадное явленіе" „въ настоящее смутное время",—г. Чичеринъ помѣстился на крайнемъ правомъ флангѣ прогрессивнаго теченія русской жизни въ эпоху освобожденія. Онъ былъ гораздо консервативнѣе Каткова. Онъ въ „Нашемъ Времени" Н. Ф. Павлова рѣзко полемизировалъ съ Современной Лѣтописью „Русскаго Вѣстника". Онъ смѣло полемизировалъ съ Герценомъ гораздо раньше Каткова и вкладывалъ въ эту полемику гораздо больше идейнаго содержанія и искренней убѣжденности, чѣмъ московскій „трибунъ". Онъ отстаивалъ противъ Каткова сословный строй. „Русскій Вѣстникъ", увлекавшійся идеями англійскихъ публицистовъ, находилъ въ то время вредными горизонтальныя, т.-е. сословныя раздѣленія народа и безвредными—вертикальныя, т.-е. раздѣленія на партіи. Аргументы г. Чичерина въ его полемикѣ съ Катковымъ были аргументами реалистическаго консерватизма, твердо усвоившаго себѣ, однако, извѣстныя начала либерализма. Вотъ какъ разсуждалъ тогдашній московскій профессоръ:

„Всякая политическая организація основана на распредѣленіи существующихъ въ народѣ общественныхъ силъ. Уничтожить существующую организацію можно только тогда, когда силы перемѣстились, когда возможно замѣнить ее новою, столь же крѣпкою, какъ и прежняя. Наслѣдственность положенія есть политическая сила; юридическая опредѣленность сословій есть также сила, потому что она сословію сообщаетъ крѣпость, единство и вѣсъ. Отбросить эти двѣ силы, какъ обветшалыя, можно только тогда когда личные и свободные элементы общества получили довольно крѣпости, чтобы жизненною своею организаціей служить разумною опорою для государства. Тогда можно обойтись безъ юридическихъ перегородокъ; тогда сословія превращаются въ классы; тогда является преобладаніе средняго сословія, котораго сущность заключается въ этихъ элементахъ. Уничтожать же наслѣдственность и юридическія границы, пока свободныя силы еще не образовались и не устроились, значитъ установлять шаткость всѣхъ, отношеній и водворять анархію въ обществѣ. Въ настоящее время, при отмѣнѣ крѣпостного права, при совершенномъ измѣненіи хозяйственныхъ и юридическихъ отношеній двухъ главныхъ сословій въ государствѣ, при томъ броженіи, которое господствуетъ

въ обществѣ, и безъ того трудно сказать, на что можно опереться, за что можно ухватиться. Опрокиньте остальныя грани, расшатайте зданіе во всѣхъ его концахъ, подъ предлогомъ послѣдовательнаго развитія началъ, тогда исчезнетъ послѣдняя возможность справиться съ бродячими стихіями и установить какой-нибудь порядокъ; тогда нѣтъ предѣла произволу и случайностямъ. Тѣ немногія силы, которыя, соединенныя и организованныя, могли бы получить вѣсъ и служить центромъ тяжести при общественномъ шатаніи, распущенныя въ массѣ, потеряютъ свою крѣпость. Тогда всплыветъ та пѣна, которая обыкновенно выбрасывается наверхъ общественнымъ броженіемъ. При отсутствіи у насъ самыхъ элементарныхъ понятій о правѣ, о потребностяхъ порядка, объ общественномъ устройствѣ, при паденіи всякихъ твердыхъ преградъ, всякихъ положительныхъ точекъ опоры, выдвинутся впередъ съ неотразимою силою самые легкомысленные планы и самыя мечтательныя притязанія. Хаосъ — вотъ въ настоящее время единственное возможное послѣдствіе господства пресловутаго земства“ [1]).

Сильно сказано, и г. Чичеринъ, по совѣсти, не можетъ отрицать теперь, что онъ въ своемъ охранительномъ усердіи не только увлекался, но прямо говорилъ нѣчто вздорное. Несмотря на это, въ его аргументаціи заслуживаютъ вниманія рѣдкія въ то время реалистическія нотки.

Слѣдующими чертами г. Чичеринъ характеризовалъ политическое значеніе и призваніе дворянства въ Россіи.

„Дворянство... единственное сословіе въ Россіи, которое имѣетъ какое-нибудь сознаніе своихъ правъ. Это сознаніе выработалось у него исторически. Дворянство издавна чувствовало себя первымъ сословіемъ государства, первою опорою престола, какъ сказано въ нашихъ законахъ; оно владѣло 20 милліонами крѣпостныхъ людей, которыми распоряжалось самовольно; оно въ губерніяхъ играло и играетъ первенствующую роль; дворянинъ считалъ себя безконечно выше всѣхъ другихъ сословій. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому примѣшивались грубые предразсудки, что дворянинъ сознаніе своихъ правъ доводилъ до самаго дикаго произвола, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, онъ нерѣдко унижался до полнаго раболѣпства; нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное

[1]) „Нѣсколько современныхъ вопросовъ“ (Сборникъ статей). Москва, 1862 г. Статьи: Что такое среднее сословіе, стр. 139—140. Статья эта была напечатана въ газетѣ „Наше Время“. Курсивъ нашъ. П. С.

право налагало на дворянство печать безнравственности и во многихъ отношеніяхъ было для него болѣе ярмомъ, нежели привилегіей, но несомнѣнно и то, что изъ этого положенія развилось въ дворянствѣ такое сознаніе правъ, какого нѣтъ въ другихъ сословіяхъ. А это, въ соединеніи съ образованіемъ, дѣлаетъ дворянство единственнымъ возможнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Россіи. Въ немъ одномъ есть зародышъ политической жизни. Если все въ государствѣ, сверху донизу, не должно быть возложено на одно правительство, если общественныя силы должны быть призваны къ участію въ политической жизни, то имѣть такого дѣятеля—дѣло первостепенной важности какъ для правительства, такъ и для народа; а чѣмъ менѣе распространенъ въ обществѣ политическій смыслъ, чѣмъ менѣе людей, способныхъ къ общественной дѣятельности, тѣмъ необходимѣе, чтобы они соединялись въ одно организованное тѣло, проникнутое общимъ духомъ, носящее въ себѣ преданія и сознающее свою честь и свои права“ [1]).

Это писалось въ то время, когда освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшія за нимъ реформы ставили на пробу „политическій смыслъ“ дворянства. Такъ, какъ состоялись эти реформы, онѣ означали собой безповоротное пораженіе сословнаго начала вообще и дворянства въ частности б ю р о к р а т и з м о м ъ, самымъ блестящимъ quasi-демократическимъ выразителемъ котораго явился Николай Милютинъ. Этому пораженію въ связи съ чисто экономическими результатами истекшаго тридцатипятилѣтія, а также новѣйшихъ контръ-реформъ г. Чичеринъ недавно съ большимъ мужествомъ передъ фактами самъ подвелъ итоги въ статьѣ, помѣщенной въ № 28 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за текущій 1897 годъ. Въ этой статьѣ г. Чичеринъ выступаетъ рѣшительнымъ и краснорѣчивымъ защитникомъ земства. Въ то же время онъ проводитъ въ ней мысль, что весь raison d'être дворянства въ его земской дѣятельности, прежней и настоящей, и что дворянство обречено—по волѣ историческаго развитія—раствориться въ земствѣ. Г. Чичеринъ самъ видитъ теперь, что тѣ историческія силы, которыя онъ нѣкогда хотѣлъ оградить отъ притязаній „пресловутаго земства“, почти совершенно затоптали слабые ростки нашего земско-дворянскаго самоуправленія. Онъ видитъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ видѣть теперь, что въ эпоху „великихъ реформъ“ онъ нападалъ на то, что нуждалось въ поддержкѣ, и защищалъ то, что вскорѣ выпрямилось во весь ростъ.

[1]) Тамъ же, статья „Русское дворянство“, стр. 89—90.

Г. Чичеринъ былъ въ 60-ые годы для русскаго общества въ одно и то же время и слишкомъ консервативенъ (всеобщая воинская повинность представлялась ему невѣроятно смѣлой реформой, о судѣ присяжныхъ онъ и не мечталъ), и слишкомъ либераленъ.

Г. Чичеринъ въ 60-хъ гг. хотѣлъ быть русскимъ Эдмундомъ Беркомъ, но таковой оказался въ Россіи еще болѣе излишнимъ, чѣмъ нѣкогда въ Англіи. Такимъ образомъ къ г. Чичерину, какъ публицисту этого времени, можетъ быть съ полнымъ правомъ примѣнено знаменитое выраженіе: онъ явился красивой, хотя и очень „умной“ „ненужностью“.

Тогдашніе оппоненты г. Чичерина по поводу его утвержденія, что у русскаго дворянства сознаніе своихъ правъ развилось изъ крѣпостнаго строя, ехидно замѣчали: вотъ какъ г. Чичеринъ хвалитъ свое излюбленное дворянство. Они, повидимому, не понимали, что г. Чичеринъ весьма реалистически и совершенно правильно подмѣтилъ связь между двумя явленіями дѣйствительности. Его оппоненты были въ теоріи раціоналистами, онъ былъ реалистомъ. Ихъ теоретическія предпосылки никуда не годились, но они правильно понимали общественное настроеніе и запросы времени, а г. Чичеринъ со всѣми своими реалистическими воззрѣніями попалъ въ тупой переулокъ и строилъ либерально-охранительную утопію. Его книга „Нѣсколько современныхъ вопросовъ“ [1])—любопытный образецъ соединенія теоретическаго реализма съ практическимъ докринерствомъ. Его охранительный либерализмъ былъ безпочвеннымъ: въ русской дѣйствительности не нашлось р е а л ь н о й силы, на которую онъ могъ бы опереться. Въ этомъ отношеніи г. Чичеринъ полная противоположность Каткову. Когда послѣдній сдѣлался силой, г. Чичеринъ сталъ къ нему въ оппозицію—и этотъ фактъ самъ по себѣ, краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій, говоритъ о доктринерскомъ характерѣ Чичеринскаго либеральнаго консерватизма 60-хъ гг.

Но за то, въ то время какъ „положительный“ Катковъ, всегда презрительно трактовавшій „метафизику“ и „метафизиковъ“, сталъ реакціонеромъ sans phrases, г. Чичеринъ завершаетъ свое публицистическое поприще, какъ рѣшительный и принципіальный, хотя и умѣренный защитникъ начала свободы, идея которой имѣетъ для него не только моральный и политическій, но и метафизи-

---

[1]) Характерно, что она до сихъ поръ н е р а с п р о д а н а, значитъ, не имѣла доста́точно читателей.

ческій смыслъ. Чѣмъ цѣннѣе для насъ теперешній смыслъ его публицистической дѣятельности, тѣмъ большій историческій интересъ и тѣмъ болѣе поучительности пріобрѣтаетъ для насъ ея прежнее значеніе. Въ эпоху реформъ г. Чичеринъ счелъ нужнымъ выступить рѣшительнымъ защитникомъ принципа авторитета и прочихъ охранительныхъ началъ, точно серьезная опасность угрожала дѣйствительно имъ, а не внутренне и внѣшне слабымъ, но драгоцѣннымъ росткамъ новой общественности! Какое это было страшное ослѣпленіе! Нельзя поэтому не признать проявленіемъ большого политическаго смысла и такта ту полемику, которую противъ чичеринскаго либеральнаго консерватизма открылъ Иванъ Аксаковъ и которая находитъ себѣ теперь такія интересныя дополненія въ его перепискѣ съ графиней А. Д. Блудовой. Въ этой полемикѣ было и абсолютно цѣнное философское зерно. Ошибка Чичерина 60-хъ гг. была ошибка не только политическая и тактическая, но и философская: разыгрывавшейся на его глазахъ борьбѣ между „историческимъ“, или „положительнымъ“ и „естественнымъ“ правомъ, онъ счелъ нужнымъ стать на сторону перваго. Практически это означало — со стороны Чичерина — играть на руку темнымъ силамъ реакціи и усиливать ихъ своей авторитетной личностью. Чичеринскому преклоненію передъ началомъ власти и государственности Иванъ Аксаковъ противопоставилъ свою точку зрѣнія, выраженную въ слѣдующихъ, поистинѣ классическихъ, словахъ:

„... съ холодныхъ высотъ ученыхъ каѳедръ раздается отрицаніе самой жизни, ея смысла, значенія и правъ! Наука или та повершенная и замкнутая, со всѣхъ сторонъ отшлифованная и отдѣланная теорія, которая выдаетъ себя за науку, возвѣщаетъ намъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ мертваго государственнаго механизма, что все совершается и должно совершаться отъ власти и посредствомъ власти,—въ какой бы формѣ она ни проявилась, лишь бы носила она на себѣ печать внѣшней законности,—что, наконецъ, сама жизнь, слѣдовательно, и жизнь духа, есть одно изъ отправленій или функцій государственнаго организма. Съ точки зрѣнія такой несчастной доктрины нѣтъ мѣста, внѣ порядка государственности, никакому свободному творчеству народнаго духа .. Все живетъ. и движется, и *обязано* двигаться по однажды заведенному и механически расчитанному механизму. Самонадѣянно и близоруко пытается эта доктрина опредѣлить вѣсъ, плотность и емкость человѣческаго духа и органической

силы жизни, и отмѣрить только такое количество, какое, по ея неизбѣжно ограниченнымъ соображеніямъ, нужно для правильнаго хода государственной машины".

Юридическому позитивизму г. Чичерина Аксаковъ противополагалъ исповѣданіе естественнаго права: „Законъ не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрѣшимое изреченіе оракула, не подверженное измѣненіямъ: онъ имѣетъ значеніе ограниченное и временное, и безсмысленъ законъ, носящій въ себѣ притязаніе уловить въ свои тѣсныя рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни. Самое „право" не есть нѣчто само для себя и по себѣ существующее: неспособное выражать полноты жизни и правды, оно должно вѣдать свои предѣлы и находиться, такъ сказать, въ подчиненномъ отношеніи къ жизни и къ идеѣ высшей нравственной справедливости" [1]).

„Позитивизмъ" Чичерина былъ, очевидно, по вкусу высшимъ бюрократическимъ сферамъ, въ которыхъ вращалась и духъ корыхъ впитывала въ себя корреспондентка Аксакова, графиня А. Д. Блудова: поэтому неудивительно, что и эта славянофильствующая дама, какъ видно изъ писемъ Аксакова къ ней, сочувствовала Чичерину, а не редактору „Дня". Въ одномъ письмѣ Аксаковъ спрашивалъ у нея: „правда ли, что у васъ въ Петербургѣ иначе не говорятъ, какъ le grand Чичеринъ? Я нахожу его весьма вреднымъ для общественнаго порядка, потому что, отстаивая существующій порядокъ, онъ отстаиваетъ безпорядокъ и является чѣмъ-то въ родѣ адвоката, avocat des causes perdues" [2]). Къ сожалѣнію, дѣло реакціи не только не было потеряно, но и стояло очень крѣпко, чего, кажется, не понималъ въ то время г. Чичеринъ. Справедливость требуетъ сказать, что самъ Иванъ Аксаковъ черезъ 20 лѣтъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ повторилъ ошибку, сдѣланную г. Чичеринымъ въ 60-хъ гг. Что́ бы сказалъ онъ, если бы дожилъ до нашего времени?!

Весь характеръ нашихъ общественныхъ отношеній за время съ 1861 г. объясняетъ, почему тотъ кругъ политическихъ и соціальныхъ идей, представителемъ котораго являлся и въ значительной мѣрѣ до сихъ поръ является г. Чичеринъ, не могъ быть вліятеленъ въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ гг. Объ этомъ можно, съ

[1]) Передовая статья въ „Днѣ" отъ 11-го ноября 1861 г. „Полное собраніе сочиненій", т. II, Москва. 1886 г., стр. 15—21.

[2]) Письмо отъ 1—2 марта 1862 г. „Ив. Серг. Аксаковъ въ его письмахъ". Ч. II, т. 4-й. Спб. 1896., стр. 244.

извѣстной точки зрѣнія, сожалѣть, но это—историческій фактъ. Защищая сословный строй противъ Каткова, г. Чичеринъ отдавалъ дань исторической точкѣ зрѣнія и проявлялъ „историческій смыслъ“, но въ то же время онъ былъ и оставался безпримѣснымъ либераломъ, точнѣе либераломъ рѣзко выраженнаго буржуазно-доктринерскаго типа, или толка. Между тѣмъ въ эпохи разложенія докапиталистическихъ экономическихъ отношеній умѣренный либерализмъ почти всегда долженъ воспринимать въ себя посторонніе элементы. Нѣмецкій либерализмъ 40-хъ гг. имѣлъ сильную соціальную окраску, отличаясь ею отъ рѣзко выраженнаго буржуазнаго либерализма Франціи; въ Россіи послѣдовательный экономическій либерализмъ, хотя и появился въ началѣ 60-хъ гг. на время, но быстро исчезъ, и засимъ со второй половины 60-хъ гг. начался процессъ взаимоприспособленія либерализма и народничества, закончившійся лишь въ 80-хъ гг. И то и другое явленіе — какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи—объясняется критическимъ характеромъ данной эпохи въ экономическомъ отношеніи и недостаточно опредѣлившейся дифференціаціей общественной среды. Въ обоихъ случаяхъ буржуарный экономическій или т. наз. чистый либерализмъ не удовлетворялъ потребностямъ ни одной изъ крупныхъ общественныхъ группъ, границы между которыми въ то же время сливались. Неопредѣленная, окрашенная соціалистическими тенденціями, идеологія, находившая себѣ откликъ въ массѣ интеллигенціи, гораздо болѣе—несмотря на всю свою неопредѣленность, а пожалуй, отчасти, благодаря ей — соотвѣтствовала требованіямъ времени, чѣмъ стройная система умѣреннаго либерализма съ рѣзко буржуазной окраской.

Этотъ чистый либерализмъ характернѣе для политическаго міросозерцанія г. Чичерина, чѣмъ его „историческія“ слабости. Либерализму г. Чичерина чуждъ всякій демократизмъ: онъ никогда не сдѣлалъ ни одной уступки народничеству. Въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ онъ пребылъ твердъ въ вѣрѣ Бастія и Молинари, и являетъ любопытное зрѣлище едва ли не единственнаго въ Россіи теоретика-манчестерца [1]).

---

[1]) Прежде г. Чичеринъ былъ даже менѣе непреклоненъ въ своемъ экономическомъ либерализмѣ, чѣмъ теперь. Въ этомъ отношеніи интересно сравненіе его „Очерковъ Англіи и Франціи“ (1858), гдѣ онъ сочувственно цитируетъ Милля (стр. 146 — 151), съ „Соціологіей (1896), экономическій отдѣлъ которой, въ особенности, производитъ впечатлѣніе какой-то литературной окаменѣлости.

Тутъ само собой напрашивается сравненіе между Кавелинымъ и г. Чичеринымъ. Кавелинъ, на котораго въ рѣшительную эпоху выработки реформъ 60-хъ гг. огромное вліяніе оказалъ Герценъ [1]), превратилъ заимствованное у послѣдняго смѣлое, почти геніальное смѣшеніе славянофильства и передовыхъ западническихъ идей въ эклектическую либерально-народническую кашицу. Онъ никогда не былъ ни настоящимъ народникомъ [2]), ни настоящимъ либераломъ. Недостаткомъ свободолюбія онъ въ концѣ концовъ оттолкнулъ отъ себя Герцена. Но все-таки даже общественно-политическій эклектизмъ Кавелина пришелся русскому обществу гораздо болѣе ко двору, чѣмъ реалистическій либеральный консерватизмъ г. Чичерина. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Кавелинъ, далеко уступавшій и по дарованіямъ, и по учености г. Чичерину, и при жизни пользовался, и по смерти пользуется гораздо большимъ вліяніемъ и извѣстностью. По той же причинѣ не Чичеринскій либерализмъ, а либерализмъ „Вѣстника Европы", перешедшаго къ Кавелинскому эклектизму, но съ гораздо большимъ, впрочемъ, умѣніемъ и тактомъ развивавшаго его, игралъ и играетъ руководящую роль среди умѣренныхъ элементовъ нашего прогрессивнаго лагеря. „Вѣстникъ Европы" въ лицѣ своей лучшей литературной силы очень искусно ассимилировалъ русскому либерализму нѣкоторые существенные элементы народническаго и катедерсоціалистическаго воззрѣнія на экономическія отношенія. Мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы либерализмъ, какъ доктрина и система, выигралъ отъ претворенія народническихъ элементовъ, но такое претвореніе—историческій фактъ, который можно опять-таки разно оцѣнивать, но нельзя оспаривать.

---

[1]) „Никто лучше тебя не сказалъ того, что я думалъ и чувствовалъ... Твои пророчества о Россіи и Европѣ скоро станутъ истинами, хотя теперь не многіе еще это понимаютъ" – писалъ Кавелинъ Герцену въ 1859 г. Расходясь съ Герценомъ, Кавелинъ писалъ (въ 1862 г.): „Я плакалъ надъ твоими статьями, зналъ ихъ наизусть, выбиралъ изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдованій политическихъ и философскихъ". Въ противоположность Кавелину, г. Чичеринъ еще въ 1858 г. выступилъ съ рѣзкимъ письмомъ къ Герцену, которымъ открывается сборникъ „Нѣсколько современныхъ вопросовъ".

[2]) О томъ, въ какой мѣрѣ взгляды Кавелина не удовлетворяли народниковъ „Отечественныхъ Записокъ", см. любопытныя воспоминанія г. Кривенко въ его біографіи Салтыкова. То было, конечно, время расцвѣта народничества, какъ общественнаго направленія. Теперь настали иныя времена.

Итакъ г. Чичеринъ не только не оказался во главѣ крупнаго общественнаго теченія,—а по своимъ выдающимся умственнымъ силамъ онъ былъ вполнѣ способенъ на такую роль,—наоборотъ, его литературная дѣятельность въ качествѣ публициста и политическаго мыслителя эпохи реформъ прошла почти безслѣдно для русскаго общества, его мало читали, съ его идеями почти вовсе не считались. Это обстоятельство, я думаю, объясняется отчасти и нѣкоторыми индивидуальными особенностями г. Чичерина, какъ литератора. Онъ всегда съ бо́льшимъ ожесточеніемъ билъ налѣво, чѣмъ направо, и за этотъ политическій и тактическій грѣхъ пріялъ наказаніе. Кромѣ того, замахиваясь на лѣво, г. Чичеринъ проявлялъ и проявляетъ такую неумѣренность, такой полемическій пылъ, который ведетъ къ тому, что мы выше позволили себѣ безъ деликатничанья назвать легкомысліемъ и неприличіемъ. Никто не запрещаетъ г. Чичерину быть метафизикомъ-гегельянцемъ и считать свои взгляды абсолютной истиной, никто не мѣшаетъ ему относиться отрицательно къ соціализму. Это его доброе право. Но говорить съ пѣной у рта о своихъ литературныхъ противникахъ и отрицать у нихъ „всякое серьезное знаніе“—неужели это тоже право г. Чичерина? Во всякомъ случаѣ такое право нельзя квалифицировать иначе, какъ privilegium odiosum.

Полемическая неумѣренность г. Чичерина и его невообразимое самомнѣніе давно уже отмѣчены въ нашей журналистикѣ. Еще авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“, разбирая „Очерки Англіи и Франціи“, писалъ объ ихъ авторѣ:

„Г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость. Кто пишетъ не такъ, какъ приказываетъ онъ, тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: „Вы, другъ мой, человѣкъ прекрасной души, но вы глупы. Я одинъ понимаю вещи, вы всѣ ничего не смыслите; слушайтесь, слабоумные друзья мои, меня, единственнаго умнаго человѣка между вами“. („Г. Чичеринъ, какъ публицистъ“. „Современникъ“ 1859, май, стр. 80, отд. „Современное Обозрѣніе“). Тѣ же свойства отмѣчали другіе критики г. Чичерина: Н. В. Альбертини (въ „Отечественныхъ За-

пискахъ" и А. Г—ѳовъ (въ „Русскомъ Словѣ"). Первый изъ нихъ писалъ: „Своими критиками—а критиковъ у него много—г. Чичеринъ очень недоволенъ. Однажды—это было въ газетѣ Николая Филипповича Павлова—онъ бросилъ имъ такое возраженіе: „низкія души понимаютъ одни лишь подлыя побужденія". Это относилось къ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ называетъ „уличными либералами", „презрѣнными гадами, вздымающими свои змѣиныя головы". и въ словахъ которыхъ ему слышится только „шипѣніе пресмыкающихся", но съ неменьшимъ правомъ, зная по сочиненіямъ г. Чичерина степень его терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, каждый изъ его критиковъ могъ приложить къ самому себѣ всѣ эти прелестные эпитеты. Г. Чичеринъ адресовалъ ихъ прямо къ тѣмъ людямъ, которые не признаютъ въ немъ авторитета, которые „питаютъ непримиримую ненависть ко всему, что возвышается надъ толпою", что „составляетъ гордость народа и украшеніе человѣчества", которые будто бы подозрѣваютъ „свободу его мысли и благородство его чувствъ". Явно, что тутъ дѣло шло о критикахъ г. Чичерина, которые всѣ, начиная съ серьезныхъ литераторовъ, участвующихъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", и оканчивая веселыми сотрудниками „Гудка", имѣли несчастіе не соглашаться съ мнѣніями г. Чичерина, не признавать его авторитета и не преклоняться передъ тѣмъ, кто считаетъ себя „гордостью народа и украшеніемъ человѣчества". (Н. В. Альбертини. „Особенное направленіе въ наукѣ и журналистикѣ". „Отечественныя Записки" 1863 г., февраль, стр. 95—96 II-го отд.).

Публицистъ „Русскаго Слова" А. Г—ѳовъ не безъ остроумія характеризовалъ г. Чичерина и ближайшихъ къ нему публицистовъ Каткова и Павлова:

„Москва одновременно подарила намъ трехъ великихъ публицистовъ, которымъ ничего равнаго не представляетъ ни столица Японіи, ни столица Китая. Чтобы появиться на свѣтъ такимъ глубокимъ мыслителямъ по части политическихъ вопросовъ, нужна была особенная внѣшняя обстановка — соединеніе воспоминаній Красной площади съ преданіями Кремля, Царь-пушки съ Царемъ-колоколомъ, Ивана Корейши съ Ѳедоромъ Буслаевымъ, немножко татарской физіономіи и немножко европейской; точно въ такой же пропорціи должны были соединиться и умственные элементы для образованія этихъ трехъ публицистовъ: немножко философіи Гегеля на огромную дозу риторики Кошанскаго, нѣсколько классической мудрости съ значительнымъ количествомъ

учебной рутины старой кіевской бурсы, отчасти судебника Ивана Грознаго и отчасти конституціонной хартіи Англіи. Соединеніе это кажется намъ тѣмъ оригинальнѣе, что не производитъ ни малѣйшаго диссонанса въ московской литературѣ и въ ея геркулесахъ, какъ будто все это такъ и должно быть. Каждый изъ этихъ публицистовъ имѣетъ свое міросозерцаніе казеннаго свойства, свое либеральное направленіе, состоящее изъ тенденцій нѣмецкой бюрократіи, англійскаго аристократизма и русскаго городничества. Читатель, конечно, догадывается, что мы говоримъ о трехъ свѣтилахъ первой величины—гг. Катковѣ, Павловѣ и Чичеринѣ".

Но при этомъ и „Русское Слово" не преминуло отмѣтить у г. Чичерина „одно драгоцѣнное качество, какого Богъ не послалъ въ той же мѣрѣ ни г. Каткову ни г. Павлову". „Это качество—необыкновенная смѣлость приступа, когда дѣло касается враговъ его убѣжденій". (А. Г—фовъ. Чичеринъ и его философія. „Русское Слово" 1863, февраль).

Г. Чичеринъ полемизируетъ съ г. Вѣтринскимъ, который въ извѣстной размолвкѣ Грановскаго съ Герценомъ по вопросу о соціализмѣ видитъ непослѣдовательность со стороны Грановскаго. Мы согласны съ г. Чичеринымъ, что непослѣдовательности тутъ никакой не было; мы, наоборотъ, въ сопротивленіи, оказанномъ Грановскимъ соединенію несоединимыхъ западническихъ и славянофильскихъ элементовъ въ общественной философіи Герцена, видимъ проявленіе логической послѣдовательности и истиннаго историческаго смысла.

Возражая г. Вѣтринскому, г. Чичеринъ пишетъ:

„Въ дѣйствительности, послѣдовательность Герцена была только односторонностью, а послѣдовательность позднѣйшихъ писателей была та же односторонность, доведенная до уродливой крайности. Извѣстно, что школа Гегеля послѣ его смерти распалась на двѣ отрасли: правую и лѣвую... Лѣвая... отрасль, подъ вліяніемъ Фейербаха, скоро перешла къ матеріализму. Но для того, чтобы сдѣлать этотъ переходъ, нужно было не послѣдовательно развивать начала, положенныя Гегелемъ, а совершенно отъ нихъ отречься, сдѣлать умственный скачокъ, отвергнувъ всякія метафизическія построенія и ставъ на почву чистаго реализма (?). Герценъ послѣдовалъ въ этомъ направленіи за нѣмецкими, весьма, впрочемъ, не высокаго качества, мыслителями, которые пролагали уклонившійся отъ Гегеля путь... Но всякое одно-

стороннее направленіе окончательно само себя обличаетъ. На почвѣ матеріалистическаго реализма нѣтъ ни пониманія исторіи, ни нравственныхъ началъ, ни даже признанія человѣческой свободы, которая отрицается во имя всеобщаго детерминизма... Однако и Герценъ, и Бѣлинскій все-таки вышли изъ философской школы, а потому понимали потребности мысли и стояли на извѣстной высотѣ. Бѣлинскаго спасало живое эстетическое чувство; Герценъ самъ былъ художникъ. Позднѣйшіе же писатели этого направленія, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе, не имѣли уже никакой философской школы. Имъ равно чужды были и философія, и эстетика, и даже всякое серьезное знаніе, а потому это направленіе проявилось у нихъ во всей своей уродливой крайности. Для нихъ всѣ вопросы упростились, ибо нѣтъ ничего проще голаго отрицанія, основаннаго на невѣжествѣ. Только знаніе указываетъ человѣку, что все не такъ просто, какъ кажется. Однако и чистые отрицатели не обходятся безъ нѣкоторыхъ положительныхъ началъ; но они избираютъ такія, которыя не требуютъ ни знанія, ни умственной работы. Создаются разныя фантазіи о будущемъ блаженствѣ человѣческаго рода, которыя, не имѣя никакой практической почвы, представляютъ только чистый бредъ воображенія. Этимъ привлекаются незрѣлые умы ничему не учившейся молодости. Въ новѣйшее время все это завершается теоріей экономическаго матеріализма". (Цит. ст. стр. 7—8).

Смыслъ того литературнаго движенія, о которомъ такъ презрительно отзывается г. Чичеринъ, теперь не можетъ подлежать сомнѣнію. Это было движеніе, знаменовавшее собой освобожденіе русской мысли отъ продолжительныхъ оковъ. Общественная мысль, счастливая и прямо упоенная своей свободой [1]), накинулась съ жаромъ на всѣ вопросы. Все казалось ей яснымъ и легко осуществимымъ. Настала эпоха русскаго просвѣтительства, Aufklärung. „Sapere aude! Имѣй мужество пользоваться своимъ собственнымъ разсудкомъ! Вотъ девизъ просвѣтительства" (Кантъ). Этому благородному девизу, которому человѣчество обязано очень многимъ, слѣдовало и столь презираемое г. Чичеринымъ умственное движеніе. Изъ вѣрности девизу: „дерзай разсуждать!" вытекаютъ всѣ сильныя и слабыя сто-

[1]) Я не хочу вовсе сказать, что въ то время мысль пользовалась полной свободой. Но по сравненію съ предшествующей эпохой свобода была очень велика.

роны „просвѣтительства“ вообще и русскаго въ частности. Во всякомъ случаѣ, даже независимо отъ своего общественнаго содержанія, за одно это дерзаніе русское просвѣтительство заслуживаетъ уваженія,—и г. Чичерину, который высокимъ слогомъ говоритъ о „господствѣ идей“, надлежало бы отнестись съ уваженіемъ и справедливостью къ крупному идейному движенію, современникомъ котораго онъ былъ, хотя бы онъ самъ и представлялъ въ своемъ лицѣ „особенное направленіе въ русской политической литературѣ“ (стр. 6 предисловія къ книгѣ „Нѣсколько современныхъ вопросовъ“).

Слѣдуетъ полагать, что г. Чичерину чуждо то знаніе, которое „указываетъ человѣку, что все не такъ просто, какъ кажется“, ибо такое знаніе не позволило бы ему утверждать, что есть теоріи, „которыя не требуютъ ни знанія, ни умственной работы“. Такихъ теорій нѣтъ и быть не можетъ. Но для развязныхъ сужденій съ плеча, хотя бы въ философскихъ (или quasi-философскихъ) статьяхъ, дѣйствительно не требуется серьезной умственной работы, а достаточно „смѣлости приступа“ и вѣры въ свою непогрѣшимость. Говорить, что Чернышевскому, Добролюбову и Писареву было „чуждо всякое серьезное знаніе“, можно только въ состояніи полемическаго неистовства. Но, выступая съ столь рѣшительными приговорами, не мѣшало бы г. Чичерину самому не дѣлать ошибокъ и не говорить несообразностей. Такъ невѣрно, что „лѣвая отрасль гегельянства, подъ вліяніемъ Фейербаха, скоро перешла къ матеріализму“. Въ столь общей формѣ этого положенія нельзя поддерживать. Во-первыхъ,—и это, быть можетъ, удивитъ г. Чичерина,—Фейербахъ не былъ ни лѣвымъ гегельянцемъ, ни матеріалистомъ. Какъ писатель — Фейербахъ вообще не былъ гегельянцемъ, ни лѣвымъ, ни правымъ, ни центральнымъ. Онъ самъ въ юмористической формѣ отвергъ это наименованіе въ фрагментѣ, напечатанномъ въ его посмертныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ Грюномъ (Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner philosophischen Charakterbildung, dargestellt von Karl Grün, Leipzig, 1874. Band, I, S. 387—393, aus 1840, mit späteren Zusätzen). О томъ, что онъ не былъ и матеріалистомъ, Фейербахъ тоже высказался вполнѣ опредѣленно въ своихъ посмертныхъ афоризмахъ къ теоретической философіи: „Rückwärts stimme ich den Materialisten vollkommen bei, aber nicht vorwärts“ (op. cit. II. 308). Если ужъ нужна какая-нибудь кличка, то Фейербахъ былъ позитивистомъ;

его гносеологическія воззрѣнія остались недостаточно выясненными, но, повторяемъ, ни въ какомъ случаѣ его нельзя считать матеріалистомъ [1]). Самый выдающійся лѣвый гегельянецъ Бруно Бауеръ никогда, насколько намъ извѣстно, не былъ матеріалистомъ, ни въ эпоху своего радикализма, ни въ эпоху своего служенія консервативной реакціи. Штрауссъ... но Штрауссъ очень не скоро перешелъ къ матеріализму, во всякомъ случаѣ гораздо позже Герцена. Изъ дѣйствительно крупныхъ гегельянцевъ только Марксъ и Энгельсъ уже въ 40-хъ г. были матеріалистами и въ области метафизики, но они почти ничего по философіи тогда не писали и на Герцена какъ извѣстно—ни малѣйшаго вліянія не оказывали.

Всего этого г. Чичеринъ, пожалуй, можетъ не знать и въ свое оправданіе сослаться, между прочимъ, на то обстоятельство, что непровѣренная характеристика Фейербаха, какъ матеріалиста, повторяемая или, вѣрнѣе, списываемая изъ книги въ книгу, получила въ концѣ концовъ всѣ свойства традиціи, хотя бы—sit venia verbo—„учебнической“. Но чего я никакъ не возьму въ толкъ, такъ это утвержденія ученаго автора, что матеріализмъ или матеріалистическій реализмъ необходимо требуетъ отрицанія всякихъ метафизическихъ построеній. Слышать такое сужденіе отъ идеалиста—каковымъ считаетъ и за какового выдаетъ себя г. Чичеринъ—даже грустно, ибо гдѣ же въ такомъ случаѣ обязательная для всякаго идеалиста критическая азбука, въ которой обязательно разъясняется метафизическій характеръ философскаго матеріализма? А идеализмъ безъ критической азбуки представляетъ нѣчто весьма печальное; его еще старикъ Кантъ со свойственнымъ ему остроуміемъ и истинно философской прямотой сравнилъ съ „hohe Türme... um welche... gemeiniglich viel Wind ist“. Рядомъ съ „высокими башнями“ Кантъ ставилъ „metaphysisch grosse Männer“, около которыхъ тоже „gemeiniglich viel Wind ist“. Въ своей громоносной статьѣ и въ своихъ „Основаніяхъ логики и метафизики“, въ предисловіи къ которымъ онъ на нѣсколькихъ страницахъ раздѣлываетъ и англійскую, и нѣмецкую логику, г. Чичеринъ къ сожалѣнію явился не истиннымъ философомъ, а однимъ изъ этихъ „metaphysisch grosse Männer“. Здѣсь нѣтъ ни науки, ни философіи, потому что нѣтъ необходимыхъ

[1]) Ср. такъ же книгу: W. Bolin, (проф. Гельсингфорскаго университета). Ludwig Feuerbach. Sein Wirken und seine Zeitgenossen, mit Benutzung ungedruckten Materials. Stuttgart, 1891.

для нихъ критики и осторожности. Но зато есть очень много W i n d'a, напыщеннаго и безсодержательнаго.

Не имъ ли объясняется напр. такая тирада:

„Механическое міросозерцаніе безусловно устраняетъ свободу воли, а свобода воли составляетъ источникъ всякой свободы. Безъ нея нѣтъ причины, почему бы съ человѣкомъ не позволено было обращаться, какъ съ вьючнымъ скотомъ".

Въ какомъ смыслѣ „свобода воли составляетъ источникъ всякой свободы"? Въ объективномъ мірѣ существуетъ это отношеніе или въ сознаніи людей? Повидимому, изъ послѣдующей фразы: „безъ нея нѣтъ причины" и т. д. должно думать, что г. Чичеринъ имѣетъ въ виду связь между идеей свободы воли и идеей „политической" или „общегражданской" свободы въ сознаніи людей. Но если такъ, то мы имѣемъ передъ собою совершенно несообразное утвержденіе, которое опровергается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что классическая страна политической свободы—Англія есть въ то же время классическая страна детерминистическихъ теорій. Одинъ изъ самыхъ радикальныхъ защитниковъ правъ личности въ XVIII в., Гольбахъ защищалъ детерминизмъ, нисколько не страшась даже называть его фатализмомъ [1]). Детерминистами были одинаково и Гоббсъ и Юмъ, но и теоретическое и практическое отношеніе ихъ къ политической свободѣ было—какъ г. Чичеринъ знаетъ, конечно, лучше меня—совсѣмъ не одинаковое: Гоббсъ былъ крайній абсолютистъ, а Юмъ — умѣренный либералъ. Фр. Альб. Ланге замѣтилъ, что „между свободой, какъ формой субъективнаго сознанія, и необходимостью, какъ фактомъ объективнаго изслѣдованія, такъ же мало можетъ существовать противорѣчія, какъ между цвѣтомъ и звукомъ" (Исторія матеріализма, русск. перев. Н. Н. Страхова т. II, стр. 357). Съ неменьшимъ основаніемъ можно было бы сказать, что между детерминированностью человѣческихъ дѣйствій и „общегражданской свободой" столь же мало противорѣчія, какъ между теоріей Дарвина и Мадонной Рафаеля. Вещи, абсолютно не имѣющія одна съ другой никакой прямой связи, нельзя ни противопоставлять, ни сближать. Такія сближенія предусмотрѣны даже такъ называемой народной мудростью: въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька—говорятъ о нихъ малороссы.

Далѣе, неужели г. Чичеринъ серьезно думаетъ, что значеніе

---

[1]) Systeme de la nature. I. Chap. XII.

тѣхъ движеній, которыя ему угодно презрительно называть „разными фантазіями о будущемъ блаженствѣ человѣческаго рода“ заключается въ томъ, что ими „привлекаются незрѣлые умы ничему неучившейся молодежи“. Говорить такъ—значитъ крупныя историческія движенія, затрогивающія огромныя массы и происходящія на широкой аренѣ народной жизни культурныхъ націй, разсматривать съ точки зрѣнія профессора, декана или ректора, успокоивающаго или убѣждающаго взволновавшуюся университетскую молодежь. Но вѣдь „незрѣлыя“ увлеченія этой молодежи „разными фантазіями“ въ передовыхъ странахъ давно отошли въ область исторіи! А сами „разныя фантазіи“ до сихъ поръ — и вѣроятно въ возрастающей мѣрѣ—продолжаютъ безпокоить г. Чичерина. Очевидно, что не въ молодежи тутъ дѣло.

Г. Чичеринъ любитъ очень сильно выражаться. Такъ въ началѣ своей статьи онъ замѣчаетъ, что обращеніе къ имени и трудамъ Грановскаго „свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ стремленіи выйти изъ господствующихъ... односторонникъ и крайнихъ направленій, изъ мутнаго потока реалистической пропаганды, изъ необоснованныхъ утвержденій экономическаго матеріализма, а съ другой стороны, изъ пошлаго реакціоннаго подобострастія, которое подъ званіемъ патріотизма возводитъ въ идеалъ древнерусское холопство“. (Цит. ст. стр. 1).

Теперь г. Чичеринъ слово „реализмъ“ произноситъ съ ожесточеніемъ, но было время, правда, очень давнее,—почти 40 лѣтъ тому назадъ, когда онъ противъ „фантазій“ и „мечтаній“ взывалъ къ „реализму“. „Теперь не время—писалъ онъ въ „Очеркахъ Англіи и Франціи“ (предисловіе, стр. XVIII)—толковать объ идеальномъ построеніи общества; все это—точки зрѣнія, которыя отжили свой вѣкъ и пали передъ требованіями реализма“ (курсивъ нашъ). Мы видѣли уже выше, что разсужденіямъ своихъ противниковъ онъ противопоставлялъ реалистическій тезисъ, заимствованный у Лоренца Штейна: „Всякая политическая организація основана на распредѣленіи существующихъ въ народѣ общественныхъ силъ“.

Въ реалистической точкѣ зрѣнія была сила г. Чичерина. Онъ пользовался ею для обоснованія консервативнаго либерализма или либеральнаго консерватизма. Это было его дѣло и его право. Но этой же точкой зрѣнія можно пользоваться для другихъ цѣлей, и намъ кажется, что, если для консервативно-либеральныхъ идей, на взглядъ г. Чичерина, она служила хорошимъ обоснованіемъ

(мы думаемъ, что г. Чичеринъ ею въ этихъ цѣляхъ воспользовался очень неумѣло), то, быть можетъ, она явится не менѣе пригодною для обоснованія идей другого порядка. Но, можетъ статься, теперь, въ 1897 г., Чичеринъ думаетъ, что „реализмъ“ вообще является цѣпью „необоснованныхъ утвержденій“. Въ такомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ утверждать, что г. Чичеринъ за сорокъ лѣтъ пошелъ не впередъ, а назадъ.

Изъ приведенныхъ выше отзывовъ журналистики 60-хъ гг. о г. Чичеринѣ читатель могъ видѣть, что полемической неумѣренностью почтенный публицистъ отличался и въ свои молодые (относительно) годы.

Говорятъ, что солидный органъ Московскаго психологическаго общества не любитъ неумѣренной полемики. Если это вѣрно, то для г. Чичерина очевидно сдѣлано исключеніе; редакція, печатая на первомъ мѣстѣ статью, въ которой авторъ проявилъ совершенно невѣроятную рѣзкость сужденій и приговоровъ, даже не сочла нужнымъ помѣстить общепринятыя въ *такихъ* случаяхъ оговорки, тогда какъ отъ солидарности съ весьма сдержанной статьей г. Булгакова (въ предыдущей книгѣ) она поспѣшила откреститься самымъ недвусмысленнымъ образомъ, хотя въ такомъ чисто *научномъ* органѣ, какъ „Вопросы философіи и психологіи“, вовсе *не предполагается* солидарность редакціи съ авторами отдѣльныхъ статей. Очевидно, относительно почтенной редакціи нельзя сказать, что у нея „нѣсть на лица зрѣнія“. Г. Чичерину она предоставила привилегію свободно прохаживаться со своимъ „Wind'омъ“ по исторіи общеевропейской и русской мысли и сметать все, что нелюбо „метафизически-великому мужу“. Но занятіе это — совершенно ребяческое и компрометирующее „умнаго и ученаго человѣка“, каковымъ г. Чичерина справедливо назвалъ знаменитый критикъ „Современника“, къ которому онъ до сихъ поръ еще такъ злобно-несправедливъ.

„Необоснованная утвержденія“ (въ примѣненіи къ историческимъ судьбамъ Россіи) имѣютъ длинную литературную исторію, которую не мѣшаетъ вспомнить, обращаясь къ имени и трудамъ Т. Н. Грановскаго.

Мы уже признали вмѣстѣ съ г. Чичеринымъ, что Грановскій, не соглашаясь съ Герценомъ по вопросу о соціализмѣ, проявилъ не непослѣдовательность, а послѣдовательность и историческій

смыслъ. О чемъ шла рѣчь тогда? Пусть намъ разскажетъ объ этомъ достовѣрный и добросовѣстный свидѣтель, членъ знаменитаго кружка 40-хъ гг., П. В. Анненковъ. („Замѣчательное десятилѣтіе 1838 — 1848". Воспоминанія и критическіе очерки, т. III, Спб. 1881 г., стр. 129—130).

„Признавая европейскій соціализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, Грановскій смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ни откуда. „Соціализмъ, — говорилъ онъ, — чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ". Иначе отнеслись къ нему Герценъ и Бѣлинскій"...

„Тогда во всей Европѣ думали, что съ соціализмомъ надвинется на нее свирѣпый ураганъ, долженствующій потрясти всѣ такъ долго и трудно нажитыя ею вѣрованія, убѣжденія, привычки, мысли и историческія основы [1]). Разница въ способахъ относиться къ этимъ предчувствіямъ переворота именно и образовала ту рознь въ московскомъ кружкѣ, о которой теперь говоримъ. Герценъ былъ за одно съ Бѣлинскимъ, и они оба смотрѣли прямо и открыто въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенія, грозившимъ, по ихъ мнѣнію, Европѣ со стороны соціализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали, что изъ пепла (sic! *П. С.*) старой цивилизаціи Европы возникнетъ фениксъ—новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія. Всѣ предчувствія переворота, напротивъ, тревожили Грановскаго въ высшей степени, и самый переворотъ, какъ онъ представлялся его уму, не вызывалъ у него ни малѣйшей симпатіи, никакихъ радужныхъ надеждъ или ожиданій".

[1]) Это совершенно вѣрно; ср., напр., первое заявленіе Родбертуса въ 1837 г. „Среди современнаго общества существуетъ многочисленный народъ варваровъ по духу и нравамъ; эти варвары, бѣдные, рѣшительные и дикіе, жаждутъ чужихъ сокровищъ, наслажденій и культуры; они убѣждены, что имъ принадлежитъ право на участіе въ этой культурѣ, и они знакомы съ способомъ веденія войны своими противниками... Не надо забывать, что варвары, которые служили въ войскахъ Рима, завоевали Римъ" (Rodbertus, Schriften Bd. III, Berlin 1899, S. 205). Дитцель по Тэну цитируетъ аналогическое заявленіе Маллэ-Дюпана, относящееся еще къ 1791 г.: Les Huns, les Herules, les Vandales et les Goths ne viendront ni du nord ni de la mer noire: ils sont au milieu de nous" (Dietzel. Rodbertus, I, Iena 1886, S. 9.).

Нисколько не удивительно, что западникъ и историкъ Грановскій не могъ сочувствовать „разрушенію“ западно-европейской цивилизаціи. Современный читатель, пожалуй, удивится, что Грановскій серьезно боялся такого вздора. Но дѣло въ томъ, что въ 40-хъ годахъ вздорность толковъ о „разрушеніи цивилизаціи“ далеко не была такъ ясна, какъ теперь. Упрекъ Грановскаго, обращенный къ соціализму, что онъ оставляетъ поле политики, также былъ справедливъ. Отрицаніе политики было тогда весьма характерной особенностью вліятельныхъ соціалистическихъ направленій, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи. Особенно выдавались своимъ политическимъ недомыслiемъ фурьеристы и нѣмецкіе такъ наз. „философскіе“, или „истинные“ соціалисты.

У Грановскаго вопросъ ставился о желательности или нежелательности того или другого хода вещей.

Глубже, чѣмъ Грановскій, захватывалъ тотъ же вопросъ другой членъ кружка, послѣ Герцена, быть можетъ, самый даровитый. Это былъ Василій Петровичъ Боткинъ. Этотъ острый критическій умъ далъ русской литературѣ гораздо меньше того, на что онъ былъ способенъ. Съ удивительной научной прозорливостью — безъ особенно напряженной работы мысли, а скорѣе благодаря какой-то геніальной интуиціи — онъ частью, быть можетъ, предвосхищалъ, частью схватывалъ на лету важнѣйшія соціологическія обобщенія, до которыхъ дорабатывалась европейская наука въ лицѣ французскихъ соціалистовъ (Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ) и французскихъ историковъ (Тьерри и др.) и великихъ нѣмецкихъ теоретиковъ соціологіи, Штейна и Маркса.

Геніальныя прозрѣнія Боткина разсыпаны большею частью въ его частныхъ письмахъ. Правда, и въ прославившихъ Боткина „Письмахъ объ Испаніи“ (1845) встрѣчаются мѣста, въ которыхъ нельзя не увидѣть близкаго сходства со взглядами, высказанными въ частной корреспонденціи 40-хъ гг. Вотъ самое характерное изъ этихъ мѣстъ: „Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ барометромъ ступени просвѣщенія, на какой находится общество, какъ его политико-экономическое устройство и его политико-экономическія понятія, мѣры и распоряженія, и самое вѣрное изображеніе цивилизаціи какой-либо страны было бы описаніе ея экономическихъ отношеній и учрежденій“ [1]). Это замѣчаніе, которое

---

[1]) Сочиненія В. П. Боткина. Изданіе журнала „Пантеонъ литературы“ (Спб. 1890) т. I. стр. 160.

можно было бы признать случайно брошеннымъ получаетъ совсѣмъ иной смыслъ при сопоставленіи съ цѣлымъ рядомъ мѣстъ изъ переписки Боткина съ Анненковымъ. 20 ноября 1846 г. первый пишетъ второму, передавая свои впечатлѣнія отъ встрѣчи съ пріятелями, изъ которыхъ, „разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому“: „Въ его понятіяхъ я нашелъ большую перемѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему. Но я теперь еще больше убѣдился въ истинѣ того, что понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью, въ которой поставленъ человѣкъ, а идеи, развиваемыя однѣми книгами, не повѣряемыя безпрестанно процессомъ общественнымъ, быстро улетучиваются въ отвлеченности, да, кромѣ того, принимаютъ еще колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ эти идеи.

„Опредѣленность и отчетливость, къ которымъ теперь всего болѣе стремится современный процессъ, здѣсь въ Петербургѣ еще мало въ ходу; этому, съ одной стороны, причиною нѣмецкія идеи, а съ другой—отсутствіе всякаго практическаго примѣненія. Какъ бы то ни было, а сила русской литературы теперь главное состоитъ въ идеологіи. Идеологія (о, святители, какое густое и тяжелое тѣсто была эта идеологія!) послужила къ поднятію „Отечественныхъ Записокъ“; идеологія должна поднять и „Современникъ“. Но въ этой идеологіи, къ счастію, совершилось движеніе, и послѣ долгаго скитанія по нѣмецкимъ пустотамъ она начала обращать свое вниманіе на практическій міръ, или, другими словами—нашихъ друзей занимаетъ такая идеологія, которая имѣетъ прямое отношеніе къ практическому міру. Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности. Это, къ сожалѣнію, пока единственное убѣжище ея. Но, съ этой стороны, разборъ Бѣлинскаго „Онѣгина“, и особенно Татьяны, есть уже большой прогрессъ. Пока промышленные интересы у насъ не выступятъ на сцену, до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ русской литературѣ Но я вру. Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она — наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеологіи. Двигаютъ массами не идеи, а интересы, но просвѣщаютъ ихъ идеи“ [1]). Отъ частнаго, не предназначеннаго для печати, письма нельзя требовать послѣдователь-

[1]) П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885. Изд. Суворина. Спб. 1892, стр. 520—521.

ности изложенія и стройности аргументаціи. Основная мысль Боткина однако ясна: понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью; двигаютъ массами не идеи, а интересы,—вотъ тѣ его реалистическіе тезисы, которые не только для 40-хъ годовъ, но и для нашего времени звучатъ на русскомъ языкѣ новымъ и смѣлымъ словомъ. Замѣчательно, что въ увлеченіи реализмомъ Боткинъ не останавливается передъ *художественностью* и произноситъ о ней сужденіе, которое сильно напоминаетъ взгляды передовой журналистики 60-хъ годовъ. Позже Боткинъ отступился отъ своего экономическаго реализма. Въ статьѣ о Фетѣ, написанной въ 1856 году, нельзя не видѣть скрытой полемики противъ прежнихъ взглядовъ автора. Очевидно, эти взгляды были только—какъ мы уже указывали—геніальными проблесками, а не результатомъ послѣдовательной работы мысли. „При всѣхъ временныхъ преобладаніяхъ различныхъ стремленій,—читаемъ мы въ указанной статьѣ,—которыми исполнена исторія народовъ, основныя свойства человѣческой природы постоянно единаковы во всѣ времена. Практическій характеръ нашего времени есть только результатъ экономическихъ условій новаго общества,—а могутъ ли экономическія отношенія измѣнить основныя свойства человѣческой души?“ [1]). Послѣ 1848 года Боткинъ—какъ мы увидимъ дальше—поддался другимъ вліяніямъ, исходившимъ отъ представителей идеалистическаго и мистическаго воззрѣнія на судьбы человѣчества. Г-жа Головачева-Панаева въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ разсказываетъ о спорахъ, которые Боткинъ и Тургеневъ вели съ Некрасовымъ—въ защиту художественности. Въ передачѣ г-жи Панаевой эта защита художественности со стороны Боткина является даже въ нѣсколько пошловатомъ видѣ, но вина тутъ по всей вѣроятности не Боткина, а разсказчицы (Ср. „Русскіе писатели и артисты 1824—1870“ Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Спб. 1890 г., стр. 363 и слѣд.).

О славянофильствѣ Боткинъ высказалъ въ своихъ письмахъ слѣдующее замѣчательное сужденіе:

„Въ сущности, это не что другое, какъ допетровская Россія, которая поднимаетъ голову и осматривается, и которая вовсе не есть прошедшее, а окружающее, въ которомъ мы составляемъ самое незамѣтное, ничтожное меньшинство... Горсть славянофи-

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 354.

ловъ остается изолированною; а какую бы получила она силу, опираясь, напримѣръ, на купцовъ, гдѣ старая Русь сохраняется во всемъ своемъ нравственномъ и общественномъ безобразіи! Но, несмотря на утопическія и фантастико-историческія очки, въ которыя они (т. е. славянофилы) смотрятъ на все это, образованіе слишкомъ близко къ нимъ и прямо бросается имъ въ глаза; „это не народъ", говорятъ они: „это мерзкій осадокъ народа". А почему же мерзкій? Развѣ зажиточные крестьяне не то же, что купцы. Конечно, бѣдный человѣкъ вездѣ добродушнѣе богатаго, но это потому, что чувство собственности всегда развиваетъ за собою много дурныхъ сторонъ, хранящихся въ природѣ человѣческой; только на этомъ основаніи парижскій ouvrier лучше bourgeois такъ же, какъ разбогатѣвшій мужикъ становится купцомъ" [1]). То, что Боткинъ говорилъ о славянофилахъ, было глубоко вѣрно: онъ оказался истиннымъ пророкомъ. Славянофильская и націоналистическая идеологія позже дѣйствительно вступила въ неразрывную комбинацію съ интересами всероссійскаго купечества. Иванъ Аксаковъ съ талантомъ и даже блескомъ отстаивалъ эти интересы, нисколько не подозрѣвая, какой западный ядъ таится въ экономической роли того общественнаго слоя, идеологомъ котораго онъ выступилъ. Сходное реалистическое сужденіе высказалъ гораздо позже Боткина (1862) Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену: „Народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже (почему же даже? П. С.) носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собой всѣ мѣтко вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ". Что въ „мужикѣ" лежитъ потенціальный зародышъ буржуазіи, на это—безъ обиняковъ—указывалъ и народникъ, знатокъ народа, А. Н. Энгельгардъ.

Историческую фальшь въ простомъ отрицательномъ отношеніи къ западно-европейской буржуазіи Боткинъ чувствовалъ очень живо и откровенно высказывался въ этомъ смыслѣ передъ друзьями.

„Понимаю твое отвращеніе отъ Германіи, Бѣлинскій, очень понимаю, хотя и не раздѣляю его. Я не могу жить въ Германіи,

[1]) Письмо изъ Москвы отъ 14-го мая 1847 г. „Анненковъ и его друзья", стр. 539—540.

потому что нѣмецкая общественность не соотвѣтствуетъ ни моимъ убѣжденіямъ, ни моимъ симпатіямъ, потому что нравы ея грубы, что въ ней мало также дѣйствительности и реальности, и такъ далѣе; но я не изрекаю ей такого приговора, какъ ты, и относительно дурныхъ и хорошихъ сторонъ народовъ придерживаюсь нѣсколько эклектизма. Понимаю твою скуку: я и здоровый захворалъ бы отъ скуки, проведя полтора мѣсяца въ Германіи, а ты еще провелъ ихъ въ Силезіи, въ Зальцбрунѣ! Парижъ, я надѣюсь, постоитъ за себя. Но зачѣмъ тебѣ видѣть тамъ однихъ только „конституціонныхъ подлецовъ?“.. Тамъ есть много такого, что посущественнѣе и поинтереснѣе ихъ. Политическія очки не всегда показываютъ вещи въ настоящемъ свѣтѣ, особенно, если эти очки сдѣланы изъ принятыхъ заочно доктринъ. Часто и доморощенныя доктрины заставляютъ городить вздоръ (что доказываетъ книга Луи Блана: съ твоимъ умнымъ мнѣніемъ о немъ совершенно согласенъ [1]). а бѣда, если нашъ братъ пріѣзжаетъ въ страну съ заранѣе вычитанною доктриною. Вы меня браните, милый мой Анненковъ, вы, котораго тонкій умъ всегда оставался чуждымъ всякаго рода доктринамъ (и за это-то я васъ и люблю особенно), вы меня браните за то, что я защищаю bourgeoisie; но, ради Бога, какъ же не защищать ея, когда наши друзья, со словъ соціалистовъ, представляютъ эту буржуазію чѣмъ-то въ родѣ гнуснаго, отвратительнаго, губительнаго чудовища, пожирающаго все прекрасное и благородное въ человѣчествѣ? Я понимаю такія гиперболы въ устахъ французскаго работника; но когда ихъ говоритъ нашъ умный Герценъ, то онѣ кажутся мнѣ не болѣе какъ забавными. Тамъ борьба, духъ партій заставляетъ прибѣгать къ преувеличеніямъ—это понятно, а здѣсь вмѣсто самобытнаго взгляда, вмѣсто живой, индивидуальной мысли вдругъ встрѣчать общія мѣста, ей Богу, досадно“ [2]).

Точка зрѣнія научнаго реализма очень ярко сказывается въ слѣдующемъ отзывѣ объ извѣстномъ сочиненіи Прудона:

„О книгѣ „Contradictious économiques“ - - увы!—ничего вамъ не могу сказать. У меня взялъ ее Мюльгаузенъ и уѣхалъ съ нею въ Москву, а я успѣлъ прочесть одно введеніе... Ваши нѣсколько словъ показываютъ мнѣ всю дѣльность этой книги, и слава автору, что онъ вышелъ изъ юношескихъ декламацій соціальной

[1]) Бѣлинскій возмущался оцѣнкой Вольтера у Луи-Блана и сравнивалъ послѣдняго съ Шевыревымъ. П. С.

[2]) Письмо изъ Москвы отъ 19-го іюля 1847 г., тамъ же, стр. 541—542.

школы и взглянулъ на дѣло прямо и твердо. А помните, я вамъ... какъ-то говорилъ, что если въ мірѣ природы все условливается законами, то задача современной науки отвлекать законы, дѣйствующіе въ мірѣ политическомъ и промышленномъ. Дѣло не въ томъ только, чтобы нападать на то, что есть, а отыскать, почему это есть, словомъ, отыскать законы, дѣйствующіе въ мірѣ промышленномъ. И великая заслуга Смита состоитъ именно въ томъ, что онъ открылъ многіе законы, управляющіе въ промышленности".

Въ оцѣнкѣ Прудона Боткинъ, конечно, хватилъ черезъ край, но въ подчеркнутыхъ нами словахъ онъ прекрасно формулировалъ задачу научной критики дѣйствительности, задачу, такъ блистательно разрѣшенную главнѣйшимъ литературнымъ противникомъ Прудона, авторомъ „Нищеты философіи". Понятно, что съ такой точки зрѣнія—безразлично, въ чьихъ интересахъ она выдвигалась — простое увлеченіе новыми общественными теоріями и отрицаніе существующаго не могло не представляться недостаточнымъ и поверхностнымъ. Поэтому-то Боткинъ встрѣтилъ критически литературныя произведенія Герцена, въ которыхъ выражалось увлеченіе автора новыми явленіями и сторонами западно-европейской жизни. Послушаемъ разсказъ Анненкова.

„Письма Герцена изъ Avenue Marigny уже носили на себѣ ясный, хотя еще и осторожно наложенный штемпель гуманныхъ идей, съ намеками на вопросы новаго рода, такъ что они должны считаться первыми пробами приложенія въ русской литературѣ соціологическаго (sic! *П. С.*) способа понимать и обсуждать явленія. Начиная съ разбора драмы Феликса Піа и до подробностей парижскаго быта — все въ нихъ отражало настроеніе, почерпнутое изъ другихъ источниковъ, а не изъ тѣхъ, которыми питались наши философскія, замаскированно-либеральныя и филантропическія тенденціи. Друзья Герцена, въ Москвѣ и Петербургѣ любовались этимъ оригинальнымъ поворотомъ его таланта... Впрочемъ, московскіе друзья Герцена, любуясь сатирической мѣткостью писемъ, восхищаясь остроуміемъ ихъ замѣтокъ и обличеній, часто останавливаясь подолгу на проблескахъ глубокой мысли въ опредѣленіи текущихъ явленій тогдашняго французскаго общества,—друзья все-таки не вполнѣ вѣрили въ объективную правду писемъ и считали ихъ отчасти произведеніемъ обычнаго фрондерства, свойственнаго всѣмъ путешественникамъ, которымъ стыдно съ перваго же раза покориться чужой странѣ и не сдѣлать оговорокъ, вступая въ

близкія съ ней связи. Отголосокъ этого мнѣнія сказался всего сильнѣе у В. П. Боткина, что и заставляетъ меня сдѣлать выписку изъ московскаго его письма ко мнѣ отъ 12 октября 1847 г.:

„Кстати, прочелъ въ 10 № „Современника“ три письма Г. изъ Avenue Marigny и прочелъ ихъ съ самымъ живымъ удовольствіемъ. Первое письмо хуже прочихъ: въ немъ даже замѣтно нѣкоторое усиліе съострить; разумѣется, не вездѣ, но кое-гдѣ острота не вяжется сама собою къ перу, къ фразѣ. Что касается до его взгляда на театры и городъ, то при всемъ его превосходствѣ, при всемъ блескѣ и глубокомысліи, по моему мнѣнію, это все-таки первое наглядное впечатлѣніе. Je ne cherche pas chicane à sa manière de voir—и, вполнѣ признавая за нимъ право смотрѣть на вещи подъ своимъ угломъ, я все-таки остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи и не стану подражать славянской нетерпимости Герцена, который меня разбранилъ за то, что я осмѣлился быть не одного съ нимъ мнѣнія. Во-вторыхъ, я прочелъ его письма съ наслажденіемъ: это такъ увлекательно, такъ игриво, это—арабескъ, въ которомъ шутка свивается съ глубокой мыслью, сердечный порывъ съ летучей остротой; что мнѣ за дѣло, что я о многомъ думаю совершенно иначе: всякій имѣетъ право смотрѣть на вещи по своему, и Герценъ смотритъ на нихъ такъ живо, такъ увлекательно, что я вовсе теряю желаніе спорить: наслажденіе пересиливаетъ всякое другое чувство. Но, по моему мнѣнію, главный недостатокъ ихъ въ неопредѣленности точки зрѣнія; да, мнѣ кажется, Герценъ не далъ себѣ яснаго отчета ни въ значеніи стараго дворянства, которымъ онъ такъ восхищался, ни въ значеніи bourgeoisie, которую онъ такъ презираетъ. Что же за этимъ у него остается? Работникъ. А земледѣлецъ? Неужели Герценъ думаетъ, что уменьшеніе избирательнаго ценза измѣнитъ положеніе буржуазіи. Я не думаю. Я не поклонникъ буржуазіи, и меня не менѣе всякаго другого возмущаетъ и грубость ея нравовъ, и ея сильный прозаизмъ, но въ настоящемъ случаѣ для меня важенъ фактъ. Я скептикъ: видя въ спорящихъ сторонахъ въ каждой столько же дѣльнаго, сколько и пустого, я не въ состояніи пристать ни къ одной, хотя—въ качествѣ угнетеннаго—классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобъ у насъ была буржуазія. Cet air de matador, съ которымъ Герценъ все рѣшаетъ во Франціи, очень милъ, увлекателенъ, я его, мочи нѣтъ, какъ люблю въ немъ именно потому, что знаю мягкое, голубиное сердце этого матадора, но

вѣдь рѣшеніе Герцена ровно ничего не уясняетъ: оно только скользитъ по вещамъ. Всѣ эти вопросы до такой степени сложны, что невозможно поднять ни одинъ, не поднявши вмѣстѣ съ нимъ нѣсколькихъ..." [1]).

„Даже оставляя въ сторонѣ—продолжаетъ Анненковъ—личные счеты В. П. Боткина съ Герценомъ, который высказывалъ ему часто горькую правду по поводу его безхарактерной поблажки внѣшнимъ приманкамъ парижской жизни—приведенный отрывокъ все-таки выражалъ мнѣніе и другихъ друзей Герцена, хорошо понимавшихъ причины и поводы демократическихъ возгласовъ о буржуазіи въ ея отечествѣ, но считавшихъ такіе возгласы непригодными для русскаго общества, которое еще лишено образовательныхъ элементовъ, принесенныхъ нѣкогда этой самой буржуазіей въ исторію. Притомъ же, друзья и не знали, куда еще заведетъ Герцена его огульное осужденіе Европы, и боялись, что авторитетное слово его отразится въ извращенномъ видѣ на умахъ и представленіяхъ русскихъ читателей. Того же самаго боялись они и отъ исповѣди Бѣлинскаго, когда онъ попалъ за границу и обнаружилъ воззрѣнія на западную культуру, близко подходившія къ воззрѣніямъ Герцена. Можетъ быть, въ числѣ причинъ, побудившихъ Герцена написать позднѣе вышеупомянутую свою статью („Съ того берега"), было и желаніе разъяснить друзьямъ свои истинныя отношенія къ европейскому міру и мѣсто, которое онъ намѣренъ въ немъ занять. Извѣстно, что въ статьѣ противополагалось безвыходному положенію европейскаго общества появленіе народа, одно присутствіе котораго въ Европѣ тревожитъ умы, который извѣстенъ только съ мрачныхъ сторонъ своихъ, но который несетъ съ собой народную культуру, качества мысли и сердца, имѣющія, повидимому, большую будущность. Къ этой нотѣ, впервые раздавшейся у Герцена въ упомянутой статьѣ, Герценъ потомъ часто возвращался и пробовалъ брать эту ноту на множество ладовъ, но она не у всѣхъ друзей вызывала сочувствіе, а нѣкоторые долго находили ее напряженной и фальшивой, не смотря ни на какія варьяціи и смягченія, которыми сопровождалъ ее почасту авторъ". („Замѣчательное десятилѣтіе" въ „Литературно-критическихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ", Анненкова. Т. III, стр. 162—165).

„Дай Богъ, чтобы у насъ была буржуазія". Чѣмъ это лучше или хуже моего столь опороченнаго изреченія: „пой-

[1]) Курсивъ нашъ. Письмо это цѣликомъ напечатано въ сборн. „Анненковъ и его друзья", стр. 550—554.

демъ на выучку къ капитализму". Я въ свое время, признаюсь, не подозрѣвалъ, что по существу совершаю нѣкоторый плагіатъ у Боткина и у Бѣлинскаго.

Мы уже знаемъ, что взгляды Бѣлинскаго были близки къ точкѣ зрѣнія Герцена, но незадолго до смерти великаго критика въ его воззрѣніяхъ произошла перемѣна.

Отношеніе Боткина къ увлеченіямъ Герцена либо передалось Бѣлинскому (что всего вѣроятнѣе), либо самостоятельно развилось у него, подъ вліяніемъ собственныхъ впечатлѣній и размышленій, Вотъ замѣчательное заявленіе Бѣлинскаго, сдѣланное въ письмѣ къ Анненкову и представляющее одно изъ интереснѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ обнаруженій западническаго духа въ русской литературѣ:

„Кстати, мой вѣрующій другъ (одинъ изъ парижскихъ друзей. П. С.) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль...

„Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піетистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитируютъ Жоржа Занда и Луи Блана" [1]).

[1]) Письмо отъ 15-го февраля 1848 г., цѣликомъ напечатано въ сборникѣ „Анненковъ и его друзья". стр. 607—612. Въ извлеченіи у г. Пыпина. „Жизнь и переписка Бѣлинскаго", т. II. 324—325.

Это заявленіе представляется мнѣ особенно интереснымъ тѣмъ, что оно было сдѣлано не умѣреннымъ и уравновѣшеннымъ, проникнутымъ историческимъ духомъ Грановскимъ, не холоднымъ и, пожалуй, циничнымъ Боткинымъ, а именно „неистовымъ Виссаріономъ". Нельзя говорить что это было просто „благороднымъ увлеченіемъ" великаго западника: у этой натуры всякая серьезная дума была въ то же время увлеченіемъ и выражалась иначе, чѣмъ у „спокойныхъ" людей. Слова, въ которыхъ Бѣлинскій призывалъ на Россію царство буржуазіи, выражали не только серьезную, но глубоко выстраданную историческую мысль, и та рѣзкая форма, въ которую ее облекъ Бѣлинскій („оселъ въ квадратѣ") есть лучшее, краснорѣчивѣйшее доказательство ея серьезности, глубины и выстраданности.

Если даже Боткинъ не совсѣмъ разобрался въ своей точкѣ зрѣнія, то неудивительно, что у Бѣлинскаго въ ея развитіи недостаетъ послѣдовательности и стройности. Такъ вопросъ о культурномъ значеніи буржуазіи спутывается у него съ вопросомъ о роли личности въ исторіи, хотя логической связи между ними по существу нѣтъ. Очевидно, эта путаница происходила оттого, что буржуазія представлялась Бѣлинскому носительницей культурнаго индивидуальнаго начала въ противоположность народу. Бѣлинскій былъ, конечно, правъ въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно буржуазія Англіи и Франція побѣдоносно довела до конца борьбу за права личности, но между этими правами и философскимъ вопросомъ о роли личности нѣтъ ничего общаго. Личность въ философско-историческомъ смыслѣ и личность въ смыслѣ общественно-политическомъ—понятія, совершенно различныя и несоизмѣримыя. Бѣлинскій никогда, впрочемъ, не былъ сильнымъ философомъ и по своему философскому образованію онъ безспорно уступалъ своему преемнику, который въ 1855 г. первый въ русской литературѣ воздалъ должное заслугамъ геніальнаго критика. Мы позволяемъ себѣ держаться такого мнѣнія, несмотря на авторитетъ... г. Чичерина.

Быть можетъ, геніальныя прозрѣнія Боткина не были самостоятельными проблесками его критической мысли, а являлись навѣянными личнымъ общеніемъ съ знаменитымъ нѣмецкимъ соціологомъ (или его литературными произведеніями), съ именемъ котораго они связаны въ исторіи европейской науки. Кто знаетъ? Объ отношеніяхъ Боткина къ Марксу намъ ничего неизвѣстно.

Только относительно двоихъ изъ членовъ знаменитаго кружка 40-хъ гг. можетъ быть точно установлено ихъ личное знакомство въ 40-хъ гг. съ нѣмецкимъ ученымъ. Мы говоримъ объ Анненковѣ и Бакунинѣ. Первый въ „Замѣчательномъ десятилѣіи“ (стр. 155 — 161) подробно разсказалъ о своихъ встрѣчахъ съ Марксомъ и далъ здѣсь удивительно художественную характеристику его внѣшности. Отъ Бакунина же сохранилось любопытное письмо къ Анненкову, рисующее въ немногихъ словахъ отношеніе русскаго мистика-фантазера къ нѣмецкому ученому-критику:

„Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ — Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ; будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма,—скажете вы,—да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый шагъ нашъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли... Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirthschaft wie vorher [1]), портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетвореннее, недовольное собою самодовольствіе“ [2]).

Анненковъ, приводя это письмо въ „Замѣчательномъ десятилѣтіи“ (стр. 171), справедливо замѣчаетъ, что „оно показываетъ автора въ настоящемъ его свѣтѣ, какъ романтическаго, мистическаго анархиста, чѣмъ онъ всегда былъ и чѣмъ объясняется его ненависть къ авторитетному, положительному и законодательствующему Марксу, — ненависть, которая продолжалась болѣе

[1]) Т.-е. „занимается тѣмъ же пустымъ дѣломъ, что и прежде“. Пустое дѣло состояло въ разработкѣ и популяризаціи грандіозной научной системы!

[2]) Письмо изъ Брюсселя отъ 28 декабря н. с. 1847 г., цѣликомъ напечатано въ сборникѣ „Анненковъ и его друзья“. Стр. 620—622.

25 лѣтъ и завершилась между ними скандаломъ и полнымъ порывомъ".

Но возвратимся къ Боткину. Характерно не для Боткина лично, а для русскаго западничества того времени вообще, что его реалистическіе взгляды на общественное развитіе были окрашены буржуазнымъ цвѣтомъ. Несущественно, что Боткинъ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ пролетаріату; объ его исторической роли онъ не упоминалъ, подчеркивая въ то же время историческое значеніе и призваніе буржуазіи. Еще рѣзче выступаетъ это у Бѣлинскаго. Въ этомъ подчеркиваніи и въ этомъ умолчаніи весь колоритъ ихъ взглядовъ. Кстати этотъ колоритъ косвенно указываетъ на то, что они не были навѣяны авторомъ „Нищеты философіи". Скорѣе рѣчь можетъ идти о вліяніи Лоренца Штейна, который въ своемъ „Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreich" еще въ 1842 г. проводилъ ту же соціологическую точку зрѣнія, только менѣе послѣдовательно и притомъ именно въ буржуазной окраскѣ. Но по существу источники этой окраски лежали глубже,—не въ тѣхъ или другихъ книжныхъ вліяніяхъ, а въ историческомъ моментѣ. Когда наши западники столкнулись съ вопросами экономическаго и общественнаго развитія культурнаго человѣчества, прогрессивная роль буржуазіи далеко не была еще сыграна даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. А Герценъ, указывая паденіе буржуазіи, самъ видѣлъ въ ея антиподѣ факторъ разрушительный, угрожающій „цивилизаціи". Для того, чтобы этому пониманію противопоставить реалистическое и въ то же время небуржуазное пониманіе дѣйствительности, недостаточно было „геніальныхъ прозрѣній", необходима была цѣльная и стройная научная теорія, и извѣстная комбинація общественныхъ условій, благопріятная для ея воспріятія и распространенія. Русскій интеллигентъ того времени, современникъ крѣпостной Россіи, не могъ ни самъ доработаться до такой теоріи, ни просто усвоить ее себѣ иначе, какъ въ буржуазной окраскѣ. Послѣдняя была, такимъ образомъ, и для Боткина, и для Грановскаго, и даже для „неистоваго Виссаріона" исторической необходимостью, „закономъ, его же не прейдеши". Между ней и тѣми славянофильскими фантазіями на радикальные западные мотивы, которымъ отдался Герценъ, для нихъ не было выбора.

У Боткина, пережившаго и Бѣлинскаго, и Грановскаго, указанная окраска не только не исчезла, но и совершила полный циклъ

своего внутренняго развитія—до буржуазнаго мистицизма и идеализма включительно и притомъ съ придачей чего-то специфически-московскаго. Боткинъ,—пишетъ Анненковъ („Замѣчательное десятилѣтіе", стр. 183—184),—„съ изумительной прозорливостью открывалъ и потомъ преслѣдовалъ малѣйшія черты скрытаго идеализма, замаскированной чувствительности и мечтательности, сдѣлавшіеся теперь предметами его ожесточенной ненависти. Въ такомъ настроеніи засталъ его и уже въ Москвѣ серьезный поворотъ дѣлъ, начавшійся повсемѣстно въ Европѣ, съ 1848 года. Никто болѣе его не испугался этого поворота, да поворотъ еще укрѣпилъ въ немъ зародившіеся настроеніе, такъ какъ оно могло служить нѣкоторымъ образомъ щитомъ и охраной противъ подозрѣній въ моральной склонности къ утопіямъ. На склонѣ жизни, съ ослабленіемъ силъ, и уже тогда, когда онъ самъ сдѣлался значительнымъ капиталистомъ, В. П. Боткинъ занялъ почетное и видное мѣсто въ рядахъ нашей ультра-консервативной партіи. Но онъ превратился въ ультра-консерватора на свой собственный манеръ, который ставилъ его неизмѣримо выше большинства его собратовъ по убѣжденіямъ. Въ основу своего послѣдняго созерцанія онъ положилъ, кромѣ чувства сохраненія своего общественнаго положенія, которое у него всегда было очень живо, еще и доктрины двухъ великихъ современныхъ мыслителей—Карлейля и Шопенгауера. Онъ почерпнулъ у перваго его ненависть ко вседневной болтовнѣ журналистики и литературныхъ репортеровъ, вмѣстѣ съ ученіемъ о спасительной силѣ повиновенія великимъ авторитетамъ, просвѣтителямъ народовъ и двигателямъ исторіи, гдѣ бы они ни встрѣтились. Отъ второго онъ усвоилъ его глубочайшее презрѣніе къ толпѣ и народнымъ массамъ и его энергическія проклятія безпредметному философствованію умниковъ, разлагающихъ только безъ конца и цѣли одну собственную мысль. Такимъ образомъ, замѣчательный человѣкъ этотъ перешелъ множество стадій развитія, и только смерть помѣшала ему видѣть, во что слагается и чѣмъ кончаетъ нашъ русскій консерватизмъ".

Идеи дѣйствительно—какъ писалъ В. П. Боткинъ—„принимаютъ колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ". Этой участи не избѣгли и собственные взгляды Боткина и, такимъ образомъ, своей судьбою дали подтвержденіе научной истинности выставленнаго нѣкогда имъ положенія.

Общественно-политическій реализмъ, навѣрное, не исчезъ совершенно въ его міровоззрѣніи: онъ лишь испыталъ окончатель-

ное буржуазное перерожденіе и при этомъ перерожденіи вступилъ въ комбинацію съ новыми идеалистическими элементами, которые оттѣснили его совершенно на задній планъ. Это — любопытная страничка изъ исторіи общественной мысли въ Россіи, весьма поучительная съ точки зрѣнія общественной психологіи.

Съ другой стороны, эволюція Боткина отъ чистаго общественно-политическаго реализма съ демократическими симпатіями къ идеалистическому мистицизму съ аристократическими тенденціями представляетъ также выдающійся индивидуально-психологическій интересъ. Она еще разъ доказываетъ, какъ философскій идеализмъ и мистицизмъ—оба мыслителя, за которыми послѣдовалъ Боткинъ, Карлейль и Шопенгауеръ, были великіе мистики—можетъ сочетаться съ „чувствомъ сохраненія своего общественнаго положенія“. Это вовсе не значитъ, что идеализмъ и мистицизмъ всегда встрѣчаются въ такой комбинаціи, точно такъ же, какъ на знаменитомъ примѣрѣ Штраусса отнюдь нельзя построить общаго положенія о необходимой связи матеріализма съ политическимъ и соціальнымъ консерватизмомъ. Индивидуально-психологическія комбинаціи идеологическихъ элементовъ чрезвычайно причудливы и не могутъ быть обняты никакой единой формулой: Штраусъ былъ матеріалистъ и консерваторъ, Шопенгауеръ — идеалистъ и консерваторъ (даже очень злобный), Фихте—идеалистъ и соціалистъ, Кантъ—идеалистъ и либералъ, Гоббсъ—матеріалистъ и политическій реакціонеръ, критическій идеалистъ Ланге склонялся къ соціализму и т. д. Разныхъ комбинацій философскаго міровоззрѣнія съ практическими взглядами было и вѣроятно всегда останется множество. И г. Чичерину, хорошо знакомому съ исторіей философіи и государственной науки, это обстоятельство, конечно, не можетъ не быть достаточно извѣстно. Оно, на нашъ взглядъ, должно было бы остеречь г. Чичерина отъ неосторожныхъ сужденій, но онъ всегда отличался... „смѣлостью приступа“, когда имѣлъ дѣло съ непріятными ему взглядами.

Я не упомянулъ еще объ одномъ крупномъ человѣкѣ 40-хъ годахъ, который тоже стоялъ на точкѣ зрѣнія западническаго реализма и у котораго эта точка зрѣнія тоже неизбѣжно принимала слегка буржуазную окраску (съ порядочной дозой скептицизма). Это И. С. Тургеневъ. Онъ—подобно Бѣлинскому и Грановскому—не забиралъ такъ глубоко, какъ Боткинъ. Но зато онъ, въ отличіе отъ послѣдняго, навсегда остался послѣдовательнымъ западни-

комъ, изящнымъ и тонкимъ индивидуалистомъ, при всемъ своемъ аристократизмѣ и индивидуализмѣ не отрекавшимся отъ лучшихъ традицій буржуазной идеологіи Запада.

Мы не знаемъ, заходилъ ли онъ въ 40-хъ гг. такъ далеко налѣво, какъ Боткинъ, но знаемъ очень хорошо, что въ 60-хъ гг. онъ не пошелъ вмѣстѣ съ нимъ направо. Какъ западникъ реалистъ, онъ никогда не поклонялся народническимъ богамъ, потому что, по его мнѣнію, „ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода“ — какъ думаютъ народники: „мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и никакого за нами спеціально новаго слова не предвидится“. Но, повторяемъ, онъ не ставилъ вопроса объ общественномъ развитіи Россіи во всей его широтѣ, какъ проблему соціологическую. Его замѣчанія о судьбахъ Россіи въ письмахъ къ Герцену и въ изреченіяхъ Созонта Ивановича Потугина („Дымъ“)—геніальные афоризмы художника, не болѣе. Ими можно резюмировать конечный и наиболѣе общій результатъ соціологическаго построенія, но замѣнить такого построенія они не могутъ. Для того, чтобы нанести ударъ утопизму, ставшему съ 60-хъ гг. прочной литературной традиціей и сумѣвшему принарядиться въ научный костюмъ западнаго покроя, необходимо было вернуться къ тѣмъ положеніямъ, которыя Боткинъ въ 40-хъ гг. такъ геніально подхватилъ, но которыя не вошли въ оборотъ, потому что не подходили къ „той общественности, куда попали“.

А г. Чичерину не мѣшало бы знать, что „необоснованныя утвержденія“ имѣютъ и на русской почвѣ свою литературную исторію, полную глубокаго общественнаго смысла и интереса. Изъ этой исторіи мы захватили выше лишь одну, правда, очень поучительную главу. Нѣсколько измѣняя слова г. Чичерина, мы можемъ сказать ему: не все такъ просто, какъ кажется.

„МУЖИКИ“ Г. ЧЕХОВА [1]).

(1897 г.)

„Настоящій талантъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль“.

Тургеневъ.

Оскудѣніе нашей беллетристики талантами стало общимъ мѣстомъ и вѣчнымъ припѣвомъ. Вѣрнѣе, не объ оскудѣніи талантами слѣдуетъ говорить, а о крайней рѣдкости талантливо написанныхъ вещей. Таланты молчатъ, а бездарности и разные массовые, кустарные и фабричные производители романовъ и повѣстей пишутъ много, до... тошноты у читателей и, быть можетъ, до собственнаго одуренія. Во всякомъ случаѣ это множество беллетристики не составляетъ литературы въ томъ высокомъ смыслѣ, о которомъ у русскихъ писателей должны были бы имѣться вполнѣ опредѣленныя понятія, сильныя и своимъ внутреннимъ содержаніемъ и славными традиціями, съ ними связанными.

Почему молчатъ таланты? Чѣмъ объясняется то плачевное пониженіе общаго уровня художественной литературы, котораго никто, кажется, не оспариваетъ? Чего недостаетъ этой литературѣ?

Вотъ вопросы, которые неотвязно встаютъ передъ каждымъ думающимъ читателемъ. Задать ихъ легко, отвѣтить же на нихъ чрезвычайно трудно. Во всякомъ духовномъ творчествѣ причудливо переплетаются и скрещиваются общественныя и индивидуальныя условія и силы; разобраться въ ихъ взаимномъ отношеніи подчасъ почти невозможно. Пониженіе уровня художественной литературы любятъ объяснять пониженіемъ талантовъ, но это объясненіе, думается мнѣ, невѣрно; таланты у насъ не отсут-

---

[1]) Повѣсть „Мужики“ впервые была напечатана въ журналѣ „Русская Мысль“, апрѣль 1897 г.

ствуютъ, а молчатъ, не проявляются и потому не развиваются. Кромѣ того, такое объясненіе только отодвигаетъ вопросъ. Упадокъ талантовъ тоже мало констатировать, его надо въ свою очередь объяснить.

Одну причину и, быть можетъ, самую существенную низкаго уровня современной русской художественной литературы, думается мнѣ, не такъ ужъ трудно нащупать.

Мнѣ хочется избѣгнуть недоразумѣнія, и поэтому я сразу открою передъ читателемъ одну сторону своей эстетической profession de foi. Я совсѣмъ не сторонникъ тенденціознаго искусства, а поучающее и морализирующее искусство считаю прямо самымъ плохимъ родомъ, хуже котораго только скучный.

Но искусство должно воспроизводить жизнь во всей ея глубинѣ и силѣ, со всѣми совершающимися въ ней перемѣнами, перекрещивающимися и борющимися теченіями и идеями. Есть идеи въ жизни, ихъ не можетъ не быть въ литературѣ. Есть въ жизни руководящія идеи, должны быть онѣ и въ беллетристикѣ. Идеи, конечно, берутся не съ вѣтра, не появляются путемъ самопроизвольнаго зарожденія въ мозгахъ критически мыслящихъ личностей; онѣ развиваются изъ общественныхъ отношеній и въ огромномъ большинствѣ случаевъ носятъ на себѣ явственную печать такого происхожденія. Конечно, и въ отвлеченныхъ идеологіяхъ, и въ художественномъ творчествѣ есть всегда множество относительно простыхъ и формальныхъ (тоже относительно) идейныхъ элементовъ, которые передаются отъ одной эпохи къ другой. Но эти формальные элементы всегда такъ или иначе комбинируются съ различнымъ историческимъ содержаніемъ, отъ него заимствуя характеризующій ихъ колоритъ.

Если въ жизни есть и дѣйствуютъ идеи, искусство не можетъ не воспроизводить и не отражать ихъ (нарушеніемъ этого общаго правила, конечно, являются случаи, когда жизненныя идеи не могутъ выразиться вслѣдствіе дѣйствія „непреодолимыхъ силъ“— какъ говорятъ юристы). Возьмите объективнаго художника Зола, и вы найдете у него, рядомъ съ индивидуальными судьбами и положеніями, воспроизведеніе общественныхъ движеній и идей. И русскій подражатель Зола, г. Боборыкинъ, и тотъ тщится воспроизводить и нерѣдко не безъ успѣха воспроизводитъ общественное содержаніе современности. Оба — и Зола, и г. Боборыкинъ — пишутъ то, что совершается передъ ними, одинъ — какъ художникъ, другой — какъ фотографъ.

Но истинный художникъ не только воспроизводитъ, онъ переживаетъ и воспроизводитъ совершающееся.

Такимъ переживаніемъ общественной дѣйствительности запечатлѣна наша классическая художественная литература, начиная съ Гоголя. А переживать общественную дѣйствительность значитъ жить, двигаться и волноваться дѣйствующими въ ней идеями.

Тайна изумительнаго богатства и мощи нашей классической литературы заключается въ томъ, что она обладала заимствованной изъ самой жизни руководящей общественной идеей.

Какъ возникла въ жизни эта идея, реальный ея генезисъ — я не стану здѣсь объяснять. Ее же самое не трудно выразить въ немногихъ словахъ: отрицаніе крѣпостного права. Это была не только идея, но и цѣлое чувство, сильное и острое до боли. Недаромъ спокойный Тургеневъ, который никогда не былъ героемъ общественной борьбы, а, наоборотъ, отличался слишкомъ большой мягкостью и податливостью, чуть что не трусостью, писалъ о себѣ:

„Въ моихъ глазахъ врагъ... имѣлъ опредѣленный образъ; носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда“ [1]).

Безъ аннибаловской клятвы Тургеневъ не былъ бы для русской литературы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для нея. Безъ этой клятвы не было бы послѣгоголевскаго расцвѣта нашей беллетристики.

Съ другой стороны расцвѣтъ этотъ наступилъ, чего никогда не слѣдуетъ забывать, когда съ поколѣнія 40-хъ годовъ аннибаловская клятва была снята самой жизнью: до тѣхъ поръ были лишь проблески расцвѣта.

Въ послѣгоголевскую классическую литературу, созданную представителями дворянства и объединенную аннибаловской клятвой, какъ руководящей общественной идеей, врѣзывается народ-

---

[1]) Сочиненія И. С. Тургенева. Изд. 1884 г. Т. X. Литературныя воспоминанія, стр. 4.

ническая литература разночинцевъ. Выразить ея руководящую идею значитъ формулировать сущность народничества. Сдѣлать это въ немногихъ словахъ и очень легко, и очень трудно: въ народничествѣ есть свои историческіе пласты, отлагавшіеся вмѣстѣ съ наслоеніями народной жизни. Мнѣ и не для чего здѣсь останавливаться на характеристикѣ народничества. Въ наличности у такихъ писателей, какъ Успенскій и Златовратскій, руководящей общественной идеи никто не сомнѣвается, и это-то мнѣ и нужно констатировать. Но часто приходится встрѣчаться съ непризнаніемъ за народнической беллетристикой художественнаго значенія. Мнѣ думается однако, что современная русская художественная литература не представляла бы столь печальнаго зрѣлища, если бы въ ней продолжалъ дѣйствовать такой писатель, какъ Успенскій. Въ его полупублицистическихъ очеркахъ больше истиннаго искусства, чѣмъ во множествѣ романовъ и повѣстей, печатаемыхъ въ нашихъ журналахъ.

Наша художественная литература не связана теперь никакой аннибаловской клятвой, въ ней нѣтъ руководящей общественной идеи, и въ этомъ ея основной порокъ.

Не слѣдуетъ нашей мысли понимать схематически-просто. Ни классическая, ни народническая беллетристика не представляли собой ряда сочиненій на заданную тему. Въ особенности про дворянскую литературу нельзя сказать, чтобы она „проводила“ одну опредѣленную идею.

Настоящій талантъ является, какъ сказалъ однажды Тургеневъ, сосредоточеннымъ отраженіемъ жизни. Наша классическая литература отражала жизнь, а въ жизни происходила борьба общественныхъ формъ и соотвѣтствующихъ имъ идей; при этихъ условіяхъ литература не могла быть безыдейной, и не могла не служить аннибаловской клятвѣ.

Изъ теперешней литературной пустыни только одинъ выходъ — сосредоточенное отраженіе жизни. Надо отразить всю жизнь и подслушать ея аннибаловскую клятву.

Если это невозможно, то невозможна, значитъ, сильная литература. Пусть всякій, кто работаетъ на этомъ поприщѣ, безъ страха передъ самыми неутѣшительными выводами вдумается въ реальныя условія существованія литературы и отвѣтитъ на поставленный нами вопросъ. Я предвижу одно возраженіе, но на него у меня готовъ отвѣтъ, данный однимъ изъ великихъ мастеровъ русскаго слова: „Вы утверждаете, что у публициста, и у

поэта задачи разныя... Нѣтъ! Онѣ могутъ быть совершенно одинаковы у обоихъ; только публицистъ смотритъ на нихъ глазами публициста, а поэтъ—глазами поэта“ [1]).

Г. Чеховъ, „Мужики“ котораго дали поводъ къ предлагаемой бесѣдѣ, самый выдающійся представитель литературнаго поколѣнія, или, вѣрнѣе, литературной эпохи безъ аннибаловской клятвы. Я нарочно говорю о литературной эпохѣ, а не объ отдѣльныхъ писателяхъ. Моя задача не обвинять въ безыдейности того или другого писателя или всю литературу (нелѣпое обвиненіе!), а констатировать ее, и — если ужъ нужно судейское отношеніе — оправдать ею слабость и ничтожество литературы.

Одна ласточка не дѣлаетъ весны. Но тѣмъ не менѣе „Мужики“ г. Чехова замѣчательная ласточка, и мнѣ хотѣлось бы думать, что эта вещь предвѣщаетъ своимъ явленіемъ возрожденіе нашей литературы, приближеніе къ новой эпохѣ, когда литература снова станетъ „сосредоточеннымъ“ отраженіемъ жизни.

Г. Чеховъ проникнутъ безотраднымъ пессимизмомъ, его „Мужики“ ужасающая картина человѣческой зоологіи, или даже деревенскаго озвѣренія, т.-е. процесса превращенія человѣка въ животное — таковъ, кажется, общій отзывъ нашей критики о „Мужикахъ“. Одинъ критикъ отмѣтилъ, что въ „Мужикахъ“ нѣтъ даже Акима, и они по мрачности и безнадежности далеко оставляютъ за собой „Власть тьмы“. Нѣтъ даже Акима! Мы съ критикомъ „Русскихъ Вѣдомостей“ говоримъ, очевидно на различныхъ языкахъ, ибо, откровенно говоря, во всей „Власти тьмы“, на меня самое безотрадное впечатлѣніе производитъ праведникъ тьмы, Акимъ. Преступленія, совершаемыя въ драмѣ Толстого, возмутительны и нелѣпы, какъ огромное большинство настоящихъ преступленій. Но такъ этому и полагается быть: нигдѣ убійства и половой развратъ — ни въ Лондонѣ, ни въ великорусской деревнѣ, ни въ высшемъ обществѣ, ни въ средѣ пролетаріата—не производятъ отраднаго впечатлѣнія. Но во „Власти тьмы“ глубоко-безотрадно жизненное безсиліе и ничтожество праведничества, ничтожество не индивидуальное только, а общественное. Въ морали Акима проявилась правда, о которой сама жизнь никогда не скажетъ: симъ побѣдиши. Акимъ это — художественное воплощеніе и олицетвореніе непротивленія злу, начала, можетъ

---

[1]) Тургеневъ. Предисловіе къ собранію романовъ. Сочиненія, изд. 1884 г., т. II, стр. XVI.

быть, очень возвышеннаго, но безсильнаго и жалкаго. Думающаго читателя Акимъ долженъ потрясти своимъ безсиліемъ сильнѣе, чѣмъ вся прочая тьма и грязь, собранная Толстымъ.

Въ „Мужикахъ“ Чехова деревня тоже представлена въ безотрадномъ свѣтѣ, но тамъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ Акима.

Пересказывать содержаніе „Мужиковъ“ нельзя. Это цѣлый рядъ списанныхъ съ жизни картинокъ, производящихъ очень сильное впечатлѣніе своей удивительной правдивостью.

Представлена деревня нечерноземной центральной полосы, деревня, изъ которой лучшіе, наиболѣе приспособленные къ жизни элементы уходятъ. Они рѣдко возвращаются домой и почти ничего не вносятъ въ деревенскую жизнь. Мужики (деревенскіе) живутъ во тьмѣ, въ вѣчной борьбѣ съ нуждой, не освѣщенной никакимъ проблескомъ сознанія и надежды на лучшее будущее. Въ „Мужикахъ“ художникъ изобразилъ, конечно, не русскую деревню и мужика вообще, а опредѣленный складъ деревенскихъ отношеній, тотъ „поселокъ“, на которомъ сказались лишь опустошительныя дѣйствія экономическаго развитія, оголившія до послѣдней степени некультурность и дикость среды. Помните, Успенскій говорилъ о „голой зоологической правдѣ, обязательной при земледѣльческомъ трудѣ“, а въ сущности просто-на-просто тѣсно связанной съ опредѣленнымъ экономическимъ укладомъ жизни. Зоологическая правда неразлучна съ зоологической неправдой. И Успенскій постоянно изображалъ и ту, и другую вмѣстѣ. Чеховъ развернулъ передъ читателемъ одну неправду, и это—вполнѣ законный художественный пріемъ. Художественное творчество есть сосредоточенное отраженіе жизни, но ни одному художнику не дано отразить всей жизни. Г. Чеховъ далъ ея достаточно на своихъ 28 страницахъ.

Однако художественная сила и связанное съ ней общественное значеніе „Мужиковъ“ заключаются не въ изображеніи зоологической неправды. Въ „Мужикахъ“ фигурируютъ не одни только мужики. Среди нихъ умираетъ представитель города, половой „Славянскаго базара“ Николай Чикильдѣевъ.

Мнѣ кажется, что многіе, вѣрящіе въ культурно-общественную роль новѣйшаго русскаго города, были обижены тѣмъ, что въ качествѣ его представителя Чеховъ вывелъ умирающаго ресторaннаго лакея съ женой, умиляющейся словамъ „аще“ и „дондеже“ и съ благоговѣніемъ взглядывающей на красивыхъ и нарядныхъ барышень,—съ дочкой, которая вѣритъ, что, оскоромившись тайкомъ влитой каплей молока, злая бабка попадетъ въ

пекло. Но въ этомъ именно Чеховъ на мой взглядъ проявилъ тонкое художническое чутье, настоящій артистическій тактъ. Вся сила впечатлѣнія отъ его очерка не въ абсолютныхъ величинахъ, не въ мужикахъ самихъ по себѣ и не въ Николаѣ самомъ по себѣ, а въ разстояніи, въ ариѳметическомъ отношеніи между этими двумя человѣческими величинами. Выведи Чеховъ не трактирнаго полового, который драгоцѣнную эмблему лучшаго прошлаго видѣлъ въ своемъ фракѣ, а фабричнаго рабочаго, охваченнаго новыми идеями, привязаннаго къ книжкѣ—художественное впечатлѣніе отъ его разсказа было бы слабѣе. Въ художественномъ произведеніи, какъ и въ картинѣ, не слѣдуетъ прибѣгать къ слишкомъ рѣзкимъ переходамъ. Даже, если они встрѣчаются въ жизни, въ воспроизведеніи они всегда кажутся преувеличенными и искусственными. А художникъ не можетъ не считаться съ тѣмъ, что кажется, потому что весь эффектъ его творчества суммируется въ субъективныхъ впечатлѣніяхъ.

Ольга, которая изумляется тому, что бабка бьетъ ея дочь; Николай, который измученъ постояннымъ крикомъ, голодомъ, угаромъ, сиротой, который ненавидитъ и презираетъ бѣдность, которому стыдно передъ женой и дочерью за своихъ отца и мать, который раздраженно протестуетъ противъ побоевъ, обрушивающихся на его ребенка: „Вы не можете бить! Вы не имѣете никакого полнаго права ее бить!“; наконецъ, Саша, которая идетъ жаловаться матери на бабку,—всѣ эти люди, несмотря на свой абсолютно очень низкій уровень, по сравненію съ мужиками представляютъ высшую ступень развитія. Николай не борецъ, онъ даже не жилецъ на этомъ свѣтѣ, столкновеніе съ зоологической неправдой застаетъ его безсильнымъ, неспособнымъ ни на какое сопротивленіе. Индивидуальное положеніе и личная судьба Чикильдѣева могли бы быть иными, но общественный смыслъ этой фигуры отъ того не измѣнился бы. Николай могъ бы явиться въ деревнѣ не полумертвецомъ, а сильнымъ человѣкомъ. Всего скорѣе онъ выступилъ бы тогда среди мужиковъ въ роли эксплуататора, кабатчика или кулака, но это не мѣшало бы ему представлять высшій типъ человѣческой личности, личности, которая ставитъ вопросъ о своихъ правахъ и мучится ихъ непризнаніемъ, которая способна на недовольство и протестъ.

Припомните изъ „Устоевъ“ Златовраткаго слова хозяйственнаго мужика-индивидуалиста Петра въ отвѣтъ хранительницѣ

устоевъ теткѣ Ульянѣ Мосевнѣ: „Я такъ полагаю, тетенька, что пора бросить смиренство да и приниженье... Тоже и мы люди! Чѣмъ мы другихъ хуже?“ Рѣчь идетъ тутъ о „форсахъ“, о полубархатѣ, подаренномъ Петромъ отцу на жилетъ, но замѣчаніе индивидуалиста Петра имѣетъ болѣе общее и глубокое значеніе. Слова эти выражаютъ освобожденіе отъ власти земли и мірского строя.

Въ городѣ это освобожденіе всего рѣзче сказывается на духовномъ складѣ промышленнаго пролетаріата; въ деревнѣ же, гдѣ происходитъ слоеніе среди самаго крестьянскаго населенія, въ преобразованіи духовнаго склада участвуютъ оба отдѣляющіеся другъ отъ друга слоя. Самая постановка новыхъ вопросовъ („нужно тоже и свою гордость имѣть!“) есть во всякомъ случаѣ для обѣихъ сторонъ продуктъ новыхъ экономическихъ отношеній и, въ огромной степени, городскихъ вліяній, разрушающихъ власть земли. Это разрушеніе создаетъ не только людей, существованіе которыхъ теряетъ всякій смыслъ, по мѣрѣ того, какъ имъ становится „легче“ — какъ это случилось съ Иваномъ Босыхъ („Власть земли“ Глѣба Успенскаго). Внезапный переходъ въ новыя условія, конечно, нарушаетъ прежнее равновѣсіе, но всякое движеніе впередъ слагается изъ такихъ нарушеній равновѣсія. При шатаніи прочныхъ бытовыхъ условій деревни сперва только зоологическая правда уступаетъ мѣсто зоологической неправдѣ, и потому на первый взглядъ кажется, что все новое исчерпывается этой перемѣной. Она, однако, лишь одинъ моментъ, рѣзче вырисовающійся, чаще замѣчаемый, но переходный и преходящій, представляющій въ сущности не новизну, а наслѣдіе старины, переживаніе крѣпостного строя. Колебаніе и паденіе деревенскихъ „устоевъ“ должно раньше или позже сказаться на всей сельской массѣ опредѣленными психологическими послѣдствіями. Побѣда въ хозяйственной борьбѣ, съ одной стороны, является условіемъ, содѣйствующимъ росту личности. Съ другой стороны, фактическое экономическое превосходство способно ослаблять потребность въ новыхъ правовыхъ отношеніяхъ и притуплять чувство неудовлетворенности даннымъ складомъ ихъ. Такую же двойственную оцѣнку можно дать и пораженію въ хозяйственной борьбѣ: оно и деградируетъ личность, и съ другой стороны толкаетъ ее впередъ. Въ дѣйствительной жизни все зависитъ отъ конкретной комбинаціи этихъ положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій. Вотъ почему такъ трудно рѣшить, если

судить совершенно объективно, какой группѣ, деревенскимъ ли удачникамъ (буржуазіи), или деревенскимъ „мизераблямъ“ (по выраженію Эртеля)—будетъ въ ближайшемъ будущемъ принадлежать важнѣйшая роль въ процессѣ роста личности. Конечно, для народника, въ особенности — правовѣрнаго, деревенская буржуазія это—кулаки и міроѣды, и этими по меньшей мѣрѣ неласковыми наименованіями рѣшается серьезнѣйшій и труднѣйшій соціологическій вопросъ. Но уже острый умъ Успенскаго мучился вопросомъ: что такое кулакъ? Читатель навѣрное помнитъ, какой далъ отвѣтъ авторъ „Власти земли“ на этотъ вопросъ. Кулачество, во-1-хъ, „явленіе не наносное, а внутреннее“, и, во-2-хъ, „для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно геніальныя способности, и въ то же время вы не можете не убѣдиться, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ не выразилось“. (Сочин. Изд. 1889, II, стр. 280—281).

Почему же это такъ?—спрашиваетъ далѣе Успенскій и поясняетъ. Міръ „не умѣетъ разобраться съ дѣлами и съ головой... И вездѣ, гдѣ не понимаютъ, водка. Водка—вездѣ, гдѣ нужно знаніе обстоятельствъ, недоступныхъ крестьянскому уму. Это съ одной стороны, а съ другой крѣпостной опытъ, т. е. опытъ, рѣшительно ни на что негодный при новыхъ условіяхъ жизни — вотъ рѣшители сложныхъ вопросовъ всей системы самоуправленія, общественныхъ, юридическихъ и финансовыхъ“. Мірской строй и крѣпостной строй, мірская мудрость и крѣпостной опытъ оказываются историческими близнецами, которые разъединяются лишь въ абстракціи народника-теоретика и въ фантазіи народника-романтика. „Въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые вполнѣ не объяснялись бы барщиной, а главное только барщиной“ (Соч. изд. 1889 г. т. II, стр. 140).—Таково свидѣтельство народника-художника, и мы не можемъ не вѣрить этому свидѣтельству: при свѣтѣ его становятся понятными самыя темныя для пониманія стороны народной жизни.

Николай и его семья очень мало говорятъ, ихъ превосходство надъ мужиками не облеклось въ рѣзкія сознательныя формы, но эта особенность опять-таки составляетъ въ художественномъ отношеніи сильную сторону очерка г. Чехова. Въ этомъ смыслѣ онъ

гораздо выше значительной по замыслу и содержанію, слабой по исполненію повѣсти Каронина „Снизу вверхъ“, гдѣ тоже изображено превосходство города надъ деревней. Въ то время какъ Каронинъ вывелъ передъ читателемъ высшій цвѣтъ городской народной интеллигенціи, рабочаго, читающаго книжки и бьющагося умомъ и сердцемъ надъ „проклятыми вопросами“,—у Чехова передъ нами трактирный слуга, представитель столь опороченной художниками и моралистами, экономистами и публицистами „трактирной“ или „парикмахерской“ (выраженіе Рѣшетникова) цивилизаціи.

Кто только не поносилъ трактирной цивилизаціи, не обрушивался на нее дешевой моралью, игнорируя, что эта цивилизація кусочекъ цѣлаго общественнаго уклада, заимствующій отъ него не только слабыя, но и сильныя стороны? Не боясь раздразнить морализирующихъ народниковъ и народничествующихъ моралистовъ, мы скажемъ, что общественный смыслъ очерка г. Чехова заключается главнымъ образомъ въ художественномъ обличеніи ихъ жалкаго морализированія. Художникъ раскрылъ уголокъ процесса стихійнаго творчества общественныхъ формъ и общественнаго сознанія. Именно—стихійнаго, и потому, быть можетъ, тѣмъ, кто умѣетъ читать лишь катехизисы и прописи, или на хорошій конецъ разбираться въ искусствѣ въ перемежку съ прописями, вещь Чехова ничего не скажетъ. Бѣдные дикіе мужики, бѣдный Николай, котораго невѣжественный фельдшеръ слишкомъ поспѣшно отправилъ на тотъ свѣтъ—скажутъ они и, вѣроятно, глубокомысленно прибавятъ: надо просвѣщать мужиковъ.

Г. Чеховъ показалъ два уровня или, вѣрнѣе, разстояніе между ними. Повторяю, не въ изображеніи абсолютныхъ величинъ достоинство его вещи. Наоборотъ, абсолютныя величины—и мужики и представители города—обрисованы у него очень неполно. Они точно въ дымкѣ. Г. Чеховъ удивительно отчетливо изобразилъ отдѣльныя дѣйствія, но не далъ характеристики личностей во всей ихъ опредѣленности, т. е. не очертилъ индивидуальностей.

Мужики у него выведены безъ психологіи или съ совершенно упрощенной психологіей. Онъ разсказываетъ намъ больше объ ихъ тѣлодвиженіяхъ, чѣмъ о движеніяхъ ихъ души. И потому не правъ будетъ тотъ, кто—на основаніи этого изображенія—станетъ отрицать существованіе довольно сложной душевной жизни даже у бабки и Кирьяка.

Въ дѣйствительности не все такъ просто, какъ въ разсказѣ г, Чехова.

Но я не думаю, чтобы онъ намѣревался въ своемъ очеркѣ исчерпать всю жизнь и всю психологію своихъ мужиковъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы правдиво и ярко показать разстояніе, и эта задача выполнена блестяще; такъ блестяще и вообще талантливо она выполнена въ первый разъ въ русской литературѣ. Вышеупомянутый разсказъ Каронина не идетъ въ счетъ: крупный художественный грѣхъ этой вещи состоитъ въ томъ, что большая часть думъ, сомнѣній и терзаній Михайлы принадлежитъ самому автору и лишь приписана герою. Между тѣмъ г. Чеховъ имѣетъ полное право заявить: быть можетъ мною сказана не вся правда, но все сказанное мною съ подлиннымъ вѣрно, я далъ сосредоточенное отраженіе жизни.

Тѣмъ не менѣе поставленный въ началѣ нашей замѣтки вопросъ, возможна ли у насъ теперь художественная литература, отражающая жизнь съ ея руководящими идеями и запросами, остается нерѣшеннымъ. Найдутся ли люди и смогутъ ли они уловить клятву жизни и воплотить ее въ образы, писателемъ выстраданные, а читателю безъ труда дающіеся и легко понятные?

Въ писаніяхъ о „Мужикахъ“ меня поразило единодушіе, съ которымъ игнорируется то, что составляетъ художественную прелесть и общественную pointe (быть можетъ, вполнѣ безсознательную) этого произведенія. „Мужики“ Чехова ужасны! Но помилосердствуйте, вѣдь мужики Толстого, Мишàньки Успенскаго, „Подлиповцы“ Рѣшетникова тоже ужасны и, пожалуй, при всей своей психологіи, ужаснѣе, чѣмъ чеховскіе мужики съ ихъ тѣлодвиженіями. И какой жалкій выводъ: этихъ ужасныхъ людей надо просвѣщать. Ну, а если бы они были добродѣтельны, развѣ ихъ не нужно было бы тоже просвѣщать? Развѣ статистика и здравый смыслъ недостаточно говорятъ о необходимости просвѣщенія? Развѣ этотъ тезисъ нуждается еще въ новыхъ „живыхъ картинахъ“? Пора признать всѣ споры о „просвѣщеніи“ законченными, и безъ разглагольствованій заняться исключительно дѣломъ всесторонняго просвѣщенія.

Если изъ вещи Чехова вытекаютъ какіе-нибудь выводы, то эти выводы во всякомъ случаѣ значительнѣе и шире тезиса о необходимости просвѣщенія и старыхъ словъ о долгѣ интеллигенціи передъ народомъ. Въ картинѣ Чехова — какъ и въ самой народной жизни — достаточно ясными, но недостаточно рѣзкими чертами, вырисовывается четовѣческая личность, какъ необходимый продуктъ опредѣленнаго хода развитія формъ жизни. Въ

развитіи человѣческой личности и въ признаніи ея правъ заключается главный выводъ и, если хотите, мораль произведенія Чехова. Несущественно, думалъ ли самъ авторъ объ этой морали, и намъ кажется, что онъ о ней не думалъ. Но онъ воплотилъ ее въ образахъ. Большаго отъ художника невозможно и не слѣдуетъ требовать.

„МУЖИКИ“ ЧЕХОВА и Г. МИХАЙЛОВСКІЙ.

(1897 г.).

Я давно не бесѣдовалъ съ читателями „Новаго Слова“ въ той непринужденной формѣ, которую представляютъ мои замѣтки на разныя темы. Послѣдній разъ я говорилъ о „Мужикахъ“ г. Чехова. Въ іюльской книжкѣ „Русскаго Богатства“ „Мужиками“ и en bloc всѣмъ, написаннымъ о „Мужикахъ“, на нѣсколькихъ страницахъ „Литературы и жизни“ занимается г. Н. К. Михайловскій. Этихъ страницъ не хочется пройти молчаніемъ — лучше поздно, чѣмъ никогда.

Статья г. Михайловскаго—полемическая, и притомъ ея полемика направлена противъ нашего журнала и, въ частности, противъ вашего покорнѣйшаго слуги, но ни журналъ, ни авторъ въ статьѣ не называются. Г. Михайловскій какъ будто стремится избѣгнуть общепринятой видимости полемики — дѣлаетъ такъ, чтобы полемика и была, и какъ будто ея не было.

Послѣ кровавыхъ полемическихъ сраженій, данныхъ на страницахъ „Русскаго Богатства“ „ученикамъ“, „настоящимъ“ и „ненастоящимъ“, столь мягкая форма полемики представляетъ, по крайней мѣрѣ, прелесть разнообразія. Все выходитъ гладко и чинно, и слѣдуетъ надѣяться, что неистовые „марксисты“ послѣдуютъ благому примѣру, подаваемому писателями „Русскаго Богатства“. Впрочемъ, мои коллеги—народъ ненадежный и того и гляди сорвутся съ добровольно надѣтой на себя цѣпи. А потому и не буду брать на себя ручательства за нихъ.

Мягкость и добродушіе г. Михайловскаго дѣйствительно умилительны. Ибо къ тому, что писалось противъ нечестивыхъ учениковъ въ благомыслящей нашей печати, вполнѣ приложимы слова Тацита, которыми онъ резюмируетъ современныя ему свѣдѣнія о нравахъ и преимущественно о невѣроятной дикости финновъ:

„Остальное уже баснословно, именно будто Геллузяне и Оксіоны имѣютъ головы и черты лица человѣческія, а туловища и члены звѣриные. Но, какъ вещь недоказанную, я оставлю это подъ сомнѣніемъ“ [1]). Въ прежнихъ писаніяхъ противъ „учениковъ“ дѣло нерѣдко доходило до приписыванія имъ... „членовъ звѣриныхъ“. А теперь какая мягкость, какая снисходительность, переходящая подчасъ даже въ покровительственный тонъ!

Признаюсь, впрочемъ, что деликатное обращеніе „Русскаго Богатства“ и его критика нѣсколько напомнило мнѣ суевѣріе, по которому первобытные люди избѣгаютъ называть по имени вредныхъ людей и вредныя вещи. Суевѣріе это, которому до извѣстной степени обязана своимъ происхожденіемъ литературная фигура эвфемизма, основано на свойственномъ примитивному мышленію безраздѣльномъ сліяніи вещи и ея наименованія. Конечно, наши почтенные противники совершенно неповинны въ примитивности мышленія, но я, грѣшный человѣкъ, думаю, что ихъ деликатности, эвфемизмы и умолчанія продиктованы настроеніемъ, психологически весьма родственнымъ тому, которое лежитъ въ основѣ указаннаго нами суевѣрія. „Ученики“ надѣлали много литературныхъ непріятностей, и лучше объ этихъ вредныхъ людяхъ не говорить. Долго ли до грѣха съ разговорами и спорами? Но мы не питаемъ къ своимъ противникамъ никакихъ суевѣрныхъ чувствъ, и потому я позволяю себѣ, возражая г. Михайловскому, называть его по имени.

Впрочемъ мою статью о „Мужикахъ“ удостоилъ своего вниманія не только г. Михайловскій. Нѣчто о моей статьѣ написалъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ одинъ литературный гимназистъ, открывшій въ ней новый образецъ „экономической критики“. Объ этомъ открытіи я упоминаю ради курьеза—говорить серьезно о гимназическихъ упражненіяхъ, хотя бы и печатаемыхъ въ толстыхъ журналахъ, не приходится.

Г. Михайловскій недоволенъ тѣмъ, что разглагольствованія по поводу „Мужиковъ“ на тему о необходимости просвѣщенія могутъ кое-кому представляться пошлыми и мелкими. „Необходимость просвѣщенія—выводъ практическій, приглашающій къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ“ — говоритъ публицистъ „Русскаго Богатства“. Мы думаемъ, что прежде, чѣмъ приглашать къ дѣйствіямъ и такимъ образомъ являться дѣйственнымъ—этотъ выводъ долженъ быть

[1]) Сочиненія Корнелія Тацита, перев. В. И. Модестова, изд. Л. Ф. Пантелѣева, т. I, Спб. 1886 г., стр. 65.

спеціализированъ. „Просвѣщеніе необходимо“ —въ этомъ всѣ согласны, но—спросимъ мы знаменитыми щедринскими словами,— „на какой предметъ и въ какомъ градусѣ“ оно необходимо? Людей, словами отрицающихъ необходимость „просвѣщенія“, нѣтъ или почти нѣтъ, но людей, или даже общѣе, цѣлыхъ (и притомъ огромныхъ) общественныхъ силъ, своими дѣйствіями отрицающихъ „просвѣщеніе“—весьма достаточно. И ихъ такъ много потому, что насчетъ „предмета“ и „градуса“ они держатся иныхъ мнѣній, чѣмъ мы съ вами, читатель, а также, смѣю думать, и г. Михайловскій. Слѣдовательно, выводъ о необходимости просвѣщенія практически и теоретически въ наше время пустопорожній выводъ, и вся сила—въ „предметѣ“ и „градусѣ“ просвѣщенія, о которыхъ авторы многочитаемыхъ фельетоновъ, вѣщатели публицистическихъ банальностей, и не думаютъ заикаться.

„Необходимость просвѣщенія—выводъ практическій, приглашающій къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ. Другіе считаютъ его пустяками, не стоющими вниманія, а важенъ, дескать, выводъ теоретическій: городъ въ лицѣ полового Николая и горничной Ольги выше деревни въ лицѣ ихъ дикихъ сродниковъ. Ну, а дальше что? Слѣдуетъ ли изъ этого, что городъ, который и безъ того хорошъ (?!) можно оставить безъ вниманія и всѣ заботы общества должны сосредоточиться на деревнѣ, которая такъ темна и безпомощна? Повидимому, нѣтъ, и даже скорѣе напротивъ. Во всякомъ случаѣ, насъ продолжаютъ держать на высотѣ чисто-теоретическаго вывода и настаиваютъ на немъ съ страннымъ полемическимъ задоромъ. Задоръ этотъ страненъ по своей запоздалости. Было время, когда кое-кто изъ нашихъ беллетристовъ чрезмѣрно идеализировалъ деревню въ ущербъ или въ пику городу. Были у этого направленія свои теоретики-публицисты, прибѣгавшіе къ чрезвычайно страннымъ пріемамъ для оправданія и развитія своихъ положеній. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ писалъ: „Если только намъ суждено скоро услышать „надлежащее слово“, его скажутъ люди деревни, а не города, и ужъ всего меньше Петербурга. Да, скажетъ его деревня, какъ бы презрительно ни думали о ней книжники. Хотѣлось бы пояснить, что подъ деревней здѣсь подразумѣвается единица, олицетворяющая собой принципъ солидарности, нравственной связи, въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности, выразителемъ котораго былъ и есть европейскій городъ“. Это писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ „Недѣлѣ“, нѣкто г. П. Ч., вѣроятно давно уже отказавшійся отъ своей тогдашней точки зрѣнія. Да и вообще въ настоящее время въ литературѣ нѣтъ ея представителей. Но зато ее усвоили, напримѣръ, комментаторы „Мужиковъ“, только, такъ сказать, съ перемѣною адреса... Логическая ошибка вышеприведеннаго разсужденія г. П. Ч., какъ я уже тогда указывалъ, состоитъ въ томъ, что, вѣрно или невѣрно усвоивъ деревнѣ извѣстную черту, онъ *отвлекаетъ* ее отъ всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ деревни—ея невѣжества, пьянства, грубости — и противопоста-

вляетъ эту *отвлеченную* деревню *конкретному* Петербургу, въ которомъ, конечно, много морзостей. Совершенно также поступаютъ комментаторы „Мужиковъ“ (я не говорю, самъ г. Чеховъ). Вѣрно или невѣрно приписавъ извѣстныя черты городскому жителю вообще, они берутъ отвлеченнаго полового—вытираютъ изъ его прошлаго всѣ тычки, пинки, ругательства и издѣвательства, претерпѣнные имъ съ одиннадцатилѣтняго возраста до тѣхъ поръ, пока онъ самъ сталъ раздавать таковые же мальчишкамъ-ученикамъ; промываютъ его глаза и уши отъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ; вычеркиваютъ и его ежедневную 19-ти часовую работу, и всѣ гнусныя привычки хамскаго угодничества изъ-за „на-чаекъ“, вырабатываемыя нашими дикими нравами вообще, и всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ, благодаря все той же нашей общей дикости. получилъ отъ пьяныхъ посѣтителей, и проч., и проч., и проч... Все это отметается, стирается, и получается исключительно воплощеніе того момента каторжной жизни полового, когда онъ любезно и предупредительно предлагаетъ вамъ въ хорошемъ московскомъ трактирѣ: спаржи не прикажете ли?—хорошую получили. И этого отвлеченнаго полового внѣдряютъ въ конкретную, даже въ ультра-конкретную деревню, изъ которой не только ни одна подлинная соринка не выметена, а еще лишняго навозу навалено для большей яркости.

Отвлеченный половой всѣмъ возмущается въ конкретной деревнѣ. „На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку“. Да, это правда, и ужасная правда. Но вѣдь это только для отвлеченнаго полового невидаль, а конкретный половой знаетъ, что въ московскихъ трактирахъ круглый годъ, каждый день пьютъ. Въ избѣ, въ которой пришлось поселиться Чикильдѣевымъ, грязно, тѣсно, душно. Да, навѣрное, такъ. Но прочтите печатающуюся въ этой книжкѣ „Русскаго Богатства“ статью г-жи Покровской „Жилища петербургскихъ рабочихъ“, и вы увидите, что не только на деревенской родинѣ Чикильдѣева есть люди, живущіе въ грязи, тѣснотѣ, смрадѣ. И конкретный половой не можетъ этого не знать, потому что какъ засвидѣтельствовано многочисленными полицейскими протоколами, многіе половые, проработавъ 18—19 часовъ въ трактирной атмосферѣ со всѣми ея прелестями, отдыхаютъ, то есть спятъ, въ условіяхъ, своими неудобствами, можетъ быть, превосходящихъ даже избу Чикильдѣевыхъ. Ну, а отвлеченный Чикильдѣевъ, тотъ такъ и стоитъ въ храмоподобномъ залѣ Славянскаго Базара, облеченный во фракъ и крахмальную манишку, и любезно улыбается. Есть, однако, и относительно этого франта (?!) одно указаніе, способное очень ослабить впечатлѣніе того свѣтлаго пятна, которое онъ производитъ на фонѣ деревенскаго мрака. Проработавъ, не зная отдыха, лѣтъ сорокъ, онъ не имѣетъ, гдѣ приклонить голову, и ѣдетъ кончать жизнь въ деревню; а послѣ его смерти его жена и дочь побираются Христовымъ именемъ...“

Въ этомъ разсужденіи обнаруживается очень грубое непониманіе той точки зрѣнія, противъ которой ведется полемика. Г. Ми-

хайловскій неправъ и по отношенію къ г. Чехову, и по отношенію къ комментаторамъ“ его „Мужиковъ“. Половой Николай Чикильдѣевъ, быть можетъ, не соотвѣтствуетъ представленію о половыхъ, вынесенному г. Михайловскимъ изъ наблюденій въ петербургскихъ и московскихъ трактирахъ, быть можетъ, онъ выше или, наоборотъ, ниже средняго уровня. Но онъ вовсе не „отвлеченный половой“, а живой человѣкъ [1]). Г. Чеховъ не сообщилъ намъ, сколько часовъ въ сутки работала эта живая личность, но всего въ очеркѣ, занимающемъ 28 страницъ, не скажешь. Болѣзнь Чикильдѣева отчасти бросаетъ свѣтъ на его прошлую трудовую жизнь, да и кто не знаетъ, что половымъ живется плохо, что ихъ безмѣрно эксплуатируютъ? Г. Чеховъ не говоритъ объ эксплуатаціи, но это не значитъ, чтобы онъ вычеркивалъ не сказанное имъ изъ реальной жизни Чикильдѣева и другихъ половыхъ, Еще менѣе основателенъ упрекъ, направленный по адресу „комментаторовъ“ г. Чехова. Они ничего не „вытираютъ“ изъ жизни эксплуатируемыхъ, они ничѣмъ не изукрашиваютъ города, и ничего не отнимаютъ у деревни. И, если можетъ итти въ данномъ случаѣ рѣчь объ отвлеченіи, то, вѣдь всякое обобщеніе, всякая попытка дать какую-нибудь характеристику сложнаго явленія основаны на извѣстномъ „отвлеченіи“. Противопоставляя западную культуру азіатской дикости, мы отвлекаемся, напримѣръ, отъ тѣлесныхъ наказаній, широко практикуемыхъ въ школахъ Швейцаріи и Германіи, въ школахъ и тюрьмахъ Англіи, и игнорируемъ, что въ русской школѣ, напримѣръ, учитель не имѣетъ права бить учениковъ. Противопоставляя высокій жизненный уровень и развитое сознаніе личнаго достоинства англійскаго рабочаго матеріальному и духовному состоянію рабочихъ въ другихъ странахъ, мы отвлекаемся—и съ полнымъ правомъ—отъ жалкаго матеріальнаго положенія и духовной забитости нѣкоторыхъ группъ англійскаго рабочаго класса. Всякое сравненіе, сопоставленіе и противопоставленіе основано на обобщеніи, а обобщеніе есть не что иное, какъ «отвлеченіе“.

---

[1]) Я согласенъ, конечно, что и мужики, и представители города обрисованы у г. Чехова неполно. „Г. Чеховъ—писалъ я—удивительно отчетливо изобразилъ отдѣльныя дѣйствія, но не далъ характеристики личностей во всей ихъ опредѣленности, т.-е. не очертилъ индивидуальностей“. Это и невозможно въ рамкахъ маленькаго разсказа, состоящаго изъ отдѣльныхъ сценокъ, но всѣ эти сценки написаны необыкновенно живо, а это значитъ, что въ нихъ дѣйствуютъ живые люди.

Конечно, „не только на деревенской родинѣ Чикильдѣева есть люди, живущіе въ грязи, тѣснотѣ, смрадѣ“, конечно, и въ городѣ царитъ эксплуатація и нищета... Г. Михайловскому нѣтъ надобности напоминать намъ объ этомъ—мы и безъ него хорошо знаемъ эти вещи. И, тѣмъ не менѣе, мы въ полномъ объемѣ поддерживаемъ законность противопоставленія города и порождаемаго условіями городской жизни духовнаго склада—деревнѣ и деревенскому складу.

Идеализація города—въ томъ смыслѣ, въ которомъ разумѣетъ ее г. Михайловскій, говорящій о „вытираніи“ изъ прошлаго всѣхъ тычковъ, о „промываніи“ глазъ и ушей и т. д.—намъ совершенно чужда, какъ чужда она тѣмъ, учениками которыхъ мы не стыдимся быть и считаться. Авторъ „Капитала“ ничего не вытиралъ и ничего не промывалъ, а кто же до и послѣ него съ большей рѣзкостью противопоставлялъ городъ и деревню, какъ глубоко различные общественные уклады, на основѣ которыхъ развиваются различныя духовныя физіономіи? „Учитель“ не боялся и съ полнымъ правомъ не боялся писать объ „идіотизмѣ деревенской жизни“ и видѣлъ заслугу капитализма и буржуазіи въ разрушеніи этого идіотизма.

Г. Михайловскій цитируетъ заявленіе одного русскаго романтика 70-хъ гг. о „надлежащемъ словѣ“, которое якобы скажутъ люди деревни. Мы совсѣмъ не романтики, и насчетъ „надлежащаго слова“ думаемъ совсѣмъ иначе, чѣмъ цитируемый г. П. Ч. Но его „отвлеченіе“ въ формальномъ отношеніи гораздо выше, чѣмъ приглашеніе г. Михайловскаго отказаться отъ всякихъ отвлеченій и обобщеній. Въ немъ, по крайней мѣрѣ, видно стремленіе стать выше точки зрѣнія, которую отстаиваетъ г. Михайловскій, и которая выражается въ знаменитомъ: „съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой стороны нельзя не признаться“. Съ г. П. Ч. и его еще невымершими единомышленниками мы несогласны въ томъ, какое „слово“ слѣдуетъ признать „надлежащимъ“. Но г. П. Ч. и К° по своему правы, приписывая деревнѣ и деревенскому укладу извѣстное „слово“,—хотя бы практически оно сводилось къ безсловесности (вѣдь, это тоже своего рода слово!). Указывая „принципъ солидарности, нравственной связи въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности“, г. П. Ч. по-своему правильно отмѣчалъ различіе деревенскаго и городского уклада. То, что г. П. Ч. называетъ „крайнимъ индивидуализмомъ“, есть моментъ, для городского уклада необходимый не только

исторически: онъ составляетъ въ сущности живую душу того направленія, которое обычно противополагается индивидуализму— между тѣмъ какъ „надлежащее слово“ г. П. Ч. ни по существу, ни исторически не мирится съ этой живой душой. Съ господами П. Ч. мы не будемъ спорить, мы съ ними будемъ бороться, а съ г. Михайловскимъ можно только спорить, ибо, чего онъ практически хочетъ, въ чемъ заключается его „надлежащее слово“— толкомъ не разберешь. Прежде это еще можно было такъ-сякъ разобрать, когда г. Михайловскій говорилъ о необходимости „законодательнаго закрѣпленія“ общины, но вѣдь это было давно; съ той поры г. Михайловскій навѣрное позналъ, что и къ общинѣ, и къ ея „законодательному закрѣпленію“ можно съ полнымъ правомъ примѣнить формулу: „съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой стороны нельзя не признаться.“ Г. Михайловскій, вѣроятно, близокъ теперь къ тому взгляду на общину, который выразилъ намъ въ частной бесѣдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ извѣстный русскій журналистъ: онъ сравнилъ общину съ великолѣпной каретой, но замѣтилъ, что есть улицы и дороги, по которымъ чрезвычайно непріятно и даже небезопасно ѣздить и въ самыхъ великолѣпныхъ экипажахъ.

„Чеховъ хотѣлъ показать „Мужиками“ то-то или то-то. Такъ говорятъ и пишутъ“. Мы этого не писали. Наоборотъ, мы увѣрены, что у г. Чехова никакихъ намѣреній, кромѣ художественныхъ, не было. Онъ изобразилъ жизнь, живыхъ людей. Разъяснить общественный смыслъ этого изображенія задача того вида литературной критики, которымъ мы время отъ времени занимаемся въ нашихъ бѣглыхъ замѣткахъ.

Г. Михайловскій полагаетъ, что никакого общественнаго смысла въ содержаніи „Мужиковъ“ нѣтъ, ибо въ написанной г. Чеховымъ картинѣ, несмотря на „громкое и какъ бы суммирующее заглавіе“, слишкомъ много „случайнаго, экземплярнаго, непропорціональнаго и недоговореннаго“. Но если въ этой картинѣ слишкомъ много экземплярнаго, то почему же Николай Чикильдѣевъ „отвлеченный половой“? Впрочемъ, у г. Михайловскаго не разберешь даже толкомъ, кѣмъ созданъ „отвлеченный половой“,— г. Чеховымъ или его комментаторами. Вѣроятно, и тѣми и другими вмѣстѣ.

Какъ бы то ни было, мы думаемъ, что и въ фигурѣ „отвлеченнаго“ и въ то же время „экземплярнаго“ полового Чикильдѣева, и въ остальномъ содержаніи „Мужиковъ“ есть глубокій

общественный смыслъ, несмотря на то, что, какъ удостовѣряетъ неизвѣстно къ чему г. Михайловскій, тотъ же г. Чеховъ написалъ пустой водевиль „Медвѣдь".

Указаніе на этотъ общественный смыслъ кажется г. Михайловскому „чисто теоретическимъ выводомъ". Къ счастью или къ несчастью, это совсѣмъ не такъ. Общественный смыслъ, который констатированъ нами, имѣетъ огромное практическое значеніе; для тѣхъ, кто его усвоилъ и стремится воплотить въ дѣйствія, онъ не только не остается „на высотѣ теоретическаго вывода", а, наоборотъ, превращается въ весьма реальные и ощутительные практическіе терніи. Нашъ выводъ столь же мало теоретиченъ, какъ и народническій тезисъ о превосходствѣ деревни надъ городомъ. За такими теорегическими выводами всегда слѣдуютъ „Menschenopfer ohne Zahl".

Отрицая общественный смыслъ за „Мужиками" Чехова, г. Михайловскій посылаетъ по нашему адресу слѣдующее наставленіе:

„Господа, подайте милостыню своего вниманія подлинной вдовѣ и сиротѣ подлиннаго рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли, и не сшибайте лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ, и одинаково заслуживаетъ участія"...

Къ сожалѣнію, этого доброжелательнаго наставленія, отъ чтенія котораго, признаться, насъ нѣсколько покоробило, мы не можемъ принять къ исполненію. Разъяснять общественный смыслъ того, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, и того, что изъ этой дѣйствительной жизни отражается въ литературѣ, это наша— какъ говорятъ нѣмцы—verdammte Schuld und Pflichtigkeit. На то мы и состоимъ въ литературномъ цехѣ. Пусть г. Михайловскій думаетъ, что это значитъ „сшибать лбами два разряда людей", но мы полагаемъ, что ничего такого литература не въ состояніи дѣлать: сшибаетъ лбами только жизнь, и на наше горе въ данномъ случаѣ жизнь производитъ это полезное дѣло съ непріятной для насъ медленностью. Наша задача и обязанность разъяснять общественный смыслъ явленій жизни и литературы, а раздачу „милостынь вниманія" мы предоставляемъ г. Михайловскому и его единомышленникамъ. Филантропія—душеспасительное дѣло, но ни въ жизни, ни въ литературѣ мы ее не считаемъ общественной задачей. Подлинному рабочему человѣку, какъ общественной группѣ, ни литературною, ни какой-либо иною филантропіей не поможешь. А на худой конецъ даже повредишь. Ха-

рактеренъ, весьма характеренъ, и своимъ содержаніемъ и своимъ тономъ, этотъ призывъ къ литературной филантропіи. Въ немъ слышится—мы говоримъ, конечно, не о г. Михайловскомъ лично, который поражаетъ своей литературной бодростью—литературное и общественное старчество цѣлаго направленія. Онъ напомнилъ мнѣ мѣткое замѣчаніе Прудона: La charité dans l'homme est chétive, honteuse, molle et tiède; elle a besoin, pour agir, d'élixirs et d'aromes [1]). Литературная charité тоже нуждается въ элексирѣ... отъ старости...

Г. Михайловскій думаетъ, что жизнь разныхъ категорій трудящагося населенія одинаково „темна“. Но это-то и требуетъ доказательства. Фактъ эксплуатаціи и всѣхъ связанныхъ съ ней тягостей, ничего не доказываетъ. Условія эксплуатаціи могутъ быть и на самомъ дѣлѣ являются различными. А отъ этихъ условій зависитъ духовный складъ эксплуатируемыхъ. Это элементарная истина, и на ней какъ-то совѣстно настаивать предъ лицомъ почтеннаго соціолога. Но что же дѣлать, иногда приходится, по старой классической поговоркѣ, носить совъ въ Аѳины. Одинъ извѣстный знатокъ народной русской жизни сообщилъ намъ однажды слѣдующее любопытное наблюденіе. Во Владимірской губ. про попавшихъ туда волей судебъ петербургскихъ рабочихъ, ему пришлось слышать такой характерный отзывъ: они у насъ нынче за студентовъ идутъ. Г. Михайловскій, навѣрное, согласится съ нами, что не всякій „подлинный рабочій человѣкъ“ можетъ „итти за студента“, что для этого нужны особыя условія жизни. Жизнь человѣка, который „идетъ за студента“, можетъ быть очень тяжела и въ извѣстномъ смыслѣ очень скудна, но просто „темной“ ее назвать нельзя. Въ ней есть лучъ свѣта и сознанія. Мы взяли рѣзкій примѣръ. Чеховъ нарисовалъ образы менѣе рѣзко очерченные, и въ этомъ, какъ я указывалъ въ своей статьѣ, художественная сила его очерка.

Но ни въ нашемъ разсужденіи, ни въ картинѣ художника, взятой со стороны ея общественнаго смысла, не важны абсолютныя величины. Центръ тяжести въ разстояніи и различіи между двумя укладами жизни: городскимъ и сельскимъ. Г. Михайловскій не вѣритъ въ существованіе этого разстоянія, не признаетъ его общественнаго смысла. Г. Михайловскій въ данномъ случаѣ боль-

[1]) „Бляготворительность есть нѣчто слабосильное, позорно-мягкое и тепловатое; духъ благотворенія для того, чтобы дѣйствовать, нуждается въ возбужденіи эликсирами и духами“.

шой еретикъ. Онъ не видитъ фактовъ и не слышитъ ихъ краснорѣчиваго свидѣтельства.

Говоря о превосходствѣ городского уклада надъ деревенскимъ, мы не только не забываемъ о царящей въ городѣ эксплуатаціи, но, наоборотъ, очень твердо и постоянно помнимъ о ней и по очень простой причинѣ. Культурное превосходство города въ значительной мѣрѣ, отчасти прямо, отчасти косвенно, черезъ рядъ посредствующихъ моментовъ, связано съ особенностями господствующей въ городахъ (и другихъ центрахъ скопленія населенія) системы эксплуатаціи труда.

Что спеціально фабричное производство налагаетъ на своихъ трудящихся представителей особый духовный отпечатокъ, въ этомъ никто не сомнѣвается въ виду полной очевидности этого факта. Безспорно, что капитализмъ, въ особенности въ первыя стадіи своего развитія физически деградируетъ населеніе. И этотъ процессъ очень ярко и жизненно рисуется въ напечатанныхъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ воспоминаніяхъ фабричнаго агронома („На задворкахъ фабрики“, Н. Боронина, іюль и августъ) Но столь же несомнѣненъ и тотъ фактъ, что духовному развитію и самосознанію трудящагося населенія условія городского и спеціально крупнопромышленнаго труда—несмотря на злую эксплуатацію—рѣшительно благопріятствуютъ. Тѣ, кто у насъ въ Россіи съ священнымъ ужасомъ смотрятъ на поступательный ходъ фабричной цивилизапіи, любятъ упрекать фабричный людъ въ „развратности“ и „днрзости“. Такъ было въ крѣпостную эпоху [1]), такъ продолжается до сихъ поръ. Авторъ только что указанныхъ статей въ „Русскомъ Богатствѣ“, несмотря на свое „великодушіе“ или, можетъ быть, благодаря ему, тоже отмѣчаетъ въ обычныхъ выраженіяхъ эту черту: „Жутко было смотрѣть на эти фабричныя съ блѣдно-зеленоватымъ оттѣнкомъ лица, на эту молодежь, поблеклую, но съ ухарскими манерами, съ дерзкими, вызывающими взглядами, на всѣхъ этихъ дѣвицъ въ дипломатахъ и франтовъ въ пиджакахъ“.

Общій типъ фабричнаго рабочаго обрисованъ инженеръ-технологомъ Голгофскимъ въ докладѣ, представленномъ торгово-промышленному съѣзду въ Нижнемъ Новгородѣ:

---

[1]) См. статью М. И. Туганъ-Барановскаго „Народники крѣпостной эпохи“, „Новое слово“, августъ. Доп. 1901 г. Теперь эта статья вошла въ извѣстную книгу автора о „Русской фабрикѣ“.

„Проѣзжая по любой нашей желѣзной дорогѣ и окидывая взглядомъ публику на станціяхъ, на многихъ изъ этихъ послѣднихъ невольно обращаетъ на себя ваше вниманіе группа людей, выдѣляющихся изъ обычной станціонной публики и носящихъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ. Это, во первыхъ, люди, одѣтые на свой особый ладъ: по-европейски, рубашка цвѣтная на выпускъ, поверхъ рубашки жилетка и неизмѣнный пиджакъ; на головѣ суконная фуражка; затѣмъ это люди большею частью также со слабо-развитою грудью, съ безкровнымъ цвѣтомъ лица, съ безпокойно-бѣгающими глазами, съ безпечно ироническимъ на все взглядомъ и манерами людей, которымъ море по колѣно, и нраву которыхъ не препятствуй. Незнакомый съ окрестностью и не зная ея этнографіи, вы безошибочно заключаете, что гдѣнибудь вблизи этой станціи есть фабрика. И гдѣ бы вы ни путешествовали по нашей необъятной Россіи, — вездѣ, гдѣ только существуетъ фабрика, вы встрѣтите одинъ и тотъ же типъ людей—типъ фабрично-рабочаго. Онъ, этотъ фабрично-рабочій, такъ сформировался и обособился въ средѣ другихъ классовъ населенія Россіи, что вы сразу узнаете его между сотнями и тысячами другихъ людей, вы узнаете его на сѣверѣ и западѣ, на югѣ и востокѣ Россіи“.

Замѣтьте, здѣсь говорится не только о физическомъ типѣ фабричнаго рабочаго.

Приведенную цитату изъ доклада г. Голгофскаго мы нашли въ статьѣ г. Провинціала въ „Русскомъ Обозрѣніи“, который добавляетъ отъ себя, что „фабричный рабочій почти всегда пьяница, развратникъ и совершенный нигилистъ, т.-е. человѣкъ, которому на все въ мірѣ наплевать“ [1]).

Пьяница! Да, пьяница, но онъ, навѣрное, не единственный въ Россіи пьяница. Недаромъ великій писатель говоритъ о всей странѣ, что она „штофъ съ очищенной всей пятерней сжимаетъ“.

Развратникъ! Признаюсь, эта характеристика кажется мнѣ очень неопредѣленной. Какой развратъ имѣетъ въ виду г. Провинціалъ? Половой? Чѣмъ онъ его измѣряетъ? Распространеніемъ сифилиса? Но тѣ, на кого всего злѣе и часто безъ всякой вины обрушивается этотъ бичъ, врядъ ли развратнѣе тѣхъ, кто умѣетъ и можетъ надлежащимъ образомъ обставлять свои наслажденія. Намъ сдается, впрочемъ, что г. Провинціалъ подъ „развратомъ“

[1]) Февраль, 1897 г.

разумѣетъ весь разрывъ съ стройнымъ міросозерцаніемъ, воспитаннымъ „властью земли“, т.-е. въ сущности съ міросозерцаніемъ крѣпостнымъ [1]). Ну, а на этотъ счетъ мы скажемъ: Le roi est mort, vive le roi!

„Совершенный нигилистъ, которому на все наплевать“! Нигилистъ—мы оставляемъ на отвѣтственности г. Провинціала это словечко, за свою длинную публицистическую исторію ставшее гнуснымъ и омерзительнымъ. Много литературныхъ прелюбодѣяній и прочихъ мерзостей совершенно подъ его покровомъ. Русскому фабричному работнику на все „наплевать“? Неужели? Нѣсколько недѣль тому назадъ за Невской заставой хоронили человѣка, принадлежавшаго къ предпринимательскому классу, но честно послужившаго дѣлу, на которое русскому рабочему вовсе не „наплевать“ — дѣлу образованія и духовнаго развитія трудящагося человѣка. Поминая добромъ Н. А. Варгунина, мы должны еще больше почтить тотъ идеализмъ, энтузіазмъ и даже героизмъ, который проявлялъ и проявляетъ русскій рабочій, идущій на ученіе послѣ 12—13 часовъ работы, отдающій тому же ученію значительную часть своего воскресенія. Взоры „пьяницы“, „развратника“ и „совершеннаго нигилиста“, не только „дерзки и вызывающи“, часто они испытующе вперяются въ окружающую дѣйствительность, нерѣдко они уже сознательно стремятся охватить прошлое, настоящее и будущее человѣчества и добиваются рѣшенія „проклятыхъ вопросовъ“. Конечно, это тоже своего рода „развратъ“...

Мы уже указывали, въ какомъ смыслѣ намъ совершенно чужда идеализація города и городскихъ отношеній. Мы смотримъ на нихъ весьма реалистически и очень далеки отъ прикрашивающаго оптимизма. Но мы охотно винимся въ другого рода идеализаціи, въ которой не можетъ не быть повинна никакая реалистическая общественная идеологія. „Такая идеологія—говорили мы въ другомъ мѣстѣ—должна всегда сводиться къ идеализаціи тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ въ исторической жизни силъ, должна представлять эти силы, какъ призванныя осуществить ея общественные идеалы“ [2]). Если объективныя тенденціи

---

[1]) Авторъ этой статьи мѣтко говоритъ: „какимъ загробнымъ голосомъ, голосомъ изъ прошлаго столѣтія, звучитъ извѣстный циркуляръ, вѣщающій о патріархальныхъ отношеніяхъ между нашими рабочими и фабрикантами“ (стр. 817).

[2]) „Новое Слово“ 1897 г. № 7. „Очерки изъ исторіи общественныхъ идей и отношеній въ Германіи въ XIX вѣкѣ“, стр. 86.

хозяйственнаго развитія оправдываютъ такую идеализацію, то чѣмъ больше ея въ прогрессивной идеологіи, тѣмъ больше, значитъ, въ этой идеологіи связи съ реальными силами, творящими общественный прогрессъ.

Итакъ, мы не только реалисты, мы также идеалисты и идеализаторы. Идеализаторы, но не романтики, потому что идеализируемъ не прошлое, а силу, растущую въ современной дѣйствительности. Г. Розановъ въ только что появившейся статьѣ (“Литературно-экономическій кризисъ“, „Новое Время“ отъ 23 сент.) упрекаетъ Маркса и марксизмъ въ отсутствіи „порыва“: „Порывъ умеръ въ Марксѣ“.

Этотъ упрекъ и множество другихъ „мнѣній“ г. Розанова обличаютъ въ немъ удивительное непониманіе тѣхъ явленій жизни и литературы, о которыхъ онъ трактуетъ, непониманіе, въ значительной мѣрѣ сводящееся къ ..... незнанію того, очемъ идетъ рѣчь [1]).

Наоборотъ, въ Марксѣ - - обаятеленъ синтезъ „науки“ и „порыва“. „Удивительное и вполнѣ заслуженное обаяніе основаннаго на экономическомъ пониманіи исторіи общественнаго міровоззрѣнія и заключается въ томъ, что его идеалъ представляетъ наиболѣе удовлетворяющее современному научному духу соотношеніе „свободы„ и „необходимости“.

Необходимость, это—„наука“; свобода, это—„порывъ“. Безразлично, какъ примирять свободу и необходимость—на почвѣ ли метафизическаго ученія Гегеля, какъ это дѣлали Энгельсъ и Марксъ и дѣлаютъ большинство марксистовъ, или на почвѣ критической конструкціи въ духѣ гносеологическаго монизма. Права „порыва“ остаются въ полной силѣ, потому что „наука“, т. е. въ данномъ случаѣ „экономическое пониманіе исторіи“, не претендуетъ давать отвѣтъ на вопросъ что дѣлать? Этотъ вопросъ рѣшается въ другой инстанціи—интересовъ и идеаловъ, она говоритъ лишь: какъ дѣлать. И этой теоріи („науки“) какъ разъ достаточно—не слишкомъ мало и не слишкомъ много,—для исполненія завѣта Фихте: „Man muss nicht nur kämpfen sondern auch siegen wollen“ [2]).

---

[1]) Что же сказать о человѣкѣ, который думаетъ, что марксисты и катедерсоціалисты одно и то же?

[2]) „Вопросы философіи и психологіи“. Янв. — февр. 1897 г. „Свобода и историческая необходимость“, статья П. Струве, стр. 138. Статья эта перепечатывается ниже въ настоящемъ сборникѣ.

Пусть г. Розановъ вчитается (если можетъ) въ сочиненія великаго нѣмецкаго экономиста и его знаменитаго друга и вдумается въ ихъ жизнь. Здѣсь такъ много „порыва“, что въ сравненіи съ нимъ вся мистическая реторика Розанова и вся его, быть можетъ, весьма праведная жизнь буквально по землѣ ползаютъ.

Мы начали г. Михайловскимъ и кончили г. Розановымъ. Намѣреннаго сопоставленія въ этомъ не было: но не знаменательно ли, что г. Михайловскій рекомендуетъ намъ заниматься литературной филантропіей, а г. Розановъ попрекаетъ отсутствіемъ „великодушія“?.,

Ceterum censeo: въ „Мужикахъ“ заключается глубокій общественный смыслъ и потому, независимо отъ высокаго художественнаго достоинства, этотъ маленькій очеркъ замѣчательное литературное явленіе.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА.

(1897).

Отъ замѣчательнаго очерка позвольте, читатель, перейти къ замѣчательной книгѣ, быть можетъ, самой замѣчательной во всей нашей новѣйшей переводной литературѣ. Къ сожалѣнію, тогда какъ „Мужики“ обратили на себя всеобщее вниманіе, „Сочиненія“ Поля Луи Курье, изданныя Л. Ф. Пантелѣевымъ, прошли пока еще почти незамѣченными.

Г. Пантелѣевъ въ 1886—1887 гг. издалъ сочиненія Корнелія Тацита. Этого, хотя и классическаго, но во многихъ отношеніяхъ „вреднаго“ писателя — стиль котораго, по словамъ Берне, всего лучше тамъ, гдѣ онъ заставляетъ читать между строкъ—врядъ ли много у насъ читаютъ... Курье, который говорилъ совершенно открыто, который не столько негодовалъ и плакалъ, какъ Тацитъ, сколько смѣялся и клеймилъ насмѣшкой, гораздо доступнѣе и, скажемъ прямо, интереснѣе знаменитаго римскаго историка. Онъ—сатирикъ-художникъ, Тацитъ—разсуждающій моралистъ. Мы думаемъ, что Курье можетъ и долженъ на исходѣ XIX столѣтія имѣть среди русской публики больше успѣха, чѣмъ Тацитъ. Правда, у Курье тонъ слишкомъ праздничный, онъ смѣется—и самъ авторъ и его читатели чувствуетъ это—надъ „мертвецами, самочинно вставшими изъ гробовъ“, надъ мертвецами, срокъ окончательнаго водворенія которыхъ въ гробахъ можно было сосчитать по пальцамъ. Между тѣмъ Тацитъ не смѣется, онъ оплакиваетъ дорогого мертвеца, надъ которымъ ругаются весьма сильные и весьма живые люди; онъ не могъ и не хотѣлъ пѣть отходную „ругателямъ“, онъ самъ тянулъ панихиду надъ отшедшимъ въ вѣчность добрымъ старымъ временемъ. Даже въ хорошія новыя времена какъ уныло звучитъ его голосъ! Прочтите начало біографіи Агриколы:

„По истинѣ, мы дали великое доказательство терпѣнія; и какъ наши предки были свидѣтелями того, до какихъ предѣловъ можетъ

доходить свобода, такъ мы видѣли послѣднюю степень рабства, такъ какъ шпіонствомъ было отнято у насъ даже взаимное общеніе посредствомъ слова и слуха. Мы потеряли бы вмѣстѣ съ голосомъ и самую память, еслибъ такъ же было въ нашей власти забывать, какъ и молчать. Теперь мы, наконецъ, оживаемъ! Но хотя Нерва Кесарь при первой зарѣ этого счастливѣйшаго вѣка и умѣлъ соединить несоединимыя дотолѣ вещи — единовластіе и свободу, а Нерва Траянъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ благоденствіе государства, и хотя общественная безопасность существуетъ не въ надеждѣ только и въ пожеланіяхъ, но и получила прочное довѣріе и силу, однако, по природѣ человѣческой немощи, врачеванія дѣйствуютъ не такъ скоро, какъ бѣдствія. Какъ тѣла наши растутъ медленно, а разрушаются быстро, такъ таланты и литературу легче можно задушить, чѣмъ снова вызвать къ жизни“ [1]).

Современному русскому читателю не можетъ быть сродни ни праздничное настроеніе Курье, ни погребальное Тацита. Но, во всякомъ случаѣ, мы ближе къ первому, чѣмъ ко второму — намъ больше къ лицу оптимизмъ, чѣмъ пессимизмъ. Мы живемъ среди общества, идущаго впередъ, богатаго жизненными силами и творящими прогрессъ противорѣчіями.

Но я уже чувствую, что иные читатель или читательница скажутъ мнѣ: „о Тацитѣ, сочиненія котораго, къ сожалѣнію, стоятъ въ хорошемъ русскомъ переводѣ шесть рублей, мы слыхали кое-что (увы, изъ учебника Иловайскаго!), но кто же такой выхваляемый вами Курье?“ О немъ у Иловайскаго, дѣйствительно ничего не говорится, и въ женскихъ институтахъ его не читаютъ, хотя, по словамъ знатоковъ, лучшаго стилиста французская литература никогда не производила. Вскорѣ послѣ смерти Курье въ нѣмецкомъ историческомъ ежегодникѣ писалось о немъ: „Дѣятельность Курье, по разоблаченію и обличенію общественныхъ грѣховъ и язвъ, позорнаго убожества, гнусныхъ происковъ, безстыдныхъ угнетеній и насилій дѣлаетъ его достойнымъ братомъ по духу незабвеннаго Блеза Паскаля, побѣдоноснаго противника іезуитовъ, прославленнаго автора „Провинціальныхъ писемъ“; съ глубиной и полнотой міровоззрѣнія и знанія людей Мишеля Монтеня онъ соединяетъ сильный сарказмъ Рабле и словесныя чары Аміо, мужественно-печальную серьезность Руссо и веселую легкость и творческую

---

[1]) Сочиненія Тацита въ переводѣ Модестова. Спб. 1886 г. Т. I стр. 4—5. „Жизнь и нравы Юлія Агриколы“.

умѣлость Вольтера“ [1]). Такой писатель долженъ по меньшей мѣрѣ возбуждать интересъ. Я думаю, что приведенная характеристика даже нѣсколько преувеличиваетъ размѣры писательской фигуры Курье, но она во всякомъ случаѣ ясно показываетъ, съ какой литературной величиной мы имѣемъ дѣло въ лицѣ изданнаго г. Пантелѣевымъ писателя.

Къ сожалѣнію, къ русскому изданію не приложена біографія автора, и потому я не могу отослать къ ней читателя.

Поль Луи Курье родился въ Парижѣ въ 1773 г. Его отецъ былъ богатый буржуа, удалившійся изъ столицы вслѣдствіе скандальной исторіи, въ которой онъ фигурировалъ въ качествѣ дѣйствительнаго или мнимаго обольстителя жены одного грансеньора, а послѣдній — въ качествѣ крупнаго должника богатаго буржуа. Отецъ Поля Луи поселился въ Турени. Здѣсь—говоритъ біографъ Курье Арманъ Каррель — въ первыхъ бесѣдахъ съ отцомъ нашъ несравненный памфлетистъ почерпалъ то отвращеніе, которое онъ всю свою жизнь питалъ къ извѣстному слою дворянства. Это свѣдѣніе слѣдуетъ замѣтить: оно проливаетъ свѣтъ на общественное содержаніе твореній Курье. Отецъ былъ первымъ его учителемъ; дальнѣйшее свое образованіе онъ получилъ у парижскихъ математиковъ Калле и Лабе и въ артиллерійской школѣ Шалона. Но не къ занятіямъ математикой лежала его душа, онъ былъ „словесникъ“, который „готовъ былъ отдать всѣ истины Эвклида за одну страницу Изократа“. Въ Шалонѣ застала его революціонная война. Это была та самая волна, которая подняла на верхъ славы революціонныхъ генераловъ и въ числѣ ихъ Бонапарта. Но Курье она только потаскала по Европѣ — съ перерывомъ въ нѣсколько лѣтъ, весело проведенныхъ нашимъ авторомъ въ деревнѣ. Война была для Курье чуждой стихіей. Онъ еле переносилъ ее, скрашивая трудности походной жизни чтеніемъ и изученіемъ любимыхъ классиковъ. Изъ него выработался замѣчательный филологъ-эллинистъ. Къ этому времени относятся его труды въ библіотекахъ Италіи. Труды эти привели его впослѣдствіи къ замѣчательному открытію: онъ нашелъ во Флоренціи недостающее мѣсто изъ знаменитой пасторали Лонгуса, но при этомъ пролилъ нечаянно на найденное имъ мѣсто чернила. Тогда возгорѣлся у Курье споръ и даже ругань съ флорентинскими библіографами, которые, воспользовавшись его промахомъ, обрушили на его го-

[1]) Вахлеръ въ Raumers Historisches Taschenbuch I.

лову самыя нелѣпыя обвиненія. Чернильное пятно обошлось очень дорого Курье, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ былъ уже не активнымъ, а бѣглымъ офицеромъ наполеоновской арміи.

Нисколько не удивительно, что Курье въ своихъ письмахъ даетъ очень непривлекательную картину разрушенія, которую несла съ собой эта армія и ея завоеванія, и что, всецѣло поглощенный литературными и эстетическими интересами, онъ не видитъ культурной миссіи наполеоновскихъ завоеваній.

Удивительно, наоборотъ, то, что Курье, который два раза оставлялъ военную службу, по доброй волѣ вновь принялъ участіе въ австрійской кампаніи. Это тѣмъ болѣе странно, что въ Курье, современникѣ Наполеона, нѣтъ и тѣни преклоненія передъ „великимъ корсиканцемъ", по крайней мѣрѣ, съ того момента, что Наполеонъ сдѣлался представителемъ новой государственной идеи и новаго государственнаго режима.

Въ 1809 г. онъ пишетъ изъ Рима: „Скажите тѣмъ, кто хочетъ видѣть Римъ, чтобы они торопились; ибо съ каждымъ днемъ желѣзо солдатовъ и тиски агентовъ французскаго правительства все больше и больше опустошаютъ его естественныя красоты и срываютъ съ него нарядный уборъ. Добро вамъ, милостивый государь, привыкшему къ естественному и благородному языку древности, находить эти выраженія слишкомъ цвѣтистыми или даже слишкомъ напыщенными; но я не знаю другихъ, достаточно печальныхъ для того, чтобы изобразить вамъ состояніе заброшенности, убожества и позора, въ которомъ очутился бѣдный Римъ, нѣкогда видѣнный нами столь торжественнымъ Римъ, гдѣ разрушеніе теперь коснулось даже руинъ" [1]).

А вотъ другое письмо, въ которомъ Курье описываетъ голосованіе своего полка въ пользу императорства Наполеона:

„Мы только что сдѣлали императора (nous venons de faire un empereur), и я на мой пай не препятствовалъ этому. Вотъ какъ происходило дѣло. Сегодня утромъ насъ собираетъ Д'Антуаръ и говоритъ намъ, о чемъ идетъ рѣчь, но говоритъ совершенно просто, безъ всякихъ предисловій и безъ всякаго краснорѣчія. Императоръ или республика, что вамъ болѣе по вкусу? — Такъ говорятъ: жареное или вареное мясо, „potage" или супъ—чего вамъ угодно? Его рѣчь кончается, и мы смотримъ другъ на друга, сидя

[1]) Courier, Oeuvres complètes, (Paris 1837) Lettres inedites, p. 236. Письмо Курье къ Хлевасскому изъ Рима отъ 8 іюня 1799. Письма Курье не вошли еще въ изданіе г. Пантелѣева.

кругомъ стола. Господа, какъ полагаете вы? Ни слова. Никто не раскрываетъ рта. Это продолжалось четверть часа или болѣе и становилось уже страннымъ и для Антуара, и для всѣхъ собравшихся, какъ подымается Мэръ — молодой человѣкъ, лейтенантъ, котораго ты, вѣроятно, видѣлъ, и говоритъ: Если онъ хочетъ быть императоромъ, пусть будетъ, но, сказать мое мнѣніе, я совсѣмъ не нахожу этого хорошимъ. — Объяснитесь, говоритъ полковникъ, хотите вы или не хотите?—Я не хочу этого, отвѣчаетъ Мэръ. Ладно. Снова молчаніе. Мы опять начинаемъ наблюдать другъ друга, какъ люди, которые видятся въ первый разъ. Это продолжалось бы и по сю пору, если бы я не началъ говорить.— Господа, сказалъ я, если я не ошибаюсь, мнѣ кажется, что это дѣло не касается насъ. Нація желаетъ имѣть императора, развѣ наше дѣло разсуждать объ этомъ? Эти соображенія показались столь сильными, столь ясными, столь ad rem [1])... что, вѣришь ли, я увлекъ собраніе. Ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь полнаго успѣха. Всѣ встаютъ, всѣ подписываютъ бумагу и уходятъ играть на билліардѣ. Мэръ мнѣ говорилъ: — клянусь, вы говорите, какъ Цицеронъ. Но, скажите на милость, почему вы желаете столь сильно, чтобы онъ былъ императоромъ?—Чтобы покончить съ этимъ дѣломъ и продолжать нашу партію на билліардѣ. Неужели нужно было оставаться здѣсь цѣлый день? И почему вы не желаете этого?—Я не знаю, сказалъ онъ. Но я считалъ его предназначеннымъ для чего-то лучшаго. Вотъ точка зрѣнія лейтенанта, которую я не нахожу глупой. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что значитъ, когда такой человѣкъ, какъ онъ, Бонапартъ, солдатъ, вождь арміи, первый военачальникъ въ свѣтѣ—желаетъ, чтобы его называли величествомъ. Быть Бонапартомъ и сдѣлать себя государемъ! Онъ стремится къ тому, чтобы спуститься. Но нѣтъ! Онъ думаетъ, что поднимается, равняя себя съ царями. Онъ предпочитаетъ титулъ имени. Бѣдный человѣкъ! Его понятія мельче, чѣмъ его счастье. Мнѣ приходило это въ голову, когда я видѣлъ, какъ онъ выдавалъ свою младшую сестру замужъ за Боргезе: онъ думалъ, что Боргезе дѣлаетъ ему слишкомъ много чести... Вотъ мои новости. Сообщи мнѣ, что происходитъ въ твоихъ мѣстахъ и какъ тамъ разыграли этотъ фарсъ. Безъ сомнѣнія, приблизительно такъ же.

„Chacun baise, en tremblant la main, qui nous enchaine..."... [2]).

[1]) Идущими къ дѣлу.

[2]) „Всякій цѣлуетъ, дрожа, руку, которая заковываетъ его въ цѣпи

Съ позволенія поэта, это не вѣрно. Никто не дрожитъ. Всякій желаетъ денегъ и цѣлуетъ только ту руку, которая платитъ.

Право, Цезарь понималъ дѣло лучше, и къ тому же это былъ человѣкъ въ другомъ родѣ. Онъ не принималъ истасканныхъ титуловъ, а сдѣлалъ изъ своего имени титулъ болѣе высокій, чѣмъ королевскій“ [1]).

Въ другомъ письмѣ Курье потѣшается даже надъ успѣхами наполеоновской арміи:

„Слѣдуетъ признаться, что въ настоящее время Европа обращается съ нами очень вѣжливо. Въ Германіи войска принесли намъ свое оружіе, а правители свои ключи съ добротой восхитительной. Это очень ободряетъ въ занятіяхъ ремесломъ завоевателя. Безъ этого отъ него пришлось бы отказаться“. „Это королевство (Сицилійское), — говоритъ Курье въ томъ же письмѣ, — которое мы завоевали, все таки вовсе не заслуживаетъ презрѣнія. Увѣряю васъ, это самое пріятное завоеваніе, какое только можно сдѣлать, прогуливаясь. Я удивляюсь въ особенности любезности тѣхъ, кто намъ его уступаетъ. Если бы они подали видъ, что желаютъ защищаться, мы бы просто оставили ихъ въ покоѣ. Мы пришли не для того, чтобы дѣлать надъ кѣмъ-нибудь населіе. Вотъ, напримѣръ, комендантъ Гаеты, онъ не хочетъ уступить своего мѣста. Ладно, пусть оно останется за нимъ“ [2]).

Приведенныя мѣста изъ писемъ Курье съ театра войны даютъ ясное понятіе о силѣ его остроумія и юмора, и въ то же время показываютъ, какъ далекъ онъ былъ еще тогда отъ интересовъ современной ему политики, участіе въ которыхъ позже прославило имя французскаго эллиниста. Разсказъ о голосованіи въ полку звучалъ-бы почти цинически, если въ немъ не было-бы примиряющаго юмора; еслибы сквозь видимый смѣхъ не слышались бы невидимыя слезы.

Курье не выдержалъ настоящей наполеоновской войны; съ полей Эсслинга, Асперна и Ваграма онъ бѣжалъ, буквально бѣжалъ—какъ дезертиръ, хотя, какъ мы уже говорили, самъ напросился на участіе въ австрійской кампаніи. Быть можетъ, какъ художника его соблазнила перспектива грандіознаго похода. Но, когда эта красивая перспектива раздробилась на мелкія, тягостныя

---

[1]) Письмо къ М. N. изъ Плезанса въ маѣ 1804 года. „Oeuvres“, p. 242—243.

[2]) Письмо къ M-me *** изъ Реджіо въ Калабріи отъ 15-го апрѣля 1806 года Oeuvres, p. 251.

и ужасающія подробности жестокой бойни, человѣкъ въ Курье не выдержалъ.

Такъ кончился военный періодъ въ жизни нашего писателя. Но это время, какъ читатель уже знаетъ, лишь внѣшнимъ образомъ было посвящено военному ремеслу. Оно было также періодомъ, когда развивались и зрѣли художественный вкусъ и писательскій талантъ Курье, время, когда онъ формировалъ изъ себя филолога.

Такимъ образомъ, по внутреннему своему содержанію военный періодъ совпадаетъ съ чисто литературнымъ и научнымъ, когда Курье въ тиши деревенской жизни предается своимъ филологическимъ изысканіямъ.

Реставрація вызываетъ Курье на творчество съ общественнымъ и въ частности политическимъ содержаніемъ. Курье дѣлается памфлетистомъ.

Что такое реставрація? Реставрація Бурбоновъ была феодально-клерикальной реакціей противъ буржуазной революціи. Ненавистность этой реакціи усугублялась еще тѣмъ, что она была навязана чужеземцами, была, такъ сказать, плодомъ національнаго позора и пораженія.

„Видѣть Францію дважды покоренной, ограбленной, поруганной, присужденной къ уплатѣ контрибуціи и видѣть, что всѣ эти несчастья, весь этотъ позоръ послужили на пользу лишь одному семейству, которое нашло тронъ пустымъ и усѣлось на немъ; видѣть, какъ кучка эмигрантовъ, бродяги и попрошайки вчерашняго дня, чванятся и дерзко эксплуатируютъ самыя ненавистныя стороны этихъ двухъ завоеваній; видѣть, какъ возникаютъ жестокія преслѣдованія, какъ они распространяются вплоть до нашихъ самыхъ мирныхъ и во всѣ времена наименѣе революціонныхъ провинцій, какъ они направляются противъ всякаго, кто не отказывалъ въ кровѣ и хлѣбѣ бѣднымъ нашимъ побѣжденнымъ при Ватерлоо, видѣть все это и не противиться дѣйствію этого зрѣлища не могла въ человѣкѣ столь прямомъ и столь впечатлительномъ, какъ Курье,--никакая враждебность противъ Бонапарта, никакая ненависть противъ военной тираніи, никакая любовь къ отдыху и ученымъ занятіямъ“—такъ изображаетъ біографъ Курье его настроеніе въ моментъ плачевной памяти бурбоновскаго торжества.

Курье былъ яркимъ законченнымъ выразителемъ интересовъ поднятой изъ ничтожества и въ значительной мѣрѣ созданной

революціей 1789 г. мелкой земледѣльческой буржуазіи — съ ея ненавистью ко всему, что напоминало ancien régime, къ дворянству, къ его сборному пункту, королевскому двору („куртизанамъ"), къ духовенству ультрацерковнаго и ненароднаго типа, словомъ ко всему тому, что хотѣло благодаря реставраціи вновь поднять голову.

Классовые интересы и духъ буржуазіи съ удивительной ясностью выступаютъ передъ нами въ безсмертныхъ памфлетахъ Курье. И притомъ замѣтьте: въ нихъ живетъ духъ той буржуазіи, которая еще сливается съ народомъ, съ трудящимся классомъ, а не противополагаетъ себя ему.

„Французская нація дѣлится на дворянъ и простолюдиновъ... Одни дворяне сдѣлались дворянами милостію Божіею, другіе, по усмотрѣнію Наполеона. Что лучше?—никто не знаетъ. Эти два сословія чувствуютъ взаимное уваженіе, восхищаются другъ другомъ и охотно подражаютъ одно другому... У стараго дворянства вы найдете манеры, у новаго—внѣшнія формы... Сеньоры примутъ васъ съ обворожительной, чисто французской обходительностью и съ той рыцарской вѣжливостью, которая является достояніемъ знатнаго происхожденія. Наши любезные бароны, созданные по образу д'Эллевью, научатъ васъ выправкѣ штаба Бертье, и маршальскому этикету; и, кромѣ того, преданности, восторгу, тому, что называютъ священнымъ огнемъ. Эти люди, которые столько разъ клялись умереть; эти люди, всегда готовые пролить свою кровь до послѣдней капли за обожаемаго властелина, за королевскую фамилію, священную особу; эти люди, которые умираютъ, но не сдаются, очень сговорчивы, какъ вамъ извѣстно. Однако у насъ есть классъ менѣе знатныхъ, но лучше воспитанныхъ, людей, которые ни для кого не жертвуютъ жизнью, не отличаются преданностью и дѣлаютъ все, что дѣлается на свѣтѣ. Этотъ классъ людей строитъ, воздѣлываетъ землю, занимается фабричнымъ производствомъ, насколько дозволено; при этомъ читаетъ, обдумываетъ, вычисляетъ, изобрѣтаетъ, совершенствуетъ искусства, знаетъ все, до чего дошла наука въ настоящее время и умѣетъ также драться, если это наука. Нѣтъ простолюдина, который не обучался этой наукѣ и въ свою очередь не училъ потомковъ Дюгескленовъ. Земледѣлецъ Жоржъ, винодѣлъ Андре, Пьеръ, добродушный Жакъ, Шарль, который обрабатываетъ свои триста десятинъ земли, купецъ, ремесленникъ, судья, адвокатъ, нашъ достойный викарій—всѣ носили оружіе и вели съ вами

войну. О! если бы во главѣ ихъ никогда не было великаго человѣка... не было отборнаго войска, графовъ, герцоговъ, принцевъ, офицеровъ, имѣющихъ отличія... Если бы простой народъ никогда не унижался, и доблесть не выродилась въ дворянство, то наши жены никогда не услыхали бы вашихъ барабановъ.

„Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что эти люди и ихъ дѣти, выросшіе со времени Ватерлоо, составляютъ у насъ довольно значительную часть населенія и что наберется нѣсколько милліоновъ, которые не имѣютъ версальскихъ манеръ и не соблюдаютъ внѣшнихъ формъ Мальмезона. Едва вступите вы на ихъ землю, они покажутъ вамъ, что не забыли своего прежняго ремесла, и союзъ будетъ нарушенъ; если же вы вздумаете грабить ихъ, во имя священнаго союза, то для защиты своихъ женъ и дѣтей, полей и стадъ они будутъ стрѣлять въ васъ. Не расчитывая больше на геній императора, на героическую доблесть его непобѣдимой гвардіи, они рѣшатъ, что должны сами защищать себя. Это рѣшеніе будетъ имѣть роковыя послѣдствія и, какъ вамъ извѣстно, можетъ сбить всякую тактику, помѣшаетъ вести войну на основаніи высшихъ соображеній; и этого будетъ достаточно, чтобы разстроить планы аттаки и защиты, разсчитанные самымъ ученымъ способомъ. Тогда, если вы будете благоразумны, то вспомните совѣтъ, который я дамъ вамъ. Когда вы будете проходить Лотарингію и Эльзасъ, не подходите близко къ заборамъ, избѣгайте рвовъ, не идите вдоль виноградниковъ, держитесь дальше отъ лѣсовъ, остерегайтесь кустарника, деревьевъ, лѣсосѣковъ и не довѣряйте высокой травѣ. Равнымъ образомъ, избѣгайте фермъ и хижинъ, идите осторожно мимо деревень, потому что заборы, рвы, деревья, кусты будутъ осыпать васъ выстрѣлами со всѣхъ сторонъ. Тутъ не будетъ ни рядовъ, ни цѣлыхъ взводовъ, но, тѣмъ не менѣе, выстрѣлы будутъ мѣтки и будутъ убивать наповалъ. Куда бы вы ни направились, вы не встрѣтите хижины или курятника, гдѣ не было бы въ засадѣ гарнизона противъ васъ. Не посылайте парламентеровъ, потому что ихъ задержатъ, ни передовыхъ отрядовъ, потому что они будутъ истреблены, ни коммиссаровъ... Захватите съ собою съѣстные запасы; приведите барановъ, коровъ, свиней и не забудьте конвоировать ихъ, какъ слѣдуетъ, равно какъ и ваши фургоны. Хлѣбъ, мясо, фуражъ и прочее имѣйте все наготовѣ; вы ничего не найдете тамъ, гдѣ будете проходить, если вамъ удастся пройти, и вы будете спать на открытомъ воздухѣ, если вамъ не помѣ-

шаютъ спать, потому что наши дома не достанутся вамъ. Мы знаемъ, что лучше построить ихъ заново; это можно сдѣлать скорѣе и стоитъ дешевле. Не приходите въ унынiе, если при этомъ способѣ войны окажутся нѣкоторыя неудобства.

„Дѣйствительно, не особенно пріятно завоевывать людей, которые не желаютъ быть завоеванными; мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ. Ничто не внушаетъ такого отвращенія отъ этого ремесла, какъ имѣть дѣло съ низшими классами. Но не теряйте мужества, потому что, въ случаѣ отступленія, если вамъ придется вернуться во свояси, не заключивъ мира и не выговоривъ вознагражденія, немногимъ изъ васъ придется разсказывать своимъ дѣтямъ, сколько во Франціи стрѣлковъ, хотя между ними нѣтъ ни героевъ, ни трусовъ.

„Устыдитесь, говоритъ пророкъ, устыдитесь, великіе міра сего, т. е. господа члены конгресса [1]), откажитесь отъ прежнихъ нелѣпостей! Научитесь, земные владыки, т. е. титулованныя особы, посмотрите, что дѣлается кругомъ васъ и будьте мудры, если возможно.

„Испанія насмѣхается надъ вами, Франція не боится васъ. Ваши друзья могутъ говорить и дѣлать, что имъ угодно, но мы желаемъ управлять собою, помимо вашихъ приказаній. Ни ваши друзья съ горстью людей изъ семи человѣкъ, ни вы съ семьюстами тысячъ человѣкъ не внушаете намъ ни малѣйшаго страха; слѣдовательно, я не вижу никакой причины измѣнять въ угоду вамъ нашъ способъ дѣйствій; и, въ заключеніе, отвергаю всякій законъ, который исходитъ отъ нихъ или отъ васъ. (Сочиненія, стр. 69—74).

„Еслибъ я былъ тамъ (въ палатѣ) въ качествѣ депутата отъ низшихъ классовъ нашего департамента, когда былъ поднятъ вопросъ о свободѣ печати, то я началъ бы свою рѣчь такими словами: „Milord Castlereagh, занимайтесь своими дѣлами; ради Бога, Herr Metternich, оставьте насъ въ покоѣ; и вы, mein lieber Hardenberg, не забудьте проварить, какъ слѣдуетъ вашъ Sauerkraut“ (Стр. 65).

---

[1]) Дѣло идетъ о конгрессѣ въ *Tponnay* (1820 г.), на которомъ Австрія, Пруссія и Россія приняли протоколъ, утверждавшій право этихъ державъ на вмѣшательство въ дѣла другихъ государствъ ради охраненія Европы отъ преступной заразы революцій. См. объ этомъ конгрессѣ Карѣевъ „Исторія Западной Европы въ новое время“, т. IV. Спб. 1894 г., стр. 333—334

Вотъ какъ разговаривалъ Курье съ реставраціей и съ священнымъ союзомъ. Развѣ я не былъ правъ, говоря о праздничномъ тонѣ французскаго памфлетиста. Это тонъ не только праздничный, а даже торжествующій.

Въ то время, какъ бурбоновская реакція измышляла новые феодальныя путы для землевладѣнія, Курье писалъ:

„Въ этой мѣстности также существуютъ свои „черныя банды", какъ у васъ въ Парижѣ, о чемъ я знаю по наслышкѣ. Они не убиваютъ людей, но все истребляютъ. Они покупаютъ крупныя имѣнія, чтобы перепродать ихъ по частямъ; и согласно своей профессіи считаютъ нужнымъ дробить большія помѣстья. Жалость смотрѣть, когда земля попадетъ въ руки этихъ людей; она пропадаетъ, исчезаетъ. Замокъ, часовня, башня—все уничтожается, все приходитъ въ разореніе. Аллеи срублены, мѣстами вспаханы: отъ нихъ не остается и слѣда. Гдѣ была оранжерея, тамъ появляются ферма, риги, хлѣвы, наполненные коровами и свиньями. Исчезли рощи, цвѣтники, газоны, аллеи кустарниковъ и цвѣтовъ; все это раздѣлено на части между десятками крестьянъ; одинъ посѣялъ здѣсь бобы, другой вику... Каждый разъ, когда эти люди только покупаютъ землю и продаютъ въ другія руки, они дѣлаютъ добро, приносятъ пользу; дѣлаютъ очень полезное и хорошее дѣло, когда покупаютъ отъ одного и перепродаютъ многимъ. Устроивъ больше людей, они въ той же степени увеличиваютъ трудъ, продукты, богатство, общественный порядокъ, благо всѣхъ и каждаго. Когда они перепродаютъ землю и надѣляютъ ею людей, которые не имѣли земли, то они приносятъ большую пользу, потому что создаютъ собственниковъ, т. е. честныхъ людей, по мнѣнію Косьмы Медичи. Если дать человѣку три метра тонкаго сукна,—говорилъ онъ,—то можно обратить его на путь истинный; съ тремя гектарами земли онъ могъ бы сдѣлать его праведникомъ. Дѣйствительно, всякій собственникъ желаетъ порядка, мира, правосудія, если только онъ не должностное лицо и не намѣренъ сдѣлаться имъ. Создать собственника, никого не обирая, человѣка, работающаго не по найму, дать землю хлѣбопашцу,—это величайшее благо, какое только можно сдѣлать во Франціи, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вотъ чего достигаютъ эти люди.

„Но земля разорена; но замокъ, воспоминанія прошлаго, памятники, исторія... Помятники сохраняются тамъ, гдѣ исчезли люди,—въ Бельбекѣ, Пальмирѣ и подъ пепломъ Везувія; но въ

другихъ мѣстахъ трудолюбіе, стремясь все обновлять, ведетъ съ ними постоянную войну. Римъ самъ уничтожилъ свои древнія зданія, хотя обвиняетъ въ этомъ варваровъ. Готы и вандалы хотѣли все сохранить. Не они виноваты, что не уцѣлѣлъ Римъ и не таковъ теперь, какимъ они нашли его. Несмотря на ихъ эдикты, присуждающіе къ смертной казни всякаго, кто нанесетъ вредъ статуямъ и памятникамъ, все исчезло, все приняло новую форму. Но до чего дошли бы мы? Что сдѣлалось бы съ міромъ, если бы каждый вѣкъ уважалъ, почиталъ, хранилъ, какъ святыню во имя старины, всякое произведеніе прошлыхъ вѣковъ, не осмѣлился бы ни къ чему прикоснуться, передѣлать или двинуть съ мѣста что бы то ни было? Марселлюсъ [1]), связывая съ лѣсами воспоминаніе о друидахъ, выражаетъ желаніе, чтобы никто не пользовался лѣсомъ, чтобы никто не срубалъ даже одного дерева, хотя бы съ дупломъ и самаго стараго, изъ боязни, чтобы не были забыты человѣческія жертвы и боги, обагренные кровью нашихъ простодушныхъ предковъ. Онъ отстаиваетъ изо всѣхъ силъ, на память о добромъ старомъ времени, терновые кусты, хворостникъ, феодальные пустыри, которые съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе покрываются гнусными пашнями. Воспоминанія прошлаго! говорятъ намъ. Да развѣ оставили по себѣ добрую память эти готическіе замки и монастыри? Около насъ Шенонсо, Плесси-ле Туръ-Блуа, Амбуазъ, Мармутье, но что напоминаютъ они собою? Постыдныя картины разврата, гнусныя измѣны, убійства, рѣзню, смертныя казни, пытки, вопіющія преступленія, роскошь и сладострастіе, грубое невѣжество аббатовъ, монаховъ и, что еще хуже,— лицемѣріе. Нужно сознаться, что памятники, въ большинствѣ случаевъ, напоминаютъ только о преступленіяхъ и суевѣріяхъ, которыя и безъ нихъ довольно долго удерживаются въ памяти. Если они не приносятъ пользу для искусствъ въ качествѣ моделей, что́ можно сказать лишь о незначительномъ числѣ ихъ, то выгодно ли сохранять памятники, когда можно употребить ихъ для пользы всѣхъ или кого бы то ни было? Камни монастыря будутъ ли осквернены?—скорѣе не будутъ ли они очищены, если послужатъ на сооруженіе стѣнъ крестьянскаго дома, святого и цѣломудреннаго жилища, гдѣ никогда не прекращается трудъ, а, слѣдовательно, и молитва. Кто работаетъ, тотъ молится.

---

[1]) Незначительный писатель временъ реставраціи, былъ депутатомъ а потомъ. пэромъ *П. С.*

„Земля также не можетъ быть уничтожена; это только такъ говорится. Это можетъ быть съ званіемъ маркиза, съ благороднымъ титуломъ, когда земля переходитъ къ простонародью. Еще говорятъ, что титулъ сохраняется, переходитъ къ роду, расѣ, пока существуетъ раса; и я придаю ей значеніе... Возьмите себѣ титулъ, сказалъ ла-Фонтенъ, и оставьте мнѣ ренту. Именно этотъ своего рода дѣлежъ, я полагаю, и происходитъ, когда помѣстье переходитъ къ простонародью,—несчасгье, такъ часто встрѣчающееся въ наши дни! Дворянинъ сохраняетъ свой титулъ, чтобы пустить его въ ходъ при дворѣ. Простолюдинъ пріобрѣтаетъ только землю; и ему ничего другого не нужно; онъ доволенъ, что владѣетъ полемъ, къ которому былъ нѣкогда прикрѣпленъ; онъ пускаетъ его въ ходъ по своему, т. е. посредствомъ труда. Но чѣмъ больше раздѣлено поле, тѣмъ оно становится лучше и процвѣтаетъ. Это доказывается опытомъ. Такъ, земля, проданная двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ данный моментъ раздѣлена на десять тысячъ участковъ, которые двадцать разъ переходили изъ рукъ въ руки со времени перваго отчужденія. Земля обрабатывается все лучше и лучше (извѣстно: новый владѣлецъ, новый трудъ, новые опыты); доходъ, получаемый въ прежнія времена, былъ бы недостаточенъ для уплаты теперешнихъ налоговъ. Составьте вновь, насколько возможно, прежнее помѣстье тѣми способами, какіе указаны въ журналѣ „Conservateur“, и пусть каждая часть его возвратится отъ настоящаго владѣльца-хлѣбопашца къ доброму сеньору, обожаемому вассалами въ его замкѣ. Пусть это помѣстье будетъ укрѣплено за нимъ и его наслѣдниками въ мужскомъ колѣнѣ изъ рода въ родъ на вѣчныя времена; его наслѣдники не станутъ пахать землю, а его вассалы будутъ работать въ очень незначительной степени. Трудолюбіе исчезнетъ. Всякій, кто теперь работаетъ, сдѣлается лакеемъ, монахомъ, солдатомъ или разбойникомъ. Моннищимъ, сеньоръ будетъ имѣть свои пастбища и пошлины съ купли и продажи вмѣстѣ съ милостями двора. Скоро опять появятся зубцы башенъ, затѣмъ терновникъ и колючія растенія, а тамъ лѣса и друиды г-на Марселлюса; вотъ тогда-то земля и будетъ уничтожена“.

„Въ сущности, эти люди, эти истребители земель, приносятъ большую пользу землѣ, распредѣляютъ трудъ, помогаютъ производству и, устраивая свои дѣла, больше дѣлаютъ для промышленности и земледѣлія, чѣмъ когда-либо сдѣлалъ любой министръ,

префектъ, или общество поощренія, подъ покровительствомъ префекта. Публика не оказываетъ имъ особеннаго уваженія. Зато она относится съ большимъ почтеніемъ къ тѣмъ, которые обираютъ и подавлютъ ее; всякое состояніе, составленное на ея счетъ, кажется ей прекраснымъ и хорошо нажитымъ.

„Я родился не вчера, и у меня есть свои воспоминанія. Я видѣлъ большія помѣстья, богатыя аббатства; это было время добрыхъ дѣлъ. Я помню тысячи нищихъ, которымъ выдавали тысячи чашекъ съ супомъ у воротъ Мармутье. Монастырь и земли проданы; и я не видѣлъ болѣе ни суповыхъ чашекъ, ни супу, ни бѣдныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до блестящихъ царствованій императора и короля, когда опять всякаго рода нищенство вошло въ почетъ. Я видѣлъ въ былыя времена, собственными глазами, какъ въ день св. Андохіи, герцогиня, покровительница нашего прихода, пожаловала фабричнымъ пятьдесятъ луидоровъ и десятъ экю бѣднымъ. Бѣдняки потомъ купили ея земли и замокъ и никому ничего не даютъ. Съ каждымъ днемъ уничтожается благотворительность съ тѣхъ поръ, какъ помышляютъ о трудѣ; и она подъ конецъ совсѣмъ исчезнетъ, если священный союзъ не приметъ противъ этого свои мѣры“ (Сочиненія, стр. 25—32).

Читатель врядъ ли посѣтуетъ на насъ за новую длинную выписку. Она знакомитъ не только съ блестящимъ изобразительнымъ талантомъ, остроуміемъ и юморомъ Курье, она раскрываетъ вполнѣ его буржуазную душу. Какъ восторженно говоритъ Курье о собственности и о буржуазныхъ формахъ ея, какъ этотъ филологъ, возмущавшійся нѣкогда хозяйничаньемъ французовъ въ Римѣ и разрушеніемъ его памятниковъ, холодно и презрительно говоритъ о памятникахъ феодальнаго строя, о памятникахъ прошлаго вообще! Въ немъ такъ чувствуется человѣкъ, у котораго мысль о реставраціи ancien regime'а вызываетъ ярость буржуазнаго собственника [1]).

Какой ненавистью къ старому порядку и его представителю, дворянству, звучитъ „Воззваніе къ солдатамъ“:

„Солдаты! Вы идете, чтобы возстановить въ Испаніи старый порядокъ и уничтожить революцію. Испанцы устроили у себя революцію, они разрушили старый порядокъ,—вотъ почему васъ и двинули противъ нихъ. А когда вамъ удастся возстановить

[1]) Сравни также Соч., стр. 138—140.

старый порядокъ въ этой странѣ, васъ вернуть сюда, чтобы вы и здѣсь сдѣлали то же самое. А знаете ли вы, друзья мои, что такое старый порядокъ? Для народа это — налоги, для солдатъ это — черный хлѣбъ и палки. Итакъ, палки и черный хлѣбъ— вотъ старый порядокъ для васъ. Вотъ что вамъ предстоитъ возстановить сначала тамъ, а затѣмъ у себя дома.

„Испанскіе солдаты устроили въ Испаніи революцію. Надоѣлъ имъ старый порядокъ, не захотѣли они ни чернаго хлѣба, ни палокъ. Иное у нихъ на умѣ: офицерскіе чины, движеніе по службѣ—это у нихъ теперь есть, и они по новому закону могутъ дослужиться въ свою очередь до офицерства. Въ старину солдатъ никогда не могъ стать офицеромъ; революція все измѣнила, и солдаты становятся офицерами. Теперь вы понимаете, что именно сдѣлали у себя испанцы, и что вамъ предстоитъ искоренить. Васъ посылаютъ нарочно изъ опасенія, чтобы то же самое не установилось здѣсь у насъ, и чтобы вы какъ-нибудь не стали вдругъ офицерами. Идите, бейтесь же съ испанцами; калѣчьтесь, чтобы не быть офицерами и получать палки.

„Васъ двинули по настоянію иностранцевъ; король не хотѣлъ этого. Но его союзники (т. е. державы „Священнаго Союза“) заставляютъ его послать васъ туда. Всѣ они слѣдуютъ старому порядку. Солдатамъ даютъ много палокъ и мало чернаго хлѣба и чувствуютъ себя очень хорошо. Одно только тревожитъ союзниковъ. Французскіе солдаты, говорятъ они, вотъ уже 30 лѣтъ какъ распростились съ палками, а тутъ еще испанцы вздумали отказаться отъ нихъ; чуть что, придется и у насъ распроститься съ палками, а тамъ ужъ и никто не захочетъ ихъ. Надо принять мѣры противъ этого, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Оттого-то и порѣшили союзники возстановить вездѣ палочный порядокъ, конечно, только для солдатъ; дѣло это возлагается на васъ. Спѣшите же, солдаты, навстрѣчу побѣдѣ. Вы знаете, что васъ ждетъ послѣ выиграннаго сраженія: дворяне получатъ повышеніе, а вы— палочные удары. Ступайте въ Испанію, маршируйте съ барабаннымъ боемъ, зажигайте фитили во славу иностранныхъ державъ: да здравствуютъ батоги, да здравствуетъ палка! Никакихъ производствъ для рядовыхъ; повышеніе только для дворянъ.

„А когда вернетесь изъ похода, вы получите всѣ палочные удары, которые числятся за вами съ 1789 г. Затѣмъ васъ уже будутъ заботливо держать въ курсѣ дѣла“ (Сочиненія стр. 337—338).

Характеристикой Курье, какъ буржуа, не исчерпывается

однако ни содержаніе его памфлетовъ, ни ихъ значеніе. Буржуазная революція 1789 г. не даромъ провозгласила „права человѣка“, не даромъ она была утвержденіемъ свободы и борьбой за свободу, или, точнѣе и опредѣленнѣе, за политическую свободу. Не даромъ Курье писалъ самъ о себѣ: „онъ не якобинецъ, но противъ того, чтобы вѣшали якобинцевъ; онъ не бонапартистъ, но противъ того, чтобы сажали въ тюрьму бонапартистовъ“ (Сочиненія Т. I, стр. 100).

Курье былъ законченнымъ французскимъ буржуа начала XIX вѣка, но въ то же время онъ былъ неподражаемымъ художникомъ свободы Въ его „Памфлетѣ памфлетовъ“, рядомъ съ Ареопагитикой Мильтона однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ произведеній міровой литературы въ защиту свободы слова, есть мастерскія сцены (разговоръ Курье съ книгопродавцемъ Бертраномъ) и удивительныя лирическія мѣста.

„Истина слишкомъ народна, даже простонародна, — да позволено будетъ мнѣ такъ выразиться, — отъ нея несетъ духомъ черни, который служитъ совершенною противоположностью прекраснымъ манерамъ тона порядочнаго общества. Такимъ образомъ, правдивый авторъ летучаго листка или брошюры, естественно, вооружаетъ противъ себя всѣхъ, кто не хочетъ быть въ числѣ народа, а у васъ всѣ отнѣкиваются отъ этой чести. Если же все таки, по Божьему произволенію, кто и попадетъ туда, то не иначе, какъ благодаря особому скандалу. Но горе тому, съ кѣмъ случается скандалъ, кто осмѣлился по серьезному дѣлу, возбуждающему всеобщій интересъ, сказать публикѣ правду. Отъ него во Франціи всѣ отвернутся, какъ отъ прокаженнаго, станутъ проклинать его имя и лишь по особому снисхожденію засадятъ въ S-te-Pélagie; лучше бы такому человѣку не родиться на свѣтъ.

„Но это преслѣдованіе придаетъ огромное довѣріе его словамъ. Никакая истина не распространяется безъ страданій, за исключеніемъ развѣ теоремъ Эвклида. Убѣдить иначе невозможно, какъ только подвергаясь невзгодамъ за свои убѣжденія. Святой Павелъ не даромъ сказалъ: вѣрьте мнѣ, ибо часто ввергали меня въ темницу. Если бы онъ жилъ въ свое удовольствіе, богатѣлъ отъ истинъ, имъ проповѣдуемыхъ, то никогда не удалось бы ему утвердить религію Христа. Никогда Ф... не принесутъ его поученія ничего, кромѣ сана и кареты. И ты, Поль Луи, винодѣлъ, согласившійся одинъ изъ всѣхъ въ странѣ не отдѣляться отъ народа, дерзай и далѣе пребывать памфлетистомъ и объявлять объ

этомъ всенародно. Пиши памфлетъ за памфлетомъ, пока хватаетъ матеріаловъ. Забирайся на крыши, проповѣдуй слово народамъ, и ты будешь услышанъ, если тебя будутъ преслѣдовать. Эта помощь нужна, и безъ г. де-Броэ ты ничего не добился бы. Твое дѣло вѣщать, а его—подтверждать обвинительнымъ актомъ истину словъ твоихъ. Поддерживая и помогая другъ другу, подобно Сократу и Аниту [1]), вы можете перевернуть весь свѣтъ". (Соч. стр. 367—368).

Между буржуазнымъ духомъ и неувядающими художественными достоинствами произведеній Курье есть, впрочемъ, своего рода психологическая связь. Я думаю, мнѣ всего скорѣе удастся выяснить ее читателю, если я напомню ему о другомъ знаменитомъ политическомъ писателѣ начала XIX вѣка, о Л. Берне. Мимоходомъ ихъ сопоставлялъ когда-то Гейне, но сопоставленіе это—слишкомъ бѣглое и поверхностное. Кстати сказать, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Курье съ его литературной манерой повліялъ и на Берне, и на Гейне [2]). Знаменитая берневская характеристика нѣмцевъ, какъ „холопствующаго" народа, нѣмецкой души, какъ Bedientenseele, быть можетъ заимствована у Курье. По крайней мѣрѣ, Курье въ томъ же духѣ охарактеризовалъ своихъ соотечественниковъ: „Всякому свое: англичанинъ бороздитъ моря, арабъ грабитъ, грекъ дерется за свободу, а французъ шаркаетъ ножкой, прислуживаетъ или желаетъ прислуживаться, безъ этого онъ погибнетъ. Вы не самая рабская, но самая раболѣпствующая нація". Оттѣнки характеристики, конечно, нѣсколько различные: французы, по Курье, изящные холопы, куртизаны, нѣмцы, по Берне, холопы неуклюжіе, топорные, холопы-лакеи. У обоихъ писателей нелестная характеристика родного народа была продиктована тѣмъ великимъ чувствомъ, за которое Гейне справедливо назвалъ своего личнаго антагониста Берне величайшимъ и пламеннѣйшимъ патріотомъ.

„Памфлеты Курье, — пишетъ одинъ новѣйшій французскій историкъ литературы [3]) — были одинаково скудны, какъ по своему идейному содержанію, такъ и по мелочности самыхъ обстоятельствъ, служившихъ имъ поводами. Какой-нибудь крестьянинъ,

[1]) Анитъ, аѳинскій демагогъ, дважды изгнанный изъ Аѳинъ; одинъ изъ обвинителей Сократа.

[2]) „Въ школѣ Курье—говоритъ Крейссигъ—побывала вся наша радикальная пресса, Берне и Гейне его угольками зажгли свои костры".

[3]) Лансонъ. Исторія французской литературы XIX в. Изд. ред. Образованія, Спб. 1897 г., стр. 58—59, стр. 899 3-го изд. ориг. (Paris 1895).

выгоняющій своего мера, священникъ, запрещающій своимъ прихожанамъ танцы, организація какой-нибудь подписки, какой-нибудь процессъ, касающійся печати—вотъ сюжеты, которыми пользуется Курье, чтобы вести свой смертельный бой съ легитимной монархіей".

Эта характеристика не дѣлаетъ чести Лансону и его критическому чутью. Она—скажемъ прямо—поражаетъ своимъ скудоуміемъ. Именно въ жизненности поводовъ, по которымъ или, вѣрнѣе, впечатлѣній, подъ которыми писались памфлеты Курье, лежитъ разгадка ихъ художественной силы и красоты. Памфлеты Курье — говоритъ далѣе Лансонъ, были бы забыты, „какъ забываются страсти пережитой эпохи, если бы этотъ буржуа не былъ дѣйствительно настоящимъ писателемъ". Но неужели Курье могъ бы быть настоящемъ писателемъ, т. е. художникомъ [1]), не черпая впечатлѣній изъ живой жизни, не заимствуя своихъ красокъ изъ окружающей его дѣйствительности. Современному французу не дѣлаетъ также чести, что онъ „идейное содержаніе" памфлетовъ Курье считаетъ „скуднымъ". Курье, конечно, не былъ глубокимъ, оригинальнымъ мыслителемъ, но онъ мастерски, съ непревзойденной до сихъ поръ силой защищалъ не „какіе-нибудь", а великіе интересы своего класса и человѣчества, о которыхъ основательно забыли нѣкоторые современники гг. Фора и Ганото.

Берне, борецъ за свободу, былъ съ ногъ до головы литераторомъ; Курье въ той же роли являлся по меньшей мѣрѣ не только литераторомъ. Повседневные и матеріальные интересы, возникающіе въ борьбѣ классовъ, не отражались непосредственно въ писаніяхъ Берне. Курье же постоянно черпалъ новыя силы изъ своей родной туреньской деревни, гдѣ винодѣлъ Поль Луи былъ собственникомъ и обывателемъ. Обывательскій характеръ политическихъ писаній Курье не есть искусно и искусственно выбранная форма, а вполнѣ естественное выраженіе того, что памфлетистъ Курье и буржуа (крестьянинъ, винодѣлъ) Курье одно и то же живое лицо.

Поэтому жизненностью своихъ писаній Курье неизмѣримо превосходитъ Берне. Послѣдній вовсе не былъ художникомъ. Между тѣмъ Курье не даромъ, какъ чистый литераторъ, какъ литераторъ по профессіи, былъ не публицистомъ, а филологомъ, поклонникомъ

[1]) „Настоящимъ и вполнѣ оригинальнымъ художникомъ" называетъ его и Лансонъ.

и изслѣдователемъ античной литературной красоты. Онъ былъ художникомъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни того „іудейства", которое Гейне считалъ характернымъ для Берне и которое исключаетъ художественное направленіе духа. „Всѣ люди либо іудеи, либо эллины, либо—люди съ аскетическимъ, иконоборческихъ направленіемъ, стремящіеся все превратить въ духъ, либо—люди съ жизнерадостной, стремящейся развернуться и реалистической душой" [1]). Берне былъ всецѣло іудей, Курье—всецѣло эллинъ. Политическія писанія Курье совершенно свободны отъ того интеллигентно-литераторскаго отпечатка, который лежитъ на произведеніяхъ почти всѣхъ публицистовъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ гораздо менѣе „настоящимъ писателемъ", чѣмъ Берне, который не совсѣмъ правильно открещивался отъ такого титула. Но это и значитъ, что онъ былъ настоящимъ художникомъ. Характеристика Курье у Лансона, какъ мелкаго, завистливаго, ворчливаго буржуа, несправедлива еще и потому, что самъ Курье по мѣрѣ развитія своей публицистической дѣятельности выросталъ и созрѣвалъ духовно. Въ его лебединой пѣснѣ, въ „Памфлетѣ памфлетовъ", видны уже совершенно иныя, гораздо болѣе широкія перспективы, чѣмъ въ большинствѣ прежнихъ произведеній; чувствуется огромный публицистическій размахъ, слышится, наконецъ, сознаніе своей силы и своей крупной національной миссіи.

Какъ памфлетистъ, Курье дебютировалъ въ 1816 „Петиціей обѣимъ палатамъ" (стр. 1—13 русск. изданія).—Pétition aux deux chambres: Messieurs, je suis Tourangeau. Въ этой картинѣ роялистской реакціи въ турэньской деревнѣ—по словамъ Армана Карреля—вся Франція узнала самое себя. Впечатлѣніе отъ памфлета было огромное, и министръ полиціи Деказъ (впослѣдствіи министръ-президентъ) воспользовался краснорѣчивымъ произведеніемъ Курье противъ крайнихъ роялистовъ. Онъ даже стремился привлечь Курье на свою сторону, но безуспѣшно. Курье, впрочемъ, самъ извлекъ пользу изъ заискиванія передъ нимъ министра полиціи. „Онъ появился въ министерскихъ салонахъ того времени, и этого одного было достаточно для того, чтобы измѣнить отношеніе къ нему префекта департамента и всѣхъ тѣхъ, кто зависитъ отъ префекта. Это было все, чего Курье хотѣлъ; онъ поблагодарилъ, раскланялся и не появлялся больше".

---

[1]) Heinrich Heine über Ludwig Börne.

Въ 1820 г. Курье пишетъ свои блестящія письма редактору журнала „Censeur“, (Соч. стр. 13—74), въ 1821 г. публикуетъ „Простую рѣчь Поля Луи, винодѣла изъ Ла-Шавоньеръ, членамъ общиннаго совѣта въ Верезѣ по случаю подписки, предложенной его превосходительствомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для пріобрѣтенія Шамбора“, (Соч. стр. 113—141), блестящій памфлетъ, клеймящій „куртизановъ“ и отвергающій затрату народныхъ средствъ на поднесеніе стараго королевскаго замка малолѣтнему герцогу Бордосскому. За это произведеніе Курье предаютъ суду по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности и онъ попадаетъ на 2 мѣсяца въ тюрьму Sainte Pélagie. Своимъ первымъ судебнымъ дѣломъ онъ пользуется для сочиненія „Процессъ Поля Луи Курье“ (стр. 147—219), которое есть не столько отчетъ о процессѣ, сколько спеціальный памфлетъ по поводу его. Блестящая защитительная рѣчь Курье не была вовсе имъ произнесена и, быть можетъ, даже написана post festum. Не успѣлъ Курье оставить тюрьму, какъ его вновь предали суду за „Петицію за деревенскихъ жителей, которымъ запрещаютъ танцовать“ (стр. 240—261)—на этотъ разъ памфлетистъ отдѣлывается выговоромъ.

Процессы заставляютъ, однако, Курье сдѣлаться писателемъ „подпольнымъ“. Онъ печатаетъ теперь свои произведенія анонимно, въ тайныхъ типографіяхъ. За „Отвѣтомъ на анонимныя письма“ слѣдуютъ „Записная книжка“ (стр. 318—339), „Сельская газета“ (стр. 294 — 318), „Дипломатическій документъ“ (341—348).

Наконецъ, въ 1824 г. появляется „Памфлетъ памфлетовъ“. Я уже сказалъ, что эта одна вещь—краснорѣчивѣйшее опроверженіе той характеристики стараго буржуа Курье, которую мы находимъ въ исторіи литературы, вышедшей изъ подъ пера современнаго буржуа г. Лансона. Въ подкрѣпленіе нашей оцѣнки этого послѣдняго произведенія Курье приведемъ прекрасную характеристику его, сдѣланную Арманомъ Каррелемъ:

„Въ „Памфлетѣ памфлетовъ“ передъ нами не сельскій житель, учено разсуждающій объ общественныхъ дѣлахъ, а человѣкъ, съ энтузіазмомъ отдающійся своему призванію въ качествѣ памфлетиста и стремящійся отомстить за презрѣніе, которое нѣкоторая часть общества питаетъ къ этому призванію. Онъ сознательно становится въ общіе ряды съ Сократомъ, Паскалемъ, Цицерономъ, Франклиномъ, Демосѳеномъ, апостоломъ Павломъ, и

св. Василіемъ, онъ чувствуетъ себя окруженнымъ этими великими людьми, какъ славнымъ отрядомъ апостоловъ свободы слова и тисненія; онъ указываетъ, что и они, какъ онъ самъ—памфлетисты, въ свое время, подобно ему, боровшіеся противъ той или другой тираніи, выпускавшіе мелкія произведенія, проповѣдывавшіе народу и поучавшіе его, несмотря на насмѣшки двора, на хулу порядочныхъ людей, на ярость лицемѣровъ и обвиненія суда. Одни изъ нихъ попадали въ тюрьму, какъ онъ, другіе получали ядъ, или умирали отъ меча какого-нибудь неблагороднаго солдата. Таковъ „Памфлетъ Памфлетовъ“, вещь неотразимо увлекательная, стиль которой съ начала до конца находится въ полной гармоніи съ ея причудливо и смѣло вдохновеннымъ содержаніемъ; это, на нашемъ языкѣ, быть можетъ, самое совершенное произведеніе литературнаго вкуса и самый дивный памятникъ писательскаго искусства“.

Окончаніе „Памфлета Памфлетовъ“ звучитъ смѣшанно: элегическ, съ одной стороны—Курье какъ бы прощается съ міромъ, торжествующе, съ другой стороны—онъ прозрѣваетъ скорую побѣду свободы. „Быть можетъ, съ помощью Божіей, и у насъ будетъ въ общемъ столько же свободы, какъ въ другомъ мѣстѣ, что бы тамъ ни толковалъ сэръ Джонъ. Этакій чудакъ! Сильно опасаюсь, что онъ промахнется, полагая, что я созданъ итти по стопамъ Сократа вплоть до конца. Нѣтъ ужъ, да идетъ чаша мимо меня. Вкусъ цикуты горекъ, міръ перерождается самъ по себѣ безъ моего ничтожнаго вмѣшательства. Я былъ бы мухой у громаднаго рыдвана, который преспокойно можетъ обойтись и безъ моего жужжанія. Онъ двигается, мои дорогіе друзья, не перестаетъ понемногу подвигаться впередъ. Если его движеніе и кажется намъ слишкомъ медленнымъ, то это потому только, что мы живемъ мгновеніе. Какой громадный путь сдѣлалъ онъ въ теченіе пяти, шести вѣковъ! Теперь онъ катится по ровной долинѣ, и ничто не въ состояніи преградить ему путь“ (соч. стр. 369).

10-го апрѣля 1825 г. Поль Луи Курье былъ убитъ у себя въ деревнѣ въ лѣсу.

Если въ „Памфлетѣ Памфлетовъ“ передъ нами выступаетъ великій буржуа, художникъ свободы, то выстрѣлы, которые сразили Курье, были направлены противъ мелкаго буржуа, винодѣла и собственника. Поль Луи палъ жертвой сосѣдскихъ недоразумѣній — его убійство было и навсегда осталось темнымъ аграр-

нымъ преступленіемъ, лишеннымъ всякаго политическаго характера.

Въ этой трагической смерти великаго памфлетиста какъ бы символизируется двойственный характеръ его литературной дѣятельности. Но мы уже знаемъ, что между двумя „лицами“ въ личности Курье существуетъ тѣсная психологическая связь. Великій буржуа и мелкій буржуа (мелкій и въ соціологическомъ, и въ чисто-личномъ смыслѣ) представляли одну живую человѣческую и художническую индивидуальность. Эти два „лица“ такъ же нельзя отдѣлять одно отъ другого, какъ не слѣдуетъ игнорировать ни великаго, ни мелкаго буржуа Курье.

Въ нашемъ „обществѣ“ теперь по случаю франко-русскаго союза много симпатій къ Франціи. Я почти готовъ поддаться искушенію и, въ подражаніе г. Михайловскому, попросить у представителей нашего увлекающагося Франціей общества „милостыни вниманія“ къ Полю Луи Курье и къ той Франціи, выразителемъ которой являлся этотъ великій писатель, Франціи, идущей и указующей путь впередъ, Франціи, о которой великій русскій писатель сказалъ, что она и Парижъ для него и его сверстниковъ были „свѣточемъ міра“. Но потомъ „Парижъ уже пересталъ быть свѣточемъ міра и сдѣлался сокровищницей женскихъ обнаженностей и съѣстныхъ приманокъ. Нечего было ждать оттуда, кромѣ моднаго покроя штановъ, а, слѣдовательно, не объ чемъ было вопрошать“. „Все былъ свѣточъ, а теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ горѣлъ, сидятъ ожирѣвшіе мѣнялы и курлыкаютъ“ [1]).

И зналъ ли сатирикъ, что когда нибудь повторится при участіи французовъ „позорнѣйшая комедія пустословія и пустохвальства, которая не только застилала событія, но положительно придавала имъ нестерпимый колоритъ“? „Люди, завѣдомо презрѣнные, лицемѣры, глупцы, воры... проявляли такую нахальную живучесть и такъ укрѣпились въ своихъ позиціяхъ, что, казалось, вокругъ происходитъ нѣчто сказочное. Не скорбь слышалась, а какое-то откровенно-подлое ликованіе, прикрываемое рубрикой патріотизма“ [2]).

Но если современная Франція не можетъ зажигать сердецъ, то всетаки Франція прошлаго была свѣточемъ міра. Мнѣ не-

[1]) М. Е. Салтыковъ. За Рубежомъ, соч. изд. 3, 1895, т. VIII, стр. 447 и 463.

[2]) За Рубежомъ, стр. 447.

вольно припоминаются Тургеневское стихотвореніе въ прозѣ „Русскій языкъ“ и Ренановская рѣчь въ собраніи общества для распространенія французскаго языка.

„Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!—Не будь тебя— какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ (Тургеневъ. Сочиненія, изд. 1883 г., т. IX, стр. 596).

„Нѣчто существенное будетъ отнято у міра въ тотъ день, когда французскій языкъ, этотъ ясный и сверкающій свѣточъ, перестанетъ горѣть. Человѣчество потерпитъ ущербъ, если это дивное орудіе цивилизаціи исчезнетъ или умалится. Сколько вещей, вѣчно добрыхъ и истинныхъ, были въ первый разъ сказаны по французски, были отчеканены на французскомъ языкѣ, появились на свѣтъ во французскомъ костюмѣ! Сколько либеральныхъ и справедливыхъ вещей съ самаго начала нашли свою формулу и свое истинное опредѣленіе на французскомъ языкѣ! Сколько красивыхъ и хорошихъ вещей сказалъ нашъ языкъ, начиная съ его перваго лепета въ XII в. и кончая нашими днями! Отмѣна крѣпостного права, права человѣка, равенство, свобода, въ первый разъ были провозглашены на французскомъ языкѣ [1]).

Г. Южаковъ, повидимому, возлагаетъ большія надежды на франко-русскую политику, которую онъ называетъ европейской [2]). Я этихъ надеждъ не раздѣляю и скорѣе склоненъ, по примѣру Тургенева и Ренана, уповать на... русскій и французскій языкъ.

Въ лицѣ Курье г. Пантелѣевъ познакомилъ русскихъ читателей съ однимъ изъ лучшихъ мастеровъ французскаго языка и духа. Мы должны быть весьма признательны г. Пантелѣеву, а Поля Луи мы не можемъ не поблагодарить за то, что онъ писалъ по французски въ началѣ XIX в. Этому обстоятельству русскіе читатели обязаны знакомствомъ съ его твореніями.

---

[1]) Renan. Feuilles détachées, 4-me édition. Paris. 1892. p. 257.

[2]) Русское Богатство. Августъ. Дневникъ журналиста.

MISCELLANEA.

(1897).

Къ характеристикѣ Нитцше, какъ мыслителя и художника. — „Грубыя слова“ Маркса, возмутившія г. Михайловскаго.—Замѣчательныя и рѣзкія мысли Н. Н. Златовратскаго.—Къ вопросу о томъ, народникъ ли г. Михайловскій.—Дѣтская радость г. Мякотина о „прискорбныхъ противорѣчіяхъ“ во взглядахъ сотрудниковъ „Новаго слова“.—Безсиліе злой воли г. Мякотина.

Редакція журнала „Образованіе“ предприняла изданіе на русскомъ языкѣ редактируемой Р. Фалькенбергомъ серіи характеристикъ выдающихся философовъ—Klassiker der Philosophie. Первый вышедшій томикъ посвященъ Фридриху Нитцше и принадлежитъ перу Алоиса Риля, извѣстнаго автора „философскаго критицизма“ [1]).

Нитцше — великій, но чрезвычайно своеобразный писатель. Это, дѣйствительно, „художникъ и мыслитель“, хотя онъ безконечно далекъ отъ другихъ художниковъ философской мысли. Платонъ, Спиноза, Гегель, Шопенгауеръ являлись художниками, какъ творцы метафизическихъ системъ. Въ метафизическихъ построеніяхъ обнаружилась сила ихъ фантазіи, изобразительный талантъ, пластическая мощь.

Нитцше совсѣмъ другая фигура: у него не было и по свойствамъ его психики не могло быть никакой системы. Художникомъ онъ былъ не какъ философъ, а независимо отъ своей философіи. Впрочемъ, была ли у Нитцше философія? Риль на этотъ вопросъ не отвѣчаетъ. Въ интересной умственной физіономіи Нитцше онъ совершенно просмотрѣлъ одну черту, которая, какъ

---

[1]) А. Риль „Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель“. Переводъ съ нѣм. З. Венгеровой. Дополненіе 1901 года. Настоящая статья отнюдь не заключаетъ моего окончательнаго сужденія о Нитцше.

мнѣ кажется, бросаетъ яркій свѣтъ на душевныя муки и на процессъ творчества знаменитаго писателя.

Нитцше не вѣрилъ въ истину и страстно искалъ ея. Философъ въ немъ отрицалъ истину, художникъ—стремился къ ней. „Сверхчеловѣкъ“ (Uebermensch) явился для Нитцше воплощеніемъ истины, которой для философа Нитцше, автора „Menschliches, Allzumenschliches“, не было и не могло быть.

Сомнѣніе въ истинѣ и въ извѣстномъ смыслѣ отрицаніе истины дѣлаетъ изъ Нитцше одного изъ самыхъ современныхъ и самыхъ плодотворныхъ философовъ. Въ этомъ скепсисѣ, опирающемся на глубокое пониманіе проблемъ новѣйшей біологіи и на тонкое психологическое, чисто художническое чутье, и заключается философія Нитцше, поскольку онъ былъ вообще философомъ. Абсолютный культъ силы, аристократическій индивидуализмъ, „сверхчеловѣчность“ представляютъ у Нитцше тотъ художническій атавизмъ, о которомъ онъ самъ мѣтко говоритъ въ своемъ афоризмѣ „Die Kunst dem Künstler gefährlich“ (Menschliches, Allzumenschlichs I, S. 163): „Если искусство охватываетъ личность, то оно влечетъ ее назадъ къ воззрѣніямъ тѣхъ временъ, когда искусство процвѣтало всего полнѣе: оно дѣйствуетъ тогда регрессивно. Художникъ все больше и больше проникается поклоненіемъ внезапнымъ возбужденіемъ, начинаетъ вѣрить въ боговъ и демоновъ, одушевляетъ природу, ненавидитъ науку, становится перемѣнчивымъ въ своихъ настроеніяхъ, какъ люди древняго міра, и требуетъ ниспроверженія всѣхъ условій, не благопріятствующихъ искусству, и притомъ со страстностью и несправедливостью, свойственными дѣтямъ. Художникъ уже самъ по себѣ отсталое существо, потому что онъ не идетъ дальше игры, а игра свойственна юности и дѣтству; къ этому же присоединяется еще то, что онъ постепенно преобразуется по типу другого, прошедшаго времени. Такъ, въ концѣ концовъ возникаетъ сильный антагонизмъ между художникомъ и одинаковыми съ нимъ по возрасту современниками и наступаетъ печальный конецъ: по разсказамъ древнихъ, Гомеръ и Эсхилъ на склонѣ лѣтъ жили и умерли въ меланхоліи“.

Въ этомъ афоризмѣ есть нѣчто пророческое. Въ немъ предвосхищенъ и мѣтко, хотя и жестко, охарактеризованъ самимъ Нитцше послѣдній періодъ его творчества, когда онъ „создавалъ новыя цѣнности“ и въ этомъ видѣлъ задачу всякой истинной философіи, когда онъ презиралъ науку, какъ чистое познаніе и весь отдавался своему художническому генію. Здѣсь, наконецъ, фило

софъ-художникъ предсказалъ и печальный конецъ своей умственной жизни: безуміе.

Скепсисъ Нитцше не есть ребяческое сомнѣніе того Лукіановскаго скептика, который, подвергаясь побоямъ, на вопросъ: бьютъ ли его?—отвѣчаетъ: ἄδηλον—это еще неясно. Это лишь полный разрывъ съ абсолютизмомъ мышленія, признаніе исторической условности „истины". Первый афоризмъ въ „Menschliches, Allzumenschliches" обнаруживаетъ всю глубину и всю содержательность скепсиса Нитцше:

„Всѣ почти философскія проблемы выступаютъ теперь въ формѣ тѣхъ же вопросовъ, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: какъ можетъ нѣчто возникнуть изъ своей противоположности, напр., разумное изъ неразумнаго, ощущающее изъ мертваго, логичное изъ нелогичнаго, безстрастное созерцаніе изъ похотливаго желанія, жизнь для другихъ изъ себялюбія, истина изъ заблужденій? Метафизическая философія уклонялась отъ этой трудности, поскольку она просто отрицала происхожденіе одного изъ другого и для вещей, оцѣниваемыхъ болѣе высоко, принимала особое происхожденіе, непосредственно изъ самой сущности вещей (aus dem Ansich der Dinge). Противоположная философія, самая юная и самая радикальная изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ, настоящая философія развитія (Philosophie des Werdens), которая, вообще, не вѣритъ въ сущности и потому отказываетъ въ правѣ гражданства какъ понятію „бытіе", такъ и понятію „явленіе", такая антиметафизическая философія сдѣлала для меня въ отдѣльныхъ случаяхъ вѣроятнымъ (и я предполагаю, что къ такому результату она придетъ во всѣхъ случаяхъ), что указанная постановка вопроса невѣрна, что намѣченныхъ ею противорѣчій вовсе нѣтъ, а прежняя философія вѣрила въ нихъ, увлекаемая языкомъ и властно предписываемой имъ полезностью огрубѣнія и упрощенія (мысли), словомъ, что прежде всего необходима химія основныхъ понятій... Чтобы покончить разъ навсегда съ такими грубыми и четырехугольными противоположеніями, какъ „эгоистичное" и „неэгоистичное", „похоть" и „духовное стремленіе", „живое" и „мертвое", „истина" и „заблужденіе", необходима микроскопическая психологія, а также навыкъ во всякаго рода исторически-перспективной оптикѣ, которая до сихъ поръ еще не существовала и даже не была дозволена. Философы, какъ я ихъ хочу и понимаю, имѣли до сихъ поръ противъ себя совѣсть: моральные, религіозные и эстетическіе императивы отвергали тѣ методы изслѣдованія,

которые нужны. Необходимо раньше стать свободнымъ отъ этихъ императивовъ: нужно, вопреки своей совѣсти, самому анатомировать свою совѣсть... Исторія понятій и метаморфозъ понятій подъ тиранническимъ господствомъ моральныхъ оцѣнокъ— понимаете ли вы эту задачу? У кого найдется достаточно охоты и смѣлости пуститься въ такія изслѣдованія? Теперь, когда апогеемъ достигнутой человѣчности является то, что человѣкъ по чувству сторонится и противится исторіи своихъ первыхъ шаговъ, что онъ не хочетъ видѣть всякаго рода pudenda origo, развѣ не нужно быть безчеловѣчнымъ, чтобы стремиться видѣть, искать и открывать какъ разъ въ противоположномъ направленіи?"

Философія Нитцше, т. е. дѣйствительно цѣнная въ философскомъ отношеніи доля его творчества, пріурочена къ опредѣленному періоду его писательской дѣятельности. Сознательно и послѣдовательно она выступаетъ передъ нами преимущественно въ „Menschliches, Allzumenschliches". Потомъ онъ отступился отъ скепсиса и даже язвительно осмѣялъ его. „Скепсисъ—писалъ онъ—есть самое духовное выраженіе извѣстнаго, часто встрѣчающагося, физіологическаго склада, который на обычномъ языкѣ зовется нервной слабостью и болѣзненностью". „Скептикъ— продолжаетъ язвить Нитцше—даже во снѣ сомнѣвается въ свободѣ воли". Это говоритъ тотъ самый Нитцше, который раньше съ удивительной силой и тонкостью писалъ въ противоположномъ смыслѣ:

„Вѣра въ свободу воли есть первоначальное заблужденіе всего органическаго міра, существующее въ немъ съ первыхъ проявленій его логики; вѣра въ безусловныя субстанціи и въ одинаковыя вещи это тоже первоначальное и столь же древнее заблужденіе всего органическаго міра. Поскольку же всякая метафизика преимущественно занималась субстанціей и свободой воли, ее можно охарактеризировать, какъ науку, которая трактуетъ объ основныхъ заблужденіяхъ человѣка, но такъ, какъ будто бы они были основными истинами".

„Разрывъ съ метафизикой", которымъ характеризуется истинно философскій періодъ умственнаго творчества Нитцше, не былъ исповѣданіемъ „раціонализма" или „позитивизма", какимъ хочетъ представить этотъ разрывъ Риль. Для позитивизма скепсисъ Нитцше былъ слишкомъ глубокъ; слишкомъ глубокъ былъ весь Нитцше, тонкій художникъ, проведшій свой духъ черезъ горнило самой глубокой, мощной и грандіозно красивой философской

системы XIX-го вѣка, Шопенгауеровской, Нитцше-эллинистъ, знатокъ и поклонникъ классической литературы. Отрицаніе (въ извѣстномъ смыслѣ) метафизики, съ которымъ выступилъ въ эту эпоху Нитцше, было совсѣмъ не похоже на позитивизмъ: оно опиралось на теорію познанія, но не только на теорію познанія.

Какъ художникъ, Нитцше угадывалъ психологическіе корни метафизическаго творчества. Метафизическія системы были для него „красными вымыслами", полными глубокаго историческаго смысла, законными порожденіями развивающагося человѣческаго духа. „Когда преодолѣна метафизика—пишетъ Нитцше (Menschliches, Allzumenschliches, I 41),—тогда необходимо попятное движеніе (rückläufige Bewegung): онъ (человѣкъ) долженъ уразумѣть историческую, а также психологическую законность такихъ (метафизическихъ) представленій, онъ долженъ понять, что они сыграли наибольшую роль въ развитіи человѣчества и что безъ такого понятнаго движенія можно лишить себя лучшихъ пріобрѣтеній человѣчества". Здѣсь, въ преувеличенной, парадоксальной формѣ выражена глубокая и вѣрная мысль, безконечно подымающаяся надъ уровнемъ ходячаго позитивизма.

Нитцше справедливо думалъ, что психологія является теперь вновь единственнымъ путемъ ко всѣмъ основнымъ проблемамъ. Скепсисъ Нитцше былъ, такимъ образомъ, не только гносеологическимъ, но и психологическимъ. Различныя возможныя проблемы и рѣшенія метафизики онъ понималъ, какъ порожденія различныхъ психологическихъ складовъ, какъ выраженія различныхъ психологическихъ мотивовъ. Монизмъ, дуализмъ, плюрализмъ, необходимость, свобода, идеализмъ, реализмъ, спиритуализмъ и матеріализмъ, съ этой точки зрѣнія, не противоположенія истины и заблужденія, а лишь—различныхъ направленій человѣческаго духа, комбинирующаго, объединяющаго и обобщающаго нестройный матеріалъ представленій и понятій. Въ основѣ этихъ различныхъ направленій лежатъ различія въ познавательной организаціи, аналогичныя различіямъ въ темпераментахъ.

„Wahrscheinlichkeit, aber keine Wahrheit, Freischeinlichkeit, aber keine Freiheit—diese beiden Früchte sind es, derentwegen der Baum der Erkenntniss nicht mit dem Baume des Lebens verwechselt werden kann" [1]) въ этомъ дивномъ афоризмѣ вскрыть

[1]) „Вѣроятность, не истина; подобіе свободы, не свобода—вотъ плоды древа познанія, которые дѣлаютъ невозможнымъ смѣшеніе его съ древомъ жизни".

дуализмъ познанія и жизни, теоріи и практики. Этотъ дуализмъ человѣческой психики—источникъ гносеологическихъ противорѣчій свободы и необходимости.

Я подчеркнулъ выше, что въ Нитцше художникъ жилъ независимо отъ философа. Обратнаго сказать нельзя. Психологическая прозорливость художника Нитцше не пропала даромъ для философа. Послѣ Юма и Канта скептическое отношеніе къ человѣческому познанію вовсе не было новостью. Но въ скепсисѣ Нитцше есть, дѣйствительно, нѣчто новое и плодотворное: чрезвычайно смѣлыя и прямо геніальныя, хотя и несистематическія, попытки психологіи познанія.

И въ той области, въ которой Нитцше стяжалъ себѣ наибольшую извѣстность и въ которой онъ ставилъ себѣ чисто практическую задачу, въ морали, онъ великъ, между прочимъ, какъ психологъ. Правда, моралистъ и художникъ Нитцше—одно лицо. Художникъ поклоняется тѣмъ „новымъ цѣнностямъ“, которыя создаетъ моралистъ, а послѣдній руководится въ своемъ творчествѣ чисто эстетической потребностью. Но созданіе „новыхъ цѣнностей“ или „переоцѣнка старыхъ“,—дѣло послѣдняго періода литературной дѣятельности Нитцше,—недаромъ было предварено эпохой скепсиса и научнаго исканія. А потому и торжествующій, вновь обрѣтшій идеалъ, „Заратустра“—Нитцше, несмотря на все свое ослѣпленіе этимъ новымъ идеаломъ, высказываетъ очень много вѣрныхъ и глубокихъ мыслей о „старыхъ цѣнностяхъ“, о генеалогіи, т. е. исторической психологіи морали.

Нитцше былъ ненавистникомъ равенства и демократической культуры, и даже болѣе того- ненавистникомъ народной массы, стремящейся къ культурному подъему. Его аристократическому индивидуализму претили „слишкомъ многіе“ (Die Viel zu Vielen). Но въ сущности онъ плохо зналъ и понималъ движущія силы европейской демократіи настоящаго и будущаго. Ему недоставало тутъ и живыхъ впечатлѣній, и книжнаго знанія... А тѣмъ, кто противъ равенства и демократіи козыряетъ остроумными афоризмами Нитцше, не мѣшало бы задуматься вотъ надъ чѣмъ. Нитцше, противникъ равенства и ненавистникъ пролетаріата, съ полнымъ знаніемъ предмета охарактеризовалъ и заклеймилъ буржуазнаго филистера. Его насмѣшки надъ Штраусомъ 70-хъ гг. [1]), воплощеніемъ Bildungsphilister'a, прямо попадаютъ въ цѣль. Та-

[1]) Unzeitgemässe Betrachtungen.

кимъ образомъ, въ арсеналѣ Нитцше гораздо больше оружія противъ буржуазіи и буржуазнаго духа, чѣмъ противъ антипода буржуазіи. Въ прославленіи силы, которое, несмотря на біологическое обоснованіе, является у Нитцше романтическимъ—Нитцше, въ сущности, никогда не переставалъ быть романтикомъ въ душѣ—чувствуется сильная анти-буржуазная нота...

Есть нѣкоторыя точки соприкосновенія между Нитцше и Марксомъ, хотя ихъ практическіе идеалы діаметрально расходятся. Вѣдь, и культъ силы не только не чуждъ Марксу, но наоборотъ — съ опредѣленной реалистической окраской — составляетъ необходимую интегральную часть его міровоззрѣнія и его психологіи. А затѣмъ, какъ ярко выражаетъ Нитцше гегелевскую идею, унаслѣдованную и конкретно подчеркиваемую Марксомъ—о прогрессивномъ значеніи „злого" начала въ исторіи человѣчества! „Сильнѣйшіе и злѣйшіе люди (Geister) до сихъ поръ всего больше двигали впередъ человѣчество; они постоянно вновь зажигали засыпающія страсти—они постоянно вновь наталкивали людей на сравненіе, противорѣчіе, пробуждали стремленіе къ новому, смѣлому, еще неиспытанному, они вынуждали выставлять мнѣнія противъ мнѣній, образцы противъ образцовъ... Новое является всегда злымъ, оно всегда стремится завоевать, опрокинуть старые пограничные знаки и старыя окруженныя почтеніемъ имена; и лишь старое—добро". (Die fröhliche Wissenschaft изд. 1887 г. S. 31).

Нитцше честный и смѣлый умъ и, я думаю, прикосновенія къ нему, пріобщенія къ замѣчательной радугѣ его мысли бояться нечего. Сбить съ толку онъ можетъ только очень слабыхъ людей, по своей натурѣ уже обреченныхъ на декадентское холопство передъ нимъ. Книга Риля, хорошо переведенная (какая это рѣдкость,—хорошій переводъ!) г-жей Венгеровой, можетъ сослужить службу въ дѣлѣ ознакомленія съ Нитцше. Риль немножко филистеръ—на профессорскій ладъ, но умный и широко образованный человѣкъ. Нарисованный имъ портретъ Нитцше не даетъ, конечно, вполнѣ правильнаго представленія объ этой физіономіи, полной духовной красоты, но онъ, по крайней мѣрѣ, и не опускается до философской каррикатуры съ дешевой моральной подписью.

Отъ Нитцше и Маркса я, такъ сказать, по обязанностямъ службы перехожу къ г. Михайловскому. Когда въ объявленіи о

ноябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ въ подзаголовкѣ „Литературы и жизни“ я прочелъ между прочимъ слова: „о страшной силѣ г. Novus'a, о моей робости и о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ“, я очень обрадовался. Наконецъ-то, подумалъ я, придется прочесть нѣчто остроумное, ибо подчеркнутыя мною слова заглавія не лишены остроумія. Къ сожалѣнію, остроуміе не пошло дальше заглавія и меня постигло разочарованіе. Въ самой статьѣ отсутствуетъ всякій комическій эффектъ. Нѣтъ въ ней и никакой попытки серьезно развить или, по крайней мѣрѣ, намѣтить свою собственную точку зрѣнія. Но за то въ ней очень много мелочной придирчивости и даже неуваженія къ личности противника и читателя. Такъ, г. Михайловскій, цитируя мои слова: „откровенно говоря, если бы я вѣрилъ въ фактъ упадка производительныхъ силъ Россіи подъ дѣйствіемъ процесса капиталистическаго развитія, то я бы или махнулъ на все рукою и сталъ бы жить въ свое удовольствіе, „пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ женщинъ“, или же... удавился бы, замѣчаетъ; „вотъ какъ энергично!“ и говоритъ далѣе: „надо, однако, замѣтить, что слова, поставленныя въ ковычкахъ, принадлежатъ Лассалю. Охотно вѣрю, что „кипрское вино и красивыя женщины“ находятся всегда къ услугамъ г. Novus'a, но все-таки повтореніе Лассалевскаго выраженія производитъ въ его устахъ нѣсколько комическій эффектъ“. Въ дѣйствительности слова, производящія „комическій эффектъ“ только заимствованы Лассалемъ у Шиллеровскаго Фіэско. Комизмъ... усугубляется, неправда ли, г. Михайловскій?.. Такая полемика производитъ самое тягостное впечатлѣніе: съ серьезной мысли, съ извѣстнаго душевнаго настроенія, которыя одинаково доступны и самому геніальному человѣку, хотя бы Лассалю и послѣднему изъ малыхъ сихъ, служащихъ какой-либо идеѣ, вниманіе читателя отвлекается къ сопоставленію личныхъ силъ Лассаля и Novus'a. Быть можетъ, это сопоставленіе кому-нибудь и покажется забавнымъ, но, въ концѣ концовъ, для такихъ „эффектовъ“ литература въ настоящемъ смыслѣ не нужна — вполнѣ достаточно балагана „Шута“ или „Осколковъ“. И затѣмъ, неужели г. Михайловскому не стыдно писать, что онъ „вѣритъ“, да еще „охотно?“ Это дѣйствительно не только очень „непринужденный“ полемическій пріемъ, но и просто порядочная пошлость. Однако, г. Михайловскій этого не только не замѣчаетъ, но еще въ очень повышенномъ тонѣ возмущается тѣмъ, что я будто бы говорю объ его „наблюденіяхъ въ петербургскихъ и москов-

скихъ трактирахъ". Объ этихъ наблюденіяхъ я не говорю, ибо объ нихъ я ничего не знаю. Я говорю лишь гипотетически: „быть можетъ, половой Николай Чикильдѣевъ не соотвѣтствуетъ представленію о половыхъ, вынесенному г. Михайловскимъ изъ наблюденій въ петербургскихъ и московскихъ трактирахъ, быть можетъ онъ выше, или наоборотъ, ниже средняго уровня". Я считалъ себя въ правѣ написать это потому, что вопреки собственному увѣренію г. Михайловскаго въ ноябрьской книжкѣ, онъ въ своей іюньской статьѣ ссылался не только на литературные источники, а почему-то счелъ нужнымъ скрѣпить разсказъ Глѣба Успенскаго „Развеселилъ господъ" своей надписью: „съ подлиннымъ вѣрно", упомянувъ нарочито, что самъ былъ свидѣтелемъ подлинной бесѣды Успенскаго съ половымъ. Все это не стоило бы упоминанія, если бы мои совершенно безобидныя во всѣхъ отношеніяхъ слова г. Михайловскій не пытался выставить, какъ „полемическій пріемъ" (sic!), заслуживающій, по его мнѣнію, „пожалуй болѣе сильнаго эпитета, чѣмъ непринужденный". Мимо, мимо, читатель, настолько это мелко, и недостойно и г. Михайловскаго, и насъ съ вами!

Неудовольствіе г. Михайловскаго мнѣ приходится раздѣлять на этотъ разъ, кромѣ моихъ товарищей по журналу, еще съ Марксомъ. Слова послѣдняго объ „идіотизмѣ сельской жизни„ кажутся г. Михайловскому „грубыми", и, не зная, гдѣ именно они написаны, онъ увѣренъ, что „приведенное выраженіе у Маркса просто бутада". „Марксъ былъ вообще неразборчивъ въ выраженіяхъ"— замѣчаетъ г. Михайловскій. Издатель „Русскаго Богатства" сильно ошибается. Оба его утвержденія прямо невѣрны. Марксъ не только не выражался неразборчиво, онъ, наоборотъ, всегда обдумывалъ свои выраженія, много работалъ надъ формой и впадалъ при этомъ иногда даже въ нѣкоторую изысканность. Онъ любилъ, напримѣръ, спеціально придуманныя противопоставленія и сопоставленія, основанныя на употребленіи однихъ и тѣхъ же словъ въ разныхъ сочетаніяхъ, и одинъ изъ оппонентовъ Маркса (Гейнценъ), вышучивая эту манеру, составилъ ему напередъ для пользованія цѣлый списокъ подобныхъ „созвучныхъ" антитезъ. Марксъ вообще принадлежалъ къ нѣсколько тяжелымъ на подъемъ, но за то весьма основательнымъ и весьма разборчивымъ писателямъ. Если онъ часто выражался рѣзко, то потому, что онъ и мыслилъ рѣзко. Онъ бывалъ очень и очень несправедливъ къ личностямъ

(напр., къ Лассалю), но при обсужденіи такихъ вопросовъ, какъ психическій складъ той или другой общественной группы, ни о какихъ личныхъ соображеніяхъ не можетъ быть и рѣчи. „Я увѣренъ, что приведенное выраженіе у Маркса просто бутада“, но „я не знаю, гдѣ именно у Маркса напечатаны эти грубыя слова“,— пишетъ г. Михайловскій. Очень жаль, что г. Михайловскій „не знаетъ“, но это полбѣды; гораздо хуже, что онъ увѣренно говоритъ о томъ, чего не знаетъ. Я помогу незнанію г. Михайловскаго и приведу „грубыя слова“ въ контекстѣ:

„Буржуазія подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, въ значительной степени увеличила число городского населенія сравнительно съ сельскимъ и, такимъ образомъ, вырвала крупную часть населенія изъ идіотизма сельской жизни [und (hat) so einen bedeutenden Theil der Bevölkerung dem Idiotismus des Landlebens entrissen]. Она поставила въ зависимость не только деревню отъ города, но и варварскія и полуварварскія страны отъ цивилизованныхъ, крестьянскіе народы отъ буржуазныхъ, востокъ отъ запада“.

Быть можетъ, г. Михайловскій до сихъ поръ не знаетъ, гдѣ написана эта „простая бутада“. Но мы то можемъ съ увѣренностью сказать ему и читателямъ, что въ сочиненіи, о которомъ идетъ рѣчь и которое справедливо считается лучшимъ по литературной формѣ и по выразительности произведеніемъ знаменитаго нѣмецкаго мыслителя, обдумано и не могло не быть обдумано каждое слово, что „бутадъ“, ни простыхъ, ни какихъ-либо иныхъ тамъ нѣтъ. Это сочиненіе самый замѣчательный историческій документъ новѣйшаго соціальнаго движенія и, безспорно, самая замѣчательная изъ когда-либо опубликованныхъ партійныхъ программъ. Выдадимъ нашъ секретъ: рѣчь идетъ о знаменитомъ „Манифестѣ“. „Грубыя слова“, впрочемъ, не только совершенно идутъ къ контексту сочиненія, они вообще укладываются въ контекстъ всего міровоззрѣнія Маркса. Что дѣлать! Городской культурѣ, городскому населенію онъ приписывалъ прогрессивную роль, сельское же населеніе считалъ по общему правилу косным, тупым, вліяющимъ на общественное развитіе задерживающимъ образомъ. Эту духовную и общественную неподвижность сельскаго населенія и сельскаго быта онъ и называлъ „идіотизмомъ“. Быть можетъ это и „грубо“, но вѣдь рѣчь и споръ стоитъ вести не о словахъ, а о понятіяхъ. Мысль, выраженная въ „грубыхъ словахъ“, представляетъ собою во всякомъ случаѣ одну изъ основныхъ нотъ въ

міровоззрѣніи Маркса. И развѣ она уже такъ неправильна, развѣ ее нельзя подтвердить подавляющей массой историческихъ фактовъ?

Развѣ, напр., новѣйшая форма личной зависимости или, по просту говоря, рабства—крѣпостное право, крѣпостныя отношенія, почти неизвѣстныя городамъ,—не является общественнымъ выраженіемъ „идіотизма сельской жизни“? Конечно, можно считать крѣпостное право просто причиной „идіотизма“, хотя практически отъ этого дѣло не мѣняется (съ теоретической точки зрѣнія это нѣсколько несообразная конструкція). Но развѣ даже современное крестьянство важнѣйшихъ государствъ Западной Европы не отличается косностью, не идетъ въ хвостѣ реакціонныхъ силъ? Неужели это все—несчастныя обстоятельства или подстроено злыми людьми, чья-нибудь „злая выдумка“? Вотъ мысли, на которыя должны наводить „грубыя слова“. И право, слѣдуетъ не упрекать, а благодарить за грубое слово, которое будитъ заспавшуюся мысль. Общественныя отношенія, которыми характеризовалась и характеризуется деревенская жизнь, создаютъ въ людяхъ извѣстный психическій складъ, извѣстное умонастроеніе. Важно понять это, а грубо или деликатно мы будемъ характеризовать то или другое умонастроеніе, право не существенно, вѣдь, мы не съ „благородными дѣвицами“ разговариваемъ.

Какъ-то невольно легкое отношеніе г. Михайловскаго къ „грубымъ словамъ“ Маркса—по реальной связи идей—напомнило мнѣ недавняго юбиляра Н. Н. Златовратскаго. „Поколѣніе, которое вмѣстѣ съ г. Златовратскимъ мучилось надъ сложными вопросами деревенской жизни“, г. Михайловскій противопоставляетъ тому „поколѣнію“, которое воспитывается на презрительномъ отношеніи къ „идіотизму деревенской жизни“. Не знаю, кто „презрительно“ относится къ „идіотизму деревенской жизни“, но мы неповинны въ этомъ. На нашъ взглядъ, нелѣпо и преступно-легкомысленно было бы относиться презрительно къ висящей на ногахъ и не дающей итти свинцовой гирѣ... То поколѣніе, или, вѣрнѣе, то направленіе, къ которому принадлежимъ мы, и которое всѣмъ синедріономъ уже давно осуждено за разныя дурныя „новыя слова“, дѣйствительно въ очень многомъ отличается отъ направленія и поколѣнія г. Златовратскаго. Но въ одномъ отношеніи у насъ нѣчто общее. Въ эпоху своего расцвѣта народничество (и не въ обиду

г. Михайловскому я причисляю его къ этой когда то единой и славной арміи) не боялось грубыхъ словъ и рѣзкихъ мыслей. Объ „идіотизмѣ сельской жизни“ г. Златовратскій не говорилъ, но ему принадлежатъ замѣчательныя строки о „рабьихъ настроеніяхъ“:

„Рабская община, община, прожившая столѣтія въ условіяхъ крѣпостного права, съ исключительнымъ умонастроеніемъ только въ сторону распредѣленія „общей тяготы“, община, покорившая въ себѣ этому умонастроенію всецѣло „личность“ своихъ членовъ, поработившая ихъ одному экономическому принципу—равномѣрному распредѣленію труда въ своей средѣ, послѣдовательно создала въ средѣ народа рядъ особыхъ „рабьихъ настроеній“, по которымъ предполагалась неизбѣжной и необходимой связь такихъ элементовъ, которые, въ сущности, не стояли другъ къ другу ни въ какой зависимости, кромѣ сосуществованія; на основаніи положенія post hoc--ergo propter hoc—эти „рабьи настроенія“ народъ сталъ считать по привычкѣ необходимыми элементами въ развитіи своего благосостоянія. Таковы положенія, что будто бы сельскохозяйственная культура требуетъ, какъ непремѣннаго условія, существованія патріархальной семьи, что экономическое благосостояніе такой семьи требуетъ непремѣннаго подчиненія личности одному старшему и безпрекословнаго ему повиновенія, что отсюда же проистекаютъ и всѣ прочія „умозрѣнія“ народа, взглядъ его на природу, Бога, правительство, власть и проч. и проч., что все это будто бы находится въ полной гармонической связи съ условіями сельскохозяйственнаго труда, въ полной и неразрывной зависимости“ [1]).

Не буду входить въ критику приведеннаго отрывка, — для меня онъ важенъ лишь, какъ историческій документъ, какъ выраженіе взглядовъ Златовратскаго и подлинное показаніе объ его собственномъ умонастроеніи. И у меня является самъ собой вопросъ: не заключается ли въ этихъ строкахъ мысль очень близкая къ той, которая выражена въ „грубыхъ словахъ“ объ идіотизмѣ сельской жизни? Далѣе у Златовратскаго въ томъ же замѣчательномъ очеркѣ фигурируетъ и сила, которая разрушаетъ „идіотизмъ сельской жизни“, „рабьи настроенія“:

Колупаевъ „поставилъ все въ условія борьбы противъ всего, и въ концѣ концовъ противъ себя самого; онъ создалъ возмож-

[1]) „Очерки деревенскаго настроенія“, Отечественныя Записки 1881 Апрѣль, стр. 201.

ность борьбы съ тѣмъ, противъ чего даже мысль о борьбѣ была невозможна... Онъ оголилъ, обострилъ всѣ тѣ противорѣчія рабскаго патріархата, которыми держалась народная жизнь.... Въ возможности появленія на народной нивѣ Колупаева—весь смыслъ „освободительнаго компромисса". Колупаевъ глубокою бороздой прошелъ вдоль и поперекъ залужалой, окаменѣвшей нивы крѣпостной общины; онъ взбудоражилъ ее до самаго корня; онъ сразу двинулъ ее въ условія борьбы и самозащиты; онъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ заставилъ заговорить, зашевелиться мужицкій интеллектъ, заснувшій было окончательно въ неподвижности крѣпостного права, въ сферѣ чужого ума и чужой воли... Общину, путемъ приспособленій и компромиссовъ такъ плотно и неподвижно уложившуюся въ узкія рамки крѣпостного патріархата, „колупаевская революція" вывела на арену движенія и переуклада, переоцѣнки и переработки всей ея внутренней сути" [1]).

Современные эпигоны и декаденты народничества вродѣ г. М. Энгельгарда изъ „Новостей" признали бы автора этихъ строкъ виновнымъ въ возвеличеніи кулака и въ оклеветаніи мужика, если бы они не знали заранѣе, что имѣютъ тутъ дѣло съ... самимъ г. Златовратскимъ.

Г. Златовратскаго многіе считаютъ просто сантиментальнымъ романтикомъ, и въ его произведеніяхъ есть дѣйствительно достаточно и сантиментальности, и романтизма. Но приведенныя мною мѣста показываютъ, до какого реализма онъ могъ возвышаться даже въ своихъ обобщеніяхъ. Мы цѣнимъ его именно за этотъ реализмъ и еще—за то глубокое отвращеніе къ буржуазности, которое красной нитью проходитъ черезъ всѣ его сочиненія. Г. Златовратскій идеологъ натуральнаго хозяйства и опирающагося (или вѣрнѣе опиравшагося) на него общиннаго равенства. Онъ съ справедливой подозрительностью смотритъ на „хозяйственнаго мужичка". Колупаевъ и хозяйственный мужичекъ—на гибель дорогимъ г. Златовратскаго устоямъ—подѣлили между собою историческую преобразовательную задачу, которая въ данномъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ, можетъ быть выражена въ гордыхъ словахъ: Destruam et aedificabo. Ибо, если Колупаевъ—ростовщикъ, кулакъ,—буржуазный разрушитель старыхъ „устоевъ", то „хозяйственный мужичекъ"—буржуазный со-

[1]) Тамъ же, стр. 208—9.

зидатель новыхъ „устоевъ“, къ которымъ г. Златовратскій не можетъ относиться иначе, какъ съ глубокой антипатіей,

Какъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей небуржуазнаго, идеалистическаго народничества и какъ правдивый изобразитель народной жизни, г. Златовратскій займетъ свое опредѣленное и почетное мѣсто въ исторіи русской общественной мысли. Общественное содержаніе его писаній и тотъ общественный смыслъ, который онъ самъ въ нихъ влагалъ, гораздо значительнѣе его чисто литературнаго таланта. Въ этомъ отношеніи г. Златовратскій рѣзко отличается отъ г. Чехова. У послѣдняго взаимоотношеніе указанныхъ двухъ элементовъ творчества прямо обратное. Не даромъ г. Златовратскій представитель 70-хъ, а г. Чеховъ 80-хъ годовъ. А каждый изъ нихъ—преимущественно выразитель своего времени, очень опредѣленнаго и очень краткаго періода общественной и литературной исторіи, тогда какъ въ Тургеневѣ, Достоевскомъ, Салтыковѣ выразилось не то или другое десятилѣтіе, а цѣлый вѣкъ русской литературы...

Г. Михайловскій, напоминая о томъ, что я причислилъ его къ „народникамъ“, а покойный Юзовъ назвалъ „однимъ изъ вреднѣйшихъ марксистовъ“, ставитъ въ сущности очень любопытную проблему. Конечно, причтеніе г. Михайловскаго къ марксистамъ есть просто одинъ изъ тѣхъ курьезовъ, одна изъ тѣхъ несообразностей, которыхъ такъ много у Юзова. Когда Юзовъ писалъ о г. Михайловскомъ, марксизма, какъ направленія, въ русской литературѣ не существовало. Но вопросъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ г. Михайловскій „народникъ“—этотъ вопросъ не рѣшается столь же легко, несмотря на то, что самъ г. Михайловскій заявляетъ, что онъ „завѣдомо“ къ народническому лагерю „не принадлежитъ“. Въ напечатанной въ ноябрской книжкѣ нашего журнала, неоконченной еще статьѣ г. Егорова приведены любопытныя цитаты изъ старыхъ статей г. Михайловскаго, которыя даютъ кое-какой матеріалъ для установленія народническихъ элементовъ въ міросозерцаніи (теоретическомъ и практическомъ) г. Михайловскаго или правильнѣе—для возстановленія его былого народническаго облика. Нынѣшній издатель „Русскаго Богатства“ не стоялъ,—думается намъ—на одномъ мѣстѣ. Народническія идеи были имъ отчасти оставлены. Въ извѣстномъ смыслѣ про него можно сказать, измѣняя соотвѣт-

ствующимъ образомъ, историческую характеристику Бурбоновъ; онъ кое-что забылъ и кое-чему научился. Отбросивъ нѣкоторыя народническія идеи, надъ которыми надсмѣялась сама русская жизнь и которыя теперь въ свою очередь являются довольно скверной насмѣшкой надъ нею (vide г. Гофштеттеръ!), г. Михайловскій потерялъ, однако, въ тоже время нѣчто очень существенное и весьма цѣнное: цѣльность общественнаго міросозерцанія. Въ свое время она у него была. Это, впрочемъ, отличаетъ не только прежняго г. Михайловскаго отъ г. Михайловскаго нашихъ дней, но и „Русское Богатство“ отъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Отечественныя Записки“, какъ органъ печати—корабль, разбитый бурей, но какъ міровоззрѣніе онѣ сами дифференцировались и разложились; это—подмытая рѣкою временъ и разсыпавшаяся подъ напоромъ измѣнившихся жизненныхъ условій храмина, которую не соберетъ никакой магъ и волшебникъ...

Разложеніе этого міровоззрѣнія знаменуетъ большой шагъ впередъ... Чей? Мы не обинуясь скажемъ: всей русской жизни. Вмѣстѣ съ цѣльностью изъ практическаго общественнаго міросозерцанія наслѣдниковъ „Отечественныхъ Записокъ“ исчезъ въ значительной мѣрѣ и утопизмъ. Правда г. Южаковъ сочиняетъ и теперь „просвѣтительныя“ и международныя утопіи,—но вѣдь писанія почтеннаго автора „Соціологическихъ Этюдовъ“ вообще, думается мнѣ, даютъ матеріалъ для сужденія не столько о взглядахъ редакціи „Русскаго Богатства“, сколько о тѣхъ допустимыхъ для ея членовъ приватныхъ шалостяхъ въ литературно-публицистической области, на которыя не распространяется круговая порука редакціи, хотя... не слишкомъ ли далеко заходитъ индивидуализмъ почтенной редакціи?

А между тѣмъ къ намъ гг. Михайловскій и Мякотинъ очень строги. Они страшно носятся съ противорѣчіями, которыя открываютъ во взглядахъ разныхъ сотрудниковъ „Новаго Слова“. Помилуйте: г. Каменскій гегеліанецъ, и матеріалистъ, гг. Струве и Булгаковъ неокантіанцы, г. Каменскій отрицаетъ ученіе о факторахъ, г. Туганъ-Барановскій признаетъ его. Но мало того, г. Мякотинъ открылъ „противорѣчіе, поистинѣ прискорбное“: читателямъ „Новаго Слова“, предлагаются „двѣ схемы развитія русской мысли въ 40-хъ годахъ: по одной—впереди всѣхъ дѣятелей той поры стоялъ Герценъ, за нимъ слѣдовалъ Боткинъ съ его „геніальными прозрѣніями“, а Бѣлинскій не былъ „сильнымъ философомъ“; по другой—„Бѣлинскій былъ одной изъ высшихъ и даже

высшей философской организаціей во всей нашей литературѣ, а Герценъ является поверхностнымъ мыслителемъ". Вотъ видите ли, читатель, какое „прискорбное" явленіе: изъ отдѣльныхъ оцѣнокъ дарованій разныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ у двухъ сотрудниковъ „Новаго Слова" г. Мякотинъ составилъ двѣ „табели о рангахъ", и къ величайшему посрамленію „Новаго Слова" эти „табели о рангахъ", произведенныя г. Мякотинымъ въ „двѣ схемы развитія русской мысли въ 40-хъ г.", не совпадаютъ. На нашъ взглядъ во всемъ этомъ поистинѣ „прискорбна" та дѣтская радость, съ которой г. Мякотинъ констатируетъ „прискорбныя противорѣчія" и еще болѣе—то не менѣе дѣтское пониманіе „схемъ развитія мысли", которое онъ обнаруживаетъ. Совсѣмъ не дѣтскій характеръ носитъ другой полемическій подвигъ г. Мякотина. По поводу разсужденій „Русскаго Вѣстника" о повѣсти г. Чирикова „Инвалиды", онъ сознается въ безсиліи своей воли „назвать настоящимъ именемъ" — трогательное единеніе" между „Новымъ Словомъ" и „Русскимъ Вѣстникомъ". Кого морочитъ г. Мякотинъ? Кто—выражаясь съ надлежащей прямотой и грубостью—столь глупъ, чтобы повѣрить въ указываемое имъ единеніе? Воля г. Мякотина и всѣхъ присныхъ, дѣйствительно, совершенно „безсильна"—скомпрометировать въ этомъ отношеніи „Новое Слово". Къ сожалѣнію—и я съ удареніемъ говорю о своемъ искреннемъ сожалѣніи, эта безсильная воля есть—употребляя юридическій терминъ—„злая воля". Умыселъ г. Мякотина совершенно ясенъ, и потому да будетъ ему стыдно.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о „противорѣчіяхъ". Противорѣчія во взглядахъ сотрудниковъ „Новаго Слова" есть и будутъ, хотя для „Русскаго Богатства", какъ для тѣхъ многихъ, о которыхъ говоритъ г. Михайловскій въ своей послѣдней статьѣ, „вѣроятно было бы очень удобно, если бы существовало только два цвѣта—черный и бѣлый, или только двѣ страны свѣта, напр., Сѣверъ и Югъ, или только взаимно перпендикулярныя линіи и т. п.". Для удобства нашихъ противниковъ мы не станемъ стремиться „къ этой фантастической скудности красокъ, линій, очертаній". Не будемъ мы также въ угоду нашимъ противникамъ вести полемику между собою. Но, если такая полемика по ходу дѣла окажется необходимой въ интересахъ нашихъ читателей, мы не замедлимъ ее открыть.

Единство практическихъ взглядовъ и лежащихъ въ основѣ ихъ теоретическихъ идей,—вотъ что необходимо для каждаго

серьезнаго органа общественной мысли, представляющаго интересы извѣстной общественной группы. Но на этой общей почвѣ мы стоимъ достаточно твердо. Nos amis les ennemis—своими дѣтскими и недѣтскими указаніями на „противорѣчія“—лишь помогутъ намъ съ окончательной ясностью отграничить эту общую почву отъ тѣхъ областей, въ которыхъ безусловно желательно и необходимо возможно большее богатство „красокъ, линій, очертаній“.

ФИЛОСОФІЯ ИДЕАЛЬНАГО ДОБРА ИЛИ АПОЛОГІЯ РЕАЛЬНАГО ЗЛА?

По поводу статьи Вл. Соловьева: „Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія". „Вѣстникъ Европы", декабрь 1896, стр. 536—560 *).

(1897).

Г. Владиміръ Соловьевъ тоже примкнулъ къ сонму писателей, ополчившихся противъ экономическаго матеріализма. Но увы!— словесно паря на высотахъ метафизики, онъ по жизненному смыслу своихъ высокихъ рѣчей, оказывается пребывающимъ въ низинахъ буржуазнаго міра. Пожалуй, нѣкоторые противники „экономическаго матеріализма", напр., гг. Михайловскій и Карѣевъ, на которыхъ, какъ на союзниковъ, съ такимъ удовлетво-

*) Дополненіе 1901 г. Статья Соловьева вошла въ его книгу „Оправданіе добра. Нравственная философія". Перепечатывая настоящую статью, направленную противъ теперь уже покойнаго знаменитаго философа, я устранилъ изъ нея сужденія, которыя мнѣ представляются несправедливыми и внушенными полемическимъ задоромъ, но сохранилъ общій тонъ статьи и въ существенномъ не измѣнилъ ея содержанія. Если бы я въ настоящее время подвергъ критическому разбору воззрѣнія Соловьева по философіи хозяйственной жизни, то многое написалось бы иначе, чѣмъ въ 1896 г., кое что изъ написаннаго тогда и перепечатываемаго здѣсь, быть можетъ, совсѣмъ, не было бы написано. Въ то время я стоялъ еще на почвѣ критическаго позитивизма, теперь же исповѣдую метафизическій идеализмъ и, въ силу этого, сталъ гораздо ближе къ Соловьеву, чѣмъ прежде. Но и теперь я считалъ бы нужнымъ рѣшительно протестовать противъ его соціально-экономической философіи. Вотъ почему я перепечатываю предлагаемую статью и непосредственно за ней—некрологъ автора „Оправданія добра", помѣщенный въ сентябрской книжкѣ „Міра Божія" за 1900 г. Въ этомъ некрологѣ, думается, отдана должная дань большимъ дарованіямъ и крупнымъ заслугамъ незабвеннаго публициста-философа.

реніемъ ссылается г. Соловьевъ (стр. 546), не пожелаютъ занять съ нимъ вмѣстѣ эту позицію: на ней, навѣрно, не пожнешь новыхъ лавровъ, а, чего добраго, растеряешь и старые.

Уничтожая „экономическій матеріализмъ“ г. Соловьевъ съ чисто „метафизической“ наивностью самъ ложится подъ острый ножъ обличаемаго имъ злобнаго и зловреднаго „изма“, ложится такъ очевидно, что намъ не потребуется особенно обстоятельно комментировать почтеннаго философа. Неосторожно поступилъ г. Соловьевъ, пустившись налегкѣ въ область экономіи. Выступленіе „налегкѣ“ всегда опасно и можетъ кончиться безславно. Такъ и случилось на этотъ разъ съ нашимъ метафизикомъ. Онъ оказался несостоятельнымъ со всѣхъ точекъ зрѣнія и философской и экономической, и чуть ли не болѣе всего, думается намъ, съ точки зрѣнія, что называется, хорошаго вкуса.

Теперь уже всякій студентъ и даже гимназистъ знаетъ, что ученіе классической политической экономіи о какихъ-то особыхъ „естественныхъ“ экономическихъ законахъ ошибочно. Это заблужденіе имѣетъ интересную общественную исторію, идущую параллельно и постоянно переплетающуюся съ исторіей новѣйшаго „естественнаго“ права. Въ основѣ его лежитъ идеализація производственныхъ отношеній буржуазнаго общества. Эти отношенія, являясь общественнымъ идеаломъ прогрессивнаго класса, борющагося противъ средневѣковыхъ оковъ, признаются „естественными“, т. е. „нормальными“, „разумными“. Естественными объявляются они и тогда, когда буржуазія восторжествовала и защищаетъ свою позицію противъ новаго прогрессивнаго класса, который въ свою очередь, въ раннюю эпоху борьбы формулируетъ свои требованія также въ положеніяхъ „естественнаго права“. Такимъ образомъ, „естественное право“ и „естественные законы“ оказываются идеологической формой, въ которую очень удобно укладывается самое различное общественное содержаніе. Самая форма очень стара и досталась она европейской буржуазіи по наслѣдству отъ... стоической философіи.

Логически, конечно, идея „естественныхъ“ законовъ, которые нарушаются и для осуществленія которыхъ „мы“ должны что-нибудь предпринимать или чего-нибудь не дѣлать, противорѣчива и нелѣпа. Это настолько ясно, что не требуетъ особыхъ доказательствъ. Гораздо интереснѣе и поучительнѣе изслѣдовать, какъ логически-нелѣпая форма мѣняетъ въ историческомъ развитіи общественныхъ отношеній свое жизненное содержаніе. Но, курь-

езно, что самъ г. Соловьевъ, опровергающій „естественные законы“ и устраивающій на страницахъ „Вѣстника Европы“ торжественные, хотя и совсѣмъ ненужные, похороны истлѣвшему трупу экономическаго либерализма, самъ запутывается въ противорѣчіи, быть можетъ, еще болѣе нелѣпомъ.

Однимъ духомъ онъ говоритъ:

Стр. 541: „Мы не отрицаемъ закономѣрности человѣческихъ дѣйствій, а возражаемъ только противъ выдуманнаго сто лѣтъ тому назадъ особаго рода закономѣрности матеріально-экономической, независимой отъ общихъ условій психологической и нравственной мотивації“.

Стр. 542: „Такъ какъ подчиненіе матеріальныхъ интересовъ и отношеній какимъ то особымъ отъ себя дѣйствующимъ экономическимъ законамъ, есть лишь вымыселъ плохой ребяческой метафизики, не имѣющей и тѣни основанія въ дѣйствительности, то въ силѣ остается общее требованіе разума и совѣсти, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному идеалу, чтобы и въ экономической своей жизни общество было организованнымъ осуществленіемъ добра“.

„Никакихъ самостоятельныхъ экономическихъ законовъ, никакой особой экономической необходимости нѣтъ и быть не можетъ. Самостоятельный и безусловный законъ для человѣка, какъ такового, одинъ—нравственный, и необходимость одна—нравственная“.

Эти мѣста показываютъ, что г. Соловьевъ не понимаетъ даже и англофранцузской экономіи конца XVIII и начала XIX в., противъ которой онъ неизвѣстно зачѣмъ борется. Ошибка этой экономіи состояла не въ ученіи о какой-то „особой матеріально-экономической закономѣрности, независимой отъ общихъ условій психологической и нравственной мотивації“, а въ логически противорѣчивомъ примѣненіи понятія „естественнаго закона“: 1) къ собственнымъ идеаламъ, требованіямъ, пожеланіямъ, и 2) къ исторически измѣнчивымъ общественнымъ отношеніямъ и условіямъ. Идеалы свои англо-французская политическая экономія наряжала въ облаченіе „естественныхъ законовъ“, когда была молода и проникнута практическимъ идеализмомъ стремящагося впередъ, борющагося за господство и освобожденіе общественнаго класса. Буржуазныя общественныя отношенія она объявила „естественными“ и „разумными“, когда господство буржуазіи утвердилось и его надлежало лишь охранять, когда либеральная экономія изъ

прогрессивнаго умственнаго теченія превратилась въ теченіе консервативное. Но никогда англо-французская экономія не выдумывала „особаго рода закономѣрности матеріально-экономической, независимой отъ общихъ условій психологической... мотиваціи“. Наоборотъ, ея ошибка состояла въ томъ, что она слишкомъ часто сбивалась на некритическія, индивидуально-психологическія объясненія.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ этотъ вопросъ. Цитированныя мѣста вскрываютъ въ собственной философіи г. Соловьева странное противорѣчіе. Мы до сихъ поръ думали вмѣстѣ съ устарѣлымъ философомъ Кантомъ, что въ мірѣ познаваемыхъ явленій есть только одна необходимость, выражающаяся въ законѣ причинности, и что область нравственнаго, какъ должнаго, управляется понятіемъ свободы, которое къ міру познаваемыхъ явленій непримѣнимо, а потому непригодно также и для опытнаго, научнаго объясненія человѣческихъ дѣйствій. Но г. Соловьевъ „не отрицая закономѣрности человѣческихъ дѣйствій“, въ то же время спокойно говоритъ о „нравственной необходимости“. Не лучше ли было бы просто написать: свободная необходимость и тѣмъ прямо заявить о своей полной свободѣ отъ всякихъ стѣснительныхъ рамокъ науки и логики.

Мы, вопреки г. Соловьеву, придерживаемся старомоднаго Канта и говоримъ: необходимость одна, и эта единая необходимость, или причинность, есть форма познанія и пониманія природы, т. е. всего эмпирически-реальнаго міра явленій, включая сюда и человѣческія дѣйствія. Да проститъ намъ г. Соловье въ но когда мы читаемъ разсужденія, подобныя вышецитированнымъ, намъ всегда припоминаются слова Канта въ „Пролегоменахъ“: Wer einmal Kritik gekostet hat, den ekelt auf immer alles dogmatische Gewäsche“ („кто разъ отвѣдалъ критики, тому навсегда дѣлается противной всякая догматическая жвачка“).

Свобода отъ критики, а пожалуй и отъ логики отдаетъ г. Соловьева во власть словъ. Буржуазія и плутократія проникнуты „матеріализмомъ“; современный коллективизмъ опирается на ученіе такъ называемаго экономическаго матеріализма *). Стало быть

*) Г. Соловьевъ утверждаетъ, что экономическій матеріализмъ логически не совмѣстимъ ни съ какимъ нравственнымъ идеаломъ (стр. 546). Но это значитъ, что всякая научная теорія человѣческихъ дѣйствій логически несовмѣстима съ нравственнымъ идеаломъ, ибо именно формально, логически экономическій матеріализмъ не отличается ничѣмъ отъ любой иной научной теоріи.

коллективизмъ и плутократія совпадаютъ въ общемъ имъ матеріалистическомъ принципѣ. Г. Вл. Соловьевъ, очевидно, не понимаетъ или игнорируетъ различіе между матеріализмомъ, въ вульгарномъ смыслѣ практическаго направленія дѣятельности отдѣльной личности на себялюбивыя узко-матеріальныя цѣли, и матеріализмомъ, въ смыслѣ философскаго, или научнаго міросозерцанія. Слово, дѣйствительно, одно. А между тѣмъ, какое тождество, кромѣ словеснаго, между практическимъ матеріализмомъ Колупаева и теоретическимъ матеріализмомъ Эпикура? Возставая противъ матеріализма въ экономической области, г. Соловьевъ сражается съ знаменитой „посылкой эгоизма“ либеральной политической экономіи и думаетъ, что имѣетъ передъ собой экономическій матеріализмъ; матеріальныя условія, о которыхъ говоритъ экономическій матеріализмъ, онъ смѣшиваетъ съ матеріальными интересами, словомъ, на каждомъ шагу обнаруживаетъ теоретическую безпомощность, объясняемую, выразимся деликатно,—незнакомствомъ философа съ предметомъ его философствованія. Положеніе по истинѣ не философское.

Зависимость разсужденіи г. Соловьева отъ „наивнаго житейскаго словоупотребленія“ и банальность его построеній въ области философіи экономическихъ отношеній прямо поразительно выступаетъ, когда онъ говоритъ о правѣ собственности. Если есть въ этихъ разсужденіяхъ что-нибудь оригинальное, то это—или ошибки, или тотъ наивный тонъ, съ которымъ нашъ философъ повторяетъ чужія ошибки и чужія пошлости. Здѣсь г. Соловьевъ безапеляціонно возводитъ въ естественное право то, что ему нравится, впадая какъ разъ въ основной грѣхъ той политической экономіи, которую онъ раньше опровергалъ. Такъ на стр. 564 наслѣдственное право объявляется „необходимо вытекающимъ изъ самой природы человѣка“. Но что такое „природа человѣка“, нашъ философъ конечно не объясняетъ.

„Коллективизмъ признаетъ... злоупотребленіемъ всякую передачу заработаннаго имущества другому лицу по наслѣдству или по завѣщанію“ (564). Какой коллективизмъ? И неужели „всякую“? Очевидно, г. Соловьеву неизвѣстно то основное различіе, которое современный научный коллективизмъ проводитъ между частною собственностью на средства производства и частной собственностью на предметы потребленія, т. е., другими словами, г. Соловьевъ незнакомъ съ исходной точкой современнаго коллективизма, какъ соціально-политической проблемы. Онъ живетъ въ

представленіяхъ начала нынѣшняго столѣтія (см. „уравненіе имуществъ“ на стр. 558).

Отъ философскихъ и прочихъ промаховъ г. Соловьева перейдемъ къ общественному смыслу его этико-экономической метафизики.

На стр. 563 мы читаемъ:

„Видимой реальной связи между капиталомъ и человѣкомъ, его накопившимъ, конечно, еще менѣе, нежели между рабочимъ и той вещью, надъ которой онъ работалъ, но тѣсная и всецѣлая идеальная (какая профанація словъ! П. С.) связь здѣсь очевидна: капиталъ, какъ результатъ сбереженія, есть чистое произведеніе человѣческой воли, ибо только отъ нея зависѣло отложить часть заработка или же употребить эту долю на текущія потребности“.

Старый буржуазный знакомый, привѣтъ тебѣ! Г. Соловьевъ, вѣроятно, самъ того не вѣдая, одѣлъ въ пышныя идеалистическія слова плоскую буржуазную теорію, объясняющую происхожденіе капитала изъ сбереженія или воздержанія. Россійскій идеалистическій философъ-метафизикъ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что уже больше 30 лѣтъ тому назадъ онъ въ лицѣ совсѣмъ не философскаго буржуа Шульце-Делича былъ жестоко осмѣянъ и безжалостно заклейменъ тоже философомъ и тоже метафизикомъ-идеалистомъ, котораго мы, однако, какъ экономиста и соціальнаго философа, не промѣняемъ на г. Владиміра Соловьева. Воспитанный на Гегелевской метафизикѣ, этотъ философъ, Фердинандъ Лассаль, не въ примѣръ г. Соловьеву, говорилъ объ экономическихъ вопросахъ, вооруженный всѣмъ экономическимъ образованіемъ своего столѣтія, а не просто „отъ разума“, который мнитъ себя метафизическимъ, а на самомъ дѣлѣ, по безошибочнымъ примѣтамъ, объявляется наивно-буржуазнымъ.

А вотъ и другой образчикъ метафизической буржуазности, въ какихъ-то елейныхъ выраженіяхъ преподносимой читателямъ. „Наслѣдственная собственность есть пребывающая реализація нравственнаго взаимоотношенія въ самой тѣсной, но и зато въ самой коренной общественной сферѣ — семейной. Наслѣдственное достояніе есть, съ одной стороны, воплощеніе переживающей чрезмогильной жалости родителей къ дѣтямъ, съ другой стороны, реальная точка опоры для благочестивой памяти объ отшедшихъ родителяхъ“ (стр. 565—566).

Мы, экономическіе „матеріалисты“, полагаемъ, что для истинно „благочестивой памяти объ отшедшихъ родителяхъ“ совсѣмъ не нужна та реальная точка опоры, о которой говоритъ г. Соловьевъ.

Что за чудесное превращеніе: мы оказываемся идеалистами, а г. Соловьевъ матеріалистомъ,—правда, въ совсѣмъ нефилософскомъ смыслѣ слова. Не объясняетъ ли экономическій матеріализмъ и этого чуда, г. Соловьевъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что г. Соловьевъ не тронутъ экономической наукой, что онъ въ субъективномъ отношеніи вполнѣ оригиналенъ. Тѣмъ интереснѣе и поучительнѣе оказывается на нашъ взглядъ объективная неоригинальность русскаго философа. И его собственная этическая точка зрѣнія, и полемика его противъ матеріализма въ пониманіи экономическихъ отношеній давно уже имѣются въ экономической литературѣ. Мы позволимъ себѣ небольшую, имѣющую лишь характеръ иллюстраціи и потому отнюдь не претендующую на полноту, экскурсію въ исторію экономическихъ идей.

Этическая точка зрѣнія въ политической экономіи обыкновенно считается сравнительно новымъ изобрѣтеніемъ „независимой“ академической науки въ Германіи, такъ называемаго „катедерсоціализма“. Но по болѣе тщательномъ изслѣдованіи, эта точка зрѣнія оказывается довольно поношенной идеологической формой, которая терпѣливо выносила самое различное общественное содержаніе. Впервые въ совершенно готовомъ видѣ она появилась на свѣтъ съ феодально-реакціоннымъ содержаніемъ въ экономическихъ сочиненіяхъ Адама фонъ-Мюллера (1779—1829), сподвижника Гентца и Меттерниха. Затѣмъ, мюллеровскую фразеологію подхватилъ пророкъ всенѣмецкаго купечества Фридрихъ Листъ, наполнивъ ее діаметрально противоположнымъ, исторически враждебнымъ феодализму, буржуазнымъ содержаніемъ [1]).

Противъ Листа въ свое время выступилъ Брюггеманнъ, сладкій либералъ, въ сочиненіи котораго можно уже найти идеи нѣмецкой этической школы въ современной ихъ формулировкѣ. Ясно понимая утопичность Мюллеровской реставраціи феодализма, Брюггеманнъ отбросилъ ее, сохранивъ этическую точку зрѣнія и вложивъ въ эту пустую форму своеобразное буржуазное содержаніе. Онъ видѣлъ опасную сторону таможенной охраны, за которую распинался Листъ: развитіе пролетаріата. Въ Листѣ онъ справедливо усматривалъ представителя интересовъ крупныхъ фабрикантовъ; въ противность ему, онъ не желалъ форспрованнаго и

[1]) Его „Національная система политической экономіи“ (1841) переведена на русскій языкъ.

односторонняго экономическаго развитія въ крупно-капиталистическомъ направленіи. Онъ мечталъ о капитализмѣ и буржуазіи безъ пролетаріата или, по крайней мѣрѣ, о такой организаціи капиталистическаго хозяйства, въ которой господствуютъ миръ и тишина, „равновѣсіе сословныхъ интересовъ". Кстати. Въ исторіи идей встрѣчаются замѣчательныя р е а л ь н ы я аналогіи именно потому, что идеи имѣютъ свои глубокіе корни въ экономической дѣйствительности: у насъ Листа повторяетъ г. Менделѣевъ, Брюггеманна г. Слонимскій. Точь въ точь, какъ Листъ и Брюггеманнъ—въ нѣмецкой буржуазіи, гг. Менделѣевъ и Слонимскій являются выразителями двухъ враждебныхъ теченій въ буржуазіи русской. Итакъ, мы видимъ: въ одну и ту же идеологическую форму Мюллеромъ, Листомъ и Брюггеманомъ укладывалось различное жизненное содержаніе. Всѣ трое: и реакціонеръ, и оба враждебные другъ другу буржуа, одинаково усердно до г. Соловьева—полемизировали противъ англо-французской индивидуалистической и „матеріалистической" экономіи.

Этическая точка зрѣнія пускалась также неоднократно въ ходъ и для защиты интересовъ пролетаріата, въ особенности со стороны писателей лишь симпатизировавшихъ этому классу и считавшихъ себя стоящими внѣ классовыхъ противорѣчій или надъ ними. Напомнимъ о непослѣдовательной и не особенно глубокой, но вполнѣ искренней попыткѣ Фр. Альб. Ланге, автора „Исторіи матеріализма" и „Рабочаго вопроса" [1]).

Мы увѣрены, что г. Соловьевъ въ своей головѣ, а не въ экономической литературѣ нашелъ ту старую идеологическую форму, которая зовется этической точкой зрѣнія. Содержаніе же, которымъ онъ наполнилъ ее, взято не изъ головы философа, и не изъ экономической литературы, а изъ буржуазной дѣйствительности. На почвѣ этой дѣйствительности вырастаютъ р а з н ы я общественныя идеологіи, но на счетъ цвѣта идеологіи г. Соловьева сомнѣній быть не можетъ. Правда, г. Соловьевъ—противъ чрезмѣрнаго рабочаго времени, противъ плутократіи, спекуляціи и даже... фальсификаціи. Но, право, въ настоящее время не нужно никакой „нравственной философіи" для того, чтобы видѣть несостоятельность 18-ти часового рабочаго дня и прочихъ крайностей капитализма. Что же касается вылазокъ г. Соловьева противъ плутократіи и спекуляціи, то имъ могутъ умиляться

[1]) Обѣ эти книжки переведены на русскій языкъ.

только благонамѣренныя дѣти изряднаго возраста. Плутократія и спекуляція лишь поверхностныя проявленія другихъ, болѣе коренныхъ общественныхъ отношеній, и весьма характерно, что въ средѣ современной буржуазіи и въ особенности замлевладѣльческаго класса и его идеологовъ всегда находится извѣстная группа, которая считаетъ своей обязанностью вести войну противъ этихъ поверхностныхъ проявленій, приписывая имъ всѣ отрицательныя стороны современнаго хозяйственнаго строя. Но ни для кого изъ серьезныхъ изслѣдователей, безъ различія направленій, не тайна, что этотъ взглядъ и эта война—сознательное или безсознательное шарлатанство. Какъ индивидуально-психологическое явленіе оно либо просто результатъ того плачевнаго свойства, которое Кантъ деликатно называлъ „недостаткомъ силы сужденія", либо выраженіе безсильной злобы на неотвратимый ходъ экономическаго развитія, благодаря которому одни классы опускаются, а другіе поднимаются. Въ прошломъ году аграрное большинство германскаго рейхстага—во имя „нравственной точки зрѣнія" и на зло плутократіи—воспретило биржевыя сдѣлки на срокъ при продажѣ хлѣба. Это нелѣпое воспрещеніе, противъ котораго согласно высказались, и правительство, и вся лѣвая сторона парламента, не желавшія заниматься политическимъ шарлатанствомъ [1]), одна изъ характерныхъ „реализацій" политики, направленной на борьбу съ... плутократіей. Къ той же категоріи относятся несообразныя запретительныя мѣры противъ американскихъ синдикатовъ (трестовъ) [2]). Число примѣровъ можно было бы увеличить. Все это—мѣропріятія, продиктованныя какъ разъ тѣмъ пониманіемъ современнаго экономическаго строя, которое главное его зло видитъ въ... плутократіи. Это пониманіе съ соціально-психологической точки зрѣнія,—необходимый составной элементъ общественнаго міровоззрѣнія, во-первыхъ, мелкой и части средней буржуазіи, petit bourgeois, злобствующаго на силу крупнаго промышленнаго и денежнаго капитала, и во-вторыхъ, землевладѣльцевъ, страдающихъ отъ развитія международной хлѣбной конкуренціи и вознаграждающихъ себя за нее на

---

[1]) Правительство, впрочемъ, уступило аграрному большинству. Биржевыя сдѣлки на срокъ—самая совершенная форма современной торговли на міровомъ рынкѣ. Ихъ запрещеніе одинаково вредно и для производителей, и для потребителей.

[2]) См. о нихъ книгу проф. Янжула „Промысловые синдикаты". Спб. 1895 г.

счетъ другихъ классовъ общества. Весьма характерно и поучительно, что совершенно безсознательно г. Соловьевъ въ своей статьѣ далъ лишь „философскую конструкцію“ одной изъ ходячихъ буржуазныхъ точекъ зрѣнія и притомъ такой, которая и въ серьезной наукѣ, и въ серьезной политикѣ справедливо считается смѣсью наивности съ шарлатанствомъ. Экономическая философія г. Соловьева удивительно похожа на экономическую философію западно-европейскаго антисемитизма.

Мы врядъ ли ошибемся или преувеличимъ, если скажемъ, что намъ никогда не приходилось въ серьезной журналистикѣ какъ иностранной, такъ и русской, встрѣчать такое легкомысленное, поверхностное и бездушное обсужденіе основныхъ общественныхъ вопросовъ, какъ въ статьѣ г. Соловьева. Здѣсь нѣтъ ни философской глубины, ни экономическихъ знаній, ни искренней симпатіи къ живымъ людямъ, ведущимъ тяжелую борьбу за лучшее будущее и проявляющимъ поразительный практическій идеализмъ.

Авторъ самъ произнесъ жестокій судъ надъ своей экономической философіей, и внимательному читателю не трудно будетъ вычитать этотъ судъ. „Нравственная философія,—говоритъ г. Соловьевъ,—занимаясь организаціей человѣческихъ отношеній, въ настоящемъ случаѣ экономическихъ, имѣетъ въ виду не тѣ или другія частныя опредѣленія и формы, которыя будутъ затребованы самою жизнью...—нравственная философія имѣетъ въ виду только тѣ непремѣнныя, изъ самой идеи добра вытекающія условія, безъ исполненія которыхъ никакая организація не можетъ быть нравственной“ (стр. 554). На страницѣ 558 нашъ философъ начертываетъ свой идеалъ: „съ точки зрѣнія нравственной, трудъ есть взаимодѣйствіе людей въ области матеріальной, которое, въ согласіи съ нравственными требованіями, должно обезпечивать всѣмъ и каждому необходимыя средства къ достойному существованію и всестороннему совершенствованію, а въ окончательномъ своемъ назначеніи должно преобразовать и одухотворить матеріальную природу“. Одухотвореніе матеріальной природы, какъ относящееся къ сферѣ чудесъ, по ученію церкви и по указаніямъ научнаго опыта, недоступныхъ людямъ, мы оставляемъ внѣ нашей компетенціи и оцѣнки (замѣтимъ только, что сколь сомнительны авторскія права г. Соловьева на „естественное“ право, столь же несомнѣнны они въ отношеніи „сверхъестественнаго“ права матеріи на одухотвореніе человѣкомъ). Человѣческій же идеалъ г. Соловьева, отвлеченно взятый, недуренъ,

плохо только одно, что, какъ самъ авторъ основательно и категорически заявляетъ,—„отрицать во имя безусловнаго нравственнаго идеала необходимыя общественныя условія нравственнаго прогресса... означаетъ не серьезное отношеніе къ абсолютному идеалу, который безъ дѣйствительныхъ условій своего осуществленія, сводится для человѣка къ пустословію“ (стр. 565).

Это мѣткое замѣчаніе всей своей тяжестью обрушивается на собственную нравственно-экономическую философію г. Соловьева.

Современный коллективизмъ, о которомъ взялся онъ разсуждать, есть сложная и трудная проблема и въ то же время—великое всемірно-историческое движеніе. О такой проблемѣ и о такомъ движеніи стыдно пустословить, ихъ нужно изучать, о нихъ нужно упорно думать, прежде чѣмъ писать. Это одинаково обязательно и для защитниковъ, и для противниковъ. Не удивительно, что пренебрегши этимъ и разсуждая отъ „разума“, г. Соловьевъ осрамился. Но всякій выдающійся писатель своимъ литературнымъ легкомысліемъ не только подрываетъ собственную писательскую репутацію,—онъ несетъ большую отвѣтственность за то, что сбиваетъ съ толку многихъ „малыхъ сихъ“. Остается, впрочемъ, въ данномъ случаѣ одно немаловажное утѣшеніе: буржуазныя черты экономической философіи г. Соловьева настолько очевидны, что не могутъ не дѣйствовать отталкивающимъ образомъ на нравственно чуткихъ людей. Если бы г. Соловьевъ былъ болѣе свѣдущъ въ экономической литературѣ и менѣе искренъ, онъ, можетъ быть, прикрылъ бы естественную наготу своей экономической философіи. Этого, къ счастью для читателей, не случилось. На всякаго мудреца довольно простоты!

Щедринъ гдѣ-то, съ свойственной ему силой и откровенностью, сказалъ, что тамъ, гдѣ неустанно говорятъ о добродѣтели, непремѣнно совершаются величайшія пакости; тамъ, гдѣ походя проповѣдуется цѣломудріе, — навѣрно творится прелюбодѣяніе. Это тонкое психологическое замѣчаніе великаго сатирика оправдалось и на экономической философіи г. Соловьева. Она назойливо обличаетъ матеріализмъ и столь же назойливо превозноситъ идеализмъ и носится съ „нравственной точкой зрѣнія“, идеей добра и пр., но въ сущности преподноситъ читателю не идеализмъ, а мнимо-философскую апологію.... „реальныхъ точекъ опоръ“.

ПАМЯТИ ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА.

(1900).

„Національный вопросъ въ Россіи есть вопросъ не о существованіи, а о достойномъ существованіи“ [1]).

„Россія велика и разныхъ почвъ въ ней много: отъ иной почвы быть оторваннымъ дай Богъ всякому. И что значитъ противоположеніе историческаго мечтательному, когда дѣло идетъ о народѣ живомъ; не завершившемъ свою исторію, имѣющемъ будущность? Россія, освобожденная отъ крѣпостного права, была Россіей мечтательной сорокъ лѣтъ тому назадъ, и тогдашніе предшественники г-на Страхова, утверждаясь на исторической почвѣ, произведшей Салтычиху и Аракчеева, злобно брюзжали на всякую мысль о человѣческихъ правахъ крестьянства, какъ на мечту безпочвенныхъ умовъ, создающихъ „крылатыя теоріи“ въ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ и добрюзжали до 19-го февраля 1861 г.“ [2]).

Смерть Владиміра Соловьева должна отозваться глубокой скорбью въ сердцахъ тѣхъ, кому дороги судьбы русской общественной мысли и русскаго просвѣщенія. Умеръ крупный мыслитель и крупный писатель.

Владиміръ Соловьевъ былъ, несомнѣнно, первый по дарованіямъ и по оригинальности русскій философъ. Онъ выступилъ въ 70-хъ гг. противникомъ позитивизма и представителемъ идеалистической метафизики. Идеализмъ его имѣлъ основу не только метафизическую и религіозную (какъ цѣльное философское міровоззрѣніе, идеализмъ неизбѣжно метафизиченъ, а метафизика съ

---

[1]) Вл. Соловьевъ, „Національный вопросъ въ Россіи“, вып. I (Спб. 1891), предисловіе, стр. V.

[2]) То же, вып. II, стр. 226.

этической окраской всегда религіозна), но и теологическую. Живой и страстный носитель религіозныхъ убѣжденій, облеченныхъ, къ тому же, въ богословскій костюмъ, онъ представлялъ странное явленіе въ русскомъ обществѣ, которое,—правда, не по своей винѣ, а въ силу цѣлаго ряда историческихъ условій,—ни къ чему не относится такъ равнодушно, какъ къ религіи, и ничѣмъ не интересуется такъ мало, какъ богословіемъ.

Существуютъ два идеализма. Одинъ—критическій; онъ отправляется отъ теоріи познанія и, пройдя чрезъ нее, либо останавливается въ раздумьѣ и сомнѣніи предъ метафизикой и не стучится въ ея двери, либо, повинуясь непобѣдимой для многихъ и самыхъ глубокихъ умовъ „метафизической потребности", преступаетъ грани опыта. Другой идеализмъ обходится безъ теоріи и критики познанія, и прямо вступаетъ въ міръ сверхопытнаго. Идеализмъ перваго типа связанъ съ именами Беркли, Канта, Шопенгауера, Лотце; идеализмъ второго типа—съ именами Фихте. Шеллинга, Гегеля. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вл. Соловьевъ получилъ крещеніе отъ Шеллинга и Гегеля. Ихъ, а не Кантовъ духъ почилъ на немъ.

Мы сказали, что Соловьевъ былъ первымъ въ ряду русскихъ философовъ. Для состоянія русской философіи достаточно характерно, что мы можемъ смѣло признать Соловьева таковымъ по сравненію не только съ современниками, но и съ предшественниками. Но въ то же время эта характеристика не говоритъ ничего объ абсолютномъ значеніи покойнаго писателя. Скажемъ прямо и безъ обиняковъ, что—на нашъ взглядъ—онъ не былъ вовсе великимъ философомъ и что не философскія сочиненія и труды сами по себѣ должны составить его истинную славу. Для того, чтобы оставить очень крупный слѣдъ въ философіи, надо быть или великимъ поэтомъ въ метафизикѣ, поэтомъ понятій, по извѣстному выраженію Ланге, или обладать острымъ критическимъ умомъ, расчленяющимъ духовную дѣятельность человѣка, анатомирующимъ понятія и раскрывающимъ ихъ смыслъ, значеніе и содержаніе. Ни того, ни другого не было дано Соловьеву. Онъ не обладалъ зиждущей силой Платона, Гегеля, Шопенгауера и вообще не былъ въ достаточной мѣрѣ творецъ, чтобы возвести великое и стройное метафизическое зданіе, эстетически законченное и обаятельное; онъ не былъ одаренъ критической остротой Беркли, Юма, Канта, Лотце, и вообще, по всему своему духовному складу, былъ недостаточно критическій умъ,

чтобы внести что-нибудь абсолютно новое и цѣнное въ научныя дисциплины философіи.

Но его идеалистическая философія совершила не прямо, а косвенно очень крупное дѣло, гораздо болѣе значительное, чѣмъ тѣ труды, которые доставили ему первенство среди русскихъ философовъ,—дѣло, ставящее его въ рядъ самыхъ первоклассныхъ русскихъ писателей. Въ лицѣ Соловьева философскій идеализмъ, съ не превзойденной ни раньше, ни позже силой, возсталъ противъ грубаго политическаго матеріализма, рядившагося въ идеалистическія слова, сорвалъ съ него личину и обличилъ его ложь. Мы говоримъ о тѣхъ философски-публицистическихъ статьяхъ Соловьева, которыя составили двухтомный сборникъ „Національный вопросъ въ Россіи“ (Спб. 1891). Въ этихъ статьяхъ авторъ далъ поразительную критику стараго и новаго славянофильства и несравненное изображеніе его разложенія, его паденія до уровня „національнаго и политическаго кулачества“ (подлинное выраженіе Соловьева). „Поклоненіе своему народу, какъ преимущественному носителю вселенской правды; затѣмъ, поклоненіе ему, какъ стихійной силѣ, независимо отъ вселенской правды; наконецъ, поклоненіе тѣмъ національнымъ односторонностямъ и историческимъ аномаліямъ, которыя отдѣляютъ нашъ народъ отъ образованнаго человѣчества, т. е. поклоненіе своему народу съ прямымъ отрицаніемъ самой идеи вселенской правды—вотъ три постепенныя фазы нашего національнизма, послѣдовательно представляемыя славянофилами, Катковымъ и новѣйшими обскурантами“ [1]). Противъ первой фазы—славянофильства—Соловьевъ выдвинулъ уничтожающія фактическія возраженія, второй и третьей фазѣ—Каткову и его преемникамъ—онъ противопоставилъ весь запасъ своего идеализма, своей вѣры въ объективныя и незыблемыя основы нравственнаго и общественнаго бытія, свой христіанскій идеалъ, съ точки зрѣнія котораго культъ силы и факта есть чистое идолопоклонство. Если Владиміръ Соловьевъ могъ написать:

„реакція противъ христіанской истины и противъ человѣческой культуры можетъ еще торжествовать въ общественной жизни, въ области тѣхъ или другихъ практическихъ вопросовъ. Но въ области мысли и сознанія—ея пѣсня спѣта. Здѣсь она исчерпала все свое содержаніе, сказала свое послѣднее слово и полной ясностью своей лжи утвердила истину“ [2]),

[1]) „Національ. вопр.“, вып. 2-й, стр. 97.

[2]) „Національ. вопр.“, вып. 2-й, стр. 121.

— то заслуга смѣлаго и яснаго указанія этого знаменательнаго самораскрытія лжи и самоутвержденія истины принадлежитъ всего больше Владиміру Соловьеву. Этой заслугой онъ стяжалъ себѣ мѣсто среди классиковъ русской публицистики. И нужно признать, что только такой философъ-идеалистъ, какъ Соловьевъ, могъ обличить идейную ложь „національнаго кулачества", рядившагося въ одѣяніе христіанства и идеализма. Только такой мыслитель могъ съ полнымъ правомъ отъ своего имени привлечь „идолопоклонство" къ суду идеализма и поставить его на очную ставку съ христіанскими началами.

Принадлежащая Соловьеву философская критика стараго и новаго славянофильства, это—цѣлый огромный слитокъ чистаго публицистическаго золота, который наши газетчики обязаны были бы вычеканить въ монету и пустить въ самый широкій оборотъ, если бы они—увы!—не предпочитали золоту самой малоцѣнной, но зато прибыльной лигатуры. И стыдно сказать: второй выпускъ „Національнаго вопроса", въ которомъ собраны самыя лучшія и самыя блестящія произведенія пера Соловьева, до сихъ поръ не дошелъ до 2-го изданія. Значитъ, это единственное въ своемъ родѣ въ русской литературѣ наставленіе къ истинному патріотизму и національному самоуваженію, написанное съ глубокимъ одушевленіемъ, энергичнымъ, благороднымъ и красивымъ языкомъ, доставляющимъ непосредственное эстетическое наслажденіе,—болѣе чѣмъ недостаточно извѣстно русской читающей публикѣ. Чѣмъ объяснить этотъ печальный фактъ,—мы не знаемъ.

Новѣйшая журнальная дѣятельность Соловьева, особенно ярко выразившаяся въ эффектныхъ разговорахъ „о прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи" (въ „Недѣлѣ" и затѣмъ отдѣльной книжкой, Спб. 1900), не имѣетъ и тѣни того крупнаго общественнаго значенія, которымъ отмѣчена его публицистическая работа второй половины 80-хъ и начала 90-хъ гг. Въ послѣдніе годы вообще въ Соловьевѣ, очевидно, происходила крупная перемѣна: перестраивались прежніе замыслы и отодвигались на задній планъ прежнія задачи [1]). Онъ вновь усиленно обратился къ чисто философской работѣ. Быть можетъ, Соловьевъ былъ правъ въ этомъ; быть можетъ, въ качествѣ публициста, онъ уже сказалъ все, что могъ сказать, и исчерпалъ себя, тогда какъ философская работа его оставалась

[1]) См. его признанія въ предисловіи къ первому тому перевода „Твореній" Платона (Москва. 1899, стр. V).

недовершенной и онъ въ этой области не получилъ еще субъективнаго удовлетворенія и не пріобрѣлъ еще сознанія объективной законченности своего труда; быть можетъ, наконецъ такъ обстояло дѣло, по крайней мѣрѣ, пока, и Соловьевъ въ новыхъ философскихъ трудахъ искалъ и, въ концѣ концовъ обрѣлъ бы новый свѣтъ, новыя возбужденія для публицистической работы. Кто знаетъ? Все это возможно, но все это не устраняетъ того, что самымъ крупнымъ дѣломъ Соловьева была не его философская работа, блѣднѣющая и даже исчезающая передъ болѣе богатыми, яркими и глубокими умозрѣніями европейскихъ мыслителей, а его несравненная публицистика, послѣднее слово философскаго идеализма въ историческомъ спорѣ славянофиловъ и западниковъ. Это дѣло ставитъ имя Соловьева рядомъ съ именами классиковъ обоихъ классическихъ направленій русской общественной мысли. Съ внѣшней стороны его мѣсто въ этомъ славномъ сонмѣ характеризуется тѣмъ, что онъ изъ лагеря славянофиловъ перешелъ въ лагерь западниковъ. Съ внутренней же стороны его мѣсто въ историческомъ спорѣ двухъ направленій опредѣляется тѣмъ, что онъ первый изъ западниковъ противъ націонализма выступилъ открыто съ исповѣданіемъ христіанства и широкаго, чисто платоновскаго идеализма. Въ этомъ состояло то новое, что онъ внесъ въ споръ, и та сила, которую онъ въ этомъ спорѣ обнаружилъ.

Итакъ, публицистика Соловьева во всѣхъ отношеніяхъ значительнѣе его философіи, но мы должны быть одинаково благодарны какъ публицисту, такъ и философу, ибо только оба вмѣстѣ могли совершить и совершили то крупное дѣло, о которомъ мы говорили выше.

РОМАНТИКА ПРОТИВЪ КАЗЕНЩИНЫ.

(В. В. Розановъ. „Сумерки просвѣщенія“. Спб. 1899).

(1899).

Имя г. Розанова является, навѣрное, для большинства читателей синонимомъ обскурантизма и изувѣрства. Спору нѣтъ: въ умственномъ творчествѣ г. Розанова есть явственная доля изувѣрства. Но, съ другой стороны, среди современныхъ русскихъ писателей врядъ ли кто другой нанесъ практическому обскурантизму и изувѣрству столь тяжелыя литературныя раны, какъ г. Розановъ. Публицисты, такъ называемые прогрессивные, и публицисты реакціонные по основнымъ вопросамъ такъ разномыслятъ, что не могутъ съ успѣхомъ ослаблять другъ друга аргументами и даже словами. Ихъ полемика не можетъ не быть противопоставленіемъ двухъ по существу и въ корнѣ, toto coelo, враждебныхъ точекъ зрѣнія. Г-нъ Розановъ находится въ иномъ положеніи. Онъ въ „ихъ“ собственномъ лагерѣ поднялъ знамя возстанія; онъ грозитъ изнутри взорвать цитадель реакціоннаго міровоззрѣнія; онъ врагъ не внѣшній, а внутренній и потому онъ страшенъ, гораздо страшнѣе гг. Арсеньева, Михайловскаго и даже Владиміра Соловьева. Да не подумаетъ читатель, что г. Розановъ обратился въ либерала или даже радикала. Ничуть не бывало. Г. Розановъ остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Дѣло только въ томъ, что онъ — sit venia verbo — діалектически развилъ въ своемъ собственномъ духовномъ содержаніи внутреннія противорѣчія, присущія консерватизму, какъ культурному міросозерцанію.

Г. Розановъ былъ призванъ показать глубокую рознь исторически и психологически неразрывно скованныхъ другъ съ другомъ зиждущихъ началъ консерватизма.

И роковое ихъ сліяніе
И поединокъ роковой.

Не онъ, впрочемъ, первый несетъ въ себѣ и выноситъ наружу это зіяющее противорѣчіе.

Исторія славянофильства, къ которому г. Розановъ въ сущности примыкаетъ, есть та же идеологическая драма, но только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Сперва это гонимая или еле терпимая казенщиной романтика, съ широкимъ размахомъ мысли. Таково славянофильство въ эпоху расцвѣта. Затѣмъ, въ эпоху декаданса эта романтика была обращена на казенныя надобности и живъ духъ ея вынутъ. Но поскольку славянофильство духовно живо до сихъ поръ, оно остается бьющеюся въ казенныхъ цѣпяхъ романтикой, протестующей или, по крайней мѣрѣ, фрондирующей. Даже г. Шараповъ (да простятъ мнѣ крупныя тѣни старыхъ славянофиловъ кощунственное сопоставленіе ихъ съ г. Шараповымъ!), даже г. Шараповъ и тотъ вопіетъ противъ казенщины.

Консерватизмъ можетъ быть или цѣлостнымъ культурнымъ міросозерцаніемъ, какъ у славянофиловъ, или узкимъ направленіемъ практической политики, какъ у Каткова. Въ первомъ случаѣ консерватизмъ непремѣнно заключаетъ въ себѣ элементы романтики. Общественной романтикой мы называемъ именно стремленіе къ такому цѣлостному общественному строю, который въ жизни или вытѣсняется или уже совершенно вытѣсненъ. Романтика всегда поклоняется мертвому или полуживому, но въ то же время цѣлостному и идеально одухотворенному. Мнѣ могутъ сказать, что подъ это опредѣленіе романтики подойдетъ и прямая ея культурная противоположность: ренессансъ классической древности. Но ренессансъ только внѣшнимъ образомъ, по формѣ, былъ воскрешеніемъ мертвыхъ и возрожденіемъ; внутренне, по своему культурно-общественному содержанію, онъ былъ не возрожденіемъ, а рожденіемъ новаго европейскаго человѣка, совершенно непохожаго ни на средневѣкового, ни на античнаго. Романтическая маска воскрешенія мертвыхъ прикрывала критическій процессъ мучительныхъ родовъ новаго человѣческаго существа. Исторически „ренессансъ“ смотрѣлъ впередъ, а не назадъ; романтика же всегда смотритъ назадъ. Историческій „ренессансъ“ [1]) рождалъ и родилъ, романтика возрождала и ожи-

[1]) Въ этомъ смыслѣ въ исторіи былъ только одинъ ренессансъ.

вляла, но ничего не возродила и никого не оживила. Конечно, и въ романтикѣ были и есть элементы живучіе, но эти элементы принадлежатъ не романтикѣ, какъ таковой, это—атрибуты той „человѣческой природы", отрицаніе которой нынѣ вошло въ моду.

Какъ бы то ни было, консервативная романтика, создавая или возсоздавая цѣлостный культурно-общественный идеалъ, требуетъ его цѣлостнаго воплощенія въ жизни. Консервативная казенщина охраняетъ данную конкретную и—въ своей конкретности, наличности и несомнѣнности—грубую дѣйствительность соотвѣтственными параграфами, а также не выраженными ни въ какихъ параграфахъ „мѣропріятіями". Романтика идеалистична и даже болѣе того—мистична; казенщина отличается изсушающимъ реализмомъ практичности. У нея нѣтъ цѣлостнаго идеала; она всегда направлена на частности и съ ними превосходно, въ предѣлахъ „заданія", справляется. Если бы жизнь всегда укладывалась въ частности и всегда была бы такъ же трезва и практична, какъ казенщина, то безконечное торжество послѣдней надъ жизнью было бы обезпечено. Вспомнимъ теперь о томъ несомнѣнномъ фактѣ, что даже самый романтичный консерватизмъ, переходя изъ теоріи въ практику, пользуется, по общему правилу, для своего воплощенія чисто „казенными", т. е. совершенно внѣшними, до грубости внѣшними средствами, и мы поймемъ ту внутреннюю драму консервативнаго міросозерцанія, которая такъ ярко разыгрывается и въ умственномъ творчествѣ г. Розанова.

Если не ошибаемся, драма уже сыграна. Романтика побѣдила, и г. Розановъ такимъ образомъ практически пересталъ быть консерваторомъ.

Въ его лицѣ наше современное консервативное направленіе потеряло (и навсегда, думается мнѣ) самую крупную философскую голову и самый замѣчательный литературный талантъ. И во всемъ этомъ виноватъ романтизмъ, возвышающійся у г. Розанова до глубочайшаго мистицизма. Въ самомъ дѣлѣ: если консервативный идеалъ имѣетъ романтико-мистическое содержаніе и мистическую санкцію, то его нельзя поддерживать казенщиной, которая всегда проникнута раціонализмомъ и практичностью. Наоборотъ, казенщина однимъ своимъ прикосновеніемъ убиваетъ мистическій идеалъ. Она опаснѣе для этого идеала, чѣмъ открытая и самая

враждебная критика, потому что нападаетъ незамѣтно „аки тать въ нощи“, и умерщвляетъ изнутри, прикидываясь дружественной силой.

Самымъ яркимъ теоретическимъ выразителемъ чистой казенщины, отрѣшенной отъ всякой романтики и мистики былъ Катковъ 80-хъ годовъ. Его либеральное прошлое, отъ котораго онъ не разомъ отвратился, а постепенно удалялся, было хорошей ф о р м а л ь н о й школой для его послѣдующаго казеннаго раціонализма.

Но чѣмъ могъ казенный раціонализмъ привязать къ себѣ консервативную романтику съ ея страстнымъ мистицизмомъ? Вотъ цѣлая историческая проблема. Почему романтикъ Розановъ пошелъ за практичными катковцами, или, наоборотъ, почему мистикъ Достоевскій, продолжателемъ котораго былъ г. Розановъ, сдѣлался кумиромъ и оракуломъ этихъ столь раціональныхъ и трезвенныхъ людей? Откуда,—я ставлю вопросъ вновь въ его общей формѣ,—этотъ логически и идеологически противоестественный союзъ мистической романтики съ раціональной казенщиной? Я не буду разсматривать этого вопроса, какъ соціологическую проблему, не буду вскрывать реальныхъ общественныхъ корней этого любопытнаго идеологическаго альянса. Укажу только въ немногихъ словахъ, что консервативная романтика, являясь идеологическимъ отраженіемъ опредѣленныхъ общественныхъ интересовъ, необходимо должна звать на помощь казенщину и льнуть къ ней и, съ другой стороны, столь же необходимо, какъ соціальный утопизмъ, приходить съ ней въ столкновеніе и отъ нея отталкиваться. Съ другой стороны, казенщина нуждается въ поддержкѣ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя рождаютъ романтику, какъ общественную идеологію; но, нуждаясь въ романтикѣ, она не можетъ всецѣло отдаться ей. Укажу любопытный частный примѣръ важной государственной реформы, явившейся на свѣтъ Божій, какъ отвѣтъ на романтическое „алканіе“ (съ этимъ понятіемъ и словомъ мы еще встрѣтимся у г. Розанова) опредѣленной общественной группы, но отвѣтъ совершенно казенный и потому идеальнымъ моментамъ романтики совершенно не удовлетворяющій. Я имѣю въ виду институтъ земскихъ начальниковъ, характерный своимъ сочетаніемъ бюрократическаго типа съ классовымъ содержаніемъ. Здѣсь меня занимаетъ, впрочемъ, не соціологическое, а психологическое отношеніе между казенщиной и романтикой въ новѣйшей исторіи русской общественной мысли. Союзъ этихъ двухъ

психологически враждебныхъ и соціально связанныхъ духовныхъ укладовъ опредѣлялся тѣмъ, что, помимо соціальныхъ причинъ, на которыя мы только что намекнули, у нихъ былъ общій врагъ: раціоналистическая критика. Подъ этимъ названіемъ мы объединяемъ всѣ прогрессивныя направленія, враждебныя какъ казенщинѣ, такъ и мистикѣ. Безраздѣльное господство этой раціоналистической критики надъ общественной мыслью вызвало въ 80-хъ гг. сильную казенно-романтическую реакцію. Но уже скоро въ этомъ лагерѣ сталъ обозначаться психологически неизбѣжный процессъ разложенія. Самымъ крупнымъ фактомъ въ немъ было отпаденіе г. Владиміра Соловьева, примкнувшаго, несмотря на свой мистицизмъ, къ либеральному „Вѣстнику Европы“ [1]).

Гораздо позже откалывается, никуда не примыкая, г. Розановъ. Я думаю, что онъ и не можетъ никуда примкнуть, что онъ навсегда останется „дикимъ“. Онъ слишкомъ мистикъ, слишкомъ цѣлостенъ и потому слишкомъ индивидуаленъ, чтобы принять какую-нибудь программу, сковать себя какими-нибудь частностями, тѣмъ паче казенными. Во всякомъ случаѣ г. Розановъ отказался отъ казенщины: душа не вынесла.

Со свойственной ему чисто-юродивой силой онъ высказалъ это въ статьѣ „Катковъ какъ государственный человѣкъ“ („Биржевыя Вѣдомости“ № 283, отъ 17 октября 1897 г.), написанной по поводу изданнаго г. Грингмутомъ сборника: „Памяти М. Н. Каткова“. Въ этой статьѣ г. Розановъ, вслѣдъ за г. Грингмутомъ, характеризуетъ политическія программы западниковъ и славянофиловъ и противопоставляетъ имъ программу Каткова. „Общее у нихъ (западниковъ и славянофиловъ)—говоритъ г. Розановъ—алканіе; и вотъ общее же у Каткова, неизмѣнное на протяженіи всей его дѣятельности—сытость; сытость души эмпирическимъ содержаніемъ дѣйствительности. „Въ этомъ заключается великая государственная заслуга Каткова“, — говоритъ г. Грингмутъ. О, нѣтъ, отвѣтимъ мы: въ этомъ его малость; въ этомъ, и только въ этомъ лежитъ губительная для его памяти сторона его дѣятельности, тутъ—червь, точащій его пирамиду,

---

[1]) Психологически это меня не удивляетъ: мистицизмъ г. Соловьева, хотя иногда и выкидываетъ странныя колѣна, въ общемъ все-таки блѣдный и скучный схоластическій мистицизмъ, всего болѣе способный вступить въ комбинацію съ умѣреннымъ либерализмомъ. Совсѣмъ иное яркій, но крайне капризный и вообще крайній мистицизмъ г. Розанова.

и, наконецъ, мы рѣшаемся даже это сказать: тутъ, въ этомъ практицизмѣ его лежитъ именно мечтательность его ума, неопытность сердца, незнаніе дѣйствительности. Тутъ онъ иллюзіонистъ, создатель самыхъ короткихъ и близко гибнущихъ видѣній... „Катковъ“ и его „десятилѣтняя“ память. Катковъ „какъ великій государственный человѣкъ“. Нѣтъ — малый. Почему? Онъ—среди идущихъ и не тѣхъ, которые ведутъ. Его сущность, какъ она правдиво формулирована г. Грингмутомъ, и заключается не только въ отсутствіи, но до извѣстной степени въ коренномъ отрицаніи,—въ отрицаніи на вѣки, въ отрицаніи для всего народа этихъ „зовущихъ голосовъ“, этихъ таинственныхъ „зововъ“, на которые оборачивая во всѣ стороны голову, мы не понимаемъ, откуда они несутся, но почему-то, всѣ дѣла бросая, спѣшимъ ихъ выполнить. Какъ это прекрасно выразилъ нашъ поэтъ, очевидно въ себѣ эту глубокую тайну почувствовавъ:

Изъ свѣта и пламя
Рожденное слово...
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ то слово
Узнаю повсюду...
Не кончивъ молитвы,
На зовъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

„Мы назвали Каткова, — продолжаетъ г. Розановъ — „мечтателемъ“: это потому, что имъ не принята въ разсчетъ коренная дѣйствительность исторіи, самый главный ея нервъ, хотя въ то же время и наиболѣе тонкій, менѣе всего грубо нащупываемый; и потому же еще мы назвали его „неопытнымъ сердцемъ“: онъ не зналъ человѣческаго сердца въ древнѣйшихъ, исконнѣйшихъ его основаніяхъ,—тѣхъ основаніяхъ, которыя бросили военную Францію—за 17-лѣтнею дѣвушкою, кинули Карно и даже позднѣе Бонапарта распространять „исповѣданіе савойскаго викарія“, и, наконецъ, циничную и растлѣнную, какова она была при Борджіяхъ, римскую церковь повлекли вслѣдъ страннаго паладина, еще менѣе разсудительнаго, чѣмъ герой Ла-Манча. Все это, вся эта громада психики и реальнѣйшей дѣйствительности осталась непонятною Каткову. Конечно, подобныхъ движеній мы у себя не знали; все было у насъ меньше, блѣднѣе; суженность русской исторіи, сравнительно съ европейскою, заключается въ томъ, что

„ветхій деньми“ туманъ „юродства“ и истинной „хромоты духа“ чуть-чуть брежжилъ у насъ въ почти политическихъ, т. е. узкихъ и сухихъ, слишкомъ „умныхъ“ для настоящей значительности, партіяхъ славянофиловъ и западниковъ. Но и это ему не понравилось: даже блѣдную зарю „взыскуемаго града“,—какъ еще говоритъ и, говоря, конечно, освящаетъ апостолъ—онъ хотѣлъ бы согнать съ сѣренькаго неба нашей исторіи. Онѣ еще „нщутъ“ эти партіи, онѣ „алчутъ“,—когда онъ такъ „сытъ“. Въ самомъ дѣлѣ какая бѣда и „мука“ для уравновѣшенности отъ этого. И вотъ „великій государственный человѣкъ“ съ помощью меньшаго, но все же еще очень большого, тоже „государственнаго человѣка“, взявъ въ руки „государственную клюку“, хотѣлъ бы вымести всю эту „мистику“, или, какъ говоритъ Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ своей женѣ—„Кликушѣ“: „я изъ тебя эту мистику-то выбью“, не подозрѣвая, онъ и они оба, что „малѣйшій въ царствѣ семъ“ непреоборимо сильнѣе ихъ“...

Лучшій (и теперь едва ли не единственный) философъ русскаго консерватизма г. Розановъ, становящійся на сторону романтическаго (славянофильскаго) и критическаго (западническаго) алканія противъ казенной сытости (Катковъ), изображаетъ собою историческую Немезиду послѣдней. Онъ „омахровилъ“, облаговонилъ цвѣтокъ (т. е. консервативный идеалъ), „бережно отстранивъ изъ него все грубое“, а Катковъ и катковцы постоянно напоминаютъ о томъ, что за этимъ идеаломъ стоитъ „грубый эмпирическій фактъ, слишкомъ колючій, иногда и некрасивый“. Этотъ эмпирическій фактъ „насильственъ безъ всякой мысли, безъ всякой правды, во имя коей насиліе“. „Насиліе же я всегда признавалъ и это высказывалъ, это не усталъ высказывать... Вѣдь насиліемъ, деспотизмомъ дышутъ многіе писатели, изъ нихъ назову Стефана Яворскаго, Руссо, Байрона, Кальвина; да насильственъ былъ и Лютеръ, даже нашъ Петръ... Но что же могло оправдать это насиліе? Да аналогичное тому, что всегда его оправдывало, ради чего люди всегда насиліе надъ собой прощали: высшая правда. Но высшая правда есть именно логика ума и чистыя алканія сердца“. Такъ говорилъ г. Розановъ въ томъ письмѣ въ редакцію „Сѣвернаго Вѣстника“, въ которомъ онъ раскрылъ свое авторство замѣтки въ „Русскомъ Трудѣ“, направленной противъ знаменитаго грингмутовскаго предложенія вторичной присяги.

Тутъ ясно вскрыта рознь между консервативной романтикой

и консервативной казенщиной. Мистическое „насиліе“ г. Розанова не только не тождественно съ тѣми скорпіонами, за которыхъ стоятъ катковцы, оно даже оскорбляется ими, какъ поруганіемъ „высшей правды“, ей же должно служить всякое насиліе. Мнѣ кажется, что г. Розановъ—съ своей мистической точки зрѣнія—неправъ, отстаивая и такое, подчиненное высшей правдѣ, насиліе; мнѣ кажется, что теперь онъ даже отказался отъ этой позиціи. Это и логично: передъ мистическимъ идеаломъ, который есть, по существу своему, идеалъ нездѣшній или, во всякомъ случаѣ, идеалъ невнѣшній, всѣ политическія формы равноцѣнны или одинаково малоцѣнны. Съ точки зрѣнія этого идеала, даже грандіозное насиліе Петра ненужно. Болѣе того: оно вредно, поскольку всякое насиліе понижаетъ личность, такъ какъ именно съ той религіозной или мистической точки зрѣнія, на которой стоитъ г. Розановъ, „личность всякая, которая жива, абсолютна, какъ образъ Божій и неприкосновенна“ („Легенда о великомъ инквизиторѣ“ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія В. Розанова. Спб. 1894. Стр. 44). Это либерализмъ и даже, точнѣе, индивидуализмъ, возведенный на степень мистицизма и религіи, и авторъ этихъ строкъ рано или поздно долженъ былъ уйти изъ сонма „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ проповѣдуется оголенное отъ всякихъ идеальныхъ моментовъ, но зато крайне практичное принужденіе, принужденіе себѣ довлѣющее, „самоцѣльное“.

Отпаденіе консервативной романтики отъ консервативной казенщины обусловливается еще вотъ чѣмъ. Союзъ ихъ возникъ въ эпоху борьбы, самозащиты противъ „воинствующей церкви“ критическаго раціонализма, по всей линіи бывшей въ наступленіи. Казенщина, для того чтобы окружить себя извѣстнымъ ореоломъ, нуждалась въ романтикѣ; романтика могла искренно увлекаться казенщиной, которой угрожала опасность. Но затѣмъ общій противникъ былъ поверженъ во прахъ, и реакція восторжествовала по всей линіи, даже въ умахъ такъ называемаго „общества“. Началось осуществленіе программы, въ которомъ сказалось поразительное идеальное безплодіе казенщины. Исчерпавъ себя до конца, опустошивъ и безъ того пустую и скудную жизнь, она, правду сказать, ничего не дала романтическому „алканію“, ибо алкать вообще по штату не полагается. Обиженная казенщина возбуждала симпатіи романтики, сытая (Катковъ) и даже пресыщенная (а потому отвратительная—современныя „Мос-

ковскія Вѣдомости") ее раздражаетъ, возмущаетъ и отталкиваетъ. Это психологически естественно, это соціологически необходимо, потому что романтика ставитъ утопическія цѣли, которыхъ казенщина не можетъ и не хочетъ осуществлять,—вотъ почему моментъ борьбы съ общимъ врагомъ, явно опаснымъ, могъ и долженъ былъ ихъ объединять; моментъ торжества надъ обезвреженнымъ врагомъ можетъ и долженъ ихъ разъединять.

Романтика г. Розанова, какъ мы сказали выше, примыкаетъ къ славянофильству, въ той мистической окраскѣ, которую придалъ ему Достоевскій. Отъ славянофиловъ г. Розановъ отличается большей напряженностью мистическаго чувства; отъ Достоевскаго его отдѣляетъ широкая и глубокая философская культура ума, меньшая жестокость, болѣе живое уваженіе къ человѣческой личности. Однако, несмотря на безспорную философскую культуру, г. Розановъ поражаетъ своей удивительной наивностью, и именно потому поражаетъ, что онъ въ то же время глубокій мистикъ.

Сборникъ статей, заглавіе котораго нами выписано выше, открывается остроумной, до краевъ полной мыслей, статьей „Сумерки Просвѣщенія".

Въ ней авторъ разбираетъ современное эклектическое образованіе, символизируемое имъ въ образѣ созданія гомункулуса искусственнымъ путемъ.

„... Послѣ сорокадневнаго броженія въ закрытой колбѣ, вещество оживляется и двигается, что легко видѣть. Оно принимаетъ форму, отчасти подобную человѣческой, но совершенно прозрачную и еще безъ corpus. Послѣ того его нужно кормить arcano sanguinis humani въ продолженіе сорока недѣль и держать постоянно при одинаковой теплотѣ ventris equini; тогда выйдетъ совершенно живое человѣческое дитя, со всѣми членами, какіе бываютъ у всякаго другого дитяти, рожденнаго женщиною, но только гораздо меньшей величины; такое дитя мы назовемъ Homunculum.

„Эти слова Парацельса объ искусственномъ, помимо природы, способѣ образованія человѣка, невольно припоминаются при взглядѣ на ту картину, какую представляетъ Европа въ своихъ попыткахъ образовать, уединяясь отъ исторіи, человѣческую душу черезъ соединеніе въ ней путемъ воспитанія различныхъ и одинаково цѣнныхъ качествъ. Задача знаменитаго алхимика, по своему смыслу и основаніямъ, была лишь слабымъ прообразомъ той задачи, которая съ неменьшимъ упорствомъ и гораздо большею увѣренностью въ успѣхѣ осуществляется повсюду, во всѣхъ странахъ, въ нашъ вѣкъ: выработать въ искусственныхъ условіяхъ, лишь подражающихъ природѣ, живой организмъ, вырабатываемый только черезъ ея таинственные процессы". („Сумерки Просвѣщенія", стр. 1).

Въ образованіи, осуществляемомъ современнымъ государствомъ на подобіе созданія гомункулуса, г. Розановъ видитъ воплощеніе мечты Руссо—Эмиля.

„Есть два пути воспитанія,—говоритъ г. Розановъ въ развитіе этой мысли,—естественный и искусственный. Первый путь состоялъ почти исключительно изъ непосредственныхъ созерцаній, и подъ вліяніемъ ихъ въ духѣ и смыслѣ каждаго вѣка возрастало каждое поколѣніе. Въ древней Греціи предметомъ этого воспитывающаго созерцанія служили памятники искусства, картина всей широко развитой общественной жизни, религіозныя процессіи, мистеріи и болѣе всего прекрасныя учрежденія полу-городского. полу-государственнаго характера. Какъ орудіе, и очень могущественное, такого воспитанія, уже все это понималось людьми того времени: объ этомъ читаемъ мы у Ѳукидида, объ этомъ же говорилъ Демосѳенъ. Въ болѣе узкомъ, но въ подобномъ же духѣ, было воспитаніе въ Римѣ.

„Въ средніе вѣка измѣнился до противоположности и духъ, и смыслъ воспитанія, но его орудія остались тѣ же.

„Съ прежними богами ушелъ въ землю и прежній человѣкъ... Неузнаваемо перемѣнился человѣкъ, но одно сохранилось въ немъ—красота его, ставъ вмѣсто внѣшней, болѣе внутреннею. Рыцарь, какъ и Мараѳонскій воинъ, какъ и сенаторъ въ годину Каннъ, были, каждый по своему, прекрасны... Съ конца прошедшаго вѣка, когда старыя произрастанія погибли и для всего заложены были новыя сѣмена, одно сѣмя заложено было и для новаго воспитанія. Его бросилъ на землю, незадолго передъ великимъ историческимъ катаклизмомъ, человѣкъ, о которомъ изъ всего, что было высказано, вѣрнѣе всего было бы сказать, что это былъ самый искусственный, наименѣе естественный по натурѣ изъ тѣхъ, какія знаетъ исторія, порожденій женщины; и вмѣстѣ онъ одаренъ былъ силою привлеченія къ себѣ, какою мало кто обладалъ въ ней. И мощь даровъ его, и искусственность его природы отпечатались въ трудахъ его: сѣмя, имъ брошенное, жадно принялось землей, и когда возросло оно, осѣнило землю зловѣщею тѣнью". („Сумерки Просвѣщенія", стр. 76—77).

Странное впечатлѣніе производитъ это нефилософское и вовсе ужъ немистическое дѣленіе явленій на естественныя и искусственныя. Но этотъ рецидивъ „естественнаго порядка" и „естественнаго права", при всей его научной несостоятельности, пожалуй, даже симпатиченъ намъ. Вѣдь за послѣдніе 30 лѣтъ не было такого здравомысленнаго и позитивнаго осла, который не считалъ бы своимъ долгомъ лягнуть, какъ теоретическое построеніе, навѣки опочившую, но какъ практическое начало, не умирающую, вѣчно юную идею естественнаго права. Но философу г. Розанову не пристало подпирать свои практическія, хотя бы и неоспоримыя мысли, такими плохими теоретическими костылями. Впрочемъ, г. Розановъ въ данномъ случаѣ всецѣло повто-

ряетъ великихъ романтиковъ права, Савиньи и Пухту, которые, отрицая современное имъ естественное право раціонализма по его содержанію, любезное имъ романтическое право превратили въ естественное. Такъ и г. Розановъ, отрицая естественное воспитаніе по идеямъ Руссо, свой собственный идеалъ воспитанія возводитъ въ рангъ естественнаго. Нефилософская это операція, да къ тому же неужели „естественность" (допустивъ на минуту, что она не есть фикція) является достаточной для мистическихъ потребностей санкціей? Вѣдь это, г. Розановъ, не мистика, а чистѣйшій натурализмъ, преклоненіе предъ фактомъ и т. д. и т. д.!

Но оставимъ г. Розанова сводить философскіе концы съ концами и посмотримъ не на санкцію, а на содержаніе его идей. Г. Розановъ отрицаетъ чисто-на-чисто современную европейскую культуру.

„Всѣ чувствуютъ, и уже давно, въ Европѣ, странную безжизненность возрастающихъ поколѣній. Они безжизненны не въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, они лишены не которыхъ-нибудь даровъ, будучи богато одѣлены другими. Именно ядра въ нихъ нѣтъ, изъ котораго растетъ всякій даръ, все энергичное въ дѣйствіи или твердое въ сопротивленіи. Та „искра Божія", которая свѣтится въ человѣческомъ образѣ часто сквозь мракъ, его одѣвающій, сквозь его грубость, необузданный произволъ, невѣжество,—въ этихъ поколѣніяхъ, наружно лоснящихся, ничего выдающагося дурного не дѣлающихъ, какъ будто погасла и ее ничто не способно пробудить. Странная антикультурность на исходѣ XIX вѣка, самой великой эпохи въ исторіи культуры, поражаетъ въ нихъ: они не только не продолжаютъ своего времени, не суть дѣти безумнаго въ порывахъ своихъ „просвѣщенія" XVIII—XIX вѣковъ; они и не принадлежатъ ни къ какой другой эпохѣ, не сочувствуя и не понимая болѣе ни одной изъ отжившихъ культуръ. Христіанство съ его высокимъ спиритуализмомъ, аскетическими подвигами, углубленной святой лирикой, ничего не говоритъ ихъ сердцу, возбуждая или кощунство, или равнодушіе, или слабыя попытки его переиначить; и того культа плоти, того самоуслажденія человѣка своей красотой, которымъ жила древность и что вспыхнуло и ярко засвѣтилось на рубежѣ средней и новой Европы, въ нихъ нѣтъ не только какъ собственнаго чувства, но и какъ пониманій чужого чувства. И нѣтъ никакого желанія по уединенному труду, по героизму мысли, по отреченію ради отысканія истины отъ всѣхъ утѣхъ жизни, послѣдовать необозримому множеству труженіковъ на всѣхъ поприщахъ за три послѣднихъ вѣка. Какъ будто какая-то предательская рука, подкравшись къ лѣзущему на Олимпъ поколѣнію прежнихъ титановъ, въ мигъ, когда они были такъ горды, такъ упоены близкой побѣдой—ослѣпила ихъ, и сразу потухъ свѣтъ въ ихъ глазахъ, укротилось желаніе, спала гордость, и они одинаково безнадежно смотрятъ на небо и землю" (стр. 6—7).

„... По истеченіи восемнадцати вѣковъ христіанской культуры, непрерывнаго историческаго созиданія... непрерывно возрастая до этого времени, ликъ европейскаго Запада съ тѣхъ поръ началъ обратно суживаться. Лишнія, столь долго его красившія тѣни, одна за другою сходятъ съ него, и онъ вновь принимаетъ всюду, во всѣхъ направленіяхъ, одно выраженіе. Быть христіаниномъ, какъ и быть дѣйствительно независимымъ художникомъ или мыслителемъ, наконецъ, быть отцомъ прочной семьи--все это слишкомъ трудно и сложно стало для человѣка, все это требуетъ обилія творческихъ и организующихъ силъ, и, не находя ихъ болѣе, слагается для облегченія индивидуума.

„Ростъ государственности въ Европѣ всюду идетъ рука объ руку съ развитіемъ индивидуализма—этого уединенія человѣка въ себя, вдали отъ общества. Гражданскій долгъ, который затѣмъ остается,—это уже давно не долгъ римлянина, или даже аѳинянина: это—только отсутствіе всякаго долга, озабоченности, предоставленіе другимъ—досужимъ или оплаченнымъ людямъ, нести бремя тревогъ, отвѣтственности, какой возлагаетъ на каждаго полнота человѣческаго существованія.

„Всѣ связи, всякій лишній уборъ правъ, обязанностей, заботъ слагается съ себя индивидуумомъ, чтобы, уйдя изъ-подъ нихъ, онъ могъ на досугѣ предаться своимъ маленькимъ наслажденіямъ, или просто, чувствуя себя свободнымъ, не чувствовать позади себя никакихъ напоминаній. Мы сказали о язычествѣ, къ которому передвигается европейское человѣчество съ христіанскихъ основъ; но это не прежнее мощное язычество Рима; это новое маленькое язычество передъ своимъ „я“, въ сторонѣ отъ большихъ путей исторіи, и даже съ возможнымъ забвезабвеніемъ объ этихъ путяхъ“ (80—81).

Спорить съ авторомъ этихъ строкъ мнѣ трудно. Во-первыхъ, у него Европа, эта богатая своимъ культурнымъ разнообразіемъ Европа, въ которой столько жизненныхъ силъ, и въ которой идетъ такая напряженная борьба общественныхъ формъ (а πόλεμος πατὴρ πάντων), оказалась какимъ-то сплошнымъ сѣрымъ пятномъ. Во-вторыхъ, эти споры объ европейской культурѣ, гнила ли она или цвѣтуща, сѣра или богата красками, мертва или жива—эти старые споры всегда казались мнѣ празднымъ занятіемъ. И по очень простой причинѣ. Европейскую культуру я люблю какъ солнце, тепло, чистый воздухъ; гніющихъ труповъ и сѣрыхъ людей не выношу. Und damit basta! О западничествѣ своемъ я не разсуждаю такъ же, какъ никакой порядочный человѣкъ не разсуждаетъ о своей нравственной опрятности. Я таковъ, car tel est mon plaisir.

Но, конечно, jeder darf nach seiner Façon selig werden, и г. Розановъ такой же jeder, какъ и всякій другой. Только спорить объ этомъ скучно. А потому не ради полемики скажу кратко, въ чемъ видится мнѣ мощь и смыслъ современной европейской культуры.

Эта культура въ своихъ передовыхъ теченіяхъ продолжаетъ дѣло ренессанса и великой революціи. Она возвышаетъ личность, стремясь къ тому, чтобы объективныя условія полноты развитія личности стали доступны всему человѣчеству. Такимъ образомъ передовыя теченія новѣйшей западной культуры являются по своей идеальной цѣли послѣдовательно проведеннымъ, додуманнымъ до конца, индивидуализмомъ. Эти теченія неиндивидуалистичны или противоиндивидуалистичны лишь въ своихъ средствахъ. Всесторонне развитая личность—какъ цѣль, общественная организація—какъ средство, вотъ та практическая „формула прогресса“, которой движется впередъ современное культурное человѣчество. Культура, идеалъ которой резюмируется въ такой грандіозной формулѣ, не можетъ быть названа сѣрой и несложной. Наоборотъ, самое формальное противорѣчіе между цѣлью и средствомъ говоритъ о полнотѣ содержанія этой культуры, о той сложной игрѣ силъ и отношеній, которая въ ней происходитъ и въ которой осуществляется ея ростъ. Индивидуализмъ, какъ идеалъ, былъ и раньше завѣтнымъ лозунгомъ новой европейской культуры; имъ онъ остался и до сихъ поръ. Въ этомъ смыслѣ всѣ новыя движенія пришли „не разрушить, а исполнить“. Вотъ почему тѣ, кто стоитъ въ передовыхъ рядахъ современной западной культуры, могутъ не только справедливо, но и любовно относиться къ прошлому своей культуры: въ немъ есть ростки будущаго. Вотъ почему также индивидуалистическое міровоззрѣніе Нитцше нѣкоторыми своими сторонами (идеальной цѣлью) не только не стоитъ въ противорѣчіи съ демократическими тенденціями нашего вѣка, но, наоборотъ, наполняетъ ихъ глубокимъ и богатымъ внутреннимъ содержаніемъ. Культъ человѣческой личности, ея внутреннее обогащеніе, не менѣе присущъ современной европейской культурѣ, чѣмъ XVIII вѣку; теперь только средства для возвышенія личности стали иными, и другой общественный классъ борется за эту великую цѣль.

Я нарочно говорю объ европейской культурѣ, какъ о цѣломъ, потому что въ лицѣ славянофильства и вообще русской національной романтики мы встрѣчаемъ отрицаніе именно цѣлаго. У славянофиловъ, а въ особенности у Герцена и Достоевскаго, мы, кромѣ того, натыкаемся на противопоставленіе европейской культурѣ разрушительной стихіи—пролетаріата, который яко бы грозитъ смести не только буржуазію, но и всю выработанную Западомъ цивилизацію. Это поистинѣ дѣтское и варварское представленіе

о „варварскомъ“ характерѣ и „варварской“ миссіи западнаго пролетаріата теперь, кажется, болѣе уже не встрѣчается у серьезныхъ представителей европейской и русской мысли. Единство европейской культуры и причастность къ ней пролетаріата настолько ясно выступаетъ въ настоящее время, что не видѣть этого единства и этой причастности можетъ только слѣпой. Я желалъ бы заранѣе отстранить отъ себя упрекъ въ томъ, что я затушевываю различныя теченія въ европейской культурѣ, коренящіяся въ антагонизмѣ общественныхъ классовъ. Эти различія есть, они очень велики, но, вопреки старому русскому баснословію славянофиловъ и до сихъ поръ не умолкающему карканью западныхъ реакціонеровъ, они не распространяются на культуру, какъ цѣлое и прежде всего не распространяются на ея индивидуалистическій идеалъ, на ея „духъ живъ“. И потому, когда мы, новѣйшіе и наиболѣе послѣдовательные изъ русскихъ западниковъ, очень чутко разбирающіеся въ разныхъ голосахъ, раздающихся на Западѣ, очень хорошо умѣющіе различать разныя краски, наслоенія и струи его культуры, когда мы слышимъ огульную хулу на западную культуру, мы знаемъ, что хулятъ наше, намъ дорогое и родное, хотя, конечно, ни Панама, ни Бисмаркъ, ни многіе другіе частные плоды или, вѣрнѣе, порожденія европейской „культуры“ намъ не дороги.

Разрывъ между казенщиной и романтикой, выразителемъ котораго является теперь г. Розановъ, всего ярче сказывается въ его воззрѣніяхъ на школу. Онъ могъ бы съ полнымъ правомъ надъ „Сумерками Просвѣщенія“ поставить въ качествѣ эпиграфа слова Ницше:

Staat heisst das kälteste aller kalten Ungeheuer.

Г. Розановъ ежится отъ холода государства; его отталкиваетъ казенный характеръ современной школы:

„Границы закона узки. Мы должны, наконецъ, сознать, что государство имѣетъ свою опредѣленную природу, и, сколько бы ни усиливалось, не можетъ переступить естественныхъ ея предѣловъ, какъ и человѣкъ никогда не можетъ перепрыгнуть черезъ свою тѣнь. Государство есть только форма, оболочка, но не живой духъ. Въ немъ нѣтъ вообще ничего субъективнаго; и какъ творческимъ можетъ быть только живой субъектъ,—въ государствѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего творческаго“ (стр. 215—216).

„Задача просвѣщенія вообще не можетъ быть выполнена громоздкими органами государства: просвѣщеніе это—эмбріологія, это процессы

въ мельчайшихъ, микроскопическихъ тканяхъ организма, между тѣмъ какъ государство въ расчлененіи своемъ—это анатомія. Отсюда—новый выводъ: что въ просвѣщеніи государству принадлежитъ лишь образованіе, помощь, лишь самое общее и высшее руководительство дѣломъ, но инициатива и вообще все живое, самая работа должна принадлежать болѣе мелкимъ единицамъ соціальнаго сплетенія: городу, сословію, церкви или семьѣ и, наконецъ, болѣе всего, лучше всего—частному человѣку, съ его зоркостью terre à terre, съ его находчивостью" (стр. 203).

Школа „стала интенсивно работающей фабрикой подъ наблюденіемъ государственныхъ инспекторовъ и съ государственными рабочими, нѣкоторымъ интенсивнымъ производствомъ душъ человѣческихъ почти по тому способу, какъ нѣкогда Парацельзъ производилъ своего маленькаго гомункула" (стр. 167).

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, г. Розановъ, конечно, можетъ только отрицательно относиться къ самой казенной изъ всѣхъ школьныхъ системъ: къ водворенной Катковымъ и гр. Толстымъ системѣ классическаго образованія. Онъ даетъ мастерскую и поистинѣ художественную характеристику этой реформы. „Въ укладъ нашей жизни эта реформа вошла какимъ-то сухимъ и высокомѣрнымъ листомъ; еще ничему не научивъ, она уже оскорбила и естественно не могла позднѣе ничему научить" (стр. 185).

Наши школьные реформаторы взглянули на Россію, какъ на Простакову, на русскихъ дѣтей, какъ на Митрофановъ. Г. Розановъ спрашиваетъ:

„Воспитательно ли, образовательно ли—пусть даже вы входите въ страну, дѣйствительно населенную Простаковыми,—начинать ея „просвѣщеніе" съ констатированія именно факта, что это—все Простаковы. Слава Богу, вся Европа училась, просвѣщалась, и рѣшительно мы не помнимъ, чтобы какую-нибудь, гдѣ-нибудь страну инструкторы называли „страной Простаковыхъ": впервые это у насъ случилось. Angeli—ангелы: пусть эта страна бѣлокурыхъ дѣтей называется „Англіей", такъ по записи средневѣковаго хроникера произошло имя Англіи и англичанъ, данное первыми священниками-миссіонерами Рима Вотъ первое зрительное впечатлѣніе, и уже сейчасъ—ласка и, конечно, сейчасъ же просвѣщеніе. Но вотъ, послѣ тысячи лѣтъ существованія, къ намъ выходятъ новые инструкторы для переучиванія, и первое, что мы слышимъ отъ нихъ, есть—„Митрофаны". Еще ученіе не началось, а мы уже оскорблены. Сузимъ поле зрѣнія, войдемъ въ классную комнату: вотъ передъ нами, конечно, перепуганный и смущенный „Митрофанъ", обдумывающій, дѣйствительно ли его папа—„Скотининъ", и мама—„Простакова": какъ, думаете вы, внимательно онъ слушаетъ теперь наставленія учителя? слѣдитъ за окончаніями въ extemporale? Не возбужденъ ли онъ, не ожесточенъ ли? Въ отвѣтъ не смѣется ли онъ злобно надъ всѣмъ, что вы ему говорите, и прежде всего—довольно не безъ основанія—надъ вашимъ лицомъ, надъ вашей душою, знаніями, усиліями.

„Задача и способъ образованія и особенно воспитанія въ ней (въ современной школѣ) сообразованы исключительно съ требованіями бюрократическаго удобства, бюрократическихъ навыковъ, установившихся способовъ руководить, работать, воздѣйствовать, наконецъ, наблюдать, размышлять. Вѣдомство народнаго просвѣщенія—у насъ, разумѣется, какъ и вездѣ—по существу своихъ дѣйствій, по характеру и по методамъ своего труда ничѣмъ вовсе не отличается отъ министерства путей сообщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ и пр., а между тѣмъ его задача совершенно другая. Всѣ остальныя министерства работаютъ надъ матеріальными задачами, надъ грубыми вещественными предметами—измѣримыми, исчисляемыми, механически регулируемыми, и пріемы, тамъ созданные, пріемы „общеимперской“ работы, распространены на министерство народнаго просвѣщенія, которое имѣетъ своею сферою область духа, трудится надъ умственною и нравственною стороною человѣка. Войдите на урокъ въ любой гимназіи, по любому предмету; взгляните на этого чиновника въ вицъ-мундирѣ; взгляните на этихъ учениковъ въ мундирчикахъ, которые не смѣютъ шевельнуться, не могутъ задать вопроса учителю; взгляните на этотъ страхъ, обоюдно сковывающій перваго и вторыхъ,—и вы увидите, что никакого, въ сущности, просвѣщенія тутъ не происходитъ. Если вы зорки—присмотритесь къ обману, тутъ совершающемуся, на эти подстрочники, подсказыванья, притворное заиканіе, чтобы выиграть минуту и обмануть учителя, и вы увидите, что здѣсь происходитъ скорѣе развращеніе и притупленіе“ (стр. 159).

Чудесно дѣлаемое г. Розановымъ сопоставленіе малаго и великаго,—реформы Петра и реформы Каткова.

Петръ

„Не презиралъ страны родной—
Онъ зналъ ея предназначеніе“.

„Катковъ и его сателлиты выросли въ нашей землѣ новою фигурою, съ незнаемыми чертами. Страна, которую умѣлъ „не презирать“ Петръ, бывшій ея истиннымъ просвѣтителемъ, этимъ людямъ—очень, въ сущности, не утонченнаго ума представлялась грубою доской, гдѣ имъ предлежитъ начертать слова необыкновенной мудрости. Одна тенденція этой мудрости ясна: гдѣ бы ни загорѣлось свѣтомъ человѣческое лицо—набросить на него смертный покровъ. Сузьте фигуру Филиппа II Испанскаго до частнаго человѣка, пожалуй, раздвиньте фигуру Плюшкина до размѣровъ короля,—ихъ обоихъ теоретизмъ, ихъ размышленія „про себя“, боязнь ступить на почву, и столь плачевный неуспѣхъ въ исторіи и частной біографіи,—и вы получите много чертъ Каткова и объясненіе неуспѣха его, по крайней мѣрѣ, въ педагогической сферѣ“ (стр. 191).

„Вакхическое упоеніе программами есть истинное культурное вандальство, потому что оно не видитъ тысячи точекъ, тысячи историческихъ, бытовыхъ и даже физіологическихъ обстоятельствъ, на которыя вся „программа“ должна бы оглядываться и, между тѣмъ, оно входитъ въ жизнь съ требованіемъ, чтобы на нее все оглядывалось и, побросавъ выполненіе огромной въ нравахъ, религіи, долгѣ написанной программы и, въ сущности, „въ уровень“ съ редакціей „Моск. Вѣдомостей“,—сѣло на парту и начало писать extemporale“ (186—187).

Быть можетъ, наибольшей силы и изобразительности г. Розановъ достигаетъ въ слѣдующемъ обращеніи:

„Фигурка нашей сельской учительницы“ стала почти классическою въ своемъ смиреніи и безропотности; берегите этотъ начавшійся и еще не угасшій порывъ: онъ не вѣченъ, онъ можетъ надорваться, онъ можетъ впасть въ цинизмъ, если встрѣтитъ грубость невниманія и безжалостное издѣвательство надъ собою. А разъ погаснувшій—его невозможно возжечь, потому что загорѣлся онъ свободно, при стеченіи случайныхъ историческихъ обстоятельствъ. Есть страны такъ же „темныя“, какъ Россія, но вездѣ это понимается, какъ несчастіе; и нѣтъ странъ, гдѣ—какъ у насъ—невѣжество стояло бы въ вызывающей позѣ и чувствовало бы достаточный фундаментъ подъ этою позою. Оборванный въ своемъ существованіи „чиновникъ“ министерства просвѣщенія есть уже слагающая единица общественныхъ нравовъ: онъ „жмется“—и окружающая жизнь наглѣе на него наступаетъ, т. е. въ отдаленныхъ послѣдствіяхъ—это жмется книга, ежится журналъ, газета, и внутренно, духовно, ежится мысль, слово передъ наступающею на нихъ акцизною бандеролью. Такъ изъ подробностей, изъ мелочей слагается духовный образъ страны и образуется траекторія ея историческаго движенія“ (стр. 222—223).

Тутъ все—образы и характеристики, точно вычеканенные, или вѣрнѣе, точно высѣченные рѣзцомъ настоящаго художника.

А вотъ и другая характеристика, мѣткая, попадающая прямо въ цѣль:

Университетскій уставъ 1884 г.—„плохое extemporale“, списанное нами у Пруссіи, съ его замѣной вѣковыхъ 4-хъ курсовъ восемью полугодовыми семестрами, и съ переименованіемъ „кандидатовъ“ въ „студентовъ 1-го разряда“, мы не продолжаемъ далѣе... конечно, этотъ уставъ не могъ бы мыслью своею, своимъ точнымъ содержаніемъ отвѣтить ни на одинъ вопросъ, почему именно то или это стоитъ въ немъ такъ, а не совершенно иначе? Нужна была перемѣна, ибо курсъ политической, а слѣдовательно, и умственной жизни мѣнялся или долженъ былъ быть измѣненъ,—и перемѣна, какая-нибудь, была произведена. Никакой органической работы не было въ нее положено; даже никакой оригинальной мысли, кромѣ суженія однихъ ранговъ, расширенія другихъ, перемѣны въ срокахъ“ (стр. 214).

Не имѣя ни возможности, ни охоты реферировать замѣчательную книгу г. Розанова, мы рекомендуемъ читателю самому взять ее въ руки. Въ ней онъ найдетъ, конечно, странные и даже дикіе взгляды (напр., на розгу), но онъ встрѣтитъ здѣсь въ рѣдкомъ обиліи мысль, сильную оригинальностью и глубиной, облеченную всегда въ оригинальную и нерѣдко—въ блестящую форму. А главное онъ на яркомъ примѣрѣ узритъ воочію захватывающую идеологическую драму романтики и выходъ изъ этой драмы: конечный разрывъ съ казенщиной.

Какъ-то не хочется, говоря о драмѣ, задавать вопросъ: cui prodest, кому на пользу идетъ разрывъ? Но въ качествѣ публициста, обязаннаго не только взирать на совершающееся, но и подводить ему итоги и выводить изъ него практическія слѣдствія, мы на латинскій вопросъ: cui prodest дадимъ латинскій же отвѣтъ: duobus litigantibus tertius gaudet.

Разрывъ между романтикой и казенщиной означаетъ полное идеальное пораженіе послѣдней, но вовсе не означаетъ реальнаго торжества первой. И въ результатѣ въ выигрышѣ остается третій элементъ: критика. Ей принадлежитъ самое лучшее и самое цѣнное: будущее.

Въ одной изъ своихъ статей, напечатанныхъ, кажется, въ „Русскомъ Обозрѣніи“, г. Розановъ договорился въ романтическомъ изувѣрствѣ до того, что безъ всякихъ околичностей заявилъ, будто русскому народу чуждо стремленіе къ прогрессу, идея котораго противорѣчитъ „русскому духу“. Къ счастію для себя и читателей, г. Розановъ на своемъ собственномъ примѣрѣ опровергъ и продолжаетъ опровергать эту дикую теорію-клевету на русскій народъ, выдуманную для апоѳеоза эпохи реакціи, якобы воплотившей въ себѣ завѣтное стремленіе русскаго народа—къ застою.

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! На всѣхъ концахъ Руси замѣчается непреоборимое движеніе въ направленіи, не романтическомъ, но и не казенномъ. Слышится „желѣзная поступь“ грядущей силы.

НОВАЯ КНИГА ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ.

(Князь Сергѣй Волконскій. Очерки русской исторіи и русской литературы. СПБ. 1896 г. ц. 1 р. 50 к.).

(1897).

Представьте себѣ, что одинъ изъ декабристовъ въ историческій день 14-го декабря 1825 г., вмѣсто того, чтобы попасть въ „глубины сибирскихъ рудъ", заснулъ и пробудился лишь на рубежѣ XX ст. Представьте себѣ далѣе, что одаренный литературнымъ талантомъ и тѣмъ эстетически-этическимъ чутьемъ, наличность котораго дѣлаетъ всякаго русскаго сознательнымъ или безсознательнымъ западникомъ, не мирящимся съ византійско-татарскими идеалами,—нашъ redivivus на скорую руку усвоилъ все огромное историческое содержаніе, заполняющее собою истекшее 70-лѣтіе—и вы поймете и правильно оцѣните книжку князя Волконскаго.

Мы не сдѣлаемъ изъ нашего гипотетическаго сравненія тѣхъ злыхъ выводовъ, которые повидимому напрашиваются сами собой, мы не примѣнимъ къ автору „Очерковъ" словъ автора „Капитала", сказанныхъ объ историческихъ событіяхъ, но при случаѣ — mutatis mutandis — приложимыхъ и къ тому своеобразному литературному факту, который представляетъ разбираемая нами книжка: ядовитое изреченіе нѣмецкаго ученаго гласитъ, что историческія событія повторяются, но въ своемъ повтореніи мѣняютъ форму и значеніе; то, что совершилось, какъ трагедія, повторяется какъ фарсъ. Очерки г. Волконскаго честная книга, а не фарсъ. Но автору — по тѣмъ или другимъ причинамъ — удалось проникнуть лишь въ поверхностную

сферу явленій; болѣе глубокіе слои исторической и текущей дѣйствительности для него—terra incognita. Отсюда его ошибки и промахи. Книга составилась изъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ 1896 г. въ разныхъ городахъ Америки, куда онъ былъ командированъ господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія. Русское изданіе предпринято по совѣту г. Пыпина.

Мы не станемъ излагать содержанія „Очерковъ". Въ немъ, по мѣрѣ того, какъ авторъ приближается къ нашему времени, общій культурно-историческій элементъ постепенно оттѣсняется на задній планъ историко-литературнымъ. Историческіе факты въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. въ смыслѣ внѣшней исторіи, г. Волконскій хорошо знаетъ, психологическія характеристики ему иногда очень удаются, но пониманія исторіи народа, какъ развитія общественныхъ отношеній, у него нѣтъ.

Говоря объ объединеніи Россіи подъ главенствомъ Москвы и установленіи самодержавія, авторъ какъ бы сокращаетъ исторію. Ему повидимому неизвѣстно первоначальное значеніе слова „самодержавіе", и потому разсужденія на стр. 80—81 являются исторически невѣрными. „Въ XV и XVI вв. словомъ „самодержецъ" характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе московскаго государя: подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго: самодержцу противополагали то, что мы называемъ вассаломъ, а не то, что на современномъ политическомъ языкѣ носитъ названіе конституціоннаго государя... Нѣтъ никакой нужды предварять историческій ходъ явленій, приписывая московскимъ государямъ XV и XVI в. политическое самосознаніе, которое съ великимъ трудомъ выработалось позднѣе" (Проф. Ключевскій. Боярская дума древней Руси, 2-е изд. М. 1883, стр. 259—261). Историческихъ судебъ и значенія крѣпостного права г. Волконскій касается лишь, разсказывая объ освобожденіи крестьянъ. Ему совершенно незнакома постановка вопроса о происхожденіи этого права въ современной литературѣ по русской исторіи. Постепенное развитіе крѣпостныхъ отношеній на почвѣ экономической зависимости (задолженности) земледѣльцевъ онъ замѣняетъ мнимымъ установленіемъ крѣпостного права декретомъ государства. Въ 1896 году г. Волконскій характеризуетъ это центральное явленіе русской исторіи по Соловьеву, а не по Ключевскому.

Гораздо лучше выходятъ у автора психологическія характе-

ристики и объясненія политическихъ явленій въ общепринятомъ тѣсномъ смыслѣ...

„Личность Екатерины Великой представляется двояко: императрица, какою она была, и императрица, какою она желала быть, чтобы ее видѣли. Ни одинъ государь не заботился о мнѣніи современниковъ такъ усиленно, какъ она. Всѣ блестящія способности ея ума, ея литературный талантъ, средства, предоставляемыя саномъ и властью, пускались ею въ ходъ, для того чтобы утвердить ту репутацію, какая ей была желательна. Ея переписка съ Вольтеромъ, Дидро, Д'Аламберомъ, Мад. Жоффрэнъ и другими знаменитостями тогдашней Франціи, переписка, въ которой больше игривости и юмора, чѣмъ серьезности и дѣловитости, была не чѣмъ инымъ, какъ погонею за популярностью. Подобно тому, какъ въ наши дни дешевыя хромолитографіи распространяютъ изображенія государя по его владѣніямъ, такъ въ этихъ неугомонныхъ письмахъ она размножала по лицу Европы свое духовное изображеніе. И понятно,—портретъ былъ „пріятнаго сходства". Въ роскошной рамѣ монархическаго блеска, на фонѣ великолѣпныхъ парковъ и дворцовъ въ чистѣйшемъ стилѣ Людовика XV, окруженныя славою военныхъ подвиговъ и кадильнымъ дымомъ литературнаго фиміама—черты привлекательной, блестящей и обворожительной женщины вызывали восторгъ. Онѣ прославлялись за границей, онѣ превозносились дома, онѣ воспѣвались въ великолѣпныхъ стихахъ, и таковыми онѣ были переданы послѣдующимъ поколѣніямъ. Блескъ этого портрета освѣщаетъ собой все окружающее и сообщаетъ этому царствованію характеръ рѣдкаго внѣшняго великолѣпія. Императрицѣ удалось запечатлѣть свой образъ въ умахъ именно такимъ, какимъ она хотѣла, чтобы онъ представлялся. Можетъ быть, судъ потомства нѣсколько ослабитъ черты той, которая такъ заботилась о мнѣніи современниковъ; если всмотрѣться въ тогдашнія условія страны и проникнуть въ глубь вопросовъ, то откроется немало недостатковъ и даже язвъ подъ этимъ ослѣпительнымъ блескомъ. Но насъ-то въ данномъ случаѣ занимаетъ именно эта императрица—императрица, какою она желала, чтобы ее видѣли: вѣдь это она вліяла на умственное движеніе, она покровительствовала литературѣ, она поразила умы, она перешла въ поэзію. Показная сторона этого царствованія имѣла огромное значеніе именно въ той области, которая насъ интересуетъ. Одинъ изъ нашихъ писателей назы-

ваетъ Екатерину Великую „микроскопомъ своего времени“ „Очерки“, стр. 170—171).

„Странную, по моему—печальную картину представляетъ это общество, которое, въ поискахъ за истинной умственной пищей, набрасывается на отрицательную философію конца прошлаго столѣтія. Пересаженныя съ исторической почвы, обусловившей ихъ возникновеніе, лишенныя практической связи съ условіями жизни, эти громкія изреченія о братствѣ, равенствѣ, свободѣ начиняютъ тогдашніе умы пустыми фразами. Внутренняя связь между провозглашаемыми началами и тѣми событіями французской исторіи, которыя мало-по-малу привели къ великой революціи, ускользаетъ отъ ихъ наблюденія. Императрица сама на первыхъ порахъ, не понимаетъ,—она продолжаетъ свои философскія заигрыванія съ умственными представителями той самой эпохи, одно воспоминаніе, о которой со временемъ будетъ приводить въ содроганіе. Эта близорукость относительно связи между идеями и событіями тѣмъ болѣе поразительна, что, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ однихъ только событій, у нея замѣчательно вѣрное чутье, удивительное пониманіе причины и слѣдствія, въ политикѣ она выказываетъ рѣдкую дальнозоркость.

„Осенью 1789 года она говоритъ, что Людовика XVI ожидаетъ конецъ Карла I; въ письмахъ къ Гримму въ 1790 году она уже предсказываетъ появленіе Цезаря во Франціи. Но это была политика, а политика, повидимому, не имѣла въ ея глазахъ ничего общаго съ чистой философіей. Какая-то двойственность устанавливается между ея идеями и дѣйствіями, но это, повидимому, не смущаетъ ее. Американская война за освобожденіе приводитъ ее въ негодованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ она искренно огорчена когда генералъ Лафайэтъ *), задержанный собраніемъ нотаблей, отклоняетъ ея приглашеніе сопутствовать ей въ путешествіи по Крыму“ (стр. 173—174). „Императрица, какою она хотѣла казаться, предлагаетъ Бомарше поставить въ Петербургѣ его „Женитьбу Фигаро“, только что запрещенную въ Парижѣ, тогда какъ императрица, какою она была, заболѣваетъ, и ложится въ постель, когда узнаетъ, что король французскій обезглавленъ. Да и общество тогдашнее было на два лица. Эти утонченные царедворцы, знавшіе чуть не наизусть Вольтера и Руссо, не только не страдали

*) Лафайэтъ, какъ извѣстно, принималъ участіе въ борьбѣ американскихъ колоній за освобожденіе отъ Англіи.

отъ противорѣчія между книгами и жизнью, но какъ будто и не замѣчали, что есть противорѣчіе: съ одной стороны высокіе принципы, провозглашающіе „права человѣка“, а съ другой—крѣпостное рабство крестьянъ. Императрица, которая во многихъ отношеніяхъ стояла выше окружающихъ, пыталась было въ первые годы царствованія поставить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ на твердую почву, но вскорѣ отказалась отъ своего намѣренія... ей приходилось щадить интересы тѣхъ, кому она была обязана воцареніемъ“ (стр. 175—176).

Не правда ли, все это сказано правдиво, умно и изящно?

Несмотря на отсутствіе сознательнаго пониманія связи литературнаго развитія съ развитіемъ общественныхъ отношеній, авторъ тутъ и въ другихъ мѣстахъ безсознательно становится на правильную точку зрѣнія: „Кольцовъ... первый писатель, не принадлежащій къ аристократическимъ кругамъ Петербурга. Всѣ авторы, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, начиная съ Карамзина и Жуковскаго, принадлежали къ этому классу, и это не могло не имѣть вліянія на положеніе литературы и на отношеніе къ ней общества. M-de Staël была весьма близка къ истинѣ, когда говорила, что „въ Россіи нѣсколько дворянъ занимаются литературой“ (стр. 249).

Приведемъ довольно мѣткую историческую характеристику Николаевской эпохи...

„Съ 1825 года мы уже не въ царствованіи Александра I. Просвѣщенный внукъ Екатерины Великой, воспитанный швейцарцемъ Лагарпомъ въ духѣ французской философіи, понемногу измѣнилъ свои идеи. Послѣ удивительной эпохи 1812—1814 годовъ, приведшей къ паденію Наполеона и водворенію Европы въ ея прежнихъ политическихъ границахъ, послѣ великолѣпія и блеска коалицій и конгрессовъ, Александръ мало-по-малу впадаетъ въ какую-то отвлеченную романическую религіозность и кончаетъ дни свои, погруженный въ мистицизмъ, подъ вліяніемъ извѣстной г-жи Крюденеръ и окруженный представителями либо жестокаго милитаризма, какъ графъ Аракчеевъ, либо обскурантическаго недовѣрія, какъ Шишковъ. Въ 1825 году ему наслѣдуетъ братъ его, Николай I. Перемѣна царствованія ознаменована взрывомъ такъ называемой декабрьской революціи. Лучшіе умы того времени приняли участіе въ движеніи, главная задача котораго была освобожденіе крестьянъ. Но время еще не наступило, и тѣ, кто прибѣгли къ насилію, были сломаны силою...

„Царствованіе Императора Николая I принадлежитъ къ тому періоду европейской исторіи, когда вопросы внѣшней политики значительно перевѣшивали интересы внутренніе. Государи Европы, казалось, были заняты исключительно обезпеченіемъ добрыхъ отношеній между собой—не потому, что это считалось, какъ въ наши дни, условіемъ внутренняго благоденствія, а потому, что оно являлось залогомъ внутренней безопасности. Монархи были вынуждены къ солидарности: они избавились отъ вмѣшательства „Цезаря", но память его еще жила, и революціонный духъ бродилъ и вспыхивалъ въ разныхъ мѣстахъ. Поэтому узы династической солидарности были стянуты какъ можно туже. На почвѣ священнаго союза—въ программѣ котораго романтическій идеализмъ Александра I былъ значительно разбавленъ практической неразборчивостью австрійскаго министра Метерниха,—государи того времени тоже представляли своего рода замкнутое общество, члены котораго, несмотря на различное положеніе каждаго въ своей странѣ, были всѣ заняты одной и той же мыслью—соблюденіемъ легитимическаго statu quo въ полной неприкосновенности. Однако онъ просуществуетъ не долго. Вмѣшательство другого Наполеона скоро нарушитъ общее спокойствіе, а тяжелыя испытанія Крымской войны укажутъ, что внутреннее благосостояніе, по крайней мѣрѣ, такое же важное условіе для существованія страны, какъ и внѣшнее величіе. Но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда европейскія правительства составляли какъ бы аристократическую ассоціацію, все, что представляло внутренній интересъ, все, что носило характеръ истинно-народный, а не оффиціально народный,—отзывалось нѣкоторымъ демократизмомъ и не пользовалось успѣхомъ" (стр. 250—252).

Очень недурны также страницы, посвященныя выясненію того, что далъ Гоголь русской литературѣ. „Хотите знать, что новаго Гоголь внесъ въ литературу? И до него писатели воспроизводили жизнь и заставляли людей чувствовать все, что можетъ человѣкъ прочувствовать отъ соприкосновенія съ жизнью: радость по жизни, скорбь по жизни, гордость, отвращеніе, но первый Гоголь заставилъ ихъ устыдиться жизни. Припомните, что было сказано объ аристократизмѣ того времени, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе появленія Гоголя. Аристократизмъ былъ оффиціальной нотой; слѣдуя общему примѣру, писатели все больше замыкались въ олимпійское созерцаніе; дѣйствительность жизни была позабыта; никто и не думалъ заглянуть въ печальные углы, гдѣ она

прозябала подъ гнетомъ рабства, грубости, невѣжества, предразсудковъ. Послѣ размягчающаго прикосновенія сантиментальной поэзіи, послѣ первыхъ ударовъ Пушкинскаго реализма, люди почувствовали точно они расплатились со всѣми долгами по отношенію къ дѣйствительности: они глянули было на жизнь сквозь волшебное окно романтизма, и теперь всѣ двери опять закрылись. Общество было утонченное, воспитанное, болѣе европейское, чѣмъ сами европейцы (?)—и вотъ, люди предались успокоительному отдохновенію, какъ путникъ, который взобрался на гору и которому дальше некуда итти. Какъ легкую поклажу изъ долинъ они взяли съ собой нѣкоторую теоретическую любовь къ меньшей братіи, не потому, что эта меньшая братія представляла для нихъ человѣческія существа, но потому, что въ ихъ глазахъ она была живымъ матеріаломъ, воплощавшимъ страну, страну съ ея величіемъ, могуществомъ, ея европейскимъ престижемъ: было гораздо больше патріотическаго эгоизма, чѣмъ истиннаго человѣколюбія въ тогдашнемъ увлеченіи „народностью“. Система сохраненія „statu quo“, проводимая во внѣшней политикѣ, соблюдалась и дома; люди были увѣрены, что они живутъ въ лучшемъ изъ міровъ и самодовольно благодушествовали на лонѣ патріотическаго квіэтизма. При такихъ условіяхъ внезапно раздается смѣхъ Гоголя: завѣса взвивается надъ самыми мрачными закоулками жизни и разоблачаетъ дѣйствительность во всей ея наготѣ“ (стр. 256—258).

Но замѣчательно: чѣмъ ближе авторъ подходитъ къ современности, тѣмъ меньше онъ понимаетъ дѣйствительную связь событій и „истинное соотношеніе вещей“. Страницы 288—289, на которыхъ оцѣнивается значеніе крестьянской реформы, свидѣтельствуютъ объ удивительномъ незнакомствѣ автора съ предметомъ. Право, въ настоящее время пора бы бросить вздорныя фразы о томъ, что освобожденіе крестьянъ совершилось въ Россіи какъ-то совершенно иначе, чѣмъ на Западѣ. Это невѣрно въ томъ смыслѣ, въ которомъ обыкновенно говорятъ на эту тему, неосновательно приписывая западнымъ странамъ безземельное освобожденіе крестьянъ. Это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, о которомъ обыкновенно и не подозрѣваютъ: на Западѣ (въ общемъ) никто не сомнѣвался въ правѣ крестьянъ на землю, за пользованіе которой они платили или несли тѣ или иныя повинности, тогда какъ въ Россіи государственной власти пришлось отстаивать право крестьянъ на выкупъ земли въ опредѣленномъ размѣрѣ. Отстоявъ это

право фактически, государство лишь болѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянской личности, ввело обязательный выкупъ. Съ введеніемъ обязательнаго выкупа приблизительно совпало и пониженіе выкупныхъ платежей, мѣра, которая была вызвана слишкомъ высокой оцѣнкой уступленныхъ въ пользу крестьянства земель. Несоразмѣрность этой оцѣнки съ доходностью земли, какъ извѣстно всякому знакомому съ исторіей крестьянской реформы, объясняется тѣмъ, что—въ интересахъ помѣщиковъ—при назначеніи выкупныхъ платежей, принимались въ расчетъ также неземледѣльческіе доходы крестьянъ, т. е. въ плату за землю входила и плата за освобожденіе личности. Мы совершенно не раздѣляемъ взгляда нашихъ народниковъ и либераловъ, что, будь эти „ошибки“ избѣгнуты, не было бы и тѣхъ явленій, которыми характеризуется современная экономическая жизнь русскаго крестьянства. Наоборотъ, мы утверждаемъ, что наиболѣе благопріятное для крестьянъ осуществленіе освободительной реформы не могло бы нисколько предупредить того развитія экономическихъ отношеній, которое опредѣляется даннымъ и исторически единственно возможнымъ способомъ производства и обмѣна. Россія не могла стать въ 1864 году на иной путь экономическаго развитія, чѣмъ тотъ, на которомъ она обрѣтается нынѣ. Это—путь развитія товарнаго хозяйства и присущихъ ему противорѣчій. Это—единственный доступный русскому народу культурный путь, на которомъ ему предстоитъ такъ или иначе дѣлать исторію... Тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно установившееся въ русской литературѣ мнѣніе, что самый актъ освобожденія, возложивъ на крестьянъ непосильное бремя платежей, ухудшилъ ихъ экономическое положеніе.

Г. Волконскій очень благосклонно отзывается о 60-хъ гг. Мы согласны съ этой оцѣнкой, поскольку въ ней выражается симпатія къ тѣмъ культурнымъ и общественнымъ началамъ, которыя ворвались въ русскую жизнь за эту славную эпоху. Но г. Волконскій напрасно не справился съ лучшими произведеніями этого времени и не извлекъ изъ нихъ надлежащаго масштаба для оцѣнки культурныхъ силъ русскаго общества въ эпоху реформъ. Тогда бы его сужденіе о ней было бы менѣе торжественнымъ, но зато навѣрное болѣе опредѣленнымъ и содержательнымъ.

Насмѣшки Добролюбова надъ „настоящимъ временемъ, когда возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ“, были не просто насмѣшками или издѣвками: въ нихъ была глубокая

жизненная правда, и за смѣхомъ скрывались слезы. Послѣдующая эпоха подтвердила, какъ правы были эти писатели въ своей трезвости и въ своемъ пессимизмѣ.

Если кн. Волконскому представляется слишкомъ труднымъ ознакомленіе съ нашимъ недавнимъ прошлымъ и съ нашей современностью — путемъ изученія основныхъ явленій народной жизни, безъ котораго невозможно и пониманіе литературы, то мы рекомендуемъ ему приняться хотя бы прямо за прилежное чтеніе Салтыкова и Глѣба Успенскаго. Для пониманія исторіи русскаго общества за послѣднія 25-лѣтъ они не менѣе важны, чѣмъ Тургеневъ, Достоевскій и Толстой. Причины вліянія послѣднихъ двухъ писателей и общественное значеніе этого вліянія оцѣниваются г. Волконскимъ совершенно неправильно, неправильно не только съ нашей, но и съ его собственной точки зрѣнія. Признавать вліяніе Достоевскаго „благотворнымъ“ (стр. 305) значитъ ni plus ni moins покрывать своимъ одобреніемъ всю идейную реакцію 80-хъ гг., не давшую ничего ни наукѣ, ни художественной литературѣ, реакцію, скудную и скучную.

Умъ и духовная физіономія Тургенева не получаютъ надлежащей оцѣнки у г. Волконскаго, и мы подозрѣваемъ, что ему неизвѣстна та замѣчательная переписка Тургенева съ Герценомъ, въ которой западническая фигура знаменитаго романиста впервые предстала во весь ростъ. Тургеневъ дошелъ въ своемъ западничествѣ до самаго крайняго пункта, котораго могъ достигнуть представитель дворянской литературы и человѣкъ 40-хъ гг. Зайти такъ далеко онъ могъ, я думаю, лишь благодаря сочетанію двухъ условій: во-первыхъ, западническія убѣжденія крѣпко на крѣпко срослись съ его душой и, во вторыхъ, онъ своимъ дивнымъ художническимъ чутьемъ прозрѣвалъ правду западничества. Онъ былъ необыкновенный реалистъ, и убожество русской жизни раскрывалось передъ нимъ, не затемненное никакой мистикой, жертвой которой палъ Достоевскій. Отъ Льва Толстого Тургеневъ отличается знаніемъ европейской культуры и сознательной любовью къ этой культурѣ, да и къ культурѣ вообще. Даже не совсѣмъ дружелюбное и во многомъ несправедливое отношеніе Тургенева къ радикальной журналистикѣ 60-хъ гг. вполнѣ объясняется его западничествомъ.

Салтыковъ тоже западникъ, но на иной ладъ, чѣмъ Тургеневъ. Салтыковъ любилъ нѣкоторыя западныя идеи, но у него не было той живой, я бы сказалъ непосредственной, любви къ Западу и *его культурѣ, которой* отличался Тургеневъ.

Онъ шелъ дальше Тургенева во многихъ направленіяхъ (и въ этомъ отношеніи онъ ближе, родственнѣе намъ, чѣмъ Тургеневъ), но онъ всегда отправлялся не отъ западной жизни, а отъ западныхъ идей. Эта отправная точка дѣлала безпощаднаго реалиста-сатирика русской жизни западникомъ-утопистомъ. Въ общественномъ міровоззрѣніи Салтыкова элементы реалистическіе и утопическіе постоянно перекрещиваются. Но можно сказать, что совмѣщеніе этихъ исторически и логически противорѣчивыхъ, враждебныхъ элементовъ въ его духовной личности есть на данной ступени общественно-экономическаго развитія страны законосообразное, исторически необходимое явленіе.

Сознать это противорѣчіе не было и не могло быть дано ни Салтыкову, ни другимъ писателямъ того же общественнаго направленія—dii minorum gentium еще менѣе были способны на это, чѣмъ великій старикъ. Противорѣчіе вскрылось въ томъ направленіи, которое иные господа тщетно пытаются поставить въ одинъ рядъ съ декадентствомъ, „Сѣвернымъ Вѣстникомъ“, восьмидесятничествомъ и пр. Это направленіе имѣетъ самыя законныя и безспорныя притязанія на духовное наслѣдіе классической русской литературы. Между прочимъ въ ея рядахъ оно ищетъ и находитъ своихъ предковъ. Ближайшими изъ такихъ предковъ являются — Тургеневъ и Салтыковъ. Съ ними новое направленіе дѣлитъ безпощадно реалистическое отношеніе къ русской жизни, свободное отъ всякой мистики и всякаго романтизма, любовь къ западной культурѣ, приверженность къ прогрессивнымъ европейскимъ идеаламъ. Кому этого мало, кто требуетъ еще „для души спасенія“ поклоновъ по адресу прогрессивныхъ журналистовъ, тому мы не товарищи. Такіе „завѣты“ литературнаго почтенія мы презираемъ и предпочитаемъ находиться въ положеніи небезызвѣстнаго сатирическаго поэта Конрада Лигіеншвагера, который пѣлъ о себѣ:

„Въ тѣ дни, когда намъ было ново, [1])
Значенье правды и добра
. . . . . .
Въ тѣ дни исполненъ скептицизма
Злой духъ какой то намъ предсталъ
. . . . . .

[1]) А теперь-то пожалуй и очень старо. П. С.

Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ желчный этотъ бѣсъ,
Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья,
Бѣсъ отвергающій прогрессъ".

Мы тоже отвергаемъ прогрессъ... и соціологію г. Михайловскаго.

Но я увлекся большой темой и совсѣмъ забылъ о князѣ Волконскомъ.

Повторяемъ ему нашъ совѣтъ: приняться за Салтыкова. А пока рекомендуемъ почтенному автору „Очерковъ" en regard стр. 288 „Очерковъ" вклеить для собственнаго поученія слѣдующую цитату изъ этого писателя:

„.... Невозможно ни на минуту усомниться, что русскій мужикъ бѣденъ, дѣйствительно бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только возможно себѣ представить, и—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности... Интересы, повидимому, грошовые, будучи взяты въ своей совокупности, составляютъ такую сумму, подъ бременемъ которой совершенно непримѣтно погибаетъ членъ „несуществующаго" у насъ пролетаріата. Да, „пролетаріата" нѣтъ, но загляните въ наши деревни, даже подстоличныя, и вы увидите сплошныя массы людей, для которыхъ, напримѣръ, вопросъ о лишней полукопѣйкѣ на фунтъ соли составляетъ предметъ мучительнѣйшихъ думъ, и для которыхъ даже не существуетъ вопроса о матеріальныхъ удобствахъ; вы найдете тысячи безпріютныхъ бобылокъ, которыхъ весь годовой бюджетъ заключается въ пятнадцати — двадцати рубляхъ, съ трудомъ вырабатываемыхъ мотаніемъ бумаги. А пролетаріата нѣтъ. Правда, что массы предполагаются грубыми, и безчувственными, но тутъ однако возникаетъ вопросъ, что чему препятствуетъ: безчувственность ли обязательному отсутствію на столѣ соли, или наоборотъ. Намъ, людямъ живущимъ особнякомъ отъ массъ, даже трудно себѣ представить, до какой наглости можетъ доходить это вѣчное притязаніе желудка, изъ-подъ гнета котораго ни на минуту не освобождается жизнь мужика; но, тѣмъ не менѣе, оно не выдумка, а одинъ изъ тѣхъ безспорныхъ и всѣмъ видимыхъ фактовъ, для подтвержденія которыхъ не требуется ссылаться на статистическія изслѣдованія". (Письма о провинціи 1868—1870 гг. стр. 400—402, т. X. Полнаго Собранія Сочиненій) [1]).

---

[1]) Съ того времени, когда были написаны знаменитыя „Письма о провинціи", много воды утекло. Теперь у насъ рядомъ съ „несуществу-

Быть можетъ, мы встрѣтимся еще въ литературѣ съ княземъ Волконскимъ. До слѣдующей встрѣчи не могу скрыть однако одного желанія, которое явилось у меня по прочтеніи его книжки. Это — прибавить къ ней эпиграфъ:

Incedo per ignes suppositos cineri doloso.

Пусть князь не боится: мы уже давно бѣгаемъ по „коварному пеплу“ и, несмотря на обжоги, въ общемъ это удается.

ющимъ“ есть уже „существующій пролетаріатъ“. И въ противность ожиданіямъ народниковъ онъ оказался—въ отношеніи всѣхъ видовъ бѣдности—менѣе бѣднымъ, чѣмъ „несуществующій“. Такъ оправдалось изреченіе одного нѣкогда очень рьянаго народника, что „исторія идетъ невѣроятными путями“, невѣроятными, конечно для народниковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ОБОЛЕНСКАГО: „НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ“ [1].

(Письмо въ редакцію журнала „Русская Мысль“).

(1895).

М. г., г. редакторъ!

Вы были такъ любезны, что предоставили мнѣ мѣсто въ вашемъ журналѣ для бѣглаго и сжатаго изложенія мыслей и недоумѣній, вызванныхъ во мнѣ чтеніемъ статьи г. Оболенскаго. Въ своемъ отвѣтѣ я остановлюсь на важнѣйшихъ пунктахъ этой статьи, всѣ частности оставивъ въ сторонѣ, и буду имѣть въ виду не исключительно то, что г. Оболенскій нашелъ нужнымъ сказать по поводу моей книжки, а все самое важное по существу. Итакъ, къ дѣлу!

Прежде всего—замѣчаніе, котораго никакъ нельзя опустить. Г. Оболенскій, повидимому, полагаетъ, что имъ по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи высказанъ какой-то третій взглядъ, не совпадающій ни со взглядами народниковъ, ни съ мнѣніемъ ихъ критиковъ. Но ничего новаго я во взглядѣ г. Оболенскаго, при всемъ стараніи, усмотрѣть не могъ. Это только варіація на очень старую тему. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ писатели, отнесенные мною въ „Критическихъ замѣткахъ“ въ западнической фракціи народничества, вслѣдъ за своимъ „основоположникомъ“, постоянно имѣли въ виду то теоретическое переживаніе европейской экономической эволюціи, о которомъ говоритъ г. Оболенскій. Вся вѣра въ соціальное призваніе русской интеллигенціи, которая мыслилась и мыслится независимой отъ общественныхъ классовъ, вытекала именно изъ этого убѣжденія въ возможности

---

[1] Русская Мысль, 1895 г., кн. VIII и IX.

„теоретическаго переживанія". Не лучше обстоитъ дѣло и съ частными возраженіями г. Оболенскаго,—въ нихъ я ничего новаго и оригинальнаго не нашелъ. Я думаю, что г. Оболенскій, внимательно осмотрѣвшись въ русской публицистической и экономической литературѣ, могъ бы цѣликомъ собрать изъ нея, винтикъ за винтикомъ, колесо за колесикомъ, весь механизмъ своего возраженія противъ Бельтова и меня.

Возражая критикамъ народничества, г. Оболенскій впадаетъ въ очень обычную ошибку. Онъ критикуетъ частные взгляды своихъ противниковъ съ точки зрѣнія не ихъ принциповъ, а своихъ. Если экономическое пониманіе исторіи есть несостоятельная гипотеза, то нужно показать, въ чемъ ошибка этого построенія. Но нельзя же критиковать частные выводы изъ гипотезы, опираясь, въ свою очередь, на выводы изъ противоположной гипотезы, которая является, по меньшей мѣрѣ, столь же недоказанной. Г. Оболенскій совершенно вѣрно указываетъ, что Бельтовъ не имѣлъ въ виду возраженія относительно возможности „теоретическаго переживанія" (кн. VIII, стр. 36). Не имѣлъ въ виду этого возраженія и я. И по очень простой причинѣ. Указанная возможность не только не укладывается въ рамки экономическаго пониманія исторіи, но даже, болѣе того,—*съ нашей точки зрѣнія*, эта возможность прямо невозможна. Если общественное развитіе въ конечномъ счетѣ опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, то и теоретическое мышленіе,—*въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимаетъ его г. Оболенскій*, — берется изъ того же источника. Стало быть... Но выводъ ясенъ самъ собой и его нечего намъ договаривать. Въ аргументаціи г. Оболенскаго по этому пункту спутаны самыя разнообразныя вещи. „Теоретическое переживаніе" объемлетъ у него и заимствованія техники, и пересадку учрежденій, и усвоеніе теоретическихъ знаній („просвѣщенія"). Но, съ нашей точки зрѣнія, между этими явленіями существуютъ крупнѣйшія различія. Техническія заимствованія,—если они дѣйствительно происходятъ,—дѣйствуютъ непосредственно на развитіе производительныхъ силъ и на производственныя отношенія. Такое же значеніе имѣютъ, по своимъ послѣдствіямъ, заимствованія, связанныя съ развитіемъ торговыхъ сношеній. Но судьба заимствованныхъ *учрежденій* и судьба „*просвѣщенія*", идущаго извнѣ, опредѣляется той экономической обстановкой, въ которую они переносятся. Большая разница также между заимствова-

ніемъ теоретическихъ свѣдѣній и усвоеніемъ извѣстнаго рода соціальныхъ идеаловъ. Г. Оболенскій ставитъ какъ бы знакъ равенства между продиктованнымъ матеріальною потребностью государства заимствованіемъ европейскаго просвѣщенія при Петрѣ I и усвоеніемъ соціальныхъ идеаловъ, выросшихъ на совершенно опредѣленной экономической почвѣ и отрѣшенно отъ нея могущихъ существовать лишь въ головахъ немногихъ идеологовъ. Знанія могутъ быть „импортированы", хотя степень ихъ распространенія также зависитъ отъ чисто-экономическихъ условій, но сознаніе цѣлыхъ общественныхъ классовъ не есть нѣчто такое, что можно было бы, независимо отъ экономическихъ условій, перевозить изъ одной страны въ другую. Только измѣнившіяся производственныя отношенія могутъ производить коренныя измѣненія въ сознаніи участвующихъ въ производствѣ общественныхъ классовъ. Неясность мысли г. Оболенскаго достигаетъ своей высшей точки тамъ, гдѣ онъ противъ экономическаго матеріализма выдвигаетъ слѣдующее разсужденіе: „Сами авторы, т. е. гг. Бельтовъ и Струве, какъ и ихъ мнимые (?) противники, народники-идеалисты, возникли вовсе не изъ классовъ, обездоленныхъ капитализмомъ. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ то же самое: крупнѣйшіе поборники экономическаго прогресса въ пользу класса „производителей",—какъ Луи-Бланъ, Марксъ, Лассаль,—принадлежали не къ этому классу, а жили и воспитывались въ атмосферѣ и условіяхъ высшихъ классовъ. Стало-быть, не экономическія условія создали ихъ психологическую эволюцію". И т. д., и т. д. „Въ виду такихъ фактовъ,—заключаетъ г. Оболенскій,—которые по меньшей мѣрѣ слѣдовало бы объяснить, прежде чѣмъ утверждать, что личность является лишь „производной" своей соціальной группы, я полагаю, что это положеніе авторовъ строится не научнымъ методомъ, а тѣмъ самымъ „субъективнымъ методомъ", надъ которымъ они трунятъ у г. Михайловскаго".

Г. Оболенскій, къ сожалѣнію, не понялъ того, что говорится въ моей книжкѣ о личности. Противъ обычныхъ фразъ о томъ, что только личности реальны и потому въ нихъ слѣдуетъ видѣть творцовъ общественныхъ явленій, я выдвинулъ соображеніе, что „личность, какъ конкретная индивидуальность, есть производная всѣхъ ранѣе жившихъ и современныхъ ей личностей, т. е. соціальной группы". Изъ этого общаго положенія отнюдь не вытекаетъ тотъ выводъ, который приписываетъ мнѣ г. Оболенскій, что, напримѣръ, человѣкъ, родившійся дворяниномъ, можетъ пре-

слѣдовать только дворянскіе интересы. Высказанное мною положеніе говоритъ только о томъ, что „личность... является формальнымъ понятіемъ, содержаніе котораго дается изслѣдованіемъ соціальной группы", подъ которой мною разумѣется не отдѣльный классъ, а вся соціальная среда. Конечно, психическое содержаніе огромнаго большинства личностей опредѣляется ихъ принадлежностью къ тому или другому общественному классу. Но всегда находятся отдѣльныя личности, дѣйствующія въ интересахъ не того класса, къ которому онѣ принадлежатъ по своему рожденію и воспитанію. И это происходитъ именно потому, что въ отдѣльной личности могутъ перекрещиваться самыя разнообразныя соціальныя воздѣйствія, и отъ индивидуальной комбинаціи и количественнаго соотношенія этихъ воздѣйствій зависитъ конечный результатъ, т. е., психическое содержаніе личности. Это нѣсколько сложнѣе того, что мнѣ навязываетъ г. Оболенскій.

Въ приведенномъ выше разсужденіи г. Оболенскаго совершенно уже невѣрно, что „не экономическія условія создали психологическую (психическую?) эволюцію" такихъ людей, какъ Луи-Бланъ, Марксъ, Лассаль. Для меня безспорно, что ихъ „психологическая эволюція" отразила на себѣ эволюцію соціально-экономическихъ условій, въ которыхъ они жили. И—что съ нашей точки зрѣнія самое главное—дѣятельность указанныхъ лицъ имѣла крупное историческое значеніе только потому, что ихъ личная „психологическая эволюція" совпадала съ „психологическою эволюціей" цѣлыхъ общественныхъ классовъ, уже непосредственно вытекающею изъ экономическихъ условій жизни и развитія этихъ классовъ. Г. Оболенскій найдетъ, пожалуй, что, проводя такое различіе между представителями интеллигенціи и массой, мы впадаемъ въ аристократизмъ и становимся на почву противопоставленія героевъ и толпы. Но, съ нашей точки зрѣнія, между идеологіей отдѣльныхъ лицъ, интеллигентовъ, и идеологіей цѣлыхъ общественныхъ классовъ дѣйствительно существуетъ крупное различіе. Пусть г. Оболенскій упрекаетъ насъ въ аристократизмѣ, но мы убѣждены, что историческую силу представляютъ только идейныя движенія массъ, вырастающія на почвѣ производственныхъ отношеній, въ которыя поставлены массы. На нашъ взглядъ, теоретическое переживаніе капитализма мозгами г. Оболенскаго и нашими безсильно и безплодно внѣ взаимодѣйствія съ практическимъ переживаніемъ капитализма народными массами — вотъ единственная привилегія, признаваемая нами за „героями".

Что разумѣетъ г. Оболенскій въ своихъ разсужденіяхъ о „теоретическомъ переживаніи“ подъ „психологическою эволюціей“? Повидимому, сознаніе вреда капитализма. Но развѣ такого сознанія въ отдѣльныхъ личностяхъ или даже въ цѣлой массѣ достаточно для устраненія капитализма? Г. Оболенскій опять-таки забываетъ основныя начала того воззрѣнія, противъ котораго онъ возражаетъ. Устраненіе капитализма, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, возможно только на извѣстной ступени развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. И затѣмъ—самое распространеніе дѣятельнаго сознанія вреда капитализма въ массахъ тоже возможно только на извѣстной ступени экономическаго развитія. А сознаніе вреда капитализма или его теоретическое переживаніе отдѣльными личностями или даже всею интеллигенціей, съ нашей точки зрѣнія, не можетъ остановить процесса экономическаго развитія. И напрасно г. Оболенскій видитъ въ этомъ отношеніи какое-то различіе между Россіею и Западною Европой. Его утвержденіе: „когда въ Западной Европѣ появились идеи, подобныя идеямъ нашихъ народниковъ-идеалистовъ, капитализмъ тамъ еще не былъ извѣстенъ по опыту въ своихъ послѣдствіяхъ“,—вѣрно только въ томъ смыслѣ, о которомъ г. Оболенскій самъ и не подозрѣваетъ. У капитализма есть „послѣдствія“ отрицательныя и положительныя. Западно-европейскіе народники, тѣ, напримѣръ, которыхъ цитируетъ г. Бельтовъ, имѣли передъ собой почти исключительно опытъ отрицательныхъ послѣдствій капитализма въ Англіи и у себя дома. Положительныя послѣдствія тогда еще не обнаружились. Первый, кто указалъ въ капитализмѣ и пролетаріатѣ зерно будущаго, былъ Фр. Энгельсъ, авторъ книги „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“. Эта книга произвела на родинѣ автора огромное впечатлѣніе, но именно какъ изображеніе „ужасовъ“ капитализма. Рецензенты Энгельса—начиная отъ соціалистическихъ и кончая крайне консервативными изданіями—въ одинъ голосъ указывали на печальный примѣръ Англіи и предостерегали отъ шествія по тому же пути. А въ чемъ же смыслъ литературной дѣятельности Сисмонди, какъ не въ указаніи „печальныхъ послѣдствій“ капитализма? Пусть г. Оболенскій прочтетъ также книгу извѣстнаго французскаго демократа Ледрю Роллэна „De la décadence de l'Angleterre“ (2 тома. Парижъ, 1850) для того, чтобъ убѣдиться, что интеллигенціи западно-европейскаго континента отрицательныя послѣдствія капитализма были „хорошо

извѣстны". Они были одинаково „хорошо извѣстны" и реакціонерамъ, и демократамъ. И все-таки изъ этого хорошаго знакомства вышло столь же мало, какъ изъ всѣхъ проповѣдей и предостереженій нашихъ народниковъ.

Г. Оболенскій въ своей полемикѣ противъ „экономическихъ матеріалистовъ" вообще и въ частности противъ меня, для убѣжденія публики, прибѣгаетъ къ своего рода „жупелу". Оказывается, что г. Струве „крѣпко держится за идеалистическій или (?) діалектическій законъ развитія" и что г. Струве „безусловно вѣритъ въ необходимость переживанія для каждой націи всѣхъ стадій, какія пройдены другими, и у него этотъ оттѣнокъ доходитъ до метафизическаго фатализма, при чемъ онъ даже не считаетъ нужнымъ его доказывать, а просто выписываетъ положенія и цитаты изъ своихъ нѣмецкихъ авторитетовъ". Указаніе г. Оболенскаго на мою догматичность и несамостоятельность основано на недоразумѣніи: г. Оболенскій изъ-за моей методы изложенія просмотрѣлъ то обстоятельство, что я въ своихъ „Замѣткахъ" гораздо меньше Бельтова слѣдую за Марксомъ и Энгельсомъ. Быть можетъ, это слабая сторона „Замѣтокъ", это—другой вопросъ, но она никакъ не можетъ ускользнуть отъ внимательнаго читателя моей книги, тѣмъ болѣе, что я самъ еще вдобавокъ подчеркнулъ ее въ предисловіи. Но г. Оболенскій вообще весьма неточенъ и, если можно такъ выразиться, необстоятеленъ, когда онъ цитируетъ или излагаетъ чужіе взгляды. На стр. 38—39 августовской книжки мнѣ приписываются (и приводятся въ ковычкахъ), между прочимъ такія слова: „есть люди геніи и люди толпы, массы. Только первые суть личности, вторые же безличны". Но такихъ словъ въ моей книжкѣ ни на указанной г. Оболенскимъ стр. 31, ни на какой-либо другой нѣтъ.

Что же касается до „діалектическаго закона развитія", „безусловной необходимости переживанія всѣхъ стадій", „метафизическаго фатализма" и т. д., то я право затрудняюсь объяснить, „откуда мнѣ сіе". Въ моей книжкѣ о діалектическомъ законѣ развитія и о тріадѣ нѣтъ ни слова; точно такъ же г. Оболенскій не можетъ указать въ ней ни одного мѣста, которое давало бы поводъ упрекать меня въ метафизическомъ фатализмѣ. Конечно, столь же мало повинны въ такомъ фатализмѣ и мои нѣмецкіе „учителя", изъ которыхъ я, будто бы, только выписываю тексты. Но вообще ужъ „много разъ твердили міру", „что экономическіе матеріалисты" никогда въ своихъ доказательствахъ не прибѣгали къ діа-

лектическому закону развитія. Прямо курьезно звучитъ этотъ упрекъ въ устахъ г. Оболенскаго, который самъ буквально повторяетъ единственнаго автора, доказывавшаго возможность и необходимость сохраненія общины при помощи формально-діалектическаго разсужденія. Этотъ авторъ дѣйствительно вѣрилъ въ возможность формально-діалектическимъ способомъ рѣшить любой вопросъ конкретной дѣйствительности (ср. Бельтовъ, стр. 83—84). Но г. Оболенскій, нарядившись въ доспѣхи автора „Критики философскихъ предубѣжденій", въ то же время настолько не проникся духомъ этого писателя, что выставляетъ его „діалектическимъ матеріалистомъ".

Знаменитый публицистъ 60-хъ годовъ правда твердо усвоилъ себѣ нѣкоторыя начала нѣмецкой идеалистической философіи XIX вѣка; поэтому эпитетъ „діалектическій" можетъ быть признанъ за нимъ. Онъ былъ также матеріалистомъ, а именно послѣдователемъ Фейербаха. Онъ былъ такимъ образомъ діалектикомъ и матеріалистомъ, но онъ не былъ діалектическимъ матеріалистомъ въ смыслѣ Маркса и Энгельса. Г. Оболенскій видитъ точку зрѣнія діалектическаго матеріализма въ слѣдующихъ словахъ Чернышевскаго: „нравственное и гражданское развитіе личности невозможно безъ нѣкоторой экономической самостоятельности. Только она заставляетъ человѣка уважать себя, свои потребности". Но есть ли въ этой сентенціи даже намекъ на экономическое (матеріалистическое) пониманіе исторіи? Вѣдь, она просто общее мѣсто въ соціально-политической литературѣ той эпохи, къ которой принадлежалъ авторъ „Критики философскихъ предубѣжденій". У того же автора можно найти гораздо болѣе глубокія и—при всемъ моемъ уваженіи къ памяти славнаго русскаго писателя, скажу прямо—менѣе банальныя сужденія объ отношеніи между экономіей и другими сторонами общественнаго быта. Но, конечно, всѣ эти сужденія не позволяютъ намъ, не впадая въ полную неопредѣленность мыслей и словъ, называть Чернышевскаго діалектическимъ или экономическимъ матеріалистомъ. Болѣе того, весь умственный складъ этого писателя былъ прямою противоположностью историко-экономическаго матеріализма. Авторъ „Критики философскихъ предубѣжденій" былъ, можно сказать, эстетически-законченный типъ раціоналиста. Раціонализмъ въ значительной мѣрѣ мѣшалъ ему быть теоретикомъ, но сослужилъ ему громадную службу, какъ публицисту своего времени. Но что общаго между раціонализмомъ и историко-

экономическимъ матеріализмомъ? Всякому свое! Называть знаменательнаго публициста „Современника“ „экономическимъ матеріалистомъ“ можно только или не понимая, что такое „экономическій матеріализмъ“, или совершенно не зная, что говорилъ Чернышевскій.

По мнѣнію г. Оболенскаго, названный писатель въ своей защитѣ общины шелъ строго-научнымъ путемъ: онъ изолировалъ общину отъ другихъ условій, добавивъ въ скобкахъ: „при остальныхъ равныхъ условіяхъ“ и т. д., и т. д. На мой взглядъ авторъ „Критики философскихъ предубѣжденій“ шелъ въ данномъ случаѣ совершенно ненаучнымъ путемъ. Вопросъ исторической эволюціи, вопросъ общественной динамики онъ рѣшалъ при помощи абстрактно-дедуктивнаго метода. Общину онъ изолировалъ отъ той исторической обстановки, въ которой она выросла и существуетъ. Онъ не вдавался въ историческій анализъ происхожденія общины; онъ бралъ даже не реальную общину, а тѣ черты общиннаго землевладѣнія, которыя ему, съ точки зрѣнія его идеаловъ, представлялись симпатичными и разумными. Г. Оболенскій повторяетъ черезъ 35 лѣтъ всѣ эти ошибки. Блестящая аргументація автора „Критики философскихъ предубѣжденій“ направленная противъ современныхъ ему русскихъ манчестерцевъ, представляется г. Оболенскому трафаретомъ, примѣненіе, котораго въ его рукахъ дастъ столь же блестящее опроверженіе „экономическихъ матеріалистовъ“. Запасшись неопровержимою, на его взглядъ, аргументаціей, г. Оболенскій не замѣчаетъ, что и условія настоящаго спора, и предметъ его совсѣмъ не тѣ. Поэтому ему приходится незамѣтно для самого себя и потому, я увѣренъ вполнѣ, bona fide, приписывать своимъ противникамъ взгляды, которыхъ они не высказывали. Такъ, онъ увѣряетъ, что я въ Россіи „причиной паденія личности“ считаю общину и кустарные промыслы. Откуда г. Оболенскій взялъ это — загадка, которую, на основаніи знакомства съ моею книгой, разрѣшить невозможно. Но она тотчасъ разрѣшается, если припомнить, какой полемическій трафаретъ находится въ рукахъ у г. Оболенскаго. „Экономисты отсталой школы“, съ которыми полемизировалъ Чернышевскій, приписывали отсталость сельскаго хозяйства въ Россіи общинѣ, и ихъ противникъ былъ совершенно правъ, доказывая вздорность этого взгляда. „Экономическіе матеріалисты“ сомнѣваются насчетъ общины и въ то же время низкій уровень личности въ Россіи ставятъ въ зависи-

мость отъ ея экономической и политической отсталости, съ которою они связываютъ и самое существованіе общины. Это—довольно сложный строй идей, критикуя который, г. Оболенскій—вдобавокъ еще неэкономистъ—рисковалъ спутаться. А между тѣмъ аргументація знаменитаго публициста 60-хъ годовъ соблазнительна своею стройностью и простотой! Увлекшись этою аргументаціей, г. Оболенскій забылъ вдуматься въ мнѣнія своихъ противниковъ и... все пошло какъ по маслу. Противники г. Оболенскаго, какъ, во время оно, „экономисты отсталой школы", изобличены въ томъ, что они разсуждаютъ по формулѣ: post hoc, ergo propter hoc,—словомъ, въ нелогичности и ненаучности. Громъ побѣды раздавайся! [1])

Но... Я могъ бы предложить г. Оболенскому и нашимъ читателямъ очень длинное „но". Однако буду умѣренъ. Насчетъ общины (и кустарныхъ промысловъ) у меня есть свои взгляды, не столь простые, какъ у г. Оболенскаго, но они также отнюдь не сводятся къ формулѣ: община есть причина паденія личности. Для меня исторія общины тѣсно связана съ исторіей закрѣпощенія крестьянства государствомъ и землевладѣльцами. Такимъ образомъ, на мой взглядъ, община относится къ паденію личности скорѣе какъ результатъ, чѣмъ какъ причина. Если г. Оболенскому этотъ взглядъ на русскую общину новъ, то пусть онъ обратится къ литературѣ вопроса. А я покуда помолчу.

---

[1]) Г. Оболенскій, въ пылу увлеченія побѣдой, очень ужъ хватаетъ черезъ край. Доказавъ (!?), что я разсуждаю ненаучно и нелогично, онъ заявляетъ, что я придерживаюсь „ультрасубъективнаго метода". Но развѣ всякое ненаучное и нелогичное разсужденіе основывается на „субъективномъ методѣ"? Утверждать это — значитъ мыслить по способу, тоже, насколько мнѣ извѣстно, предусмотрѣнному въ элементарныхъ учебникахъ логики. Кстати, г. Оболенскій совсѣмъ не понимаетъ, въ чемъ состоитъ такъ назыв. „субъективный методъ" г. Михайловскаго. Онъ думаетъ, что этотъ методъ сводится къ „увлеченію предвзятою гипотезой" (августъ, стр. 45). Передъ подобнымъ незнакомствомъ съ сочиненіями и идеями г. Михайловскаго приходится просто развести руками. Не могу не отвѣтить однако на одно заявленіе г. Оболенскаго: „если я не ошибаюсь, самъ Марксъ признавалъ, что нашъ сельскій „міръ" является, какъ и связанная съ нимъ (развѣ община и міръ не одно и то же? П. С.) община, не менѣе сильнымъ основаніемъ обобществленія, чѣмъ работа на фабрикѣ". Смѣю увѣрить г. Оболенскаго, что онъ жестоко ошибается, о чемъ зри подлежащее мѣсто въ одномъ изъ предисловій Маркса къ его „Манифесту", а также Энгельса: „Internationales aus dem Volksstaate" (Берлинъ, 1894 г.).

Г. Оболенскій твердо знаетъ, что разсуждать по формулѣ post hoc, ergo propter hoc не годится. Вмѣсто этой формулы онъ рекомендуетъ методъ „умственной изоляціи", наприм. экономическихъ порядковъ и политическихъ учрежденій. Но я думаю, что сія „послѣдняя лесть горше первой". Она выступаетъ въ quasi-научномъ одѣяніи и способна надѣлать много вреда. Самыя вздорныя иллюзіи, самые утопическіе планы можно обосновать при помощи метода „умственной изоляціи". „Умственное изолированіе" тѣмъ и отличается отъ экспериментальнаго, что ему нельзя поставить никакихъ объективныхъ границъ. Можно — при извѣстной спутанности понятій—съ большимъ успѣхомъ изолировать политику отъ экономіи, настоящее отъ прошлаго и т. д., и т. д. Идя по этому пути, прямикомъ попадешь въ „утопію", которая отъ прочихъ утопій будетъ отличаться своею убійственною quasi-научною скучностью.

Г. Оболенскій на исторіи западно-европейской общественности стремится показать, что правовыя формы западной Европы „не продуктъ капитализма, а наоборотъ, предшествовали ему". Онъ не рѣшается оспаривать, что эти формы выросли на почвѣ извѣстныхъ экономическихъ условій, но онъ настаиваетъ: не на почвѣ капитализма. Утверждать, что всѣ западно-европейскія политическія учрежденія—продуктъ капитализма, никто изъ насъ не станетъ. Но ни историческая справка г. Оболенскаго, ни дальнѣйшіе комментаріи его къ этой справкѣ (августъ, стр. 44—45) ничего не выясняютъ и не доказываютъ. И вотъ почему. Во-первыхъ, и западно-европейскія учрежденія, и западно-европейскій капитализмъ имѣютъ свою длинную исторію, внимательное изученіе которой убѣдительно показываетъ связь экономическихъ формъ и юридическихъ порядковъ. Современный государственный строй Англіи такъ же отличается отъ государственнаго строя Англіи XVII в., какъ современные англійскіе экономическіе порядки отъ англійскаго хозяйственнаго строя XVII в. Вѣдь, дѣло тутъ не въ отдѣльныхъ институтахъ, не въ томъ, когда, въ какомъ году изданъ тотъ или другой законъ, а въ общемъ ходѣ развитія политическихъ учрежденій. Чѣмъ объясняется демократизація англійскаго государственнаго устройства въ XIX в.? Саморазвитіемъ политической идеи или борьбой классовъ на почвѣ извѣстныхъ производственныхъ отношеній. Я думаю, что вообще „современная демократія" не отдѣлима отъ современныхъ хозяйственныхъ *формъ*. Но г. Оболенскій „знаетъ", что въ „древней Гре-

ціи и Римѣ были однородныя“ (съ современными) „правовыя формы“ (стр. 43). Неужели г. Оболенскій, въ самомъ дѣлѣ, это „знаетъ“?

Но я, впрочемъ, нахожу кое-что, чего г. Оболенскій не „знаетъ“, а я знаю. „Еще вопросъ, говоритъ мой оппонентъ (августъ, стр. 45), насколько обобществленіе [1]) (рабочаго класса) могло бы возникнуть на современной экономической почвѣ Западной Европы, если бы не существовало тамъ и соотвѣтствующей юридической почвы, дающей возможность сойтись, столковаться о своихъ нуждахъ и т. д.“. Но позвольте, г. Оболенскій, о чемъ вы говорите? Не о коалиціонной ли свободѣ рабочихъ? Не хотите ли вы и ее „умственно изолировать“ отъ развитія капитализма? Въ такомъ случаѣ отчего не подвергнуть умственной изоляціи за одно и фабричное законодательство и многое другое? Напомнимъ читателю, что коалиціонная свобода рабочихъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и ненаказуемость стачекъ) есть прямое порожденіе развивающагося капитализма и что существуетъ она въ Англіи съ 1824 г., во Франціи съ 1864 г., въ большей части Германіи съ 1869 г. (но только для промышленныхъ рабочихъ, коалиціи же сельскихъ рабочихъ въ Германіи до сихъ поръ запрещены. Почему, г. Оболенскій?). Отмѣтимъ при этомъ, что въ Англіи первые шаги капитализма характеризуются грубымъ подавленіемъ всякой самодѣятельности рабочихъ (общій законъ 1800 г., вѣнчающій собою цѣлый рядъ сепаратныхъ законовъ XVIII в.), а во Франціи даже революціонное законодательство запретило безусловно всякіе профессіональные союзы (законъ 1791 г.). И только внутренняя логика развивающихся капиталистическихъ отношеній заставила признать за трудящимся населеніемъ право союзовъ.

Критикуя мои взгляды на раздѣленіе труда, г. Оболенскій видитъ только одну сторону дѣла и закрываетъ глаза на другую, не менѣе существенную, Онъ подхватываетъ цитируемыя мною слова Зиммеля („Ueber soziale Differenzierung“, 63—64) о томъ, что раздѣленіе труда можетъ проявлять дѣйствіе, понижающее мышленіе

[1]) Кстати г. Оболенскій путаетъ термины Маркса. Марксъ нигдѣ не говоритъ объ „обобществленіи рабочаго класса“. У Маркса всюду фигурируетъ „обобществленіе труда“ (Vergeselschaftung der Arbeit), вовсе не означающее у него того объединенія рабочихъ, о которомъ говоритъ г. Оболенскій. Конечно, изъ „обобществленія труда“ вытекаетъ и объединеніе рабочихъ.

и волю, и побиваетъ меня слѣдующимъ разсужденіемъ [1]): „Итакъ, оказывается по г. Струве, что, напримѣръ, писецъ какой-нибудь канцеляріи, переписывающій изъ года въ годъ „отношенія“ и „предписанія“, или рабочій западно-европейской фабрики, вертящій десятки лѣтъ одну и ту же ручку колеса, или кочегаръ, десятки лѣтъ бросающій въ печь каменный уголь, хотя и представляетъ *пониженіе въ волѣ и мышленіи* (курсивъ г. Оболенскаго), но зато въ области чувствованій окажутся болѣе высокими и разносторонними, чѣмъ крестьянинъ-общинникъ, переходящій отъ плуга къ топору, отъ огорода къ пчельнику, ухаживающій за своими домашними животными и птицей и, въ то же время, участвующій въ своихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ хозяйствѣ и дѣлахъ всей общины. Но, вѣдь, это—такое невѣроятное (?) положеніе, которое, по меньшей мѣрѣ, нельзя же считать за аксіому, не требующую доказательствъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве“ (стр. 40). На это я долженъ возразить, что г. Оболенскій очень ужъ упрощаетъ весьма сложный вопросъ. Въ моей книжкѣ г. Оболенскій могъ найти не только соображеніе Зиммеля, которое г. Оболенскому представляется, повидимому, какою-то нелѣпостью [2]), но и одно мое собственное [3]), которое я, по существу дѣла, считаю не менѣе важнымъ. „Занятія спеціализируются, но, вѣдь, спеціализація не ведетъ къ полному ихъ обособленію: между спеціальностями существуетъ всегда связь, хотя бы та, что одна должна пользоваться услугами другой. Содержаніе жизни не только дробится, оно также умножается именно въ силу раздѣленія труда... Отдѣльныя личности, въ большей или меньшей степени, становятся участниками этого болѣе разнообразнаго, богатаго содержанія“ (Крит. замѣтки, стр. 38). Дѣло въ томъ, что г. Оболенскій имѣетъ въ виду только одно мануфактурное раздѣленіе труда (т.-е. раздѣленіе труда внутри мастерской). Но мануфактурное раздѣленіе труда есть

---

[1]) На стр. 40 (августъ) г. Оболенскій приводитъ въ ковычкахъ цѣлое мѣсто изъ моей книжки, которое отнюдь не представляетъ собой точной цитаты. Я считаю подобное неточное цитированіе чужихъ словъ въ ковычкахъ неправильнымъ пріемомъ.

[2]) Происходитъ это потому, что г. Оболенскій понимаетъ слова Зиммеля въ томъ смыслѣ, что раздѣленіе труда низводитъ мышленіе и волю до самаго низкаго уровня. Но подобное утвержденіе требуетъ еще весьма серьезной повѣрки. Мнѣ оно въ той общей абсолютной формѣ, въ которой его выставляетъ г. Оболенскій, представляется прямо невѣрнымъ.

[3]) Впрочемъ, и Зиммель выдвигаетъ въ другихъ мѣстахъ эту же *точку зрѣнія*.

только одна сторона дѣйствительности. Другая же сторона сводится къ общественному раздѣленію труда. Благодаря общественному раздѣленію труда и тѣмъ производственнымъ отношеніямъ, которыя имъ характеризуются, содержаніе жизни умножается, и повышается личность.

Разсужденія г. Оболенскаго напомнили мнѣ то, что Марксъ еще въ 1847 г. писалъ о взглядахъ Прудона на раздѣленіе труда: „Раздѣленіе труда по г. Прудону есть вѣчный законъ, простая и абстрактная категорія. Такимъ образомъ абстракція, идея, голое слово представляются ему достаточными для того, чтобъ объяснить раздѣленіе труда въ различныя эпохи исторіи. Надо, прежде всего, изучить должнымъ образомъ смыслъ слова „дѣлить“, и тогда уже больше не окажется нужнымъ изслѣдовать тѣ многоразличныя вліянія, которыя въ каждую эпоху придавали раздѣленію труда опредѣленный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, вещи очень ужъ упрощаются, если ихъ объяснять категоріями г. Прудона. Размѣръ рынка, его физіономія придавали раздѣленію труда въ различныя эпохи опредѣленную физіономію и извѣстный характеръ, которые очень трудно вывести изъ голаго слова „дѣлить“, изъ идеи, изъ категоріи „раздѣленія“. Между тѣмъ, для г. Оболенскаго раздѣленіе труда—явленіе чрезвычайно сложное, пережившее и переживающее въ исторіи многообразныя измѣненія — исчерпывается представленіями, которыя заимствуются изъ школьныхъ примѣровъ Адама Смита. Различны между собой не только раздѣленіе труда внутри мастерской и внутри всего общества,—отдѣльные виды раздѣленія труда перваго типа представляютъ крупныя различія. Марксъ, опираясь на свидѣтельство Андрея Юра (Ure), прозваннаго имъ Пиндаромъ фабрики, отмѣчаетъ, что современная крупная промышленность, выросшая на почвѣ раздѣленія труда, порождавшаго „профессіональный идіотизмъ“, создаетъ потребность въ универсальности и стремленіе къ всестороннему развитію индивидуума [о раздѣленіи труда у Маркса см. въ особ. „Misère de la philosophie“, нѣм. перев., 122—144, и „Das Kapital“, I (3 изд., 335—519)]. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ самой капиталистической промышленности возникаетъ непримиримое противорѣчіе. Это противорѣчіе выражается также и въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что капиталистическая промышленность по мѣрѣ своего развитія нуждается въ повышеніи физическихъ и интеллектуальныхъ способностей рабочаго. Она *сама* такимъ образомъ создаетъ того рабочаго,

который начинаетъ съ ней борьбу, подобно тому какъ „фабричное законодательство,—по словамъ Маркса,—есть столь же необходимое порожденіе крупной промышленности, какъ хлопчатобумажная пряжа, сельфакторъ и электрическій телеграфъ". Слова г. Оболенскаго: „при вліяніи одного лишь раздѣленія труда европейскій рабочій былъ бы теперь чѣмъ-то въ родѣ вьючнаго животнаго. Этого нѣтъ,- -слѣдовательно, его спасло отъ этого, его подняло другое условіе",—обнаруживаютъ изумительное и возможное въ настоящее время только для неэкономиста непониманіе условій развитія капитализма. Г. Оболенскій переноситъ на капитализмъ представленія, заимствованныя и выросшія на почвѣ крѣпостныхъ порядковъ,- тогда какъ капитализмъ исторически начинается съ отрицанія этихъ порядковъ. Общеизвѣстная также вещь, что рабочій всего болѣе приниженъ, деградированъ, всего ближе къ „вьючному животному" въ наиболѣе отсталыхъ технически и экономически отрасляхъ промышленности. „Ужасы капитализма" на зарѣ его развитія возникаютъ, какъ общее правило, вслѣдствіе того, что здѣсь хищническая погоня за прибавочной цѣнностью наталкивается на человѣческій матеріалъ, выросшій въ другой исторической обстановкѣ и совершенно не приготовленный къ борьбѣ съ новою силой. Необходима капиталистическая „выучка", чтобы массы перестали быть послушнымъ объектомъ капиталистической эксплуатаціи. „Вьючныя же животныя" непригодны даже и для того, чтобы быть пассивнымъ объектомъ такой эксплуатаціи.

Но, оставаясь даже на почвѣ такихъ элементарныхъ представленій о раздѣленіи труда и его значеніи и только вдумавшись въ выводы, вытекающіе изъ этихъ представленій, г. Оболенскій долженъ былъ бы придти къ совсѣмъ другимъ результатамъ. „Рабочій, вертящій десятки лѣтъ одну и ту же ручку колеса", производитъ, конечно, очень однообразную и отупляющую работу, но вся жизненная и именно экономическая обстановка, окружающая его: отношеніе его къ предпринимателю, къ властямъ, къ товарищамъ по работѣ—необходимо толкаетъ его впередъ, ставитъ передъ нимъ такія задачи, которыя совершенно недоступны даже идиллическому крестьянину г. Оболенскаго,—о живомъ представителѣ этого общественнаго класса и говорить нечего. И, конечно, эти новыя задачи, возникающія въ мозгу „европейца", порожденіе именно раздѣленія труда, общественной дифференціаціи. Эта дифференціація связана не только съ подчиненіемъ

однѣхъ общественныхъ группъ другимъ, но и съ обостреніемъ антагонизма между ними, который все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе и все сильнѣе опредѣляетъ поведеніе и цѣлыхъ классовъ, и отдѣльныхъ ихъ представителей.

Съ этими возраженіями г. Оболенскаго я покончу слѣдующей литературною справкой. Отрицательная оцѣнка значенія капитализма въ развитіи западно-европейской общественности была задолго до г. Оболенскаго съ гораздо большею силой сдѣлана въ нашей литературѣ г. Михайловскимъ. Въ своемъ письмѣ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ (за подписью „Посторонній“, 1883 г. іюль; здѣсь впервые передаются извѣстныя слова Зибера, который еще не названъ, о выварѣ въ фабричномъ котлѣ, что и даетъ намъ право говорить о г. Михайловскомъ, какъ объ авторѣ этой статьи), г. Михайловскій упрекаетъ г. В. В. въ крайнемъ марксизмѣ (sic!) и говоритъ: „въ сущности „общественная форма труда“, при господствѣ капитализма, сводится къ тому, что нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ точатъ, вертятъ, накладываютъ, подкладываютъ, тянутъ, бьютъ и совершаютъ еще множество другихъ операцій въ одномъ помѣщеніи. Общій же характеръ этого режима прекрасно выражается поговоркой: „каждый за себя, а ужъ Богъ за всѣхъ“. При чемъ тутъ „общественная форма труда?“ Правда, мы видимъ иногда (sic!) на Западѣ такую солидарность между рабочими, какую мудрено встрѣтить у насъ, но это объясняется отнюдь не непосредственно условіями труда въ фабричномъ котлѣ, а развитіемъ просвѣщенія и политической жизни“ (стр. 109). „Если капитализмъ и имѣетъ какую-нибудь общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ только отрицательную“ (стр. 110). Жаль, что г. Оболенскій недостаточно обстоятельно знакомъ съ литературною дѣятельностью г. Михайловскаго, иначе онъ могъ бы обновить свою статью ссылками на этого популярнаго и для многихъ авторитетнаго писателя.

Отрицательный взглядъ на роль капитализма въ Западной Европѣ сопровождается у г. Оболенскаго идеализаціей русскихъ хозяйственно-бытовыхъ формъ—общины, кустарныхъ промысловъ и артели. Умиленіе, съ которымъ г. Оболенскій говоритъ о „крестьянинѣ-общинникѣ, переходящемъ отъ плуга къ топору, отъ огорода къ пчельнику, ухаживающемъ за своими домашними животными и птицей, и, въ то же время, участвующемъ въ своихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ хозяйствѣ и дѣлахъ

всей общины" — это умиленіе навело меня на слѣдующія размышленія.

Народничеству принадлежитъ одна безспорная и не малая заслуга. Оно собрало огромный матеріалъ для познанія нашего народнаго быта. Въ этомъ матеріалѣ далеко не послѣднее мѣсто должно быть отведено художественнымъ синтетическимъ изображеніямъ народниковъ-беллетристовъ и, прежде всего, трудамъ Глѣба Успенскаго. Сладкіе разговоры объ идиллическихъ крестьянской жизни должны бы были разъ навсегда стать невозможными послѣ потрясающихъ своимъ реализмомъ вещей Успенскаго. Успенскаго его художественное чутье сдѣлало „матеріалистомъ". Прочтите „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ" и въ особенности очеркъ „Не суйся!" и вы, быть можетъ, поймете многое въ критикѣ народничества. Разсужденія г. Оболенскаго о крестьянскомъ бытѣ, объ общинѣ и „юридическихъ условіяхъ", въ которыхъ яко бы вся суть, огромный шагъ назадъ въ пониманіи дѣла въ сравненіи съ тѣмъ, что говоритъ Успенскій. Глѣбу Успенскому нечего доказывать, что „юридическія условія" не существуютъ раздѣльно отъ экономіи, что они съ ней составляютъ одно цѣлое, выражаютъ одинъ и тотъ же жизненный фактъ. Онъ какъ художникъ понимаетъ безплодность „умственной изоляціи". „Построенное на такомъ прочномъ, а главное—невыдуманномъ основаніи, какъ велѣнія самой природы, міросерцаніе Ивана Ермолаевича, создавшее на основаніи этихъ велѣній стройную систему семейныхъ отношеній, послѣдовательно, безъ выдумокъ и хитросплетеній, проводитъ ихъ и въ отношеніяхъ общественныхъ... Эти же сельско-хозяйственные идеалы и въ юридическихъ отношеніяхъ... Объясненія высшаго государственнаго порядка также безъ всякаго затрудненія получаются изъ опыта, пріобрѣтаются крестьяниномъ въ области только сельско-хозяйственнаго труда и идеаловъ... Словомъ, съ точки зрѣнія Ивана Ермолаевича, какъ и вообще „хорошаго" земледѣльца-крестьянина, кажущееся мнѣ влаченіемъ по браздамъ, безплодное, тяжкое существованіе—оказывается явленіемъ вполнѣ объяснимымъ, а главное—вовсе не влаченіемъ, а существованіемъ, основаннымъ на извѣстныхъ, притомъ непоколебимыхъ законахъ,—существованіемъ, въ которомъ осмысленъ каждый шагъ, каждый поступокъ, опредѣлена каждая вещь, опредѣленъ и объяснимъ вполнѣ каждый поступокъ. Войдя въ *этотъ міръ и* вполнѣ проникнувшись сознаніемъ законности и

правомѣрности всего существующаго въ немъ, посторонній деревнѣ, хотя бы и озабоченный ею, человѣкъ долженъ невольно оставить свою фанаберію, и если онъ не сумѣетъ думать такъ, какъ думаетъ Иванъ Ермолаевичъ, и, притомъ, не убѣдится такъ же, какъ убѣжденъ Иванъ Ермолаевичъ, что иначе думать при такихъ и такихъ-то условіяхъ невозможно, то рѣшительно долженъ оставить втуне всѣ свои теоріи, выработанныя на почвѣ совершенно иной" (Сочиненія, т. II, изд. 2-е, стр. 553—554).

Относительно „фанаберіи" и „теорій" мы совершенно согласны съ Гл. Успенскимъ. Но онъ самъ же говоритъ намъ, что „стройность сельско-хозяйственныхъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемою цивилизаціей" (стр. 556), и вотъ мы связываемъ судьбу „фанаберій" и „теорій" съ гибелью стройныхъ сельско-хозяйственныхъ идеаловъ. Мы беремъ всѣ тѣ фактическія черты, которыя даетъ намъ Успенскій, но, свободные отъ его романтическаго преклоненія передъ „сельско-хозяйственными идеалами", мы получаемъ совсѣмъ другіе выводы. А г. Оболенскій, твердо вѣруя въ единоспасительный пріемъ „умственной изоляціи", слѣпъ къ художественному синтезу Успенскаго. Если онъ не видитъ этихъ яркихъ красокъ, гдѣ же намъ, нашимъ теоретическимъ соображеніямъ убѣдить его?!

Развиваемая г. Оболенскимъ чисто экономическая программа одолѣнія капитализма артельно-общинными хозяйствами при помощи государственнаго кредита свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Оболенскій... не тронутъ вреднымъ скептицизмомъ разныхъ экономическихъ маловѣровъ, въ родѣ Маркса и Родбертуса. Основаніе артельно-общинныхъ хозяйствъ въ сочетаніи съ теоретическимъ переживаніемъ капитализма, по мнѣнію г. Оболенскаго, дастъ Россіи возможность избѣгнуть капиталистической стадіи. Теоретическія предпосылки этого плана не новы: на Западѣ онѣ давно подвергнуты критикѣ и не устояли передъ ней. Критика подорвала тѣ предположенія, на которыхъ основанъ планъ вытѣсненія капитализма производительными товариществами. Она показала, что при системѣ свободной конкуренціи, во-первыхъ, неминуемымъ является капиталистическое вырожденіе производительныхъ товариществъ; во-вторыхъ, сомнительна жизнеспособность даже этихъ выродившихся товариществъ сравнительно съ единоличными предпріятіями, и—last not least—критика указала на существенныя опасности, связанныя для трудящагося населенія съ основаніемъ *производительныхъ* товариществъ подъ командой и контро-

лемъ современнаго государства. Это послѣднее указаніе выдвигаетъ существенное разногласіе между нами и нашими противниками. Послѣднимъ, прежде чѣмъ возражать противъ насъ разными проектами и программами, не мѣшало бы опровергнуть нашъ взглядъ на природу государства вообще, современнаго въ частности. Единственный авторъ, направившій значительную часть своихъ полемическихъ усилій на этотъ пунктъ [1]), сдѣлалъ это столь неудачно, что мы можемъ съ полнымъ правомъ занести эту попытку въ нашъ активъ.

Позвольте мнѣ, г. редакторъ, закончить мое письмо слѣдующими двумя замѣчаніями.

Подъ характеристикой народнической экономической программы, какъ консервативной по самому ея существу, я подписываюсь обѣими руками. Замѣчу только, что задолго до г. Оболенскаго, еще въ 70-хъ годахъ, въ томъ же смыслѣ высказался г. Михайловскій [2]). Если эта программа до сихъ поръ не осуществлена и вообще неосуществима [3]), то это только показываетъ, что бываютъ консервативныя программы, которыя не въ силахъ осуществить даже самое консервативное правительство. Таковы тѣ программы, которыя идутъ въ разрѣзъ съ естественною тенденціей развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Для себя лично я на титулъ консерватора ни въ какихъ смыслахъ не заявлялъ и не заявляю претензій.

Г. Оболенскій упрекаетъ насъ въ квіетизмѣ. „Экономическій матеріализмъ,—говоритъ онъ (кн. IX, стр. 13),—внесетъ во многія души новый квіетизмъ, увѣривъ, что шествіе капитализма есть „законъ“, его же не прейдеши; а много ли найдется такихъ, которые не успокоятся на этомъ?“. На это я отвѣчу слѣдующее: не успокоятся всѣ тѣ, для кого капитализмъ уже пришелъ и царитъ; не успокоятся всѣ тѣ, кому въ самой жизни капитализмъ не даетъ покоя. Если же мы съ г. Оболенскимъ успокоимся, то это или плохое свидѣтельство о нашемъ „теоретическомъ разумѣ“, показывающее, что мы не можемъ извѣстнаго рода мыслей додумать до конца, или же доказательство того, что нашъ „практи-

---

1) И. Гофштеттеръ: „Доктринеры капитализма“. Спб., 1895 г.

2) Сочиненія, т. II (2-е изд.), стр. 102—103.

3) Выполнимы только отдѣльные пункты этой программы, осуществленіе которыхъ дастъ результаты, діаметрально противоположные ожидаемымъ.

ческій разумъ“ находится подъ вліяніемъ интересовъ тѣхъ классовъ, которые не могутъ не успокоиться на капитализмѣ.

А, впрочемъ, гдѣ г. Оболенскій видѣлъ успокоившихся „экономическихъ матеріалистовъ“?

МАРКСЪ О ГЁТЕ.

Къ характеристикѣ двухъ умовъ.

(1898).

Кто изъ русскихъ людей не знакомъ непосредственно или по наслышкѣ съ знаменитымъ Писаревскимъ развѣнчаніемъ Пушкина? Въ этомъ литературномъ и культурномъ фактѣ, который мы можемъ въ настоящее время разсматривать съ полнымъ спокойствіемъ, исторически-объективно, сказалась цѣлая многозначительная стадія умственнаго развитія нашей страны. Исторія духовной культуры другихъ народовъ представляетъ намъ замѣчательныя аналогіи развѣнчанія Пушкина.

Менцель и Берне продѣлали то же самое надъ еще болѣе великимъ поэтомъ—Гёте. И этотъ литературный эпизодъ нашелъ свое любопытное отраженіе въ исторіи русской критики. Бѣлинскій, какъ извѣстно, возсталъ противъ Менцеля: онъ написалъ въ защиту Гете свою знаменитую статью „Менцель, критикъ Гете“,—статью, которая отмѣчаетъ собой цѣлый періодъ въ исторіи развитія духовной личности великаго русскаго критика.

Споръ о Пушкинѣ и о Гете имѣлъ по существу общій характеръ, и въ общей своей постановкѣ спорный вопросъ продолжаетъ обсуждаться въ литературѣ и еще болѣе продолжаетъ онъ интересовать читателей. „Искусство для искусства“, „чистое“ самодовлѣющее искусство или же искусство какъ средство для другихъ цѣлей, внѣ его лежащихъ, искусство въ подчиненіи морали и политикѣ?

Я не задаюсь цѣлью въ предлагаемой небольшой замѣткѣ исчерпать или хоть сколько-нибудь разобрать этотъ сложный вопросъ; мнѣ хочется лишь подѣлиться съ читателями однимъ замѣчательнымъ мнѣніемъ о Гете, высказаннымъ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ Карломъ Марксомъ [1]). Это мнѣніе, какъ мнѣ кажется,

---

[1]) Въ 1846 г., извѣстный въ то время нѣмецкій соціалистъ Грюнъ *издалъ книгу* „Гёте съ человѣческой точки зрѣнія“, въ которой

и для даннаго частнаго случая, и для общаго вопроса объ искусствѣ намѣчаетъ правильное рѣшеніе; во всякомъ случаѣ, оно заслуживаетъ вниманія, какъ заявленіе одного изъ величайшихъ умовъ нашего вѣка о всеобъемлющемъ поэтическомъ геніи той же эпохи. Теперь врядъ ли можно, безъ спеціальной претензіи на оригинальность, т. е. безъ оригинальничанья, отрицать могучую силу художническаго генія Гете; врядъ ли можно не признавать вѣрною характеристику Гете, данную Бѣлинскимъ въ указанной статьѣ: „Гете былъ духъ, во всемъ жившій и все въ себѣ ощущавшій своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ... Онъ многостороненъ какъ природа, которой такъ страстно сочувствовалъ, которую такъ горячо любилъ и которую такъ глубоко понималъ“. Теперь врядъ ли этой характеристикѣ можно

отдѣльныя мѣста и цѣлыя произведенія Гете толковалъ и комментировалъ въ соціалистическомъ смыслѣ. Эта несообразная книга вызвала Маркса на рядъ фельетоновъ, напечатанныхъ въ нѣмецкой „Брюссельской газетѣ“ за 1847 г., издававшейся 2 раза въ недѣлю Адальбертомъ фонъ-Борнштедтомъ. Безпощадно критикуя и высмѣивая „человѣческую“ точку зрѣнія Грюна, вскрывая мелкобуржуазную подкладку и реакціонное значеніе этой, повидимому, отвлеченной точки зрѣнія, Марксъ попутно далъ приводимую ниже блестящую характеристику Гете. Она даже на нѣмецкомъ языкѣ нигдѣ не была перепечатана и извѣстна лишь тѣмъ, кто видѣлъ и читалъ чрезвычайно рѣдкую „Брюссельскую газету“, единственный извѣстный намъ экземпляръ которой сохранился въ библіотекѣ покойнаго Энгельса. Это изданіе въ 1847 г. являлось органомъ только что вылившагося тогда въ стройную систему ученія Маркса, жившаго въ то время съ Энгельсомъ въ столицѣ Бельгіи. До смерти Фр. Энгельса съ „Брюсельской газетой“ почти никто не былъ знакомъ. Съ переходомъ въ Берлинъ библіотеки Энгельса, какъ извѣстно, жившаго и умершаго въ Лондонѣ, содержаніе этой газеты стало болѣе доступнымъ. На критическіе фельетоны Маркса подъ заглавіемъ „Deutscher Sozialismus in Versen und Prosa“, содержащіе разборъ стихотвореній К. Бека и вышеназванной книги Грюна, первый въ 1896 г. обратилъ вниманіе Францъ Мерингъ. Данное имъ обозрѣніе содержанія „Брюссельской газеты“ было дополнено пишущимъ эти строки, сдѣлавшимъ попытку болѣе или менѣе точно установить, что въ газетѣ принадлежитъ Марксу и Энгельсу (см. „Neue Zeit“, XV, 1, № 12). Фельетоны о Бекѣ и Грюнѣ напечатаны въ №№ 73—74 и 93—98 „Brüsseler Zeitung“.

Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ литературной дѣятельностью Гете въ ея цѣломъ или освѣжить въ своей памяти важнѣйшіе ея моменты и этапы, можно рекомендовать содержательную и легко написанную книгу А. Шахова: „Гете и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка“. Изд. 2-ое. Спб. 1897 г.

противопоставлять съ расчетомъ на успѣхъ несправедливо-желчные отзывы Берне:

„Гете понималъ лишь то, что заключено во времени и пространствѣ, безконечность и вѣчное были ему недоступны... Гете понималъ лишь то, что мертво, и потому онъ умерщвлялъ всякую жизнь, чтобы понять ее... Гете былъ помѣшанъ на неподвижности, и спокойное житіе (Bequemlichkeit) было его религіей. Онъ охотно пригвоздилъ бы время къ пространству. Это ему не удалось, но ему удалось задержать свой народъ, во время жизни и послѣ смерти; и если нѣмецкій народъ захочетъ достигнуть славы и счастья, онъ долженъ перейти черезъ трупъ Гете".

Въ общемъ истина, конечно, на сторонѣ Бѣлинскаго, но и въ отзывахъ Берне, несмотря на всю чудовищность заключающейся въ нихъ эстетической и культурно-исторической оцѣнки, есть крупица истины.

Бѣлинскій говорилъ, что Гете былъ „неспособенъ предаться никакой односторонности, ни пристать ни къ какому исключительному ученію, системѣ, партіи". Это вѣрно, но не совсѣмъ.

Послушаемъ Маркса:

„Гете въ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ двойственное отношеніе къ нѣмецкому обществу своего времени. То онъ враждебенъ этому обществу; оно противно поэту, и послѣдній стремится уйти отъ него,—мы видимъ это въ „Ифигеніи" и вообще во время итальянскаго путешествія; въ лицѣ „Геца", „Прометея" и „Фауста" онъ возстаетъ противъ нѣмецкаго общества, въ лицѣ Мефистофеля онъ обливаетъ его самой ѣдкой насмѣшкой. То, наоборотъ, онъ дружитъ съ этимъ обществомъ, мирится съ нимъ (schickt sich in sie),—это мы видимъ въ большинствѣ „Zahme Xenien" и во многихъ прозаическихъ произведеніяхъ; въ „Maskenzüge" онъ прославляетъ его, а во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о французской революціи, Гете защищаетъ современное ему нѣмецкое общество отъ напирающаго на него историческаго движенія. Дѣло тутъ не въ томъ, что онъ признавалъ извѣстныя отдѣльныя стороны нѣмецкой жизни, а другія отрицалъ. Чаще всего мы видимъ, что Гете переживалъ разныя настроенія: въ немъ самомъ происходила непрерывная борьба между геніальнымъ поэтомъ, которому убожество окружающей среды внушало отвращеніе, и степеннымъ сыномъ франкфуртскаго патриція, а потомъ веймарскимъ тайнымъ совѣтникомъ, который вынужденъ былъ идти на перемиріе съ этимъ

убожествомъ и сживаться съ нимъ. Вотъ почему Гете то колоссально-великъ, то мелоченъ, то непокорный, полный насмѣшки, презирающій міръ геній, то почтительный, всѣмъ довольный, узкій филистеръ. И Гете не былъ въ силахъ побѣдить нѣмецкое убожество; наоборотъ, оно побѣдило его, и эта побѣда убожества надъ величайшимъ нѣмцемъ есть лучшее доказательство того, что нѣмецкое убожество не могло быть побѣждено „изнутри". Гете былъ слишкомъ универсаленъ, слишкомъ активенъ по природѣ, слишкомъ—плоть, чтобы искать спасенія отъ убожества въ шиллеровскомъ бѣгствѣ подъ сѣнь кантовскаго идеала; онъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не видѣть, какъ это бѣгство сводилось въ концѣ концовъ къ замѣнѣ плоскаго убожества высокопарнымъ. Его темпераментъ, его силы, все направленіе его духа наталкивали его на дѣйствительную жизнь, а дѣйствительная жизнь, которую онъ встрѣчалъ, представляла нѣчто жалкое. Въ этой дилеммѣ—существовать въ жизненной сферѣ. которой онъ не могъ не презирать, и въ то же время быть прикованнымъ къ ней, какъ къ единственной, въ которой онъ могъ дѣйствовать—въ этой дилеммѣ Гете находился все время. И чѣмъ старше становился могучій поэтъ, тѣмъ болѣе онъ, de guerre lasse, прятался за незначительнымъ веймарскимъ министромъ. Мы не ставимъ Гете—à la Берне или Менцель—въ упрекъ, что онъ не былъ либераломъ, мы упрекаемъ его въ томъ, что онъ по временамъ могъ быть и филистеромъ; не въ томъ Гете виноватъ, что не былъ способенъ проникнуться энтузіазмомъ къ нѣмецкой свободѣ, а въ томъ, что мѣщанскому страху передъ всякимъ реальнымъ и великимъ историческимъ движеніемъ онъ приносилъ въ жертву свое, подчасъ вырывающееся здоровое эстетическое чувство; въ томъ, что онъ въ моментъ, когда Наполеонъ очищалъ великія Авгіевы конюшни Германіи, съ торжественной серьезностью могъ предаваться самымъ мизерно-мелкимъ дѣламъ и menus plaisirs одного изъ наиболѣе мизерно-мелкихъ нѣмецкихъ дворовъ. Вообще, если мы дѣлаемъ упреки, то не съ моральной и не съ партійной точки зрѣнія, а — самое большее — съ эстетической и исторической; мы не измѣряемъ Гете ни моральнымъ, ни политическимъ, ни „человѣческимъ" масштабомъ".

Какъ видите, читатель, Марксъ упрекаетъ Гете не въ политическомъ индифферентизмѣ, не требуетъ отъ него, чтобы онъ былъ либераленъ или радикаленъ. Но онъ съ эстетической точки зрѣнія справедливо возмущается тѣмъ мелкимъ и пошлымъ

консерватизмомъ, которымъ проникнуты, напр., драматическія произведенія Гете, навѣянныя французской революціей, или нѣкоторыя его стихотворныя изреченія, которымъ было въ извѣстной мѣрѣ обезображено все его міросозерцаніе и изуродована его жизнь. Къ великому поэту онъ прилагаетъ чисто эстетическую мѣрку. Въ этомъ отношеніи противоположность между Марксомъ и Берне знаменательна и въ высшей степени характерна для обоихъ. Берне былъ „резонеръ“, какъ выразился Бѣлинскій объ его менѣе славномъ врагѣ Менцелѣ, это былъ моралистъ-раціоналистъ. Спокойное созерцаніе красоты, художественной гармоніи и цѣлостности было ему недоступно. Его психическому складу была до послѣдней степени чужда объективность, необходимая для художественнаго наслажденія и эстетическаго пониманія. Какъ Прометей Зевса, такъ Берне вопрошалъ „великаго язычника“, Гете:

Ich dich ehren? wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Je des Geängstigten? [1])

Борецъ за свободу, который писалъ „не чернилами, а кровью своего сердца“, Берне не жалѣлъ, что ему недоставало художнической объективности. У него было извѣстное презрѣніе и къ искусству, и къ объективности. Онъ даже не желалъ доказывать. „Доказывателей было и безъ того достаточно; я стремился двигать“. И потому онъ обращался не къ умамъ, а къ сердцамъ.

Этому психическому складу Марксъ, какъ писатель, представлялъ во многомъ прямую противоположность. Недаромъ Берне написалъ и произнесъ панегирикъ Жанъ-Поль-Рихтеру, котораго Марксъ считалъ „литературнымъ аптекаремъ“. А геній Гете марксъ умѣлъ цѣнить.

Въ великомъ поэтѣ такъ же, какъ въ Гегелѣ, было что-то родственное великому экономисту. Ширь и объективность духа

---

[1]) Мнѣ чтить тебя? За что?
Бывало-ль, чтобы скорбь ты утолилъ
Обремененнаго?
Когда ты слезы осушалъ
У угнетеннаго?
(Перев. М. Михайлова).

общи имъ обоимъ, морализирующая тенденція и раціоналистичность чужды до нельзя. Неудивительно, что любимыми писателями Маркса были Гете, Шекспиръ и Бальзакъ, что Гейне онъ защищалъ отъ упрековъ въ безнравственности и безпринципности, а ближайшимъ поводомъ ссоры его съ Руге послужили нападки Руге на поэта Гервега за безпорядочный образъ жизни послѣдняго. Марксъ полагалъ, что къ поэтамъ не слѣдуетъ приставать съ моральными требованіями. „Іудейства", которое Гейне считалъ столь характернымъ для Берне и сущность котораго онъ видѣлъ въ „аскетическомъ, иконоборческомъ направленіи духа",— въ Марксѣ не было ни грана. Скорѣе онъ былъ „эллинъ", съ „жизнерадостной, стремящейся развернуться и реалистической душой".

Научная дѣятельность Маркса шла въ разрѣзъ съ морализированіемъ и раціонализмомъ и требовала объективнаго проникновенія въ дѣйствительность. Какъ ни различны научная объективность и объективность художественная, въ психологическомъ отношеніи онѣ представляютъ много общаго. Ни та, ни другая отнюдь не требуютъ моральнаго или политическаго индифферентизма, но они неразрывны съ признаніемъ относительной самостоятельности, въ одномъ случаѣ за научной мыслью, въ другомъ—за художественнымъ творчествомъ. Вотъ почему представитель научнаго объективизма, Марксъ, который принималъ самое активное участіе въ общественно-исторической жизни своего времени, критиковалъ Гете не съ моральной или политической, а съ эстетической точки зрѣнія, не за индифферентизмъ, не за „олимпійство", а за мелочность, филистерство.

Марксу жаль, что великій поэтъ мельчалъ, приспособлялся и терялъ отъ этого свою прежнюю силу и свѣжесть. „Убожество побѣдило", говоритъ онъ съ эстетическимъ сожалѣніемъ, но въ его словахъ нѣтъ ни намека на сожалѣніе о томъ, что Гете не отдалъ свой талантъ прямо на службу какимъ-нибудь политическимъ или моральнымъ идеямъ. Марксъ вѣрилъ въ историческую силу своихъ идей, но ему бы никогда не пришла и въ голову мысль крупному художественному таланту рекомендовать заняться популяризаціей естествознанія или политической экономіи. Какъ ученикъ Гегеля, онъ сказалъ бы вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ: „поэзія есть истина въ формѣ созерцанія... поэтъ мыслитъ образами; онъ не доказываетъ истины, а показываетъ ее... Поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя—она сама себѣ цѣль... поэтическій образъ не

есть что-нибудь внѣшнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, но есть цѣль: въ противномъ случаѣ, онъ не былъ бы образомъ, а былъ бы символомъ". Эта точка зрѣнія одинаково далека и отъ того, чтобы дѣлать поэзію пустой забавой праздная и пресыщеннаго ума, и отъ того, чтобы ставить ее на запятки морали и политики. Она не рекомендуетъ изящной литературѣ безыдейности, но и не навязываетъ поэтическимъ произведеніямъ роли объяснительныхъ картинокъ къ тексту, который пишется политиками и моралистами. Послѣдніе къ тому же не творятъ исторіи, а лишь комментируютъ ее, то удачно, то неудачно. Между тѣмъ какъ поэзія всегда права,—они очень часто оказываются неправыми. Между тѣмъ какъ истинная поэзія всегда даетъ истину, хотя бы въ формѣ созерцанія, политика и мораль— по существу своему односторонни и узки и не могутъ не быть таковыми. Въ этомъ ихъ сила; но привитая поэзіи, эта сила становится слабостью. Поэтъ долженъ всегда, выражаясь словами Тургенева, „смотрѣть на свою задачу глазами поэта", т. е. тѣми глазами, которые умѣютъ ловить образы и краски.

Такова, думается мнѣ, была эстетическая точка зрѣнія Маркса. Съ этой точки зрѣнія можно съ особеннымъ удареніемъ настаивать на томъ, что „поклоненіе Пушкину ни къ чему не обязываетъ", что можно наслаждаться поэзіей эллина-Майкова и находить эстетически нестерпимой стихотворную реторику Малькова-византійца. Это значитъ, что произведенія искусства подлежатъ эстетической оцѣнкѣ. Это вовсе однако не значитъ, чтобы всѣ другія стороны человѣческой жизни можно было поставить на службу эстетикѣ. Художникъ имѣетъ право на извѣстную независимость, хотя не надо забывать, что чѣмъ шире его умственный взоръ, тѣмъ больше уловятъ его глаза. Но полновластье искусства, подчиненіе ему всѣхъ прочихъ сферъ жизни, есть не крайность только, а извращеніе человѣческой природы и покушеніе на всестороннее развитіе человѣческаго духа. Стремленіе превратить многогранное существо, имя которому человѣкъ, въ однобокаго „эстета", прежде всего не имѣетъ въ себѣ ничего эстетическаго. Оно есть уродство и гримаса.

Ф. ЛАССАЛЬ.

По поводу 75-ти-лѣтія со дня его рожденія.

(1900 г.).

Не докторъ философіи или права, не профессоръ, не академикъ—и одинъ изъ ученѣйшихъ философовъ и юристовъ своего времени. Не министръ, не членъ парламента—и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей эпохи, значеніе котораго не умерло вмѣстѣ съ нимъ, но расло послѣ смерти и выросло въ огромную общественную силу. Таковъ тотъ человѣкъ, который, родившись въ буржуазной семьѣ еврейско-нѣмецкихъ коммерсантовъ, вмѣсто того, чтобы стать ординарнымъ торгашемъ, явилъ изъ себя одну изъ самыхъ блестящихъ историческихъ личностей столь богатаго крупными людьми XIX вѣка.

Какъ ни смотрѣть на дѣло, которому служилъ Лассаль, величина его, какъ личности, стоитъ внѣ спора.

Лассаль родился 11-го апрѣля (н. с.) 1825 г. въ Бреславлѣ, какъ сынъ еврейскаго купца. Сперва онъ учился въ бреславской гимназіи, но потомъ самъ, чтобы избѣжать непріятныхъ столкновеній съ отцомъ изъ-за плохихъ отмѣтокъ (за легкомысленное поведеніе), просилъ отца перевести его въ Лейпцигъ въ коммерческое училище. Однако, торговая дѣятельность, къ которой онъ по такимъ случайнымъ причинамъ сталъ готовиться, не только не влекла его, но была даже ему противна. Въ дневникѣ своемъ 15-ти-лѣтній Лассаль пишетъ: „Я отнюдь не думаю, что мнѣ необходимо отказаться отъ общественной, эстетической или политической жизни. Я только пока схватился за эту профессію (торговлю) и я твердо вѣрю, что случай, или, скорѣе, Провидѣніе, вырветъ меня изъ конторы и броситъ на поприще, на которомъ я могу дѣйствовать. Я полагаюсь на случай и свою твердую волю въ томъ, что буду заниматься больше музами, чѣмъ бухгалтерскими книгами, больше — Элладой и Востокомъ, чѣмъ никого и

сахарной свеклой, больше — Таліей и ея жрецами, чѣмъ торгашами и ихъ приказчиками,—въ томъ, что я буду больше заботиться о свободѣ, чѣмъ о товарныхъ цѣнахъ, что я буду больше проклинать аристократовъ, которые отнимаютъ у человѣка его первое и высшее благо, чѣмъ конкурентовъ, сбивающихъ цѣну. Но на проклятіяхъ дѣло не остановится".

Въ другомъ мѣстѣ дневника этотъ юноша, или въ сущности, еще мальчикъ, рѣшительно отвергаетъ мысль о спокойной житейской карьерѣ и даетъ обѣтъ держаться за „истину и добродѣтель" и служить „свободѣ". „О, Франція, любимая моя страна, страна моихъ мечтаній! Какъ тянетъ меня къ тебѣ, съ тобой—свобода, которую ты завоевала. Но ты еще не сложила своего оружія" и т. д. „Вообще мнѣ жаль, что я не учился больше. Мнѣ ясно, что я хочу быть писателемъ". Пылкій юноша обѣщаетъ безбоязненно вступить въ борьбу за правду со зломъ. „И какихъ только препятствій я не поставилъ самъ себѣ на пути! Какъ будутъ мои противники насмѣхаться надъ убѣжавшимъ отъ прилавка приказчикомъ, который промѣнялъ аршинъ на перо. Даже мои сторонники будутъ бояться довѣриться мнѣ, и со всѣхъ концовъ раздастся шипѣніе: „приказчикъ!", „аршинникъ!" Но „приказчикъ" заставитъ замолчать предразсудки".

Въ этихъ изліяніяхъ рано созрѣвшаго юноши сказываются ясно обѣ основныя черты духовнаго облика будущаго дѣятеля: глубокая, доходящая до страстности преданность всеобъемлющему морально-общественному идеалу, преданность, не останавливающаяся передъ самопожертвованіемъ, и рядомъ съ ней—бьющее черезъ край чувство своей собственной грандіозной личности, увѣренность въ себѣ, выражающаяся въ самоувѣренности, потребность главенствовать и вести за собой.

Сознаніе своихъ крупныхъ силъ и своего призванія побудило юношу Лассаля добиваться университетскаго образованія. Учиться онъ хочетъ не медицинѣ и праву, „ибо врачъ и адвокатъ — купцы, торгующіе своимъ знаніемъ", а онъ—стремится учиться „ради дѣятельности". Выдержавъ экзаменъ зрѣлости, Лассаль посвящаетъ себя занятіямъ филологіей и философіей.

Это не случайно. Во-первыхъ, философія первенствовала въ умственной жизни той эпохи, во-вторыхъ, на тѣ важные запросы и вопросы, которыми жилъ и волновался Лассаль, отвѣтомъ могло служить лишь цѣльное знаніе. А цѣльное знаніе и есть—*философія*. Но едва геніальный юноша успѣлъ погрузиться въ глубины

греческой и нѣмецкой мудрости, въ Гераклита и Гегеля, какъ въ 1846 г. его увлекло практическое дѣло, которому онъ предался съ изумительнымъ жаромъ. Онъ сталъ защитникомъ графини Софіи Гатцфельдтъ противъ ея мужа, отстаивалъ ея интересы, велъ ея процессы, изъ-за этого попалъ подъ судъ, но въ концѣ концовъ побѣдилъ и освободилъ графиню отъ преслѣдованій знатнаго, но грубаго и жестокаго супруга. Въ этой трудной и далекой и отъ научныхъ, и отъ политическихъ задачъ борьбѣ прошло около 8 лѣтъ (1846—1854). Правда, за это время, въ 1848 году, Лассаль выступилъ и какъ политическій дѣятель, не играя еще той крупной роли, которая выпала ему на долю впослѣдствіи.

Послѣ 1854 г. Лассаль снова усиленно работаетъ надъ философіей и въ 1857 г. выпускаетъ въ свѣтъ огромный трудъ о „Гераклитѣ Темномъ“.

Затѣмъ наступаетъ „новая эра“ въ Пруссіи, политическая жизнь оживляется, всплываютъ заживо похороненные послѣмартовскою реакціей вопросы внѣшней и внутренней политики. Но и тутъ политика не поглощаетъ еще исключительно умственныхъ силъ и вниманія Лассаля. Онъ находитъ время для написанія огромнаго труда по теоріи права: „Система пріобрѣтенныхъ правъ“. Хотя трудъ этотъ и строй его мыслей стоятъ въ глубокой идейной и психологической связи съ практической дѣятельностью Лассаля, однако связь эта не дѣлаетъ „Систему пріобрѣтенныхъ правъ“ доступной и интересной для лицъ, интересующихся практическими общественными вопросами. „Система пріобрѣтенныхъ правъ“ не популярна даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ популяренъ, т. е. доступенъ и интересенъ для всякаго интересующагося общественными вопросами, напр., „Капиталъ“ Маркса.

Между тѣмъ общественная жизнь въ Пруссіи и въ Германіи начала все сильнѣе и сильнѣе пульсировать. Разыгрывался знаменитый конфликтъ между правительствомъ Вильгельма I съ Бисмаркомъ во главѣ и либеральной прусской палатой. Сперва Лассаль шелъ рука объ руку съ „либералами“ (прогрессистами), но ни по своимъ идеямъ, ни по своему темпераменту онъ не былъ имъ близокъ, и разрывъ долженъ былъ рано или поздно наступить. Разрывъ этотъ былъ фактомъ огромнаго общественнаго значенія, потому что въ титанической личности Лассаля воплощалась и ею возвѣщала о своемъ пришествіи новая общественная сила: пролетаріатъ, или четвертое сословіе. Лассаль

явился отцомъ самостоятельной политической организаціи рабочаго класса въ Германіи. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на деталяхъ этой достаточно извѣстной и наиболѣе яркой стороны его дѣятельности, которая—нельзя не отмѣтить этой характерной особенности—несмотря на свое огромное историческое значеніе, продолжалась всего около года (съ марта 1863 по августъ 1864 г.).

Не станемъ мы также разсказывать той якобы „романической", а, въ сущности, мало поэтической любовной исторіи, которая привела къ безславному концу славную жизнь Лассаля, павшаго на дуэли съ ничтожнымъ соперникомъ по любви ничтожной, но красивой дамы [1]).

Какъ практическій политической дѣятель, Лассаль предоставлялъ оригинальное и крупное явленіе только своею огромною личностью, но не своими предложеніями и пріемами. Иное слѣдуетъ сказать объ общемъ философскомъ духѣ, которымъ проникнута была его блестящая общественная дѣятельность, его могучая личность и произведенія его мысли. Лассаль-политикъ (въ узкомъ смыслѣ слова) со всѣми своими жизнеспособными идеями цѣликомъ воплотился въ жизни и дѣятельности созданной имъ политической партіи, но нельзя сказать того же о философскомъ духѣ Лассаля, который еще ищетъ себѣ живого воплощенія, и, мы думаемъ, найдетъ его.

Наши слова станутъ понятны читателю, если мы напомнимъ ему духовную родословную великаго агитатора. Лассаль былъ прямымъ порожденіемъ нѣмецкой идеалистической философіи. Онъ не только побывалъ въ школѣ Канта, Фихте и Гегеля, какъ Марксъ и Энгельсъ, которые прошли черезъ идеалистическую философію, но ушли изъ нея—въ матеріализмъ. Въ Лассалѣ до конца его яркой и бурной дѣятельности былъ живъ духъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ. И этотъ духъ съ необыкновенной

---

[1]) На могилѣ Лассаля, похороненнаго на еврейскомъ кладбищѣ въ Бреславлѣ, начертана составленная великимъ классикомъ-филологомъ Августомъ Бекхомъ (Boeckh) поистинѣ классическая эпитафія: Hier ruht was sterblich war von Lassalle, dem Denker und Kämpfer (здѣсь покоится то, что было смертно въ Лассалѣ, мыслителѣ и борцѣ). Любопытно, что барельефъ Лассаля на его надгробномъ памятникѣ—въ силу требованій еврейскаго обряда—остается невидимымъ для посѣтителей: онъ закрытъ коробкой, и на нашу просьбу открыть ее и показать барельефъ, *послѣдовалъ отказъ*.

силой отразился на его соціально-философскомъ міросозерцаніи. Въ рѣчи, посвященной памяти Фихте, онъ самъ назвалъ этотъ духъ „священнымъ Вестовымъ пламенемъ метафизическаго мышленія,— пламенемъ, съ которымъ, несмотря на его метафизическую сверхчувственность, точно такъ же, какъ съ огнемъ римскихъ весталокъ неразрывно связаны земныя судьбы нѣмецкой націи". Этимъ идеалистическимъ пламенемъ питался и его политическій пафосъ. Онъ сказывается въ покоряющемъ читателя лиризмѣ лассалевскихъ рѣчей. Его исполинская личность такъ же нуждалась въ метафизическомъ пламени, какъ, съ другой стороны, только въ такой личности этотъ пламень могъ адэкватно выразиться.

Для Лассаля метафизическій пламень не былъ, какъ мы только что убѣдились изъ его собственныхъ словъ, оторванной отъ жизни и ей ненужной теоретической силой. Онъ былъ неразрывно связанъ съ земными судьбами человѣчества. Въ этомъ смыслѣ Лассаль былъ вѣрнымъ ученикомъ Фихте. Недаромъ онъ съ особеннымъ удареніемъ приводитъ слова Фихте:

„На что въ концѣ концовъ направлены всѣ наши старанія и труды въ самыхъ отвлеченныхъ наукахъ? Пусть ближайшею цѣлью этихъ стараній будетъ продолжать изъ поколѣнія въ поколѣніе и сохранять на свѣтѣ науки. Но почему же ихъ должно сохранять? Очевидно, лишь для того, чтобы въ надлежащее время устроить всеобщую жизнь и ввести человѣческій порядокъ вещей. Это—конечная цѣль науки; посредственно такимъ образомъ, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, всякое научное стремленіе служитъ государству".

Въ устахъ великаго идеалиста, философа дѣйственности, Фихте и его знаменитаго ученика Лассаля эти слова не были проповѣдью пошлаго и плоскаго общественнаго и государственнаго утилитаризма. Въ нихъ выразилась фаустовская мысль: „въ началѣ было дѣло" (Im Anfang war die That), т. е. характерное для Канта и Фихте ученіе о метафизическомъ первенствѣ, или приматѣ практическаго разума. „Государство" для Лассаля, какъ для Фихте и Гегеля, было величайшей нравственной силой, „дѣйствительностью нравственной идеи" (Гегель), объективной реализаціей „метафизическаго пламени".

„Исторія,—училъ Лассаль,—есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ и, стало быть, со всякаго рода несвободой, въ которой мы находились, когда человѣческій *родъ начиналъ* свою исторію. Послѣдовательное преодо-

лѣніе этого безсилія — вотъ въ чемъ заключается то развитіе свободы, которое воплощается въ исторіи.

„Въ этой борьбѣ мы не сдѣлали бы ни одного шага впередъ и никогда не могли бы впредь сдѣлать этого шага, если бы мы боролись или хотѣли бороться, какъ отдѣльныя личности, каждый въ одиночку, только за себя.

„На государствѣ лежитъ задача осуществлять это развитіе свободы, это развитіе человѣческаго рода къ свободѣ.

„Государство есть единство индивидовъ въ нѣкоторомъ нравственномъ цѣломъ, единство, которое въ милліонъ разъ увеличиваетъ силы всѣхъ индивидовъ, имъ объемлемыхъ, т. е. тѣ силы, которыми они располагали бы всѣ, какъ единичныя личности.

„Цѣль государства не состоитъ, стало быть, въ томъ, чтобы только охранять личную свободу и собственность индивида, съ которыми послѣдній, согласно идеѣ буржуазіи, якобы уже вступаетъ въ государство; цѣль государства совсѣмъ иная, а именно: путемъ соединенія дать индивидамъ возможность достигать такихъ цѣлей, такой ступени бытія, которыхъ они, какъ отдѣльныя личности, никогда не могли бы достигнуть, сдѣлать ихъ способными достигнуть такой суммы образованія, могущества и свободы, которая была бы безусловно недоступна для нихъ всѣхъ, какъ отдѣльныхъ лицъ. Цѣль государства такимъ образомъ заключается въ положительномъ раскрытіи и послѣдовательномъ развитіи человѣческаго существа, иными словами—въ томъ, чтобы дать человѣческому назначенію, т. е. культурѣ, къ которой способенъ человѣческій родъ, дѣйствительное существованіе; эта цѣль—воспитаніе и развитіе человѣческаго рода къ свободѣ“.

Въ кругахъ сторонниковъ того практическаго общественнаго направленія, однимъ изъ самыхъ видныхъ выразителей котораго былъ Лассаль, преобладаетъ теперь отрицательное отношеніе къ этому, такъ называемому „культу государства“. Ему противопоставляется реалистическое пониманіе государства, какъ организаціи смѣняющихся въ своемъ господствѣ классовыхъ интересовъ. Но это историко-реалистическое пониманіе конкретнаго соціальнаго содержанія государства, государства, какъ историческаго факта, можетъ только по недоразумѣнію противополагаться идеа-

листическому, или этическому пониманію государства, какъ морально-общественнаго начала. Въ своемъ высокомъ пониманіи государства Лассаль выразилъ истинную и глубочайшую этическую сущность того общественнаго движенія, съ исторіей котораго онъ навсегда связалъ свое имя. Побѣда коллективнаго человѣческаго сознанія надъ слѣпыми и стихійными силами природы и человѣческой исторіи, сознательное устроеніе всей человѣческой жизни на основѣ свободно признаваемаго и въ то же время общеобязательнаго морально-общественнаго идеала — вотъ къ чему сводятся задачи „государства“ въ пониманіи Лассаля.

Неправильно было бы считать этотъ взглядъ требующимъ поглощенія личности Левіаѳаномъ-государствомъ; стремленіе къ сліянію личнаго интереса съ общественно-государственнымъ не должно быть, съ точки зрѣнія Лассаля, исчезновеніемъ личности въ какомъ-то безразличномъ общеніи; оно означаетъ, наоборотъ, освобожденіе личности отъ естественныхъ и историческихъ узъ. Лассаль былъ несомнѣннымъ универсалистомъ въ этикѣ. „Вѣчнымъ основнымъ понятіемъ нравственности является преданность всеобщему“ — въ этихъ словахъ Лассаль резюмируетъ этику Гераклита и въ то же время формулируетъ свой собственный этическій универсализмъ. Но его морально-общественный универсализмъ не посягалъ нисколько на индивидуализмъ. И въ этомъ отношеніи Лассаль оставался вѣрнымъ духу идеалистической философіи. Въ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“ Лассаль со ссылкой на Фихте превосходно замѣчаетъ и разъясняетъ, что обычное словоупотребленіе, отождествляющее буржуазный либерализмъ съ индивидуализмомъ, рѣшительно не мирится съ буржуазными принципами и учрежденіями. Въ этихъ словахъ высказана истина, о которой часто забываютъ люди, безъ всякой мысли играющіе съ понятіями: индивидуализмъ, либерализмъ и т. п., истина, которую слѣдуетъ постоянно и настойчиво повторять, потому что противоположное ей заблужденіе получило право давности и характеръ непререкаемаго общаго мѣста.

Ошибки Лассаля въ области политической экономіи и соціальной политики (желѣзный законъ заработной платы, преувеличеніе значенія производительныхъ товариществъ, пренебрежительное отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ и потребительнымъ коопераціямъ и т. д.) теперь совершенно обезврежены и, такъ сказать, похоронены исторіей. И потому съ особенной яркостью выступаетъ его неумирающая заслуга, тотъ идеалистическій духъ,

въ которомъ онъ понималъ соціальную проблему, сліяніе ея воедино съ самыми завѣтными и дерзновенными запросами практической и теоретической философской мысли. Лассаль навсегда останется замѣчательно цѣльнымъ и чарующимъ живымъ воплощеніемъ въ одной могучей индивидуальности самаго трезваго соціальнаго реализма и самаго смѣлаго и проникновеннаго соціальнаго идеализма. У него были почти всѣ сильныя стороны реалиста Маркса, и въ то же время онъ, дѣйствительно, унаслѣдовалъ духъ философскаго идеализма, духъ Канта, Фихте и Гегеля, а не отказался отъ него, какъ Марксъ, въ пользу матеріализма и эволюціонно-историческаго позитивизма.

Бернштейнъ недавно закончилъ свою, пріобрѣтшую такую широкую извѣстность, книгу призывомъ: „Назадъ къ Ланге!“ Мы очень высоко цѣнимъ личность, критическій духъ и историческія заслуги автора „Исторія матеріализма“. Но мы думаемъ, что возвращеніе къ нему можетъ дать лишь очень мало для созданія положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т.-е. въ сущности, на старыхъ идеалистическихъ основахъ. Въ поискахъ духовнаго маяка, достаточно высокаго и яркаго, взоръ сторонниковъ соціальнаго идеализма долженъ естественно обратиться къ послѣднему дѣйствительно крупному представителю философскаго идеализма, къ Ф. Лассалю. Къ „діалектическимъ“ и инымъ убѣжденнымъ „матеріалистамъ“ мы обратились бы поэтому съ призывомъ: „Назадъ къ Лассалю“! Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: назадъ къ Гегелю и — еще дальше и больше — къ *Фихте*. Но назадъ не къ ихъ діалектикѣ, которую можно ставить „вверхъ ногами“, которая можетъ быть сгибаема и на матеріалистическій, и на идеалистическій ладъ, а къ ихъ строгому и несгибаемому идеалистическому существу. Каково оно—объ этомъ совершенно явственно и достаточно выразительно говорятъ историческія фигуры Фихте и Лассаля.

ЕЩЕ О ЛАССАЛѢ.

(1901).

Въ ноябрѣ прошлаго года я напечаталъ замѣтку о Лассалѣ. внѣшнимъ образомъ пріуроченную къ 75-лѣтію со дня его рожденія. Въ этой замѣткѣ мнѣ хотѣлось почтить память знаменитаго дѣятеля и въ то же время подчеркнуть въ его духовномъ обликѣ то, что, на мой взглядъ, составляло внутреннюю мощь его личности и дѣятельности.

Маленькая замѣтка, оканчивавшаяся призывомъ, подѣйствовала какъ вызовъ—къ полемикѣ. На нее появились послѣдовательно два возраженія въ журналѣ „Жизнь“. Это нисколько неудивительно: взгляды мои не нравятся нѣкоторымъ журналистамъ и нѣкоторымъ „профанамъ“, такъ же, какъ ихъ взгляды, долженъ сознаться, не удовлетворяютъ меня. Странно вотъ что. Полемическое увлеченіе заходитъ такъ далеко, что одному изъ моихъ оппонентовъ, г. Суркову, написавшему въ отвѣтъ мнѣ довольно большую замѣтку, понадобилось для опроверженія моихъ взглядовъ и, очевидно, въ ознаменованіе юбилея Лассаля, взвести на него явную неправду, а редакціи „Жизнь“—повидимому въ интересахъ своеобразной объективности—напечатать таковую неправду безъ всякихъ оговорокъ.

Г. Сурковъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ книги Бернгарда Беккера („Enthüllungen über das tragische Lebensende Ferdinand Lassalle's“) объ извѣстной брошюрѣ Лассаля „Итальянская война и задачи Пруссіи“. „Лассаль въ этой брошюрѣ покидаетъ демократическую точку зрѣнія и разсматриваетъ все дѣло такъ, какъ разсматривалъ его любой изъ приверженцевъ готтской программы. Онъ пишетъ не какъ демократъ, а какъ прусскій монархистъ...

Порицая самымъ рѣзкимъ образомъ ненавистнаго для демократіи Луи-Наполеона, онъ въ то же время благоразумно умалчиваетъ о Викторѣ Эммануилѣ, тогда какъ послѣдній только и дѣлалъ, что проводилъ въ Италіи политику Бонапарта. Если бы Лассаль говорилъ на самомъ дѣлѣ отъ имени демократіи и держался бы демократической точки зрѣнія, то онъ долженъ былъ бы писать о борьбѣ Савойскаго дома, какъ писали истинные демократы Италіи. Столь же мало Лассаль имѣлъ основаній, будучи демократомъ, утверждать, что неудачу нѣмецкаго движенія 1848 г. нужно приписать неосуществленію единодержавія прусскаго королевства, достигнутаго разгромомъ Австріи, точно такъ же какъ (онъ) не имѣлъ права въ качествѣ демократа побуждать прусскій королевскій домъ къ подражанію бонапартистско-сардинской политикѣ и требовать отъ него осуществленія созданія (не довольно ли одного осуществленія? *П. С.*) единства Германіи".

„Такимъ образомъ взгляды Лассаля, проводимые имъ въ указанной брошюрѣ, ни въ какомъ случаѣ не были демократическими. Наоборотъ, они построяли единство, отдѣляя его отъ свободы и не принимая во вниманіе того, что единство, выкроенное Пруссіей, навсегда должно было оставаться крайне проблематичнымъ и означало поглощеніе Германіи пруссицизмомъ".

Лассалю не мало уже пришлось страдать отъ несправедливости Маркса и марксистовъ отъ Бернгарда Беккера до Бернштейна включительно. Г. Сурковъ не первый и, быть можетъ, не послѣдній правовѣрный марксистъ, уличающій Лассаля въ недостаткѣ демократизма. Но напрасно только г. Сурковъ взялъ себѣ въ руководители по демократической критикѣ Лассаля такого подозрительнаго автора, какъ Беккеръ. Этотъ маленькій человѣчекъ, по завѣщанію Лассаля, но не исторіи, ставшій его преемникомъ, изъ злобы къ лассалеанцамъ прямо клеветнически лягалъ своего великаго предшественника. А г. Сурковъ, желающій поразить пишущаго эти строки, съ радостью ухватывается за клеветы Беккера и свиваетъ изъ нихъ своеобразный юбилейный вѣнокъ Лассалю.

Кстати, г. Сурковъ даже толкомъ не знаетъ, кто такой былъ Бернгардъ Беккеръ. Онъ воображаетъ, что этотъ Беккеръ былъ впослѣдствіи оберъ-бургомистромъ города Кельна. Но „красный Беккеръ" (Германъ Беккеръ) нѣкогда кельнскій коммунистъ и товарищъ Маркса, бывшій потомъ оберъ-бургомистромъ Кельна и *либеральнымъ* депутатомъ прусской палаты депутатовъ, совсѣмъ

другое лицо, чѣмъ Бернгардъ Беккеръ [1]). Послѣдній былъ при жизни Лассаля его послѣдователемъ. Лассаль рекомендовалъ въ своемъ завѣщаніи избраніе Беккера своимъ преемникомъ на должность президента „Всеобщаго Германскаго союза“ и, благодаря такой авторитетной и, можно сказать, непререкаемой для лассальянцевъ рекомендаціи, этотъ маленькій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ сталъ во главѣ основаннаго Лассалемъ крупнаго общественнаго движенія. Но быть рекомендованнымъ Лассалемъ не значило быть призваннымъ исторіей къ крупной и отвѣтственной роли. Ни интриги Бернгарда Беккера, ни званіе „президента человѣчества“, которымъ онъ себя украшалъ, не помогли ему: онъ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе энергичнымъ, дѣльнымъ и умнымъ людямъ. Послѣ того какъ Беккеръ порвалъ съ лассальянцами или вѣрнѣе послѣ того, какъ они порвали съ нимъ, онъ примкнулъ къ другой фракціи нѣмецкаго рабочаго движенія, къ руководимымъ Бебелемъ и Либкнехтомъ въ духѣ Маркса „эйзенахцамъ“, которые, какъ извѣстно, были на ножахъ съ лассальянскимъ движеніемъ, предводительствуемымъ фонъ-Швейцеромъ. Любопытно, что въ свое время Беккеръ, будучи президентомъ лассальянскаго союза, выливалъ помои на Маркса, Энгельса и Либкнехта, пользуясь для этого памфлетами Фогта противъ Маркса и другими „грязными“ источниками [2]). Будучи эйзенахцемъ-марксистомъ, Беккеръ написалъ свои „злобныя сочиненія“, которыя любопытны и даже весьма цѣнны по сообщаемымъ въ нихъ впервые подлиннымъ документамъ, но содержатъ, по свидѣтельству Франца Меринга, „хамскія вылазки“ и „отвратительныя глоссы“, направленныя противъ Лассаля [3]). Литературная дѣятельность Беккера, въ качествѣ редактора эйзенахскаго органа „Braunschweiger Volksfreund“ и автора книгъ о Лассалѣ, много содѣйствовала, по указанію Меринга, поддержанію братоубійственной свары и взаимной травли между двумя фракціями одного и того же движенія. Въ концѣ концовъ положеніе Бернгарда

[1]) Г. Сурковъ не сдѣлалъ бы своей курьезной ошибки, если бы сколько-нибудь внимательно прочелъ имъ же самимъ цитируемую книгу Меринга. Я, впрочемъ, не ручаюсь, что эпитетъ „красный“ относится къ Герману Беккеру, товарищу Маркса по демократическому движенію на Рейнѣ и потомъ оберъ-бургомистру Кельна, а не къ Августу Беккеру, ученику Вейтлинга, дѣйствовавшему въ Швейцаріи и окончившему свои дни такъ же, какъ Вейтлингъ, эмигрантомъ въ Америкѣ.

[2]) См. объ этомъ у Меринга „Geschichte“ etc. II, 144.

[3]) Тамъ же, II, 306, 562, 563.

Беккера и среди эйзенахцевъ стало невозможнымъ; онъ долженъ былъ удалиться въ Швейцарію, гдѣ въ нуждѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Я нарочно ссылаюсь на мнѣніе Меринга, этого, быть можетъ, самаго ортодоксальнаго и фанатичнаго изъ всѣхъ современныхъ марксистовъ, о трудахъ и дѣятельности Беккера [1]). Сколько-нибудь справедливые, вдумчивые и свѣдущіе марксисты въ настоящее время не станутъ и оспаривать того, что оцѣнка Лассаля, сдѣланная въ свое время Беккеромъ, крайне несправедлива и не можетъ быть повторяема. Я не понимаю вообще, какъ могъ г. Сурковъ, ничтоже сумняся, ссылаться на поистинѣ „неправеднаго“ судью Беккера, столь грубо, прямо аляповато [2]) раздѣлывающаго Лассаля. Въ этомъ не было и никакой надобности, потому что для строгаго марксистскаго суда надъ Лассалемъ—если таковой судъ вообще былъ для чего-нибудь нуженъ — можно было привлечь, въ качествѣ обвинителя, болѣе умнаго и ученаго, а потому и болѣе авторитетнаго автора, чѣмъ Беккеръ. Таковой имѣется въ лицѣ небезызвѣстнаго Эдуарда Бернштейна. Г. Сурковъ ссылается, правда, на его строгое сужденіе о берлинской рѣчи Лассаля. Но почему же г. Сурковъ умалчиваетъ о томъ анализѣ и о той оцѣнкѣ брошюры объ „итальянскомъ вопросѣ и задачахъ Пруссіи“, которые даетъ Бернштейнъ и которые опираются у него на совершенно новый матеріалъ, на переписку Лассаля съ Марксомъ и Энгельсомъ? Не потому ли, что тогда огульное и аляповатое обвиненіе Беккера пришлось бы замѣнить гораздо болѣе сложнымъ сужденіемъ, въ главномъ и цѣломъ подрывающимъ клевету Беккера? Г. Сурковъ, быть можетъ, скажетъ, что Бернштейнъ для него слишкомъ „остороженъ“. Но съ какихъ поръ осторожность въ сужденіяхъ о событіяхъ и людяхъ стала порокомъ? Осторожность въ общемъ крайне пристрастнаго п р о т и в ъ Лассаля Бернштейна [3]) есть лишь проявленіе обязательной для всякаго писателя добросовѣстности и обдуманности сужденія, и то обстоятельство, что г. Сурковъ предпочелъ преподнести русскимъ чи-

[1]) Мерингъ вообще къ Лассалю и лассалеанцамъ относится справедливо и по достоинству оцѣниваетъ ихъ значеніе.

[2]) Г. Сурковъ съ удовольствіемъ перепечатываетъ даже пошлыя сужденія Беккера о Каптѣ и Фихте.

[3]) Бернштейнъ въ 1892 г., въ качествѣ ортодоксальнаго марксиста и ближайшаго ученика Энгельса, находившагося подъ его личнымъ вліяніемъ, былъ крайне пристрастенъ не въ пользу Лассаля. Теперь, я думаю, Бернштейнъ иначе высказался бы о многомъ.

тателямъ вмѣсто „осторожнаго“ сужденія Бернштейна огульно-обвинительное Беккера, свидѣтельствуетъ о недостаточно серьезномъ отношеніи самого г. Суркова къ дѣлу. Простая писательская добросовѣстность предписывала г. Суркову сообщить своимъ читателямъ слѣдующее: Бернштейнъ, опираясь на переписку Лассаля съ Марксомъ и отчасти Родбертусомъ, неопровержимо доказалъ, что Лассаль никогда не покидалъ демократической точки зрѣнія, и что выводы, которые дѣлались въ этомъ отношеніи о взглядахъ Лассаля, на основаніи его брошюры объ итальянской войнѣ, по существу невѣрны и объясняются полнымъ игнорированіемъ своеобразныхъ литературно-публицистическихъ пріемовъ, употребленныхъ въ этой брошюрѣ Лассалемъ. Теперь, послѣ того какъ Бернштейнъ въ 1892 г. опубликовалъ относящіяся къ тому же времени письма Лассаля къ Марксу, повторять сужденія Беккера значитъ либо умышленно игнорировать истину, либо съ непростительной небрежностью относиться къ ея установленію и распространенію. Г. Сурковъ имѣлъ право критиковать и даже осуждать литературно-публицистическіе пріемы Лассаля, но игнорировать его истинные взгляды и вмѣсто нихъ повторять росказни Беккера это было, по меньшей мѣрѣ, непозволительно.

Въ письмахъ Лассаля къ Марксу, которыя цитируетъ Бернштейнъ, съ удивительною ясностью выраженъ взглядъ Лассаля на тѣ событія и дѣла, которымъ посвящена его брошюра объ итальянской войнѣ. Лассаль высказывается въ этихъ письмахъ, какъ пламенный демократъ и рѣшительный врагъ прусскаго правительства, врагъ объединенія Германіи подъ руководительствомъ и гегемоніей Пруссіи, т. е. врагъ той самой „малонѣмецкой“ точки зрѣнія (или „готтской программы“), въ приверженности къ которой г. Сурковъ устами Беккера обвиняетъ Лассаля. Всѣ эти истинные взгляды Лассаля, въ яркихъ и энергичныхъ по стилю выдержкахъ изъ его писемъ къ Марксу (и Родбертусу), schwarz auf weiss доступны теперь всякому, кто возьметъ въ руки извѣстное введеніе Бернштейна къ „Собранію рѣчей и сочиненій“ Лассаля. И г. Сурковъ, имѣя въ рукахъ это введеніе, посмѣлъ поучать читателя „хамскими вылазками“ Беккера! Что это? Небрежность? Но такая небрежность къ тому жадному до истины русскому читателю, который не читаетъ и не можетъ читать иностранныхъ книгъ и повѣрять фактическое содержаніе преподносимыхъ ему журнальныхъ статей, заслуживаетъ самаго рѣзкаго безоговорочнаго порицанія.

Достаточно привести одно мѣсто изъ писемъ Лассаля. Къ Родбертусу онъ пишетъ: „Если я что-нибудь въ моей жизни ненавидѣлъ, такъ это—малонѣмецкую партію... $1^1/_2$ года тому назадъ у меня было собраніе моихъ друзей, въ которомъ я формулировалъ дѣло такъ: мы всѣ должны желать „Grossdeutschland moins les dynasties“ (т. е. единую нѣмецкую республику со включеніемъ нѣмецкихъ земель Австріи).

Въ своей брошюрѣ Лассаль обращался къ прусскому правительству, предлагая ему стать во главѣ объединительнаго движенія Германіи. Повидимому, между брошюрой и письмами—огромное противорѣчіе. Но противорѣчіе между брошюрой и письмами было, въ концѣ концовъ, лишь кажущееся. Тамъ, гдѣ Лассаль въ брошюрѣ говоритъ что-нибудь не совпадающее съ развитыми въ письмахъ идеями, тамъ онъ пускаетъ въ ходъ всегда большое „если“, и этому „если“ онъ въ концѣ проти вопоставляетъ: „а если нѣтъ“, „тогда“ и формулируетъ это „тогда“ такъ: „Этимъ лишь снова и снова доказывается, что правительство въ Германіи не способно болѣе ни на какой національный подвигъ“. Такъ объясняетъ дѣло—и это объясненіе слѣдуетъ признать правильнымъ—не кто иной, какъ Бернштейнъ въ своемъ введеніи къ „Reden u Schriften“ Лассаля (I, 57). Установленный имъ гипотетическій смыслъ брошюры выраженъ въ ея эпиграфѣ: „Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo“, т.-е если я не убѣжду правительства, то я подыму нѣмецкій народъ. Такимъ образомъ брошюра Лассаля была написана съ заднею мыслью, прямо въ ней не выраженною. Она заключала въ себѣ такой, обращенный къ прусскому правительству вызовъ, принятія и осуществленія котораго прусскимъ правительствомъ Лессаль, какъ послѣдовательный нѣмецкій демократъ, не могъ желать: Этотъ пріемъ можно осуждать или находить цѣлесообразнымъ и одобрять; но нельзя, какъ то дѣлаетъ г. Сурковъ, утаивать отъ читателя, что здѣсь передъ нами литературно-публицистическій пріемъ, нельзя выдавать его за существо взглядовъ Лассаля.

Марксъ и Энгельсъ въ то время смотрѣли на положеніе международныхъ дѣлъ и на желательный ходъ политики совсѣмъ иначе, чѣмъ Лассаль. Лассаль исходилъ изъ мысли, что вмѣшательство Пруссіи въ пользу Австріи въ ея борьбѣ съ Наполеономъ и сардинскимъ домомъ было бы преступленіемъ противъ демократіи; Марксъ и Энгельсъ, ослѣпленные ненавистью къ Бонапарту и

бонапартизму, повидимому, желали войны соединенной Германіи (т.-е. Австріи и остальной Германіи) противъ второй имперіи изъ-за ея небезкорыстнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Нападеніе Наполеона на Австрію они считали нападеніемъ бонапартизма на всю нѣмецкую націю и требовали національнаго отпора Германіи противъ французской имперіи, которую они къ тому же подозрѣвали въ поползновеніяхъ на Рейнъ. Такимъ образомъ они, теоретически считая желательнымъ національное объединеніе Италіи и освобожденіе сѣвера ея отъ австрійскаго владычества, практически признавали необходимой рѣшительную борьбу нѣмецкой націи противъ той силы, въ союзѣ и въ компромиссѣ съ которою при данныхъ обстоятельствахъ только и могло осуществиться объединеніе Италіи и изгнаніе изъ нея австрійцевъ,—противъ французскаго императора.

Мы не можемъ не сказать, что взгляды Лассаля на европейскій кризисъ 1859—1860 гг. вызываютъ въ насъ гораздо больше сочувствія и представляются намъ гораздо болѣе дальновидными, чѣмъ взгляды Маркса и Энгельса, продиктованные исключительно ненавистью къ наполеоновскому режиму. Въ этомъ отношеніи мы рѣзко расходимся съ Бернштейномъ, который, очевидно, писалъ свое введеніе 1892 г. подъ сильнымъ вліяніемъ Энгельса. Удивительно странное впечатлѣніе производитъ попытка Бернштейна скомпрометировать точку зрѣнія Лассаля, показавъ ея совпаденіе со взглядами писателей, завѣдомо писавшихъ въ интересахъ политики Наполеона III. Точно такія совпаденія что-нибудь доказываютъ! Что бы ни писали по заказу Наполена и въ его интересахъ разные подкупные журналисты, къ которымъ Марксъ и его друзья причисляли безъ достаточныхъ, впрочемъ, доказательствъ даже Карла Фогта,—относительно Лассаля Марксъ и марксисты не могли сомнѣваться, что онъ-то выражалъ свое демократическое убѣжденіе. И совпаденіе Лассаля съ бонапартистами въ тѣхъ или другихъ взглядахъ не дѣлаетъ бонапартистовъ искренними демократами и нисколько не компрометируетъ и не опровергаетъ такого демократа, какъ Лассаль. Въ разногласіи по вопросу объ европейскомъ кризисѣ 1859—1860 гг. Лассаль явился выразителемъ живого непосредственнаго взгляда на вещи; Марксъ и Энгельсъ же представляли въ своемъ лицѣ болѣе обдуманную и расчетливую, но въ то же время нерѣдко и доктринерски надуманную, лишенную живой связи съ дѣйствительностью, точку зрѣнія. Такъ было во всемъ. Едва успѣлъ сойти въ могилу борецъ за

всеобщую подачу голосовъ, Лассаль, какъ въ 1865 г. Энгельсъ, опубликовалъ брошюру, въ которой—съ демократической точки зрѣнія и съ ссылкою на опытъ Франціи—скептически и холодно отзывался о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ бы предостерегая германскую демократію отъ увлеченія этимъ краеугольнымъ пунктомъ политической программы Лассаля.

Одно, во всякомъ случаѣ, вѣрно. Въ 1859 г., когда Марксъ и Энгельсъ, тоже изъ честныхъ демократическихъ побужденій, но ослѣпленные ненавистью къ наполеоновскому режиму, если не прямо высказывались за національную войну Германіи съ наполеоновской Франціей, то, во всякомъ случаѣ, склонялись въ пользу такой войны и ставили ея необходимость въ зависимость отъ такихъ условій, которыя никакихъ серьезныхъ угрозъ противъ германскаго народа не составляли,- Лассаль со всей силой своего пафоса заявилъ поистинѣ пророческій протестъ противъ національной войны между двумя великими націями средней Европы. Въ то время какъ Энгельсъ, въ качествѣ спеціалиста по военнымъ дѣламъ, высчитывалъ стратегическія выгоды, которыя Бонапартъ пріобрѣтетъ отъ присоединенія Ниццы и Савойи, и оцѣнивалъ опасности, которыя грозятъ правому берегу Рейна отъ усиленія военнаго могущества французскаго императора,—Лассаль, прозрѣвая въ будущее со страстностью дѣйствительнаго практическаго дѣятеля, рисовалъ послѣдствія войны между Германіей и Франціей для всей европейской культуры. Въ своей брошюрѣ онъ пророчески предвосхитилъ сужденіе о франко-германской войнѣ, post factum произнесенное Марксомъ и его учениками.

Оцѣнка послѣдствій этой войны, сдѣланная Лассалемъ въ обруганной Беккеромъ и г. Сурковымъ брошюрѣ въ 1859 году, т.-е. за 11 лѣтъ до ея объявленія, навсегда останется въ политической литературѣ славнымъ памятникомъ обаятельнаго благородства и политической проницательности, памятникомъ возвышеннаго демократическаго духа. Лассаль называетъ войну Франціи съ Германіей „культурно-историческимъ бѣдствіемъ". „Какъ возможно, будучи демократомъ,—говоритъ онъ,—не видѣть, что эта война была бы самымъ враждебнымъ культурѣ событіемъ, какое только можно представить себѣ?! Доброе согласіе—никогда не было болѣе своевременно, чѣмъ теперь, въ моментъ возрожденія французоѣдства возвѣстить это всякому, кто хоть сколько-нибудь можетъ обозрѣть ходъ европейской культуры—доброе согласіе между

двумя великими культурными народами, нѣмцами и французами—это пунктъ, отъ котораго безповоротно зависитъ всякая политическая свобода, весь прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, всякое умноженіе и осуществленіе идейной жизни (der geistigen Ideenmasse), словомъ все развитіе демократіи и тѣмъ самымъ культурное развитіе вообще! Отъ этого пункта зависитъ не только судьба опредѣленной націи—онъ есть жизненный вопросъ всей европейской демократіи!

„Если укрощенный, наконецъ, кровожадный тигръ національной ненависти между этими двумя народами будетъ снова извлеченъ изъ своей берлоги, тогда, быть можетъ, на цѣлыя три десятилѣтія всякій культурный прогрессъ будетъ сломленъ, всякое политическое развитіе задержано, всякая смута въ умахъ станетъ возможной, всякой темной и маккіавелической кабинетной политикѣ будутъ настежь раскрыты двери, и варварство бѣшенаго стремленія къ взаимному завоеванію и уничтоженію будетъ вмѣсто внутренняго развитія написано на знаменахъ народовъ".

„Такая война будетъ, внѣ всякаго сравненія, самой огромной... по своимъ послѣдствіямъ побѣдой, одержанной реакціоннымъ принципомъ съ марта 1848 г." [1])

Всякій, кто пережилъ время съ 1870 г. поднесь, знаетъ, какая ужасная правда заключается въ цитированныхъ краснорѣчивыхъ словахъ.

Въ своихъ заподозрѣваніяхъ демократизма Лассаля г. Сурковъ ссылается не только на брошюру объ итальянской войнѣ и на авторитетъ Беккера. Онъ указываетъ, кромѣ того, на берлинскую и ронздорфскую рѣчи Лассаля и на одно его письмо къ графинѣ Гатцфельдъ. Послѣднее, впрочемъ, никакого отношенія къ вопросу о демократизмѣ Лассаля не имѣетъ. Въ этомъ изліяніи сказывается только утомленіе отъ мелкой борьбы и потеря вѣры въ скорое наступленіе великихъ событій. Да! Лассаль началъ свою дѣятельность съ огромной вѣрой въ быстрые и грандіозные успѣхи: ему казалось, что онъ своимъ геніемъ и своей энергіей совершитъ въ немного лѣтъ работу цѣлыхъ поколѣній. Свою неукротимую энергію, свое желаніе мощнымъ толчкомъ разомъ перевернуть весь міръ общественныхъ отношеній онъ вкладывалъ въ

[1]) „Lassalle's Reden u. Schriften", ed. Bernstein, I, 349—350. (Курсивъ подлинника).

объективный ходъ вещей. Эта вѣра въ близость рѣшительныхъ событій, и, съ другой стороны, желаніе своимъ личнымъ участіемъ еще болѣе приблизить ихъ наступленіе въ значительной мѣрѣ объясняютъ и тѣ заявленія, и ту тактику, которыя ставятся обычно въ упрекъ Лассалю.

Въ берлинской защитительной рѣчи 1864 г. Лассаль говорилъ не столько по адресу судей и публики, сколько по адресу прусскаго правительства и, въ частности, самого Бисмарка. Всеобщему избирательному праву онъ справедливо придавалъ огромное значеніе для будущности демократіи. Геніально прозрѣвая въ намѣренія Бисмарка—дать объединенію Германіи, проводимому желѣзомъ и кровью, демократическую санкцію, всеобщую подачу голосовъ, онъ самъ всячески стремился поддержать и укрѣпить въ правительствѣ эти намѣренія. Защитительная рѣчь 12-го марта 1864 г. заключала въ себѣ не болѣе не менѣе какъ подстрекательство прусскаго правительства къ крупной политической реформѣ въ духѣ демократіи, ко введенію всеобщей подачи голосовъ. Какъ правильно замѣтилъ Бернштейнъ, 12-го марта Лассаль черезъ головы судей говорилъ съ Бисмаркомъ. Вопросъ о томъ, нужно ли было такое подстрекательство, есть вопросъ факта. Весьма вѣроятно, что Лассаль былъ правъ, считая свое подстрекательство чрезвычайно полезнымъ. Въ такомъ случаѣ, онъ своею рѣчью оказывалъ крупную услугу дѣлу демократіи. Разъ Лассаль хотѣлъ увлечь прусское правительство на путь демократическихъ политическихъ реформъ, то понятны становятся тѣ выраженія, въ которыхъ онъ говорилъ о прусской монархіи и борьбѣ ея съ буржуазіей, замѣтимъ кстати, рѣзко оттолкнувшей отъ себя Лассаля и созданное имъ движеніе. Нельзя же забывать, что Лассаль былъ практическимъ политическимъ дѣятелемъ, не только увлекавшимся, но и увлекавшимъ, т.-е. убѣждавшимъ, сознательно воздѣйствовавшимъ извѣстнымъ образомъ на психику своихъ слушателей или читателей. Такой человѣкъ не могъ не говорить подчасъ ad hominem. Я нисколько не оправдываю всего сказаннаго Лассалемъ, я объясняю только, что тѣ слабыя стороны, которыя можно найти въ его литературно-политической дѣятельности, стоятъ въ необходимой психологической связи съ ея содержаніемъ, характеромъ и размахомъ. Нельзя оправдать, напримѣръ, того, что онъ, говоря комплименты правительству, руководителемъ котораго былъ Бисмаркъ, позволялъ себѣ прусскую *либеральную* оппозицію называть кликой — это было несправедливо

и находилось въ кричащемъ противорѣчіи съ его собственными прежними заявленіями. Вообще на совѣсти (личной и политической) Лассаля есть рядъ заявленій, фразъ и оборотовъ, сказанныхъ исключительно ad hominem и объективно совершенно невѣрныхъ. Это — либо ловкіе удары виртуознаго политическаго борца, либо просто увлеченія агитатора, самолюбіе котораго шло вровень съ его блестящими дарованіями. Но прежде чѣмъ обвинять этого человѣка въ недостаточномъ демократизмѣ, какъ это дѣлаетъ г. Сурковъ, не лучше ли будетъ вспомнить, что каждое слово, исходившее изъ его устъ, говорилось въ интересахъ демократіи и въ безграничномъ увлеченіи ея дѣломъ? [1])

Если онъ иногда впадалъ въ демагогію, то именно потому, что онъ былъ пламеннымъ демократомъ. Разсматривая дѣятельность Лассаля въ ея цѣломъ и становясь на совершенно объективную точку зрѣнія, т.-е. вовсе даже не задаваясь вопросомъ о томъ, считать ли эту дѣятельность полезной или вредной, всякій безпристрастный человѣкъ долженъ будетъ признать, что Лассаль принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ значительныхъ дѣятелей, которые, многое сдѣлавъ за свой личный страхъ и счетъ, не совершили ни одного компромисса, не поступились ничѣмъ въ своихъ идеалахъ. Его демагогическіе промахи совершенно исчезаютъ передъ его демократическимъ дѣломъ. Явившись рядомъ съ Бисмаркомъ и либеральной буржуазіей выразителемъ третьей силы, пролетаріата, онъ съ замѣчательнымъ достоинствомъ и съ удивительной твердостью держалъ себя въ этой трудной позиціи. Ходъ вещей и поведеніе самой либеральной буржуазіи заставили его держаться той тактики, самымъ рѣзкимъ выраженіемъ которой служитъ берлинская рѣчь 12-го марта 1864 г. Марксу и Энгельсу, конечно, легко было издали, сидя въ политическомъ бездѣйствіи, критиковать эту тактику. Придерживаясь смѣлой и, быть можетъ, для другихъ, менѣе даровитыхъ, политиковъ опасной тактики, Лассаль до тѣхъ поръ, пока его физическія и духовныя силы не были сломлены, превосходно владѣлъ всѣмъ положеніемъ вещей. Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ [2]) замѣтилъ совершенно справедливо о Лассалѣ: „Лас-

[1]) Г. Сурковъ находитъ, что Лассаля „скорѣе можно упрекнуть въ недостаточной готовности (къ чему?), поспѣшности (sic!) и преданности дѣлу“ („Жизнь“ 1900 г., декабрь, стр. 375). О г. Сурковъ, г. Сурковъ! Право, вамъ слѣдовало бы быть менѣе поспѣшнымъ.

[2]) *Не Бернгардъ Беккеръ* и не Германъ Беккеръ.

саль былъ въ своей тактикѣ смѣлый и отважный акробатъ, который, твердо полагаясь на собственную силу и ловкость, безопасно могъ дѣлать прыжокъ на самый край пропасти: онъ зналъ, что достаточно другого прыжка, чтобы онъ снова очутился внутри своего укрѣпленнаго лагеря. Онъ умѣлъ изумлять и импонировать, онъ иногда бросалъ реакціи старую кость для того, чтобы, пока реакціонеры ломали себѣ о нее зубы, основательно провести ихъ". „Акробатомъ" Лассаль былъ, конечно, только въ смыслѣ силы и виртуозности своихъ политическихъ движеній. Это былъ борецъ, соединявшій съ преданностью великому и широкому морально-общественному идеалу силу атлета и ловкость акробата, но ничѣмъ существеннымъ въ своемъ дѣлѣ ни разу не поступившійся.

Впрочемъ, когда я призывалъ къ „несгибаемому" идеализму Лассаля, я имѣлъ въ виду не только эту непреклонную преданность его демократическимъ идеаламъ. Она казалась мнѣ стоящей во всѣхъ отношеніяхъ внѣ спора. Безспорной казалась мнѣ какъ ея цѣнность, такъ и ея бытіе, въ качествѣ историческаго факта. Я не ожидалъ, что найдется русскій журналистъ, который поспѣшитъ, какъ это сдѣлалъ г. Сурковъ, расписаться за счетъ Лассаля въ своемъ демократизмѣ. Мнѣ въ моей замѣткѣ хотѣлось напомнить, что демократизмъ Лассаля сливался во-едино съ широкимъ міровоззрѣніемъ, покоившимся на основѣ идеалистической метафизики. Я лично нисколько не сомнѣваюсь, что своею практически-политическою силою и смѣлостью Лассаль былъ обязанъ не только неукротимому темпераменту, но и той—какъ у насъ любятъ выражаться — „идеологіи", въ которой онъ выросъ, той смѣлой и широкой метафизикѣ, въ которой онъ былъ ученикомъ Гегеля и Фихте. Мнѣ хотѣлось напомнить объ этой связи и подчеркнуть ея цѣнность. Я противопоставилъ поэтому идеалиста Лассаля не только матеріалистамъ Марксу и Энгельсу, но и неокантіанцу Ланге, на котораго указалъ Бернштейнъ. Этимъ всего лучше, мнѣ казалось, характеризовалась независимость моей точки зрѣнія какъ отъ ортодоксальнаго марксизма, такъ и отъ критики Бернштейна.

ЗАМѢТКИ О ГАУПТМАНѢ И НИТЦШЕ.

(1901).

(О культурной буржуазности.—Новая драма Гауптмана.—Изъ новѣйшей литературы о Нитцше).

Когда десять лѣтъ тому назадъ я впервые сознательнымъ и взрослымъ человѣкомъ попалъ за границу, и, между прочимъ, въ Берлинъ, я былъ ошеломленъ прежде всего интенсивностью матеріальной культуры запада. Впечатлѣнія эти были, впрочемъ, для меня не вполнѣ вновѣ: я выросъ отчасти въ Германіи и съ внѣшнимъ строемъ западно-европейской жизни былъ уже знакомъ. До извѣстной степени мнѣ былъ не чуждъ и внутренній складъ или, выражаясь заѣзженнымъ словомъ, „психологія“ нѣмецкой жизни. Но, несмотря на это, и тогда богатство и интенсивность матеріальной культуры, и удивительная, доходящая до подчиненія, приспособленность къ ней западнаго человѣка произвели на меня громадное и неизгладимое впечатлѣніе.

Я знаю, что многихъ русскихъ интеллигентовъ эта мощная матеріальная культура и эта приспособленность подавляютъ и раздражаютъ. Культура всюду лѣзетъ имъ въ глаза, своимъ блескомъ и шумомъ не даетъ покою нервамъ. И добро бы только это! Нѣтъ, русскаго интеллигента, попавшаго за границу, всего больше раздражаетъ то, что, за этой громадой матеріальной культуры, не только доступной, но даже навязчивой, онъ какъ-то не въ силахъ нащупать симпатичной и родственной ему души. То, что ему, прирожденному идеалисту, рисовалось въ радужныхъ краскахъ общественнаго идеализма, предстаетъ передъ нимъ какъ что-то сѣрое, лишенное подъема, „буржуазное“. „Идеализма“ либо нѣтъ, либо ключъ къ нему никакъ не хочетъ попасть въ руки нашего искателя широкихъ и подымающихъ идеаловъ. Многіе носятъ *въ себѣ это* неудовлетворенное чувство, затаивъ его,

борясь съ нимъ, даже не признаваясь себѣ въ немъ; у другихъ отъ этого чувства рождается дальнѣйшее скептическое отношеніе къ западной культурѣ, и они начинаютъ себя чувствовать маленькими Герценами; третьи мирятся съ сѣрыми тонами дѣйствительности, съ ея недостаточно идеалистическимъ характеромъ, ради вполнѣ осязательныхъ матеріальныхъ и культурныхъ преимуществъ, покорно выносятъ филистерство и даже привязываются къ нему. Четвертые,—но къ четвертымъ принадлежитъ пишущій эти строки и ему неудобно говорить отъ себя въ третьемъ лицѣ, не предупредивъ о томъ читателя.

Русскій искатель идеаловъ правъ, если онъ находитъ, что буржуазный характеръ современной западной культуры налагаетъ свой глубокій отпечатокъ и на „небуржуазную“ часть европейскаго общества. Но онъ неправъ въ своемъ недовольствѣ и нетерпѣніи: онъ забываетъ, что преодолѣніе цѣлой культурной полосы, полосы буржуазности, составляетъ огромную задачу, требуетъ не болѣе, не менѣе, какъ созданія „новаго человѣка“. Разсчитывая, что онъ найдетъ эту задачу на западѣ близкой къ окончательному разрѣшенію, нашъ идеалистъ ошибался, и ошибался онъ потому, что умалялъ размѣры задачи. Не надо забывать, что преодолѣніе буржуазной культуры есть задача гораздо болѣе сложная и трудная, чѣмъ политическая и соціальная борьба съ буржуазіей. Если и послѣдняя задача оказалась гораздо труднѣе, чѣмъ это представляли себѣ основоположники современнаго соціальнаго движенія, то тѣмъ болѣе это приложимо къ культурной и духовной борьбѣ съ буржуазностью.

Русскій интеллигентъ, впрочемъ, очень часто склоненъ судить о буржуазности по внѣшнимъ признакамъ. Часто онъ видитъ буржуазность именно въ проявленіяхъ мощной матеріальной культуры, въ высокомъ уровнѣ потребностей. Въ этомъ отношеніи русскій интеллигентъ, какъ говорятъ нѣмцы, „изъ нужды дѣлаетъ добродѣтель“. Свою собственную дикость онъ возводитъ въ необходимую принадлежность культуры и въ характерный признакъ практическаго идеализма. Но если оставить въ сторонѣ это заблужденіе, то слѣдуетъ признать, что нашъ искатель идеаловъ правъ: его неудовлетворенность заключаетъ въ себѣ правильную оцѣнку дѣйствительности. Буржуазная культура далеко еще не преодолѣна и знамя возстанія противъ культурной буржуазности еще не поднято даже въ тѣхъ рядахъ, которые уже давно выстроились въ грозную боевую силу противъ политическаго и соціальнаго

господства буржуазіи. Въ настоящее время это чувствуется сильнѣе, чѣмъ быть можетъ, 10, 20 лѣтъ тому назадъ.

Борьба съ буржуазностью, какъ культурная проблема, такимъ образомъ вовсе не совпадаетъ ни по своему объему, ни по своему содержанію съ классовымъ (т. е. соціальнымъ и политическимъ) антагонизмомъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Это не значитъ, чтобы между этими явленіями не было глубокой исторической и психологической связи. Но связь эта вовсе не такъ проста, какъ думается тѣмъ, кто помнитъ только, что буржуазность—слово, производное отъ буржуазіи.

Соціальная борьба нашего времени задается освобожденіемъ человѣка отъ рабскаго подчиненія матеріальнымъ условіямъ его бытія, освобожденіемъ отъ голода, холода и всяческой нужды. Если въ этомъ — счастье, то, конечно, соціальная борьба есть борьба за счастье. Буржуазное міровоззрѣніе и жизнепониманіе видитъ въ этомъ счастьѣ предѣлъ и высшую точку всѣхъ желаній. Его излюбленная цѣль—довольство. Буржуазность есть культъ довольства. Поскольку въ этомъ культѣ довольства сходятся какъ удовлетворенные современностью, такъ и неудовлетворенные ею, постольку они одинаково буржуазны по духу. Тѣ условія, которыя мы объединяемъ подъ названіемъ „довольство“, безусловно необходимы, какъ средство для дальнѣйшаго подъема человѣка и человѣчества; буржуазность начинается лишь тамъ, гдѣ это средство становится объектомъ культа, превращается въ верховную цѣль и въ высшую цѣнность, словомъ заполняетъ религіозное сознаніе людей и, такъ какъ оно не въ состояніи сдѣлать это, упраздняетъ такое сознаніе. Къ сожалѣнію, эта культурная буржуазность составляетъ самую характерную особенность, какъ бы духовную сущность современнаго человѣка. Она—оборотная сторона мощнаго культурнаго прогресса XIX вѣка. Ею одинаково поражены какъ удовлетворенные, такъ и неудовлетворенные современностью. Послѣдніе только лучше тѣмъ, что у нихъ, по крайней мѣрѣ, есть идеализмъ недовольства,—идеализмъ, который высоко поднимаетъ ихъ въ нравственномъ отношеніи надъ толпой ублаготворенныхъ современной буржуазной культурой.

Но и имъ, недовольнымъ, нужно напоминать, что довольство есть средство, а не цѣль, что цѣль лежитъ дальше, гораздо дальше... Къ самымъ мощнымъ разрушителямъ культа довольства принадлежитъ Нитцше, и въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равнаго среди борцовъ съ культурной буржуазностью.

Долженъ сказать, что мысли о глубоко въѣвшейся въ современнаго человѣка буржуазности особенно живо пробудились во мнѣ, когда я попалъ въ Берлинѣ на второе представленіе новой пьесы Гауптмана „Михаилъ Крамеръ“.

Гауптманъ принадлежитъ, какъ и Нитцше, къ небольшой кучкѣ безстрашныхъ борцовъ съ культурной буржуазностью. Въ немъ меньше, гораздо меньше силы и содержанія, чѣмъ въ Нитцше, но онъ тѣмъ не менѣе крупная величина. Мы представляемъ себѣ, что Гауптманъ въ Германіи Богъ вѣсть какъ популяренъ; между тѣмъ его новая пьеса провалилась на первомъ представленіи, а на второмъ небольшой „Deutsches Theater“ былъ даже не полонъ. Гауптманъ, очевидно, становится не интересенъ здѣшней публикѣ. Я думаю, что это плохой знакъ для публики, а не для Гауптмана. Его новая вещь, если хотите, несценична, въ ней мало дѣйствія и т. п., но въ ней очень много истинной поэзіи, и превосходно разыгранная артистами „Deutsches Theater“, она должна была бы по меньшей мѣрѣ заинтересовать берлинскую публику. Но эта почтенная публика, повидимому, слишкомъ тупа для подобныхъ вещей.

Пьеса удивительно проста по своему сюжету. У художника Михаила Крамера даровитый, но безпутный сынъ. Отецъ страшно любитъ сына, но въ то же время между нимъ и сыномъ постепенно выросла стѣна. Сынъ боится отца, и отецъ не находитъ себѣ доступа къ его душѣ. Въ силу этого, юноша постепенно все глубже и глубже погрязаетъ въ своемъ безпутствѣ и тѣмъ все больше и больше отталкиваетъ отъ себя отца. Это какое-то безвыходное роковое недоразумѣніе, для созданія котораго соединяется все: и характеръ отца и сына, и буржуазная семейная обстановка, наконецъ, несчастное соединеніе въ сынѣ тонкой чувствительной нервно-психической организаціи съ уродливою внѣшностью. Отецъ не только любитъ сына, какъ свое дѣтище, онъ видитъ въ немъ художника, котораго считаетъ гораздо даровитѣе самого себя,—художника, возбуждающаго огромныя надежды. Крамеръ отецъ со дня рожденія сына ожидалъ отъ него многаго. „Я думалъ себѣ: не я, но ты. Я думалъ: не я, но, быть можетъ, ты“— такъ разсказываетъ Крамеръ другому художнику о тѣхъ надеждахъ, которыя онъ связывалъ съ сыномъ, и съ горечью прибавляетъ: „мой сынъ негодяй“.

Поэтому-то передъ нами не только драма отца, но и драма

художника-идеалиста, для котораго искусство есть религія, который видитъ, какъ гибнетъ лучшее его твореніе—даровитый сынъ.

Несчастный молодой уродъ, глубоко одинокій, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, неудачникъ, затравленный пошлыми буржуазными удачниками, кончаетъ самоубійствомъ.

Послѣдній актъ пьесы проникнутъ глубокимъ лирическимъ настроеніемъ. Отецъ, человѣкъ съ самобытной и стремящейся въ высь душой, преодолѣваетъ свое ужасное горе: передъ гробомъ сына ему раскрывается великая тайна смерти и онъ смиряется передъ ея „величествомъ“. Отъ бездыханнаго тѣла сына для него исходитъ новый свѣтъ. „То, что запечатлѣно на его лицѣ,—говоритъ онъ о мертвомъ,—все это было въ немъ и раньше. Я чувствовалъ это въ немъ, я зналъ это, и все-таки я не могъ достать этотъ кладъ. А теперь этотъ кладъ поднятъ смертью. Теперь все свѣтло кругомъ него, и этотъ свѣтъ исходитъ отъ него, отъ его лица, и я лечу на этотъ свѣтъ, точно черная опьянѣвшая бабочка. Свѣчи! Свѣчи! Какъ странно! Я сжегъ не одну свѣчу! Я видѣлъ пламя многихъ свѣчей! Но это другой свѣтъ. Я васъ пугаю, Лахманъ. Есть люди, которые пугаются. Но я того мнѣнія, что пугаться нечего на свѣтѣ. Любовь, говорятъ, такъ же сильна, какъ и смерть. Но, не колеблясь, можно сказать обратное: смерть такъ же кротка, какъ любовь. Слышите, смерть оклеветана, и это величайшій обманъ на свѣтѣ! Смерть самая кроткая форма жизни: она шедевръ вѣчной любви (Крамеръ отворяетъ окно, доносится негромкій звонъ вечернихъ колоколовъ, Крамеръ вздрагиваетъ отъ холода). Великая жизнь—ознобъ, холодъ въ перемежку съ жаромъ. Вы то же самое сдѣлали Сыну Божію! Вы продолжаете ему дѣлать то же, что тогда. Но такъ же, какъ тогда, онъ не умретъ. Колокола говорятъ, слышите! Они разсказываютъ улицѣ исторію обо мнѣ и моемъ сынѣ. И они говорятъ, что никто изъ насъ не потерянъ. Совершенно явственно, слово за словомъ, слышенъ ихъ разсказъ. Сегодня это случилось, сегодня день! Звонъ колоколовъ больше значитъ, чѣмъ церковь, призывъ къ трапезѣ больше, чѣмъ хлѣбъ. Къ какому берегу мы пристанемъ, куда мы несемся? Почему мы радостно кричимъ навстрѣчу неизвѣстному, мы маленькіе люди, брошенные на произволъ судьбы въ огромномъ пространствѣ. Точно мы знаемъ, куда мы идемъ! Такъ и я испускалъ радостные крики. И что я зналъ? Я знаю, что̀ меня ждутъ не земныя празднества и не небо поповъ. Ни то, ни это, но что̀, что̀ же такое, въ концѣ концовъ?“

Такимъ мистическимъ аккордомъ заканчивается новая драма Гауптмана. Мистицизмъ Гауптмана не новость. Онъ достаточно сказался въ „Ганнеле“. Я помню, какъ за этотъ мистицизмъ бѣдному Гауптману досталось въ свое время отъ театральнаго критика „Neue Zeit“, извѣстнаго Франца Меринга. Сколько буржуазной пошлости было однако въ этой передовой и позитивной критикѣ, которая не могла простить Гауптману, что онъ въ душу бѣдной дѣвочки изъ пролетаріата вложилъ религіозную мечту. Какъ эта мечта компрометировала и „Ганнеле“ и ея творца въ глазахъ положительныхъ людей, которые все „научно“ рѣшили и побѣдоносно упразднили всѣ тайны.

Но Богъ съ ними, съ этими мудрецами, которые усердно питаютъ въ пролетаріатѣ плоскіе буржуазные вкусы. Выдумали же они, что Нитцше—„философъ капитализма“ и „идеологъ буржуазіи“. Эта изумительно глупая клевета, теперь, впрочемъ, начинаетъ окончательно терять всякую вѣру и уступать мѣсто совершенно иной оцѣнкѣ великаго философа-художника [1]).

Литература о Нитцше все растетъ и растетъ. Крупной новинкой въ этой области является этюдъ Ю. Цейтлера объ эстетикѣ Нитцше [2]) Здѣсь сдѣлана первая, болѣе или менѣе обстоятельная, попытка истолковать Нитцше съ эстетической точки зрѣнія. Основная мысль автора состоитъ въ томъ, что Нитцше всю свою жизнь колебался между діонисовскимъ и аполлоновскимъ началомъ, между началомъ стихійнаго художественнаго опьяненія, трагическаго экстаза и началомъ яснаго и разумнаго отраженія, проникнутаго чувствомъ мѣры, ровнаго и спокойнаго. Вся внутренняя борьба въ Нитцше, вся смѣна его воззрѣній и настроеній сводится къ борьбѣ между этими двумя эстетическими началами, и этой борьбой питалось и творчество Нитцше, какъ моралиста. Я не увѣренъ въ томъ, что я вполнѣ точно передаю мысль автора, который очень часто отклоняется въ сторону и занимается различными мелочами, забывая объ основной проблемѣ. Но, если мысль Цейтлера совпадаетъ съ тѣмъ, что я только что сказалъ, то мнѣ кажется, что онъ правъ: корень всей философіи, и, въ частности, морали Нитцше лежитъ въ его эстетикѣ, и вся

---

[1]) Ср., между прочимъ, только что вышедшую брошюру: „Fr. Nietzsche“ von Dr. Paul Ernst („Moderne Essays zur Kunst und Litteratur“, herausg. von Dr. Hans Landsberg Heft I). Berlin. 1900.

[2]) „Nietzsches Aesthetik“ von Julius Zeitler. Leipzig. 1900. (Hermann Seemann Hachfolger).

борьба, всѣ превращенія въ Нитцше опредѣляются его двоебожіемъ, борьбой въ его душѣ Діониса и Аполлона.

Съ этой точки зрѣнія яркій свѣтъ падаетъ и на ту эпоху Нитцше, когда онъ, этотъ прирожденный эстетикъ, поклонялся наукѣ и отрицалъ искусство. Эта наука, ради которой мнимый „позитивистъ“ Нитцше отпалъ отъ искусства, въ сущности являлась для него не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же богомъ Аполлономъ, богомъ ясности и мѣры, въ то время возобладавшимъ въ его душѣ надъ Діонисомъ, Прощаясь съ искусствомъ, Нитцше даетъ чувствовать, какъ онъ любитъ его. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее чудесное мѣсто: „Какъ въ старости люди вспоминаютъ юность и справляютъ праздники воспоминаній, такъ же точно человѣчество вскорѣ будетъ относиться къ искусству, почитая въ немъ трогательную память своихъ юношескихъ радостей. Быть можетъ, никогда люди не проникали такъ глубоко и такъ душевно въ искусство, какъ теперь, когда чарованіе смерти носится вокругъ него. Мнѣ вспоминается тотъ греческій городъ въ Нижней Италіи, который разъ въ годъ еще справлялъ свои греческія празднества, со скорбью и плачемъ о томъ, что иностранное варварство все больше и больше торжествуетъ надъ родными нравами; никогда нигдѣ не наслаждались такъ своимъ эллинизмомъ, никогда не пили этого золотого нектара съ такимъ упоеніемъ, какъ среди этихъ отмирающихъ эллиновъ. Скоро будутъ смотрѣть на художника, какъ на дивный остатокъ, и оказывать ему, какъ странному чужеземцу, съ силой и красотой котораго было связано счастье прежнихъ временъ, такія почести, какія мы неохотно оказываемъ себѣ подобнымъ. Быть можетъ, лучшее въ насъ унаслѣдовано отъ тѣхъ чувствованій прежнихъ временъ, къ которымъ мы теперь врядъ ли можемъ приблизиться непосредственнымъ путемъ. Солнце уже закатилось, но небо нашей жизни еще сверкаетъ и свѣтится имъ, хотя мы больше его уже и не видимъ“. Съ такою любовью писалъ объ искусствѣ Нитцше въ то время, когда онъ прославлялъ рѣзкій горный воздухъ науки, котораго боятся и за который порочатъ науку духовно-разслабленные, т. е. художники.

Это прославленіе науки и отрицаніе искусства представляло реакцію противъ предшествующаго періода, когда Нитцше былъ страстнымъ ученикомъ и поклонникомъ Шопенгауера и Рихарда Вагнера, когда онъ былъ, какъ пытается показать Цейтлеръ, роднымъ братомъ по духу нѣмецкихъ романтиковъ. „Нитцше

нельзя, правда, назвать прямымъ потомкомъ романтики, но въ немъ выразилось то же самое направленіе духа. Въ его лицѣ романтика снова подняла голову. У него такъ много точекъ соприкосновенія съ ней, что нужно изумляться, какъ до сихъ поръ никто не изслѣдовалъ нитей, связующихъ его съ романтиками. Юношеское развитіе Нитцще обнаруживаетъ поразительный параллелизмъ съ тѣмъ маленькимъ кружкомъ пламенныхъ и упоенныхъ мечтателей, которые въ Іенѣ избрали своимъ вождемъ Шеллинга и въ Гёте почитали своего главу. Все, что характеризуетъ романтику, что дѣлаетъ романтиковъ оригинальными, все это мы находимъ у Нитцше: культъ безсознательнаго, метафизику, магію и мистику художественнаго энтузіазма, который видитъ въ художникѣ пророка м святого, смѣшеніе разныхъ искусствъ, уничтоженіе границъ между ними, поклоненіе инстинкту и даже обожествленіе безсознательнаго въ противоположность разсудку, сознательности, интеллекту, наконецъ, эстетическое противоположеніе аполлоновскиго и діонисовскаго. Все это обще Нитцше съ романтикой. Нитцше всегда гордился тѣмъ, что онъ создалъ понятіе діонисовскаго. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ этомъ отношеніи пріоритетъ принадлежитъ романтикѣ... Параллелизмъ между романтиками и Нитцше хорошо доказывается тѣмъ, что и романтики уже прониклись красотой аттической трагедіи. Оба художественныя божества Нитцше были имъ хорошо знакомы. Такъ, Фридрихъ Шлегель говорилъ о „тихой разсудительности Аполлона и о божественномъ опьянѣніи Діониса“... Для того, чтобы ясность Аполлона внесла вновь порядокъ въ путанную и заикающуюся рѣчь опьяненнаго діонисовскаго человѣка, онъ долженъ призвать Аполлона. Въ Гете романтики восхваляли, правда, „апполлоновское“—но они все-таки не прощали ему отсутствія геніальной безсознательности“ (Цейтлеръ, l. c. 72—73, 77—78).

Близость Нитцше-Діониса къ романтикѣ дѣйствительно не можетъ подлежать сомнѣнію. Не даромъ духовнымъ отцомъ и „воспитателемъ“ Нитцше былъ Шопенгауеръ, который въ сущности имѣлъ такъ много общаго съ презираемымъ имъ философскимъ вождемъ романтики, Шеллингомъ. Но родство съ романтикою не мѣшаетъ Нитцше перваго и третьяго періода быть совершенно самобытнымъ духомъ. То же можно сказать о близости Нитцше второго періода къ Гете. Въ особенности оригиналенъ Нитцше, какъ творецъ Заратустры. Нитцше создалъ Заратустру

въ состояніи такого энтузіазма, который, я думаю, безпримѣренъ въ исторіи личнаго литературнаго творчества. Богъ-Діонисъ снова овладѣлъ философомъ-художникомъ и заговорилъ въ немъ съ потрясающей силой. Работая надъ Заратустрой, Нитцше писалъ своей сестрѣ въ 1883 г.: „Я хочу покончить съ этой работой и отдѣлаться отъ того напряженія чувства, которое влечетъ за собой такое творчество. Мнѣ часто приходила мысль, что я отъ чего-нибудь такого умру". „Ты не можешь составить себѣ преувеличеннаго представленія о силѣ такихъ родовъ. Но въ этомъ и заключается ихъ опасность". Въ 1888 г. въ автобіографическомъ наброскѣ „Ecce homo" Нитцше спрашиваетъ: можетъ ли кто-нибудь, въ концѣ XIX вѣка, ясно представить себѣ то, что поэты сильныхъ эпохъ называли вдохновеніемъ?—и такъ описываетъ состояніе, въ которомъ онъ самъ творилъ Заратустру:

„Понятіе „откровенія" (Offenbarung) въ томъ смыслѣ, что внезапно, съ несказанной точностью и тонкостью что-либо глубоко потрясающее и переворачивающее душу становится видимымъ, становится слышимымъ—это понятіе отражаетъ простой фактъ. Ты слышишь, но не ищешь; ты берешь — и не справляешься о томъ, кто тебѣ даетъ; точно молнія сверкаетъ мысль, съ необходимостью, безъ колебанія въ формѣ—я тогда не выбиралъ. Это — состояніе восхищенія, огромная сила котораго иногда прорывается цѣлымъ потокомъ слезъ, восхищенія, при которомъ поступь непроизвольно дѣлается то бурной, то замедленною; это—бытіе внѣ себя съ самымъ яснымъ ощущеніемъ тонкихъ вздрагиваній всего тѣла, до пятокъ, и обливанія холодомъ; это—такое глубокое чувство счастья, въ которомъ самое болѣзненное и мрачное ощущается не какъ нѣчто противоположное счастью, но какъ обусловленное имъ, какъ его требованіе, какъ необходимая краска въ этомъ морѣ свѣта... Все тогда совершается въ высшей степени непроизвольно, но въ то же время съ бурнымъ ощущеніемъ свободы, необусловленности, мощи, божественности. Самое замѣчательное тутъ—непроизвольность образовъ; не различаешь, что̀ образъ, что̀ сравненіе, все дается само собой, какъ самое точное, самое великое, самое простое выраженіе. Кажется, какъ говоритъ однажды Заратустра, будто вещи сами идутъ къ художнику и ищутъ быть образами... Таковъ мой опытъ вдохновенія; я не сомнѣваюсь, что необходимо уйти на тысячелѣтія назадъ, чтобы найти кого-либо, кто сказалъ бы мнѣ: я испыталъ то же самое".

Мнѣ думается, что въ этихъ словахъ Нитцше нѣтъ ни тѣни бахвальства, ни даже преувеличенія: вѣрность ихъ удостовѣрена болѣзнью и смертью философа. Эти признанія дѣлаютъ еще болѣе понятной болѣзнь Нитцше: если въ такомъ творчествѣ можно видѣть болѣзненное явленіе, то, съ другой стороны, его можно разсматривать какъ роковую силу, которая окончательно подточила надломленную нервно-психическую организацію Нитцше.

Болѣзнь Нитцше и до сумасшествія была въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ (14—15) страшной мукой. „Мое существованіе, — писалъ онъ въ 1880 г. одному пріятелю,—есть ужасная тягость; я давно бы сбросилъ съ себя это бремя, если бы я не производилъ именно въ этомъ состояніи страданія и почти абсолютнаго отреченія отъ міра самыхъ поучительныхъ наблюденій и опытовъ въ духовно-нравственной области; эта любовная жажда познанія возноситъ меня на высоты, на которыхъ я оказываюсь побѣдителемъ надъ всѣми муками и надъ всей безнадежностью. Въ общемъ я счастливѣе, чѣмъ когда-либо въ моей жизни, и все-таки— у меня постоянныя боли, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ощущеніе, близкое къ морской болѣзни, частичный параличъ, при которомъ мнѣ трудно говорить, и въ видѣ разнообразія бѣшеные припадки (послѣдній припадокъ вызвалъ у меня рвоту въ теченіе трехъ дней и ночей, и я жаждалъ смерти). Я не могу читать. Я очень рѣдко могу писать. Я не могу имѣть общенія съ людьми. Я не могу слушать музыки [1]). Я долженъ быть одинъ и ходить гулять, пользоваться горнымъ воздухомъ, питаться молокомъ и яйцами. Всѣ внутреннія средства оказались безполезными, я не принимаю никакихъ лѣкарствъ... Моимъ утѣшеніемъ являются мои мысли и перспективы“.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ послѣднихъ произведеніяхъ и заявленіяхъ Нитцше чуется его ужасный конецъ. Болѣзненно звучитъ самоувѣренность, съ которой онъ говоритъ о себѣ. Въ 1877 году онъ еще писалъ одному своему заочному знакомому, что тотъ найдетъ въ немъ (Нитцше) „весьма простого человѣка, который не очень много мнитъ о себѣ“. А въ концѣ 80-хъ г. мы встрѣчаемъ уже такія заявленія:

„Между нами будь сказано, возможно, что я первый философъ современности и даже, можетъ быть, нѣчто еще большее, нѣчто рѣшающее и роковое, что стоитъ на грани двухъ тысячелѣтій.

---

[1]) Нитцше былъ страстный музыкантъ.

За такое особенное положеніе приходится постоянно платиться—не болѣе и болѣе растущимъ, но болѣе и болѣе холоднымъ рѣжущимъ отчужденіемъ. И каковы же наши милые нѣмцы!..... Въ Германіи, хотя мнѣ уже 45 лѣтъ и я издалъ приблизительно 15 сочиненій (среди нихъ одно non plus ultra—Заратустру), въ Германіи не появилось еще ни одной, хоть нѣсколько порядочной рецензіи, хотя бы объ одной изъ моихъ книгъ. Здѣсь пробавляются словами: „эксцентрическій“, „патологическій“, „психологическій“. Нѣтъ недостатка въ дурныхъ и клеветническихъ намекахъ на меня; въ журналахъ ученыхъ и неученыхъ господствуетъ безудержно враждебный тонъ—но почему же никто никогда противъ этого не протестуетъ? Почему же никто не чувствуетъ себя оскорбленнымъ, когда меня ругаютъ? Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ ни одного утѣшенія, ни одной капли человѣчности, ни одного дуновенія любви“.

„Своего Заратустру я считаю самымъ глубокимъ произведеніемъ, существующимъ на нѣмецкомъ языкѣ, и по языку тоже самымъ совершеннымъ. Но для того, чтобы понять это, нужны цѣлыя поколѣнія, которыя внутренне пережили бы тѣ душевныя состоянія, на почвѣ которыхъ могло возникнуть мое произведеніе... Я думаю, что мои сочиненія являются первоклассными по богатству психологическихъ наблюденій, по безстрашію передъ самымъ опаснымъ, по возвышенной свободѣ духа. Въ отношеніи искусства изложенія и художественныхъ требованій—я тоже не боюсь никакихъ сравненій. Съ нѣмецкимъ языкомъ меня связываетъ продолжительная любовь, тайная близость, глубокое почитаніе! Все это—достаточныя основанія для того, чтобы не читать никакихъ книгъ, выходящихъ на этомъ языкѣ“.

И въ этихъ болѣзненно самоувѣренныхъ заявленіяхъ, объективную правильность которыхъ въ значительной мѣрѣ, впрочемъ, мы увѣрены, подтвердитъ исторія нѣмецкой литературы, рядомъ съ огромнымъ самолюбіемъ ярко выступаетъ другая черта Нитцше—его внутреннее благородство, та Vornehmheit, которую такъ вѣрно подмѣтилъ Зиммель.

Въ недавно появившемся первомъ томѣ „Собранія писемъ“ Нитцше [1]), откуда я заимствую только что приведенныя заявленія, заключается вообще много чрезвычайно интереснаго для ха-

[1]) Friedrich Nietzsches Gesammelte Briefe. Herausgegeben von Peter Gast und Dr. Arthur Seidl. Berlin u. Leipzig. 1900.

рактеристики и личности, и духовнаго развитія знаменитаго лософа. При случаѣ я воспользуюсь этимъ драгоцѣннымъ м ріаломъ въ связи съ другой литературой о Нитцше. Въ ско времени появится русскій переводъ изящнаго этюда Лихтенб о Нитцше, и тогда будетъ удобный случай вернуться къ Ни и, въ частности, къ его письмамъ, въ которыхъ, пожалуй меньше мастерства и глубины, чѣмъ въ его произведеніяхъ, н назначавшихся для печати.

Берлинъ. Декабрь 1900.

ПРОТИВЪ ОРТОДОКСАЛЬНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ—PRO DOMO SUA.

(1901 г.).

Какъ бы пишущему эти строки ни хотѣлось, чтобы въ нашей литературѣ упразднилась возможно скорѣе всякая ненужная полемика, но ему приходится поневолѣ полемически говорить по адресу тѣхъ, съ кѣмъ онъ въ настоящее время считалъ бы излишнимъ вести прямой споръ. Полемика была бы ненужна, если бы дѣло сводилось просто къ разномыслію и разногласіямъ, итоги которымъ, быть можетъ, вдумчивый читатель своими средствами подведетъ не хуже, чѣмъ нашъ братъ — полемизирующій писатель. Но что дѣлать, если г. Сурковъ многимъ тысячамъ читателей, черпающихъ изъ журналовъ не только мнѣнія, но и знанія или факты, преподноситъ фактически невѣрное освѣщеніе такихъ крупныхъ историческихъ дѣятелей, какъ Лассаль? Необходимо съ нимъ полемизировать, чтобы возстановить истину въ интересахъ нашихъ общихъ читателей [1]).

Съ г. Адамовичемъ, авторомъ чрезвычайно бойкаго письма въ редакцію „Жизни“ (январь 1901 г.), съ этой точки зрѣнія мнѣ нечего полемизировать. Факты (въ общепринятомъ смыслѣ) онъ не извращаетъ, съ обезоруживающей откровенностью признаваясь, впрочемъ, что нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ пишетъ, онъ самъ въ сущности не знаетъ [2]). Онъ полагаетъ, что я „возвратился“

---

[1]) См. „На разныя темы“, „Міръ Божій“, мартъ.

[2]) Напр., Фихте и его философію. Нѣкогда г. Бельтовъ обличалъ г. Михайловскаго (конечно, безмѣрно преувеличивая въ полемическомъ задорѣ) въ томъ, что онъ знакомъ съ Гегелемъ и вообще съ исторіей философіи „по Льюису“. Вѣрный ученикъ г. Бельтова, недурно подражающій его манерѣ, г. Адамовичъ самъ съ достойной всяческаго при-

не къ Фихте, а къ г. Михайловскому, что я идеалистъ не въ смыслѣ нѣмецкой идеалистической метафизики, а въ смыслѣ русской субъективной соціологіи. Эту тему г. Адамовичъ развиваетъ въ довольно забавной формѣ. Я не сомнѣваюсь, что онъ нашелъ много читателей, которые не только одобрили его за бойкость пера, но и повѣрили ему. Тѣмъ не менѣе, я не ощущаю охоты и не вижу надобности теперь, по случаю появленія статьи г. Адамовича и послѣ выхода въ свѣтъ моего предисловія къ книгѣ Н. А. Бердяева, разубѣждать читателя въ томъ, что мои воззрѣнія глубочайшимъ образомъ отличаются отъ взглядовъ г. Михайловскаго и прочихъ русскихъ субъективистовъ. Это не значитъ, чтобы я не чувствовалъ и сильной потребности, и серьезнаго обязательства развивать въ положительной формѣ нѣкоторыя идеи, намѣченныя въ указанномъ предисловіи. Но — да проститъ мнѣ г. Адамовичъ—спорить съ нимъ по существу я считаю излишней тратой времени. Есть, однако, въ писаніяхъ г. Адамовича и его товарищей одна черта, которую надлежитъ отмѣтить и достодолжнымъ образомъ освѣтить. Постараюсь сдѣлать это съ наименьшей затратой полемики. Указываемая мною черта заслуживаетъ освѣщенія не только по поводу ея обнаруженія въ ортодоксально-марксистской литературѣ, но и независимо отъ тѣхъ или другихъ историческихъ облаченій. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особою разновидностью нетерпимости. Нетерпимость можетъ проявляться въ двухъ областяхъ: въ теоретической и практической. Нѣтъ ничего болѣе привлекательнаго и для нравственной, говоря точнѣе, для нравственно-личной и нравственно-общественной жизни болѣе цѣннаго, чѣмъ извѣстная практическая нетерпимость. Въ нравственно-личной и въ нравственно-общественной жизни необходимымъ дѣйственнымъ, творческимъ и въ то-же время санитарнымъ, предохраняющимъ и исцѣляющимъ началомъ является увѣренная въ себѣ, бодрая и рѣшительная нетерпимость ко злу. Но для того, чтобы признать что-нибудь зломъ, нужно имѣть основанія, незыблемо укрѣпленныя и въ нравственномъ сужденіи, и въ нравственномъ чувствѣ. Зло должно быть съ исчерпывающей ясностью познано и почувствовано какъ таковое. Нельзя никакими признаками описать и охарактеризировать этотъ процессъ моральнаго познаванія зла и переживанія его чувствомъ.

знанія откровенностью обнаруживаетъ, что онъ знакомъ съ философіей Фихте по Льюису и даже судитъ о ней, руководствуясь авторитетомъ англійскаго позитивиста. Какъ скоро забыты злыя насмѣшки г. Бельтова!

Его испытывалъ на себѣ каждый, кто пробуждался отъ нравственной спячки, отъ заученнаго слѣдованія традиціи и принятымъ образцамъ къ свободной моральной дѣятельности, къ автономному, или самочинному рѣшенію проблемъ должнаго. Оглядываясь вокругъ себя, онъ замѣчалъ зло тамъ, гдѣ его не видѣлъ раньше и открывалъ добро въ томъ, что прежде съ чужого голоса принималъ за зло. Эта эпоха пробужденія къ истинной моральной жизни, свободной и дѣятельной, вливаетъ въ душу множество новаго содержанія. Точно въ темную комнату врывается яркій дневной свѣтъ, и окружающія вещи, прежде извѣстныя только на ощупь, начинаютъ расцвѣчиваться красками, выступаютъ въ зрительной перспективѣ и изъ нанизываемыхъ по одиночкѣ слѣпыхъ ощущеній превращаются въ брызжущую свѣтомъ цѣльную картину...

Такъ пріобрѣтается неоцѣнимое право на нетерпимость ко злу. Всякому, кто недавно пробудился къ моральной дѣятельности, которая всегда является самодѣятельностью, мнѣ бы хотѣлось сказать: держитесь всѣми силами души за это право на нетерпимость, дорожите имъ, какъ бы дорого ни стоила вамъ его защита. Кто теряетъ въ себѣ сознаніе этого права и перестаетъ дѣятельно упражнять его, тотъ, медленно или быстро, постепенно или разомъ, подпадаетъ нравственному отупѣнію, заканчивающемуся подлинной нравственной смертью. Практическая нетерпимость въ особенности нужна и прямо незамѣнима въ эпохи, когда—по слову поэта гражданина Ив. Аксакова — „сплошного зла стоитъ твердыня, царитъ безсмысленная ложь“, когда она острыми зубьями впивается въ молодую развивающуюся жизнь и, не имѣя силъ побороть ее, наноситъ ей нестерпимую боль, плодя лицемѣріе, трусость и отступничество.

Но практическая нетерпимость ко злу будетъ тѣмъ чище и сильнѣе, чѣмъ полнѣе и живѣе она будетъ соединяться съ широкой терпимостью въ области теоретическихъ разногласій, разногласій не о томъ, что должно быть по нравственному закону, а о томъ, что было, есть и будетъ въ силу естественной необходимости. Именно, какъ жизненное и живое начало, практическая нетерпимость не должна связываться съ догматической, безжизненно сухой, мелко подозрительной нетерпимостью къ чужимъ взглядамъ. Не надо забывать, что тотъ путь, который ведетъ къ познанію практической правды, гораздо прямѣе и яснѣе извилистой и темной дороги къ теоретической истинѣ...

Все, что я писалъ за послѣднее время по теоретическимъ вопросамъ, питало теоретическую нетерпимость ортодоксальныхъ марксистовъ (въ родѣ г. Адамовича), переходящую въ силу своеобразнаго характера марксистской догмы, у ея представителей въ нетерпимость практическую, хотя для послѣдней, казалось бы, здѣсь не должно быть никакого мѣста.

Эта нетерпимость практическаго свойства вытекаетъ изъ воззрѣнія, согласно которому извѣстные теоретическіе взгляды сами по себѣ—независимо отъ ихъ приложенія къ конкретнымъ проблемамъ и вопросамъ реальной общественной жизни, къ практически дознаннымъ интересамъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ и, что не менѣе важно, независимо отъ ихъ отношенія къ соціальному идеалу—признаются за буржуазные и реакціонные. Конечно, истинная наука совершенно не причемъ въ этой нетерпимости, которая выростаетъ на почвѣ мнящаго себя наукой суевѣрія. Ходъ мыслей, приводящій черезъ ортодоксальное суевѣріе къ нетерпимости, въ общихъ чертахъ таковъ. Извѣстному практическому воззрѣнію, выражающему и, такъ сказать, отстаивающему интересы опредѣленнаго общественнаго класса, а вмѣстѣ съ ними прогрессивное развитіе и интересы всего человѣчества, отвѣчаетъ одно вполнѣ опредѣленное теоретическое построеніе; всѣ же прочія теоретическія концепціи суть не отвѣчающія общечеловѣческому прогрессу выраженія интересовъ другихъ классовъ, антагонистическихъ или, по крайней мѣрѣ, прямо не солидарныхъ съ классомъ „избраннымъ“. Вотъ въ краткой формулѣ то, что я назвалъ бы основнымъ разсужденіемъ ортодоксіи.

Это разсужденіе состоитъ изъ двухъ утвержденій, которыя совершенно напрасно выступаютъ у ортодоксовъ съ непререкаемой претензіей на истинность. Прежде всего, въ понятіи практическаго воззрѣнія, выражающаго и отстаивающаго практическіе интересы опредѣленнаго общественнаго класса, слиты два момента: моментъ цѣли и моментъ средствъ. Отстаиваніе опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ предполагаетъ, съ одной стороны, извѣстную, подлежащую достиженію, цѣль и, съ другой,—систему средствъ, направленныхъ на осуществленіе этой цѣли. Догматически выступающій ортодоксальный марксизмъ мнитъ себя обладающимъ безошибочнымъ знаніемъ единственно дѣйствительныхъ и потому правильныхъ средствъ для достиженія данной практической цѣли—общественной справедливости. Между тѣмъ, вопросъ о правильномъ соотношеніи ме-

жду цѣлью и средствомъ, т. е. о выборѣ средствъ, не только могущихъ, но и съ естественной необходимостью долженствующихъ привести къ осуществленію поставленной цѣли, есть вопросъ теоретическаго знанія чрезвычайно сложныхъ и текучихъ общественныхъ отношеній. Въ такихъ вопросахъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста безапелляціонному догматическому рѣшенію. И—нѣтъ мѣста абсолютной истинѣ. На словахъ ортодоксія признаетъ это, на дѣлѣ она, обуянная гордыней псевдонаучнаго знанія, постоянно третируетъ своихъ противниковъ такъ, какъ будто бы она обладала абсолютнымъ знаніемъ средствъ, ведущихъ къ осуществленію общественной справедливости. Но хуже того: ортодоксія не спрашиваетъ въ сущности о морально-соціальныхъ цѣляхъ разногласящихъ съ нею ученій, объ ихъ практическомъ разумѣ. Она оцѣниваетъ ихъ иначе: по тѣмъ средствамъ, которыя они предлагаютъ, она судитъ о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ выразителями этихъ ученій, о духѣ, ихъ проникающемъ, квалифицируя его, какъ буржуазный или реакціонный. Съ изумительной наивностью и непринужденностью представители ортодоксальнаго марксизма производятъ подъ именемъ и подъ видомъ экскурсій въ область классовой психологіи это теоретически несостоятельное и практически предосудительное „чтеніе въ мысляхъ“. Теоретическая несостоятельность этого своеобразнаго психологическаго „изслѣдованія“ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что здѣсь на основаніи чисто теоретическихъ сужденій о соотношеніи между средствами и цѣлью оцѣнивается практическій духъ ученій, писателей и дѣятелей, во-вторыхъ,—въ томъ, что въ сущности сами оцѣнщики не обладаютъ никакимъ прочно установленнымъ научнымъ знаніемъ средствъ, ведущихъ безошибочно къ осуществленію общественной справедливости. Они читаютъ въ душахъ на основаніи весьма сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ подлежащихъ долгой теоретической и практической провѣркѣ положеній. Этого мало. Практически-теоретическая нетерпимость идетъ еще дальше. Припомнимъ нашу формулу, резюмирующую „основное разсужденіе“ ортодоксіи. Это разсужденіе содержитъ въ себѣ также ученіе о томъ, что извѣстному практическому міросозерцанію соотвѣтствуетъ одно вполнѣ опредѣленное теоретическое міросозерцаніе, всѣ же прочія построенія суть „отъ лукаваго“, отъ буржуазіи и, значитъ, реакціонны. Эта точка зрѣнія, представляющая въ крупномъ масштабѣ воспроизведеніе разобраннаго нами выше заблужденія и опирающаяся опять-таки на „классовую психологію“,

есть не болѣе не менѣе, какъ чистѣйшее суевѣріе. Оно фактически невѣрно, являясь выраженіемъ вовсе не дѣйствительности, а лишь страстнаго желанія остановить движеніе мысли на одной его ступени, своей обязательной стройностью и законченностью, производящей какое-то гипнотизирующее дѣйствіе. Кромѣ того, въ корнѣ его лежитъ несостоятельная a priori и убійственная одинаково и для теоріи, и для практики мысль о какой-то единообразной зависимости между практическимъ и теоретическимъ міросозерцаніемъ. Такой зависимости нѣтъ и быть не можетъ. Связь между научно-философскимъ пониманіемъ, съ одной стороны, и практическими воззрѣніями на общественно-должное, съ другой стороны, представляетъ чрезвычайно важный предметъ индивидуальной и соціальной психологіи. Но психологическое истолкованіе, призванное вскрывать и объяснять эту связь, если оно желаетъ быть научнымъ, а не топорнымъ, должно всего болѣе беречься тѣхъ грубыхъ пріемовъ, при помощи которыхъ ортодоксальный марксизмъ огромной, поистинѣ малярной, кистью произвольно и разомъ окрашиваетъ самыя тонкія и сложныя психологическія явленія въ одинъ цвѣтъ... классовой психологіи. Связь между теоретическими положеніями и практическими идеями во всѣхъ сколько-нибудь цѣнныхъ и оригинальныхъ построеніяхъ индивидуальна и чрезвычайно сложна. И главное: психологическое изслѣдованіе этой связи не даетъ ничего ни для обоснованія, ни для опроверженія тѣхъ теоретическихъ построеній, которыя въ силу этой связи сожительствуютъ въ сознаніи съ такими-то и такими-то практическими идеями. Возьмемъ довольно грубый примѣръ. Связь классической и вульгарной политической экономій съ практическими буржуазными идеями не опровергаетъ и не обосновываетъ теоретическихъ положеній буржуазныхъ экономистовъ. Практическія идеи могутъ, вторгаясь въ извѣстныя теоретическія построенія, фальсифицировать ихъ [1]), но этой судьбѣ принципіально одинаково подвержены и воззрѣнія Маркса, и воззрѣнія его противниковъ. Для успѣховъ научнаго изслѣдованія огромную важность имѣетъ принципіальное раздѣленіе между теоретическими построеніями и практическими идеями, устанавливающее взаимную независимость и тѣхъ, и другихъ. Это принципіальное раздѣленіе должно быть признано за руководя-

[1]) Съ другой стороны, практическія идеи могутъ косвеннымъ путемъ чисто психологическихъ ассоціацій и наведеній оплодотворять теоретическую работу мысли новыми точками зрѣнія.

щее начало отысканія теоретической истины. Только при сознательномъ и полномъ проведеніи этого начала за научнымъ изслѣдованіемъ можетъ быть обезпечена та внутренняя свобода, которая есть основное условіе развитія науки. Ортодоксальный марксизмъ, постоянно выслѣживающій теоретическую мысль и съ особымъ усердіемъ, по заранѣе данной формулѣ, подкарауливающій ея „психологическія“ связи съ практическими идеями, слишкомъ часто по этимъ связямъ, а не по объективнымъ критеріямъ логики и опыта, судитъ объ истинности теоретическихъ построеній [1]).

Построенія, изобличенныя въ психологической связи съ буржуазными идеями, отметаются, другія, чистыя порожденія прогрессивной классовой психологіи, на основаніи этого происхожденія, возводятся въ рангъ истинъ. Научныя истины отыскиваются тутъ не только процессомъ, руководимымъ правилами логики и указаніями опыта. Въ значительной мѣрѣ процессъ критическаго отысканія истины сводится къ тому, что теоріи и положенія подвергаются психологическому „разбору“ или „сыску“, который и рѣшаетъ ихъ судьбу. А можно ли такъ искать и находить истину.

Таковъ субъективный методъ ортодоксальнаго марксизма. Съ точки зрѣнія теоріи познанія, онъ — какъ я показалъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ Бердяева--ничуть не хуже, но и не лучше бывшаго субъективнаго метода г. Михайловскаго. Я не шучу, читатель, говоря о бывшемъ субъективномъ методѣ. Fuit Troja! Субъективный методъ Н. К. Михайловскаго упраздненъ. Эту ампутацію произвелъ не кто иной, какъ самъ г. Михайловскій, и я

[1]) Приведу одинъ весьма выпуклый образчикъ.

Съ наивностью неофита и съ лично ему свойственной развязностью г. Андреевичъ заявилъ, что его интересуютъ въ сущности не „алгебраическія формулы“ и „объективныя доказательства“, выдвинутыя въ спорѣ о цѣнности, а „волевые субъективные элементы“, въ которые „проникнуть“ бываетъ, однако, по его собственному признанію, „обыкновенно очень трудно“. Но трудности--для другихъ: г. Андреевичъ съ изумительною легкостью преодолѣваетъ ихъ тутъ же на глазахъ читателя. Онъ прямо изрекаетъ: „признаніе того, что цѣнности создаются не только трудомъ, но и капиталомъ—вотъ формула, теоретически оправдывающая мѣщанство“. Въ этой формулѣ--по словамъ г. Андреевича--окончательно „оформились, опредѣлились“ „мѣщанскія симпатіи г. Струве“ („Жизнь“ январь 1901 г. „Очерки текущей русской литературы“. стр. 251). Вотъ лучшій примѣръ подмѣны научнаго отысканія истины психологическимъ „чтеніемъ въ мысляхъ“, выслѣживаніемъ „волевыхъ, субъективныхъ элементовъ“.

такому счастливому событію могу только радоваться. Лучше поздно, чѣмъ никогда! Небольшая бѣда и въ томъ, что г. Михайловскій свое теперешнее отношеніе къ субъективному методу переносить въ прошлое. „Я,—говоритъ онъ въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства",—не только не обращалъ несомнѣнный соціально-психологическій фактъ субъективнаго отношенія къ дѣйствительности въ гносеологическую норму, а, напротивъ, рекомендовалъ нѣчто въ родѣ того, что въ астрономіи называется пріемомъ (а, пожалуй, и методомъ) „личнаго уравненія"... Не подчинять интеллектуальную совѣсть этической совѣсти предлагалъ я изслѣдователямъ, а выяснять эту этическую совѣсть себѣ и другимъ, регулировать—насколько это возможно - въ интересахъ самого познанія вліяніе того соціально - психологическаго факта, неизбѣжность котораго признаютъ и г. Струве, и г. Бердяевъ" (стр. 119).

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, „упорство, легкомысліе, тупость" (таковы подлинныя деликатныя выраженія г. Михайловскаго, стр. 117) писателей, возражавшихъ противъ субъективнаго метода, скрывали отъ нихъ, что таково его существенное содержаніе? Вѣдь, если субъективный методъ, который отстаивался г. Михайловскимъ, по своему существу сводится къ этому, то непонятно, зачѣмъ онъ былъ съ такою помпою провозглашенъ и противопоставленъ методу объективному. Это была бы въ такомъ случаѣ чистѣйшая загадка.

Несмотря на всю спутанность формулировки и неясность мысли г. Михайловскаго, онъ все-таки выражался настолько ясно, что мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать слѣдующее: подъ названіемъ субъективнаго метода онъ отстаивалъ вовсе не то, что онъ теперь подразумѣваетъ подъ этимъ наименованіемъ, а нѣчто иное и гораздо болѣе содержательное, въ чемъ выдвигаемая теперь мысль играла роль лишь одной и даже не главной черты. Субъективный методъ въ соціологіи въ той полнотѣ, въ какой его нѣкогда отстаивалъ г. Михайловскій, сводился къ двумъ основнымъ идеямъ или, вѣрнѣе, на нихъ опирался:

1) Соціологіи недоступно, по самому соціально - психологическому существу ея проблемъ, общеобязательное или объективное ихъ рѣшеніе.

2) Соціологія, въ силу той же особенности ея проблемъ, задается и должна задаваться не только вопросомъ о томъ, что есть, но и вопросомъ о томъ, что должно быть. Иначе говоря, соціологія есть дисциплина не только объясняющая, но и нормирующая.

Эти особенности соціологіи отводятъ въ ней крупное мѣсто субъективному элементу, или субъективизму, или субъективному методу, и какъ тамъ еще называется это милое дитя, которое, по нѣмецкой поговоркѣ, носитъ много именъ. Настаивая на соціологическомъ субъективизмѣ, г. Михайловскій прежде разсматривалъ его не какъ нѣчто, въ конечномъ итогѣ подлежащее устраненію, а какъ нѣчто, подлежащее о п р а в д а н і ю. Теперь субъективный методъ объявляется системой пріемовъ, призванной устранять или парализовать субъективизмъ познаванія въ области общественныхъ явленій. Если субъективный методъ есть методъ, направленный противъ субъективизма въ познаніи, если онъ есть методъ „личнаго уравненія“ въ соціологіи, то не лучше ли, во славу логики и здраваго смысла, весь споръ о немъ рѣшительно прикончить тѣмъ, что признать этотъ столь много нашумѣвшій субъективный методъ самозванцемъ и перекрестить его въ а н т и с у б ъ е к т и в н ы й?..

Такъ, въ февралѣ 1901 года русскій соціологическій субъективизмъ, безъ всякихъ раздирательныхъ сценъ, волею самого г. Михайловскаго, тихо скончался, о чемъ я считаю полезнымъ довести до свѣдѣнія всѣхъ друзей и знакомыхъ почившаго. Дѣлаю это, однако, не только безъ всякаго душевнаго прискорбія, но, наоборотъ, съ нескрываемой превеликою радостью.

Въ этомъ фактическомъ отступленіи безъ видимости отступленія сказывается, однако, черта, вообще, къ сожалѣнію, рѣзко отличающая г. Михайловскаго. Онъ слишкомъ снисходителенъ къ себѣ и своимъ ошибкамъ, будучи въ то же время слишкомъ строгимъ и прямо несправедливымъ къ своимъ противникамъ, а потому невнимательнымъ и забывчивымъ въ тѣхъ пунктахъ, которые ему надлежало бы хорошо помнить. Такъ, онъ говоритъ, что „маленькое слово“ „ортодоксальность“ есть небольшое облачко, намѣчающееся въ предисловіи г. Бердяева, и продолжаетъ: „ортодоксальность вошла въ словесный обиходъ нашихъ марксистовъ очень недавно и появилось это слово какъ-то внезапно и безшумно, именно, какъ легкое облачко на ясномъ небѣ. Для меня, впрочемъ, давно была ясна его необходимость, вслѣдствіе чего я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ добивался разрѣшенія вопроса о настоящихъ и ненастоящихъ марксистахъ“.

Однако, какъ плохо помнитъ г. Михайловскій ту литературу, съ которой онъ такъ рѣзко спорилъ! Если ужъ говорить о лег-

комъ облачкѣ, то въ качествѣ такового слово „ортодоксальность“ или „ортодоксія“ появилось на небѣ русскаго марксизма, во всякомъ случаѣ, не позже, какъ въ 1894 году, въ предисловіи къ моимъ „Критическимъ замѣткамъ“. Это слово появилось тутъ въ контекстѣ, очень близкомъ къ цитируемой г. Михайловскимъ фразѣ Бердяева. Бердяевъ въ 1899 году пишетъ: „авторъ примыкаетъ къ совершенно опредѣленному направленію, но чуждъ ортодоксальности“, я въ 1894 году писалъ: „примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ [1]) взглядамъ, онъ (т. е. авторъ) нисколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Ортодоксіей онъ не зараженъ, если только подъ ортодоксіей не разумѣть стремленія къ послѣдовательному мышленію“.

Г. Михайловскій утверждаетъ, что критическій поворотъ въ русскомъ марксизмѣ есть главнымъ образомъ отраженіе поворота, происшедшаго въ западно-европейской литературѣ марксизма. Однако, это фактически невѣрно. Въ чемъ состоятъ самыя характерныя черты критическаго поворота въ марксизмѣ? Въ попыткахъ сочетать марксизмъ съ критической философіей, исходящей отъ Канта, и въ отрицаніи тѣхъ построеній, которыя извѣстны подъ названіями Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie, наконецъ, въ чрезвычайно осторожномъ отношеніи къ сложной и трудной проблемѣ аграрной эволюціи. Въ „Критическихъ замѣткахъ“ была сдѣлана первая въ литературѣ марксизма попытка привлечь къ развитію и обоснованію марксизма критическую философію; въ нихъ же были развиты взгляды, заключавшіе въ себѣ отрицаніе Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie; наконецъ, по отношенію къ проблемѣ аграрной эволюціи рекомендовалась необходимая осторожность и излагались взгляды, ничего общаго съ ортодоксіей не имѣющіе, но не оставшіеся безъ вліянія въ послѣдующей литературѣ [2]).

Такимъ образомъ, основные мотивы критическаго поворота въ марксизмѣ были предвосхищены, правда, въ очень несовершенной и рудиментарной, но все-таки довольно явственной формѣ, въ

---

[1]) Конечно, рѣчь шла не о русской литературѣ.

[2]) Такъ, нѣкоторые взгляды, высказанные въ „Критическихъ замѣткахъ“, несомнѣнно отразились на одномъ изъ основныхъ построеній изслѣдованія Булгакова „Капитализмъ и земледѣліе“. Долженъ, однако, замѣтить, что съ большинствомъ взглядовъ и методическихъ пріемовъ Булгакова я не согласенъ.

моей книгѣ 1894 года. Вообще въ „Критическихъ замѣткахъ“ была цѣлая куча ересей, и неудивительно поэтому, что и въ 1894 г. многимъ изъ ортодоксальныхъ марксистовъ моя неортодоксальность казалась не легкимъ облачкомъ, а скорѣе—если ужъ брать метеорологическія сравненія — зловредной еретической тучей, весьма выразительнымъ доказательствомъ „буржуазности“ моего образа мыслей. Но то было иное время, чѣмъ теперь. Главною задачей „Критическихъ замѣтокъ“ была полемика съ народническимъ пониманіемъ экономическаго и общественнаго развитія Россіи, и этотъ антинароднический характеръ моей первой литературной попытки въ значительной мѣрѣ скрадывалъ отъ литературныхъ противниковъ мою неортодоксальность, а ортодоксальныхъ марксистовъ съ нею до извѣстной степени примирялъ. Въ то же время я и разумомъ, и чувствомъ понималъ тогда, что прежде всего необходимо вести и покончить союзную борьбу противъ народничества и подготовлять новое практическое и дѣйственное пониманіе русской дѣйствительности. И не будучи никогда ортодоксомъ, я чувствовалъ себя въ этихъ двухъ задачахъ вполнѣ солидарнымъ съ ортодоксіей. Въ это время, когда выходило „Новое Слово“, мнѣ казалось преждевременнымъ рѣзко выдвигать и развивать критическія сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что они во мнѣ самомъ еще не утвердились въ достаточной мѣрѣ. Когда народничество — силой вещей и аргументовъ — оказалось разбитымъ и въ сущности упраздненнымъ, положеніе дѣла измѣнилось. Я не считалъ уже ни нужнымъ, ни возможнымъ воздерживаться отъ открытой постановки критическихъ задачъ и принялся за дальнѣйшее развитіе своихъ еретическихъ сомнѣній и думъ. Тутъ критическая работа шла у меня параллельно съ выработкой положительнаго міровоззрѣнія, расширившейся далеко за предѣлы критическаго исправленія и истолкованія марксизма, и во многомъ съ нимъ порывавшей. Впрочемъ, этотъ пересмотръ начался еще во время моего союза съ ортодоксіей, не нарушая тогда этого союза. Я уже указалъ на критическій характеръ моей книги, вышедшей въ 1894 году. Въ ней была намѣчена и, если можно такъ выразиться, предуказана въ значительной мѣрѣ моя критическая эволюція. Дальнѣйшій рѣшительный шагъ въ критикѣ ортодоксальнаго марксизма былъ сдѣланъ мною въ напечатанной въ самомъ началѣ 1897 года статьѣ [1]), которая получила форму

[1]) „Свобода и историческая необходимость“ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“.

замѣтки по поводу книги Штаммлера „Хозяйство и право“ и рецензіи на нее С. Н. Булгакова, но по своему содержанію сложилась еще до выхода въ свѣтъ сочиненія Штаммлера; въ этой статьѣ я рѣшительно возсталъ противъ марксистскаго пониманія соотношенія между свободою и необходимостью. Въ томъ же году въ статьѣ о Цюрихскомъ конгрессѣ [1]) я въ совершенно категорической формѣ свелъ счеты съ Verelendungstheorie и Zusammenbruchstheorie. Все это было до „великаго событія“ въ западно-европейской литературѣ марксизма, до выхода въ свѣтъ книги Бернштейна [2]). Г. Михайловскому, вѣроятно, также не безызвѣстно, что и въ западно-европейской литературѣ я выступилъ съ работой, которая, каковы бы ни были ея недостатки, во всякомъ случаѣ не списана ни съ Бернштейна, ни съ Вольтмана, ни съ Массарика и вовсе не навѣяна этими и другими критиками марксизма. Г. Михайловскій могъ замѣтить вообще, что русское критическое движеніе въ марксизмѣ отличается отъ западно-европейскаго гораздо большей смѣлостью, рѣшительно и безъ всякихъ примирительныхъ оговорокъ и недомолвокъ, порывая съ тѣми положеніями марксизма, которыя оказываются въ глазахъ представителей этого движенія несостоятельными. Замѣчу кстати, что мой ближайшій товарищъ по литературной дѣятельности М. И. Туганъ-Барановскій такъ же, какъ и я, никогда не былъ ортодоксальнымъ марксистомъ и всегда относился сдержанно и критически къ трудовой теоріи цѣнности. Критическое движеніе въ русскомъ марксизмѣ не только возникло независимо отъ западно-европейскаго, но и носитъ на себѣ вполнѣ оригинальныя черты...

Если за мой критическій радикализмъ г. Михайловскій и ортодоксальные марксисты считаютъ справедливымъ лишить меня званія марксиста, то да будетъ ихъ воля. Я не боюсь быть „дикимъ“ и брать то, что мнѣ нужно, и у Канта, и у Фихте, и у Маркса, и у Брентано, и у Родбертуса, и у Бемъ-Баверка, и у Лассаля.

Тѣхъ, однако, кто указываетъ на глубокія перемѣны, происшедшія въ моихъ взглядахъ съ тѣхъ поръ, какъ я опубликовалъ „Кри-

[1]) „Новое Слово“, сентябрь, 1897 года.

[2]) Это уже отмѣтилъ одинъ изъ сотрудниковъ „Жизни“, въ общемъ, кажется, болѣе сочувствующій „ортодоксіи“, чѣмъ „критикѣ“. Ср. П. Берлинъ. „О бернштейніанствѣ“. Жизнь 1901 г. февраль, стр. 120. „Не Бернштейнъ первый указалъ на эту необходимость внести поправку въ распространенное представленіе о марксизмѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, его опередилъ П. Струве“.

тическія замѣтки", я покорнѣйше просилъ бы не забывать, что въ очень многомъ и очень существенномъ я не только не отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но, наоборотъ, въ нихъ еще болѣе укрѣпился.

Я считаю до сихъ поръ вѣрными взгляды на экономическое развитіе Россіи, высказанные мною въ 1894 году. Мнѣ кажется, что именно эти взгляды, чуждые крайностей какъ ортодоксальнаго марксизма, такъ тѣмъ болѣе народничества, въ полемикѣ съ которымъ они были высказаны, вошли уже въ значительной мѣрѣ въ общее сознаніе и даже, быть можетъ, незамѣтно для самого г. Михайловскаго, очень сильно даютъ себя знать въ „Русскомъ Богатствѣ". Случилось это просто потому, что эти взгляды имѣли за собой сильную союзницу—силу вещей и жизни. Сущность ихъ сводится къ утвержденію тождества—въ общихъ чертахъ—экономическаго и соціальнаго развитія Россіи и другихъ странъ европейской культуры, къ соціально-экономическому западничеству, не только не исключающему, но, наоборотъ, подкрѣпляющему и незыблемо утверждающему западничество во всѣхъ другихъ областяхъ жизни. Это всестороннее западничество отнюдь не отрицаетъ своеобразія національнаго развитія. Наоборотъ, только торжество чаяній такого западничества обезпечитъ — на основахъ общечеловѣческой свободы — всю возможную полноту оригинальнаго и дѣятельнаго національнаго развитія, истиннаго творчества народнаго духа и жизни. Въ русскомъ западничествѣ всегда жило и живетъ настоящее уваженіе къ національному духу и та истинная ревность о немъ, которой наиболѣе приличествуетъ загаженное ненавистниками свѣта и свободы наименованіе патріотизма. Истинные ревнители національнаго величія, истинные патріоты вовсе не тѣ, кто помышляетъ только о томъ, какъ бы разъ навсегда приковать національный духъ, точно каторжника къ тачкѣ, къ опредѣленнымъ формамъ духовнообщественнаго бытія; но, наоборотъ, тѣ, кто, вѣруя въ силу и крѣпость свободно зиждущаго національнаго духа, стремятся снять съ него всѣ путы, утвердивъ незыблемую основу достойнаго національнаго существованія — „отвержденныя" въ правѣ права личности [1]). Впрочемъ, я увлекся нѣсколько въ сторону отъ отчета о своей литературной работѣ. Такой отчетъ я считаю нужнымъ дать въ виду того, что за послѣднее время я слишкомъ

[1]) Пользуемся формулой, недавно пущенной въ оборотъ въ газетѣ „Право".

часто фигурирую у однихъ въ роли отступника и даже чуть не самозванца, съ котораго слѣдуетъ безжалостно „сорвать маску“ [1]), у другихъ—въ роли вернувшагося „блуднаго сына“, начисто отказавшагося отъ своихъ юношескихъ увлеченій и въ нихъ раскаявшагося. Слишкомъ это ужъ просто, господа!

Между прочимъ, въ критикѣ народничества я пытался показать и, думается мнѣ, показалъ, что это направленіе было какъ бы загипнотизировано мастерской, написанной рукой Маркса, картиной капиталистическаго развитія Англіи и принимало этотъ частный случай капиталистическаго развитія за капиталистическую эволюцію вообще. Это заблужденіе было вскрыто, какъ одинъ изъ источниковъ пресловутаго народническаго ученія о своеобразныхъ путяхъ нашего экономическаго развитія, ученія, побѣдоносно ссылавшагося на очевидное несходство экономической эволюціи Англіи и Россіи. Теперь, полемизируя съ марксизмомъ, представители народнической экономіи принуждены не просто ссылаться на Маркса, бывшаго для нихъ нѣкогда непогрѣшимымъ авторитетомъ, которому они рабски слѣдовали въ пониманіи западно-европейскихъ и американскихъ хозяйственныхъ отношеній. Теперь они должны—вмѣстѣ съ прочими критиками Маркса—критиковать общеприложимость и обоснованность всей его концепціи развитія капиталистическаго хозяйства вообще. Въ этомъ радикальномъ измѣненіи позиціи народническихъ экономистовъ и ихъ продолжателей повинны мы, „марксисты“. А это измѣненіе позиціи народниковъ означаетъ собой не болѣе не менѣе, какъ упраздненіе народничества. Ибо народники, ссылающіеся на западноевропейскую, такъ называемую „буржуазную“ экономію противъ Маркса и марксистовъ и отрицающіе, такимъ образомъ, что и западное экономическое развитіе идетъ по Марксу, еще менѣе похожи на своихъ, нѣкогда слѣпо слѣдовавшихъ Марксу, предшественниковъ, чѣмъ такіе, явно отпавшіе отъ „марксизма“ еретики, какъ пишущій эти строки, похожи на ортодоксовъ. Разница между положеніемъ народничества и марксизма только та, что ортодоксальные народники, держащіеся классическаго противопоставленія капиталистическаго Запада некапиталистической Россіи и на этомъ противопоставленіи основы-

[1]) Новѣйшее открытіе состоитъ въ томъ, что я „либералъ, переодѣтый марксистомъ“. Представьте себѣ мой ужасъ, читатели, когда я однажды проснулся не болѣе, не менѣе, какъ... презрѣннымъ „либераломъ“! Я схватилъ себя за голову и въ сознаніи своей неисправимой либеральной грѣховности сталъ читать „Вѣстникъ Европы“.

вающіе свои предвидѣнія и чаянія, почти совершенно исчезли и не пользуются никакимъ вліяніемъ, тогда какъ ортодоксальные марксисты, несмотря на то, что ихъ союзъ съ бывшими редакторами „Новаго Слова“ и „Начала“ (Туганъ-Барановскимъ и мною) распался, до сихъ поръ представляютъ довольно многочисленную и вліятельную литературную (и не только литературную) группу.

Вотъ почему, когда я читаю досужіе толки о пораженіи и гибели марксизма, мнѣ дѣлается какъ-то неловко. Вѣдь, если литературный лагерь марксистовъ распался (я этого не отрицаю), то противный литературный лагерь, какъ таковой, просто перестал ъ существовать. И пусть мнѣ не указываютъ на „Русское Богатство“. Несмотря на присутствіе въ немъ, въ качествѣ руководителя, г. Михайловскаго, никогда, впрочемъ, не имѣвшаго никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ по основному предмету марксистско-народническаго разногласія — по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи, „Русское Богатство“ именно въ этомъ основномъ пунктѣ волей-неволей получило во второй половинѣ 90-хъ гг. сильную „марксистскую“ прививку и отстоитъ отъ народничества „Судебъ капитализма“, пожалуй, дальше, чѣмъ отъ марксизма, какъ критическаго, такъ и ортодоксальнаго. Въ то же время никакого подобія той цѣльности, которая, дѣйствительно, характерна для марксистской ортодоксіи, въ „Русскомъ Богатствѣ“ нѣтъ. Я говорю это не въ видѣ упрека—для меня цѣльность марксистской ортодоксіи ничего привлекательнаго не представляетъ, я просто констатирую фактъ...

Я даже съ немалымъ огорченіемъ подпвился успѣхамъ, за послѣднее время сдѣланнымъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ нѣкоторыми наиболѣе сомнительными идеями марксизма. Такъ, въ № 12 за прошлый годъ „Русскаго Богатства“ новый его журнальный обозрѣватель г. В. Г. Подарскій открылъ, что мое „увлеченіе идеалистической философіей отражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ, которые повсюду теперь предпочитаютъ трезвой критической мысли и положительной наукѣ — гашишъ метафизики и „сверхчувственныхъ“ фантазій“ (стр. 140). Я помню, конечно, что и г. Михайловскій нѣкогда, вполнѣ независимо отъ марксизма, тяготѣлъ къ „экономическому“ или „матеріалистическому“ объясненію метафизики [1]), но то было давно, и я врядъ ли ошибусь, если предположу, что г. Подарскій, объ-

[1]) См. мое предисловіе къ книгѣ Бердяева.

ясняя мое увлеченіе метафизикой „печальнымъ состояніемъ умовъ господствующихъ классовъ“, вдохновляется не столько г. Михайловскимъ, сколько самими Марксомъ и Энгельсомъ. Умный и прямо геніальный человѣкъ былъ Марксъ, но все-таки ни ему, ни кому иному не удавалось и не удастся связать иначе, какъ бѣлыми нитками и грубыми декретами, метафизическое творчество съ „состояніемъ умовъ господствующихъ классовъ“. Либо это—просто тавтологическій оборотъ (упоеніе гашишемъ метафизики выражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ—что же кромѣ печальнаго состоянія можетъ вызывать „гашишъ“?), оборотъ, въ которомъ высказывается личное отношеніе г. Подарскаго вообще означать собой склонность къ метафизическому умозрѣнію, либо это—соціологическое обобщеніе, стоящее вполнѣ на уровнѣ знаменитаго истолкованія Энгельсомъ, Бернштейномъ и другими неокантіанства, какъ философскаго міровоззрѣнія склоняющейся къ упадку буржуазіи, какъ какого-то философскаго Katzenjammer'а господствующихъ классовъ. Конечно, поскольку въ философскомъ творчествѣ принимаютъ участіе по преимуществу члены „господствующихъ“ классовъ, оно отражаетъ собой состояніе ихъ „умовъ“ но для меня между понятіемъ „классъ“ и понятіемъ „философское творчество“ лежитъ столь большое разстояніе, и при томъ не пустое, а наполненное самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, что я не въ силахъ вовсе мыслить себѣ одно понятіе какъ субъектъ, другое—какъ предикатъ такого сужденія, которое могло бы претендовать на какой-либо человѣческій смыслъ. И когда у меня—согласно принятому и одобренному трафарету—возникаетъ въ головѣ вопросъ, какой классъ повиненъ въ метафизикѣ Спинозы или Фихте, то я — скажу безъ всякаго стыда — начинаю просто глупѣть отъ подобнаго вопроса. Признаюсь, что подобное же чувство оглупѣнія вызвала у меня и марксистская фраза журнальнаго обозрѣвателя „Русскаго Богатства“. Кто былъ виноватъ въ моемъ плачевномъ состояніи, предоставляю рѣшить читателю.

Г. Подарскаго, повидимому, сильно заботитъ мое „увлеченіе элементами идейной реакціи“, въ числѣ которыхъ значится не только „гашишъ метафизики“, но также „филистерская вода бернштейніанства“. Она, боится журнальный обозрѣватель „Русскаго Богатства“, „зальетъ то пламя, которымъ пылаетъ, вдохновляясь Лассалемъ, нашъ мятущійся авторъ“ (т.-е. я), и тогда въ моихъ рукахъ „вмѣсто свѣтильника истины окажется чадящая головня“ (стр. 140—141). То, что кажется г. Подарскому „элементами идей-

ной реакціи", „гашишемъ" и „филистерской водой" (хорошо, въ самомъ дѣлѣ, это сочетаніе въ одномъ человѣкѣ упоенія метафизическимъ „гашишемъ" и „филистерской воды!"), я ощущаю въ себѣ, какъ живые и бодрящіе душу элементы идейнаго развитія, движущіе меня впередъ. Я не знаю, откуда взялъ г. Подарскій, что я тяготѣю къ филистерству Бернштейна. Тутъ кроется крупное недоразумѣніе, которому, казалось бы, не должно быть рѣшительно никакого мѣста послѣ опубликованія моего нѣмецкаго критическаго опыта о марксовой теоріи соціальнаго развитія и послѣ выхода въ свѣтъ книги Бердяева съ моимъ предисловіемъ. Нельзя съ одного вола драть двухъ шкуръ. Нельзя одного человѣка обвинять въ двухъ противоположныхъ и взаимоисключающихъ себя умонастроеніяхъ, въ „сверхчувственныхъ фантазіяхъ" и въ „филистерствѣ". Если я критиковалъ основныя концепціи ортодоксальнаго марксизма, вскрывалъ псевдонаучность и утопичность, то я дѣлалъ это не для того, чтобы открыть двери филистерству. Наоборотъ, я хотѣлъ бы распахнуть ихъ настежь свободному творчеству идеаловъ, болѣе широкихъ и глубокихъ, чѣмъ псевдонаучные шаблоны ортодоксіи. Для этого необходимо было показать, что притязанія ортодоксальной догмы на научность незаконны, и что тамъ, гдѣ она мнитъ творить науку, она находится уже въ плѣну утопіи. Реализму Бернштейна я сочувствую, но филистерство его мнѣ чуждо. Если я въ чемъ-нибудь могу быть обвиненъ, то ужъ отнюдь не въ филистерствѣ, а, наоборотъ, въ критической реабилитаціи его злѣйшаго врага, утопизма, т.-е. свободнаго творчества соціальныхъ идеаловъ. Какъ бы я ни блуждалъ и ни спотыкался въ своихъ исканіяхъ, какъ бы ни тщетны были мои усилія добыть свѣта, могу смѣло увѣрить г. Подарскаго, что въ результатѣ этихъ усилій того „чада", котораго онъ боится, не будетъ. Ни идеализмъ, ни критическій духъ никогда не бывали повинны ни въ какомъ чадѣ. По силамъ ли моему теоретическому разуму отысканіе истины--не мнѣ судить; но я поручусь за свой практическій разумъ, что у него всегда хватитъ силъ далеко отбросить отъ себя всякую „чадящую головню",

Опасенія г. Подарскаго относительно „чадящей головни" выражаются г. Адамовичемъ въ формѣ непререкаемыхъ утвержденій. За мной, по его словамъ, „стоитъ... регрессивное общественное теченіе", „противъ котораго онъ (т.-е. я) безсиленъ". „Поэтому, продолжаетъ г. Адамовичъ,--намъ остается только выразить наше

искреннее сожалѣніе и раскланяться съ г-номъ Струве. Мы оцѣниваемъ по заслугамъ первые шаги г-на Струве, которыми онъ прокладывалъ дорогу новому міросозерцанію, но теперь, увы, мы можемъ только сказать одно:

„Der Mohr hat seine Arbeit gethan— Der Mohr kann gehen".

На это я могу отвѣтить, во-первыхъ, что никогда ни къ какой теоріи я ни въ „мавры", ни въ рабы или крѣпостные не поступалъ и поступить не былъ бы способенъ. А что касается до желанія г. Адамовича—во что бы то ни стало демонстративно раскланяться со мной, то мнѣ, наоборотъ, привлекательный пылкій и дѣйственный духъ г. Адамовича (я беру его, какъ нѣкоторое коллективное лицо, какъ представителя многихъ и многихъ) внушаетъ совсѣмъ иное желаніе. Мнѣ хочется сказать ему: зачѣмъ раскланиваться и расходиться недружелюбно?

Въ самомъ дѣлѣ, не торопится ли г. Адамовичъ? И поневолѣ мнѣ приходятъ на умъ другія слова изъ той же шиллеровской драмы, слова, въ которыхъ Фіэско рекомендуетъ пылкому Бургоньино не торопиться обливать его презрѣніемъ [1]). Правда, г. Адамовичъ не—Бургоньино, а я не—Фіэско, и даритъ онъ меня не презрѣніемъ, а отставкой. Но во всякомъ случаѣ я не „мавръ" г. Адамовича и его друзей. И, воистину, напрасно коллективный г. Адамовичъ торопится.

[1]) „Einen Mann... würd'ich—etwas langsam verachten lernen". Конечно, на Ehrfurcht, о которой говоритъ Фіэско, я никогда не претендовалъ. Съ меня достаточно простой терпимости.

ПАМЯТИ Н. В. ШЕЛГУНОВА.

(1901 г.).

12-го апрѣля исполнилось 10 лѣтъ со смерти Н. В. Шелгунова. Я считаю умѣстнымъ по этому внѣшнему поводу напомнить читателю о Шелгуновѣ, указавъ на живую и въ то же время историческую связь идей Шелгунова съ послѣдующимъ литературно-общественнымъ движеніемъ.

Шелгуновъ умеръ въ 1891 году на межѣ двухъ важныхъ въ исторіи нашей внутренней жизни десятилѣтій 1881 — 1891 и 1891—1901 гг. На его похоронахъ поколѣніе 90-хъ гг. какъ бы вступало въ жизнь и получало свое общественное крещеніе; передъ своею смертью Шелгуновъ отмѣтилъ нѣчто новое, нѣчто, отличающее это поколѣніе отъ смежнаго съ нимъ поколѣнія 80-хъ годовъ [1]) и, думается мнѣ, былъ правъ въ этомъ... Не помню, чтобы мы, студенты, вступившіе въ университетъ на самомъ исходѣ томительныхъ 80-хъ гг., сильно увлекались статьями Шелгунова, но мы очень хорошо понимали ихъ и живо сочувствовали ихъ содержанію и тону. Прошлымъ лѣтомъ мнѣ пришлось побывать и пожить въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ, вдали отъ столичнаго и даже городского шума прожилъ послѣднія 5—6 лѣтъ своей жизни Н. В. Шелгуновъ и гдѣ онъ, благодаря „Очеркамъ русской жизни“, сталъ крупнымъ и руководящимъ для своего времени публицистомъ. Меня невольно потянуло къ его „Очеркамъ“ и, пересматривая и перечитывая ихъ вновь, я подмѣтилъ въ нихъ кое-что новое, что раньше ускользало отъ вниманія. Есть какая-то,

---

[1]) См. послѣдній изъ „Очерковъ русской жизни“ (стр. 1094 — 1095 отд. изданія). Насколько мнѣ извѣстно, факты, передаваемые тутъ, Шелгуновъ узналъ изъ бесѣдъ съ покойнымъ Н. В. Водовозовымъ. См. мою статью объ „Экономическихъ этюдахъ“ Водовозова въ „Новомъ Словѣ“ за 1897 годъ.

мнѣ кажется, не случайная, а органическая идейная связь между послѣднимъ періодомъ литературной дѣятельности Шелгунова и послѣдующимъ умственнымъ и общественнымъ движеніемъ 90-хъ годовъ. Есть и много отличій — скажу напередъ, предупреждая возможныя возраженія. Шелгуновъ былъ раціоналистъ и позитивистъ, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ типичныхъ и нормальныхъ, т. е. среднихъ—и дарованія его были изъ среднихъ, это былъ отнюдь не яркій талантъ—въ плеядѣ писателей 60-хъ и 70-хъ годовъ. Всѣ указанныя черты, общія Шелгунову съ большинствомъ писателей той эпохи, рѣзко отличаютъ его отъ направленія 90-хъ годовъ. Но указывая на связь Шелгунова съ послѣдующимъ идейнымъ движеніемъ, я имѣю въ виду не общій умственный обликъ покойнаго писателя, а общественно-практическое содержаніе и направленіе его мысли. Направленіе 90-хъ гг., по своему основному смыслу, освобожденному и отъ литературно-полемическихъ случайностей, и отъ личныхъ и иныхъ крайностей догматизма и доктринерства, словомъ, какъ историческій фактъ, взятый въ его цѣломъ и существенномъ, въ извѣстномъ смыслѣ продолжало публицистическую работу Шелгунова. Это направленіе такъ же, какъ до него, Шелгунова, сознательно стремилось соединить широкій общественный идеализмъ съ трезвымъ практическимъ пониманіемъ дѣйствительности. Здѣсь западничество ставилось на новую реалистическую основу экономическаго истолкованія общественной эволюціи. И Шелгуновъ былъ вовсе не слѣпъ къ тѣмъ огромнымъ экономическимъ измѣненіямъ, которыя переживала Россія въ 80-е годы. Онъ хорошо улавливалъ ихъ историческій смыслъ. „Развитіе внутренней промышленности и торговли,—писалъ онъ въ „Очеркахъ русской жизни“ [1])—идетъ... съ невиданной до сихъ поръ энергіей и быстротой. Желѣзнодорожное хозяйство приводится въ порядокъ, тарифы регулируются, принимаются мѣры къ поднятію доходности сельскаго хозяйства, учреждаются одна за другой разныя выставки, сзываются съѣзды промышленниковъ и хозяевъ, для огражденія промышленности отъ иностраннаго соперничества пошлины возвышаются настолько, что начинаютъ уже мѣшать развитію другихъ отраслей народнаго производства. Рядомъ съ этимъ растутъ народныя школы и школы грамотности, расширяется издательство народныхъ книгъ, умножаются народныя чтенія и т. д. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этихъ успѣ-

[1]) Стр. 720 отдѣльнаго изданія.

ховъ, созданныхъ почти исключительно ростомъ нашего промышленно-экономическаго сознанія".

Въ то же время Шелгунова, ясно видѣвшаго ростъ экономическаго фундамента новой Россіи, не радовали сами по себѣ матеріальные факты, въ которыхъ выражались успѣхи нашего экономическаго развитія, и не одурманивали тѣ „отрадныя" частности и мелочи, возвеличеніемъ которыхъ публицисты „Недѣли" съ г. Яковомъ Абрамовымъ во главѣ безсознательно усыпляли вѣчно чуткую общественную совѣсть русской интеллигенціи. Уголь, желѣзо, сода и цементъ были, съ точки зрѣнія Шелгунова, нужными и важными вещами, созданіе которыхъ въ Россіи онъ признавалъ шагомъ впередъ; растущія силой вещей, безъ плана, народныя школы и народныя книги онъ считалъ полезными явленіями, но за промышленными успѣхами и мелкими культурными дѣлами, понемногу и, такъ сказать, безъ всякой мысли созидающими въ Европѣ и Азіи европейскую Россію, онъ видѣлъ болѣе крупную задачу, болѣе широкій идеалъ: человѣческую личность, облеченную неотъемлемыми правами, которыя никто бы не могъ ни оспорить, ни урѣзать, и поставленную въ наиболѣе благопріятныя условія для ея личнаго и общественнаго развитія. Отсюда—его борьба съ „абрамовщиной", которая, „отодвигая на второй планъ вопросы общественно-политическіе, считаетъ основной задачей современной государственной жизни Россіи энергическую помощь народу въ его трудной борьбѣ съ доморощеннымъ кулачествомъ и быстро нарождающейся, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тѣснаго общенія съ Западомъ, буржуазіей русской" [1]). Абрамовщина была и самымъ крайнимъ выраженіемъ и въ то же время плодомъ вырожденія народничества, окончательно утратившаго непосредственное и здоровое общественно-политическое чувство. Борясь противъ абрамовщины, Шелгуновъ предварялъ антинародническую кампанію 90-хъ гг. Вѣдь протестъ противъ мелкаго культурничества абрамовщины, этого послѣдняго и послѣдовательнаго слова народничества, былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ мотивовъ умственно-общественнаго движенія 90-хъ гг. Это движеніе явилось какъ бы отвѣтомъ на задачу, формулированную Шелгуновымъ, какъ „примиреніе между идейностью и практичностью".

---

[1]) Характеристика г. Абрамова въ словарѣ Венгерова, цитированная въ „Очеркахъ" Шелгунова, стр. 849.

Есть, *повидимому*, одно крупное различіе между направленіемъ мысли Шелгунова и движеніемъ 90-хъ гг.: Шелгуновъ, какъ извѣстно, явился краснорѣчивымъ защитникомъ и истолкователемъ руководящей роли итнеллигенціи въ общественномъ прогрессѣ нашей страны, между тѣмъ какъ представители 90-хъ гг. провозгласили ее quantité négligeable. Но разногласіе это гораздо крупнѣе въ чисто теоретическомъ, чѣмъ въ общественно-практическомъ отношеніи и, кромѣ того, оно можетъ быть примирено, если, съ одной стороны, раціоналистической формулѣ Шелгунова дать болѣе конкретно-историческое, болѣе жизненное истолкованіе, а, съ другой стороны, признать нѣкоторую односторонность въ обобщеніяхъ, съ которыми выступили 90-ые годы. Я знаю, что найдутся сейчасъ люди, которые обрушатъ на мою бѣдную голову упрекъ въ эклектизмѣ. Къ счастью, этотъ упрекъ—по знаменитому выраженію—дешевъ, какъ сжевика, и предъявить его не стоитъ ни малѣйшей работы мысли. За эклектизмъ можно раздѣлывать не только нашего брата, но и великановъ мысли. Бѣдный Кантъ! Онъ всю жизнь варилъ эклектическую кашицу изъ Платона, Локка, Юма и Лейбница. Жалкій Лейбницъ! Онъ съ компрометирующей его наивностью заявлялъ, что всѣ философы, на его взглядъ, были кое-въ чемъ правы. Тѣмъ, кто походя бросаютъ упрекъ въ эклектизмѣ, слѣдовало бы сообразить, что предосудительный эклектизмъ состоитъ не въ примиреніи разнообразныхъ мотивовъ мышленія, а въ неумѣстномъ ихъ примиреніи, другими словами: въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ доказать, что сочетаніе различныхъ мотивовъ, которые „принято“ считать несовмѣстимыми, на самомъ дѣлѣ невозможно.

Но вернемся къ занимающему насъ вопросу объ интеллигенціи и ея роли. Говоря на эту тему, Шелгуновъ возвышался до паѳоса. „Интеллигенція есть та неуловимая лабораторія, не имѣющая ни мѣста, ни числа, которая вырабатываетъ извѣстную идейную руководящую и властную силу, подчиняющую себѣ всѣ остальныя силы. Это—умственная атмосфера, образующаяся изъ очень разнообразныхъ, но однородныхъ умственныхъ теченій, составляющихъ одно гармоническое направляющее цѣлое. Да, именно атмосфера, которой дышетъ всякій живой человѣкъ, подобно тому, какъ онъ дышетъ обыкновеннымъ воздухомъ. Онъ черпаетъ изъ этой атмосферы свою умственную силу, крѣпость и здоровье такъ же, какъ изъ обыкновеннаго воздуха черпаетъ свое физическое здоровье и свою физическую силу.

„Интеллигенція не образуетъ собою никакой юридической единицы. Она не корпорація, не сословіе, ея права и обязанности не установлены и не опредѣлены закономъ, и не регламентированы никакими правилами, инструкціями или формами. Это совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ своемъ идейномъ творчествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той дѣйствительности, которой она служитъ. Это кормчій, стоящій у компаса, а не у руля, и указывающій, куда плыть; это лоцманъ, слѣдящій за фарватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и гдѣ лежатъ камни и мели.

„И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ большихъ и малыхъ внутреннихъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стражѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго, временнаго и искавшаго справедливаго разрѣшенія только въ общемъ“ [1]).

Если въ приведенныхъ словахъ есть преувеличенія, то эти преувеличенія объясняются чисто раціоналистической точкой зрѣнія Шелгунова. Ходъ исторіи Шелгуновъ не только измѣрялъ, но и объяснялъ развитіемъ идей. Онъ недостаточно ясно видѣлъ, что и развитіе идей происходитъ, съ одной стороны, на почвѣ развитія и столкновенія общественныхъ интересовъ, съ другой стороны, на почвѣ стихійнаго усложненія жизни. Человѣческая личность для того, чтобы выступить въ качествѣ творческой идеи, должна еще раньше сдѣлаться живымъ фактомъ, всюду, на каждомъ шагу дающемъ себя знать. Одна идея личности немного сдѣлаетъ, если не будетъ живыхъ людей, готовыхъ стоять за нее. Но если за идеей стоитъ такая живая сила, то идея непобѣдима. Интеллигенція въ своихъ наиболѣе великихъ задачахъ и чаяніяхъ только тогда преуспѣетъ, когда будетъ много интеллигентовъ, будетъ много живыхъ людей, силою вещей вынужденныхъ признавать и признающихъ эти задачи и чаянія своими. Отсюда—огромная важность вопроса о томъ, какія реальныя условія содѣйствуютъ количественному и качественному росту интеллигенціи или, еще лучше, интеллигентности. Надъ этимъ вопросомъ, подъ огромнымъ по силѣ впечатлѣніемъ печальной памяти голоднаго 1891 года, крѣпко задумалось поколѣніе 90-хъ

[1]) „Очерки русской жизни“, стр. 853.

годовъ; въ выдвинутой имъ литературѣ оно пыталось разгадать эту загадку россійскаго Сфинкса... Характеризуя интеллигенцію, какъ „неуловимую лабораторію, не имѣющую ни мѣста, ни числа“, какъ „умственную атмосферу“ и, такимъ образомъ, отмѣчая, я бы сказалъ, междуклассовый или, если угодно, внѣклассовый характеръ интеллигенціи, Шелгуновъ былъ, на мой взглядъ, въ значительной мѣрѣ правъ. Но я спѣшу подчеркнуть въ то же время, что междуклассовый характеръ и междуклассовая миссія интеллигенціи, усиливая ея историческое значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, очерчиваетъ ихъ гораздо болѣе узкими границами, чѣмъ это думалось Шелгунову. Впрочемъ, Шелгуновъ говорилъ, что „было бы, кажется, точнѣе (и, во всякомъ случаѣ, яснѣе и безспорнѣе) замѣнить названіе „интеллигенціи“, вызывающее представленіе о чемъ-то осязательномъ, опредѣленномъ въ своихъ границахъ и формѣ, словомъ, имѣющимъ болѣе отвлеченный, общій смыслъ. Не все, что интеллигентно, даетъ прогрессивно-историческое направленіе и движеніе жизни Россіи, а только то, что дѣйствительно идейно, прогрессивно“ [1]). Въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, могутъ быть историческія эпохи и историческія задачи, съ точки зрѣнія которыхъ прогрессивна или интеллигентна, по преимуществу, „умственная атмосфера“ одного опредѣленнаго общественнаго класса. Онъ-то и является носителемъ общественнаго прогресса; его интеллигенція есть истинная интеллигенція. На мой взглядъ очередная историческая задача въ Россіи не такова, чтобы „аннибалова клятва“ нашего времени [2]) была связана исключительно и даже преимущественно съ судьбами и интересами одного общественнаго класса, а прочіе классы были безсильны, индифферентны или враждебны по отношенію къ составляющей содержаніе этой клятвы задачѣ. Великая преобразовательная задача современности поставлена всей совокупностью жизненныхъ условій нашей страны и, въ качествѣ таковой, она господствуетъ надъ интересами всѣхъ жизнеспособныхъ классовъ Россіи, являясь условіемъ нашего дальнѣйшаго національнаго развитія. Отсюда — огромная роль интеллигенціи въ разрѣшеніи этой задачи.

Указывая на безсиліе внѣклассовой или междуклассовой интеллигенціи въ „Критическихъ замѣткахъ“, я лично относилъ это безсиліе вовсе не къ этой очередной задачѣ (или, если угодно, загад-

[1]) Тамъ же, стр. 853.

[2]) Напомнимъ, что Тургеневъ борьбу съ крѣпостнымъ правомъ назвалъ „аннибаловой клятвой“ своего поколѣнія.

кѣ) русской жизни, а къ той титанической соціально-экономической задачѣ, которая такъ неисторически и—въ дурномъ смыслѣ—утопически возлагалась народнической литературой (или, по крайней мѣрѣ, весьма вліятельной ея частью) преимущественно на русскую интеллигенцію. Я спорилъ тогда и теперь буду спорить противъ этого утопизма, который игралъ роль блуждающаго огня, отвлекавшаго интеллигенцію своимъ соблазнительнымъ, но ложнымъ свѣтомъ отъ другихъ, болѣе скромныхъ, но зато болѣе насущныхъ и болѣе посильныхъ задачъ. Нечего настаивать на томъ, что та очередная задача, о которой говоримъ мы, по существу своему не имѣетъ ничего общаго съ мелкими дѣлами г. Абрамова и его школы, а, наоборотъ, представляетъ ихъ діаметральную противоположность. Я нарочно подчеркнулъ слова „по существу“, потому что рѣчь идетъ тутъ не о путяхъ и средствахъ, но о руководящей идеѣ общественнаго движенія.

Я долженъ сдѣлать еще двѣ оговорки. Я не хотѣлъ бы, во-первыхъ, чтобы мои слова были истолкованы въ томъ смыслѣ, что я отвергаю широкую соціальную задачу, постановка которой всегда отличала нашу прогрессивную литературу. Одно дѣло—постановка этой задачи, какъ верховной и конечной цѣли дѣятельности, другое—неправильное и мечтательное превращеніе конечной цѣли, къ которой ведутъ сложные и трудные историческіе пути, въ основную практическую задачу дѣйствительности. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ видѣть въ моихъ словахъ непризнаніе того принципа реальной или, вѣрнѣе, реалистической прогрессивной политики, который предписываетъ для всѣхъ настоятельныхъ задачъ искать опоры и санкціи въ стремленіяхъ и интересахъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ; не слѣдуетъ думать, что я рекомендую цѣликомъ вернуться къ такъ называемой „идеологической“ точкѣ зрѣнія. Я хочу только подчеркнуть, что извѣстнаго рода общественная задача выдѣляется изъ круга другихъ, какъ общая задача различныхъ общественныхъ группъ, и что соотвѣтственно этому въ ея разрѣшеніи крупная роль выпадаетъ на долю междуклассовой или внѣклассовой интеллигенціи. „Умственная атмосфера“ можетъ и должна быть, дѣйствительно, приведена въ такое состояніе, чтобы „аннибалова клятва“ времени сообщалась отъ лица къ лицу съ неудержимой и растущей силой и постепенно получала святость и силу безусловнаго велѣнія общественной и личной совѣсти. Необходимо воспитать ясное и твердое сознаніе...

Но вернемся къ Шелгунову. Резюмируя наши мысли о немъ, мы можемъ сказать, что Шелгуновъ, авторъ „Очерковъ русской жизни", составляетъ въ русской публицистикѣ переходное звено отъ 60-хъ до 70-хъ годовъ къ умственно-общественному движенію 90-хъ годовъ. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характеренъ фактъ, сообщаемый Н. К. Михайловскимъ въ его вступительной статьѣ къ „Сочиненіямъ Шелгунова" (изд. 1891 и посл. годовъ). „Изъ статьи „Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и Франціи" (изложеніе Энгельса) Николай Васильевичъ исключилъ въ новомъ изданіи своихъ сочиненій одно ярко-народническое мѣсто, предостерегающее Россію отъ превратныхъ путей экономическаго развитія Европы. Это исключеніе знаменательно. Произведенное въ 1891 г., послѣ жаркихъ битвъ съ абрамовщиной, оно было признакомъ не вполнѣ осознаннаго, быть можетъ, но тѣмъ не менѣе, уже явственно намѣчавшагося поворота къ западничеству sans phrases. Я не знаю, какъ отнесся бы Шелгуновъ къ умственно-общественному движенію 90-хъ годовъ, извѣстному подъ сужающей его значеніе кличкой „марксизма". Быть можетъ,—враждебно. Это не мѣшало бы, однако, мнѣ утверждать, что въ писаніяхъ самого старика Шелгунова пробиваются уже съ стихійной силой ростки новыхъ думъ и настроеній, окончательно созрѣвшихъ въ поколѣніи 90-хъ годовъ".

АВСТРІЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ЕГО БЫТОПИСАТЕЛЬ.

(1893 г.).

Недавно появились въ нѣмецкомъ переводѣ—подъ заглавіемъ: „Die Verlumpung der Bauern und des Adels in Russland"—„Власть земли", Глѣба Успенскаго, и „Оскудѣніе", Сергѣя Атавы. Критики отнеслись съ большимъ интересомъ и вниманіемъ къ этимъ двумъ картинамъ на соціальныя темы изъ жизни русскаго народа, хотя, конечно, не вполнѣ правильно оцѣнили ихъ общественный смыслъ. Особенно странно то, что по отношенію къ крестьянству нѣмецкіе критики совсѣмъ забыли отмѣтить, что его р а з л о ж е н і е совершается почти всюду, гдѣ есть еще чему разлагаться. Государственные и общественные порядки, естественныя условія и т. д., при которыхъ совершается этотъ процессъ, а въ зависимости отъ этого—и его формы, могутъ быть совершенно различными въ разныхъ странахъ. Но основная причина явленія—всюду одна и та же: новые способы производства и передвиженія товаровъ и новыя формы обмѣна, словомъ, та совокупность хозяйственныхъ перемѣнъ, которая достаточно ясно характеризуется терминомъ к а п и т а л и з м ъ, всюду своимъ вторженіемъ разлагаетъ старые устои. Есть страны, въ которыхъ о крестьянахъ, строго говоря, не можетъ быть уже и рѣчи, какъ напр., въ Англіи [1]); во Франціи — классической странѣ западноевропейскаго крестьянства, крестьянское хозяйство переживаетъ

[1]) Конрадъ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 8-te Lief., статья: Bauerngut u. Bauernstand, p. 273) говоритъ, понимая всюду крестьянство въ западно-европейскомъ смыслѣ, что въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи преобладаетъ безусловно крупная крестьянская собственность, которая по своему доходу при интенсивномъ скотоводствѣ соотвѣтствуетъ среднему прусскому *дворянскому* имѣнію (Rittergut).

мѣстами глубокій кризисъ, о чемъ свидѣтельствуетъ эмиграція въ Южную Америку; въ Германіи много говорилось и говорится о „паденіи крестьянства", хотя лучшій авторитетъ по этому вопросу—галльскій профессоръ Конрадъ — смотритъ очень оптимистично на положеніе нѣмецкаго крестьянства (l. c., стр. 283). Но то нѣмецкое крестьянство, положеніе котораго Конрадъ находитъ совершенно „здоровымъ", раздѣляется имъ на три группы (I — землевладѣніе отъ 2 до 5 гектаровъ; II—5—20 г.; III—20—100 г.), при чемъ главное значеніе, по мнѣнію Конрада, имѣетъ третья группа, которая фактически не можетъ обходиться безъ значительнаго участія въ хозяйствѣ наемнаго труда и состоитъ изъ мелкихъ земельныхъ капиталистовъ: этой группѣ принадлежитъ треть всей крестьянской земли въ Германіи. Австрія не обладаетъ, къ сожалѣнію, такой обще-аграрной статистикой, какъ Англія и Германія, и такой замѣчательной крестьянской статистикой, какъ земская Россія. Но всѣ знаютъ, что тамъ, гдѣ старыя хозяйственныя формы ведутъ отчаянную предсмертную борьбу съ новыми, являясь экономической основой политическихъ вожделѣній реакціонныхъ партій, „крестьянскій вопросъ" стоитъ на очереди. Противники такъ называемаго экономическаго либерализма приводятъ въ доказательство критическаго положенія австрійскаго крестьянства тотъ фактъ, что даже австрійскіе манчестерцы и ихъ органъ „Neue Freie Presse" признаютъ необходимость государственныхъ мѣропріятій въ пользу крестьянства. И дѣйствительно, въ текущую сессію извѣстный либеральный депутатъ-юристъ М. Менгеръ интерпеллировалъ правительство съ цѣлью узнать, что̀ оно намѣрено предпринять для облегченія участи крестьянъ.

Въ настоящей статьѣ мы отнюдь не желаемъ всесторонне охарактеризовать положеніе австрійскаго крестьянства, тѣмъ болѣе, что по состоянію источниковъ это даже невыполнимо. Наша задача болѣе скромная: мы хотимъ только познакомить читателей съ однимъ частнымъ случаемъ болѣзненнаго процесса, совершающагося въ цислейтанскомъ крестьянствѣ, и съ его отраженіемъ въ литературѣ — съ разореніемъ австрійскаго альпійскаго крестьянства, изображеннымъ штирійскимъ поэтомъ-народникомъ Розеггеромъ въ романѣ „Яковъ Послѣдній" („Jakob der Letzte")[1]) и

[1]) Доп. 1901 г. Русскій переводъ его былъ напечатанъ въ 1897 г. въ „Новомъ Словѣ" съ небольшимъ предисловіемъ пишущаго эти строки. *Позже въ нашей* печати вообще стали появляться переводы Розеггера.

въ рядѣ статей. Но прежде чѣмъ перейти къ штирійскому крестьянству, намъ кажется полезнымъ сдѣлать одно замѣчаніе: читатель, быть можетъ, уже замѣтилъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ о нѣмецкомъ крестьянствѣ, что подъ крестьяниномъ на западѣ разумѣется нѣчто иное, чѣмъ у насъ. Мы при словѣ „крестьянинъ“ представляемъ себѣ земледѣльческую единицу, опирающуюся только на свой трудъ и не эксплуатирующую чужой рабочей силы, а крестьянство—по крайней мѣрѣ въ идеалѣ—мыслится нами, какъ совокупность такихъ равныхъ между собой хозяйственныхъ единицъ. Это представленіе лежитъ въ основѣ нашей сельской общины или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ изслѣдователей считается ея основнымъ жизненнымъ началомъ. Не таковъ — въ общемъ—крестьянинъ западно-европейскій: наемный трудъ для него считается необходимымъ; въ сельскохозяйственномъ „рабочемъ вопросѣ“ большинство такъ называемаго крестьянства является представителемъ интересовъ предпринимательскихъ, а не рабочихъ. Люди, защищающіе интересы этого крестьянства, не только не заражены „идеей равненія“, но даже относятся къ представителямъ ея съ явной враждой и недоброжелательствомъ.

Прежде всего—о самомъ Розеггерѣ [1]). Онъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ нѣмецкихъ писателей. Это—писатель-народникъ. Конечно, мы напрасно стали бы искать въ его произведеніяхъ ту глубину мысли и чувства, которая характеризуетъ нашихъ такихъ же народниковъ—Успенскаго и Златовратскаго. Идеалы нѣмецкаго народника много ниже идеаловъ авторовъ „Власти земли“ и „Устоевъ“. Если послѣдніе пристрастны иногда къ народу и нѣкоторымъ формамъ его быта, то только потому, что они видятъ въ этихъ формахъ осуществленіе самыхъ дорогихъ общечеловѣческихъ идеаловъ; Розеггеру такіе идеалы совершенно недоступны, онъ любитъ свой народъ чисто непосредственной любовью, а тамъ, гдѣ у него является рефлексія, ее, къ сожалѣнію, приходится назвать довольно низкопробной. Въ отличіе отъ нашихъ писателей нѣмецъ часто сентименталенъ. Нѣмцы вообще спеціалисты по части Gemüt'a, но въ

---

[1]) О немъ въ нѣмецкой литературѣ есть любопытный этюдъ А. Свободы (Adalbert V. Svoboda. P. K. Rosegger. Eine Lebens und Charakterskizze. Breslau).

этой области имъ почти всегда измѣняетъ поэтическая, да и всяческая правда; къ тому же они—слишкомъ мало реалисты. Настоящій реализмъ у нѣмцевъ—или привозный продуктъ, или имитація... Розеггеръ, несмотря на то, что онъ изображаетъ среду, въ которой самъ выросъ, и съ которой до сихъ поръ поддерживаетъ крѣпкія связи, не можетъ возвыситься до того мощнаго реализма, предъ которымъ исчезаетъ всякое благодушіе.

Біографія Розеггера интересна не только какъ біографія всякаго дѣятеля, вышедшаго изъ народа. Самое драгоцѣнное во всей его жизни и дѣятельности—именно то, что онъ, поднявшись надъ своей средой, всѣ силы отдалъ ей—этой, если не темной, то во всякомъ случаѣ с ѣ р о й средѣ. Онъ ввелъ ее въ литературу и здѣсь громко защищалъ ея интересы. Благодаря Розеггеру, штирійскій „лѣсной крестьянинъ“ (Waldbauer) занялъ почетное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ, и его горькая судьба, его тяжелая борьба за существованіе стали извѣстны тамъ, куда рѣдко проникаютъ чужіе общественные интересы, и гдѣ не утруждаютъ себѣ головъ экономическими вопросами.

Въ романѣ Розеггера главное дѣйствующее лицо — крестьянинъ лѣсной деревушки—Яковъ Штейнрейтеръ. Въ немъ штирійскій поэтъ изобразилъ лучшія черты своего народа и на немъ же показалъ глубоко трагическую судьбу крестьянства, ставшаго э к о н о м и ч е с к и н е н у ж н ы м ъ и выживаемаго изъ насиженныхъ мѣстъ оленями, козулями, зайцами и всяческой другой дичью. Романъ Розеггера — не широкая натуралистическая картина во вкусѣ Золя. Для того, чтобы дать такое произведеніе, у Розеггера не достаетъ художественныхъ средствъ и объективности. Онъ самъ говоритъ, что его книга написана не только для того, чтобы дать грустную картину внѣшнихъ условій, но главнымъ образомъ для того, чтобы изобразить тѣ страданія, которыя эти внѣшнія условія вносятъ въ человѣческое сердце, въ сердце героя романа. Но авторъ понималъ, что онъ изображаетъ „язву растущую“ и для чего онъ это дѣлаетъ. „Эта книга, — такъ начинаетъ онъ свое предисловіе, — преслѣдуетъ болѣе глубокую цѣль, чѣмъ простое развлеченіе читателя. Ея задача—изобразить странное и важное явленіе современности; она должна дать картину разоренія крестьянства въ нашихъ Альпахъ. Меня почти лично задѣваетъ все, что касается крестьянскаго сословія, и такимъ образомъ мое сердце заставило меня написать эту книгу“.

Къ маленькой деревушкѣ Альтенмоосъ подбирается богатый

землевладѣлецъ Кампельгерръ. Онъ скупаетъ крестьянскія земли для того, чтобы расширить и округлить свою „охоту“. Розеггеръ не видитъ, что этотъ самый фактъ скупки крестьянскихъ участковъ и обращенія ихъ въ сплошной охотничій паркъ есть слѣдствіе и симптомъ какого-то глубокаго экономическаго процесса. Онъ видитъ только ту ужасную драму, въ которую выливается этотъ процессъ и изображаетъ ее съ болью въ сердцѣ... Вотъ одинъ крестьянинъ Кначель уже продалъ свою землю и домикъ Кампельгерру и является къ Якову. Онъ съ удовольствіемъ разсказываетъ ему новость. „Видалъ ты когда нибудь тысячный билетъ?“—ухмыляясь, говоритъ онъ сосѣду и вытаскиваетъ эффектную бумажку, которую съ удивленіемъ и почтеніемъ разсматриваютъ всѣ домочадцы Якова. Съ наслажденіемъ игрока, энергично выбрасывающаго своего лучшаго козыря, Кначель вынимаетъ второй тысячный билетъ. Но Яковъ только качаетъ головой и спрашиваетъ: „какъ можно продать свой домъ?“ Такъ начинается драма обезземеленія и выселенія лѣсныхъ крестьянъ. Яковъ является въ ней воплощеніемъ консервативнаго начала—непреодолимой любви къ своей землѣ и родинѣ. Случайно, прогуливаясь въ праздникъ съ маленькимъ сыномъ, онъ встрѣтилъ на дорогѣ уѣзжающаго Кначеля; при этомъ ребенокъ спрашиваетъ отца: „это человѣкъ съ тысячными билетами?“ Отецъ не отвѣчаетъ, но вотъ онъ поднялъ кусокъ земли и, раздумывая, началъ его разсматривать. „Что это такое“—снова спрашиваетъ сынишка.—„Это нашъ тысячный билетъ“,—говоритъ отецъ.—„Онъ не можетъ ни разорваться, ни сгорѣть. Въ муку я его могу столочь, по воздуху разсѣять, и все-таки онъ не погибнетъ. И если человѣкъ о немъ заботится, а Богъ посылаетъ съ неба солнечный свѣтъ и дождь, то онъ—вѣрное добро и каждый годъ приноситъ проценты“. Эта сценка неправдоподобна и потому нехудожественна, но она сразу даетъ понять читателю, что́ за личность Яковъ. Скоро за Кначелемъ послѣдовалъ другой крестьянинъ, на этотъ разъ самый первый богачъ во всей деревнѣ. Онъ прельстился крупной суммой, которую ему предложилъ Кампельгерръ. Этотъ послѣдній въ романѣ Розеггера—представитель всѣхъ тѣхъ темныхъ экономическихъ и общественныхъ силъ, которыя подкапываются подъ крестьянина. Яковъ съ другими односельчанами идетъ отговаривать деревенскаго богача отъ продажи земли. Въ разговорѣ они естественно переходятъ на личность скупщика. Кто онъ такой? Одинъ сосѣдъ спрашиваетъ другого:

„Неужто у Кампельгерра такъ много денегъ?“ — „Чертовски много“,—отвѣчаетъ другой и увѣряетъ, что если бы этотъ богачъ сталъ безъ передышки пересчитывать свои кредитки, то онъ за этимъ дѣломъ померъ бы съ голода. Отецъ его былъ въ Венгріи хлѣботорговцемъ, а у него самого были прежде фабрики и даже цѣлую желѣзную дорогу онъ построилъ, но теперь онъ развязался со всѣмъ этимъ и кинулся на землю. Лѣсъ тоже чѣгонибудь да стоитъ, а къ тому же охота—славная забава. Попытка Якова и его товарищей убѣдить деревенскаго богача не продавать своего хутора потерпѣла, разумѣется, фіаско. Богачъ заявилъ, что ему надоѣло возиться съ батраками и бѣдными односельчанами, платить высокіе поземельные налоги и быть рабомъ погоды. Онъ купитъ себѣ дачу внизу, въ долинѣ и тамъ, отрѣзывая купоны, будетъ себѣ жить припѣваючи. „И наплевать мнѣ тогда на погоду“.

Такъ Альтенмоосъ лишился своего самаго богатаго крестьянина: въ тѣло лѣсной деревушки большимъ клиномъ врѣзался пришлый вампиръ. Прежде мужики арендовали у сосѣднихъ землевладѣльцевъ выгоны. Теперь, когда новый собственникъ соединилъ почти всѣ окрестныя земли въ своихъ рукахъ, этотъ обычай былъ отмѣненъ, на словахъ — ради лѣсныхъ культуръ, на самомъ же дѣлѣ по другимъ мотивамъ. Впрочемъ, главный лѣсничій скоро пересталъ скрывать свои истинные разсчеты. Если не давать мужикамъ выгоновъ, то имъ нельзя будетъ держать скота, и они скоро разорятся и тогда волей-неволей продадутъ свои земли, на которыхъ вмѣсто людей будутъ разгуливать зайцы и олени. Мужикъ былъ всегда врагомъ дичи, а потому мужика надо... истребить. Кампельгерръ въ романѣ Розеггера самъ почти не появляется, злое дѣло творитъ его покорный слуга — главный лѣсничій, который у Розеггера, быть можетъ, тенденціозно представленъ воплощеніемъ всѣхъ дурныхъ качествъ. Онъ жестокъ, хитеръ, сладострастенъ и вдобавокъ еще не нѣмецъ, а полякъ (кстати замѣтимъ, что, кажется, ни въ одной австрійской землѣ такъ не процвѣтаетъ нѣмецкій націонализмъ, какъ въ Штиріи, а въ Грацѣ обитаютъ самые пламенные во всемъ свѣтѣ поклонники Бисмарка). Розеггеръ рисуетъ цѣлый рядъ сценъ, въ которыхъ лѣсничій обдѣлываетъ свое дѣло. У Якова онъ пытается сначала сбить съ толку жену, у другого крестьянина онъ является въ критическую минуту взысканія недоимокъ и разомъ одерживаетъ

побѣду. Всюду онъ вноситъ горе. Деревенскій богачъ продалъ свой хуторъ, распустилъ своихъ батраковъ.

На землѣ дѣлать имъ было уже нечего, и ихъ прежній хозяинъ далъ имъ добрый совѣтъ спуститься подъ землю, наняться въ работники на угольныхъ копяхъ. Розеггеръ не понимаетъ, кажется, что во всемъ „оскудѣніи“ дорогихъ ему лѣсныхъ крестьянъ виноваты не Кампельгерръ и его лѣсничій, не вредная страсть мужиковъ къ нарядамъ, роскоши и т. п., а какіе-то безличные враги, обстоятельства, въ родѣ развитія крупной промышленности и угольнаго производства, американской, русской и венгерской конкурренціи, — что и про Кампельгерра съ его клевретами можно сказать извѣстное изреченіе: Sie glauben zu schieben und werden geschoben — самими стихійными историческими силами. Конечно, поэту нѣтъ дѣла до этихъ объективныхъ силъ, которыя двигаютъ людьми на жизненной сценѣ, однихъ поднимая, другихъ раздавливая. Онъ видитъ только человѣческое горе и человѣческую низость, скорбитъ и негодуетъ...

Вотъ молодой мужикъ нашелъ себѣ невѣсту и мечтаетъ уже о томъ времени, когда онъ поведетъ ее хозяйкой въ свой домъ, но старикъ-отецъ прельстился тремя тысячами и продалъ, не долго думая, свой хуторъ. И мечты сына разсыпались въ прахъ; онъ пошелъ работникомъ на желѣзный заводъ. Рядъ такихъ драмъ, героями которыхъ являются маленькіе люди,—одна другой страшнѣе,—разыгрывается передъ глазами читателя. Деревушка пустѣетъ, а выселенцы, по большей части, оказываются побѣжденными въ тяжелой борьбѣ за существованіе на полѣ свободной конкурренціи.

Цѣлая глава романа посвящена столкновенію крестьянина—героя романа—съ его работникомъ, который недоволенъ своимъ положеніемъ и хочетъ уйти на желѣзный заводъ. Этотъ эпизодъ—живая и даже художественная иллюстрація явленія, составляющаго злобу дня въ Австріи и серьезно обсуждаемаго въ прессѣ и представительныхъ собраніяхъ—ландтагахъ и рейхсратѣ. Объ этомъ явленіи мы будемъ говорить ниже, а теперь посмотримъ, что же дѣлается дальше въ Альтенмоосѣ. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ первый деревенскій богачъ продалъ свою усадьбу и изъ слишкомъ двадцати крестьянскихъ дворовъ осталось три. Дорога, ведущая въ деревню, испортилась, нужно было ее починить, и Яковъ отправился къ управляющему Кампельгерра попросить его содѣйствія, такъ какъ Кампельгерръ

теперь вступилъ въ права тѣхъ членовъ сельскаго общества, которые продали ему свои участки. Но только—въ права, обязанностей же онъ никакихъ не принялъ на себя: его нельзя заставить поддерживать школу, церковь и дороги, которыми онъ не пользуется. Если ему понадобится дорога, онъ ее проложитъ безъ всякой чужой помощи.—Погодите, крестьяне, пока лѣсъ подрастетъ, пока онъ станетъ охотничьимъ паркомъ, къ которому надо будетъ устроить проѣздъ. Солидарное общество земледѣльцевъ, такимъ образомъ, уже разрушено: уцѣлѣвшіе члены его на каждомъ шагу сталкиваются съ „бариномъ", интересы котораго діаметрально противоположны крестьянскимъ. Вся жизнь деревушки пошатнулась. Прежде крестьяне нанимали въ учителя отставного фельдфебеля. Но „переселенческая зараза" унесла и фельдфебеля: онъ нанялся горнорабочимъ на желѣзный заводъ (Штирія славится своимъ желѣзодѣлательнымъ производствомъ). „О крестьянахъ,—продолжаетъ авторъ,—не заботилось больше никакое вѣдомство. Лѣсные мужики, правда, платили свои подати за школу; но на крестьянскія деньги въ городахъ строятъ школьные дворцы, картинныя галлереи, театры. А потомъ упрекаютъ мужика въ томъ, что онъ дикъ и неученъ, смѣются надъ нимъ и надуваютъ его. Мужикъ, если ты самъ не можешь помочь себѣ,—ты погибъ!" Эта тирада, очевидно, невольно вылилась изъ-подъ авторскаго пера, и читатели, конечно, не могутъ претендовать на такое во всякомъ случаѣ поучительное „лирическое отступленіе".

Всюду—говоритъ нѣмецкая пословица—устроено такъ, чтобы деревья не вростали въ небо; только для лѣсныхъ мужиковъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ господскими лѣсами, деревья расли и выросли, наконецъ, до такой вышины, что лучи солнца перестали уже попадать въ достаточномъ количествѣ на ихъ узкія полосы. Мужикъ долженъ ползать и пресмыкаться передъ управляющимъ, который милостиво приказываетъ срубить нѣсколько невольныхъ враговъ мужицкаго поля, но не упускаетъ случая сказать „предмету своей милости": „милые, я, вѣдь, могу васъ задушить, могу васъ лишить воды и уморить".

Героя романа постигаетъ цѣлый рядъ несчастій, послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другого: сынъ попадаетъ въ солдаты, жена съ горя умираетъ, зять и дочь покидаютъ родное мѣсто, но и безъ этихъ, впрочемъ, вовсе не придуманныхъ авторомъ, ударовъ судьбы жизнь Якова должна была бы траги-

чески окончиться. Онъ не хочетъ послѣдовать примѣру другихъ, не хочетъ самъ сдаться на капитуляцію оленямъ и зайцамъ, но сила вещей сломитъ его. Дичь все плотнѣе и плотнѣе наступаетъ на мужика, который въ виду существующихъ законовъ объ охотѣ, долженъ спокойно смотрѣть, какъ его поля топчутся охотящимися господами, какъ въ его огородъ забираются олени; выпускать скотину на пастьбу онъ тоже не можетъ, такъ какъ она рискуетъ попасть подъ барскій выстрѣлъ. Правда, за ущербъ крестьянинъ получитъ вознагражденіе „по расцѣнкѣ“; за уступленное барину право охоты онъ получитъ свою грошевую долю. Но хозяйничать онъ не можетъ. Тѣнь, падающая отъ лѣса, все растетъ и растетъ, такъ что даже репейникъ пересталъ цвѣсти, а дичь становится все смѣлѣе и смѣлѣе. Вотъ нѣсколько иллюстрацій того, какъ дичь съѣдаетъ мужика. Олени поѣли у Якова капусту. По оцѣнкѣ онъ получаетъ 4 крейцера за кочанъ, всего 8 гульденовъ. Такова цѣна внизу, въ долинѣ. Но осенью—распутица, и ничего привезти въ горную деревушку нельзя. „Посѣять мнѣ, что ли,—протестуетъ мужикъ,—ваши кредитки. Да вѣдь изъ нихъ теперь, поздней осенью, не вырастетъ капуста. Милостивые господа, цѣна капусты для меня совсѣмъ другая, чѣмъ для васъ. Вамъ капуста только приправа, мнѣ она—кушанье“. Другой разъ олень полакомился спѣлымъ овсомъ. Для того, чтобы получить вознагражденіе за убытки, мужикъ долженъ былъ погодить съ жатвой. Между тѣмъ выпалъ снѣгъ, и когда оцѣночная коммиссія увидѣла снѣжное поле, то она предложила мужику подать жалобу на Господа Бога... Не утерпѣлъ, наконецъ, какъ-то Яковъ, пристрѣлилъ оленя на огородѣ и самъ заявилъ объ этомъ управляющему. Мужика засадили въ кутузку, и въ то время, какъ онъ отсиживалъ тамъ, Кампельгерръ „засѣдалъ въ парламентѣ и произносилъ блестящія рѣчи о честномъ работникѣ съ мозолистыми руками, о человѣческихъ правахъ бѣдняковъ, о потѣ земледѣльцевъ“ и т. д.

Силы „послѣдняго“ мужика истощаются; въ это время онъ получаетъ письмо отъ сына, котораго онъ считалъ убитымъ на войнѣ, и который между тѣмъ устроился и прочно обосновался въ Новомъ Свѣтѣ; сынъ зоветъ отца къ себѣ въ новыя мѣста, гдѣ человѣкъ на каждомъ шагу вытѣсняетъ дичь, а не дичь—человѣка. Но помните, читатель, альпійская дичь потому и вытѣсняетъ альпійскаго крестьянина, что тамъ, гдѣ-то за океаномъ и *ближе—въ Россіи,* даже подъ бокомъ у штирійскихъ крестьянъ,

въ Венгріи, сталъ производиться „дешевый“ хлѣбъ. Какъ дорого обходится эта дешевизна крестьянину на западно-европейскомъ континентѣ! Яковъ остается вѣренъ самому себѣ до конца. Онъ собирается ѣхать въ Америку, чтобы вернуть сына и его семью изъ Новаго-Альтенмооса въ старый. Но онъ не успѣваетъ привести свой планъ въ исполненіе и падаетъ жертвой дичи... Снова олень забрался на мужицкое поле. Яковъ рѣшается его пристрѣлить и натыкается при этомъ на барскаго лѣсничаго. Послѣ непродолжительнаго, но рѣзкаго объясненія, вмѣсто оленя падаетъ лѣсничій. Убійца кончаетъ самоубійствомъ.

Такъ трагически завершается исторія крестьянскаго разоренія, нарисованная Розеггеромъ въ его интересномъ романѣ. Депутатъ отъ одного изъ штирійскихъ сельскихъ округовъ въ австрійскомъ рейхстагѣ и штирійскомъ ландтагѣ, Карлъ Морре [1]) говоритъ: „Кто хочетъ основательно познакомиться съ печальными условіями, вытѣсняющими альпійскихъ крестьянъ изъ ихъ родины, пусть прочтетъ книгу Розеггера: „Яковъ послѣдній“. Съ потрясающей вѣрностью изображается тутъ положеніе вещей, которое отнимаетъ жизненныя силы у одного изъ славныхъ нѣмецкихъ племенъ и отчуждаетъ его отъ родины... Никто, быть можетъ, не проникаетъ такъ глубоко въ душу альпійскихъ жителей, какъ Розеггеръ, истинный сынъ горнаго племени, правдивый поэтъ Альпъ“ (Karl Morre, „Die Arbeiterpartei und die Bauernfrage“. Graz, 1890, стр. 39).

„Яковъ послѣдній“ появился въ 1889 году. Недавно Розеггеръ снова напомнилъ своимъ соотечественникамъ о „погибающемъ крестьянинѣ“: Въ № 11 журнала „Grenzboten“ [2]) за прошедшій годъ онъ помѣстилъ статью: „Крестьянство—наше единственное спасеніе“.

---

[1]) Морре—самъ писатель сценъ изъ народнаго быта. Нѣкоторыя его пьесы, проникнутыя сильнымъ демократическимъ духомъ, очень популярны. Онъ принадлежитъ къ нѣмецко-національной партіи (deutschnationale Partei), которая въ сферѣ политической выдвигаетъ на первый планъ національные интересы австрійскихъ нѣмцевъ, въ сферѣ экономической—поддержаніе „мелкаго самостоятельнаго производителя“, т. е. крестьянства, и ремесленнаго сословія (Kleingewerbe).

[2]) Этотъ журналъ издается въ Лейпцигѣ и съ очень радикальной соціальной программой совмѣщаетъ антисемитизмъ и т. п. Нужно, впрочемъ, къ чести Розеггера сейчасъ же замѣтить, что онъ печатно высказался противъ антисемитизма, и это—очень много въ виду того колоссальнаго развитія, которое эта соціально-психическая эпидемія получила въ Австріи.

„Странный двойной вопль,—говоритъ авторъ,—раздается по нашей странѣ. „Работы, работы дайте намъ!"—кричатъ въ городѣ. „Рабочихъ, рабочихъ намъ нужно!"—вопятъ въ деревнѣ крестьяне. Въ городахъ постоянно строятъ дома и то не могутъ справиться съ жилищной нуждой; въ деревнѣ дома и избы пустуютъ. Въ городахъ постоянно угрожаетъ голодовка, которой хотятъ помочь дорогимъ (?!) американскимъ хлѣбомъ; въ деревнѣ поля лежатъ необработанными; по обезлюдѣвшимъ крестьянскимъ землямъ бродятъ дикія козы, предметъ охотничьяго спорта важныхъ господъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло у насъ въ Альпахъ, но, какъ слышно, отчасти то же самое происходитъ и въ равнинахъ (Flachland): крестьянство и тамъ, и здѣсь идетъ на встрѣчу своему разоренію". Почему?—спрашиваетъ дальше поэтъ и тутъ вдается въ разсужденія, характерныя и интересныя потому, что они ясно показываютъ, какъ отражается на выводахъ и сужденіяхъ безспорно отзывчиваго и умнаго человѣка узость соціальнаго міровоззрѣнія и незнакомство съ столь часто осмѣиваемой и заподозриваемой „теоріей". Изъ вѣрныхъ посылокъ тутъ дѣлаются невѣрные выводы; добрыя чувства приводятъ чуть-ли не къ обскурантизму и заставляютъ вздыхать о порядкахъ, ставшихъ невозможными и ненужными и могущихъ быть только помѣхой общественнаго развитія. Авторъ говоритъ, что теперь слишкомъ много стали требовать и брать съ крестьянина (кстати, онъ забываетъ сказать, что прежде брали не только слишкомъ много, но даже безмѣрно). „Крестьянинъ достаточно даетъ государству тѣмъ самымъ, что онъ крестьянинъ. Но отъ него требуютъ еще всякія вещи другого рода: на счетъ его платежей хотятъ эксплуатировать государственныя желѣзныя дороги, которыя привозятъ иностранный хлѣбъ; на счетъ тѣхъ же крестьянскихъ податей хотятъ содержать городскія школы, которыя отрываютъ отъ земли способныхъ крестьянскихъ дѣтей и увлекаютъ ихъ въ высшія учебныя заведенія; на крестьянскій же счетъ стремятся отнести содержаніе бюрократическаго механизма администраціи и полиціи, отъ котораго крестьянинъ рѣдко видитъ пользу и очень часто препятствія; наконецъ, на его же счетъ падаетъ содержаніе колоссальной арміи, защитой которой въ случаѣ нужды, конечно, ни одно сословіе не будетъ такъ мало пользоваться, какъ крестьянское". Много еще другихъ внѣшнихъ причинъ приводятъ къ гибели крестьянство, но и самъ крестьянинъ не безъ вины. Онъ неумѣло хозяйни-

чаетъ: пли онъ остается при первобытныхъ способахъ, или столь же нерацiонально бросается на нововведенія и прогораетъ. Только очень немногіе держатся единственно правильнаго средняго пути между старымъ обычаемъ и новыми требованіями. Затѣмъ крестьянинъ потерялъ свою сословную гордость (Standesehre). Онъ стыдится своего званія. „Жизнь деревенскаго работника,—говоритъ Розеггеръ,—среди природы, при здоровомъ трудѣ и патріархальныхъ семейныхъ условіяхъ—великолѣпная жизнь сравнительно съ зависимымъ существованіемъ городского жителя. Но тѣмъ не менѣе потокъ людей стремится изъ деревень въ города, и крестьянинъ-хозяинъ напрасно вопитъ о помощи, о рабочихъ. Убѣдившись въ томъ, что эти вопли дѣйствительно „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“, онъ самъ бросаетъ свою землю и идетъ въ городъ“.

Между прочимъ, Розеггеръ упрекаетъ также школу и духовенство въ томъ, что они не воспитываютъ въ крестьянахъ любви къ своему званію и труду.

Въ концѣ своей статьи альпійскій поэтъ приходитъ къ вопросу: что же дѣлать? И смѣло отвѣчаетъ: возвратить деревнѣ ту массу людей, которая отнята у нея городомъ и сидитъ тамъ безъ работы. „Назадъ въ деревню, въ горы, расчищать поле, пахать и собирать жатвы!“ И это обратное теченіе должно захватить не только грубую рабочую силу; въ немъ должна участвовать и „избыточная“ интеллигенція. „И крестьянство нуждается въ умныхъ людяхъ: крестьянинъ, который хочетъ дѣльно вести смѣшанное хозяйство, долженъ для этого учиться—въ своемъ родѣ не меньше, чѣмъ иной „ученикъ въ городѣ“. Но какъ устроить это возвращеніе изъ города въ деревню?—спрашиваетъ Розеггеръ. Газетными статьями и банкетными рѣчами тутъ ничего не подѣлаешь; нужно, чтобы нашлись люди, которые подали бы въ этомъ дѣлѣ живой примѣръ. „Если бы я былъ самъ здоровымъ горожаниномъ,—говоритъ авторъ,—и имѣлъ небольшое состояніе, то я не помѣстилъ бы его въ какомъ-нибудь торговомъ или промышленномъ предпріятіи, а купилъ бы себѣ въ красивой мѣстности (не даромъ поэтъ!) крестьянское имѣніе (Bauerngut) и сталъ бы вести тамъ естественную, самостоятельную и счастливую жизнь въ сторонѣ отъ зловѣщаго шума современности. И если бы у меня нашлись многочисленные подражатели, то такой образъ дѣйствій постепенно сталъ бы считаться честнымъ, патріотическимъ и аристократическимъ, и дѣло было бы выиграно. Рабочій народъ

(das dienende Volk) самъ бы уже послѣдовалъ за нами (würde schon selber folgen)". Новая кровь была бы влита въ умирающее крестьянство и оживила бы его. Такимъ образомъ выросла бы новая консервативная сила. Міровоззрѣніе Розеггера характеризуется еще, между прочимъ, слѣдующими заключительными словами: „Когда наши государственные люди, представители и друзья народа будутъ разбужены шумомъ пролетаріата, съ крикомъ и угрозами требующаго на улицахъ работы, хлѣба и кое-чего другого, то пусть они вспомнятъ, что исторически-консервативное государство не имѣетъ другого болѣе могущественнаго и вѣрнаго союзника, чѣмъ крѣпкое крестьянство. Они должны создать его во что бы то ни стало, ибо отъ этого, по общепринятому мнѣнію необразованнаго, сословія зависитъ дальнѣйшее существованіе нашей цивилизаціи" (Grenzboten 1892, № 11, стр. 513—518).

Въ отвѣтъ на свою статью, Розеггеръ, самъ издающій въ Грацѣ очень популярный беллетристическій ежемѣсячникъ „Heimgarten", получилъ массу писемъ, изъ которыхъ нѣсколько онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо профессора вѣнской сельскохозяйственной академіи (Hochschule für Bodenkultur) Вилькенса. Ученый агрономъ пишетъ Розеггеру: „Я понялъ вполнѣ жизнь австрійскаго крестьянина только тогда, когда прочелъ вашу книгу: „Die Aelpler". Но въ то же время его будущность явилась для меня въ очень мрачномъ свѣтѣ. Это приводитъ меня къ слѣдующему вопросу, который я ставлю вамъ, какъ поэту, проникающему своимъ взоромъ въ будущее. Вѣрите ли вы въ возможность экономическаго спасенія австрійскаго (католическаго) альпійскаго крестьянина? Вѣдь вы чувствуете, хотя, быть можетъ, не убѣждены въ этомъ, что онъ стоитъ на краю пропасти. Что касается до меня—я съ научной точки зрѣнія занимаюсь положеніемъ альпійскаго крестьянства,—то для меня имя Розеггеръ обозначаетъ поэта погибающаго міра (bezeichnet der Name Rosegger den Dichter einer untergehenden Welt). Въ качествѣ естествоиспытателя, я нисколько не сентименталенъ и не ощущаю ни малѣйшей поэтической потребности спасти австрійскаго альпійскаго крестьянина отъ гибели, но я считаю это одною изъ моихъ научныхъ задачъ". Далѣе профессоръ Вилькенсъ указываетъ на выдающіяся качества альпійскаго крестьянина, которыя заставляютъ дорожить имъ. Прежде всего изумительная рабочая энергія, а затѣмъ нашъ ученый повторяетъ банальныя, избитыя въ нѣмецкой публицисти-

ческой и научной литературѣ фразы объ истинномъ крестьянствѣ, являющемся „соціальнымъ идеаломъ и оплотомъ противъ соціалъ-демократическихъ тенденцій". Вилькенсъ видитъ двѣ причины гибели альпійскаго крестьянства: тяжесть налоговъ, связанныхъ съ милитаризмомъ, и нераціональное натуральное хозяйство, которое неизбѣжно должно погибнуть въ окружающемъ его океанѣ современнаго денежнаго хозяйства. Только полное вытѣсненіе убыточнаго при данныхъ условіяхъ земледѣлія [1]) скотоводствомъ можетъ спасти альпійское крестьянство. Мы уже знаемъ, что Вилькенсъ не вѣритъ въ возможность альпійскому крестьянину уйти отъ надвигающагося на него конечнаго разоренія. О томъ, кто или что замѣнитъ разорившееся крестьянство, онъ умалчиваетъ. Между прочимъ, вѣнскій ученый говоритъ, что дѣти альпійскихъ крестьянъ, прошедшія земледѣльческое училище, не возвращаются къ хозяйству своихъ отцовъ, а предпочитаютъ идти въ управляющіе къ помѣщикамъ. Любопытно также слѣдующее указаніе Вилькенса. Онъ со своими слушателями совершалъ неоднократно учебныя экскурсіи съ цѣлью непосредственнаго ознакомленія съ альпійскимъ хозяйствомъ и его условіями; при этомъ имъ руководила мысль, что кто-нибудь изъ молодыхъ людей „соблазнится перспективой быть самостоятельнымъ хозяиномъ на Альпахъ". Но до сихъ поръ не нашлось изъ слушателей Вилькенса ни одного человѣка, который бы рѣшился приложить свой трудъ и свои знанія къ усовершенствованію альпійскаго хозяйства. Не есть ли все это указанія, что передъ нами въ данномъ случаѣ дѣйствительно—какъ говоритъ корреспондентъ Розеггера—„eine untergehende Welt?"

Въ замѣчаніяхъ, которыми Розеггеръ сопровождаетъ письмо Вилькенса и другія письма, онъ повторяетъ мысли, высказанныя имъ въ изложенной выше статьѣ. Онъ или на самомъ дѣлѣ такъ наивенъ, или хочетъ быть настолько наивнымъ, чтобы имѣть право не понимать невозможность для альпійскаго, да и вообще средне-европейскаго крестьянина, при данныхъ условіяхъ производства, конкуррировать съ другими производителями на

---

[1]) Впрочемъ, въ горной Штиріи и сама природа поставила очень узкія границы земледѣлію. Здѣсь 11,4% всей площади представляютъ неудобную землю, 62,9% приходится на лѣсъ, 18,6% на альпійскія и др. пастбища, 10% на пахатную землю, 8,2% на луга. (Culturbilder aus Steiermark. Graz, 1890. Der Boden Steiermarks u. seine Benützung, von Prof. Dr. G. Wilhelm, S. 11).

всемірномъ рынкѣ. Эта невозможность не фраза, а страшная истина. Розеггеръ говоритъ: „помилуйте, крестьянинъ не торговецъ (der Bauer ist kein Krämer“). Крестьянинъ можетъ прожить на своей землѣ, если только онъ не пріобрѣтетъ себѣ лишнихъ потребностей“. Но дальше поэтъ самъ себя же опровергаетъ, говоря, что то новое крестьянство, о которомъ онъ мечтаетъ и которое замѣнитъ теперешнее погибающее, будетъ лучше питаться, будетъ болѣе образованнымъ и т. д., вообще будетъ вести болѣе пріятную жизнь. Другими словами оно заведетъ себѣ много „лишнихъ“ потребностей. Розеггеръ упоминаетъ, что имъ получены также письма, заключающія рѣзкую критику его взглядовъ, но не приводитъ ихъ, а только вкратцѣ излагаетъ ихъ содержаніе и полемизируетъ со своими критиками — при чемъ эта полемика не отличается особенной сдержанностью и повторяетъ надоѣвшую уже всѣмъ фразу объ „экономическомъ либерализмѣ“, какъ причинѣ всѣхъ несчастій. Сочувственныя письма (ихъ напечатано девять) написаны крестьянами и крестьянками, лѣсничимъ, ученымъ архиваріусомъ, профессоромъ музыки, сельскимъ священникомъ. Одинъ изъ корреспондентовъ убѣждаетъ Розеггера послать свою статью съ письмомъ прямо германскому императору.

Нечего и говорить, что масса полученныхъ Розеггеромъ писемъ объясняется тѣмъ, что большинство издающихся на нѣмецкомъ языкѣ газетъ перепечатало или цѣликомъ, или въ извлеченіяхъ его статью.

Матеріалъ, изъ котораго можно было бы почерпнуть цифровыя, статистическія иллюстраціи разоренія австрійскаго и въ частности штирійскаго крестьянства, несмотря на свою неполноту, очень великъ. Частныя причины этого явленія настолько разнообразны и многочисленны, что одно голое ихъ перечисленіе, мало понятное для неподготовленнаго читателя, могло бы занять нѣсколько страницъ. Въ каждой странѣ Цислейтаніи существуютъ еще навѣрное мѣстныя обстоятельства, дѣйствующія въ томъ же направленіи, и такимъ образомъ интересующій насъ процессъ въ австрійскомъ народномъ хозяйствѣ представляетъ очень пеструю картину, въ которой весьма трудно разобраться. Мы ограничимся здѣсь нѣсколькими штрихами, относящимися спеціально къ Штиріи и заимствованными изъ цитированной уже выше книжки штирійскаго депутата Морре.

И тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ „рабочій вопросъ“. Онъ составляетъ, по словамъ Морре, „самое тяжелое звено въ той цѣпи, которая медленно, но неудержимо влечетъ крестьянъ-собственниковъ въ пропасть“, „послѣдній гвоздь, вколачиваемый въ гробъ австрійскаго крестьянства“. Сельскіе рабочіе оставляютъ деревни и бѣгутъ въ города. Прочь изъ деревни, съ крестьянскаго двора! На фабрику, въ городъ! вотъ лозунги, въ которыхъ выражается недовольство батраковъ. Депутатъ Штейнвендеръ (глава нѣмецко-національной партіи, которая опирается главнымъ образомъ на штирійскихъ и каринтійскихъ избирателей) сказалъ въ рейхсратѣ, что крестьянину грозитъ опасность съ двухъ сторонъ: со стороны крупнаго землевладѣнія, которое путемъ скупки поглощаетъ крестьянскіе участки, и со стороны батраковъ, которые своимъ бѣгствомъ въ города лишаютъ крестьянина необходимой для него подсобной рабочей силы. „Крестьянинъ долженъ имѣть батраковъ“,—говоритъ Морре и подкрѣпляетъ это требованіе безспернымъ съ экономической точки зрѣнія указаніемъ на непригодность [illegible]рликовыхъ хозяйствъ, которыя сами потребляютъ все то, [illegible] производятъ. Для того, чтобы прикрѣпить батраковъ къ крестьянскому хозяйству, Морре развиваетъ проектъ страхованія сельскихъ рабочихъ на случай старости. Кстати замѣтимъ, что соотвѣтствующее предложеніе было имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ внесено въ штирійскій ландтагъ и тамъ признано заслуживающимъ подробнаго обсужденія и внимательной оцѣнки.

Задолженность штирійскаго землевладѣнія Морре иллюстрируетъ слѣдующими данными. Первая штирійская сберегательная касса (Sparkassen въ Австріи, какъ извѣстно, функціонируютъ въ качествѣ институтовъ поземельнаго кредита) имѣетъ ипотечныхъ требованій на 17.400 сельскихъ владѣній, что̀ составляетъ почти 12 милл. гульденовъ. Въ 1888 г. въ это учрежденіе было подано 12.610 прошеній объ отсрочкѣ платежей. „Штирія,—продолжаетъ авторъ,—не самая бѣдная земля имперіи, существуютъ еще болѣе бѣдныя провинціи... ...Какъ же обстоитъ дѣло въ другихъ земляхъ, если въ Штиріи 70% ипотечныхъ должниковъ принуждены были просить объ отсрочкѣ платежей!“

Характерны слѣдующія слова Морре, избранника крестьянъ и завзятаго противника клерикаловъ: „Высокое значеніе школьнаго образованія признается и оцѣнивается если не всѣми безъ исключенія крестьянами, то во всякомъ случаѣ огромнымъ большинствомъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, я осмѣливаюсь утверждать, что

если сегодня духовенство обяжется содержать школы на свой собственный счетъ, то крестьянство тотчасъ отдастъ ему цѣликомъ (mit Haut und Haar) всѣ школы только потому, что крестьяне не могутъ покрывать издержекъ ихъ содержанія. Кто въ этомъ сомнѣвается, пусть обратится къ сельскимъ учителямъ, и изъ нихъ 99 на 100 подтвердятъ мои слова. Вообще правительство, если оно хочетъ слышать всю правду и пожелаетъ ее слушать, должно обратиться къ учителямъ. Учителя—единственные люди, которые могутъ точно сказать и скажутъ, *какъ* велика сельская нищета".

Въ заключеніе посмотримъ, что говоритъ штирійскій депутатъ объ охотѣ, съ ролью которой въ разореніи лѣсныхъ крестьянъ читатели уже познакомились изъ нашего краткаго пересказа Розеггеровскаго романа. „Если обратиться къ послѣдствіямъ охоты за горнымъ звѣремъ,—говоритъ Морре,—то мы увидимъ быстрое уменьшеніе народонаселенія. Между тѣмъ, напримѣръ, въ Верхней Штиріи, число оленей за послѣднія 15 лѣтъ ушестерилось. Истину этого утвержденія доказываютъ охотничьи газеты и общества, и характерно, что за послѣдній охотничій сезонъ одинъ собственникъ „охоты" въ своемъ участкѣ убилъ *шестьдесятъ* оленей. Много же должно быть дичи, если одинъ стрѣлокъ можетъ убить столько оленей. Въ одномъ изъ судебныхъ округовъ Верхней Штиріи одинъ крупный земельный собственникъ скупилъ 45 крестьянскихъ хозяйствъ и согналъ съ горъ въ города почти 4.000 душъ. Въ Нижней Каринтіи однимъ крупнымъ землевладѣльцемъ было пріобрѣтено 50, въ Зальцбургѣ—28 мелкихъ владѣній. Такъ процессъ идетъ все дальше и дальше, и теперь уже въ большей или меньшей степени всѣ горныя страны обезлюдѣли. Народная перепись уяснитъ правительству въ 1891 г., до какого положенія дошло крестьянство въ горныхъ земляхъ, и цифры, констатирующія поглощеніе мелкой поземельной собственности крупнымъ капиталомъ, и исчезновеніе батраковъ изъ крестьянскихъ дворовъ, явятся въ результатахъ предстоящей переписи серьезнымъ напоминаніемъ [1]). Тогда обнаружится, что число крестьянскихъ батраковъ, со времени послѣдней переписи, всюду уменьшилось по крайней мѣрѣ на

[1]) Перепись эта состоялась въ декабрѣ 1890 г. и общіе результаты ея опубликованы, но детальная разработка ихъ, конечно, затянется на нѣсколько лѣтъ.

10%, во многихъ же мѣстностяхъ почти на 20%..." Экономистъ можетъ прійти къ различнымъ научнымъ и соціально-политическимъ выводамъ на основаніи приведенныхъ нами данныхъ смотря по тому, *какому* изъ двухъ народно-хозяйственныхъ моментовъ—производству или распредѣленію—онъ удѣляетъ первенствующее мѣсто. Но мы уклонимся здѣсь отъ всякихъ выводовъ, хотя они и напрашиваются сами собой, и предоставимъ каждому читателю сдѣлать ихъ сообразно своимъ научнымъ воззрѣніямъ и вкусамъ.

1892 г. Грацъ въ Штиріи.

СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДКЛАДКА НѢМЕЦКАГО ВОПРОСА ВЪ АВСТРІИ.

(1894 г.).

—Dr. *Michael Hainisch*, Die Zukunft der Deutsch-Oesterreicher. Eine statistische volkswirtschaftliche Studie. Wien, 1892. Стр. VI и 162.

—Dr. *Heinrich Herkner*, Die Zukunft der Deutsch-Oesterreicher. Wien, 1893 Стр. 24. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Deutsche Worte").

I.

Читателямъ нашихъ ежедневныхъ газетъ довольно часто приходится встрѣчать разсужденія о „германизаціи" австрійскихъ славянъ, при чемъ сплошь и рядомъ нѣкоторые наши публицисты, выражая свое сочувствіе угнетаемымъ братьямъ-славянамъ, сами настолько плохо знакомы съ государственнымъ строемъ дуалистической монархіи, что не знаютъ даже глубокаго различія въ самой государственной постановкѣ національнаго вопроса по сю и по ту сто́рону Лейты. Между тѣмъ, если въ Транслейтаніи [1]) мадьяры являются дѣйствительно господствующей націей, довольно безцеремонно давящей всѣ прочіе народы „странъ венгерской короны", то въ Австріи—говорить о какомъ-нибудь угнетеніи или насильственной германизаціи и пр. довольно странно. Въ Венгріи безраздѣльно господствуетъ одинъ государственный языкъ — венгерскій; въ Цислейтаніи нѣмецкій языкъ, правда, является языкомъ всего центральнаго управленія, но о его государственности [2]) нѣтъ ни слова въ австрійской конституціи, и

---

[1]) Конечно, за исключеніемъ Кроаціи.

[2]) Два раза—въ 1880 г. и 1838 г.—нѣмцы пытались провести законъ о государственномъ языкѣ, который ставилъ бы нѣмецкій языкъ въ Австріи въ такое же положеніе, которое венгерскій языкъ занимаетъ въ Венгріи, но, конечно, оба раза безуспѣшно. Ср. Gumplovicz, Das oesterreichische Staatsrecht (Wien, 1891), p. 75 sqq.

на всемъ пространствѣ, напр., Галиціи, судъ и управленіе ничего не знаютъ о немъ.

Положеніе нѣмцевъ въ Австріи кореннымъ образомъ измѣнилось съ начала правильной конституціонной жизни. Изъ „нѣмецкой державы“ Австрія, благодаря своему выходу изъ германскаго союза, превратилась въ многоязычное государство, въ которомъ всѣ національности по закону равноправны и относительная сила ихъ опредѣляется почти исключительно фактическими моментами культурнаго и соціальнаго свойства. Политическое господство нѣмцевъ въ Австріи—съ этихъ поръ—безвозвратно утрачено, и они вмѣстѣ съ прочими цислейтанскими народами принуждены вести—въ рамкахъ національной равноправности — упорную борьбу за свою національность культурными средствами, а не политическими мѣропріятіями пресѣченія и искорененія. Но, съ другой стороны, Австрія еще не совсѣмъ вылупилась изъ той полуабсолютистической и централистической скорлупы, въ которой ее застали событія 1866—1867 гг. Австрійская конституція была устарѣлой уже въ моментъ своего рожденія: не говоря уже о несостоятельности ея въ другихъ отношеніяхъ, она не даетъ различнымъ національностямъ возможности получить соотвѣтствующее ихъ численному значенію представительство въ вѣнскомъ рейхсратѣ; затемняя, такимъ образомъ, дѣйствительное положеніе вещей, она способна питать въ австрійскихъ нѣмцахъ неосуществимыя претензіи на политическое господство. Эти претензіи выражаются въ усиленномъ подчеркиваніи нѣмецко-либеральной партіей „государственнаго единства“ Австріи, подъ которымъ въ сущности разумѣется централистическая организація Цислейтаніи и политическое верховенство нѣмцевъ. Теперь, благодаря вполнѣ естественному ходу вещей, нѣмцы теряютъ тѣ позиціи, которыя они могли занимать только въ эпоху абсолютизма, дававшаго имъ въ руки нынѣ совершенно недоступныя политическія средства; и въ то же время, въ силу особыхъ соціальныхъ причинъ, выясненіе которыхъ и составитъ главное содержаніе настоящаго очерка, нѣмцы размножаются гораздо медленнѣе другихъ австрійскихъ національностей. Эти два обстоятельства — въ связи съ широкими національными претензіями нѣмцевъ, опирающимися на безусловное политическое главенство въ до-конституціонную эпоху, на дѣйствительно высокую національную культуру и на остатки прежняго централизма, до сихъ поръ къ выгодѣ нѣмецкаго элемента сохранившіеся въ

австрійскомъ государственномъ строѣ — держатъ австрійскихъ нѣмцевъ въ сильномъ національномъ возбужденіи, которое, быть можетъ, имъ еще болѣе, чѣмъ ихъ самымъ могущественнымъ противникамъ, чехамъ, мѣшаетъ сосредоточить силы на серьезной политической и соціальной работѣ, столь необходимой для Австріи.

Тѣмъ болѣе пріятно отмѣтить появленіе двухъ нѣмецкихъ работъ, въ которыхъ вопросъ о современномъ положеніи и вѣроятной будущности австрійскихъ нѣмцевъ подвергнутъ обстоятельному и вполнѣ объективному разсмотрѣнію. Оба автора, и Гайнишъ, и Геркнеръ, выяснили соціально-экономическую сторону этого вопроса, и такая разработка его по своему значенію выходитъ далеко за предѣлы простого политическаго интереса: она бросаетъ яркій свѣтъ на общій процессъ вытѣсненія старыхъ экономическихъ формъ новыми, на фактъ полнаго торжества денежнаго хозяйства и капитализма. И, конечно, только вполнѣ объективное отношеніе къ національно-политическому вопросу могло придать его изслѣдованію такое значеніе. Мы отдадимъ должную дань обоимъ австро-нѣмецкимъ авторамъ, если скажемъ, что ихъ отношеніе къ вопросу о судьбѣ ихъ соплеменниковъ можетъ быть поставлено въ примѣръ, какъ яркій, поучительный образецъ научнаго и публицистическаго безпристрастія. Послѣ событій 1870—1871 гг., симпатичная фигура нѣмецкаго Weltbürger'а была отодвинута на задній планъ другою фигурой — нѣмецко-прусскаго шовиниста, всюду кстати и некстати бряцающаго саблей, постоянно ссылающагося на доблестные подвиги отечественныхъ генераловъ. Историческая черта нѣмецкаго генія, обладаніемъ которой, впрочемъ, мы, русскіе, можемъ также гордиться — способность проникать въ чужой народный духъ, быстро съ нимъ сживаться,—грозила исчезнуть подъ вліяніемъ опьяненія, произведеннаго побѣдами надъ „наслѣдственнымъ врагомъ“. Но нигдѣ нѣмецкій національнымъ не принималъ и не принимаетъ такихъ нелѣпыхъ и прямо унизительныхъ формъ, какъ въ Австріи, гдѣ онъ поддерживается неравной борьбой за національное существованіе съ болѣе счастливыми соперниками [1]). Ослѣпленные

[1]) Въ ультранаціоналистическомъ ежегодникѣ, издаваемомъ Карломъ Прелльемъ (Pröll), „Kalender aller Deutschen auf das Jahr 1894“, помѣщена статья Рейманна: „Nationale Zustände in Nordböhmen“ (l. c. 76—86), авторъ которой, признавая экономически невозможнымъ остановить

этой борьбой, націоналисты не видятъ, что причины паденія гегемоніи нѣмцевъ и ихъ языка лежатъ не только на поверхности политическихъ, всѣмъ доступныхъ фактовъ, а гораздо болѣе въ глубинѣ соціально-экономическихъ условій, для пониманія которыхъ нужно пристальное, спеціальное изученіе. „Можно сожалѣть,—говоритъ Гайнишъ,—объ уменьшеніи области господства нѣмецкаго языка, уменьшеніи, которое влечетъ за собой для насъ, нѣмцевъ, весьма тяжелыя послѣдствія, но мы должны признать, что это только естественный процессъ. Всякая нація, которая достигла извѣстнаго культурнаго уровня и самосознанія, можетъ претендовать на то, чтобы ей не навязывали чужого языка". Итакъ, Гайнишъ признаетъ невозможность полнаго политическаго господства нѣмецкаго языка въ Австріи и безплодность всѣхъ стремленій, направленныхъ къ этой цѣли. Что другіе народы по мѣрѣ пробужденія національнаго самосознанія отказываются отъ употребленія нѣмецкаго языка—это онъ находитъ вполнѣ законнымъ и исторически необходимымъ фактомъ. Гораздо серьезнѣе и печальнѣе то, что настоящіе нѣмцы теряютъ свою національность. „Дѣти нашего народа, — говоритъ Гайнишъ, — сдѣлались чужими для него; земля, на которой сидѣли наши отцы, потеряна и перешла къ чужимъ, частью даже враждебнымъ національностямъ. А что нѣмецкій народъ Австріи испыталъ цѣлый рядъ такихъ потерь и притомъ самаго чувствительнаго свойства,— этого нельзя отрицать, хотя и слѣдуетъ остерегаться преувеличеній, которыя иногда встрѣчаются, какъ результатъ поверхностнаго наблюденія и одностороннихъ заключеній".

Для половины настоящаго столѣтія границы между австрійскими національностями довольно точно установлены въ капитальномъ трудѣ Чернига: „Этнографія австрійской монархіи". Если сравнить эти границы съ теперешними, замѣчаетъ Гайнишъ, то почти всюду придется констатировать оттѣсненіе нѣмецкаго элемента, и въ особенно крупныхъ размѣрахъ произошло оно въ судетскихъ странахъ (Богеміи, Моравіи и Силезіи). За небольшими исключеніями. всюду нѣмцы потеряли, а не выиграли;

наплывъ чешскихъ рабочихъ въ нѣмецкіе города, предлагаетъ нѣмецкимъ предпринимателямъ германизировать чешскихъ рабочихъ и притомъ при помощи самыхъ элементарныхъ репрессалій. Нѣмецкіе промышленники „могутъ требовать отъ своихъ рабочихъ, чтобы они посылали дѣтей въ нѣмецкія школы, и противящихся этому замѣнять болѣе послушными и неженатыми". Это по крайней мѣрѣ откровенно!

населенныя мѣста, которыя прежде были чисто нѣмецкими, сдѣлались теперь чешскими, маленькія нѣмецкія поселенія въ чешскихъ областяхъ почти всѣ потеряны, крупнымъ же, какъ Брюну, Ольмюцу, Иглау, Будвейсу—грозитъ та же участь. „Чешскій элементъ можно уподобить морю, которое постепенно отнимаетъ землю у береговъ, и въ которомъ острова одинъ за другимъ безслѣдно исчезаютъ". Славянство распространяется не только территоріально; численное отношеніе между славянами и нѣмцами въ однихъ и тѣхъ же городахъ постоянно измѣняется въ пользу первыхъ. Тамъ, гдѣ нѣмцы были прежде въ большинствѣ, послѣднее становится все меньше и меньше, тогда какъ, наоборотъ, чешское большинство всюду растетъ. Характерны въ этомъ отношеніи примѣры Праги, Пильзена и Будвейса. Въ Прагѣ, правда, всегда большинство населенія составляли чехи, но еще при переписи 1856 г., 73 тысячи признали себя нѣмцами и только 50 тысячъ—чехами, а въ 60-хъ годахъ Прага посылала въ вѣнскій парламентъ нѣмецкихъ депутатовъ. Теперь же нѣмцы не имѣютъ ни одного представителя въ пражскомъ городскомъ совѣтѣ, и всѣ депутаты отъ Праги въ рейхсратѣ чехи. Въ Пильзенѣ, говорятъ, еще въ 1850 г. большинство населенія были нѣмцы; теперь они тамъ составляютъ жалкое меньшинство, которое вынуждено вести тяжелую борьбу за свое національное существованіе. Будвейсъ имѣетъ еще нѣмецкое большинство въ городскомъ представительствѣ, но если численное соотношеніе обѣихъ націй будетъ продолжать измѣняться такъ же, какъ прежде, то,—говоритъ Гайнишъ,—можно съ математической точностью вычислить день, когда и Будвейсъ перейдетъ въ чешскія руки. Но болѣе того: въ чисто нѣмецкихъ частяхъ Богеміи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Нижней-Австріи и въ особенности въ самой Вѣнѣ *)

*) „За послѣднее десятилѣтіе число чеховъ въ Вѣнѣ увеличилось болѣе, чѣмъ на половину и равняется теперь 64.000. Представленіе о Вѣнѣ, какъ о современномъ Вавилонѣ съ полнымъ смѣшеніемъ языковъ, правда, очень далеко отъ истины, такъ какъ все не-нѣмецкое населеніе Вѣны составляетъ менѣе 6% всѣхъ ея жителей. Однако такъ какъ на однихъ только чеховъ приходится 5,5% всего населенія, то Вѣна является хотя и немногоязычнымъ, но все-таки уже не исключительно нѣмецкимъ городомъ... Съ полной откровенностью младочешскіе депутаты, мотивируя свое предложеніе о введеніи всеобщей подачи голосовъ въ Австріи, заявили, что „они питаютъ надежду на завоеваніе одного изъ избирательныхъ округовъ имперской столицы" (Dr. Rainer von Reinöhl, Die Zersetzung des Deutschtums in Niederösterreich въ Karl Prölls Kalender aller Deutschen, стр. 118—120).

образуются значительныя массы чешскаго населенія. Чехи, размножаясь быстрѣе нѣмцевъ, о чемъ мы подробно будемъ говорить ниже, и обладая большой подвижностью, вселяются массами въ нѣмецкія области. Такимъ образомъ, столь важныя въ наше время соціальныя передвиженія (soziale Wanderungen) становятся національно-политическимъ факторомъ. Если бы національное самосознаніе не было пробуждено, эти переселенческія массы, быть можетъ, пополняли бы нѣмецкіе ряды, а теперь они являются клиньями, которые чехи вбиваютъ въ такъ называемые замкнутые нѣмецкія области. Прогрессивная „чехизація“ Пильзена и Будвейса есть прежде всего результатъ массоваго вселенія чешскихъ рабочихъ и чешской прислуги. „Эти иммигранты — правда, — необразованы, бѣдны и не особенно проникнуты національнымъ чувствомъ; это политическіе нули, но, какъ всякіе нули, они получаютъ значеніе, когда ихъ поставятъ позади другихъ чиселъ“. Напрасно только Гайнишъ видитъ эти числа въ феодальномъ дворянствѣ и духовенствѣ: чешскіе нули превращаются въ числа съ огромнымъ національнымъ вѣсомъ не ими, а благодаря той національно-демократической агитаціи, которая исходитъ отъ младочешской партіи. Зато совершенно основательно Гайнишъ возражаетъ противъ тѣхъ, кто причины оттѣсненія нѣмецкаго элемента видитъ по преимуществу въ примирительной политикѣ министерства Таафе, смѣнившаго безусловно нѣмецкій режимъ Ауершпергъ-Лассера и подчасъ дѣлавшаго и дѣлающаго маленькія и крупныя непріятности нѣмцамъ. Нельзя отрицать, что политика „эры примиренія“ (Versöhnungsaera) нанесла не мало ущерба нѣмцамъ и въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ давала себя очень непріятно чувствовать. Если, напримѣръ, въ небольшой городъ, въ которомъ нѣмецкому старинному бюргерству (Altbürgerthum) противостоитъ классъ мелкихъ ремесленниковъ и пролетаріатъ, состоящій изъ чеховъ,—систематически посылаются только чешскіе чиновники и учителя, то ясно, что перевѣсъ, который прежде, въ силу образованія и состоятельности, принадлежалъ нѣмецкому бюргерству, будетъ поколебленъ“. Но тѣмъ не менѣе ни правительственной политикѣ, ни слабому развитію національнаго чувства у австрійскихъ нѣмцевъ, на которое такъ жалуются ультра-націоналисты, нельзя, по Гайнишу, приписать сколько-нибудь важной роли въ процессѣ ослабленія нѣмецкаго элемента. Что правительственная политика тутъ одинъ изъ второстепенныхъ или даже третьестепенныхъ факторовъ—это

„явствуетъ уже изъ того, что потери, которыя были констатированы цифрами переписи 1880 г., относятся ко времени не Таафе, а нѣмецкихъ министерствъ".

Основная причина ослабленія нѣмецкаго элемента въ Австріи, поскольку въ немъ выражается не просто измѣненіе политическаго строя, лежитъ въ условіяхъ размноженія, которыя сами въ свою очередь опредѣляются соціально-экономическими моментами.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ статистическимъ цифрамъ, которыя заставляютъ австрійскихъ экономистовъ и статистиковъ ставить вопросъ о судьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ, мы считаемъ нужнымъ сообщить читателямъ данныя объ австрійскомъ населеніи и его распредѣленіи по національностямъ на основаніи переписи 31-го декабря 1890 г. [1]).

Если противопоставлять огуломъ славянъ всѣмъ прочимъ народамъ Австріи, то преобладающее значеніе славянскаго элемента покажется очень внушительнымъ: славяне составляютъ 60% всего австрійскаго населенія. Но не надо забывать, что они представляютъ пять различныхъ національностей и столько же различныхъ культуръ, тогда какъ нѣмцы являются одной компактной національностью съ однимъ литературнымъ языкомъ и единой культурой.

Все населеніе Австріи по переписи 1890 года равняется 23.473.056. Нѣмцы, составляя 36,1% всего населенія (8.461.580), въ Верхней-Австріи и въ Зальцбургѣ преобладаютъ безусловно (болѣе 99% всего населенія). Подавляющее большинство (96%) составляютъ они также въ Нижней-Австріи. Въ Каринтіи нѣмцевъ 71½%, въ Штиріи—69%, въ Тиролѣ съ Форарльбергомъ—69%, въ Силезіи—49%, въ Богеміи—37%, въ Моравіи—29%, въ Буковинѣ—21%, въ Крайнѣ—нѣсколько менѣе 6% всего населенія; въ остальныхъ австрійскихъ провинціяхъ нѣмцевъ очень мало.

Чеховъ съ моравами и словаками насчитывается всего 5.472.871. Они составляютъ въ Моравіи 70%, въ Силезіи—22%, въ Богеміи — 63% и въ Нижней-Австріи (Вѣна!) — нѣсколько меньше 4% всего населенія.

---

[1]) Oesterreichisches statistisches Handbuch für die im Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder, 1892.

Поляки (3.719.232) большими массами живутъ только въ Галиціи (53% всего населенія) и въ Силезіи (30%).

Русины, или малоруссы (3.105.221) населяютъ только Галицію и Буковину, составляя въ первой — 43%, во второй — 42% всего населенія.

Словенцы (1.176.672) въ Крайнѣ состáвляютъ 94%, въ Штиріи—32%, въ Побережьѣ (Küstenland) [1]) — 31%, въ Каринтіи—28% всего населенія.

Сербо-хорваты (644.926) населяютъ Далмацію и Побережье, составляя въ первой 96%, во второмъ—21% всего населенія.

Итальянцы съ ладинцами (675.305) большими массами живутъ только на Побережьѣ (45% всего населенія) и въ Тиролѣ (40%).

Румыны (209.119) населяютъ исключительно Буковину (32% всего населенія).

Этнографическій составъ австрійской имперіи въ относительныхъ числахъ % можетъ быть представленъ въ слѣдующей таблицѣ:

	1880 г. [2])	1890 г.
Нѣмцы	36,73	36,1
Чехи	23,77	23,3
Поляки	14,86	15,8
Русины	12,83	13,2
Словенцы	5,23	5,0
Сербо-хорваты . .	2,58	2,8
Итальянцы. . . .	3,07	2,9
Румыны.	0,88	0,05

Эти данныя освѣщаютъ уже до извѣстной степени вопросъ о томъ, какія изъ австрійскихъ національностей растутъ всего быстрѣе, и въ какомъ направленіи, стало быть, измѣняется относительный этнографическій составъ Цислейтаніи.

Сравненіе относительныхъ чиселъ нашей таблицы указываетъ на относительный ростъ поляковъ, русиновъ и сербо-хорватовъ, размножающихся энергичнѣе всѣхъ другихъ цислейтанскихъ національностей,—ростъ, которому соотвѣтствуетъ относительное

[1]) Подъ общимъ названіемъ Побережья объединяются три отдѣльныя административныя единицы: 1) Тріестъ, 2) Герцъ и Градиска и 3) Истрія.

[2]) Только при переписи 1880 г. стали собираться свѣдѣнія объ языкѣ населенія (Umgangs-Sprache), который и является критеріемъ національности. Точныхъ данныхъ, относящихся къ болѣе отдаленному времени, не имѣется.

ослабленіе нѣмецкаго, чешскаго, словенскаго и итальянскаго элементовъ. Однако эти перемѣны и абсолютно, и относительно еще очень незначительны. Еще другія данныя, и притомъ даже только одной, а не двухъ переписей, могутъ дать указанія по интересующему насъ вопросу: мы имѣемъ въ виду данныя о распредѣленіи населенія по возрастамъ. Чѣмъ сильнѣе представлены въ населеніи молодыя возрастныя группы, тѣмъ сильнѣе, очевидно, растетъ населеніе; зато, чѣмъ многочисленнѣе производительныя въ экономическомъ отношеніи возрастныя группы, тѣмъ—caeteris paribus—богаче страна, тѣмъ вольнѣе живется ея населенію. Франція, въ которой, какъ извѣстно, въ послѣднее время смертность даже превысила рождаемость, есть страна болѣе богатая и, такъ сказать, экономически болѣе уравновѣшенная, чѣмъ Германія; Франція можетъ на душу населенія приносить болѣе матеріальныхъ жертвъ „молоху милитаризма“, чѣмъ Германія, но Франція бѣдна человѣческимъ матеріаломъ для милитаризма и въ этомъ отношеніи достигла, кажется, крайнихъ предѣловъ, „ихже не прейдеши“. То же различіе, которое существуетъ между возрастнымъ составомъ Франціи и Германіи, замѣчается и между возрастнымъ составомъ австрійскихъ нѣмцевъ и остальныхъ цислейтанскихъ народностей. Такъ, въ чисто нѣмецкихъ округахъ процентъ населенія въ возрастѣ отъ 1 до 15 лѣтъ составляетъ 30,14%, тогда какъ въ чисто чешскихъ и польскихъ округахъ та же возрастная группа достигаетъ 35,35% (данныя переписи 1880 г.).

Возрастной составъ опредѣляется однако не только естественными условіями размноженія, но и „соціальными передвиженіями“ населенія, какъ напримѣръ, въ большихъ городахъ, куда стекаются въ большомъ количествѣ исключительно представители производительныхъ возрастныхъ группъ. Поэтому для знакомства съ размноженіемъ различныхъ національностей всего лучше могутъ служить данныя о движеніи населенія—цифры перевѣса рождаемости надъ смертностью. Онѣ разомъ съ поразительной наглядностью обнаруживаютъ передъ нами популяціонистическую основу нѣмецкаго вопроса въ Австріи. Въ періодъ 1881—1885 г., ежегодный приростъ населенія въ нѣмецкихъ округахъ составлялъ только 5,17%, въ сѣверно-славянскихъ—10,09%, въ словенскихъ—7,73%, въ итальянскомъ Тиролѣ—5,92%, въ такъ называемомъ Побережьѣ (Küstenland)—8,34%, въ Галиціи—9,88%, въ Буковинѣ—11,89%, въ Далмаціи—15,00%. Въ судетскихъ странахъ, въ которыхъ нѣмцы живутъ бокъ-о-бокъ и ведутъ непрерывную національную

борьбу съ чехами, нѣмцы размножаются вдвое медленнѣе, чѣмъ ихъ соперники. „Мы видимъ такимъ образомъ, — говоритъ Гайнишъ, комментируя только что приведенныя нами цифры, — почему въ города со смѣшаннымъ населеніемъ вселяются почти исключительно не нѣмцы, почему такъ трудно привлечь туда нѣмецкую прислугу и нѣмецкихъ ремесленныхъ учениковъ (Lehrlinge), и почему каждый нѣмецкій городъ, который по какой-либо причинѣ сталъ центромъ экономическихъ сношеній, подвергается постоянной опасности путемъ прилива чуждой крови потерять національный характеръ. Благодаря своему относительно незначительному приросту, и австрійскіе нѣмцы всюду должны придерживаться обороны, и даже лучшая тактика въ этой борьбѣ можетъ только устранить потери. Но и въ военномъ искусствѣ преимущество лучшей тактики имѣетъ свои предѣлы; противъ очень большого численнаго превосходства и лучшій тактикъ борется напрасно. Если же нашъ сильный противникъ примѣняетъ тоже хорошую тактику, чему никто не можетъ воспрепятствовать, то потери неизбѣжны. Что австрійскіе нѣмцы находятся въ такомъ положеніи— печально, но справедливость запрещаетъ намъ возлагать на кого-либо отвѣтственность за обстоятельства, которыя являются результатомъ дѣйствія стихійныхъ силъ“.

Если же въ нѣмецкихъ округахъ средній приростъ населенія оказывается гораздо слабѣе, чѣмъ въ славянскихъ и итальянскихъ, то и между различными нѣмецкими округами существуютъ въ указанномъ отношеніи крупныя и очень любопытныя различія, которыя можно представить въ слѣдующей табличкѣ. На 1.000 жителей, по переписи 1880 г., за время 1881—1885 г. приростъ населенія составлялъ:

1) Нижняя-Австрія: въ Вѣнѣ — 9,23; въ остальной Нижней-Австріи—4,88; среднее—6,24.

2) Такъ называемая Внутренняя Австрія (Inneroesterreich): Верхняя-Австрія — 3,71; Зальцбургъ — 2,12; нѣмецкая Штирія— 3,11; нѣмецкая Каринтія — 4,80; нѣмецкій Тироль — 0,31; Форарльбергъ—3,41; среднее—2,84.

3) Въ судетскихъ странахъ: нѣмецкая Богемія—6,83; нѣмецкая Моравія—5,74; Силезія—5,84; среднее—6,61.

Въ то время, какъ въ нѣмецкихъ округахъ судетскихъ странъ замѣчается все-таки довольно сильный приростъ, населеніе такъ называемой Внутренней Австріи растетъ весьма медленно, а въ

нѣкоторыхъ частяхъ альпійской области ростъ населенія даже чуть-ли не остановился.

Чѣмъ же обусловливаются указанныя различія въ размноженіи: 1) нѣмцевъ и остальныхъ австрійскихъ національностей и 2) нѣмецкаго населенія въ различныхъ частяхъ Австріи?

Для объясненія популяціонистическаго превосходства славянъ надъ нѣмцами возможны три предположенія:

1) При одинаковой рождаемости (Geburtenfrequenz) славянъ и нѣмцевъ, смертность послѣднихъ выше.

2) При одинаковой смертности тѣхъ и другихъ, рождаемость славянъ выше.

3) Рождаемость нѣмцевъ ниже, а смертность выше, чѣмъ у славянъ.

Статистическія цифры показываютъ, что въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло съ послѣднимъ, самымъ печальнымъ для нѣмцевъ случаемъ.

Оставимъ пока смертность въ сторонѣ, а обратимся къ причинамъ низкой рождаемости нѣмецкаго населенія. Анализъ данныхъ о плодовитости женщинъ убѣдилъ Гайниша, что незначительный приростъ нѣмецкаго населенія отнюдь не можетъ быть объясненъ слабой плодовитостью нѣмецкихъ женщинъ. Такъ, въ нѣмецкомъ Тиролѣ, въ которомъ населеніе еле-еле увеличивается, на 1.000 замужнихъ женщинъ за время съ 1881 г. по 1883 г. было триста шестьдесятъ семь рожденій, и эта цифра гораздо выше самыхъ высокихъ, аналогичныхъ цифръ для нѣмецкой Богеміи, въ которой, какъ мы видѣли, приростъ населенія по сравненію съ другими австрійскими областями, самый крупный. Если же вообще нѣмецкіе браки менѣе плодовиты, чѣмъ славянскіе, то это объясняется не біологическими свойствами австро-нѣмецкаго племени, а причинами соціальными: нѣмецкія женщины позже славянскихъ вступаютъ въ бракъ. Впрочемъ, это неблагопріятное условіе для нѣмецкаго населенія до извѣстной степени уравновѣшивается немалымъ числомъ внѣ-брачныхъ рожденій. Однако, это значительное число незаконнорожденныхъ недостаточно велико для того, чтобы парализовать другой весьма важный въ популяціонистическомъ отношеніи моментъ, низкую брачность нѣмецкаго населенія. Брачность выражается въ отношеніи замужнихъ женщинъ къ общему числу взрослыхъ женщинъ. Обратимся къ статистическимъ даннымъ. Изъ 100 взрослыхъ женщинъ по переписи 1880 г. были замужемъ:

1.	Въ нѣмецкихъ округахъ.	41,50
2.	„ сѣверно-славянскихъ округахъ . .	52,80
3.	„ смѣшаныхъ нѣм.-чешск. округахъ.	47,78
4.	„ словенскихъ округахъ	41,97
5.	„ смѣшанныхъ нѣм.-словенск. окр. .	30,12
6.	„ итальянскомъ Тиролѣ	42,57
7.	„ Побережьѣ	57,39
8.	„ Галиціи	58,16
9.	„ Буковинѣ	59,40
10.	„ Далмаціи.	54,51

Только тамъ, гдѣ, какъ въ Каринтіи, классической странѣ незаконнорожденныхъ, и въ Нижней-Австріи (Вѣна), число внѣбрачныхъ рожденій очень велико [1]), нарушается замѣчательная правильность, съ которой цифры прироста населенія падаютъ вмѣстѣ съ цифрами брачности.

Если болѣе низкая брачность и болѣе поздніе браки нѣмецкаго населенія сравнительно со славянскимъ указываютъ на то, что нѣмцы предъявляютъ къ жизни другія болѣе высокія требованія, что ихъ потребности въ среднемъ значительно выше, чѣмъ у славянъ, то различія въ брачности между разными нѣмецкими областями заставляютъ предполагать, что брачность обусловливается какими-нибудь особыми соціальными моментами. Эти моменты, очевидно, совершенно отсутствуютъ въ однѣхъ нѣмецкихъ областяхъ, а въ другихъ дѣйствуютъ такъ сильно, что, напримѣръ, въ Каринтіи и нѣмецкомъ Тиролѣ населеніе уменьшалось бы, если бы не было внѣ-брачныхъ рожденій.

Прежде чѣмъ обратиться къ соціальнымъ причинамъ низкой брачности нѣмецкаго населенія въ австрійскихъ Альпахъ, мы остановимся до сихъ поръ на незатронутой нами смертности нѣмецкаго населенія въ Австріи.

III.

Гайнишъ обратилъ вниманіе преимущественно на экономическое положеніе нѣмцевъ въ австрійскихъ Альпахъ. Правда, онъ отмѣчаетъ и высокую дѣтскую смертность въ нѣмецкихъ городахъ сѣверной Богеміи, но, указывая на ея чисто соціальныя причины, онъ не придаетъ этой смертности особеннаго популяціони-

[1]) Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и низкая брачность смѣшанныхъ нѣмецко-славянскихъ округовъ Каринтіи.

стическаго значенія для общаго вопроса о судьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ.

Иначе посмотрѣлъ на дѣло талантливый профессоръ политической экономіи въ Карлсруэ, Генрихъ Геркнеръ, самъ по происхожденію богемскій нѣмецъ. Въ своей статьѣ, которая написана по поводу книги Гайниша, Геркнеръ говоритъ, что „быть можетъ единственный упрекъ, который можно сдѣлать Гайнишу, состоитъ въ томъ, что онъ односторонне ставитъ будущность австрійскихъ нѣмцевъ въ зависимость исключительно отъ развитія соціально-экономическихъ отношеній въ Альпахъ и мало обращаетъ вниманія на положеніе нѣмцевъ въ судетскихъ странахъ. Противъ такой точки зрѣнія слѣдуетъ возразить, что въ судетскихъ странахъ живетъ болѣе трехъ милліоновъ нѣмцевъ, т. е., если оставить въ сторонѣ Вѣну, немногимъ меньше, чѣмъ во внутренней Австріи". Изслѣдованія И. Зингера (проф. вѣнскаго университета) и А. Брафа (проф. чешскаго университета въ Прагѣ) раскрыли печальную картину соціальнаго положенія фабричныхъ рабочихъ въ сѣверной Богеміи, на востокъ отъ Эльбы. Здѣсь царитъ ужасающая дѣтская смертность, достигающая даже для рожденныхъ въ бракѣ дѣтей (до 5 л.) въ нѣкоторыхъ округахъ (Рейхенбергъ, Фридландъ и др.) 43—50%. Вообще сѣверно-богемская промышленность обнаруживаетъ всѣ характерныя для капитализма въ первыя эпохи его существованія явленія фабричнаго вырожденія. „Она, безспорно, создала, — говоритъ Геркнеръ,—огромныя богатства, но она ослабила жизненную силу сѣверно-богемскаго рабочаго класса". О физической отсталости нѣмецкаго фабричнаго населенія краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры, въ которыхъ выражается пригодность этого населенія къ военной службѣ.

Тогда какъ естественный приростъ нѣмецкаго населенія на лѣвомъ берегу Эльбы почти не меньше, чѣмъ у чеховъ, въ восточныхъ округахъ (на правомъ берегу Эльбы) нѣмецкое населеніе размножается на половину медленнѣе чешскаго. Но, впрочемъ, и въ восточныхъ, и въ западныхъ округахъ, вслѣдствіе значительной иммиграціи, *фактическій* приростъ населенія гораздо выше естественнаго; при чемъ весь этотъ процессъ носитъ чрезвычайно невыгодный для нѣмецкаго элемента характеръ: нѣмцы, предъявляющіе къ жизни болѣе высокія требованія, оставляютъ родину, и ихъ мѣста занимаются чехами. Опять-таки „соціальныя передвиженія"—на этотъ разъ уже не чеховъ, а самихъ нѣмцевъ—

оказываются невыгоднымъ для нѣмецкаго элемента факторомъ. Наперекоръ всѣмъ громкимъ національно-патріотическимъ фразамъ, ослабленіе нѣмецкаго рабочаго класса въ Богеміи заставляетъ промышленность постоянно обращаться къ чешскому „человѣческому матеріалу", который въ физическомъ отношеніи стоитъ гораздо выше. Но есть нѣмецкіе округа, гдѣ промышленность развита слабо, и тамъ населеніе по своей физической крѣпости превосходитъ даже населеніе чешскихъ земледѣльческихъ округовъ. „Ясно, что не антропологическія, а соціальныя условія угрожаютъ существованію нѣмецкаго элемента"... „И именно въ этомъ,—продолжаетъ Геркнеръ,—съ нѣмецкой точки зрѣнія заключается большое утѣшеніе, ибо противъ соціальныхъ неустройствъ можно съ успѣхомъ бороться соціальными реформами". Нѣмцы должны понять, что для нихъ соціальная реформа есть необходимое условіе національнаго самосохраненія; они должны трезво, реалистически взглянуть на національный вопросъ и подойти къ его рѣшенію съ болѣе серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ школьныя, гимнастическія и пѣвческія общества. „Deutscher Schulverein",— говоритъ Геркнеръ, — очень важная организація для защиты нѣмецкаго элемента" [1]). „Но она прикрываетъ только, такъ сказать, нѣмецкій авангардъ и арьергардъ, между тѣмъ какъ центръ тяжести вопроса лежитъ въ подкрѣпленіи главной арміи, въ усиленіи нѣмецкаго элемента въ замкнутой области нѣмецкаго языка". Тутъ нужно будетъ нещадно истребить все, что подтачиваетъ жизненныя силы нѣмецкаго народа. Слѣдуетъ напирать на то, что всякое сокращеніе чрезмѣрнаго рабочаго времени, всякое улучшеніе санитарныхъ условій на фабрикѣ или въ мастерской, всякая забота о беременной женщинѣ и молодой матери, всякое повышеніе и цѣлесообразное употребленіе дохода рабочихъ, всякое умственное, моральное или техническое образовательное средство, которое вы дадите рабочему населенію, всякій больной ребенокъ нѣмецкаго пролетарія, котораго вы пошлете въ лѣтнюю колонію, все это составитъ гарантію сохраненія нѣмецкаго народа и нѣмецкой культуры въ Богеміи".

Геркнеръ—одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ извѣстнаго экономиста Брентано. Ему принадлежитъ небольшой, но замѣча-

[1]) Основную цѣль этой главной боевой организаціи австрійскихъ нѣмцевъ составляетъ поддержаніе нѣмецкаго элемента тамъ, гдѣ онъ въ меньшинствѣ. Въ замкнутыхъ же, т. е. чисто нѣмецкихъ областяхъ, въ рукахъ нѣмцевъ всѣ средства городского и сельскаго самоуправленія.

тельный трактатъ: „Соціальная реформа, какъ требованіе экономическаго прогресса“ (Die soziale Reform als Gebot des wirthschaftlichen Fortschrittes, Leipzig, 1891), трактатъ, основная идея котораго достаточно явствуетъ изъ самаго заглавія. Въ то же время Геркнеръ, какъ ученикъ Брентано, — безусловный сторонникъ той идеи, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ сочиненія его учителя, и которую другой брентанистъ, Шульце-Геверницъ, формулировалъ въ краткомъ положеніи: экономическій прогрессъ (прогрессъ производства) есть необходимое условіе соціальной реформы (прогресса въ распредѣленіи) [1]). Эти двѣ идеи, очищенныя отъ того слишкомъ далеко идущаго оптимизма, который такъ характеренъ для самого Брентано и граничитъ съ вѣрой въ „экономическія гармоніи“ прежнихъ либеральныхъ экономистовъ въ родѣ Бастіа, должны лежать въ основѣ всякой практической программы соціально-экономическихъ реформъ въ современномъ обществѣ. Геркнеръ не совѣтуетъ возвращаться отъ крупной формы производства, обезпечивающей высокую производительность труда, къ устарѣлымъ способамъ мелкаго, децентрализованнаго производства; онъ знаетъ также, что все далѣе и далѣе идущее отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія есть, въ общемъ, въ современную эпоху экономическаго быта, исторически необходимое условіе повышенія производительности какъ промышленнаго, такъ и земледѣльческаго труда, другими словами—экономическаго прогресса, безъ котораго соціальная реформа—жалкій, пустой звукъ. Какъ экономистъ, выставляющій практическую экономическую программу, Геркнеръ знаетъ, что апеллировать, при современныхъ экономическихъ условіяхъ, прямо къ „обобществленію труда“—значитъ признать свое безсиліе передъ настоятельными требованіями жизни.

Итакъ, Геркнеръ считаетъ для нѣмцевъ соціальную реформу на почвѣ современнаго капиталистическаго производства единственнымъ вѣрнымъ средствомъ національнаго самосохраненія. Опираясь на работы Брентано и Шульце-Гевернитца, Геркнеръ указываетъ на примѣръ Англіи. „Въ Англіи было нѣкогда время, когда фабричное населеніе сѣверныхъ графствъ носило тотъ же типъ, который характеризуетъ до сихъ поръ промышленный пролетаріатъ,

[1]) Schultze v. Gävernitz. Der wirthschaftliche Fortschritt die Voraussetzung der sozialen Reform, въ „Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik“, Band V, 1—26; и его же книга: „Der Grossbetrieb—ein wirthschaftlicher und sozialer Fortschritt. Leipzig, 1892.

нѣмецкой Богеміи. И для человѣка, незнакомаго съ тамошними условіями, это совпаденіе тотчасъ будетъ ясно, если онъ сравнитъ тѣ описанія положенія рабочаго класса въ Англіи, которыя далъ, въ 1845 г., Энгельсъ, съ картинами соціальнаго быта сѣверо-восточной Богеміи, нарисованными еще въ 50-хъ гг. Пислингомъ, въ 80-хъ—Брафомъ и Зингеромъ. Но вотъ уже прошли десятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ въ самыхъ выдающихся отрасляхъ англійской промышленности это ужасное физическое и психическое вырожденіе рабочаго класса совершенно исчезло. Въ Рочдэлѣ, гдѣ въ 1840 г. жили еще полуголодные ткачи-кустари въ родѣ сѣверно-богемскихъ ткачей и стекольщиковъ, теперь мы застаемъ цвѣтущихъ, краснощекихъ, весело смотрящихъ на свѣтъ людей. И то же самое видимъ мы въ метрополіяхъ хлопчатобумажной промышленности, въ Манчестерѣ и Ольдгэмѣ. Это „нравственное и духовное возрожденіе“, которое призналъ даже Карлъ Марксъ, не явилось, конечно, само собой; оно представляетъ награду за долговременную самоотверженную и сознательную реформаціонную работу. Почему подобная же работа въ нѣмецкой Богеміи не принесла бы тѣхъ же плодовъ? Во всей нѣмецкой Богеміи раздаются громкія обѣщанія пожертвовать свое добро и свою кровь для сохраненія нѣмецкой національности. Въ добрый часъ! Соціальная реформа есть не только одно изъ тѣхъ средствъ, которыя могутъ обезпечить будущность нѣмецкаго элемента; нѣтъ, она есть единственное средство, которое на самомъ дѣлѣ гарантируетъ осуществленіе этой цѣли“.

Далѣе, Геркнеръ указываетъ цѣлый рядъ задачъ, которыя должна себѣ поставить соціальная политика государства и органовъ самоуправленія. Затѣмъ, въ немногихъ словахъ онъ опровергаетъ столь распространенное до сихъ поръ, въ особенности среди практическихъ дѣятелей экономически отсталыхъ странъ, опасеніе, что отъ широкой соціальной реформы можетъ пострадать способность промышленности къ конкурренціи на міровомъ рынкѣ; для подробностей онъ отсылаетъ читателей къ извѣстному сочиненію Брентано: „Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung“ (вышедшему впервые въ 1876 г. и въ текущемъ году появившемуся вторымъ изданіемъ въ совершенно переработанномъ видѣ). Мы также не будемъ здѣсь останавливаться на этой сторонѣ вопроса и посмотримъ, какъ представляетъ себѣ Геркнеръ—in concreto—національные результаты соціальной реформы. Не будутъ ли нѣмецкія области, послѣ про-

веденія соціальныхъ реформъ, привлекать къ себѣ еще большее число чешскихъ рабочихъ?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: если чехи будутъ являться съ цѣлью пониженія заработной платы, то крѣпкія рабочія организаціи нѣмцевъ—Геркнеръ, какъ ученикъ Брентано, энергичный сторонникъ рабочихъ союзовъ—сумѣютъ или устранить ихъ съ поля конкурренціи, или же поднять ихъ потребности до своего уровня. А въ послѣднемъ случаѣ предприниматели не будутъ имѣть никакого основанія предпочитать чеховъ. Въ общемъ же, — говоритъ Геркнеръ, — безспорно, что положеніе нѣмцевъ укрѣпится, если они примутся за серьезныя соціальныя реформы (главное значеніе среди которыхъ принадлежитъ, по мнѣнію Геркнера, реформамъ, лежащимъ въ сферѣ компетенціи общественнаго самоуправленія), а чехи не послѣдуютъ ихъ примѣру. — Ну, а что же будетъ, если чехи станутъ подражать нѣмцамъ, какъ это они уже такъ часто и съ такимъ успѣхомъ дѣлали? — Отвѣтъ, который Геркнеръ даетъ на этотъ вопросъ, настолько хорошо характеризуетъ гуманную, чуждую человѣконенавистническаго національнаго націонализма [1]), точку зрѣнія нѣмецкаго экономиста, что мы не можемъ не привести его здѣсь дословно: „Откровенно говоря, болѣе прекраснаго соревнованія между обѣими враждующими націями, чѣмъ соперничество на поприщѣ демократической соціальной политики, нельзя себѣ ни представить, ни желать. Я полагаю, что мы — какъ въ Богеміи, такъ и вообще въ Австріи—всего скорѣе приблизимся къ національному міру, если всѣ націи всецѣло отдадутся идеѣ политической и соціальной реформы, если національный духъ будетъ выражаться въ тихой, но великой и дѣятельной любви къ своему народу, а не въ угнетеніи другихъ племенъ и ненависти къ нимъ, и если все шире и шире будетъ распространяться убѣжденіе, что сохраненіе и культивированіе національности есть, хотя и очень высокое, но въ концѣ концовъ не единственное и

[1]) Геркнеръ очень отрицательно относится къ нѣкоторымъ проявленіямъ австро-нѣмецкаго націонализма. Такъ, имѣя въ виду извѣстныя нелѣпыя выходки рейхенбергскаго муниципалитета, онъ говоритъ: „намъ и съ національной точки зрѣнія представляется болѣе почтеннымъ дѣломъ со стороны общиннаго управленія доставлять бѣднымъ матерямъ по дешевой цѣнѣ стерилизованное дѣтское молоко, чѣмъ дѣлать городскимъ полицейскимъ мундиры à la prussienne, въ общественныхъ баняхъ помѣщать надпись: „здѣсь воспрещается говорить по-чешски“, и другими подобными штуками подвергать опасности городскую автономію“.

даже, быть можетъ, не самое высокое изъ всѣхъ земныхъ благъ. Мы уже раньше поставили въ примѣръ нашимъ альпійскимъ странамъ Швейцарію. Мы должны еще разъ сослаться на нее. Она представляетъ столь поучительное для Австріи зрѣлище того, какъ три различныя націи, проникнутыя, однако, одними и тѣми же соціальными и политическими идеалами, живутъ вмѣстѣ въ полномъ согласіи и ничѣмъ не омрачаемомъ мирѣ".

Это указаніе на Швейцарію въ устахъ Геркнера, австрійскаго нѣмца, есть лучшее осужденіе тѣхъ централистическихъ поползновеній, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не можетъ отказаться большинство его соплеменниковъ.

Свои разсужденія о судьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ Геркнеръ заканчиваетъ утѣшительнымъ заявленіемъ:

„Намъ не слѣдуетъ отчаиваться въ нашей будущности, такъ какъ она—въ нашихъ рукахъ".

IV.

Если богемскихъ нѣмцевъ угнетаетъ „фабричное вырожденіе", сопровождаемое высокой дѣтской смертностью, то причины поразительно слабаго размноженія нѣмцевъ въ австрійскихъ Альпахъ лежатъ въ особенностяхъ ихъ аграрнаго строя. Выясненіе этой зависимости составляетъ крупную заслугу работы Гайниша [1]),—тѣмъ болѣе крупную, что для изученія аграрныхъ отношеній въ Австріи недостаетъ самыхъ важныхъ статистическихъ основъ. Мы уже видѣли изъ приведенныхъ выше цифръ, что незначительный приростъ нѣмецкаго населенія въ Австріи вообще и въ частности въ альпійскихъ странахъ обусловливается его слабой брачностью. Посмотримъ теперь на распредѣленіе поземельной собственности въ Австріи. Въ этомъ отношеніи намъ представится слѣдующая картина. Въ Галиціи и Буковинѣ, рядомъ съ значительнымъ числомъ крупныхъ владѣній и крупныхъ хозяйствъ, мы видимъ страшное раздробленіе поземельной собственности: вблизи Кракова, напр., крестьянскій участокъ болѣе чѣмъ въ $1^3/_4$ гектара [2]) величиной — большая рѣдкость. Такимъ образомъ, по распредѣленію поземельной собственности эти страны напоминаютъ наши польскія и еще болѣе—юго-западныя губерніи. Крайняя дробность участковъ господствуетъ также въ Дал-

[1]) Геркнеръ называетъ прямо методъ Гайниша образцовымъ.

[2]) Гектаръ (ha)=2197 кв. саженъ, слѣд., нѣсколько меньше десятины.

маціи, Побережьѣ и итальянскомъ Тиролѣ; но здѣсь нѣтъ крупныхъ хозяйствъ, хотя также имѣются крупныя владѣнія, принадлежащія городскимъ капиталистамъ, которые сдаютъ ихъ въ аренду „колонамъ". Аграрный строй судетскихъ странъ характеризуется наличностью различныхъ формъ: тутъ рядомъ съ обширными хозяйствами и участками существуютъ среднія, крестьянскія въ западно-европейскомъ смыслѣ, владѣнія. Въ альпійскихъ же странахъ крестьянская поземельная собственность преобладаетъ: здѣсь большія пространства принадлежатъ сплошь крестьянамъ. Крестьянскія владѣнія имѣютъ, впрочемъ, въ различныхъ альпійскихъ областяхъ различную величину. Вблизи большихъ городовъ, равно какъ въ Форарльбергѣ и Крайнѣ, отчасти проникновеніе мѣнового хозяйства и развитіе промышленности, отчасти введеніе по французскому образцу свободной дѣлимости поземельной собственности значительно понизили размѣръ крестьянскихъ владѣній. Во всякомъ случаѣ въ общемъ для альпійскихъ странъ характерна недѣлимая крестьянская собственность — замкнутый, особнякомъ стоящій „крестьянскій дворъ". Этотъ способъ разселенія,—который обусловленъ, быть можетъ, преимущественно горнымъ характеромъ мѣстности,—является въ свою очередь, такъ сказать, матеріальной основой „недѣлимости"; дѣлить „замкнутое" владѣніе въ горахъ гораздо труднѣе, чѣмъ владѣніе, составленное изъ мелкихъ полосъ, разсѣянныхъ въ разныхъ поляхъ (и сплошь и рядомъ дѣленіе въ натурѣ совершенно невозможно). Огромное большинство общинъ, въ которыхъ господствуетъ система разселенія дворами, а не цѣлыми деревнями, приходится на альпійскія страны, населенныя почти исключительно нѣмцами.

Переходя теперь отъ распредѣленія поземельной собственности, отъ вопроса о величинѣ владѣній къ вопросу о величинѣ хозяйства, мы видимъ, что—оставляя въ сторонѣ Галицію и Буковину — настоящее капиталистическое земледѣліе (крупныя хозяйства) существуетъ только въ судетскихъ странахъ, и соотвѣтственно этому здѣсь сельско-хозяйственная техника достигла уже высокаго развитія. Здѣсь сельское хозяйство, и крупное, и мелкое (конечно, не въ одинаковой степени), организовано какъ хозяйство д е н е ж н о е. Наиболѣе же натуральный характеръ носитъ альпійское крестьянское хозяйство. Намъ уже пришлось въ статьѣ „Австрійское крестьянство и его бытописатель" [1]), пока-

[1]) См. „Вѣстн. Европы", іюнь 1893 г., стр. 539. Статья эта перепечатана выше, см. стр. 317–334.

зать, въ какое трагическое положеніе ставитъ альпійскаго крестьянина неприспособленность его къ окружающей денежно-хозяйственной средѣ; и ниже мы коснемся еще этого — въ экономическомъ отношеніи глубоко интереснаго—обстоятельства.

Популяціонистическое значеніе аграрнаго строя давно уже извѣстно, хотя, быть можетъ, еще не вполнѣ оцѣнено и недостаточно изучено въ экономической наукѣ. Въ занимающемъ насъ случаѣ оно выражается въ томъ, что каждая группа австрійскихъ странъ имѣетъ различную брачность въ зависимости отъ господствующаго въ немъ аграрнаго строя. Первое мѣсто по брачности занимаютъ тѣ страны, гдѣ рядомъ съ сильнымъ дробленіемъ участковъ мы видимъ крупныя владѣнія; послѣднее — альпійскія области съ ихъ недѣлимыми, замкнутыми крестьянскими дворами. Поэтому-то въ Каринтіи, въ которой, съ одной стороны, особенно сильно преобладаетъ этотъ типъ землевладѣнія, съ другой стороны—очень мало промышленнаго населенія, брачность замѣчательно низка, что, какъ уже указывалось выше, сопровождается необычайно большимъ числомъ внѣ-брачныхъ рожденій — 440 на 1.000.

Зависимость брачности отъ поземельныхъ отношеній можно прослѣдить и на болѣе мелкихъ пространственныхъ единицахъ, внутри отдѣльныхъ странъ Цислейтаніи. Размельчаніе поземельной собственности въ итальянскомъ Тиролѣ идетъ гораздо дальше, чѣмъ въ нѣмецкомъ, и вмѣстѣ съ этимъ земледѣльческое производство носитъ иной характеръ. Въ то время, какъ въ нѣмецкомъ Тиролѣ преобладаетъ полу-натуральное зерновое и скотоводческое хозяйство, — сельское хозяйство въ итальянскомъ Тиролѣ производитъ по преимуществу для рынка такіе продукты, какъ вино, маисъ, шелкъ. Такое же различіе существуетъ съ одной стороны между Верхней и Средней Штиріей, населенной нѣмцами, и съ другой стороны — Нижней Штиріей, гдѣ живутъ словенцы, и гдѣ сильное измельчаніе землевладѣнія сопровождается денежнымъ характеромъ сельскаго хозяйства. Поэтому-то словенское населеніе Штиріи растетъ почти вдвое быстрѣе, чѣмъ нѣмецкое, тогда какъ въ Каринтіи разница въ приростѣ словенскаго и нѣмецкаго населенія, благодаря сходству аграрнаго строя у обоихъ племенъ, гораздо меньше. А въ Крайнѣ, вмѣстѣ съ болѣе сильнымъ дробленіемъ, брачность и приростъ словенскаго населенія еще выше, чѣмъ въ Нижней Штиріи.

Во Франціи,—какъ показалъ Бертильонъ,—самая низкая ро-

ждаемость замѣчается въ тѣхъ департаментахъ, въ которыхъ на 1.000 жителей приходится наибольшее число земельныхъ собственниковъ. Но тутъ эта низкая рождаемость есть результатъ не низкой брачности, а неплодовитости французскихъ женщинъ, сознательно вызываемой искусственными средствами, результатъ—„Zweikindersystem“. Въ австрійскихъ же Альпахъ низкая рождаемость вытекаетъ прямо изъ низкой брачности, которая въ свою очередь обусловливается всѣмъ экономическимъ и въ частности аграрнымъ строемъ. „Большой замкнутый крестьянскій дворъ [1]) проявляетъ свое, ограничивающее брачность, дѣйствіе въ двухъ направленіяхъ: бракъ единственнаго наслѣдника отсрочивается до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ по старости не передаетъ ему хозяйства или не умираетъ, и 2) не допускается вступленіе въ бракъ всѣхъ работающихъ на крестьянскомъ дворѣ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ замкнутая крестьянская поземельная собственность, служба въ батракахъ (der Gesindedienst) [2]) не считается, какъ въ большихъ сѣверо-германскихъ помѣстьяхъ, чѣмъ-то въ родѣ школы, которую молодые люди должны пройти до вступленія въ бракъ, и поэтому сельскіе рабочіе всю жизнь проводятъ въ безбрачіи. Въ силу этого, чѣмъ многочисленнѣе представлены въ данной странѣ большіе замкнутые крестьянскіе дворы и чѣмъ сильнѣе въ нихъ господствуютъ патріархальныя отношенія, тѣмъ позже и рѣже совершаются браки и тѣмъ слабѣе приростъ населенія. Внѣ-брачныя рожденія, распространенность которыхъ находится въ самой тѣсной связи съ безбрачіемъ молодыхъ, здоровыхъ людей, не могутъ покрыть недостатка (den Ausfall) въ законныхъ дѣтяхъ, хотя они и являются въ нашихъ альпійскихъ странахъ важнымъ факторомъ роста населенія, такъ какъ безъ нихъ, напримѣръ, въ Зальцбургѣ и нѣмецкой Штиріи, населеніе не размножалось бы, а въ Каринтіи и нѣмецкомъ Тиролѣ прямо бы уменьшалось“.

Вынужденное безбрачіе, которымъ при господствѣ натуральнаго хозяйства поддерживается равновѣсіе между населеніемъ и средствами существованія, является въ нѣкоторыхъ альпійскихъ

[1]) Подъ дворомъ въ данномъ случаѣ разумѣется хозяйство, т. е. производственная или, вообще, экономическая единица.

[2]) Подъ Gesinde нѣмцы разумѣютъ сельскихъ рабочихъ, нанимающихся на болѣе или менѣе продолжительные сроки—въ противоположность поденщикамъ (Tagelöhner).

странахъ Австріи не только фактомъ,—оно имѣетъ и свое юридическое выраженіе въ такъ называемомъ Eheconsens'ѣ. Въ нѣмецкомъ Тиролѣ и Форарльбергѣ, Eheconsens, т.-е. право общинъ разрѣшать или запрещать бракъ ея членамъ, сохранилось въ дѣйствующемъ правѣ, а въ Зальцбургѣ оно существуетъ фактически [1]); штирійскій ландтагъ въ 1892 г. вотировалъ законъ о введеніи Eheconsens'а, но корона не дала этому закону своей санкціи. При прежнихъ экономическихъ условіяхъ „Eheconsens" былъ необходимымъ коррелатомъ альпійскаго аграрнаго строя; эта связь явствуетъ хотя бы изъ того, что въ другихъ цислейтанскихъ странахъ „Eheconsens" или никогда не существовалъ, или же еще до своей формальной отмѣны просто вымеръ, и теперь о немъ никто не вспоминаетъ, тогда какъ въ Альпахъ все крестьянство чрезвычайно сочувствуетъ этому учрежденію. Крупный землевладѣлецъ—при денежномъ хозяйствѣ—заинтересованъ въ быстромъ размноженіи населенія, такъ какъ онъ нуждается въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ; интересы альпійскаго крестьянина—при натуральномъ и полу-натуральномъ хозяйствѣ—совершенно другіе. Альпійскій крестьянинъ-хозяинъ боится всякихъ лишнихъ расходовъ на призрѣніе бѣдныхъ и привыкъ, чтобы его рабочіе были безбрачны. Онъ одинъ дворовладѣлецъ—отецъ семейства; остальные члены хозяйства—какъ бы его дѣти. Ихъ безбрачіе съ желѣзной необходимостью вытекаетъ изъ того, что средства существованія скудны и въ то же время точно отмѣрены; благодаря натуральной организаціи хозяйства, они неспособны расти.

Такимъ образомъ, главный выводъ Гайница мы можемъ резюмировать слѣдующимъ образомъ: ослабленіе нѣмецкаго элемента въ Австріи есть результатъ болѣе медленнаго размноженія нѣмцевъ сравнительно съ другими цислейтанскими народностями; это обстоятельство въ свою очередь обусловливается низкой брачностью нѣмецкаго населенія, вытекающей изъ особенностей аграрнаго строя въ австрійскихъ Альпахъ. Вотъ почему та роль, которая обыкновенно приписывается консервативными экономистами крестьянству, ведущему натуральное хозяйство и крѣпко держащемуся за недѣлимость,—роль источника живыхъ силъ для всего прочаго населенія,—есть миѳъ. Напротивъ, это крестьян-

[1]) Общинная власть, впрочемъ, не составляетъ въ этомъ дѣлѣ единственной и послѣдней инстанціи. Заинтересованное лицо можетъ жаловаться (recurriren) послѣдовательно окружной администраціи, намѣстничеству и министерству.

ство, благодаря господствующимъ въ его средѣ аграрнымъ отношеніямъ, совершенно неспособно являться поставщикомъ человѣческаго матеріала. „До тѣхъ поръ, пока въ альпійскихъ странахъ не измѣнятся распредѣленіе поземельной собственности и сельско-хозяйственное производство, до тѣхъ поръ всякая національная политика—напишетъ ли она на своемъ знамени достиженіе вліянія на правительство или пробужденіе національнаго чувства—можетъ только замедлить процессъ, который непрерывно съ стихійной силой совершается передъ нашими глазами". Процессъ этотъ—оттѣсненіе нѣмецкаго элемента въ Австріи другими національностями.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго ясно, что разложеніе аграрнаго строя въ австрійскихъ Альпахъ, которое такъ ярко изобразилъ Розеггеръ въ своемъ романѣ „Der letzte Jacob", является съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ австрійскихъ нѣмцевъ процессомъ безусловно желательнымъ, прямо даже необходимымъ для обезпеченія ихъ національной будущности. Но это въ сущности только, такъ сказать, національная сторона того факта, что разложеніе альпійскаго крестьянства есть требованіе экономическаго прогресса. Если Гайнишъ, указывая на необходимость и желательность этого процесса говоритъ, что „незначительный приростъ населенія въ альпійскихъ странахъ не только уменьшаетъ область распространенія нѣмецкаго языка, но и замедляетъ экономическое развитіе альпійскихъ странъ", то съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что экономическій прогрессъ разрушаетъ альпійскій аграрный строй, становящійся ему поперекъ дороги. Съ 20-хъ и 30-хъ годовъ ростъ австрійскихъ странъ происходилъ—во всѣхъ отношеніяхъ – очень неравномѣрно. Обрабатывающая промышленность развивалась преимущественно въ судетскихъ странахъ, населеніе которыхъ увеличилось съ 1831 по 1890 почти вдвое больше, чѣмъ населеніе внутренней Австріи (за вычетомъ Нижней-Австріи съ Вѣной). Податная сила, т. е. общая сумма всѣхъ податей, приходящихся на альпійскія страны, съ 1828 г. относительно уменьшилась. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Гайнишъ,—если альпійскія области, и по населенности, и по своему участію въ податяхъ, все болѣе и болѣе отстаютъ отъ другихъ странъ, то очевидно, что своимъ положеніемъ, какъ великая держава. Австрія обязана прочимъ своимъ частямъ. Другими словами, еслибы соціальныя условія были всюду такими же, какъ во внутренней Австріи, Австрія должна была бы сдѣлаться

второстепенной державой, и въ то же время она, благодаря своему географическому положенію внутри европейскаго континента, попала бы въ крайне опасное положеніе".

V.

Австрійское и въ особенности альпійское крестьянство переживаютъ тяжелый кризисъ, который сводится къ вытѣсненію натуральной организаціи хозяйства денежною и давно уже обсуждается въ научной литературѣ и публицистикѣ Австріи. Этотъ процессъ имѣетъ, однако, не только мѣстный интересъ; если одинаковыя причины порождаютъ—caeteris paribus—одинаковыя слѣдствія, то изученіе перемѣнъ, происходящихъ въ экономическомъ строѣ западно-европейскихъ странъ, представляетъ глубокій жизненный интересъ для насъ, русскихъ. Слишкомъ часто мы противопоставляемъ огуломъ „капиталистическую Европу" „общинной Россіи", забывая, что и въ Европѣ переходъ къ денежному хозяйству далеко еще не вездѣ закончился.

Если въ Галиціи, Буковинѣ, Далмаціи и Побережьѣ сильное размельчаніе, „пульверизація" поземельной собственности, развело многочисленный жалкій сельскій пролетаріатъ, то въ остальныхъ австрійскихъ областяхъ „свободная дѣлимость" (Freitheilbarkeit) въ натурѣ сравнительно мало распространена. Въ частности въ альпійскихъ странахъ, какъ уже указывалось выше, она почти неизвѣстна. Но при недѣлимости наслѣдникъ, къ которому переходитъ хозяйство, обязанъ своимъ сонаслѣдникамъ уплатить въ деньгахъ ихъ долю, и такимъ образомъ онъ начинаетъ хозяйничать обремененный болѣе или менѣе крупнымъ долгомъ. Въ томъ же самомъ положеніи находится покупатель, который не можетъ сразу заплатить наличными деньгами за имѣніе и выдаетъ на него закладную. Эти два источника задолженности считаются австрійскими консервативными политиками съ барономъ Фогельзангомъ, издателемъ „Oesterreichische Monatschrift für christliche Socialreform", основной причиной „крестьянскаго кризиса". Тщательное изслѣдованіе этого вопроса привело Гайниша къ совершенно иному выводу, который онъ формулируетъ такъ: или утвержденіе Фогельзанга, будто задолженность австрійскаго крестьянства по преимуществу обусловливается указываемыми имъ причинами, совершенно невѣрно, или же она дѣйствительно обусловливается этими причинами; но въ такомъ случаѣ она сравнительно такъ

незначительна, что никоимъ образомъ не можетъ быть причиной „крестьянскаго кризиса". Недостаточно также, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Альпамъ, объясненіе этого явленія паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ связи съ конкурренціей привознаго хлѣба, тѣмъ болѣе, что цѣны на скотъ и дерево, которые во многихъ мѣстахъ являются единственными рыночными продуктами, въ общемъ поднялись. Тѣмъ не менѣе Гайнишъ, повидимому, признаетъ, что это обстоятельство, въ связи съ отсталостью альпійскаго крестьянскаго хозяйства,—которую такъ подчеркивалъ профессоръ Вилькенсъ въ изложенномъ нами ранѣе письмѣ къ Розеггеру (см. выше, стр. 329—330). — не лишено извѣстнаго значенія. Но главную роль въ кризисѣ Гайнишъ приписываетъ вообще не понижению крестьянскаго дохода, а повышенію и измѣненію крестьянскихъ потребностей. Доходъ, если не понижается, то и не повышается, а потребности все растутъ и растутъ, и въ связи съ этимъ все болѣе и болѣе ускользаетъ возможность удовлетворять ихъ натуральнымъ способомъ. Кофе, керосинъ и пр. приходится покупать, тогда какъ молочная похлебка и лучина, которыми прежде довольствовался крестьянинъ, доставались легче, безъ денегъ. „Между тѣмъ до сихъ поръ большинство настоящаго крестьянства, въ особенности въ альпійскихъ странахъ, стоитъ на почвѣ натуральнаго хозяйства, т. е. его хозяйство направлено на производство для домашняго потребленія. Только избытки превращаются въ деньги, которыя идутъ на уплату податей и пріобрѣтеніе предметовъ, приготовленіе которыхъ, напр., вещей изъ желѣза, дома невозможно". Натуральное хозяйство объясняетъ какъ хорошія, такъ и дурныя стороны крестьянскаго характера; съ нимъ связано какъ наивное міросозерцаніе и чувство независимости, которыя намъ столь симпатичны въ крестьянствѣ, такъ и его недовѣріе ко всему новому и его слабый интересъ къ хозяйственнымъ улучшеніямъ. Ибо до тѣхъ поръ, пока крестьянскій дворъ является самодовлѣющей хозяйственной единицей, онъ вполнѣ независимъ отъ всего окружающаго міра. Перипетіи рынка мало его затрогиваютъ, а что касается организаціи и техники хозяйства, то и та, и другая, настолько опредѣляются вѣковымъ опытомъ, что крестьянину остается только крѣпко держаться за традицію. Но въ силу этого хозяйство почти не развивается (damit ist aber auch die Wirthschaft eine nahezu stationäre), ибо при неизмѣняющейся техникѣ получается все одинаковый доходъ въ натурѣ, а новыя

шеніе денежнаго дохода только тогда возможно, когда цѣны на избытки, выносимые на рынокъ, подымаются. Но такъ какъ повышеніе цѣнъ не происходитъ непрерывно и во всякомъ случаѣ совершается только очень постепенно, и избытки хозяйства составляютъ только маленькую часть всѣхъ производимыхъ продуктовъ,— то доходъ крестьянина изъ года въ годъ не мѣняется. Поэтому натуральная организація мелкаго и средняго сельскаго хозяйство могла только до тѣхъ поръ держаться, пока не было нарушено равновѣсіе между доходами и расходами. Это равновѣсіе поддерживалось какъ Rheconsens'омъ, который тѣсно связанъ съ крестьянскимъ натуральнымъ хозяйствомъ, такъ и замкнутостью крестьянской жизни, замкнутостью, которая являлась слѣдствіемъ сословнаго духа и удаленности отъ культурныхъ центровъ. Частью юридическія, частью фактическія препятствія ко вступленію въ бракъ продолжаютъ дѣйствовать и до сихъ поръ, но, съ другой стороны, существованіе крестьянскаго натуральнаго хозяйства подтачивается растущими жизненными потребностями. Растутъ не только потребности самого крестьянина-дворовладѣльца и его рабочихъ, которые массами стремятся въ города,—но также все болѣе и болѣе повышаются требованія, предъявляемыя къ крестьянину со стороны государства и мѣстнаго самоуправленія.

Либеральные экономисты,—говоритъ Гайнишъ,—часто закрываютъ глаза на трудность и болѣзненность перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, между тѣмъ это—цѣлая, чрезвычайно богатая крупными послѣдствіями соціальная революція. Почти весь соціальный строй внутренней Австріи покоится на натуральной организаціи крестьянскаго хозяйства: сельское ремесло и вся система призрѣнія бѣдныхъ тѣсно связаны съ ней. „Внезапно устранить натуральное хозяйство значило бы вызвать къ жизни разомъ цѣлую дюжину жгучихъ соціальныхъ вопросовъ. Въ данномъ случаѣ процессъ вытѣсненія натуральнаго хозяйства денежнымъ долженъ выразиться въ сокращеніи зернового производства на счетъ экстенсивнаго капиталистическаго скотоводства. Такъ какъ такое скотоводство требуетъ сравнительно мало живого труда, но зато крупнаго землевладѣнія и значительнаго основного капитала, то Гайнишъ, конечно, правъ, говоря что въ этой области „превосходство крупнаго хозяйства надъ мелкимъ сказывается особенно сильно“... „Такимъ образомъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому скотоводству означаетъ для альпійскихъ странъ абсолютное

уменьшеніе занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ населенія и поглощеніе мелкой поземельной собственности крупною". Этотъ процессъ совершается уже теперь. Старое дѣленіе на полные дворы, полудворы и четверти (Viertelhöfe) становится все болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Многіе дворы исчезаютъ или уменьшаются настолько, что ихъ собственники должны искать побочныхъ занятій; на ихъ счетъ растутъ другіе дворы, которые затѣмъ выростаютъ въ крупныя владѣнія. Рядомъ съ этимъ развивается дробное, или парцеллярное землевладѣніе, представителемъ котораго является новый типъ сельскихъ рабочихъ, поденщики (Tagelöhner) [1]).

Гайнишъ смотритъ на весь этотъ процессъ, какъ на историческую необходимость. Всѣ попытки реформъ, „которыя будутъ направлены на сохраненіе традиціоннаго крестьянскаго хозяйства, по мнѣнію нашего автора, безсильны противъ духа капиталистической эпохи, который медленно, но неудержимо вторгается во всѣ поры общества". Къ тому же онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ извѣстнаго экономиста-историка, президента вѣнской центральной статистической коммиссіи Инамы-Стернегга, что „было бы печальнымъ государственнымъ дѣломъ — держать крестьянина на низкомъ уровнѣ общаго образованія и жизненныхъ потребностей, чтобы сохранить традиціонную замкнутость крестьянскаго хозяйства въ ея болѣе чѣмъ проблематическомъ значеніи для общаго блага" (цит. по Гайнишу). Такимъ образомъ, крестьянство внутренней Австріи находится между Сциллой и Харибдой. Держаться за натуральное хозяйство, какъ ему совѣтуютъ консерваторы, оно не можетъ, потому что его растущія матеріальныя и духовныя потребности требуютъ роста доходовъ, а къ денежному хозяйству, которое ему рекомендуютъ либералы, оно не обнаруживаетъ склонности, инстинктивно чувствуя, что при капиталистической организаціи сельскаго хозяйства далеко не всѣ его представители сохранятъ свою самостоятельность. „Только тамъ во внутренней Австріи, гдѣ, какъ вблизи городовъ, интенсивное сельское хозяйство приноситъ крупный доходъ, или тамъ, гдѣ, какъ въ горахъ, крестьянскія хозяйства настолько

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что съ полнымъ переходомъ къ денежному хозяйству падаетъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Гайнишъ, еще одно препятствіе для раздробленія поземельной собственности, такъ какъ высокоинтенсивная культура (такъ назыв. Spatenkultur, „огородная" культура), которая служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ „оправданій" дробленія, возможна только при товарной организаціи народнаго хозяйства.

крупны, что дѣлаютъ выгоднымъ скотоводство, удержится крестьянство. Во всѣхъ прочихъ областяхъ крестьянскій дворъ, правда, не исчезнетъ совсѣмъ, но крестьянское земледѣліе будетъ во всякомъ случаѣ въ очень значительной мѣрѣ поглощено крупнымъ или низведено до парцеллярнаго". Вообще Гайнишъ не раздѣляетъ оптимистическихъ взглядовъ многихъ экономистовъ на жизнеспособность мелкихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, при полномъ господствѣ денежнаго хозяйства. Вопросъ этотъ, конечно, очень трудный и не во всѣхъ отношеніяхъ выясненный. Въ одномъ только врядъ ли можно сомнѣваться, а именно, что и мелкія земледѣльческія хозяйства при современныхъ экономическихъ и культурныхъ условіяхъ для того, чтобы быть жизнеспособными, должны быть организованы какъ хозяйства денежныя и удовлетворять общимъ требованіямъ экономической раціональности. Всѣ попытки въ экономической литературѣ присвоить въ этомъ отношеніи мелкому земледѣльческому хозяйству особое положеніе, такъ сказать, сдѣлать для него неписанными законы раціональности, въ концѣ концовъ опираются на фактъ низкихъ потребностей крестьянскаго населенія, на то, что „самостоятельный производитель" можетъ довольствоваться болѣе низкимъ доходомъ, чѣмъ капиталистъ-фермеръ, чѣмъ крупный землевладѣлецъ, чѣмъ вообще всякій, хозяйничающій „на коммерческомъ основаніи". Но вѣдь весь смыслъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и сводится именно къ тому, что „коммерческое основаніе" становится для всѣхъ обязательнымъ. Упомянутый выше сторонникъ крестьянскаго натуральнаго хозяйства, баронъ Фогельзангъ, возражая Шмоллеру, совершенно правильно замѣтилъ, что еслибы крестьяне знали бухгалтерію и могли точно подсчитывать итоги своего хозяйства, то они просто побросали бы свои поля и сбѣжали (цитировано у Гайниша).

Въ сельскомъ хозяйствѣ Богеміи капитализмъ или точнѣе денежное хозяйство уже одержало побѣду по всей линіи. Развитіе свеклосахарнаго производства и пивоваренія представляетъ, такъ сказать, матеріальную основу этого процесса [1]). Огромная

[1]) Извѣстный нѣмецкій экономистъ Мясковскій говоритъ о свеклосахарномъ производствѣ, что на его долю можетъ выпасть, повидимому, та же роль въ экономической эволюціи Германіи, какъ овцеводству въ Англіи (A. von Miaskowski, Agrarpolitische Zeit u. Streitfragen. Leipzig, 1889, S. 63).

площадь крестьянской земли была поглощена по преимуществу крупнымъ землевладѣніемъ и цѣлыя крестьянскія поселенія, какъ таковыя, исчезли съ лица земли. Рядомъ съ этимъ относительно уменьшилось земледѣльческое населеніе и въ то же время неженатые батраки и незамужнія батрачки уступили мѣсто семейнымъ поденщикамъ (Tagelöhner). Точно „также и аграрный строй внутренней Австріи не избѣгнетъ этой эволюціи; тысячи самостоятельныхъ крестьянъ опустятся до сельскихъ поденщиковъ и вступятъ въ неравное соперничество съ машиной, другіе крестьяне сохранятъ свою самостоятельность; это будутъ интеллигентные и смѣлые люди, которые первые порвутъ совершенно съ натуральнымъ хозяйствомъ, и участки которыхъ по ихъ величинѣ и географическому положенію будутъ доступны обработкѣ по принципамъ денежнаго хозяйства. Но этотъ крестьянинъ будущаго не будетъ соотвѣтствовать идеальному образцу терпѣливаго и упорно держащагося за традиціи человѣка; онъ будетъ принадлежать къ классу людей, которые всюду, гдѣ затронутъ ихъ интересы, руководятся трезвыми соображеніями. Что такое крестьянство не будетъ уже тѣмъ консервативнымъ элементомъ, который имущіе классы такъ охотно выдвигаютъ противъ промышленнаго пролетаріата, — совершенно ясно. Какъ современное мелкое ремесленное сословіе, такъ же точно и крестьянство будущаго, завися постоянно отъ конъюнктуръ, которыя оно не можетъ предусмотрѣть, явится въ политическомъ отношеніи элементомъ, на который невозможно никогда положиться, и который будетъ всегда склоняться на сторону тѣхъ, кто ему всего больше обѣщаетъ: во всякій данный моментъ оно можетъ оставить то знамя, которому оно только-что присягнуло. Совершенно понятно, что это прогрессивное разложеніе крестьянства вызоветъ много неутѣшительныхъ явленій; оно есть только повтореніе того процесса, который нѣсколько раньше совершился въ промышленности. Но какъ никакому разумному рабочему теперь не можетъ прійти въ голову требовать устраненія машинъ, потому что онъ знаетъ, что для экономическаго благосостоянія человѣчества не можетъ быть полезно сокращеніе производства, такъ и мы, несмотря на все наше сожалѣніе къ жертвамъ всемірно-историческаго процесса, не можемъ стремиться къ тому, чтобы цѣной малаго производства купить сохраненіе современнаго крестьянства. Экономическій строй, въ которомъ классовыя различія все увеличиваются и увеличиваются, не представляется желательнымъ въ соціальномъ отношеніи. Мы можемъ съ нимъ

примириться, если мы признаемъ въ немъ переходную стадію къ болѣе высокой формѣ общественной жизни".

VI.

Тотъ фактъ, что разложеніе аграрнаго строя въ Альпахъ, населенныхъ почти исключительно нѣмцами, началось позже, чѣмъ въ другихъ областяхъ Австріи, есть, по Гайнишу, главная причина болѣе слабаго размноженія нѣмецкаго элемента и его оттѣсненія другими національностями. Поэтому,—говоритъ Гайнишъ,—нѣмецкая партія, которая напишетъ на своемъ знамени сохраненіе альпійскаго экономическаго строя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь [1]), такъ сказать, подсѣкаетъ тотъ сукъ, на которомъ онъ сидитъ, и кромѣ того ведетъ совершенно напрасную борьбу. Должно стремиться не къ сохраненію старыхъ экономическихъ формъ, а къ возможно болѣе быстрому и безболѣзненному переходу къ новымъ формамъ, такъ какъ это не только лежитъ въ національныхъ интересахъ, но есть также требованіе простой человѣчности. Развитіе капиталистическаго строя, какъ ни дѣйствуетъ оно революціонно на распредѣленіе поземельной собственности, не можетъ быть à la longue задержано. Задача политики и самопомощи сводится къ тому, чтобы создать для этого перехода такія условія, при которыхъ онъ принесъ бы какъ можно меньше вреда. Переводя это на конкретный языкъ, слѣдуетъ въ альпійскихъ странахъ развивать обрабатывающую промышленность [2]). Благодаря ея развитію, самое сельское хозяйство можетъ сдѣлаться болѣе интенсивнымъ, и кромѣ того то населеніе, которое „освободится" въ силу разложенія аграрнаго строя, получитъ работу. Гайнишъ признаетъ, что превратить крестьянскаго батрака въ промышленнаго рабочаго трудно, такъ какъ фабричная работа гораздо интенсивнѣе земледѣльческой, и нужна значительная доля „Selbstüberwindung", какъ выражается нашъ авторъ, чтобы привыкнуть къ ней. Развитіе промышленности и важнѣйшихъ ея матеріальныхъ условій—путей сообщеній—вотъ, стало быть, главная цѣль разумной экономической по-

[1]) А такова въ сущности экономическая программа такъ называемой нѣмецко-національной партіи, опирающейся преимущественно на штирійскихъ городскихъ и сельскихъ избирателей.

[2]) Геркнеръ настоятельно рекомендуетъ австрійскимъ альпійскимъ странамъ послѣдовать примѣру Швейцаріи, налечь на „Fremdenindustrie", т.-е. жить на счетъ больныхъ, туристовъ и фланеровъ.

литики по отношенію къ альпійскимъ странамъ, политики, которая въ то же время диктуется національнымъ самосохраненіемъ.

Чѣмъ сильнѣе будетъ развиваться промышленная жизнь, тѣмъ благопріятнѣе станутъ и условія размноженія нѣмецкаго населенія. Въ то же время нѣмецкій языкъ, какъ языкъ первоклассной культурной націи, будетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе, какъ для экономической, такъ и для духовной жизни. „Какъ ни печально это для маленькихъ націй, но нельзя отрицать, что широкая духовная жизнь среди нихъ встрѣчаетъ гораздо больше трудностей, чѣмъ у большихъ національностей. Можно представить себѣ образованнаго англичанина, который понимаетъ только по-англійски, но человѣкъ, который владѣетъ только словенскимъ языкомъ, не можетъ претендовать на образованность. Чѣмъ выше по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія станутъ духовныя потребности нѣмецкихъ національностей Австріи, тѣмъ болѣе и болѣе знаніе нѣмецкаго языка станетъ незамѣнимымъ средствомъ для усвоенія сокровищъ не одной только нѣмецкой, но и всемірной духовной культуры". Въ этихъ словахъ Гайниша нельзя не видѣть крупной доли истины; точно также извѣстныя основанія имѣетъ и его надежда на то, что мощное соціальное движеніе, которое является непосредственнымъ результатомъ и спутникомъ экономическаго развитія и въ частности роста промышленности, окажется важнымъ моментомъ, благопріятнымъ распространенію нѣмецкаго языка. Конечно, и Гайнишъ не можетъ не видѣть, по всей вѣроятности, того, что чѣмъ больше будетъ крѣпнуть это движеніе, ставящее себѣ общечеловѣческія и потому, такъ сказать, интернаціональныя задачи, тѣмъ больше будутъ терять всякую притягательную силу національныя или, вѣрнѣе, націоналистическія требованія и программы.

VII.

Чисто политическая сторона нѣмецкаго вопроса въ Австріи ярко освѣщается въ недавно вышедшей книгѣ, принадлежащей перу одного изъ самыхъ видныхъ депутатовъ нѣмецко-либеральной партіи [1]). Всякому желающему ознакомиться съ настроеніемъ, переживаемымъ въ настоящую минуту австро-нѣмецкими полити-

[1]) Freiherr von Dumreicher. Südostdeutsche Betrachtungen. Eine nationale Denkschrift. Leipzig. 1893, VIII и 143 стр.

ческими дѣятелями, книга барона Думрейхера будетъ весьма полезна; на ней можно убѣдиться въ томъ, какъ либеральные принципы искажаются національнымъ [1]).

Но въ объясненіи соціально-экономической подкладки нѣмецкаго вопроса названный авторъ не отличается оригинальностью и очень близко примыкаетъ къ Гайнишу. Только два пункта, затронутые Думрейхеромъ, намъ въ интересахъ полноты нашего очерка нельзя обойти. Въ статьѣ „Австрійское крестьянство и его бытописатель" была уже отмѣчена роль охоты въ процессѣ разложенія альпійскаго аграрнаго строя. „Австрійскимъ альпійскимъ странамъ,—говоритъ Думрейхеръ,—серьезно угрожаетъ опасность сдѣлаться охотничьимъ паркомъ всей средне-европейской знати". По точнымъ статистическимъ даннымъ „половина земельной площади герцогства Зальцбургъ служитъ охотничьимъ цѣлямъ" (ist Jagdgebiet). Нѣчто подобное видимъ мы и въ другихъ провинціяхъ альпійской области. Для экономической будущности австрійскихъ альпійскихъ странъ представляются двѣ возможности. Примѣромъ одной служитъ Швейцарія съ ея замѣчательнымъ скотоводствомъ и высокимъ развитіемъ „Fremdenindustrie". Другую картину видимъ мы въ Шотландіи, гдѣ цѣлыя огромныя пространства изъяты изъ хозяйственнаго пользованія и служатъ только для охоты. Думрейхеръ вслѣдъ за Бернрейтеромъ [2]), который коснулся этого вопроса въ засѣданіи австрійскаго парламента 13-го марта 1893 г., объясняетъ различіе между Швейцаріей и Шотландіей различной „соціальной структурой" этихъ странъ и къ своему сожалѣнію долженъ признать, что въ этомъ отношеніи австрійскія Альпы гораздо ближе къ Шотландіи, чѣмъ къ Швейцаріи. Крестьянскіе участки въ австрійскихъ Альпахъ скупаются богачами, любителями охоты и превращаются въ охотничьи парки. Значеніе этого процесса въ борьбѣ австрійскихъ національностей за существованіе, по мнѣнію Думрейхера, очень велико. Намъ кажется только, что Думрейхеръ преувеличиваетъ въ данномъ случаѣ значеніе „соціальной струк-

---

[1]) Такъ, Думрейхеръ съ симпатіей отзывается о представительствѣ интересовъ—принципъ, на которомъ основана австрійская конституція—и не скрываетъ нисколько того, что эта симпатія обусловливается прежде всего выгодностью такой системы представительства для нѣмецкаго элемента.

[2]) Депутатъ Бернрейтеръ—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ англійскаго народнаго хозяйства. Ему принадлежитъ извѣстная работа: Die englischen Arbeiterverbände und ihr Recht.

туры"; гораздо важнѣе, быть можетъ, здѣсь чисто матеріальныя условія производства, такъ сказать, экономическое направленіе народнаго хозяйства данной страны. „Соціальная структура", т. е. въ нашемъ случаѣ существованіе класса богатыхъ аристократовъ и капиталистовъ, можетъ проявлять свое вредное вліяніе только опираясь на эти матеріальныя условія народнаго хозяйства. Превращеніе полей, луговъ и пастбищъ въ охотничьи парки есть симптомъ, а не самостоятельная причина запустѣнія альпійскихъ странъ. Поэтому даже полное запрещеніе охоты на всемъ пространствѣ австрійскихъ Альпъ не придастъ жизненныхъ силъ гибнущему крестьянскому хозяйству: результатомъ такой радикальной мѣры будетъ — надо предполагать — вовсе не пріостановка въ процессѣ „запустѣнія", а только то, что по запустѣвшимъ мѣстамъ перестанутъ бродить даже спортсмэны. Здѣсь, какъ и всюду, не слѣдуетъ запрещеніямъ и вообще параграфамъ законовъ приписывать творческой силы, которой у нихъ нѣтъ и не можетъ быть.

Второй пунктъ, затронутый Думрейхеромъ въ его „Nationale Denkschrift" и стоящій въ тѣсной связи съ основной темой нашего очерка, это—отношеніе современнаго соціальнаго движенія къ національному вопросу.

Въ средѣ славянъ могутъ, говоритъ Думрейхеръ, обнаружиться такія же классовыя противорѣчія („Klassengegensätze"), какія среди нѣмецкаго населенія уже давно проявляютъ свое *ослабляющее національномъ* дѣйствіе. Не сравняются ли тогда условія борьбы, не станетъ ли тогда борьба противъ нѣмецкаго языка, этого мощнаго культурнаго средства, встрѣчать противодѣйствіе со стороны славянскихъ народныхъ массъ? Какъ видитъ читатель, то, что высказываетъ тутъ Думрейхеръ, до извѣстной степени, приближается къ надеждамъ, возлагаемымъ Гайнишемъ на соціальное движеніе.

Но, продолжаетъ Думрейхеръ,—съ другой стороны, соціальное движеніе можетъ только ухудшить положеніе нѣмцевъ. Въ смѣшанныхъ округахъ „среднее сословіе", буржуазія, состоитъ изъ нѣмцевъ: „Если на борьбу подымутся нижніе слои славянскаго населенія, то въ лицѣ нѣмца они будутъ бороться заодно и противъ ненавистнаго „буржуа" [1]), и борьба, поэтому, будетъ вестись съ удвоенной страстностью".

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что и въ Германіи, и въ Австріи среди рабочихъ слово „bourgeois" пользуется всеобщимъ употребленіемъ.

Вообще же, Думрейхеръ полагаетъ, что врядъ ли когда-нибудь „соціальныя бури“ покончатъ съ національной борьбой. Какъ были эпохи, когда религіозная идея заставляла умолкать національный антагонизмъ славянъ и нѣмцевъ и, несмотря на это, послѣдній уцѣлѣлъ и пережилъ религіозныя движенія, такъ же точно будетъ и съ соціальнымъ вопросомъ. Быть можетъ, національная борьба исчезнетъ только тогда, когда австрійскіе нѣмцы перестанутъ существовать.

Еще одну возможность выставляетъ Думрейхеръ, и притомъ такую, которая вытекаетъ уже изъ соображеній общекультурнаго свойства. Но, думается намъ, авторъ самъ очень плохо вѣритъ въ нее. Указывая на то, что въ своей культурной жизни западные славяне не обнаруживаютъ—въ противоположность русскимъ—ничего оригинальнаго, что они питаются исключительно элементами нѣмецкой цивилизаціи, Думрейхеръ говоритъ, что „въ существованіи такихъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго языка, культуръ для человѣчества нѣтъ никакой потребности, такъ какъ оно не обогащается при этомъ никакой новой культурной физіономіей“. Краледворская рукопись—вотъ символъ такихъ искусственныхъ, „сдѣланныхъ“, а не развившихся самостоятельно культуръ. Быть можетъ, лучшіе элементы чешскаго общества поймутъ, наконецъ, „культурную безсодержательность“ своего національнаго и откажутся отъ него.

Это предположеніе, носящее вполнѣ субъективный характеръ, выходитъ уже изъ области соціальныхъ фактовъ, которые, благодаря современнымъ способамъ массоваго наблюденія, подлежатъ точному учету и допускаютъ не только научный діагнозъ, но и научный прогнозъ. Послѣдній говоритъ, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ австрійскіе нѣмцы будутъ все больше и больше оттѣсняться другими національностями, и что если они хотятъ остановить этотъ процессъ, то имъ надлежитъ сознательно стать на путь экономическаго прогресса и соціальной реформы. Этотъ путь есть въ то же время единственный, который отъ безполезнаго націонализма, тщетно гоняющагося за невозможной „гегемоніей“, ведетъ къ національному миру и плодотворной культурной работѣ.

Грефенбергъ въ австр. Силезіи.
Августъ 1893.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ПО ВОПРОСАМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОХРАНЫ РАБОЧИХЪ.

(1897 г.).

Пишущему эти строки удалось присутствовать на „Международномъ конгрессѣ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ“ (Internationaler Kongress für Arbeiterschutz, Congrès international pour la protection ouvrière), засѣдавшемъ въ Цюрихѣ съ 23-го по 28-е августа текущаго года. Конгрессъ этотъ представлялъ явленіе во многихъ отношеніяхъ замѣчательное и поучительное. Онъ явился знаменательнымъ выраженіемъ величайшей соціально-культурной особенности нашей эпохи—международной общности въ области труда, и притомъ общности, такъ сказать, двухсторонней. Одинаковыя условія промышленнаго развитія во всемъ культурномъ мірѣ порождаютъ одинаковыя явленія въ жизни трудящихся массъ. Одинаковость этихъ явленій естественно внушаетъ мысль о необходимости единообразнаго регулированія отношеній, господствующихъ во всѣхъ культурныхъ странахъ и требующихъ такъ или иначе государственнаго воздѣйствія. Такому единству объекта охранительнаго законодательства въ пользу рабочихъ соотвѣтствуетъ не менѣе существенное и по своимъ видимымъ проявленіямъ еще болѣе могущественное субъективное единство: общность настроенія и солидарность трудящихся массъ въ культурныхъ странахъ. Эти два момента международной общности въ области труда получили яркое выраженіе въ работахъ цюрихскаго конгресса. Первый моментъ—объективный—сообщилъ конгрессу характеръ практическаго, дѣлового собранія, считающагося съ реальными возможностями и чуждаго всякаго утопизма; второй моментъ придавалъ этому дѣловому собранію тотъ розмахъ, тотъ élan, какъ говорятъ французы, который пред-

ставлялъ естественный результатъ сознанія, что настоящее собраніе являлось лишь однимъ звеномъ въ цѣпи событій, въ своей совокупности составляющихъ величайшее историческое движеніе современности. Здѣсь было чему поучиться и теоретику-спеціалисту, проглотившему и переварившему нѣсколько Handbuch'овъ и множество монографій по вопросамъ экономической политики; здѣсь можно было набраться здороваго возбужденія и энтузіазма, слушая людей, всю жизнь съ неослабѣвающимъ одушевленіемъ ведущихъ тяжелую борьбу за лучшее будущее большинства человѣчества. Здѣсь, наконецъ, можно было посмотрѣть на культурные пріемы совмѣстной работы противоположныхъ, принципіально враждебныхъ направленій, сознательно ставшихъ на общую практическую почву, но ничуть не поступившихся своими принципами, и такимъ образомъ поучиться одновременно и принципіальности, и терпимости, и практичности. Да, здѣсь было много интереснаго и поучительнаго, и притомъ такого, чего не приходится видѣть на другихъ международныхъ конгрессахъ.

Цюрихскій конгрессъ представлялъ „международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ“ въ двоякомъ смыслѣ. Это былъ по своему составу конгрессъ интернаціональный, и въ то же время на немъ постоянно прямо или косвенно выдвигалась точка зрѣнія международнаго регулированія условій труда. Однако, послѣ продолжавшагося почти цѣлую недѣлю присутствія на засѣданіяхъ конгресса и его секцій у меня окончательно укрѣпилось уже ранѣе a priori составившееся убѣжденіе, что центръ тяжести и основной смыслъ работъ конгресса не столько въ международномъ регулированіи условій труда, сколько въ международномъ обсужденіи задачъ и рамокъ національнаго законодательства въ защиту рабочихъ. Причину этого нетрудно понять. Главнѣйшимъ аргументомъ въ пользу международнаго регулированія условій труда выставлялось и выставляется соображеніе, которое до сихъ поръ продолжаетъ выдвигаться противъ національной законодательной охраны рабочихъ: ссылка на конкурренцію странъ, свободныхъ отъ стѣсненій, связанныхъ съ такой охраной. Между тѣмъ за послѣднее пятидесятилѣтіе относительный вѣсъ этого аргумента все болѣе и болѣе падаетъ. Все болѣе и болѣе крѣпнетъ и распространяется убѣжденіе, которое 50 лѣтъ тому назадъ высказалъ знаменитый либеральный историкъ Маколей въ преніяхъ о десятичасовомъ биллѣ. „Человѣкъ—вотъ то великое орудіе, которое создаетъ бо-

гатство". „Вы смущаете насъ,—говорилъ Маколей своимъ товарищамъ по либеральной партіи,—разсказами о томъ, что на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ фабрикахъ дѣти работаютъ ежедневно по 17 часовъ, работаютъ такъ напряженно, что изъ тысячи не находится ребенка, который достигалъ бы потомъ роста, необходимаго для пріема въ военную службу. Вы спрашиваете далѣе, выдержимъ ли мы такую конкурренцію, если примемъ этотъ законъ (ограничивающій работу дѣтей 10 часами). Милостивый государь,—продолжалъ Маколей, обращаясь къ Уорду, депутату отъ Шеффильда, — я смѣюсь при мысли о такой конкурренціи. Если мы когда-нибудь окажемся вынужденными уступить кому-либо наше первенство среди промышленныхъ націй, то мы уступимъ его не какой-нибудь породѣ выродившихся карликовъ, а народу, выдающемуся своими физическими и духовными силами".

Законодательная охрана рабочихъ есть охрана „физическихъ и духовныхъ силъ" націи, и потому въ настоящее время ни одинъ теоретикъ и ни одинъ дальновидный практикъ не сомнѣвается въ томъ, что развитіе фабричнаго законодательства не подрываетъ, а, наоборотъ, усиливаетъ шансы данной страны въ соперничествѣ на всемірномъ рынкѣ. Маколей чрезвычайно осторожно и, какъ мы теперь знаемъ, — слишкомъ осторожно прилагалъ свой общій взглядъ къ отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ рабочаго законодательства. Теперь мы можемъ гораздо смѣлѣе и увѣреннѣе развивать ту же мысль. Но и мы не должны забывать, что, какъ ни безспоренъ общій принципъ, въ частныхъ случаяхъ весьма возможны уклоненія отъ него. Возможно, что радикальное законодательство въ защиту рабочихъ поставитъ нѣкоторыя и весьма важныя отрасли промышленности въ невыгодное положеніе сравнительно съ иностранными конкуррентами на міровомъ рынкѣ. Въ общемъ, однако, этотъ аргументъ потерялъ свою прежнюю почти неотразимую силу. Вмѣстѣ съ „желѣзнымъ закономъ" заработной платы онъ получилъ самое убѣдительное опроверженіе: развитіе самой промышленной жизни опрокинуло его основныя предпосылки. Теперь „бремя доказыванія" (onus probandi) перешло съ защитниковъ охранительнаго законодательства на его противниковъ: они обязаны относительно каждой данной охранительной мѣры доказать, что она ослабитъ для національной промышленности шансы успѣшной конкурренціи на международномъ рынкѣ.

Эта перемѣна въ воззрѣніяхъ на условія международной кон-

курренціи, явившаяся въ свою очередь отраженіемъ прогрессивнаго промышленнаго развитія передовыхъ странъ [1]), не могла не перемѣстить центра тяжести въ вопросѣ о международномъ регулированіи условій труда. Можно сказать, что господствующіе классы, а также правительства въ общемъ потеряли всякій вкусъ именно къ международной постановкѣ вопроса, представляющейся теперь не столь настоятельной, какъ прежде. Берлинская конференція 1890 г., созванная императоромъ Вильгельмомъ II, тогда еще увлекавшимся соціальной реформой, составляетъ грань въ исторіи вопроса о международномъ охранительномъ законодательствѣ въ пользу рабочихъ. Прежде чѣмъ перейти къ самому цюрихскому конгрессу, мы не можемъ не коснуться этой исторіи, пользуясь при этомъ искусно составленнымъ и съ риторическимъ блескомъ прочитаннымъ въ Цюрихѣ докладомъ одного изъ вождей швейцарскихъ католическихъ рабочихъ, національнаго совѣтника Декуртинса.

Отцомъ идеи международной охраны рабочихъ является эльзасскій фабрикантъ Легранъ, ученикъ знаменитаго филантропа Оберлина. „Даніель Легранъ,—говоритъ Декуртинсъ,—имѣлъ какъ разъ на своей родинѣ возможность познакомиться съ не стѣсненной никакими законными рамками, стремящейся все къ большему и большему производству промышленностью и съ ея роковыми послѣдствіями. Какъ проницательный наблюдатель, онъ понялъ, что означаетъ безмѣрная эксплуатація человѣческихъ рабочихъ силъ вообще, дѣтская работа и разрушеніе рабочей семьи трудомъ женщинъ, въ частности, для духовнаго, нравственнаго и физическаго здоровья народа; какъ вѣрующій христіанинъ, онъ осудилъ такое эгоистическое пользованіе силой рабочихъ. То было время тріумфовъ капитализма и индустріализма при Наполеонѣ III. При такихъ обстоятельствахъ Легранъ уже напередъ не вѣрилъ въ возможность энергическаго національнаго законодательства въ пользу рабочихъ, и это невѣріе навело его на идею международнаго рѣшенія вопроса... Легранъ исходилъ преимущественно изъ религіозныхъ и моральныхъ соображеній, но онъ, въ то же время ясно и правильно понималъ экономическую сторону вопроса. Это мы видимъ изъ эпиграфа циркуляра, съ которымъ этотъ превосходный человѣкъ обратился къ правительствамъ центрально-

[1]) Ср. Schoenhof, „The economy of high wages", London a. New-York, 1892, и Шульце Геверницъ, „Крупное производство", русск. перев. Спб. 1897 г.

европейскихъ государствъ: „Une loi internationale sur le travail industriel est l'unique solution possible du grand problème social, de dispenser à la classe ouvrière les bienfaits moraux et matériels désirables, sans que les industriels en souffrent, et sans que la concurrence entre les industries de ces pays en reçoive la moindre atteinte“ [1]). Въ своемъ циркулярѣ Легранъ предлагаетъ слѣдующія нормы международнаго законодательства въ защиту рабочихъ:

1) Мальчики моложе 10, дѣвочки моложе 12 лѣтъ не должны допускаться къ работамъ на фабрикахъ.

2) Для дѣтей моложе 14 лѣтъ устанавливается максимальный рабочій день въ 6 часовъ, для дѣтей старше 14 лѣтъ—въ 10 часовъ, для всѣхъ прочихъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ—въ 12 часовъ.

3) Ночная работа съ $8^1/_2$ час. вечера по $4^1/_2$ час. утра запрещается.

4) Работа по воскресеньямъ воспрещается.

Фабрикантъ, какъ радикальный піонеръ фабричнаго законодательства, полное отсутствіе вѣры въ возможность національнаго развитія этого законодательства, какъ основа для пропаганды международнаго регулированія условій труда, ссылка на международную конкурренцію, какъ на главное препятствіе для національнаго рѣшенія вопроса — все это переноситъ насъ въ эпоху, которая во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличалась отъ современности. Отчаявшись въ національномъ рѣшеніи вопроса, фабрикантъ-филантропъ Легранъ просмотрѣлъ основной движущій факторъ развитія фабричнаго законодательства во всѣхъ странахъ: рабочее движеніе во всѣхъ его формахъ и видахъ, какъ реакцію сперва противъ крайностей, а потомъ и противъ самого существа капитализма. Поэтому-то послѣдующее промышленное развитіе опровергло невѣріе Леграна въ національное развитіе рабочаго законодательства и съ полной очевидностью показало, что важнѣйшимъ фундаментомъ будущей международной охраны рабочихъ явится широкое развитіе уже существующаго національнаго законодательства.

---

[1]) „Международный законъ, регулирующій промышленный трудъ, есть единственное возможное рѣшеніе великой соціальной проблемы—доставить рабочему классу желательныя моральныя и матеріальныя блага, безъ вреда для предпринимателей и безъ того, чтобы условія конкурренціи между разными странами были бы нарушены въ ущербъ которой-нибудь изъ нихъ“.

Въ послѣдующія десятилѣтія идея международнаго рабочаго законодательства не разъ всплываетъ въ литературѣ, опять таки съ той же ссылкой на международную конкурренцію. Внѣ литературы вопросъ былъ поставленъ въ 1880 г. союзнымъ совѣтникомъ Эмилемъ Фреемъ (Frey), который внесъ въ швейцарскій союзный совѣтъ предложеніе, чтобы это учрежденіе вступило въ переговоры съ важнѣйшими промышленными государствами относительно установленія международнаго фабричнаго законодательства. Предложеніе было принято, и дипломатическіе представители Швейцаріи обратились по порученію союзнаго совѣта къ европейскимъ правительствамъ съ соотвѣтствующимъ запросомъ. Всѣ спрошенныя правительства, кромѣ австрійскаго и итальянскаго, отвѣчали отказомъ; Австрія же и Италія пожелали предварительно ознакомиться съ программою предполагаемой конференціи. Въ виду такого неблагопріятнаго результата швейцарскій союзный совѣтъ отказался отъ мысли о созывѣ международной конференціи. Уже въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ идея Леграна и Фрея была подхвачена рабочими партіями разныхъ странъ и соотвѣтствующія требованія были выставлены въ 1883 г. швейцарскимъ рабочимъ съѣздомъ въ Цюрихѣ, а затѣмъ національнымъ конгрессомъ французскихъ рабочихъ въ Рубэ. Въ 1883 г. рабочіе депутаты французскаго парламента внесли предложеніе, приглашающее правительство вступить въ переговоры съ другими государствами по вопросу о международномъ регулированіи условій труда. Парламентъ отвергъ это предложеніе. Въ 1886 г. соціалъ-демократическая фракція германскаго рейхстага выступила съ аналогичнымъ предложеніемъ, согласно которому парламенту предлагалось просить имперскаго канцлера въ возможно скоромъ времени разослать правительствамъ всѣхъ и преимущественно важнѣйшихъ промышленныхъ государствъ приглашеніе на конференцію съ цѣлью обсужденія основъ общаго для всѣхъ участвующихъ въ конференціи странъ рабочаго законодательства. Въ качествѣ такихъ основъ нѣмецкіе соціалъ-демократы предлагали слѣдующія нормы:

1. Максимальный рабочій день во всѣхъ предпріятіяхъ не долженъ превышать 10 часовъ.

2. Ночная работа должна быть отмѣнена во всѣхъ производствахъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ она необходима въ силу ихъ технической природы.

3. Промышленная работа дѣтей моложе 14 лѣтъ воспрещается

Въ 1888 г. католическіе соціалъ-политики Декуртинсъ и Фавонъ внесли въ швейцарскій національный совѣтъ мотивированное предложеніе—просить союзный совѣтъ принять мѣры для осуществленія международнаго соглашенія по вопросамъ рабочаго законодательства. Соглашеніе это должно касаться слѣдующихъ пунктовъ:

1) Охраны дѣтей.
2) Ограниченія женскаго труда.
3) Воскреснаго отдыха.
4) Нормальнаго рабочаго дня.

Послѣ заявленія представителя союзнаго совѣта, что послѣдній принимаетъ предложеніе Декуртинса, національный совѣтъ единогласно призналъ его „имѣющимъ значеніе“. Союзный совѣтъ тотчасъ же предпринялъ шаги къ его осуществленію. Декуртинсу было поручено составленіе докладной записки, напечатанной въ 1889 г. Сюда попали всѣ пункты первоначальнаго предложенія Декуртинса и Фавона, кромѣ нормальнаго рабочаго дня для взрослыхъ рабочихъ. Декуртинсъ предложилъ далѣе учрежденіе международнаго института труда, которому должны доставляться отчеты объ исполненіи международныхъ правилъ, и на которомъ лежало бы изслѣдованіе вопросовъ рабочаго законодательства и опубликованіе результатовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ.

Записка Декуртинса была положена въ основу выработанной союзнымъ совѣтомъ программы международной конференціи, приглашеніе на которую было разослано правительствамъ всѣхъ европейскихъ культурныхъ государствъ.

На этотъ разъ задуманная Швейцаріей международная конференція должна была, повидимому, состояться. Но на исторической сценѣ оказался человѣкъ, который неожиданно проявилъ себя энтузіастомъ той же идеи: императоръ Вильгельмъ II. Какъ извѣстно, онъ тоже задумалъ созвать въ своей странѣ международную конференцію для обсужденія вопросовъ рабочаго законодательства, и маленькій Бернъ долженъ былъ уступить большому Берлину. Дѣло отъ этого, несмотря на розовыя ожиданія профессора Иванюкова, не выиграло. Рѣшенія берлинской конференціи, при всей ихъ умѣренности, никакого международнаго значенія не имѣли. Насколько сами по себѣ легко осуществимы были нормы, которыя берлинская конференція скромно выставила, какъ „пожеланія“, явствуетъ изъ того факта, что черезъ годъ послѣ

ея засѣданій, самыя важныя изъ нихъ были осуществлены въ новеллѣ 1891 г. къ германскому уставу о промышленности—по нѣкоторымъ вопросамъ нормы новаго германскаго закона оказались даже значительно радикальнѣе „пожеланій“ конференціи.

Въ высокой температурѣ растущаго рабочаго движенія призракъ соціальной монархіи Гогенцоллерновъ быстро испарился, и вмѣстѣ съ тѣмъ идея международной законодательной охраны рабочихъ перестала, какъ говорятъ нѣмцы, быть hoffähig — ей было отказано въ „пріѣздѣ ко двору“. Для нея снова начались сѣрые демократическіе дни. Ея исторія снова переносится въ Швейцарію. Въ 1893 г. на бильскомъ съѣздѣ швейцарскаго рабочаго союза Декуртинсъ прочелъ докладъ о международномъ рабочемъ законодательствѣ и внесъ слѣдующее предложеніе: комитету союза поручается устроить собраніе делегатовъ организованныхъ рабочихъ различныхъ странъ для обсужденія и рѣшенія вопроса о международной законодательной охранѣ рабочихъ. Предложеніе это было принято значительнымъ большинствомъ, но не могло быть осуществлено въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе несочувствія рабочихъ партій другихъ болѣе крупныхъ странъ (и прежде всего, конечно, нѣмецкой соціалъ-демократіи). Для того, чтобы понять это несочувствіе (въ концѣ концовъ преодолѣнное) нужно знать, что за организація „Швейцарскій рабочій союзъ“ [1]).

Такое своеобразное явленіе могло въ концѣ XIX в. вырасти только на почвѣ швейцарской демократіи. Исторія его тѣсно связана съ исторіей другого тоже чисто швейцарскаго учрежденія, рабочаго секретаріата. Въ 1838 г. въ Женевѣ была основана знаменитая демократическая организація Швейцаріи, такъ называемое „Общество Грютли“ („Grütliverein“). Постепенно это общество становилось все болѣе и болѣе явственно органомъ интересовъ пролетаріата и, наконецъ, въ 1892 г. открыто признало себя стоящимъ на почвѣ соціалъ-демократическихъ принциповъ, сдѣлавъ соотвѣтствующее измѣненіе въ своемъ уставѣ. Тѣмъ не менѣе „Grütliverein“ остался организаціей, вполнѣ самостоятельной и, въ частности, независимой отъ соціалъ-демократической

[1]) О швейцарскомъ рабочемъ движеніи см. изслѣдованіе профессора базельскаго университета Berghoff-Ising'a: „Die sozialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz“ (Лейпцигъ, 1895). Книга эта, впрочемъ, написана тенденціозно и не безъ ошибокъ. См. рецензію священника Hofmann'a въ „Brauns Archiv für soziale Gesetzgebung“.

партіи Швейцаріи. Эта независимость позволяетъ Grütlivereiп'у— и, какъ намъ кажется, въ интересахъ дѣла — держаться своей собственной тактики. Тактической независимости Grütlivereiп'а въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ возникновеніемъ швейцарскій рабочій секретаріатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, т. е. какъ учрежденіе, содержимое на счетъ союзнаго правительства. Въ 1886 г. центральный комитетъ Grütlivereiп'а обратился къ союзному департаменту торговли и сельскаго хозяйства съ просьбой ассигновать субсидію въ пользу задуманнаго при обществѣ рабочаго секретаріата, мотивируя свое обращеніе къ правительственной помощи ссылкой на субсидированіе изъ союзныхъ средствъ буржуазныхъ учрежденій. Въ то же время Grütlivereiп ручался, что рабочій секретаріатъ не будетъ превращенъ ни въ простой органъ общаго управленія Grütlivereiп'а, ни въ орудіе какой-либо политической агитаціи; трудъ его будетъ посвященъ исключительно изученію экономическихъ вопросовъ и защитѣ хозяйственныхъ интересовъ рабочаго класса. Когда намѣренія Grütlivereiп'а стали извѣстны, то среди швейцарскихъ рабочихъ организацій раздались возраженія противъ спеціальнаго пріуроченія рабочаго секретаріата къ Grütlivereiп'у. Тогда-то, ради осуществленія секретаріата, былъ созданъ въ 1887 г. „Швейцарскій рабочій союзъ", объединяющій всѣ швейцарскія общества, большинство членовъ которыхъ состоитъ изъ швейцарскихъ рабочихъ и задача которыхъ заключается въ защитѣ интересовъ рабочаго класса. При этомъ союзѣ была учреждена должность рабочаго секретаря. Союзный совѣтъ въ первый же годъ согласился давать въ пользу этого учрежденія субсидію въ 5.000 фр., которая на слѣдующій годъ (1888) была возвышена до 10.000, а въ 1891 г.—до 20.000. Несмотря на правительственную субсидію, рабочій секретаріатъ—частное и вполнѣ независимое учрежденіе, и такъ смотритъ на него союзное правительство.

„Швейцарскій рабочій союзъ", возникшій ради осуществленія рабочаго секретаріата и явившійся иниціаторомъ цюрихскаго конгресса, представляетъ весьма пеструю организацію. Одинъ изъ недоброжелателей этой организаціи въ современномъ ея видѣ назвалъ ее существомъ съ красной головой (соціалъ-демократы), бѣлымъ тѣломъ (политически-индифферентныя и оппортунистическія хозяйственныя организаціи) и длиннымъ чернымъ хвостомъ (католическіе союзы). Дѣйствительно, здѣсь представлены рядомъ

съ радикальными соціалъ-демократами „партіи“ и умѣренными соціалъ-демократами „Grütlivereiп'а“ многоголовое католическое общество Св. Пія, которое преслѣдуетъ преимущественно религіозныя задачи, и рядъ чисто хозяйственныхъ организацій,—не только трэдъ-юніоны, но и общества (кассы) взаимопомощи на случай болѣзни.

Несмотря на пестроту состава, „Швейцарскій рабочій союзъ“ является чисто классовой организаціей, и въ этой особенности, имѣющей первостепенное значеніе, заключается тайна его относительно крупнаго вліянія и успѣха. Этому вліянію, въ концѣ концовъ, удалось преодолѣть антипатію сплоченныхъ рабочихъ партій другихъ странъ къ смѣшаннымъ конгрессамъ.

Любопытно, что, по словамъ Декуртинса, „важнѣйшимъ заявленіемъ въ пользу международнаго конгресса было письмо папы Льва XIII къ Декуртинсу [1]), письмо, въ которомъ папа привѣтствовалъ созывъ конгресса и выяснялъ необходимость международнаго регулированія охраны рабочихъ на основаніи этическихъ и экономическихъ соображеній“.

Если папа держится такого широкаго взгляда на вопросъ, то нельзя сказать того же о большинствѣ современныхъ европейскихъ правительствъ. Ихъ настроеніе съ 1890 г., со времени берлинской конференціи, значительно измѣнилось. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты, сообщенные Курти и Декуртинсомъ въ ихъ докладахъ конгрессу. Въ 1895 г. комиссія швейцарскаго національнаго совѣта занималась обсужденіемъ петицій швейцарскихъ рабочихъ союзовъ въ пользу пониженія максимальнаго рабочаго дня до 10 часовъ. Комиссія отклонила эти петиціи и мотивировала это ссылкой на условія международной конкурренціи. Но въ то же время комиссія единогласно высказалась за международное регулированіе охраны рабочихъ и рѣшила предложить союзному совѣту вновь начать переговоры съ другими державами по этому вопросу.

Оба законодательныя собранія союза дѣйствительно обратились къ союзному совѣту съ предложеніемъ такого рода. Въ теченіе 1896 г. исполнительный органъ швейцарской республики черезъ своихъ дипломатическихъ представителей конфиденціально запросилъ правительства важнѣйшихъ промышленныхъ

[1]) Декуртинсъ считается у папы persona gratissima и ему приписывается выдающееся участіе въ составленіи извѣстной соціально-политической энциклики „Rerum novarum“.

государствъ Европы, примутъ ли они участіе въ международной конференціи для обсужденія мѣръ международной законодательной охраны рабочихъ.

На вопросъ, получившій въ 1890 г., когда его постановка исходила отъ Вильгельма II, положительный отвѣтъ, 6 лѣтъ спустя швейцарскому правительству большинствомъ правительствъ былъ данъ отвѣтъ отрицательный. Поэтому на предложеніе обоихъ законодательныхъ собраній швейцарскій союзный совѣтъ въ своемъ посланіи отвѣчалъ: „У насъ составилось убѣжденіе, что для того, чтобы съ разсчетомъ на успѣхъ начать переговоры подобнаго рода, время еще не настало".

Мы сказали бы, что, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ время для этого уже прошло. Когда Легранъ въ 50-хъ гг. выставлялъ свои, для того времени довольно радикальные постулаты, то положеніе вещей было таково: для осуществленія даже минимума фабричнаго законодательства международное соглашеніе казалось безусловно необходимымъ. Теперь этого никто не думаетъ и не можетъ думать; теперь уже тотъ поводъ, по которому швейцарское правительство стало вновь лицомъ къ лицу съ вопросомъ о международномъ соглашеніи (агитація швейцарскихъ рабочихъ въ пользу законодательнаго установленія 10-часового и даже 8-часового рабочаго дня для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ), самъ по себѣ краснорѣчиво доказываетъ, что рѣчь идетъ о довольно высокихъ, подчасъ даже максимальныхъ требованіяхъ законодательной охраны. Для международнаго соглашенія въ этомъ смыслѣ почва далеко еще не готова. Необходимой предпосылкой такого соглашенія должно быть широкое развитіе законодательной охраны рабочихъ въ національныхъ рамкахъ. Неудивительно, что Швейцарія съ ея относительно весьма совершеннымъ фабричнымъ законодательствомъ, съ ея промышленностью, не опирающейся на сколько-нибудь широкій внутренній рынокъ и сильнѣйшимъ образомъ заинтересованной въ экспортѣ, ставитъ вопросъ о международномъ соглашеніи—тѣмъ болѣе, что абсолютно крошечная горсть швейцарскихъ рабочихъ отнюдь не представляетъ въ этой демократической странѣ „quantité negligeable" въ общественномъ смыслѣ. Но еще менѣе удивительно, что господствующіе классы и правительства другихъ странъ при выше охарактеризованномъ измѣнившемся положеніи вещей отнюдь не чувствуютъ охоты международной постановкой вопроса форсировать у себя развитіе фабричнаго законодательства, ко-

торое чѣмъ радикальнѣе, тѣмъ болѣе и болѣе является вынужденной уступкой требованіямъ пролетаріата. Послѣдній находится въ діаметрально-противоположномъ положеніи: онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы всѣми средствами двигать впередъ фабричное законодательство; ему измѣнившееся положеніе вещей отнюдь не сдѣлало международной постановки вопроса чѣмъ-то нежелательнымъ и непріятнымъ. Вотъ почему черезъ 7 лѣтъ послѣ берлинской конференціи 1890 года мы видимъ въ Цюрихѣ не второе ея изданіе, а нѣчто существенно отъ нея отличное и совершенно новое.

Въ самомъ дѣлѣ, каковы организація и составъ конгресса?

Согласно постановленію бильскаго съѣзда швейцарскихъ рабочихъ, подлежащій созыву международный конгрессъ долженъ былъ состоять изъ представителей всѣхъ тѣхъ рабочихъ союзовъ—безъ различія политическихъ или религіозныхъ направленій, которые признаютъ настоятельную необходимость вмѣшательства законодательной власти государства въ пользу жизни, здоровья и благосостоянія рабочаго класса. Такимъ образомъ, конгрессъ съ самаго начала былъ задуманъ, какъ классовое собраніе, но въ то же время самый предметъ его занятій исключалъ возможность присутствія на немъ представителей направленій, принципіально враждебныхъ государственному вмѣшательству указаннаго рода. Такихъ направленій два: экономическій либерализмъ непримиримо-индивидуалистическаго оттѣнка и анархизмъ. Такъ какъ первое изъ этихъ направленій въ настоящее время почти исчезло и во всякомъ случаѣ не имѣетъ сторонниковъ среди рабочаго класса, то рѣшеніе бильскаго съѣзда ясно направлялось противъ анархистовъ. Имъ дѣйствительно нечего было дѣлать на цюрихскомъ конгрессѣ.

Кромѣ членовъ конгресса съ правомъ рѣшающаго голоса, которые должны быть представителями обществъ, въ большинствѣ своемъ состоящихъ изъ наемныхъ рабочихъ, или представителями рабочихъ въ учрежденіяхъ публичнаго характера, въ конгрессѣ могли участвовать въ качествѣ гостей съ правомъ совѣщательнаго голоса лица, сочувствующія дѣлу законодательной охраны рабочихъ.

По желанію нешвейцарскихъ рабочихъ организацій въ референты по вопросамъ, составлявшимъ программу конгресса, были выбраны исключительно швейцарцы.

Конгрессъ открылся въ понедѣльникъ, 23-го августа, въ лучшемъ помѣщеніи Цюриха, въ недавно воздвигнутой Tonhalle. На первомъ засѣданіи участниковъ и посторонней публики было очень много. Изъ-за стола организаціоннаго комитета поднялся его предсѣдатель, бывшій президентъ Grütlivereiп'a, санктъ-галленскій кантональный совѣтникъ и представитель санктъ-галленскаго правительства на конгрессѣ Гейнрихъ Шерреръ (онъ крайній демократъ или умѣренный соціалъ-демократъ) и произнесъ привѣтственную рѣчь. Въ этой неблестяще составленной, а еще менѣе блестяще сказанной рѣчи слѣдуетъ отмѣтить двѣ черты, весьма характерныя для швейцарскихъ условій вообще и въ частности для положенія того направленія, къ которому принадлежитъ делегатъ санктъ-галленскаго правительства. Эти двѣ черты: во 1-хъ, значительная умѣренность въ требованіяхъ и еще болѣе въ тонѣ, которомъ выставляются эти требованія; во 2-хъ, въ связи съ первой чертой — отсутствіе той рѣзкой оппозиціонной нотки, которой окрашены всегда всѣ заявленія представителей рабочаго класса въ другихъ континентальныхъ странахъ. Шерреръ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ представителя швейцарскаго союзнаго правительства (въ качествѣ такового на конгрессъ явился пользующійся заслуженной извѣстностью фабричный инспекторъ д-ръ мед. Ф. Шулеръ) и делегатовъ цѣлаго ряда кантональныхъ правительствъ Швейцаріи (Цюриха, Берна и др.) и городского управленія Цюриха, а также оффиціальныхъ бюро труда Бельгіи и Франціи.

Большинство делегатовъ и гостей на конгрессѣ состоитъ изъ швейцарцевъ: изъ 386 делегатовъ—223, изъ 163 гостей—80, не считая правительственныхъ представителей. Далѣе идутъ: Германія съ 57 делегатами и 32 гостями, Австрія—съ 18 делегатами и 16 гостями, Франція съ 23 делегатами и 10 гостями, Англія съ 19 делегатами и 1 гостемъ, Бельгія съ 17 делегатами и 13 гостями. Впрочемъ, эти цифры, заимствованныя цюрихскими газетами изъ списковъ организаціоннаго комитета, далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: многіе делегаты и гости, прибытіе которыхъ было возвѣщено, не явились. Со стола представителей прессы я напрасно искалъ глазами анонсированныхъ (въ розданной всѣмъ посѣтителямъ конгресса брошюрѣ) Поля Лафарга и Жюля Геда, Керъ-Гарди, Гайндмена; не явились также помѣщенныя въ спискѣ гостей академическія знаменитости: Адольфъ Вагнеръ, Вернеръ Зомбартъ, Геркнеръ, фонъ-Филипповичъ. Ихъ не

было вовсе на конгрессѣ. Среди общей массы пиджаковъ въ конгрессной публикѣ выдѣлялось небольшое число женщинъ и гораздо большее число черныхъ католическихъ сутанъ. И по внѣшнему облику присутствующихъ, и по ихъ разговорамъ, которые велись преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, можно было скоро уловить, что вся масса участниковъ конгресса дѣлится на двѣ компактныя группы (не считая, конечно, разнаго рода „промежуточныхъ образованій"): на соціалъ-демократовъ и на католиковъ. Первые были въ большинствѣ, но и вторые составляли весьма почтенное меньшинство. Изъ Германіи явились испытанные руководители рабочей партіи—Либкнехтъ, Бебель, Грилленбергеръ, фонъ-Фольмаръ, Молькенбургъ; германскихъ католиковъ на конгрессѣ почти не было, ни одинъ изъ крупныхъ дѣятелей центра не явился; не было также крупныхъ представителей евангелически-національнаго соціализма, ни Науманна, ни Гере. Австрія была представлена выдающимися дѣятелями рабочей партіи: д-ромъ Викторомъ Адлеромъ, д-ромъ Пернерсторферомъ и краковскимъ депутатомъ Игнатіемъ Дашинскимъ; со стороны австрійскихъ антисемитовъ, которые, какъ извѣстно, называютъ себя Christlich-soziale, явились два вѣнскихъ депутата, Аксманнъ и Бѣлоглавекъ.

Кромѣ того, всеобщее вниманіе обращала на себя сгорбленная фигура бородатаго патера Стояловскаго, напоминающаго русскаго сельскаго священника—съ странной смѣсью наивности и хитрости на лицѣ.

Въ числѣ бельгійскихъ делегатовъ находились двѣ интересныя фигуры: соціалъ-демократъ, адвокатъ и ученый Вандервельде, одинъ изъ изящнѣйшихъ ораторовъ, когда-либо слышанныхъ мной, и католическій демократъ, аббатъ Дансъ (Daens), который на выборахъ попалъ въ перебаллотировку съ бельгійскимъ министромъ-президентомъ Вестэ и побилъ его. Изъ Франціи, за неприбытіемъ Геда и Лафарга, выдающихся представителей не оказалось. Англія была представлена тоже чрезвычайно неудовлетворительно: нѣсколько не особенно выдающихся трэдъ-юніонистовъ и затѣмъ—одни только представители т. н. „соціалъ-демократической федераціи", организаціи маловліятельной, вожди и члены которой не могутъ вовсе считаться выразителями англійскаго рабочаго движенія. Керъ-Гарди и его 5 товарищей, которые должны бы ли представлять „Independent Labour Party", не явились.

Избранный въ президенты конгресса, Шерреръ даетъ слово профессору богословія фрейбургскаго университета (въ Швейца-

ріи) Беку, докладчику по вопросу о воскресномъ отдыхѣ для рабочихъ. На трибуну всходитъ стройная и въ тоже время угловатая фигура католическаго патера, съ выразительнымъ лицомъ и энергично-жесткою складкою губъ. Бекъ, превосходный ораторъ, оживленно жестикулирующій, съ большимъ искусствомъ развиваетъ свою тему и заставляетъ себя слушать. Его аргументація проникнута демократическимъ духомъ, и даже тамъ, гдѣ онъ говоритъ, какъ представитель католическаго духовенства, въ интересахъ своей церкви, онъ чрезвычайно умѣло сочетаетъ церковныя требованія съ демократическими идеями. Гигіеническія соображенія смѣняются въ его рѣчи соціальными и политическими. Воскресный отдыхъ, говоритъ Бекъ, необходимъ рабочему населенію не только для возстановленія его силъ, не только въ интересахъ правильной семейной жизни и религіозной свободы, но и для надлежащаго пользованія политическими правами. Свободнымъ и суверенным можетъ быть только народъ, имѣющій досугъ для публичнаго обсужденія своихъ дѣлъ. Воскресный отдыхъ необходимъ для политическаго воспитанія и политической организаціи народа. Бекъ считаетъ пожеланія берлинской конференціи по вопросу о воскресномъ отдыхѣ недостаточными, хотя бы уже потому, что они ограничиваются крупной промышленностью и совсѣмъ не затрогиваютъ ремесла, торговли и транспорта. Слѣдуетъ отмѣтить, что для проведенія воскреснаго отдыха въ области транспорта Бекъ считаетъ объективно необходимымъ международное соглашеніе, ибо въ противномъ случаѣ на границахъ государствъ, которыя сократятъ товарное движеніе ради воскреснаго отдыха, будетъ происходить скопленіе и задержка огромныхъ массъ товара. Въ другихъ областяхъ труда международное соглашеніе является необходимымъ не объективно, а лишь въ виду того, что боязнь ослабить соціальными реформами силу своей страны въ международномъ соперничествѣ до сихъ поръ оказываетъ значительное вліяніе на парламенты и правительства.

Особенно энергично Бекъ высказывается въ пользу запрещенія воскресной работы женщинъ. Это необходимо въ интересахъ семьи. Почтенный богословъ смѣется надъ тѣми, кто ставитъ въ упрекъ соціализму разрушеніе семьи. Словами Маркса онъ отвѣчаетъ, что семья разрушается необузданнымъ капиталистическимъ производствомъ, которое отрываетъ грудныхъ младенцевъ отъ матерей и бросаетъ послѣднихъ на фабрику. Запрещеніе воскрес-

ной работы женщинъ тѣмъ настоятельнѣе, что, какъ показали изслѣдованія д-ра Шулера и Буркгардта, заболѣваемость женщинъ-работницъ въ общемъ гораздо выше, чѣмъ заболѣваемость мужчинъ, работающихъ въ тѣхъ же производствахъ. Это указываетъ на меньшую силу сопротивленія женскаго организма вреднымъ вліяніямъ переутомленія. Законодательству необходимо считаться съ этимъ фактомъ. Въ связи съ запрещеніемъ воскресной работы для женщинъ Бекъ отстаиваетъ расширеніе воскреснаго отдыха женщинъ на пополуденные часы субботы. Это требованіе живо обсуждается въ Швейцаріи, и союзное правительство уже занялось имъ, поручивъ фабричнымъ инспекторамъ произвести соотвѣтствующій опросъ работницъ и фабрикантовъ. Опросъ этотъ привелъ швейцарскую фабричную инспекцію къ выводу, что, такъ какъ значительная потеря рабочаго времени, связанная съ законодательнымъ проведеніемъ субботняго отдыха, можетъ помѣшать пересмотру фабричнаго закона въ смыслѣ сокращенія максимальнаго рабочаго дня до 10 часовъ, то слѣдуетъ удовлетвориться въ законѣ предоставленіемъ работницамъ права заявлять о своемъ нежеланіи работать въ субботу пополудни [1]). Хотя союзный фабричный инспекторъ Шулеръ и выражаетъ надежду, что швейцарскій рабочій классъ не будетъ настаивать на законодательномъ установленіи субботняго отдыха для женщинъ, дабы не помѣшать успѣшному проведенію сокращенія нормальнаго рабочаго дня, однако, изъ доклада Бека, безусловнаго сторонника указаннаго требованія, слышится противоположная увѣренность. Бекъ говоритъ, что правленіе „швейцарскаго рабочаго союза“ отнеслось сочувственно къ рѣшенію, принятому состоявшимся лѣтомъ 1897 года съѣздомъ представительницъ швейцарскихъ союзовъ работницъ въ пользу субботняго отдыха.

Фрейбургскій богословъ закончилъ свой докладъ горячимъ призывомъ къ энергичной совмѣстной борьбѣ за воскресный отдыхъ. Въ его эмфатическихъ заключительныхъ словахъ чувствовалось извѣстное клерикальное преувеличеніе, но я не могу скрыть, что эта рѣчь и другія заявленія представителей католическаго духовенства на конгрессѣ невольно заставили меня вновь сознать и, такъ сказать, почувствовать ту неоспоримую — печальна она или утѣшительна, это другой вопросъ—истину, что и современное

[1]) См. Dr. F. Schuler, Die Verkürzung der Samstag—Nachmittagfabrikarbeit in der Schweiz въ Brauns Archiv за текущій годъ.

католичество представляетъ еще огромную культурную силу и притомъ силу корпораціи. Католическая церковь не государственное „вѣдомство“, какъ протестантскія „Landeskirchen“, въ значительной мѣрѣ созданныя неутолимымъ земельнымъ аппетитомъ нѣмецкихъ князей, и нѣкоторыя аналогичныя учрежденія въ другихъ странахъ, а могущественная корпорація, самостоятельно преслѣдующая свои культурныя цѣли, которыя, конечно, нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ истинной культурой.

Корреферентомъ по вопросу о воскресномъ отдыхѣ выступилъ санктъ-галленскій редакторъ, соціалъ-демократъ П. Брандтъ. Онъ заявилъ, что его партія высказывается за воскресный отдыхъ, конечно, не по религіознымъ, а по соціальнымъ и классовымъ мотивамъ. Бекъ преувеличиваетъ значеніе вопроса о воскресномъ отдыхѣ; центръ тяжести рабочаго законодательства не въ немъ, а въ максимальномъ рабочемъ днѣ для взрослыхъ мужчинъ. Въ тезисахъ докладчика Брандтъ желалъ бы измѣнить вступительную фразу и формулировать ее въ болѣе рѣзкомъ смыслѣ, сказавъ, что проведеніе воскреснаго отдыха есть обязанность государства. По воскресеньямъ рабочій долженъ имѣть возможность въ самомъ широкомъ размѣрѣ пользоваться образовательными учрежденіями и средствами: музеями и лекціями, а также облагораживающими душу и разумными развлеченіями.

Начались дебаты. На трибунѣ появился высокій старикъ, имя и сочиненія котораго хорошо извѣстны каждому экономисту: другъ Родбертуса, соціальный консерваторъ д-ръ Рудольфъ Мейеръ, бѣжавшій когда-то (20 лѣтъ тому назадъ) изъ Германіи отъ судебнаго преслѣдованія за оскорбленіе Бисмарка. Въ своемъ докладѣ Бекъ упомянулъ объ обычной ссылкѣ на международную конкурренцію, какъ на препятствіе дальнѣйшему развитію рабочаго законодательства въ національныхъ рамкахъ. Мейеръ объявляетъ эту ссылку совершенно устарѣлой и прямо вздорной. „Если мы хотимъ, — заявляетъ онъ, — отразить грозящую намъ „желтую бѣду“, конкурренцію дешевыхъ рабочихъ силъ Китая и Японіи, то для этого намъ нуженъ сильный, интеллигентный, производительный классъ рабочихъ, а такой классъ можетъ быть созданъ лишь хорошимъ охранительнымъ законодательствомъ“. Прекрасный знатокъ экономики сельскаго хозяйства, Мейеръ высказывается въ пользу субботняго отдыха для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Иначе они будутъ лишены воскреснаго отдыха, такъ какъ воскресенье у нихъ уходитъ на обработку въ свою

пользу маленькаго клочка земли, (натуральный доходъ съ котораго входитъ составной частью въ заработную плату сельскаго рабочаго).

Старика Мейера на каѳедрѣ смѣняетъ тоже немолодой ораторъ—д-ръ Пернерсторферъ: 12 лѣтъ онъ провелъ въ австрійскомъ рейхсратѣ; выбранный туда нѣмецкими націоналистами, онъ посвятилъ всю свою парламентскую дѣятельность защитѣ интересовъ рабочаго класса, и теперь стоитъ въ рядахъ соціалъ-демократической партіи. Пернерсторферъ дѣлаетъ къ тезисамъ Бека нѣсколько добавленій, изъ которыхъ самое существенное заключается въ требованіи, чтобы въ самомъ законѣ продолжительность воскреснаго отдыха была опредѣлена въ 36 часовъ. „Соціалъ-демократія—заявилъ онъ,—требуетъ отдыха не только по воскреснымъ, но и по праздничнымъ днямъ“—къ нимъ онъ причисляетъ и 1-е мая, рабочій праздникъ. Но на цюрихскомъ конгрессѣ, гдѣ собрались представители разныхъ политическихъ партій, этого спеціально соціалъ-демократическаго требованія они не выставляютъ.

Пернерсторферъ, кромѣ того, требуетъ, чтобы соблюденіе воскресенья не препятствовало массѣ народа пользоваться воскреснымъ отдыхомъ съ цѣлями образованія и развлеченія.

Членъ англійской „Socialdemocratic federation“ и редакторъ газеты „Justice“ Квелчъ (Quelch) съ большимъ азартомъ возражаетъ противъ выбора воскресенья, какъ дня отдохновенія. „Воскресенье въ Англіи,—заявляетъ онъ,—самый печальный день“. Профессоръ Бекъ ошибается, говоря, что въ Англіи воспрещена всякая воскресная работа на фабрикахъ. Фабричная работа взрослыхъ мужчинъ по воскресеньямъ не воспрещена въ Англіи закономъ. Но англійскій законъ запрещаетъ почти безусловно всякую торговлю въ воскресные дни, и, поэтому, въ то время какъ фабричная работа можетъ безпрепятственно производиться, несмотря на соблюденіе воскресенья, любой ханжа въ правѣ начать судебное преслѣдованіе противъ мальчика, предлагающаго по воскресеньямъ прохожимъ газету. Англійское воскресенье есть выраженіе лицемѣрія, и англійская делегація, будучи безусловно за установленіе въ законѣ свободнаго отъ работы недѣльнаго промежутка въ 36 часовъ, столь же рѣшительно высказывается противъ выбора воскресенья.

О воскресномъ отдыхѣ говорятъ еще вѣнскій антисемитъ Бѣлоглавекъ и брауншвейгскій судья д-ръ Кулеманъ. Первый счи-

таетъ своей обязанностью протестовать противъ якобы дарвинистическаго ученія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; для чего понадобился этотъ протестъ на цюрихскомъ конгрессѣ, такъ и осталось тайной Бѣлоглавека. Судья Кулеманъ дѣлаетъ нѣсколько дѣловыхъ и дѣльныхъ возраженій противъ частностей одного тезиса Бека. Это — интересная фигура. Когда-то онъ сидѣлъ въ германскомъ рейхстагѣ, въ качествѣ національ-либеральнаго депутата отъ Брауншвейга, но былъ подобно многимъ національ-либераламъ выбитъ съ своей позиціи соціалъ-демократами. Эта бѣда лично Кулеману, повидимому, пошла на пользу. Изъ него выработался хорошій спеціалистъ по соціальной политикѣ, сочиненія котораго можно почитать съ пользою. Когда-то Кулеманъ былъ „Sozialistenfresser“ и сторонникомъ исключительнаго закона противъ соціалъ-демократовъ. Теперь онъ держится иныхъ взглядовъ. Намъ пришлось присутствовать въ ресторанѣ Tonhalle при бесѣдѣ почтеннаго судьи съ Пернерсторферомъ и д-ромъ Брауномъ, редакторъ извѣстнаго „Archiv'a für soziale Gesetzgebung“, гдѣ Кулеманъ часто помѣщаетъ свои содержательныя статьи. Пернерсторферъ и Браунъ, оба — вѣнцы, съ свойственнымъ вѣнцамъ юморомъ задавали Кулеману ехидные вопросы насчетъ перемѣны въ его воззрѣніяхъ. Кулеманъ отбояривался малоубѣдительными ссылками на измѣнившійся характеръ нѣмецкой соціалъ-демократіи, и Браунъ удачно резюмировалъ безспорный результатъ разговора, когда съ серьезнѣйшимъ видомъ, но съ добродушной насмѣшкой въ глазахъ и иронически-торжественнымъ голосомъ замѣтилъ: „положимъ, нѣмецкая соціалъ-демократія не измѣнилась, но г. членъ окружного суда Кулеманъ основательно измѣнилъ свои воззрѣнія“. Мы всѣ разсмѣялись, и ученый судья улыбался съ нами.

Но перейдемъ снова къ тому, что творилось coram populo. Профессоръ Бекъ согласился на поправки Пернерсторфера, и нѣсколько измѣненные тезисы докладчика были приняты подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Протесты англійскихъ соціалъ-демократовъ противъ воскресенья не были приняты во вниманіе. Сущность рѣшеній сводится къ требованію воскреснаго отдыха для всѣхъ наемныхъ рабочихъ безъ различія профессій. Исключенія должны допускаться лишь постольку, поскольку воскресный трудъ необходимъ для того, чтобы въ понедѣльникъ работа могла быть возобновлена въ полномъ объемѣ или поскольку непрерывная работа представляется неизбѣжной въ силу техническихъ

особенностей производства, а также—въ тѣхъ отрасляхъ труда, непрерывное функціонированіе которыхъ необходимо для того, чтобы масса населенія могла бы пользоваться воскресеньемъ для своего образованія и развлеченія. Исключенія противъ общаго запрета воскресной работы не должны быть предоставлены усмотрѣнію административныхъ властей, а подлежать, по возможности, опредѣленію въ самомъ законѣ. Рабочіе, которые будутъ занимаемы въ воскресные дни, должны пользоваться свободой каждое второе воскресенье, и кромѣ того, вмѣсто рабочаго воскресенья имъ долженъ быть предоставленъ отдыхъ въ другой день недѣли. Продолжительность воскреснаго отдыха должна быть опредѣлена въ законѣ въ 36 часовъ безъ перерыва.

Слѣдующій день былъ посвященъ вопросу о работѣ дѣтей и подростковъ. Этому засѣданію предшествовало уже предварительное обсужденіе вопроса и выработка тезисовъ въ секціи. Тѣмъ не менѣе, и въ общемъ собраніи говорили много и горячо. Референтъ д-ръ Геригъ (Gehrig) изъ Берна прочелъ маленькій, но содержательный докладъ, построенный, сообразно существу темы, преимущественно на гигіеническихъ соображеніяхъ. Онъ предлагалъ безусловно воспретить работу дѣтей до 14 лѣтъ, но секція повысила свободный отъ труда возрастъ до 15 лѣтъ. Главные дебаты вертѣлись вокругъ этого пункта, въ которомъ законодательная охрана дѣтей перекрещивается съ школьнымъ вопросомъ. Секція приняла слѣдующее рѣшеніе: до 15 лѣтъ всѣ дѣти обязаны посѣщать народную школу. Какъ извѣстно, крестьяне и мелкіе ремесленники (въ особенности первые)—большіе противники продолжительнаго ученія, которое отнимаетъ у нихъ рабочую силу дѣтей. Поэтому и партіи, представляющія эти соціальныя группы, тоже не сочувствуютъ обязательному обученію, разсчитанному на многіе годы. Для нихъ слишкомъ много и обученія до 14 лѣтъ. Между тѣмъ принудительное обученіе есть существеннѣйшее дополненіе законодательной охраны дѣтей. Безъ ученія дѣтямъ будетъ нечего дѣлать и затѣмъ ихъ гораздо легче заставить работать. Кромѣ того, современныя политическія и соціальныя условія требуютъ постояннаго повышенія умственнаго уровня народныхъ массъ; наконецъ, самъ народъ требуетъ этого.

Предводители католически-соціальнаго (кромѣ швейцарцевъ) и евангелически-соціальнаго направленій рѣшительно протестуютъ на конгрессѣ противъ смѣшенія вопроса о законодательной охранѣ дѣтей со школьнымъ вопросомъ. Въ такомъ смыслѣ говоритъ,

между прочимъ, депутатъ австрійскаго парламента Аксманнъ: вмѣстѣ съ однимъ патеромъ онъ несогласенъ на запрещеніе дѣтскаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Этотъ патеръ заявилъ, что если конгрессъ приметъ рѣшеніе въ такомъ смыслѣ, то всѣ крестьяне отъ Пиринеевъ до сѣвернаго моря предадутъ его осмѣянію. Единственный нешвейцарскій католикъ, признавшій связь между вопросомъ о дѣтскомъ трудѣ и школьнымъ вопросомъ, былъ бельгійскій аббатъ Дансъ. Это—типичный католическій патеръ, сильно напоминающій фигуры монаховъ на извѣстныхъ картинахъ Грютцнера,—съ круглымъ, хитро улыбающимся лицомъ. Говоритъ онъ превосходно. Собраніе слушало его съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя онъ все время уклонялся отъ темы. Когда аббатъ съ достаточно выразительной мимикой сказалъ, что „законы суть паутина, въ которой бѣдные застрѣваютъ какъ мухи, и которую богатые прорываютъ, какъ осы“ и въ связи съ этимъ указаніемъ, объявилъ себя горячимъ сторонникомъ рабочихъ коалицій, то и правая, и лѣвая сторона конгресса разразились аплодисментами. Аббатъ Дансъ, впрочемъ, вовсе не соціалистъ и въ этой же рѣчи онъ выразилъ свою глубокую вѣру въ вѣчное существованіе трехъ классовъ: высшаго, средняго и низшаго.

Педагогъ, вѣнскій приватъ-доцентъ Рейхъ считаетъ школьный вопросъ необходимой интегральной частью вопроса объ охранѣ дѣтей. Онъ проситъ конгрессъ установить школьный возрастъ въ 15 лѣтъ. Какъ преподаватель народнаго университета, онъ убѣдился въ неудовлетворительности и недостаточности существующей школы. Часто только въ 15 лѣтъ ребенокъ оказывается воспріимчивымъ къ умственнымъ возбужденіямъ и обнаруживаетъ интересъ къ наукѣ. „Здѣсь рекомендовали — говоритъ Рейхъ — умѣрить свои требованія и предоставить многое будущему. Но нельзя оставлять всего позднѣйшимъ поколѣніямъ; если бы наши предки поступали такъ, то мы до сихъ поръ бродили бы, какъ дикари, въ первобытныхъ лѣсахъ“.

Рудольфъ Мейеръ тоже требуетъ полнаго освобожденія дѣтей отъ всякаго механическаго труда, въ томъ числѣ и сельскохозяйственнаго. Чешскій соціалъ-демократъ, Нѣмецъ указываетъ на эксплуатацію дѣтей въ качествѣ ремесленныхъ учениковъ и проситъ сдѣлать въ тезисахъ спеціальное упоминаніе о ремесленномъ ученичествѣ. Д-ръ Кваркъ особенно настаиваетъ на необходимости запрещенія дѣтскаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Мѣ-

стами — говоритъ Кваркъ — въ Германіи ведется форменная торговля дѣтьми — сельскохозяйственными рабочими, и притомъ торговля эта производится подъ руководствомъ и покровительствомъ католическихъ патеровъ. Ораторъ рекомендуетъ присутствующимъ членамъ католическаго духовенства обратить вниманіе на эти безобразія. Депутатъ отъ Гамбурга, Молькенбургъ тоже протестуетъ противъ попытки поставить сельское хозяйство въ исключительное положеніе по отношенію къ дѣтскому труду. Школьный возрастъ до 15 лѣтъ былъ установленъ—указываетъ онъ—даже въ знаменитомъ (взятомъ назадъ) школьномъ законопроектѣ реакціоннаго прусскаго министра фонъ-Цедлитца.

Соціалъ-демократъ Берроусъ (Burrows) отъ имени англичанъ требуетъ запрещенія дѣтскаго труда до 16 лѣтъ. Необходимо поставить дѣтей всѣхъ классовъ въ равныя условія. Если современное общество нуждается въ дѣтскомъ трудѣ для своего существованія, то дни его сочтены. Къ сожалѣнію Берроусъ заканчиваетъ свою прекрасную и сильную рѣчь нелѣпымъ указаніемъ, что у краснокожихъ и негровъ не существуетъ дѣтскаго труда и что современному обществу стыдно отставать отъ дикарей. Вообще англійскіе такъ называемые „соціалъ-демократы“ никогда не упускаютъ случая превознести дикарей насчетъ капиталистическаго общества. Несостоятельность этой романтики во вкусѣ Руссо, какъ вообще, такъ въ особенности съ соціалъ-демократической точки зрѣнія, не нуждается въ комментаріяхъ. Другой ораторъ (тоже соціалъ-демократъ) Мекдональдъ по поводу тезиса секціи, предлагающаго безусловное воспрещеніе работы подростковъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, снова говоритъ объ англійскомъ воскресеньѣ: его, какъ и другихъ англійскихъ ораторовъ, почти не слушаютъ, потому что мало кто въ собраніи понимаетъ по-англійски, но онъ не смущается этимъ. Въ этихъ повторяющихся вылазкахъ англійскихъ соціалъ-демократовъ противъ воскресенья, какъ ни понятны ихъ мотивы, чувствуются и значительныя преувеличенія и что-то доктринерски надуманное и искусственное. Когда переводчики на нѣмецкій и французскій языки сообщили конгрессу содержаніе рѣчи Мекдональда, то на лицахъ многихъ слушателей отразилась не то иронія, не то раздраженіе.

Принятые большинствомъ конгресса тезисы по вопросу о трудѣ дѣтей и подростковъ гласятъ:

1) Дѣтямъ въ возрастѣ моложе 15 лѣтъ воспрещается вся-

кій наемный трудъ. До 15 лѣтъ всѣ дѣти обязаны посѣщать школу.

2) Подростки-рабочіе и ремесленные ученики въ возрастѣ отъ 15—18 лѣтъ не должны быть занимаемы работой болѣе 8 часовъ въ день; послѣ 4 часовъ непрерывной работы должна быть пауза по меньшей мѣрѣ въ $1^1/_2$ часа.

3) Въ эти рабочіе часы входитъ время, которое должно быть предоставлено ученикамъ и подросткамъ для посѣщенія общихъ и профессіональныхъ дополнительныхъ классовъ.

4) Подросткамъ и ученикамъ до 18 лѣтъ запрещается всякій наемный трудъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Противъ перваго тезиса голосовали всѣ нешвейцарскіе католики. Второй тезисъ возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія въ виду рѣшенія конгресса по другимъ пунктамъ программы. Какъ мы увидимъ дальше, большинство конгресса высказалось за 8-часовой день для взрослыхъ рабочихъ и, такимъ образомъ, никакого различія въ продолжительности дневного труда подростковъ и взрослыхъ не было установлено, что̀ теоретически и принципіально едва ли правильно, хотя и не имѣетъ непосредственнаго практическаго значенія.

Говорили на конгрессѣ на трехъ языкахъ: на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ (разъ, впрочемъ, была произнесена и итальянская рѣчь). Рѣчи, произнесенныя на одномъ изъ языковъ конгресса, переводились—сокращенно, конечно,—на два другіе языка. Особеннымъ переводческимъ искусствомъ отличался бернскій делегатъ, д-ръ Брюстлейнъ; онъ переводилъ художественно съ нѣмецкаго языка на французскій и обратно, но иногда, къ сожалѣнію, позволялъ себѣ, ради blague, сыронизировать надъ ораторомъ, мысль котораго передавалъ, или выкинуть какую нибудь иную штуку. Прекрасно переводила на французскій и нѣмецкій языкъ извѣстная Клара Цеткина, душа соціалъ-демократическаго движенія нѣмецкихъ работницъ, лучшій ораторъ женскаго пола въ Германіи.

Третій день конгресса долженъ былъ быть посвященъ вопросу о женскомъ трудѣ, но этотъ вопросъ вызвалъ столь оживленныя и страстныя пренія въ секціи, что тамъ не успѣли еще во вторникъ окончить его обсужденіе, и потому въ среду на очередь былъ поставленъ вопросъ о трудѣ взрослыхъ мужчинъ,

По объективнымъ соображеніямъ можно было бы ожидать, что на нейтральномъ конгрессѣ этотъ вопросъ возбудитъ наиболѣе споровъ, тѣмъ болѣе, что выставленные референтомъ, цюрихскимъ соціалъ-демократомъ и окружнымъ судьей О. Лангомъ [1]), тезисы были достаточно радикальны. Но не надо забывать, что цюрихское собраніе въ огромномъ большинствѣ состояло изъ представителей рабочаго класса. Съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ говорилъ и референтъ. Если буржуазная политическая экономія считаетъ требованіе сокращенія рабочаго времени правильнымъ, поскольку слишкомъ продолжительная работа — какъ выражается Шенбергъ — „наноситъ ущербъ здоровью и нравственному и духовному благосостоянію рабочихъ“, то сами рабочіе—указываетъ докладчикъ—стоятъ на принципіально иной точкѣ зрѣнія. Выставляя требованіе сокращенія рабочаго времени, они желаютъ обезпечить себѣ участіе въ выгодахъ, получаемыхъ отъ повышенія производительности труда или, другими словами, они стремятся какъ можно дороже продать свою рабочую силу, стремленіе, въ которомъ они — остроумно вставляетъ Лангъ — совершенно сходятся съ высшими классами. Иначе ту же мысль можно выразить такъ: добиваясь сокращенія рабочаго времени, пролетаріатъ преслѣдуетъ цѣль сокращенія не просто труда, а наемнаго труда и, стало быть, пониженія нормы прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности.

Изъ экономическихъ послѣдствій сокращенія рабочаго времени самымъ важнымъ явится преобразованіе техники. Увеличеніе издержекъ производства заставитъ предпринимателей возмѣстить ущербъ интенсификаціей труда, которая—въ широкихъ размѣрахъ—невозможна безъ улучшенія техники. Улучшеніе же техники означаетъ торжество крупнаго производства. Такимъ образомъ, сокращеніе рабочаго времени, какъ всякая другая рѣшительная мѣра охранительнаго законодательства въ пользу рабочихъ, содѣйствуетъ капиталистическому накопленію и обобществленію труда. Всякая попытка устранить такое дѣйствіе охраны рабочихъ можетъ быть произведена лишь на счетъ рабочаго класса.

Докладчикъ думаетъ, что конгрессъ, представляя интересы этого класса, не можетъ, рѣшая вопросъ о сокращеніи рабочаго

[1]) Да не удивляется читатель. Въ Швейцаріи есть соціалъ-демократы во всѣхъ сферахъ бюрократіи и магистратуры; во главѣ цюрихской полиціи стоитъ соціалъ-демократъ.

времени, установить иной нормы, кромѣ той, которая опредѣляется техническими моментами. Онъ долженъ требовать того, что технически осуществимо. Для экономической осуществимости нѣтъ никакого единообразнаго масштаба. Она измѣряется, по большей части, субъективными факторами, о которыхъ, однако, рабочему классу въ его борьбѣ за свои интересы нечего безпокоиться. Если какой-нибудь предприниматель объявляетъ, что онъ не выдержитъ конкурренціи при сокращеніи рабочаго времени съ 11 часовъ до 10, то это указаніе, быть можетъ, совершенно вѣрно, но ничего не говоритъ противъ требованія уменьшенія рабочаго времени. Рабочій классъ справедливо протестуетъ противъ того, чтобы дефицитъ, порождаемый устарѣлыми способами производства, былъ взваливаемъ на него. Принципіально онъ не долженъ признавать никакого другого возраженія, кромѣ того, что состояніе техники въ данный моментъ не допускаетъ требуемаго сокращенія рабочаго времени.

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Лангъ предлагаетъ конгрессу присоединиться къ выставленному представителями пролетаріата на парижскомъ конгрессѣ 1889 г. требованію 8-ми часового рабочаго дня для всѣхъ производствъ. Эта норма, или, вѣрнѣе, этотъ максимумъ долженъ быть установленъ закономъ. Сокращеніе рабочаго времени, безъ помощи закона, путемъ давленія рабочихъ коалицій на предпринимателей, не можетъ быть ни прочнымъ, ни всеобщимъ. Въ Германіи и Швейцаріи, гдѣ изъ всѣхъ странъ европейскаго континента существуютъ наиболѣе крѣпкія профессіональныя организаціи рабочихъ, организованные въ союзы рабочіе составляютъ едва 8% всѣхъ наемныхъ рабочихъ. Лангъ цитируетъ заявленіе Джона Рэ, автора извѣстной монографіи о 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ, что „идея всеобщаго, установленнаго закономъ, 8-ми часового рабочаго дня не находитъ себѣ сочувствія нигдѣ, кромѣ какъ у горсти непрактичныхъ соціалистовъ“. Между тѣмъ, только что закончившійся бирмингамскій конгрессъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, какъ извѣстно, въ большинствѣ своемъ состоящихъ отнюдь не изъ непрактичныхъ людей, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, представлявшимъ болѣе 900.000 организованныхъ рабочихъ Англіи, рѣшительно высказался въ пользу законодательнаго установленія 8-ми часового рабочаго дня. Лангъ во всякомъ случаѣ правъ, говоря, что на континентѣ мыслимъ только одинъ дѣйствительно

практическій способъ сокращенія рабочаго времени—путь обязательнаго для обѣихъ сторонъ закона.

„Опытъ Швейцаріи съ осуществленіемъ нормальнаго рабочаго дня,—такъ закончилъ свой докладъ Лангъ,—даетъ основаніе думать, что введеніе максимальнаго рабочаго дня и прогрессивное сокращеніе рабочаго времени возможно безъ вреда для промышленности и безъ нарушенія хода отдѣльныхъ предпріятій. А тамъ, гдѣ дѣло идетъ о свободѣ и благосостояніи милліоновъ рабочихъ, возможность становится политической необходимостью".

Французскій корреферентъ національный совѣтникъ Сурбекъ (Sourbeck, тоже соціалъ-демократъ) не прибавилъ ничего существеннаго къ аргументамъ Ланга.

Относительно дебатовъ слѣдуетъ замѣтить, что правая конгресса въ лицѣ Кулемана, патера Обердерфера (изъ рейнской Пруссіи), Аксманна и др. стоитъ за установленіе различныхъ нормъ для различныхъ производствъ. Кулеманъ допускаетъ даже возможность нормъ ниже 8 часовъ, т. е. 7-ми и 6-ти часовыхъ. Разныя производства требуютъ разной затраты мышечно-нервной энергіи. Законодательству необходимо съ этимъ считаться. Кулеману возражаетъ вѣнскій экономистъ д-ръ Отто Виттельсгеферъ (Wittelshöfer), принадлежащій къ вѣнскимъ, такъ называемымъ, „соціалъ-политикамъ" [1]) и К. Грилленбергеръ, извѣстный соціалъ-демократическій депутатъ отъ средневѣковаго по стилю зданій, но вполнѣ современнаго по духу жителей стараго города Нюрнберга. Виттельсгеферъ говоритъ, что невозможно найти удовлетворительный объективный критерій для опредѣленія трудности той или другой работы; трудность эта, кромѣ того, всецѣло зависитъ отъ быстро мѣняющейся техники. Установленіе различныхъ нормъ въ огромной степени способно усложнить и затруднить надзоръ за исполненіемъ закона. Словомъ, такая мѣра непрактична и неосуществима именно при капиталистическомъ производствѣ.

Грилленбергеръ отвѣчаетъ на сдѣланный Кулеманомъ упрекъ нѣмецкой соціалъ-демократіи въ томъ, что она отступилась отъ своего прежняго предложенія—лишь постепенно перейти къ 8-ми-часовому рабочему дню. Соціалъ-демократическая фракція сдѣ-

[1]) Виттельсгеферъ былъ долгое время директоромъ одного изъ крупнѣйшихъ банковъ Вѣны и считается превосходнымъ спеціалистомъ банковаго дѣла.

лала это измѣненіе, уступая требованіямъ, исходившимъ отъ самихъ рабочихъ, и вполнѣ убѣдившись въ ихъ осуществимости.

Съ наслажденіемъ все собраніе безъ различія направленій слушаетъ Вандервельде. Этотъ мастеръ живого слова не говоритъ ничего новаго, но онъ говоритъ съ такимъ убѣжденіемъ, такъ красиво въ лучшемъ смыслѣ слова, что нельзя не поддаться очарованію. Сокращенія рабочаго времени,—замѣчаетъ онъ, — требуютъ теперь и разумные представители буржуазіи, ради сохраненія и улучшенія той рабочей машины, которой является человѣческій организмъ. Мы же требуемъ этого ради полноты человѣческой личности. Мы защищаемъ интересы человѣка не какъ машины, а какъ мыслящаго существа, мы хотимъ совершенствовать не l'homme-machine, но l'homme-cerveau.

Значительнымъ большинствомъ голосовъ конгрессъ принимаетъ тезисы секціи. Тезисы эти таковы:

1) Конгрессъ считаетъ настоятельно необходимымъ введеніе закономъ установленнаго максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ и служащихъ въ промышленности, въ ремеслахъ, въ торговыхъ заведеніяхъ, въ учрежденіяхъ транспорта и сношеній, въ крупныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ, а также въ предпріятіяхъ государства и общественныхъ учрежденій.

Для сельскаго хозяйства во время жатвы могутъ быть допускаемы изъятія.

2) При современномъ состояніи техники и въ виду прекрасныхъ опытовъ съ сокращеніемъ рабочаго времени до 8 и 9 часовъ въ разныхъ отрасляхъ и странахъ, конгрессъ требуетъ отъ правительствъ и законодательныхъ собраній, чтобы они признали 8-ми-часовой рабочій день за цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться.

3) Тамъ, гдѣ переходъ къ восьмичасовому дню еще невозможенъ, слѣдуетъ съ прогрессомъ техники въ качествѣ переходной мѣры установить возможно близкій къ 8-ми-часовому максимальный рабочій день.

4) Законъ долженъ, за исключеніемъ случаевъ, когда совершенно особенныя условія настоятельно предписываютъ другой способъ нормировки, установить для всѣхъ производствъ одно и то же максимальное рабочее время.

5) Поскольку законъ допускаетъ исключенія изъ общаго правила о максимальномъ рабочемъ днѣ, условія такихъ исключеній и дозволенная продолжительность такъ называемой сверхурочной

работы въ теченіе дня и въ теченіе года должны быть точно указаны въ своемъ законѣ.

Въ связи съ темой третьяго засѣданія слѣдуетъ упомянуть, что еще въ первое засѣданіе конгрессъ по предложенію д-ра Адлера принялъ резолюцію, выражающую сочувствіе англійскимъ машиностроительнымъ рабочимъ, ведущимъ теперь грандіозную борьбу за 8-ми-часовой рабочій день.

Четвертый день былъ посвященъ вопросу о женскомъ трудѣ. Референтомъ на эту тему явился женевскій соціалъ-демократъ Жанъ Сигъ (Sigg), корреферентkой—m-lle Грейлихъ, дочь стараго дѣятеля швейцарскаго рабочаго движенія Германна Грейлиха, который должность директора цюрихскаго кантональнаго статистическаго бюро промѣнялъ на учрежденную въ 1887 г. должность рабочаго секретаря. Ни рефератъ, ни коррефератъ не представляли ничего выдающагося, являясь болѣе или менѣе удачнымъ комментаріемъ сообщаемыхъ ниже тезисовъ. Сигъ, впрочемъ, въ своемъ рефератѣ предлагалъ нѣкоторые тезисы, которые не попали въ число принятыхъ секцій. Такъ, одинъ изъ нихъ, касающійся порученія надзора за женскимъ трудомъ фабричнымъ инспекторамъ женскаго пола, избираемымъ работницами, былъ отнесенъ къ другому отдѣлу программы: „Средства и пути къ осуществленію законодательной охраны рабочихъ“. Другой,—возлагающій на предпринимателя отвѣтственность за гигіеничность обстановки, въ которой трудятся работающія за его счетъ женщины, совершенно исчезъ, вѣроятно, потому, что конгрессъ, какъ мы увидимъ дальше, вообще уклонился отъ детальнаго обсужденія не поставленнаго на программу вопроса о домашней промышленности.

Содержаніе рефератовъ еще не предвѣщало бурныхъ преній, но уже въ секціи, въ помѣщеніе которой за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ одно время даже не допускались представители прессы, а потому не могъ попасть и вашъ покорнѣйшій слуга, борьба двухъ направленій: соціально-клерикальнаго и соціалъ-демократическаго—была въ полномъ разгарѣ, и нетрудно было предвидѣть, что она повторится и въ общемъ собраніи. Представители соціально-клерикальнаго направленія объявили себя рѣшительными противниками фабричнаго труда женщинъ. Женшина должна принадлежать семьѣ. Въ этомъ смыслѣ энергично высказывается католическій демократъ, бельгіецъ Гастонъ де-Віаръ (de Wiars). Первой застрѣльщицей противоположнаго взгляда явилась на ка-

ѳедрѣ г-жа Лилли Браунъ, по первому замужеству Гижицкая, вдова извѣстнаго и симпатичнаго профессора этики Берлинскаго университета, а теперь жена редактора „Archiv'a für soziale Gesetzgebung" д-ра Гейнриха Брауна. У этой изящной дамы, защитницы женскаго труда, очень женственная манера говорить, до того женственная, что подчасъ кажется, будто она робѣетъ. Но г-жа Браунъ очень смѣло безъ предисловій подходитъ къ нѣкоторымъ существеннымъ сторонамъ разногласія. Во имя свободы женской личности она высказывается за свободу женскаго труда. Запрещеніе его могущественнымъ образомъ содѣйствовало бы распространенію проституціи. Говорятъ, это—неудобная тема, но священнѣйшее право женщинъ затрогивать ее. Если вы запретите фабричный трудъ женщинамъ, то такой запретъ будетъ на самомъ дѣлѣ поощреніемъ не только проституціи, но и домашней промышленности. Домъ превратится въ мастерскую, и тогда явится еще болѣе злая эксплуатація женскаго труда.

Г-жу Браунъ пламенной рѣчью поддерживаетъ Клара Цеткина, у которой женственнымъ, но, къ сожалѣнію, некрасиво женственнымъ, можно назвать только голосъ. Въ ея рѣчи звучитъ убѣжденность, сила, увѣренность въ конечномъ торжествѣ своихъ идей. Побѣда въ классовой борьбѣ пролетаріата, — говоритъ она, — возможна лишь при участіи женщины, а для этого необходимо, чтобы женщина участвовала въ профессіональномъ трудѣ. Мы требуемъ его для женщины не только въ интересахъ женской личности, но и въ интересахъ семьи, семьи будущаго, которая будетъ покоиться на равноправности мужчины и женщины; только такая равноправность превратитъ бракъ въ нравственный союзъ. Для равноправности женщины необходимо ея равное участіе въ трудѣ. Чѣмъ больше вы ставите препятствій и ограниченій женскому труду, тѣмъ больше работы вы возлагаете на мужа и тѣмъ больше отчуждаете его отъ семьи, отъ дѣтей. Трудящаяся и всесторонне развитая женщина будетъ настоящей женой своему мужу и истинной матерью своимъ дѣтямъ. И тутъ идеалъ лежитъ не позади, а впереди насъ.

Соціально-клерикальную точку зрѣнія отстаиваютъ австрійскій патеръ проф. Шейхеръ, представитель швейцарскихъ католическихъ рабочихъ Декуртинсъ, и баронесса Фогельзангъ, дочь знаменитаго католическаго соціалъ-политика барона Фогельзанга, основателя журнала „Christliche Monatschrift für Sozialreform". Декуртинсъ съ ораторскимъ блескомъ произноситъ цѣлый хва-

лебный гимнъ семьѣ, ради которой необходимо запретить фабричный трудъ женщинъ. Для насъ,—заявляетъ онъ,—моногамическая семья есть нѣчто искони бывшее и вѣчное, абсолютная, а не историческая категорія.

Вспомните,—говоритъ Декуртинсъ,—какъ потрясающе изобразилъ Марксъ разрушеніе семьи капитализмомъ. Мы не пожалѣемъ никакихъ жертвъ для того, чтобы возстановить семью.

Баронесса Фогельзангъ, женщина съ робкимъ и даже смиреннымъ видомъ, говоритъ такъ тихо, что ее еле слышно и тѣмъ, кто подходитъ къ самой трибунѣ. Ничего новаго, впрочемъ, изъ ея рѣчи слушатели не узнаютъ. Контрастъ между Цеткиной и Фогельзангъ поражаетъ зрителя: въ немъ какъ бы получаетъ плоть и кровь пропасть, отдѣляющая женщинъ двухъ лагерей. Знаменательно, что, (какъ указываетъ Бебель въ своей статьѣ о конгрессѣ), соціально-клерикальная партія почувствовала потребность выставить на трибунѣ женщину для борьбы съ идеями соціальной демократіи. „Протестантскіе и католическіе сторонники соціальной реформы теперь уже не могутъ въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей обходиться безъ публичной дѣятельности женщины“ (Бебель).

Патеру Шейхеру, который съ паѳосомъ упомянулъ, что онъ никогда не забудетъ своей матери, съ неменьшимъ паѳосомъ, но въ совершенно другомъ духѣ отвѣчаетъ Пернерсторферъ: „Я также помню свою мать: она была работницей. Но когда я вспоминаю о ней, то кровь у меня подымается въ голову отъ негодованія противъ системы, которая оставляетъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ безпомощными и беззащитными“.

На каѳедру всходитъ Бебель. Онъ въ первый разъ говоритъ на конгрессѣ, и публика залы и трибуны напряженно слѣдитъ за рѣчью знаменитаго оратора германскаго парламента. Бебель, однако, не въ ударѣ. Конечно, такому опытному оратору это не мѣшаетъ хорошо говорить. Точку зрѣнія нашу и нашихъ противниковъ,—говоритъ онъ,—раздѣляетъ цѣлая пропасть. Правда, и они, и мы—враги капитализма, но они хотятъ повернуть развитіе назадъ, ихъ идеалъ—мелкобуржуазный строй (стоящій у одной изъ боковыхъ дверей Декуртинсъ протестуетъ словами и жестами), мы же стремимся впередъ, къ высшему порядку. Г-нъ Декуртинсъ говоритъ очень хорошо во имя чувствъ, но мы должны стоять на жесткой почвѣ фактовъ. Наше направленіе упрекаютъ въ непрактичности, но чего хотите вы? Неужели вы

своимъ рѣшеніемъ думаете устранить капиталистическій способъ производства, а если нѣтъ, то что будутъ дѣлать массы выброшенныхъ изъ фабрикъ женщинъ? Они попадутъ или въ домашнюю промышленность, что будетъ, конечно, равносильно ухудшенію ихъ положенія, или же... въ проституцію. Если вы,—обращается Бебель къ присутствующимъ католикамъ, — придете со своимъ рѣшеніемъ въ наши рейнскія промышленныя мѣстности съ католическимъ населеніемъ, то вы увидите, что тамъ будутъ изумленно спрашивать: „какъ наши люди (т. е. католики) могли постановить такое нелѣпое рѣшеніе“ (апплодисменты и смѣхъ). Въ рѣчи Бебеля отмѣчена дѣйствительно любопытная и знаменательная черта: по главному предмету разногласія правая конгресса апеллируетъ къ чувствамъ и „идеализму“, волнуется, говоритъ громкія слова, лѣвая въ общемъ сохраняетъ спокойствіе, проявляетъ холодную обдуманность, выдвигаетъ реалистическіе аргументы. Правая вдается въ утопіи, лѣвая держится реальной почвы данныхъ общественныхъ отношеній и ихъ необходимаго развитія.

Генеральные дебаты заканчиваются, и при голосованіи предложеніе де-Віара о запрещеніи работы женщинъ въ крупной промышленности отвергается 165 голосами противъ 98. Послѣ обѣденнаго перерыва начинаются спеціальные дебаты — тоже весьма оживленные. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, нельзя не упомянуть объ одномъ любопытномъ эпизодѣ изъ дообѣденнаго засѣданія. Представитель романской Швейцаріи въ рабочемъ секретаріатѣ Леритье (L'Héritier) читаетъ заявленіе парижскаго муниципальнаго совѣта, который сообщаетъ конгрессу, что онъ предполагалъ послать въ Цюрихъ представителей сенскихъ рабочихъ синдикатовъ и вотировалъ необходимыя для этой делегаціи денежныя средства. Но французскій министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ этой ассигновки. Этотъ фактъ сопровождается въ заявленіи муниципальнаго совѣта комментаріями, о содержаніи которыхъ читатель можетъ самъ догадаться. Сообщеніе, прочитанное Леритье, конечно, производитъ на присутствующихъ впечатлѣніе, крайне неблагопріятное для г. Барту и для всего французскаго министерства вообще. Но вотъ на каѳедрѣ появляется M-r Finance, Chef de bureau à l'office du travail французскаго министерства торговли, съ заявленіемъ, что французскій министръ торговли съ интересомъ и симпатіей относится къ трудамъ конгресса, доказательствомъ чего служитъ присутствіе

на конгрессѣ самого г. Финанса, делегата министерства торговли. Такимъ образомъ, шефъ bureau à l'office du travail хоть нѣсколько смягчилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное сообщеніемъ Леритье, но зато разоблачилъ разногласіе между двумя членами французскаго кабинета.

Спеціальные дебаты въ самомъ началѣ нарушаются комическимъ эпизодомъ. На конгрессѣ присутствуетъ представительница одного парижскаго феминистскаго общества — М-me Бонневіаль. Она уже раньше говорила довольно много и, по большей части, ни къ чему. Теперь время, предоставляемое каждому оратору, сокращено до 5 минутъ, и когда г-жа Бонневіаль говоритъ дольше 5 минутъ, президентъ ее останавливаетъ. Начинается форменная борьба между словоохотливой дамой и довольно суровымъ Шерреромъ при общемъ смѣхѣ публики, которую президентъ стремится укротить колокольчикомъ. Это продолжается минутъ 5. Затѣмъ молодая англичанка миссъ Селливанъ, представительница портнихъ Вестэнда (Лондонъ), говоритъ по поводу предлагаемаго секціей запрещенія фабрикантамъ давать женщинамъ дополнительную работу на домъ и высказывается вообще противъ домашняго труда. Она давно уже работаетъ, какъ портниха, но ни разу не видала фабричнаго инспектора женскаго пола, хотя таковые существуютъ (въ Лондонѣ ихъ 5) и по закону обязаны осматривать помѣщенія домашнихъ работницъ.

Первые 4 тезиса секціи принимаются конгрессомъ. Тезисъ пятый, требующій отмѣны всѣхъ законовъ и правилъ, ставящихъ сельскихъ работницъ и женскую прислугу въ исключительное положеніе (запретъ коалицій и собраній, право предпринимателей на „домашнія наказанія» и т. п.), вызываетъ своей формулировкой возраженія со стороны Кулемана, который желаетъ придать тезису болѣе общую редакцію въ томъ смыслѣ, что когрессъ требуетъ коалиціонной свободы для всѣхъ работницъ. Бебель, ссылаясь на нѣмецкое законодательство, отстаиваетъ спеціальное упоминаніе сельскохозяйственныхъ работницъ и прислуги, указывая на унизительныя для этой категоріи женщинъ постановленія нѣмецкихъ законовъ, изданныя въ эпоху послѣмартовской реакціи и до сихъ поръ не отмѣненныя.

Наконецъ, очередь доходитъ до пункта 6-го, который уже въ секціи явился предметомъ разногласій между соціально-клерикальными и соціалъ-демократическими членами. Этотъ пунктъ гласитъ: „принимая во вниманіе, что ограниченіе и окончательное

устраненіе домашней (т. е. кустарно-капиталистической) промышленности настоятельно необходимо въ интересахъ народной гигіены, культуры и въ особенности профессіональной организаціи, но что въ тоже время невозможно на этомъ конгрессѣ обсудить вопросъ о домашней промышленности съ отвѣчающей его значенію основательностью, конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы вопросъ о домашней промышленности и стоящій въ самой тѣсной связи съ нимъ вопросъ о жилищахъ рабочихъ былъ поставленъ на обсужденіе слѣдующаго конгресса".

Клерикалы—противники фабричной работы женщинъ, и тѣмъ самымъ вынуждены являться защитниками домашней промышленности, между тѣмъ какъ соціалъ-демократы—рѣшительные враги децентрализованнаго капитализма. Въ настоящее время накопился такой богатый фактическій матеріалъ для сужденія о соціальномъ значеніи домашней (т.-е. кустарно-капиталистической) промышленности, и вопросъ этотъ такъ обстоятельно выясненъ въ литературѣ (въ нѣмецкой, напр., цѣлымъ рядомъ превосходныхъ описательныхъ монографій и прекрасными сводными работами профессоровъ Штиды и Зомбарта), что двухъ объективныхъ мнѣній тутъ быть не можетъ: по общему правилу, домашняя промышленность является самой зловредной формой капиталистической эксплуатаціи и въ то же время убѣжищемъ для отсталой техники (одно, конечно, стоитъ въ связи съ другимъ). Въ этой сферѣ капитализма господствуютъ самое продолжительное рабочее время, самая низкая заработная плата и самыя ужасныя жилищныя условія. Децентрализованный характеръ производства и жалкое положеніе кустарей мѣшаютъ ихъ профессіональной организаціи и вообще пробужденію въ нихъ классового самосознанія.

Вотъ мотивы, по которымъ сторонники прогрессивной соціальной политики объявили войну домашней промышленности. Въ этомъ смыслѣ въ секцію внесено было англійской делегаціей предложеніе высказаться въ пользу устраненія домашней промышленности. Это предложеніе было поддержано д-ромъ Адлеромъ и г-жей Цеткиной. Первый предложилъ редакцію, принятую секціей и представленную общему собранію. Швейцарскіе представители находили неправильнымъ обсужденіе этого вопроса, не входящаго въ программу настоящаго конгресса; кромѣ того, содержаніе предложенія Адлера казалось имъ, повидимому, слишкомъ радикальнымъ и даже утопичнымъ. Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что такое отношеніе швейцарцевъ объясняется широкимъ распро-

страненіемъ домашней промышленности въ самой Швейцаріи. Но ультра-практичные швейцарцы врядъ ли правильно поняли смыслъ предложенія Адлера. Декретировать уничтоженіе домашней промышленности, конечно, невозможно и нелѣпо; поставить же его цѣлью планомѣрной, постепенной и послѣдовательной соціальной политики не только возможно, но, съ извѣстной точки зрѣнія, даже прямо необходимо. Нѣкоторые виды домашней промышленности могутъ быть уже прямо воспрещены закономъ, противъ другихъ можно повести систематическую борьбу, подчинивъ ихъ фабричному законодательству и фабричному надзору. Словомъ, здѣсь открывается цѣлое широкое поле для планомѣрныхъ государственныхъ мѣропріятій, конечную цѣль которыхъ можетъ составлять лишь уничтоженіе этой формы промышленности. Къ сожалѣнію, эти соображенія оказались на конгрессѣ слабѣе оппортунистическаго недоразумѣнія, по которому швейцарцы усмотрѣли въ предложеніи Адлера неосновательный радикализмъ и утопизмъ и въ которомъ они были поддержаны нѣмцами. Фонъ-Фольмаръ, указавшій на громадное распространеніе домашней промышленности въ Германіи, предложилъ резолюцію слѣдующаго содержанія: „Конгрессъ усматриваетъ въ домашней промышленности видъ труда, который сопровождается серьезнымъ соціальнымъ и гигіеническимъ вредомъ и препятствуетъ профессіональной организаціи и распространенію законодательной охраны рабочихъ; онъ предоставляетъ поэтому (?) изученіе этого вопроса одному изъ послѣдующихъ конгрессовъ". Предложеніе фонъ-Фольмара чрезвычайно неудачно защищалъ Либкнехтъ. Здѣсь не соціалистическій конгрессъ—замѣтилъ онъ совершенно правильно—и мы не можемъ здѣсь требовать всего, чего мы желаемъ.

Но за этимъ правильнымъ соображеніемъ послѣдовали совершенно неосновательныя замѣчанія. Предложеніе Адлера Либкнехтъ критиковалъ, какъ простой декретъ объ отмѣнѣ домашней промышленности. Такой декретъ нелѣпъ, и насъ осмѣютъ, если мы его примемъ, замѣтилъ старикъ. Но подобное пониманіе предложенія Адлера совершенно неправильно. Съ соціализмомъ же борьба противъ домашней промышленности, строго говоря, не стоитъ въ необходимой связи. Политику, направленную на уничтоженіе этой формы капиталистической эксплуатаціи, можно отстаивать, стоя исключительно на почвѣ капитализма, аргументами, заимствованными хотя бы у Брентано и его учениковъ, которые, какъ извѣстно, чужды соціализму и являются выразителями взглядовъ,

представляющихъ съ исторической точки зрѣнія развитіе идей экономическаго либерализма — безъ его крайностей и научныхъ заблужденій.

Противъ домашней промышленности особенно горячо говорили англійскіе делегаты. Они рѣзко нападали на нѣмцевъ за ихъ оппортунизмъ. Адлеръ поддерживалъ свое предложеніе, но, вѣроятно, за позднимъ временемъ и подъ вліяніемъ утомленія недостаточно рѣшительно. Грейлихъ указывалъ на отсутствіе вопроса о домашней промышленности въ программѣ конгресса и за симъ говорилъ о невозможности простого запрещенія домашней промышленности. Его аргументы такъ же, какъ возраженія Либкнехта, на мой взглядъ совершенно не попадали въ цѣль. За ними чувствовались у стараго талантливаго тактика швейцарскаго движенія свои собственныя тактическія соображенія — нежеланіе, чтобы именно этотъ конгрессъ принялъ рѣшеніе, которое можетъ показаться кое-кому радикальнымъ и непрактичнымъ. Грейлихъ въ этомъ отношеніи былъ правъ: его католическимъ товарищамъ по швейцарскому рабочему союзу оно очень не понравилось бы.

Къ голосованію приступаютъ въ 7-мъ часу. Предложеніе фонъ-Фольмара принято большинствомъ 70 голосовъ противъ 68, при значительно опустѣвшемъ залѣ. Такимъ образомъ, принципіально важное и лишь мнимо утопичное предложеніе пало жертвой не то оппортунистическаго, не то тактическаго пріема „умѣренности“ швейцарскихъ и нѣмецкихъ представителей.

Вотъ текстъ тезисовъ по вопросу о работѣ женщинъ въ редакціи, принятой конгрессомъ:

1. Конгрессъ требуетъ обширную и дѣйствительную законодательную охрану всѣхъ работницъ и всѣхъ служащихъ женскаго пола въ крупной и мелкой промышленности, въ ремеслѣ, въ торговыхъ заведеніяхъ, въ учрежденіяхъ транспорта и сношеній, а также въ домашней промышленности.

2. Въ качествѣ основы такой законодательной охраны, конгрессъ требуетъ максимальное рабочее время по 8 часовъ въ день и 44 часа въ недѣлю для всѣхъ работницъ и служащихъ женскаго пола. Въ субботу работа должна кончаться въ 12 часовъ дня, такъ, чтобы работницамъ былъ обезпеченъ непрерывный отдыхъ съ субботы до понедѣльника, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 42 часовъ.

3. Предпринимателямъ строго воспрещается по окончаніи ра-

боты въ мастерской давать работницамъ и служащимъ женскаго пола еще работу на домъ.

4. Роженицы не должны быть занимаемы промышленнымъ трудомъ до и послѣ родовъ въ общей сложности въ теченіе восьми недѣль — послѣ родовъ, во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе 6 недѣль [1]).

Въ законѣ должны быть указаны тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ работа беременныхъ женщинъ не можетъ быть допускаема.

Во время перерыва въ трудѣ по причинѣ беременности работница получаетъ отъ государства или общины вознагражденіе, которое ни въ какомъ случаѣ не должно быть ниже ея обычной заработной платы.

5. Всѣ законы и правила, которые ставятъ сельскохозяйственныхъ работницъ (работниковъ) и прислугу въ исключительное положеніе, сравнительно съ другими категоріями рабочихъ (особыя правила о прислугѣ, запрещеніе коалицій, союзовъ и собраній и т. д.), подлежатъ отмѣнѣ. Для этихъ работницъ должны быть изданы особенные охранительные законы и правила въ духѣ выставленныхъ выше требованій.

6. Конгрессъ усматриваетъ въ домашней промышленности видъ труда, который влечетъ за собой соціальныя и гигіеническія бѣдствія и составляетъ крупное препятствіе для профессіональной организаніи и для проведенія дѣйствительной законодательной охраны рабочихъ. Настоящій конгрессъ предоставляетъ, поэтому, обстоятельное обсужденіе этого вопроса слѣдующему конгрессу.

7. Конгрессъ требуетъ для женщинъ за одинаковую работу одинаковую плату (съ мужчинами) и ставитъ въ обязанность делегатамъ настаивать на примѣненіи этого принципа государственными и общественными учрежденіями вездѣ, гдѣ къ тому представляется случай.

Изъ тезиса второго читатель усмотритъ, что требованіе субботняго отдыха для женщинъ, которое столь энергично выстав-

---

[1]) Любопытно, что только что закончившійся бирмингамскій конгрессъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ единогласно постановилъ гораздо болѣе радикальное рѣшеніе: онъ потребовалъ, чтобы до родовъ женщины были свободны отъ труда въ теченіе 8 недѣль, а послѣ родовъ въ теченіе 6 м ѣ с я ц е в ъ. Мотивировалось это рѣшеніе ссылкой на огромную смертность дѣтей фабричныхъ работницъ.

лялъ профессоръ Бекъ въ своемъ рефератѣ, было санкціонировано конгрессомъ.

Пятое засѣданіе было посвящено ночной работѣ и работѣ въ опасныхъ для жизни и здоровья производствахъ. Референтомъ по этимъ вопросамъ соціальной гигіены явился, въ качествѣ представителя рабочей палаты города Цюриха, бывшій профессоръ московскаго университета Ф. Ф. Эрисманъ, по происхожденію и подданству швейцарецъ, замѣчательная дѣятельность и почтенное имя котораго, однако, принадлежатъ преимущественно Россіи. Въ научномъ отношеніи рефераты Ф. Ф. Эрисмана были безспорно самыми лучшими изъ прочитанныхъ на конгрессѣ, и это неудивительно, потому что въ лицѣ знаменитаго гигіениста передъ цюрихскимъ собраніемъ выступилъ единственный научный спеціалистъ, и притомъ спеціалистъ первоклассный. Тезисы Ф. Ф. Эрисмана, очень мало измѣненные въ секціи, были безъ всякихъ перемѣнъ единогласно приняты общимъ собраніемъ. Мы не излагаемъ рефератовъ и не приводимъ тезисовъ Ф. Ф. Эрисмана, такъ какъ эти рефераты въ видѣ оригинальной статьи появятся въ ближайшей книжкѣ „Новаго Слова“. Я чуть не забылъ упомянуть, что у Ф. Ф. Эрисмана тоже былъ корреферентъ, депутатъ рабочей партіи въ женевскомъ парламентѣ Леритье. Его докладъ, прочитанный, или, вѣрнѣе, сказанный съ значительнымъ эмфазомъ, представлялъ лишь агитаціонное украшеніе къ объективному и строго научному изложенію профессора Эрисмана. Признаюсь, что у меня въ головѣ не осталось никакихъ воспоминаній отъ этого доклада, которому и самъ его авторъ, вѣроятно, въ душѣ не придавалъ особеннаго значенія.

Интереснѣе, чѣмъ корреферат, были рѣчи, произнесенныя по поводу доклада профессора Эрисмана словоохотливыми и пылкими англичанами. Благодаря тому, что президентъ ихъ не понималъ, они могли довольно свободно отклоняться отъ темы. Любопытно, что два представителя англійскихъ трэдъ-юніоновъ, одинъ — делегатъ лондонскихъ наборщиковъ, другой — делегатъ „Trades Council“ въ Лейстерѣ защищали англійское воскресенье отъ рѣзкихъ нападокъ англійскихъ соціалъ-демократовъ. „Печальное англійское воскресенье безъ работы,—замѣтилъ Чеплинъ изъ Лейстера,—все-таки предпочтительнѣе континентальнаго воскресенья съ работой“.

Обсужденіе послѣдняго пункта программы (средства и пути къ осуществленію законодательной охраны рабочихъ и учрежденіе

международнаго бюро для этой цѣли) въ общемъ собраніи было далеко не такъ интересно и всесторонне, какъ въ секціи. Тезисы докладчика по основному вопросу, Декуртинса, вышли радикально измѣненными изъ секціи. Здѣсь, между прочимъ, былъ подвергнуть довольно обстоятельному обсужденію вопросъ объ инспекціи труда и ея организаціи. Женщины—г-жа Цеткина и г-жа Шверинъ—отстаивали назначеніе фабричныхъ инспекторовъ изъ числа женщинъ, причемъ Цеткина, а также англійскіе делегаты, особенно напирали на необходимость выбора ихъ изъ работницъ, а г-жа Шверинъ сообщила, что союзъ нѣмецкихъ женскихъ обществъ организовалъ курсы для подготовки женщинъ къ обязанностямъ фабричныхъ инспекторовъ. Извѣстный экономистъ Рауль Жэ (Jay), профессоръ юридическаго факультета въ Парижѣ (прежде въ Гренобле), предлагалъ предоставить избраніе части фабричныхъ инспекторовъ рабочимъ союзамъ. Вандервельде соглашался, что секретарь рабочаго союза — лучшій фабричный инспекторъ, но замѣтилъ, что избраніе инспектора всей массой рабочихъ не можетъ быть замѣнено избраніемъ его союзами. Въ Бельгіи нерѣдко встрѣчаются рабочіе союзы, которые представляютъ собою предпринимательскую фальсификацію этихъ организацій. Они состоятъ изъ угодныхъ предпринимателямъ лицъ, которыя по воскресеньямъ получаютъ отъ хозяевъ угощеніе и курево. Отсюда такой фальсифицированный союзъ носитъ въ Бельгіи названіе „la grosse pipe“ (хорошо набитая трубка). Предоставить такимъ организаціямъ выборъ фабричныхъ инспекторовъ было бы, очевидно, опасно для интересовъ рабочихъ. Поэтому Вандервельде соглашается на предлагаемый Жэ порядокъ избранія инспекторовъ, но не желаетъ установить его, какъ единый и исключительный. Одинъ католическій патеръ предлагаетъ, въ выборѣ фабричныхъ инспекторовъ, предоставить участіе и родителямъ ремесленныхъ учениковъ. Швейцарцы, въ лицѣ Декуртинса, возражаютъ противъ избранія инспекторовъ рабочими, которые являются заинтересованной стороной, и секція принимаетъ рѣшеніе въ пользу назначенія вспомогательныхъ органовъ фабричной инспекціи изъ числа рабочихъ и работницъ. Кваркъ, которому принадлежатъ важнѣйшія поправки къ тезисамъ Декуртинса, предлагаетъ выставить требованіе, чтобы фабричные инспектора были поставлены такъ же независимо, какъ судьи. Профессоръ Бекъ, со свойственной ему логичностью критикуетъ это предложеніе, очевидно сводящееся къ установле-

нію для инспекторовъ несмѣняемости. Тамъ, гдѣ, какъ въ Швейцаріи, органы фабричной инспекціи періодически выбираются и гдѣ судьи также выбираются, потому вовсе не пользуются несмѣняемостью, требованіе Кварка не имѣетъ смысла. На почвѣ несмѣняемости къ тому же могутъ развиться разныя нежелательныя явленія. Раздаются голоса противъ предлагаемаго Кваркомъ распространенія инспекціи труда на сельское хозяйство и на домашнюю промышленность. Относительно сельскаго хозяйства приходятъ къ компромиссу, принимая предложеніе издателя „Frankfurter Zeitung“ демократа Зоннемана (Sonnemann), предложеніе, по которому инспекція труда распространяется на сельское хозяйство, поскольку въ немъ примѣняются машины. Декуртинсъ настаиваетъ на невозможности подчинить домашнюю промышленность инспекціи. Но Кваркъ и другіе опровергаютъ его ссылкой на англійское законодательство и на недавно состоявшееся въ Германіи подчиненіе конфекціоннаго промысла фабричному надзору. Представитель венгерскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ требуетъ, чтобы для сельскаго хозяйства были бы назначаемы отдѣльные инспектора. Кулеманъ поднимаетъ вопросъ объ организаціи фабричныхъ комитетовъ рабочихъ, но встрѣчаетъ рѣшительную оппозицію со стороны Адлера и Бебеля. По ихъ мнѣнію организація рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ не полезна, а вредна. Фабричные комитеты будутъ всегда въ зависимости отъ предпринимателей. Гарантіи, предлагаемыя Кулеманомъ противъ такой зависимости, въ дѣйствительности неосуществимы; рабочимъ нужна лишь коалиціонная свобода. Секція отвергла предложеніе Кулемана. Оживленныя пренія въ секціи, короткое резюме которыхъ мы только что дали, затянулись до поздняго времени.

Въ общемъ собраніи „о путяхъ и средствахъ“ докладывалъ Декуртинсъ о „международномъ бюро“ (Internationales Arbeiterschutzamt) Курти. Докладъ Декуртинсомъ былъ прочитанъ съ большимъ ораторскимъ искусствомъ, но составленъ очень неравномѣрно. Многіе вопросы въ немъ были затронуты слегка или совсѣмъ обойдены. Полнаго сочувствія заслуживаетъ проходящая черезъ весь докладъ тенденція подчеркнуть и выставить на первый планъ солидарность собравшихся на конгрессъ представителей разныхъ направленій въ основныхъ практическихъ вопросахъ рабочаго законодательства. Главнѣйшимъ средствомъ осуществленія международной законодательной охраны рабочихъ Декуртинсъ

считаетъ энергичное воздѣйствіе на общественное мнѣніе въ смыслѣ распространенія убѣжденія въ пользѣ и значеніи международныхъ мѣръ. При выставленіи политическихъ программъ всѣ рабочія партіи должны принять международную законодательную охрану за одинъ изъ главныхъ пунктовъ. Необходимы совмѣстныя дѣйствія въ этомъ смыслѣ представителей всѣхъ рабочихъ партій въ національныхъ парламентахъ. Швейцарскимъ рабочимъ и ихъ представителямъ предстоитъ спеціальная задача всѣми силами стремиться къ тому, чтобы союзный совѣтъ обратился ко всѣмъ культурнымъ государствамъ съ оффиціальнымъ приглашеніемъ принять участіе въ международной конференціи, ибо только въ такомъ случаѣ у представителей пролетаріата явится возможность поднять вопросъ въ прессѣ и парламентахъ, явится, напр., поводъ къ парламентскимъ запросамъ. „Международное рабочее законодательство съ постоянно сокращающимся нормальнымъ рабочимъ днемъ есть мирный путь къ лучшимъ хозяйственнымъ формамъ. Рабскій трудъ, крѣпостной трудъ, наемный трудъ, вотъ этапы тяжелаго пути, по которому шелъ человѣческій трудъ въ своемъ историческомъ развитіи. Будемъ же надѣяться, что международная законодательная охрана рабочихъ составитъ переходъ къ тѣмъ лучшимъ временамъ, когда трудъ будетъ гармонически организованъ; ибо столь горячо желаемый миръ есть, какъ говоритъ самый глубокій мыслитель среднихъ вѣковъ [1]), не что иное, какъ гармоническая организація всѣхъ силъ“. Такъ закончилъ Декуртинсъ свой докладъ.

Курти сообщилъ, что въ своемъ новѣйшемъ конфиденціальномъ запросѣ, обращенномъ къ европейскимъ державамъ, швейцарское союзное правительство коснулось и вопроса о международномъ бюро. При этомъ получился слѣдующій результатъ: одна великая держава [2]) заявила, что она сочувственно относится къ этому предложенію; другое, менѣе крупное государство [3]) склонно принять участіе въ его изученіи; двѣ великія державы [4]) принципіально не возражаютъ противъ проекта, но полагаютъ, что время для его обсужденія еще не настало; другія государства, по соображеніямъ принципіальнымъ или внутренней политики, или потому, что они не придаютъ значенія международному бюро,

[1]) Ѳома Аквинатъ. П. С.
[2]) Вѣроятно, Австрія.
[3]) Вѣроятно, Бельгія.
[4]) Вѣроятно, Германія и Италія.

относятся отрицательно къ предложенію или высказываются неопредѣленно.

Въ дѣятельность международнаго бюро или института, по мнѣнію Курти, должно входить: 1) Собраніе и изданіе всѣхъ относящихся до охраны рабочихъ законовъ и иныхъ оффиціальныхъ публикацій. Статистическія данныя, преимущественно оффиціальнаго характера, должны составлять дополненіе этого матеріала. Международное бюро явится въ то же время центральнымъ бюро соціальной статистики. 2) Составленіе ежегоднаго отчета о всей развиваемой законодательными и административными факторами дѣятельности въ смыслѣ расширенія охраны рабочихъ. 3) Международный институтъ долженъ быть бюро справокъ и посредничества въ вопросахъ рабочаго законодательства для правительствъ, членовъ законодательныхъ собраній, представителей администраціи рабочихъ организацій и т. д. 4) Институтъ долженъ явиться средоточіемъ конгрессовъ, на которыхъ должностныя лица, парламентскіе дѣятели и представители рабочихъ организацій будутъ обмѣниваться взглядами и наблюденіями въ области рабочаго законодательства.

Дебаты велись въ общемъ собраніи вяло: члены конгресса утомились и, грѣшнымъ дѣломъ, навѣрное мечтали объ отдыхѣ, обѣдѣ и непринужденной прогулкѣ на пароходѣ по Цюрихскому озеру, назначенной въ 2 часа. Въ особенности швейцарцы и нѣмцы казались утомленными. Дѣятели конгресса, впрочемъ, пріобрѣли полное право на усталость: работали они напряженно и много. М-me Бонневіаль, которая снова говоритъ, слушаютъ съ нетерпѣніемъ и прямо раздраженіемъ, которое, впрочемъ, смѣняется веселостью, когда переводчикъ, д-ръ Брюстлейнъ, въ передачѣ ея рѣчи на нѣмецкій языкъ откалываетъ какую-нибудь непереводимую остроту. Тезисы секціи сопровождаются ходатайствомъ конгресса передъ швейцарскимъ союзнымъ совѣтомъ, ходатайствомъ, составленнымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ выражаетъ свою признательность за неоднократныя попытки швейцарскаго союзнаго совѣта содѣйствовать осуществленію международнаго рабочаго законодательства; онъ выражаетъ желаніе, чтобы эти попытки были въ ближайшемъ будущемъ энергично возобновлены, и поручаетъ своему бюро сообщить это желаніе швейцарскому союзному совѣту въ приличествующей случаю формѣ“. Къ этому ходатайству Зоннеманъ предлагаетъ

amendement, сводящееся къ тому, чтобы просить союзный совѣтъ взять на себя и иниціативу въ дѣлѣ учрежденія международнаго бюро. „Ходатайство“ съ дополнительнымъ предложеніемъ Зоннемана принимается собраніемъ. Кромѣ того, вносится предложеніе, чтобы конгрессъ тотчасъ учредилъ комитетъ, который засѣдалъ бы въ Цюрихѣ и являлся бы центральнымъ бюро международнаго рабочаго законодательства, подготовляющимъ будущіе конгрессы. Комитетъ составляется изъ бюро настоящаго конгресса, а также національнаго совѣтника Курти—съ правомъ кооптаціи. Это предложеніе принимается единогласно. Тезисы секціи, принятые общимъ собраніемъ, гласятъ:

Для осуществленія требуемой конгрессомъ охраны рабочихъ необходимо:

1. Установленіе единообразной инспекціи труда, которая распространяется на крупную и мелкую промышленность, рудники и копи, ремесло, домашнюю промышленность, торговлю, транспортъ и сельское хозяйство, поскольку въ немъ примѣняются машины; органы инспекціи должны больше, чѣмъ прежде, избираться изъ числа свѣдущихъ людей, а ихъ помощники и помощницы—изъ числа рабочихъ и служащихъ; эти органы должны быть столь многочисленны, чтобы имѣть возможность осматривать каждое предпріятіе, по крайней мѣрѣ, разъ въ полгода; имъ должны быть присвоены права исполнительной власти и независимое положеніе. Ежегодные отчеты этихъ должностныхъ лицъ должны быть оффиціально публикуемы тотчасъ по истеченіи отчетнаго года и доступны каждому по заготовительной цѣнѣ.

Для сельскаго хозяйства должны быть назначаемы особые инспектора.

Для надзора за исполненіемъ правилъ о женскомъ трудѣ должны быть назначаемы государственной властью получающія жалованье инспектора-женщины, избираемыя частью изъ числа работницъ.

2. Полная коалиціонная свобода для всѣхъ рабочихъ, работницъ и служащихъ, въ особенности же оффиціальное признаніе всѣхъ учреждаемыхъ рабочими для контроля за исполненіемъ охранительныхъ постановленій—комиссій, палатъ, секретаріатовъ, а также профессіональныхъ союзовъ и ихъ права надзора.

Нарушеніе коалиціоннаго права (предпринимателями и органами власти) должно быть наказуемо.

3. Введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избира-

тельнаго права при выборахъ во всѣ представительныя собранія для обезпеченія рабочему классу надлежащаго вліянія на всѣ парламенты.

4. Оживленная агитація въ пользу охраны рабочихъ—путемъ профессіональныхъ и политическихъ организацій, лекцій, книгъ, прессы, собраній и прежде всего—въ парламентахъ.

5. Для содѣйствія національному и международному охранительному законодательству должны быть устраиваемы періодическіе международные конгрессы.

6. Международное рабочее законодательство должно распространяться преимущественно на установленіе возрастнаго минимума для фабричной работы дѣтей и подростковъ, на запрещеніе ночной работы женщинъ и подростковъ на фабрикахъ, на запрещеніе работы женщинъ въ опасныхъ для здоровья предпріятіяхъ, на запрещеніе воскреснаго труда, на установленіе всеобщаго максимальнаго рабочаго дня; въ этомъ смыслѣ, по предварительномъ соглашеніи между защитниками законодательной охраны рабочихъ, въ различные парламенты должны быть одновременно внесены тождественныя по возможности законодательныя предложенія.

7. Участники конгресса приглашаются въ прессѣ и парламентахъ предлагать правительствамъ учредить международное бюро законодательной охраны рабочихъ.

Задачами его признаются:

a) Собраніе, изданіе и сообщеніе заинтересованнымъ органамъ, а также распространеніе книгопродавческимъ путемъ всѣхъ касающихся охраны рабочихъ законовъ и другихъ важныхъ оффиціальныхъ публикацій одновременно на англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а также на языкѣ оригинала, если этотъ языкъ не принадлежитъ къ числу названныхъ трехъ.

b) Международно-сравнительная обработка статистики труда (или соціальной статистики вообще).

c) Составленіе ежегоднаго отчета о развиваемой органами законодательства и администраціи дѣятельности въ смыслѣ расширенія охраны рабочихъ.

d) Сообщеніе справокъ и литературныхъ указаній.

e) Устройство конгрессовъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ законодательной охраны рабочихъ.

8. Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы международное бюро

было учреждено, лишь только три государства заявятъ свою готовность къ этому.

Изъ этихъ тезисовъ, какъ мнѣ кажется, довольно ясно можно усмотрѣть, что развитіе реальныхъ общественныхъ отношеній въ настоящее время повелительно выдвигаетъ на первый планъ не международную, а національную постановку вопроса. Между этими двумя постановками вопроса, впрочемъ, нѣтъ противорѣчія по существу, если отказаться отъ опирающагося на устарѣлую теорію взгляда, что широкое развитіе охраны рабочихъ въ силу международной конкуренціи невозможно въ національныхъ рамкахъ. На цюрихскомъ конгрессѣ былъ неоднократно высказываемъ протестъ противъ этой несостоятельной точки зрѣнія, и потому неудивительно, что послѣднее общее собраніе единогласно, насколько намъ помнится, приняло резолюцію Адлера, гласящую: „Конгрессъ заявляетъ, что стремленія къ международной законодательной охранѣ рабочихъ никогда не должны являться предлогомъ для замедленія успѣховъ національнаго законодательства. Онъ выражаетъ убѣжденіе, что международныя соглашенія могутъ быть достигнуты тѣмъ легче, чѣмъ больше будетъ развиваться законодательная охрана рабочихъ въ отдѣльныхъ странахъ“. Пернерсторферъ предлагаетъ резолюцію, содержаніе которой объясняется специфическими австрійскими условіями, но которая имѣла бы смыслъ также въ устахъ нѣмцевъ и итальянцевъ. Резолюція эта говоритъ, что конгрессъ энергично протестуетъ противъ всѣхъ правительственныхъ актовъ, препятствующихъ организаціи рабочихъ и разрушающихъ ее, и требуетъ для рабочихъ полной личной свободы, свободы союзовъ и собраній, а также права устраивать международныя коалиціи.

Итальянецъ докторъ Сольди, представитель палаты труда въ Кремонѣ, въ страстной рѣчи на итальянскомъ языкѣ, присоединяется къ предложенію Пернерсторфера. Онъ ссылается на невозможныя условія въ Италіи, созданныя режимомъ Криспи (нужно видѣть и слышать ненависть, съ какою произносится это пресловутое имя!). Въ рѣчи Сольди весьма характерно обращеніе къ представителямъ болѣе культурныхъ странъ, въ которомъ онъ открыто признаетъ дикость итальянскихъ рабочихъ, ихъ низкій жизненный уровень, давящій на заработную плату туземныхъ рабочихъ тѣхъ странъ, куда итальянцы отправляются на заработки. Съ дикостью, проявляющейся въ кровавыхъ эксцессахъ, съ низкимъ уровнемъ потребностей можно бороться только однимъ пу-

темъ—организаціей, и ради нея Сольди проситъ собраніе принять предложеніе Пернерсторфера. Конгрессъ принимаетъ его единогласно.

Бельгійскій делегатъ Масъ (Maes) предлагаетъ, чтобы комитетъ конгресса сообщилъ принятыя имъ рѣшенія всѣмъ правительствамъ, и чтобы всѣ тѣ члены конгресса, которые принадлежатъ къ какого бы то ни было рода представительнымъ собраніямъ, обязались внести эти рѣшенія въ формѣ законопроектовъ и другихъ предложеній въ собранія и учрежденія, участниками которыхъ они состоятъ. Профессоръ Бекъ отстаиваетъ право меньшинства не связывать себя рѣшеніями, принятыми не единогласно. Съ этимъ ограниченіемъ онъ соглашается на резолюцію Маса, которая въ такомъ видѣ голосуется и принимается большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 10.

Къ самымъ общимъ и принципіальнымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ въ послѣднемъ засѣданіи, принадлежатъ рѣчь патера Стояловскаго и заключительныя рѣчи Либкнехта, Декуртинса и Шерера.

Произнесенная на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ рѣчь Стояловскаго тѣмъ не менѣе произвела сильное впечатлѣніе. Въ ней звучала глубокая искренность и убѣжденность. Стояловскій привѣтствовалъ совмѣстную практическую работу различныхъ, принципіально враждебныхъ направленій и заявилъ, что при всемъ принципіальномъ разногласіи христіанско-соціальная партія австрійской Силезіи и Галиціи въ экономическихъ и политическихъ вопросахъ будетъ идти рука объ руку съ рабочей партіей.

Въ еще болѣе примирительномъ тонѣ—и всѣ присутствующіе чувствовали его полную умѣстность—говорилъ Либкнехтъ. Отъ имени своихъ друзей (т.-е. своей партіи) онъ выразилъ благодарность тѣмъ, кому конгрессъ обязанъ своимъ осуществленіемъ. Конгрессъ — замѣтилъ Либкнехтъ—прошелъ въ образцовомъ порядкѣ и работалъ весьма прилежно. Со всѣхъ сторонъ замѣчалось стремленіе избѣгать всего лично непріятнаго и неделикатнаго. На конгрессѣ надъ партійными разногласіями царило нѣчто въ родѣ того, что въ средніе вѣка называлось „Божіимъ миромъ“ (эти слова Либкнехта выслушиваются съ особеннымъ сочувствіемъ католическими делегатами). „Мы всѣ, продолжаетъ старый парламентскій дѣятель, уѣзжаемъ изъ Цюриха съ новыми симпатіями къ Швейцаріи, которая уже удачно рѣшила такъ много великихъ задачъ. Она разрѣшила національный вопросъ и въ этомъ отношеніи

представляетъ какъ бы миніатюру того „будущаго государства“, которое осуществитъ братство народовъ на основѣ свободы и справедливости“.

Въ томъ же духѣ примиренія и съ тѣмъ же чувствомъ удовлетворенія говорятъ Декуртинсъ и Шерреръ. Послѣдній заканчиваетъ свою рѣчь изъявленіемъ благодарностя **властямъ** швейцарскаго союза и города Цюриха за ихъ содѣйствіе конгрессу и объявляетъ его закрытымъ.

Цюрихскій конгрессъ составитъ въ исторіи соціальной реформы любопытную страницу. Люди разныхъ направленій, такъ или иначе отстаивающихъ соціальныя преобразованія въ интересахъ народнаго большинства, сошлись сюда для того, чтобы путемъ совмѣстнаго обсужденія вопросовъ соціальной политики создать извѣстную общую почву для планомѣрной практической дѣятельности. Въ Цюрихѣ никто, кажется, не вспомнилъ или, по крайней мѣрѣ, не напомнилъ, что конгрессъ происходилъ 50 лѣтъ послѣ изданія знаменитаго 10-ти часового билля, ограничившаго рабочее время женщинъ, дѣтей и подростковъ въ англійской промышленности 10 часами. Между тѣмъ такое воспоминаніе и напоминаніе было бы весьма кстати. Оно показало бы огромное разстояніе между прошлымъ и настоящимъ. Тогда соціальныя реформы на почвѣ существующаго капиталистическаго строя **одинаково** казались и невозможными, и непрактичными, и тщетными радикальнымъ представителямъ обоихъ антагонистическихъ классовъ: буржуазіи и пролетаріата. Радикальные (для того времени) буржуа боролись противъ фабричнаго законодательства и противъ хлѣбныхъ пошлинъ, наиболѣе прогрессивные выразители интересовъ и чаяній пролетаріата холодно и скептически относились къ соціальнымъ реформамъ, которыя третировались, какъ жалкое штопанье. Съ того времени многое измѣнилось. Теперь у соціальныхъ реформъ потому много враговъ и принципіальныхъ противниковъ, что все болѣе и болѣе распространяется и крѣпнетъ убѣжденіе, что онѣ вовсе не представляютъ изъ себя „жалкаго штопанья“, а, наоборотъ, являются лишь звеньями въ той органической цѣпи формъ, которая ведетъ отъ одной общественно-экономической формаціи къ другой. Соціально-политическій радикализмъ окончательно сроднился съ идеей эволюціи, онъ привыкъ мыслить и аргументировать **эволюціонно**; наоборотъ, представители близорукаго консерватизма все болѣе и болѣе попадаютъ въ сѣти пагубной вѣры въ политическія и соціальныя чудеса. На двухъ именахъ

изъ политическаго міра Германіи можно иллюстрировать нашу мысль. Эволюціонную идею въ германской политикѣ представляетъ Бебель, „революціонную“ король Штуммъ и всѣ тѣ, отъ низшихъ до высшихъ, кто вдохновляется его идеями.

Это не парадоксъ, а истина, которая неотразимо подчеркивается изученіемъ исторіи идеи и фактовъ соціальной реформы за послѣднія 7—10 лѣтъ, и которая нашла себѣ блестящее подтвержденіе въ Цюрихѣ.

Почему же на одномъ полюсѣ такъ основательно исчезла вѣра въ соціальныя „катастрофы“? Разгадку этого факта нужно искать и можно отыскать въ исторіи экономическаго развитія Европы за послѣдніе 50 лѣтъ. Когда въ 40-хъ годахъ закладывались основы знаменитой, нынѣ ставшей классической, теоріи развитія капитализма, послѣдній развивался и жилъ конвульсіями. Тогда факты экономической дѣйствительности создали теорію періодической смѣны кризисовъ и подъемовъ, какъ закономѣрной и необходимой формы капиталистическаго развитія. Послѣдовательный рядъ кризисовъ долженъ былъ упереться наконецъ въ соціальную „катастрофу“. Всѣмъ, кромѣ неисправимыхъ оптимистовъ, она представлялась не только весьма вѣроятной, но прямо неизбѣжной. Разрушительное дѣйствіе капиталистической эволюціи на старыя экономическія отношенія и формы влекло за собой неисчислимыя бѣдствія для народныхъ массъ. Капиталистическія эволюція несла съ собой вырожденіе и обѣднѣніе народа, которое по всѣмъ признакамъ грозило прогрессировать и превратить цѣлыя націи въ толпы пауперовъ. При видѣ разрушительныхъ дѣйствій капиталистическаго процесса у маленькаго передового слоя пролетаріата развивалось чрезвычайно радикальное настроеніе, а у всей массы глухое недовольство, подчасъ и весьма внушительно выступавшее наружу. Таковы были реальныя общественныя условія, на почвѣ которыхъ возникла первая попытка начертать исторію развитія современнаго общества,—теорія капиталистической эволюціи въ знаменитомъ „Манифестѣ“ Маркса. Она была проникнута глубоко эволюціоннымъ и реалистическимъ духомъ, и если въ ней уже далеко не все соотвѣтствуетъ современной дѣйствительности, то именно потому, что э т а дѣйствительность не походитъ на условія 40-хъ гг. Конвульсивный характеръ промышленнаго развитія уступилъ мѣсто другому, еще недостаточно опредѣлившемуся, но существенно иному. Пролетаризація народныхъ массъ оказалась не только не тождественной съ ихъ пау-

перизаціей, но по своему соціальному значенію и политическому смыслу глубоко отъ нея отличной, во многихъ отношеніяхъ даже противоположной. „Соціальная катастрофа", которая въ 40-хъ гг., по объективнымъ матеріальнымъ условіямъ производства, казалась столь близкой, теперь не то, чтобы отдалилась, а просто-на-просто исчезла изъ реалистическаго поля зрѣнія, подобно тому, какъ старое представленіе о геологическихъ катаклизмахъ исчезло изъ геологической науки. Традиціонная фразеологія можетъ еще нѣкоторое время маскировать знаменательную перемѣну въ научномъ представленіи о процессѣ развитія современнаго общества, но устранить этой перемѣны она не въ силахъ, ибо эволюція взглядовъ есть лишь отраженіе болѣе могущественной эволюціи—реальныхъ отношеній и фактовъ. Все сказанное съ особенной живостью пришло намъ на умъ при перечитываніи старой статьи Фридриха Энгельса о десяти-часовомъ биллѣ 1847 г., напечатанной въ журналѣ „Neue Rheinische Zeitung" за 1850 г. (4-tes Heft, стр. 5—16). Статья написана по поводу рѣшенія одного изъ высшихъ судовъ Англіи Court of Exchequer, которымъ система работы на фабрикахъ нѣсколькими смѣнами (relay или shift-system) признается не противорѣчащей закону 1847 г. По мнѣнію Энгельса, это рѣшеніе опрокинуло весь 10-часовой билль. Здѣсь не мѣсто разбирать, въ какой мѣрѣ Энгельсъ правильно оцѣнилъ значеніе указаннаго рѣшенія для того времени, когда оно было постановлено. Гораздо интереснѣе общая оцѣнка билля въ статьѣ Энгельса. Оказывается, что, по мнѣнію знаменитаго автора книги о „Положеніи рабочаго класса", этотъ билль представляетъ не болѣе не менѣе, — какъ „реакціонную мѣру". „Десяти-часовой билль,—пишетъ Энгельсъ,—представлялъ реакціоннымъ классамъ и фракціямъ превосходную почву для совмѣстныхъ съ пролетаріатомъ дѣйствій противъ промышленной буржуазіи. Въ то время какъ этотъ билль значительно задержалъ (?!) быстрый ростъ богатства, вліянія общественнаго и политическаго могущества фабрикантовъ, рабочимъ онъ принесъ лишь матеріальную и даже исключительно физическую выгоду. Онъ охранилъ ихъ отъ слишкомъ быстраго разрушенія здоровья. Но онъ не далъ имъ ничего, чѣмъ они могли бы стать опасными своимъ реакціоннымъ союзникамъ; онъ не далъ имъ политическаго могущества и не измѣнилъ ихъ общественнаго положенія въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Наоборотъ, агитація въ пользу десяти-часового билля держала все время рабочихъ подъ вліяніемъ и отчасти даже руководствомъ этихъ имущихъ

союзниковъ, освободиться отъ котораго они все болѣе и болѣе стремились со времени билля о реформѣ и появленія чартистской агитаціи". Здѣсь вѣрно и съ обычнымъ мастерствомъ Энгельса констатируется тотъ фактъ, что десяти-часовой билль явился плодомъ союза англійскаго пролетаріата съ землевладѣльческимъ классомъ. Но экономическая оцѣнка этой мѣры Энгельсомъ вызываетъ у современнаго читателя недоумѣніе, которое только увеличивается по мѣрѣ того, какъ Энгельсъ развиваетъ свою аргументацію. „Если десяти-часовой билль,—читаемъ мы дальше,—защищался преимущественно реакціонерами и былъ проведенъ исключительно (??) реакціонными классами, то въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ осуществленъ, онъ явился вполнѣ реакціонной мѣрой. Все современное общественное развитіе Англіи связано съ прогрессомъ промышленности. Всѣ учрежденія, которыя задерживаютъ этотъ прогрессъ, его ограничиваютъ или стремятся регулировать его на основаніи лежащихъ внѣ его (sic!) масштабовъ,—реакціонны, несостоятельны и должны пасть. Революціонная сила (буржуазіи), которая такъ играючи и легко справилась со всѣмъ патріархальнымъ обществомъ старой Англіи, съ аристократіей и финансовой буржуазіей, по истинѣ не дастъ уложить себя въ умѣренное русло десяти-часового билля". Только „съ централизаціей крупной промышленности въ рукахъ государства отпадутъ тѣ условія конкурренціи, которыя въ настоящій моментъ ставятъ регулированіе рабочаго времени въ противорѣчіе (!!) съ прогрессомъ индустріи".

Въ настоящее время нѣтъ ни одного образованнаго человѣка вообще, а, въ частности, ни одного единомышленника Энгельса, который раздѣлялъ бы формулированный выше взглядъ на значеніе сокращенія рабочаго времени для прогресса промышленности. Теперь представители пролетаріата смотрятъ также болѣе реалистически на значеніе „физическихъ и матеріальныхъ выгодъ" для духовнаго и классоваго развитія рабочихъ. Но было бы дешево гордиться тѣмъ, что теперь всякій, прочитавшій учебникъ политической экономіи и популярную программную брошюрку, судитъ правильнѣе одного изъ крупнѣйшихъ экономическихъ мыслителей нашего столѣтія. Современная болѣе правильная точка зрѣнія есть результатъ огромнаго общественнаго опыта и отраженіе реальнаго процесса экономическаго развитія. Теперь референтъ цюрихскаго конгресса, заурядный экономистъ и соціалъ-демократъ Лангъ даже не особенно старается доказать, а лишь афористически намѣчаетъ—какъ нѣчто вполнѣ ясное—положеніе,

что сокращеніе рабочаго времени приводитъ къ прогрессу техники и ускоряетъ капиталистическое накопленіе и обобществленіе труда, т.-е. не задерживаетъ прогресса промышленности, а, наоборотъ, содѣйствуетъ ему. Это одинъ изъ тѣхъ многихъ пунктовъ, въ которыхъ само экономическое развитіе внесло крупныя поправки въ начертанную Марксомъ въ 40-хъ годахъ картину соціально-экономическаго развитія современнаго общества.

Отсюда и теоретически, и практически иная точка зрѣнія на „соціальныя реформы“. Въ 1850 г. по поводу якобы доказаннаго фіаско десяти-часового билля Энгельсъ иронически писалъ: „Рабочіе узнали, какую пользу приноситъ имъ проведеніе отдѣльныхъ детальныхъ мѣропріятій противъ промышленной буржуазіи“, т.-е. противъ капитализма. Теперь ту же фразу можно произнести и написать безъ всякой иронiи насчетъ „пользы“. Да, дѣйствительно, „узнали, какую пользу“, и выраженіемъ этого познанія и сознанія явился цюрихскій конгрессъ. А къ тому же они совершенно разучились бояться испортить и скомпрометировать себя союзомъ съ „реакціонерами“, потому что сами стали силой, и притомъ силой растущей....

Неудивительно, что на пароходѣ, который везъ членовъ конгресса съ одного конца цюрихскаго озера на другой, изъ Цюриха въ Рапперсвиль, Бебель и аббатъ Дансъ, Адлеръ и судья Кулеманъ, Либкнехтъ и профессоръ Бекъ, всѣ, одинаково удовлетворенные конгрессомъ, непринужденно, весело и дружелюбно бесѣдовали о дѣлѣ и бездѣльѣ.

А которое изъ двухъ направленій, представленныхъ на конгрессѣ,—спроситъ читатель,—взяло другое на буксиръ? Я думаю, что болѣе сильное. Не случайно, оно оказалось въ большинствѣ. Это тоже лишь отраженіе реальнаго факта, въ этомъ отношеніи конгрессъ тоже являлся какъ бы микрокосмомъ дѣйствительности. Въ такой характеристикѣ конгресса заключается, какъ мнѣ кажется, достаточно выразительная оцѣнка его, и потому я заключаю ею мой и такъ уже затянувшійся отчетъ.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ“ Н. В. ВОДОВОЗОВА [1]).

Замѣтка.

(1897 г.).

Н. В. Шелгуновъ въ послѣднемъ изъ своихъ „Очерковъ русской жизни“, напечатанномъ уже послѣ его смерти, отмѣтилъ нарожденіе въ Петербургѣ „молодежи будущаго“. У этой молодежи—писалъ онъ—„замѣчается одна умственная особенность, которой нѣтъ совсѣмъ у восьмидесятниковъ. Восьмидесятники думали изъ себя... Они мало учились, мало читали и, растерявшись въ заключеніяхъ и выводахъ, остановились на идеѣ общественнаго индефферентизма... Теперешняя молодежъ начинаетъ... съ изученія тѣхъ общественныхъ фактовъ, изъ которыхъ, какъ логическій выводъ, должно послѣдовать уже само собой—что дѣлать? Теперь въ Петербургѣ очень распространяется самообразованіе и спокойное, серьезное научное изученіе общественныхъ вопросовъ... Движеніе это пока возникающее и вполнѣ оно еще не организовалось“ [2]).

Въ томъ движеніи молодежи („девятидесятниковъ“), на которое указывалъ Шелгуновъ наканунѣ смерти, видное участіе при-

---

[1]) Изданіе М. И. Водовозовой. Москва, 1897, 218 стр. Содержаніе: I. Ученіе Мальтуса о народонаселеніи. II. Рабочее движеніе въ Бельгіи. III. Къ исторіи идей и партій въ Соед. Штатахъ. IV. Экономическія идеи французскихъ католиковъ.

[2]) „Очерки русской жизни“, стр. 1093—1094 изданія О. Н. Поповой (Спб., 1895). Я очень живо помню сильное впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ насъ, петербургскихъ студентовъ, захваченныхъ самообразовательнымъ движеніемъ, этимъ очеркомъ,—добрымъ словомъ, сказаннымъ намъ старымъ публицистомъ, человѣкомъ 60-хъ гг., какъ бы уже изъ могилы.

нималъ покойный авторъ „Экономическихъ Этюдовъ“; представленіе о серьезно изучающей молодежи было навѣяно на Н. В. Шелгунова, быть можетъ, отчасти и личными столкновеніями съ его молодымъ тезкой.

Пишущій эти строки такъ же, какъ авторъ статьи о Водовозовѣ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Новаго слова“ лично зналъ покойнаго, и потому его сужденія объ „Экономическихъ Этюдахъ“ вполнѣ естественно и неизбѣжно будутъ дополняться личными впечатлѣніями, полученными отъ духовной физіономіи автора. Эта оговорка казалась мнѣ необходимой.

Когда я нашелъ выписанное выше мѣсто объ изучающей и читающей молодежи 90-хъ гг. и затѣмъ сталъ далѣе перелистывать и перечитывать „Очерки русской жизни“, то мнѣ сама собой пришла въ голову мысль о значительномъ умственномъ сходствѣ между Шелгуновымъ и Водовозовымъ.

Оба были публицистами — по призванію и свойствамъ ума—и оба были публицистами-раціоналистами. У обоихъ были извѣстная сухость и отсутствовалъ лиризмъ.

Но Водовозовъ былъ публицистомъ только потенціальнымъ по своему общему умственному облику; онъ не напечаталъ, насколько я знаю, ни одной публицистической вещи. Такимъ образомъ, если возстановлять цѣльную умственную физіономію покойнаго Н. В. по его писаніямъ, то приходится въ значительной мѣрѣ итти путемъ—я бы сказалъ отрицательнымъ, судить о писателѣ не столько по тому, что есть въ его литературныхъ произведеніяхъ, сколько по тому, чего въ нихъ нѣтъ. Разсматривая напечатанныя произведенія Водовозова такимъ, нѣсколько необычнымъ способомъ, я и пришелъ къ формулированной выше характеристикѣ, сближающей Водовозова съ Шелгуновымъ.

Публицистъ-раціоналистъ Водовозовъ ставитъ вопросъ, прежде всего, о разумности явленій и справедливости взглядовъ. Реальный генезисъ фактовъ и порождаемыхъ ими воззрѣній его не интересуетъ. Онъ написалъ цѣлую, правда, маленькую, но въ данныхъ рамкахъ вполнѣ исчерпывающую предметъ книжку о Мальтусѣ [1]) и совсѣмъ обошелъ вопросъ о классовомъ происхожденіи и характерѣ идей, вліятельнымъ проповѣдникомъ которыхъ являлся авторъ „Опыта о замѣнѣ народонаселенія“. Стремленіе Мальтуса „возложить на одни рабочіе классы расплату

[1]) Біографія Мальтуса въ Павленковской библіотекѣ.

за избыточное населеніе“ представлялось ему „публицистическимъ увлеченіемъ“ (Этюды, стр. 72), словомъ, специфически классовый цвѣтъ идей Мальтуса былъ для него „результатомъ внесенія фальшиваго... публицистическаго элемента“ (Біографія Мальтуса, стр. 93). Гораздо больше чутья къ этой сторонѣ доктрины Мальтуса проявилъ, напр., Нитти, на котораго Водовозовъ часто ссылается, но изъ книги котораго онъ, къ сожалѣнію, не приводитъ мѣстъ, ставящихъ ученія о населеніи вообще и Мальтусово въ частности въ связь съ экономическими условіями и реальными общественными отношеніями историческаго момента. Абстрактная и чисто идеалистическая постановка вопроса сказывается у Водовозова въ утвержденіи, что „вопросъ о народонаселеніи изъемлется Мальтусомъ изъ сферы государственнаго воздѣйствія, изъ сферы политики“ (Біографія, стр. 50—51). Это невѣрно, во 1-хъ, потому, что государственное невмѣшательство, за которое стоялъ Мальтусъ, есть лишь особая форма государственнаго воздѣйствія“; во 2-хъ, потому, что „политика“, т. е. классовые интересы и, въ качествѣ ихъ выраженія, извѣстные принципы экономической политики были движущей силой ученія Мальтуса и причиной его успѣха среди современнаго ему „общества“. Вполнѣ опредѣленныя указанія на это встрѣчаются даже у такихъ, совершенно чуждыхъ марксизма, писателей, какъ Генри Джорджъ; кто не знаетъ далѣе, что ученіе Мальтуса воплотилось въ англійскомъ законодательствѣ о бѣдныхъ?

Несмотря на указанный кардинальный недостатокъ, очеркъ „Ученіе Мальтуса о народонаселеніи“, вошедшій въ „Этюды“, на мой взглядъ, является чрезвычайно кстати въ русской литературѣ и, сказать правду, кстати—именно въ силу своего рѣзко выраженнаго мальтузіанскаго характера. Врядъ ли этюдъ Водовозова переубѣдитъ тѣхъ, кто отвергаетъ ученіе знаменитаго англійскаго экономиста, врядъ ли онъ дастъ сознательнымъ и освѣдомленнымъ сторонникамъ этого ученія новые аргументы, но передъ широкой публикой весьма важно было раскрыть всю сложность и трудность той научной проблемы, которая объемлется словами „ученіе Мальтуса“. Это назначеніе статья Водовозова выполняетъ удовлетворительно. Внимательное отношеніе къ вопросу о населеніи и росту его, какъ фактору экономической эволюціи, имѣетъ огромное и практическое, и теоретическое значеніе. Укажемъ хотя бы на то, что каждой исторически

опредѣленной системѣ хозяйства соотвѣтствуетъ извѣстная степень емкости по отношенію къ населенію, и что перенаселеніе является могущественнымъ факторомъ измѣненія хозяйственныхъ системъ. Съ другой стороны, новые способы производства не только вынуждаются ростомъ населенія, но и въ сильнѣйшей степени содѣйствуютъ ему. Безъ развитія капитализма огромный ростъ населенія Европы въ XVIII и XIX вѣкѣ не былъ бы вовсе мыслимъ. Быть можетъ, для капитализма это абсолютное возрастаніе населенія гораздо характернѣе, чѣмъ то относительно-избыточное населеніе, на которое съ такой силой и съ такимъ удивительнымъ талантомъ указалъ Марксъ. На постановку вопроса у Маркса, внѣ всякаго сомнѣнія, опредѣляющимъ образомъ повліяла теорія Мальтуса, которая—какъ это неоднократно и вполнѣ справедливо указывалось—въ примѣненіи къ современной Мальтусу дѣйствительности и, по своему основному смыслу, была не столько теоріей населенія, сколько теоріей бѣдности. Марксова теорія относительнаго перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ тоже есть, на мой взглядъ, гораздо болѣе теорія бѣдности, чѣмъ теорія населенія и его роста при капиталистическомъ хозяйствѣ. Ни абстрактной, ни выведенной изъ наблюденія историческихъ фактовъ теоріи населенія при опредѣленномъ хозяйственномъ (въ данномъ случаѣ капиталистическомъ) строѣ у Маркса нѣтъ (я знаю, что самъ Марксъ и большинство его послѣдователей смотрятъ иначе на теорію капиталистическаго перенаселенія, изложенную въ 1 томѣ „Капитала“). Между тѣмъ у Мальтуса рядомъ съ теоріей бѣдности есть цѣлая теорія населенія, всеобъемлющая и, въ качествѣ таковой, весьма абстрактная. Ошибка Мальтуса — въ этомъ, конечно, Марксъ безусловно правъ—и заключается именно въ томъ, что чрезвычайно абстрактная теорія населенія слишкомъ просто объясняетъ у него сложныя конкретныя явленія исторически опредѣленнаго общественнаго порядка. Но несостоятельность теоріи бѣдности Мальтуса сама по себѣ не доказываетъ полной несостоятельности его теоріи населенія.

Водовозовъ совершенно правильно видитъ ея сущность въ трехъ законахъ, формулированныхъ въ главѣ II „Опыта“ [1]), и въ положеніи, гласящемъ, что населеніе всегда имѣетъ тенденцію въ

[1]) 1) Народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія.

2) Народонаселеніе неизмѣнно размножается всюду, гдѣ возрастаютъ

своемъ ростѣ опережать увеличеніе средствъ существованія. Часто говорятъ, что первый законъ Мальтуса представляетъ просто банальность, и что пресловутая тенденція никогда не была доказана. Послѣднее вѣрно въ томъ смыслѣ, что „тенденція“, въ качествѣ общаго закона, не была никогда установлена. Даже болѣе того: можно относительно извѣстныхъ историческихъ періодовъ странъ съ полнымъ правомъ утверждать противоположную тенденцію. Точно также второй законъ не можетъ считаться общимъ и безусловнымъ: новѣйшая исторія французскаго населенія, напр., совершенно ему не соотвѣтствуетъ. Первый законъ, который прослылъ банальностью, самъ Мальтусъ считалъ очевиднымъ, не нуждающимся ни въ какихъ доказательствахъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы это положеніе было банально. Водовозовъ совершенно правильно указываетъ, что ученіе Мальтуса шло въ разрѣзъ съ господствующими идеями и практически-политическими принципами XVIII вѣка; въ свое время оно, выставленное съ такимъ удареніемъ и съ такой аподиктичностью, развиваемое съ такимъ упорствомъ, было въ дѣйствительности не банальностью, а новымъ словомъ. „О зависимости роста населенія отъ количества необходимаго пропитанія писали до Мальтуса и въ Англіи, и на континентѣ, но... господствующимъ въ теченіе всего XVIII вѣка являлось противоположное мнѣніе, по которому были бы люди, а пропитаніе для нихъ найдется, откуда выводилось практическое требованіе искусственнаго покровительства увеличенію народонаселенія. Появляется книга Мальтуса—и положеніе дѣлъ рѣзко мѣняется“. (Біографія, стр. 45). Извѣстно также, что до сихъ поръ находятся экономисты, подобно Джорджу, утверждающіе, что „чѣмъ больше населенія, тѣмъ выше благосостояніе каждой отдѣльной личности“ [2]). Кромѣ того, въ ученіи Мальтуса важна тенденція, заставляющая постоянно считаться съ тѣмъ могущественнымъ факторомъ, который представляетъ населеніе и его ростъ.

Чтобы покончить съ работами Водовозова о Мальтусѣ, отмѣчу

средства существованія, если только не будетъ остановлено какими-либо чрезвычайными и явными препятствіями.

3) Эти исключительныя препятствія и всѣ тѣ, которыя, останавливая силу размноженія, возвращаютъ населеніе къ уровню средствъ существованія, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастію. („Опытъ“, русск. пер. Бибикова. Спб., 1868, т. I, стр. 113).

[1]) Джорджъ, правда, прибавляетъ: „при справедливомъ распредѣленіи благъ“.

еще невѣрное и совершенно произвольное причисленіе имъ Мальтуса къ экономическимъ матеріалистамъ (Біографія Мальтуса, стр. 82 –84, и „Этюды", стр. 71—72). Такихъ „экономическихъ матеріалистовъ", какъ Мальтусъ, можно было бы назвать цѣлыя сотни. Въ сущности тѣ заявленія автора „Опыта о законѣ народонаселенія", въ которыхъ Водовозовъ видитъ экономическій матеріализмъ, сводятся къ многочисленнымъ варіаціямъ на мотивъ, выраженный въ первомъ законѣ: народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія. Такого рода экономическій матеріализмъ исповѣдывалъ, между прочимъ, одинъ знаменитый современникъ Мальтуса, поэтъ и философъ-идеалистъ Фридрихъ Шиллеръ, написавшій:

So übt Natur die Mutterpflicht
. . . . . .
Einstweilen, bis den Bau der Welt
Philosophie zusammenhält,
Erhält sie das Getriebe
Durch Hunger und durch Liebe.

Вторая крупная статья посмертнаго сборника „Экономическія идеи французскихъ католиковъ" представляетъ выдающійся интересъ. И тутъ также въ полной мѣрѣ сказалась раціоналистически-этическая складка автора. Реальные общественные корни католическаго соціализма не изслѣдуются Водовозовымъ. Поражаетъ въ статьѣ Водовозова также отношеніе его къ энцикликѣ „Rerum novarum" Льва XIII. Онъ видитъ въ этомъ произведеніи, не заключающемъ въ себѣ ничего такого, чего нельзя было бы найти въ любой катедерсоціалистической брошюркѣ, „нѣсколько ясно выраженныхъ, плодотворныхъ и вполнѣ прогрессивныхъ идей, особенно знаменательныхъ въ устахъ главы католической церкви". Водовозовъ вообще—и въ этомъ выражался абстрактный и, я бы сказалъ, моралистическій складъ его ума—мало придавалъ значенія тому, кто защищаетъ или высказываетъ извѣстныя идеи, которыя онъ считалъ вѣрными или справедливыми, кто —не въ личномъ, а въ соціологическомъ смыслѣ. Я помню въ 1890 г. у насъ на улицѣ—я только что вернулся тогда изъ лѣтняго, обильнаго новыми и сильными впечатлѣніями, путешествія по Германіи—зашелъ разговоръ о соціальной политикѣ и реформаторскихъ планахъ Вильгельма II. Водовозовъ придавалъ имъ значеніе и не соглашался со мной, для котораго уже тогда (а теперь и подавно) вопросъ о значеніи факта и идеи такъ называемой „соціальной монархіи" (das soziale Königthum) былъ безповоротно рѣшенъ въ

отрицательномъ смыслѣ. Водовозовъ бралъ идею соціальной реформы отвлеченно отъ творящихъ ее реальныхъ общественныхъ силъ. Вотъ почему католическій соціализмъ для него, главнымъ образомъ,—своеобразное идейное движеніе въ пользу соціальной реформы, а не специфическая форма предохранительной реакціи европейской буржуазіи и отчасти обломковъ европейскаго феодализма противъ растущаго рабочаго движенія. Этой реальной подкладки католическаго соціализма Водовозовъ не видитъ. Какъ моралистъ, онъ увлекается словами де-Мёна: „пойдемте въ народъ, господа, вотъ дѣло будущаго вѣка. Пойдемте въ народъ, оставимъ избитые пути, которыми пользуются всѣ политическія условности и свѣтскіе предразсудки и т. д.“ (Этюды, стр. 203)—и говоритъ: „вся сущность соціальнаго католицизма въ этихъ словахъ, соціальнаго католицизма съ его благородными порывами, съ его моральной подкладкой и нѣкоторой неопытностью въ экономическихъ вопросахъ, съ его вѣрою въ великое, почти рѣшающее значеніе индивидуальной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ съ его смѣлостью, не останавливающейся ни передъ какими разрывами, ни передъ какими выводами“. Примѣняя собственныя слова покойнаго Н. В. къ нему самому, мы съ полнымъ правомъ, кажется, можемъ сказать, что въ этомъ сужденіи о католическомъ соціализмѣ весь Водовозовъ, со своей „этической подоплекой“ и абстрактнымъ раціонализмомъ. Какъ характерно указаніе на „нѣкоторую неопытность въ экономическихъ вопросахъ“ соціальнаго католицизма! Вѣдь „неопытность“ приписывается здѣсь цѣлому общественному направленію, порожденному извѣстнымъ общественнымъ движеніемъ.

Еще одно характерное мѣсто: „трудовая теорія цѣнности со всѣми ея выводами находитъ себѣ полное признаніе среди послѣдователей графа де-Мёна, а, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, весь современный процессъ производства, основанный на отдѣленіи рабочихъ рукъ отъ капитала и на непропорціональномъ труду вознагражденіи производителей,—получаетъ въ ихъ сочиненіяхъ полное осужденіе“ („Этюды“ стр. 194). Такое этическое пониманіе и толкованіе „трудовой теоріи“, кстати сказать, весьма распространенное, конечно, совершенно не соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія Маркса [1]), но оно вполнѣ гармонируетъ съ общимъ складомъ воззрѣній покойнаго автора „Экономическихъ этюдовъ“.

[1]) Это превосходно и, такъ сказать, аутентически разъяснено Энгельсомъ въ предисловіи къ нѣмецкому переводу „Misère de la philosophie“.

Несмотря на указанный общій и крупный недостатокъ „Этюдовъ"—отсутствіе послѣдовательно проведенной реалистической точки зрѣнія на общественную эволюцію и всплывающія въ ней идеи, очеркъ Водовозова о католическомъ соціализмѣ, представляющій—насколько мнѣ извѣстно—единственную русскую работу на эту любопытную тему, является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей экономической литературы.

Я сказалъ выше, что Водовозовъ по своему умственному облику былъ публицистомъ, и въ то же время отмѣтилъ въ его писаніяхъ извѣстную сухость и отсутствіе лиризма. Въ этомъ отношеніи литературныя дѣтища очень мало похожи на ихъ живого отца—человѣка. У этого послѣдняго былъ жаръ и чрезвычайно сильное непосредственное чувство, окрашенное вполнѣ опредѣленнымъ общественнымъ цвѣтомъ. Онъ сильно любилъ и сильно ненавидѣлъ, и жаль, что въ его писаніяхъ за разсужденіями совершенно не замѣчается этихъ живыхъ и сильныхъ общественныхъ чувствъ.

Еще объ одномъ нельзя не пожалѣть: друзьямъ Н. В. извѣстенъ и памятенъ чрезвычайно содержательный анализъ сочиненій Д. И. Писарева со стороны ихъ экономическаго содержанія, вышедшій изъ-подъ пера покойнаго автора „Этюдовъ". Къ сожалѣнію, эта интересная и весьма удавшаяся статья не могла войти въ разбираемый сборникъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить прекрасный, удивительно, пожалуй, даже слишкомъ гладкій языкъ, которымъ писалъ покойный Н. В. Среди современныхъ авторовъ, пишущихъ отмѣнно плохо, тяжело, тягуче, и порой прямо малограмотно, изящный стилистъ Водовозовъ производитъ впечатлѣніе настоящаго писателя хорошой школы, вродѣ людей 40-хъ и 60-хъ годовъ. Это формальное достоинство, въ связи съ ясностью мысли и аргументаціи, богатствомъ фактическихъ данныхъ и бодрымъ прогрессивнымъ духомъ, вѣющимъ со страницъ „Экономическихъ Этюдовъ", дѣлаютъ эту книгу прекраснымъ чтеніемъ для каждаго образованнаго человѣка. Мы не сомнѣваемся въ ея успѣхѣ. Приложенный къ „Этюдамъ" портретъ изумительнаго сходства познакомитъ постороннихъ читателей съ привлекательнымъ, одухотвореннымъ внѣшнимъ обликомъ покойнаго, а у знавшихъ его еще разъ пробудитъ горькое чувство скорби о безвременно похищенномъ смертью человѣкѣ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ МѢСТО РУССКОЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ [1]).

(Отвѣтъ П. Н. Милюкову).

(1898 г.).

Предисловіе къ третьему изданію „Очерковъ по исторіи русской культуры“ г. Милюковъ посвящаетъ моей рецензіи на его книгу. Я очень признателенъ почтенному автору за это: благодаря вниманію, обращенному имъ на небольшую журнальную рецензію, высказанныя въ ней мысли получатъ такъ или иначе болѣе широкое обращеніе, а нѣкоторыя недоразумѣнія, въ которыя впалъ г. Милюковъ, даютъ мнѣ поводъ развить мой систематическій взглядъ на историческую роль кустарнаго производства въ Россіи.

Въ экономической наукѣ давно не было такого праздника, какъ тогда, когда въ 1892 и 1893 гг. Карлъ Бюхеръ опубликовалъ свои замѣчательные этюды о развитіи народнаго хозяйства и формъ промышленности [2]). Его конструкція историческаго развитія формъ хозяйства вообще, формъ промышленности въ частности пролила яркій свѣтъ на множество собранныхъ фактическихъ

---

[1]) Настоящая статья перепечатывается здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ я прочелъ ее въ засѣданіи Историческаго общества при Спб. университетѣ весной 1898 г.

[2]) Сборникъ „Entstehung der Volkswirtschaft“ (2-е изд. Тюбингенъ, 1898) и статья „Gewerbe“ въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, Band III. На русскомъ языкѣ: „Происхожденіе народнаго хозяйства“ (изд. М. И. Водовозовой, Спб. 1897) и статья „Историческое развитіе и классификація формъ промышленности“ въ Сборникѣ „Исторія труда“ (изд. М. И. Водовозовой, Спб. 1897).

данныхъ, внесла въ сырой матеріалъ теоретическую связь и систематическое единство. Бюхеру удалось подмѣтить признакъ, выдѣленіе котораго позволило создать настоящую, естественную и историческую систему формъ хозяйства и формъ промышленности. Этимъ признакомъ въ глазахъ Бюхера явилось отношеніе между производствомъ хозяйственныхъ благъ и ихъ потребленіемъ или, еще точнѣе, длина того пути, который проходятъ хозяйственныя блага отъ производителя къ потребителю. На основаніи этого кардинальнаго признака, который имѣется на лицо во всякомъ хозяйствѣ, ибо вездѣ блага производятся и потребляются, какова бы ни была техника и соціальныя отношенія, Бюхеръ установилъ три ступени хозяйственнаго развитія:

1. Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (чистое производство для собственнаго потребленія, безобмѣнное хозяйство): блага потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ они производятся.

2. Ступень городского хозяйства (производство на заказъ, прямой обмѣнъ продуктовъ): блага переходятъ непосредственно изъ производящаго ихъ хозяйства въ потребляющее.

3. Ступень народнаго хозяйства (товарное производство, ступень обращенія или циркуляціи хозяйственныхъ благъ): блага, прежде чѣмъ попадаютъ въ потребленіе, по общему правилу, проходятъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ.

Въ каждый данный историческій моментъ могутъ сосуществовать хозяйственныя формы, характерныя для всѣхъ трехъ ступеней, которыя соединяются между собой цѣлымъ рядомъ неуловимыхъ переходовъ. Но въ то же время для каждаго даннаго историческаго момента, т. е. для каждой данной ступени хозяйственнаго развитія существуетъ извѣстное нормальное, т. е. обычное или господствующее отношеніе между производствомъ хозяйственныхъ благъ и ихъ потребленіемъ, въ очерченномъ выше смыслѣ, т. е. въ смыслѣ „длины пути“.

Исторической системѣ формъ хозяйства, установленной Бюхеромъ, соотвѣтствуетъ параллельная, столь же естественная и столь же историческая система формъ промышленности. Первой ступени хозяйства соотвѣтствуетъ домашній промысловый трудъ внутри единаго, нераздѣльнаго, самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства (Hauswerk или Hausfleiss). Въ своей чистой формѣ онъ не предполагаетъ обмѣна и не нуждается въ немъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи избытки продуктовъ надъ собственнымъ потре-

бленіемъ начинаютъ отчуждаться. Отчуждаются они или неизвѣстному, или вполнѣ опредѣленному потребителю. Второй случай имѣетъ мѣсто и тогда, когда промысловый трудъ, развившійся на почвѣ единаго самодовлѣющаго домашняго хозяйства, отчуждается не въ формѣ продуктовъ, а въ формѣ затратъ рабочей силы на обработку матеріала, принадлежащаго покупателю рабочей силы. Это—та форма промышленности, которую Бюхеръ называетъ Lohnwerk и которая характерна для первыхъ шаговъ городского хозяйства. Она встрѣчается въ двухъ видоизмѣненіяхъ: промысловый рабочій обработываетъ чужой матеріалъ или въ помѣщеніи покупателя его рабочей силы, или у себя на дому.

Работа изъ чужого матеріала предполагаетъ непосредственный обмѣнъ между производителемъ и потребителемъ. Такое же непосредственное отношеніе между хозяйствомъ, производящимъ блага и ихъ потребляющимъ, мы видимъ и на дальнѣйшей ступени промысловаго труда, когда промысловый рабочій самъ поставляетъ тотъ матеріалъ, въ обработкѣ котораго заключается его профессіональный трудъ. Это производство продуктовъ по заказу опредѣленнаго потребителя и есть типическая форма ремесла, т. е. производства на заказъ. Въ отличіе отъ Lohnwerk, Бюхеръ называетъ ее Preiswerk, обозначая этими различными названіями, что въ одномъ случаѣ производитель получаетъ плату за трудъ, въ другомъ цѣну продукта. Рядомъ съ продуктами, производимыми на заказъ, т. е. для извѣстнаго потребителя, ремесленникъ можетъ производить продукты про запасъ, т. е. для неопредѣленнаго или даже случайнаго покупателя.

Но у ремесла кругъ неопредѣленныхъ покупателей всегда незначителенъ, узокъ, и въ этомъ смыслѣ этотъ кругъ является до извѣстной степени опредѣленнымъ. Такимъ образомъ, ремесленникъ рядомъ съ заказными продуктами производитъ иногда товары, но онъ сбываетъ эти товары непосредственно потребителю, который приходитъ въ его „лавку“, или съ которымъ онъ встрѣчается на городскомъ или сельскомъ базарѣ. Производство товаровъ на мѣстный базаръ, на которомъ производитель непосредственно сталкивается съ потребителемъ, есть форма промежуточная между ремесломъ и настоящимъ товарнымъ, т. е. массовымъ производствомъ. Эта промежуточная форма можетъ возникать и изъ домашняго промысловаго труда, и изъ ремесла въ чистомъ видѣ. Съ другой стороны она можетъ

сочетаться съ земледѣліемъ, какъ главнымъ или побочнымъ занятіемъ, и съ чистымъ ремесломъ.

Разрывомъ непосредственной связи между хозяйствомъ, производящимъ блага, и хозяйствомъ, ихъ потребляющимъ, характеризуется настоящее товарное производство. Между производителемъ и потребителемъ становится посредникъ, торговецъ-предприниматель, представитель капитала въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Сперва капиталъ овладѣваетъ сбытомъ продуктовъ, а потомъ подчиняетъ себѣ и производителя въ самомъ процессѣ производства. Сообразно этимъ двумъ ступенямъ развитія можно различать двѣ формы: децентрализованное и централизованное массовое производство товаровъ. Первое — это такъ называемая на Западѣ домашняя, а въ Россіи кустарная промышленность. Второе — фабричная промышленность. Рѣшающимъ признакомъ—и съ исторической, и съ логической точки зрѣнія,—отдѣляющимъ кустарную промышленность отъ ремесла (производства на заказъ) и отъ производства товаровъ на мѣстный рынокъ — назовемъ эту форму мѣстнымъ кустарничествомъ—являются условія сбыта. Непосредственное отношеніе между производителемъ и потребителемъ отсутствуетъ, и изъ этого вытекаютъ всѣ соціальныя отношенія, характеризующія децентрализованное товарное производство въ отличіе отъ ремесла и мѣстнаго кустарничества.

Болѣе того: исторія промышленности неопровержимо доказываетъ, что размѣры рынка, т. е. условія сбыта могущественнымъ образомъ опредѣляютъ и чисто техническую эволюцію производства, которая, въ свою очередь, столь радикально отражается на дальнѣйшемъ развитіи соціальныхъ отношеній въ сферѣ промышленнаго труда. Извѣстный историкъ англійской промышленности Адольфъ Гельдъ могъ, поэтому, съ полнымъ правомъ сказать: „Die Absatzverhältnisse beherrschen die Production". Но тутъ вставляетъ свое слово г. Милюковъ и, ссылаясь на авторитетъ Зомбарта, опорочиваетъ мое опредѣленіе кустарной промышленности: технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ, каковое опредѣленіе по своему существенному содержанію и смыслу совпадаетъ съ Бюхеровскимъ понятіемъ децентрализованнаго товарнаго производства. Прежде всего я долженъ замѣтить, что никакія мнѣнія Зомбарта, а тѣмъ болѣе невѣрныя для меня не обязательны. Зомбартъ въ своей прекрасной статьѣ, которую цитируетъ г. Милюковъ, задался похвальной цѣлью раскрыть и подчеркнуть соціальную природу отно-

шеній, господствующихъ въ домашней промышленности, показать, что это есть одна изъ формъ капиталистическаго производства. Но, увлекшись этой почтенной задачей, Зомбартъ въ 1891 году хватилъ черезъ край и написалъ тѣ безусловно непродуманныя и несостоятельныя строки, которыя г. Милюковъ выдвигаетъ теперь противъ меня и содержаніе которыхъ заключается въ признаніи опредѣленія кустарной (домашней) промышленности, построеннаго на характеристикѣ сбыта, ошибочнымъ.

Критика Зомбарта несостоятельна вотъ почему. Классификація—характеристика формъ промышленности, въ основу которой кладется отношеніе между производствомъ и потребленіемъ („длина пути")—*логически* столь же законна, какъ и всякая другая. Труды Бюхера показываютъ, въ какой мѣрѣ она исторически и систематически плодотворна. Историческая же цѣнность характеристики домашней (кустарной) промышленности условіями сбыта опредѣляется тѣмъ, что и *соціальныя отношенія, характеризующія эту форму, являются производными отъ условій сбыта*. Мы знаемъ теперь, что размѣры рынка опредѣляютъ не только раздѣленіе труда, какъ училъ Адамъ Смитъ („Богатство народовъ", книга I, гл. III), но и соціальныя отношенія участвующихъ въ производствѣ лицъ. Цитируемое г. Милюковымъ указаніе Зомбарта на нѣмецкія ремесла, имѣвшія цеховую организацію и работавшія для экспорта, для всемірнаго рынка, нисколько не опровергаетъ моего взгляда, потому что экспортирующее ремесло либо вовсе не ремесло, а домашняя (кустарная) промышленность съ цеховой организаціей (такихъ случаевъ было очень много на западѣ Европы) [1]), либо ремесло въ процессѣ неизбѣжнаго перерожденія въ кустарную промышленность. Такимъ образомъ, возраженіе Зомбарта не выдерживаетъ критики, именно, съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ самъ Зомбартъ: соціальныя отношенія въ экспортирующемъ ремеслѣ иныя и не могутъ не быть иными, чѣмъ въ ремеслѣ настоящемъ, представляющемъ производство на заказъ (Kundenproduktion). Неудивительно по-

[1]) Достаточно указать, что классическая сфера западной домашней промышленности, текстильная индустрія по общему правилу въ свое время обладала цеховымъ строемъ, и сохраняла его иногда долго послѣ исчезновенія соціальныхъ отношеній, характеризующихъ ремесло. Характерно, что еще въ 1848 году даже крефельдскіе ткачи-пролетаріи, которые никогда не были ремесленниками, требовали для себя *званія* мастеровъ.

этому, что впослѣдствіи самъ Зомбартъ, какъ указываетъ и г. Милюковъ, примкнулъ къ опредѣленію Бюхера и тѣмъ самымъ отказался отъ своей критики [1]).

Впрочемъ, г. Милюковъ снисходительно относится къ неправильности моего опредѣленія, „болѣе важной по отношенію къ ремеслу, чѣмъ къ кустарной промышленности". Но мои опредѣленія и ремесла, и кустарной промышленности по существу сходятся съ классическими опредѣленіями Бюхера, у котораго они отчасти и заимствованы, и потому г. Милюкову слѣдовало бы направить свою критику на Бюхеровскую историческую систему формъ хозяйства и промышленности. Такъ какъ пока онъ такой критики не представилъ, то я могу спокойно перейти къ той „ошибкѣ" въ моемъ разсужденіи, которую г. Милюковъ называетъ „главною". Она, по мнѣнію моего оппонента, заключается въ томъ, что я русскую кустарную промышленность отождествилъ съ западно-европейской капиталистической домашней промышленностью. Г. Милюковъ не правъ, дѣлая мнѣ такой общій упрекъ. Я безусловно отождествляю русскую кустарную промышленность съ западной Hausindustrie лишь въ томъ пунктѣ, который для г. Милюкова представляется несущественнымъ, а для меня рѣшающимъ и съ исторической, и съ логически-систематической точки зрѣнія. Я разумѣю въ данномъ случаѣ условія сбыта. Г. Милюковъ противопоставляетъ мнѣ терминологію, установленную на Будапештскомъ статистическомъ конгрессѣ. Къ сожалѣнію, на этомъ конгрессѣ по вопросу о классификаціи формъ промышленности господствовало по истинѣ вавилонское столпотвореніе языковъ, результатомъ котораго явилась полная путаница понятій и именно потому, что въ данномъ случаѣ отсутствовалъ правильный критерій разграниченія формъ промышленности. На этой путаницѣ и покоится обычное и пресловутое противопоставленіе „народной" кустарной промышленности (nationale Hausindustrie) капиталистической кустарной промышленности (fabrikmässige Hausindustrie).

Насколько это противопоставленіе неправильно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обычно дѣлается, доказывается для меня очень убѣдительно, между прочимъ, тѣмъ, что и для г. Милюкова оно

[1]) Дополненіе 1902 г. Въ новѣйшее время Зомбартъ занялъ уже иную позицію и далъ подробную критику Бюхеровой системы формъ промышленности. Я не могу признать ее удачной и намѣренъ показать это, когда большой трудъ Зомбарта появится въ свѣтъ въ видѣ книги.

послужило источникомъ недоразумѣній и помѣшало ему ясно схватить основанія моего взгляда на историческое мѣсто русской кустарной промышленности.

Я совершенно согласенъ съ тѣми, кто русскую кустарную промышленность считаетъ національной особенностью нашего экономическаго строя и развитія. Но я совершенно не согласенъ съ тѣми, кто типичную русскую кустарную промышленность отождествляетъ съ „народнымъ“ кустарнымъ производствомъ въ смыслѣ домашняго промысловаго труда земледѣльца. Эта послѣдняя форма характерна для всѣхъ странъ на извѣстной ступени развитія; въ наше время она одинаково характерна, напр., и для Венгріи, и для Румыніи, и для Россіи. Существо ея опредѣляется тѣмъ, что отчуждаются лишь избытки сверхъ того, что потребно для собственнаго хозяйства. Статистика этого кустарнаго производства въ Венгріи показала, что его распространеніе находится въ обратномъ отношеніи къ плотности населенія и къ развитію путей сообщенія. Это свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ Венгріи дѣло съ тѣмъ, что я назвалъ „мѣстнымъ кустарничествомъ“, т. е. съ промышленнымъ производствомъ, направленнымъ на снабженіе весьма узкаго рынка и предполагающимъ непосредственное отношеніе между производителемъ и потребителемъ, хотя первый не есть ремесленникъ, а второй не является заказчикомъ.

Если рынокъ расширяется и въ зависимости отъ этого связь между производителемъ и потребителемъ порывается, то мѣстное кустарничество смѣняется децентрализованнымъ товарнымъ производствомъ—кустарной или домашней промышленностью.

Теперь является вопросъ, что же представляетъ изъ себя традиціонная русская кустарная промышленность?

Очевидно, что это—вопросъ о типическихъ, главенствующихъ чертахъ опредѣленной формы промышленности. Его нельзя устранить ссылкой на „излишній схематизмъ“, потому что всякое выдѣленіе типическихъ признаковъ по существу неизбѣжно является схематичнымъ. Дѣйствительность представляетъ „параллельное существованіе разныхъ формъ производства“ и „неуловимые переходы“ между ними. Но наука, обобщая и абстрагируя, можетъ и обязана выдѣлять извѣстныя черты и строить на ихъ основаніи типы.

Итакъ, подъ какой типъ подойдетъ русская кустарная промышленность? Она не есть ремесло. Несомнѣнно, что общепри-

нятое, я бы сказалъ, вульгарное русское словоупотребленіе объемлетъ однимъ широкимъ терминомъ „кустарное производство“ или „кустарная промышленность“ и сельское ремесло. Стоитъ даже бѣгло просмотрѣть разныя поуѣздныя и поволостныя описанія кустарныхъ промысловъ (напр., въ „Трудахъ“ кустарной коммиссіи), чтобы видѣть, что подъ этимъ названіемъ фигурируетъ не только децентрализованное товарное производство и мѣстное кустарничество, но и настоящее ремесло. При томъ въ „Трудахъ куст. коммиссіи“ мы имѣемъ прямыя указанія на ту форму ремесла, которую Бюхеръ считаетъ характерной для первыхъ шаговъ западно-европейскаго городского ремесла, а именно на Lohnwerk.

Но если у насъ несомнѣнно существуетъ и прежде существовало сельское ремесло и при томъ въ самой примитивной формѣ то столь же несомнѣнно, что значеніе его въ общей экономіи страны было и остается очень незначительнымъ. Вопросъ можетъ ставиться лишь о томъ, есть ли русская кустарная промышленность—мѣстное кустарничество или децентрализованное товарное производство. Этотъ вопросъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, тоже очень важнымъ, но существенно отличнымъ вопросомъ—о путяхъ происхожденія кустарной промышленности. Такое смѣшеніе препятствуетъ, повидимому, г. Милюкову съ полной отчетливостью схватить суть вопроса, какъ онъ былъ поставленъ мною. Еще менѣе указанный вопросъ о существѣ кустарной промышленности долженъ быть смѣшиваемъ съ вопросомъ о различныхъ стадіяхъ децентрализованнаго товарнаго производства. Если я въ „Критическихъ замѣткахъ“ говорилъ, что наше кустарное производство въ общемъ стоитъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ западно-европейская домашняя промышленность съ ея совершенно явственнымъ капиталистическимъ характеромъ (стр. 101), то, какъ это явствуетъ изъ всего контекста (см., напр., стр. 99), я имѣлъ въ виду различіе западной Hausindustrie и нашей кустарной промышленности, какъ разныхъ формъ и стадій децентрализованнаго товарнаго производства. Г. Милюковъ не понялъ этого и потому счелъ возможнымъ опровергать меня цитатой изъ моей же книжки, въ которой по существу уже цѣликомъ выраженъ мой систематическій взглядъ на историческую роль кустарнаго производства (см. стр. 274). Свое происхожденіе кустарная промышленность можетъ вести либо отъ домашняго промысловаго труда (черезъ мѣстное кустарничество), либо отъ ремесла, городского или сельскаго, свободнаго или крѣпостного, либо отъ фабрики

путемъ ея децентрализаціи, или путемъ перенесенія въ домашнее производство техническихъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ на фабрикѣ.

М. И. Туганъ-Барановскій превосходно показалъ, какую огромную роль сыграли фабрика и вообще капиталъ въ развитіи русской кустарной промышленности.

Несомнѣнно, что крупную роль, въ качествѣ исходной точки въ развитіи нашей кустарной промышленности сыграло также ремесло, крѣпостное и свободное. Приведу слѣдующій примѣръ для иллюстраціи:

„Въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 г. № 7 и въ „Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ 1860 г. № 5 про столярный промыселъ разсказана слѣдующая исторія: въ началѣ нынѣшняго столѣтія одному изъ вятскихъ старожиловъ Титову, построившему себѣ новый домъ, пожелалось омеблировать его собразно вкусу того времени. Съ этою цѣлью онъ поѣхалъ въ Казань заказать одному изъ тамошнихъ мастеровъ мебель, а если возможно, то и пригласить оттуда въ Вятку мастера этого ремесла, обѣщая ему много заказовъ, потому что въ Вяткѣ, будто бы, мастеровъ мебельныхъ до того времени не существовало. Одинъ нѣмецъ, мастеръ, какъ болѣе предпріимчивый, пріѣхалъ въ Вятку, и, получивъ обѣщанные заказы, взялъ рабочихъ изъ вятскихъ древодѣловъ, которые въ очень непродолжительное время такъ усвоили все необходимое по части мебельнаго мастерства, что не только открыли въ самомъ городѣ мастерскія, и тѣмъ лишили нѣмца работъ, но перенесли это ремесло и въ деревни, причемъ, безъ сомнѣнія, значительно понизили цѣны на мебель того же достоинства. Насколько разсказъ этотъ справедливъ — судить трудно. Алексѣй Николаевичъ Титовъ—(отставной землемѣръ, старикъ лѣтъ 65 или болѣе, внукъ вышеописаннаго Титова) объ этомъ разсказѣ того мнѣнія, что дѣдъ его скорѣе могъ привезти столяра изъ Архангельска или даже Англіи, съ которою Титовъ велъ обширную хлѣбную торговлю черезъ Архангельскій портъ и откуда не разъ вывозилъ разную мебель, часть которой еще и теперь сохранилась у А. Н. Титова, чѣмъ привозить нѣмца изъ Казани“. („Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ XI. 1884 г. Вятская губ. Стр. 140—141).

Въ Порѣчье (Рост. уѣзда) приготовленіе консервовъ занесено поваромъ „Славянскаго базара.“ Историческая связь кустарной промышленности съ промысловымъ отходомъ удостовѣряется, между

прочимъ, тѣмъ фактомъ, что кимрскіе сапожники еще въ послѣдней четверти XVIII вѣка были отхожими промышленниками.

Но исходная точка развитія кустарной промышленности (Anknüpfungspunkt, по выраженію Замбарта) въ томъ или другомъ случаѣ совершенно не мѣняетъ ни экономическаго существа децентрализованнаго товарнаго производства, ни основной причины его возникновенія—расширенія рынка.

Итакъ, что же типично для русской промышленной культуры, мѣстное кустарничество или кустарная промышленность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ на основаніи цѣлаго ряда различныхъ соображеній. Прежде всего, въ какомъ случаѣ мы имѣемъ право говорить о промышленной культурѣ? Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что промышленная культура начинается лишь съ соціальнаго, профессіональнаго и техническаго выдѣленія промысловаго или промышленнаго труда изъ единаго и нераздѣльнаго самодовлѣющаго хозяйства. Правда, нѣкоторыя отрасли промышленнаго труда могутъ достигнуть сравнительно высокаго развитія внутри крупнаго хозяйства, основаннаго на принудительномъ трудѣ („ойкосъ“). Но такая хозяйственная организація въ сущности осуществляетъ внутри каждой самодовлѣющей хозяйственной еденицы широкое общественное раздѣленіе труда—основу всякой культуры и въ томъ числѣ промышленной. Про мѣстное кустарничество, непосредственно вырастающее изъ домашняго промысловаго труда земледѣльца (Hauswerk или Hausfleiss Бюхера), этого сказать нельзя: имъ знаменуется въ дѣйствительности полное отсутствіе въ странѣ промышленной культуры, конечно, поскольку нѣтъ другихъ формъ промышленности или, по крайней мѣрѣ. эта форма промыслового труда безусловно господствуетъ.

Ну, что же, скажутъ мнѣ, до фабрики и помимо фабрики въ Россіи не существовало никакой промышленной культуры. Эту точку зрѣнія, повидимому, приписываетъ мнѣ г. Милюковъ. „Источникъ... теоріи г. Струве,—говоритъ г. Милюковъ,—можно видѣть въ наблюденіи Бюхера, по которому вся Восточная Европа, въ томъ числѣ и Россія, прямо перескочила изъ періода натуральнаго хозяйства въ современное мѣновое, миновавъ тѣ вѣка промежуточнаго развитія, которые въ Западной Европѣ характеризовались преобладеніемъ ремесла“ (стр. XII).

Между тѣмъ мой взглядъ на экономическую и въ частности промышленную исторію Россіи далеко не отличается такой про-

стотой, какъ наблюденіе Бюхера, хотя г. Милюковъ и утверждаетъ, что я, воспроизводя взглядъ Бюхера, стушевалъ въ немъ и „продолжительность періода примитивнаго хозяйства", и „насильственность, которою характеризуется по Бюхеру экономическій процесъ (развитія?) Восточной Европы вслѣдствіе скачка отъ примитивнаго натуральнаго хозяйства къ современному мѣновому». Вопроса о продолжительности періода примитивнаго хозяйства я совсѣмъ не касался по той простой причинѣ, что при примитивномъ хозяйствѣ, какъ я уже сказалъ выше, никакой промышленной культуры не существуетъ. Съ другой стороны, ту насильственность, которую подчеркиваетъ Бюхеръ, я могу признать лишь съ очень большими оговорками. Несомнѣнно, что у насъ въ Россіи ремесло, т. е. производство на заказъ, какъ форма промышленности, играло до сихъ поръ довольно ничтожную роль. Но, съ другой стороны, между „примитивнымъ хозяйствомъ" г. Милюкова и развитымъ капитализмомъ, т. е. централизованнымъ товарнымъ производствомъ у насъ лежитъ эпоха, лишь теперь, быть можетъ, приходящая или уже пришедшая къ концу, эпоха невиданнаго нигдѣ распространенія кустарной промышленности, т. е. децентрализованнаго товарнаго производства.

Мы всѣ знаемъ хорошо, что кустарная промышленность развилась и пріобрѣла серьезное экономическое значеніе тамъ, гдѣ земледѣліе не давало достаточно дохода и просто пропитанія населенію. Она развилась на почвѣ нужды значительной части крестьянства въ пищѣ для себя и въ деньгахъ для помѣщика. Съ другой стороны, если брать все народное хозяйство въ цѣломъ, въ кустарной промышленности выразилось ни что иное, какъ уже довольно давно обозначившееся и все болѣе и болѣе развивавшееся естественно-географическое раздѣленіе труда между различными областями нашей обширной страны. Опирающаяся на это широкое національное раздѣленіе труда кустарная промышленность, а не мѣстное кустарничество, и есть носительница нашей своеобразной промышленной культуры.

Что такъ обстоитъ дѣло въ современности, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы знаемъ доподлинно, что кустарная промышленность господствуетъ въ нечерноземной Россіи, а мѣстное кустарничество въ черноземной и земледѣльческой [1]); мы

---

[1]) Это очень хорошо показано, напр., въ книгѣ г. В. В. „Очерки кустарной промышленности въ Россіи". Спб., 1886 г., стр. 49—78.

знаемъ также, что экономическое значеніе кустарной промышленности не только есть и будетъ, но и всегда было неизмѣримо больше значенія мѣстнаго кустарничества. Наша „національная промышленность" олицетворяется не лаптемъ, не кускомъ грубаго полотна, не примитивнымъ горшкомъ, вымѣниваемымъ на просо, а кимрскимъ сапогомъ, павловскимъ замкомъ, семеновской ложкой, тульской гармоникой—словомъ, предметами, имѣющими совершенно неоспоримое право на званіе товаровъ.

Но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что это децентрализованное товарное производство, какъ промышленный типъ, вовсе не столь новаго происхожденія [1]). Оно такъ же старо, какъ его базисъ—національное раздѣленіе труда между неземледѣльческой и земледѣльческой Россіей. Въ сущности здѣсь кроется любопытная историко-экономическая особенность Россіи. Правда, она все убываетъ и обречена, безспорно, на конечное исчезновеніе. Но тѣмъ не менѣе тутъ для изслѣдователя цѣлая проблема сравнительнаго изученія экономической исторіи, проблема, которая до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, не была никѣмъ вполнѣ ясно и сознательно формулирована [2]).

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ томъ фактѣ, что наше децентрализованное производство, какъ типъ промышленной организаціи, является въ исторіи прямо съ чертами товарнаго производства, выражается общая отсталость и неразвитость нашей страны, стоящая въ связи съ ея естественно-географическими условіями, а также съ ходомъ политической исторіи и разселенія. Масса населенія слишкомъ бѣдна, чтобы могли существовать сколько-нибудь значительные мѣстные рынки; общественное раздѣленіе труда проникло еще недостаточно глубоко, оно опредѣляется еще исключительно естественно-географическими условіями; господствуетъ натуральное хозяйство и домашній промысловый трудъ земледѣльца, а потому и нѣтъ мѣста для широкаго распространенія ремесла, которое предполагаетъ значительную дифферен-

[1]) Ср. 3-й томъ Г. Шторха „Historich statistiches Gemälde des Russ. Reiches am Ende des XVIII Jahrh." (Leipzig 1799) и А. Корсакъ „О формахъ промышленности" и т. д. (Москва 1861) гл. IV. Корсакъ говоритъ: „Къ концу прошлаго столѣтія этихъ оптовыхъ ремеслъ (курсивъ подлинника), какъ называютъ ихъ нѣкоторые, развилось въ Россіи очень много" (стр. 121). Оптовое ремесло — это очень остроумное житейское обозначеніе децентрализованнаго товарнаго производства.

[2]) Нѣкоторый намекъ на нее мы находимъ у Корсака, стр. 123 и сл.

ціацію въ границахъ небольшихъ хозяйственныхъ территорій. Но въ то же время вся хозяйственная территорія страны или значительныя ея части представляютъ довольно внушительный рынокъ, опираясь на который можетъ существовать товарное производство съ характернымъ для него господствомъ капитала: нѣкоторое значеніе здѣсь, какъ и всюду, имѣетъ и внѣшняя торговля. Получается выводъ, на первый взглядъ парадоксальный: существованіе въ странѣ промышленнаго производства въ формѣ товарной (Waarenproduction, а не Kundenproduction) стоитъ въ связи съ подавляющимъ господствомъ въ ней натуральнаго хозяйства, слабымъ развитіемъ городовъ и даже, въ извѣстной мѣрѣ, и промышленной техники, т. е. съ бѣдностью и экономической отсталостью страны. Но въ то же время это выросшее на почвѣ общей и, въ частности, хозяйственной отсталости товарное производство гораздо ближе къ развитому капитализму, чѣмъ западноевропейское ремесло—продуктъ экономически и технически болѣе богатой культуры. Такимъ образомъ, при нашей экономической отсталости и въ связи съ ней создалась экономическая форма, въ томъ пунктѣ, который для эволюціи промышленности вообще и ея соціальныхъ отношеній въ частности имѣетъ рѣшающее значеніе, тождественная съ развитымъ капитализмомъ. Этотъ пунктъ—отношеніе между производителемъ и потребителемъ, условія сбыта. Я не говорю, что Россія, благодаря этой особенности, ушла дальше другихъ странъ по пути капиталистическаго развитія—этого не было и нѣтъ, но я констатирую фактъ, который невозможно оспаривать. Такимъ образомъ, въ нижеслѣдующихъ строкахъ своей рецензіи я далъ лишь описаніе фактическаго положенія вещей: „Обладая въ качествѣ національнаго и традиціоннаго типа промышленной организаціи формой производства, съ точки зрѣнія сбыта и отчасти соціальныхъ отношеній, тождественной съ развитымъ капитализмомъ, мы именно, благодаря этой національной особенности, имѣли—съ самаго начала усиленной нашей европеизаціи въ промышленномъ отношеніи—сравнительно съ Европой гораздо болѣе свободныя руки... Въ тотъ моментъ, въ который мы столкнулись съ интенсивной, несущейся съ Запада капиталистической культурой, мы менѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ въ моментъ капиталистическаго грѣхопаденія располагали антикапиталистическими традиціями и учрежденіями въ области промышленности. Гдѣ было у насъ цеховое ремесло? Когда велась въ Россіи борьба за свободу промышленности? Словомъ,

никакой промышленной культуры, кромѣ капиталистической, у насъ никогда и не было".

Но, говоритъ г. Милюковъ, если „не доказано, что антикапиталистическія традиціи не помѣшали развитію западнаго капитализма", то „содѣйствіе, оказанное національнымъ и традиціоннымъ типомъ производства русскому капитализму представляется еще болѣе проблематичнымъ". Несомнѣнно, что „антикапиталистическія традиціи" не помѣшали развитію западнаго капитализма, но для всякаго знакомаго съ западно-европейской промышленной исторіей столь же несомнѣнно, что онѣ ему мѣшали. Процессъ развитія современнаго хозяйственнаго строя Западной Европы потому и представляетъ такую сложную картину, что здѣсь мы видимъ самыя разнообразныя теченія, различныя акціи и реакціи. И „антикапиталистическія традиціи" при всемъ своемъ конечномъ безсиліи занимаютъ въ исторіи этого строя довольно видное мѣсто. Иначе и быть не могло. Цѣлая богатая и во многомъ принципіально враждебная капитализму культура не могла просто, безъ боя уступить своего мѣста. Что тутъ происходила напряженная борьба культурныхъ формъ и традицій, можно доказать цѣлой горой фактовъ, которые могли бы занять не печатный листъ, а одну или двѣ книжки журнала. Мнѣ приходится ограничиться нѣсколькими указаніями. Безспорно, что, по конечному результату своей дѣятельности, злѣйшимъ врагомъ ремесленно-городской, т. е. цеховой культуры было новѣйшее государство съ его меркантилистической политикой. Но давно уже замѣчено, что хозяйственная политика меркантилизма, разрушительная по отношенію къ старому городскому строю, въ своихъ пріемахъ представляла сколокъ съ хозяйственной политики городовъ, проникнутой цеховымъ духомъ и служившей цеховымъ интересамъ. Тутъ можно сказать по истинѣ: le mort saisit le vif.

Въ частности, политика меркантилизма по отношенію къ кустарной промышленности (Hausindustrie) испытала на себѣ могущественное вліяніе антикапиталистическихъ цеховыхъ традицій и представляла собою компромиссъ новыхъ требованій жизни съ этими традиціями. Это можно видѣть на классической исторіи англійской шерстяной промышленности, въ которой развитіе крупной мануфактуры, по предположенію Эшли, было даже задержано воздѣйствіемъ законодательства. Точно такое же указаніе дѣлаетъ Шмоллеръ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о страсбургской ткацкой промышленности: въ ней въ XVI и XVII вв.

цеховой духъ и цеховыя традиціи помѣшали заведенію „Drapry", т. е. ткацкой фабрикѣ. А въ XVIII вѣкѣ (1716 г.) эльзасскій интендантъ доносилъ въ Парижъ: „il n'y a point de manufacture de draperie". Въ общемъ западная Hausindustrie на первыхъ ея шагахъ была опутана регламентаціей. Были даже попытки навязать этой формѣ нарождающагося капитализма justum pretium, справедливую „божескую" оплату кустарей предпринимателями.

Словомъ, когда на Западѣ на историческую сцену выступилъ съ своими притязаніями торговый и торгово-промышленный капиталъ, когда онъ сталъ — пользуемся образнымъ выраженіемъ г. Ключевскаго, употребленнымъ по другому поводу — забирать въ свои руки всѣ нити народнаго труда, тамъ была старая промышленная культура съ своими могущественными организаціонными традиціями и понятіями.

Традиціи регламентаціи и корпоративной организаціи были настолько сильны въ Западной Европѣ, что на основѣ и отчасти на развалинахъ цеховыхъ порядковъ здѣсь создалось цѣлое своеобразное к у с т а р н о е п р а в о, совершенно неизвѣстное неоформленной и неустойчивой русской кустарной промышленности. Кустари, скупщики и предприниматели были организованы или вмѣстѣ, или порознь въ цеховые союзы, и ихъ дѣятельность, т. е. взаимныя отношенія участвующихъ въ производствѣ лицъ были урегулированы нерѣдко самымъ тщательнымъ образомъ. Регулировалась техника. Товары должны были быть предписаннаго качества (сукно, напр., опредѣленной длины и ширины), они подвергались осмотру и клейменію. Старые писатели, какъ Юсти [1]), и нѣкоторые новые (Шмоллеръ) приписываютъ этой технической регламентаціи положительную роль въ техническихъ успѣхахъ производства; другіе, наоборотъ, отрицаютъ такое значеніе ея и видятъ въ ней лишь тормазъ. Всякій знаетъ о промышленныхъ регламентахъ Кольбера. Шмоллеръ, мнѣ кажется, правъ, считая эти регламенты относящимися, главнымъ образомъ, къ кустарной промышленности. Но западно-европейское кустарное право не ограничивалось регулированіемъ техники. Оно обнимало соціальныя отношенія. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ купцомъ-предпринимателемъ могъ сдѣлаться только человѣкъ, прошедшій ремесло въ качествѣ ученика (въ Ліонской промышленности); для

[1]) Технической регламентаціи Юсти приписывалъ высокія качества англійскаго сукна.

пріема въ цехъ плауенскихъ хлопчатобумажныхъ предпринимателей требовался извѣстный имущественный цензъ, и это требованіе было, несомнѣнно, въ интересахъ и кустарей, потому что, какъ это достаточно извѣстно, заработокъ кустарей и цѣна продукта особенно сильно понижается конкурренціей мелкихъ скупщиковъ, той конкурренціей, которую нѣмцы мѣтко называютъ „Schlenderkonkurrenz“. Въ Ліонѣ для предупрежденія закабаленія кустарей были точно опредѣлены размѣры кредита, который купцы (maîtres marchands) могли оказывать рабочимъ (maîtres ouvriers). „Кустарное право“ заключало также постановленія противъ злоупотребленія штрафами, противъ расплаты товарами (Trucksystem) и противъ другихъ притѣсненій кустарей-рабочихъ. Статуты стремились также иногда, какъ я уже сказалъ выше, навязать предпринимателямъ справедливую оплату кустарей.

Кромѣ того—и это не менѣе замѣчательно—рядомъ съ этимъ „кустарнымъ правомъ“ и въ связи съ нимъ—черезъ всю исторію западно-европейской кустарной промышленности тянется тенденція регулировать условія производства или, точнѣе, условія конкурренціи. Въ этомъ смыслѣ западно-европейскіе кустарные союзы представляютъ недостаточно, къ сожалѣнію, изученный и многимъ даже совершенно неизвѣстный прототипъ картелей или промысловыхъ синдикатовъ. Кто изъ исторіи и современности знаетъ, какъ губительно отражаются именно на кустарномъ населеніи колебанія промышленности, потому что здѣсь для предпринимателя въ моментъ кризиса всегда безусловно выгоднѣе пріостановить производство, чѣмъ продолжать его, тотъ пойметъ, какой смыслъ и значеніе имѣли западно-европейскія попытки урегулировать кустарную промышленность на картельныхъ началахъ. Онѣ, въ общемъ, были безуспѣшны, между прочимъ потому, что самая эта форма промышленности оттѣснялась все больше и больше на задній планъ торжествующей фабрикой. Несомнѣнно также, что эти картельныя попытки, которыя подобно всему „кустарному праву“ стояли въ связи съ цеховыми традиціями, отчасти поэтому не могли не потерпѣть фіаско: онѣ шли въ разрѣзъ съ „либеральнымъ“ духомъ новаго времени и съ его глубокой потребностью въ экономической свободѣ.

Но несомнѣнно правъ Шмоллеръ въ своемъ указаніи, что кустарные союзы и кустарное право въ общемъ для западно-европейской кустарной промышленности представляли приблизительно то же, что для средневѣковаго ремесла цехи и цеховое

право, для современнаго капитализма — союзы фабрикантовъ и рабочихъ и фабричное законодательство.

Если мы теперь обратимся къ Россіи, то увидимъ, что въ ней никакихъ кустарныхъ союзовъ, никакого кустарнаго права не существовало. У насъ царила идеальная манчестерская свобода, при крѣпостомъ правѣ — полное laissez faire, laisser aller, смягчаемое, пожалуй,... высокимъ помѣщичьимъ оброкомъ и чиновничьими взятками.

Если западно-европейское ремесло технически подготовило капитализмъ, то въ соціально-экономическомъ отношеніи оно создало антикапиталистическія традиціи и понятія. У насъ капитализмъ былъ очень слабо технически подготовленъ, но за то среда, въ которую вторгся торговый капиталъ, была по отношенію къ нему юридически и культурно безоружна. Не было ни антикапиталистическихъ учрежденій, ни антикапиталистическихъ традицій.

У насъ въ промышленности всегда господствовало децентрализованное товарное производство, т.-е. форма капиталистическая, безразлично какимъ путемъ она ни возникала. Соотвѣтственно этому въ „органически“ (какъ выражается г. Милюковъ) или „естественно“ (какъ выражаются другіе авторы) возникшей русской промышленной культурѣ—повторяю и подчеркиваю—всегда господствовала полная свобода промышленности и отсутствовала всякая регламентація [1]). Это значитъ, что производитель и торговецъ сходились совершенно свободно. Начинался тотъ же „неравный бой“, который происходилъ на Западѣ, но начинался, если можно такъ выразиться, прямо съ конца. Я предвижу упрекъ, что, говоря это, я принимаю схему Бюхера съ ея представленіемъ о „насильственномъ скачкѣ“. Этотъ упрекъ будетъ несправедливъ. Съ моей точки зрѣнія, для русской промышленной культуры характеренъ не Hausfleiss и не „народное“ кустарное производство, а кустарная промышленность, которая во всякомъ случаѣ на протяженіи всего быстро живущаго XIX вѣка играла въ нашей экономической жизни весьма крупную роль, и, что для меня всего важнѣе, играла ее задолго до распространенія парового транспорта, т. е. до окончательнаго торжества мѣнового хозяйства надъ натуральнымъ. Такимъ образомъ, вполнѣ

---

[1]) Значеніе этого факта отмѣчаетъ еще Георги и Шторхъ (цит. соч. III, 64—67) и въ особенности Корсакъ (цит. соч. 115).

развитому, современному капитализму въ Россіи предшествовала и его подготовила своеобразная промышленная культура, выражающаяся въ кустарной промышленности. Въ самомъ рѣшающемъ, съ соціально-экономической точки зрѣнія, пунктѣ,—по условіямъ сбыта — эта промышленная культура, какъ децентрализованное товарное производство, ближе къ развитому капитализму (централизованному товарному производству), чѣмъ западно-европейское ремесло, производство на заказъ.

Я долженъ еще отвѣтить на возможное возраженіе. Говоря о кустарной промышленности, я совершенно оставилъ безъ вниманія связь промышленнаго производителя съ землей или, наоборотъ, его оторванность отъ нея. Сдѣлалъ это я вотъ почему. Съ точки зрѣнія систематики формъ промышленности этотъ признакъ не имѣетъ существеннаго значенія. Связь съ землей—въ извѣстномъ смыслѣ—можетъ сочетаться съ любой формой промышленности, и въ то же время мы видимъ, что она несовмѣстима ни съ какой формой промышленности, рѣзко дифференцированной, всецѣло выдѣлившейся изъ самодовлѣющей сферы натуральнаго хозяйства. Дѣйствительно, связь съ землей мы встрѣчаемъ и у ремесленниковъ, и у кустарей, и у фабричныхъ работниковъ. Но наличность и размѣры этой связи стоятъ въ общемъ въ обратномъ отношеніи къ интенсивности промышленной дѣятельности: интенсивное занятіе фабричной промышленностью, ремесломъ, кустарнымъ промысломъ порываютъ связь съ землей—промышленный производитель перестаетъ быть земледѣльцемъ, оставаясь у насъ нерѣдко землевладѣльцемъ, фактическимъ или номинальнымъ [1]). Интенсивному занятію промышленнымъ трудомъ — на сторонѣ каждаго производителя,—для всего народнаго хозяйства соотвѣтствуетъ интенсивное развитіе промышленности, опирающееся на глубокое національно-общественное раздѣленіе труда и это раздѣленіе выражающее.

Вотъ почему въ описаніи промышленной жизни и въ исторіи промышленнаго развитія связь съ землей не можетъ не занимать виднаго мѣста. Но въ основной системѣ формъ промышленности ей мѣста нѣтъ.

Позволю себѣ однако сдѣлать одно замѣчаніе. Связь съ землей есть, въ сущности, выраженіе той уже подчеркнутой мною общехозяйственной отсталости, которая сопровождается у насъ раз-

[1]) Классическіе примѣры: павловскіе кустари, кимрскіе сапожники и большинство нашихъ фабричныхъ рабочихъ.

витіемъ промышленнаго товарнаго (не ремесленнаго) производства и генетически съ нимъ связана. Въ этомъ смыслѣ я даже склоненъ традиціонный русскій лапоть признать исторически характернымъ символомъ. Наша кустарная промышленность не символизируется, конечно, лаптемъ; весьма характерно, однако, что послѣдній является у насъ продуктомъ не только мѣстнаго кустарничества, но и кустарной промышленности, настоящимъ рыночнымъ товаромъ. Лапоть, возведенный въ рангъ товара, своимъ товарнымъ бытіемъ, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о низкомъ уровнѣ товарнаго производства, но, съ другой стороны, и о томъ, какія низкія сферы труда захвачены товарнымъ производствомъ, какая примитивная техника поставлена на службу мѣновой цѣнности. Такимъ образомъ, для всего русскаго народнаго хозяйства лапоть-товаръ является или, скорѣе, являлся весьма характернымъ и типичнымъ.

Я бы желалъ также, чтобы мои указанія на наличность своеобразной русской промышленной культуры, близкой къ развитому капитализму, не были неправильно истолкованы. Сравнительно даже съ западно-европейскимъ ремесломъ эта кустарная культура являлась чрезвычайно примитивной, грубой, отсталой. Чисто экономически выигрывая, при приближеніи къ капитализму, въ разстояніи, мы технически и культурно оказывались позади и очень сильно позади Запада. Это задерживало и задерживаетъ наше развитіе.

Прежде чѣмъ въ краткихъ положеніяхъ резюмировать свои выводы, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Положенія мои основаны на фактахъ, а не „выведены изъ опредѣленій“. Каждое обобщеніе настоящей статьи можетъ быть ad libitum фактически подкрѣплено. Мои обобщенія и здѣсь, и въ критикуемой г. Милюковымъ рецензіи явились и сложились не при писаніи данной статьи или рецензіи. Они представляютъ попытку научнаго историко-сравнительнаго истолкованія огромнаго, накопившагося въ нашей литературѣ, фактическаго матеріала. Поэтому любая обстоятельная книга о русской кустарной промышленности можетъ служить пособіемъ дла пониманія и провѣрки высказаннаго мною „систематическаго взгляда“ [1]).

---

[1]) Назову: А. Корсакъ, цит. соч.; В. В. „Очерки кустарн. промышленности въ Россіи“. Спб. 1886 г.; Н. Езерскій. „Кустарн. промышленность“. М. 1894 г.; А. Прилежаевъ. „Что такое кустарное производство“? Спб. 1882, и М. А. Плотниковъ. „Кустарные промыслы Нижегородской губ.“

Резюмируемъ наши выводы.

1) Домашній промысловой трудъ, производящій избытки надъ собственнымъ потребленіемъ земледѣльца внутри единаго натуральнаго хозяйства, вовсе не характеренъ для русскаго экономическаго строя; онъ наблюдается вездѣ при маломъ развитіи общественнаго раздѣленія труда. Въ промышленной экономіи Россіи въ прошломъ и настоящемъ онъ игралъ и играетъ сравнительно незначительную роль.

2) Для Россіи характерно сельское децентрализованное товарное производство, дѣйствительно занимавшее и продолжающее занимать крупное мѣсто въ промышленной экономіи страны. Это и есть типическая для XVIII и въ особенности для XIX в. кустарная промышленность.

3) Товарный характеръ производства необходимо обусловливаетъ то господство въ русской кустарной промышленности капитала (въ той или другой формѣ), которое въ одинъ голосъ констатируется всѣми ея изслѣдователями.

4) Указанныя въ пп. 2 и 3 черты національнаго промышленнаго строя Россіи стоятъ въ извѣстной генетической связи съ ея экономической отсталостью, но въ то же время дѣлаютъ этотъ строй близкимъ къ развитому капитализму и въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ нимъ тождественнымъ. Этимъ Россія отличается, съ одной стороны, отъ Западной Европы, гдѣ капитализмъ столкнулся съ глубоко отличной отъ него промышленной культурой, съ другой—отъ прочихъ отсталыхъ восточно-европейскихъ странъ, гдѣ никакой сколько-нибудь значительной промышленной культуры до насажденія развитого капитализма не было.

Какъ видитъ читатель, наше построеніе нисколько не отрицаетъ своеобразія экономическаго и, въ частности, промышленнаго развитія Россіи. Но въ отличіе отъ тенденціозной идеализаціи, съ одной стороны, и отъ шаблоннаго отождествленія двухъ рядовъ развитія, съ другой стороны, оно пытается съ полной

Н. Новгородъ. 1894 г. Г. Плотниковъ даетъ опредѣленіе кустарной промышленности, „неуклюже“ и „многословно“ по собственному признанію автора выражающее то же, что и мое опредѣленіе: технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ или—въ терминахъ Бюхера—децентрализованное товарное производство. Г. Езерскій остроумно сливаетъ въ своемъ опредѣленіи мѣстное кустарничество и кустарную промышленность. Но такое слитное опредѣленіе — съ точки зрѣнія „длины пути“—совершенно непріемлемо.

объективностью установить какъ предѣлы и смыслъ своеобразія, такъ и дѣйствительные размѣры и значеніе тождественныхъ явленій и процессовъ. Такова, по крайней мѣрѣ, была цѣль автора. Достигнута ли она, судить не ему.

Если изъ всего выше развитаго вытекаетъ какой-нибудь общій историко-философскій выводъ, то содержаніе этого вывода рисуется мнѣ въ слѣдующихъ чертахъ. Со временъ Чаадаева въ философіи русской исторіи нерѣдко то проскальзываетъ, то кладется во главу угла мысль объ историческихъ преимуществахъ, соединенныхъ для Россіи съ ея „молодостью“, съ ея естественною отсталостью, съ ея позднимъ приходомъ на историческую сцену. Исторія вообще, экономическая исторія въ частности, не оправдываетъ, думается мнѣ, этой идеи. Наша отсталость, или, выражаясь принятымъ г. Милюковымъ терминомъ, элементарность нашей исторіи порождаетъ безпомощность и слабость культурныхъ традицій. Такъ и въ нашемъ случаѣ. Столкнувшись съ развитымъ капитализмомъ, мы не могли передать ему сколько-нибудь высокой техники, не могли встрѣтить его какими-нибудь прочными организаціонными традиціями. Мы даже при наличности своеобразной промышленной культуры—наличность такой культуры я не только не отрицаю, но, наоборотъ, подчеркиваю—сравнительно очень мало дали капитализму и ничего ему не противопоставили. Мы не поддержали положительныхъ сторонъ капитализма, а слабыя не только не отразили и не смягчили, а, наоборотъ, обострили нашей некультурностью. Таковы, думается мнѣ, тѣ сомнительныя преимущества „элементарности“ нашего культурнаго развитія, которыя можетъ установить исторія.

НАУЧНАЯ ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX в. Спб. 1898 г. изд. Л. Ѳ. Пантелѣева, стр. XI+496 (2 части въ одномъ томѣ).

Наша научная производительность характеризуется тѣми же чертами, что и вся культурно-общественная жизнь. У насъ нѣтъ или очень мало научныхъ традицій, но за то очень много quasi-научныхъ предразсудковъ и противонаучныхъ переживаній. Это невольно приходитъ въ голову, когда получаешь въ руки такую книгу, какъ обширное изслѣдованіе Туганъ-Барановскаго. Онъ работалъ вновѣ.

Единственный научный трудъ, который онъ нашелъ въ спеціальной литературѣ исторіи русской промышленности, это— книга А. Корсака „О формахъ промышленности", вышедшая въ 1861 году. Корсакъ принадлежалъ къ поколѣнію, давшему наиболѣе даровитыхъ русскихъ „академическихъ" экономистовъ, неоригинальныхъ, правда, но съ глубокой эрудиціей и съ серьезными научными вкусами. Онъ написалъ замѣчательную книгу. Но отъ Корсака до Туганъ-Барановскаго по обобщающей общественно-экономической исторіи русской промышленности не только ничего не было сдѣлано,—многое даже, что твердо зналъ Корсакъ, было забыто, затеряно для научнаго знанія. Настало господство либерально-фритредерскихъ фразъ и народническихъ широковѣщаній, отъ которыхъ дѣйствительное изслѣдованіе только страдало. Создались поистинѣ легендарныя концепціи экономическаго развитія Россіи, сыгравшія крупную роль въ публицистикѣ, но для науки оставшіяся безплодными и даже вредными фантазіями.

Въ особенности повредили дѣлу изученія промышленной эволюціи нашей страны тѣ писатели, которые—по какому-то странному и даже смѣхотворному въ наше время заблужденію—считали себя русскими „марксистами“. Незнакомые съ экономической и общественной исторіей Запада, они—мы имѣемъ въ виду въ особенности гг. В. В. и Н--она—безпомощно потерялись въ фактахъ русской дѣйствительности. Благодаря полному отсутствію историческихъ знаній и историческаго смысла, они приняли ростки русскаго капитализма, выросшіе на почвѣ крѣпостныхъ хозяйственныхъ отношеній и общей культурной отсталости страны и не развившіеся еще въ рѣзкія законченныя формы, за тотъ любезный ихъ сердцу призракъ, который рисовался имъ подъ громкой, но безсмысленной фирмой „народнаго производства“. Въ это широкое до полной произвольности понятіе укладывалось и первобытное натуральное земледѣліе крѣпостныхъ крестьянъ, и кустарная промышленность, представляющая настоящее товарное производство со всѣми присущими ему дѣйствительными или потенціальными противорѣчіями. Чтобы окончательно покончить съ миѳологической теоріей экономическаго развитія Россіи, по которой злой капитализмъ вытѣснилъ у насъ какое-то народное производство, мало было апріорными доводами вскрыть явную несообразность этого фантастическаго построенія. Необходимо было дать обстоятельную историческую характеристику экономическихъ формъ, въ которыхъ росла и множилась русская промышленность, начиная съ Петровской реформы.

Эту задачу и исполнилъ Туганъ-Барановскій.

Автору,—какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи,—„хотѣлось показать, какимъ образомъ первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почвѣ экономическихъ условій петровской Россіи, превратилась, въ концѣ XVIII-го вѣка, въ дворянскую фабрику, основанную на принудительномъ трудѣ; какъ эта послѣдняя отмирала въ Николаевскую эпоху и замѣщалась новѣйшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей изъ кустарной избы; какъ измѣнялся въ различныя эпохи составъ фабрикантскаго класса и слагался классъ фабричныхъ рабочихъ“. Онъ „старался обрисовать взаимныя отношенія крупной и мелкой промышленности въ крѣпостной Россіи, когда русская фабрика еще почти не знала машины, и въ наше время,—время господства машины. Признавая, что „не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ формы ихъ сознанія“,—

онъ разсматривалъ фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ". (стр. III—IV).

До сихъ поръ общераспространеннымъ въ нашей литературѣ было мнѣніе, что наша промышленность создана и взрощена государствомъ. Непониманіе соціологической природы государства—сконцентрированной въ цѣломъ, формально самостоятельномъ, политическомъ механизмѣ общественной силы господствующаго или господствующихъ классовъ—приводило къ тому, что вполнѣ естественная роль государства въ процессѣ развитія производительныхъ силъ и классовыхъ отношеній страны представлялась искусственнымъ, постороннимъ самому общественному процессу творчествомъ, какой-то исторической случайностью, которой могло бы не быть. Экономическое развитіе послѣ-петровской Россіи изображалось, какъ искусственный, вызванный исключительно государственнымъ вмѣшательствомъ, процессъ и, въ качествѣ такового, противопоставлялось ходу экономической эволюціи западныхъ странъ. Въ былое время подобнымъ антиисторическимъ заблужденіемъ грѣшили фритредеры всѣхъ экономически отсталыхъ странъ, не знавшіе или не понимавшіе, что любезная имъ система экономической свободы и государственнаго невмѣшательства есть лишь законное порожденіе и законный наслѣдникъ меркантилизма и государственной опеки, и что такъ было вездѣ. Не только въ Англіи, но и въ Голландіи, и въ Италіи современное, или точнѣе, новѣйшее народное хозяйство оказывается исторически тѣсно связаннымъ съ новѣйшимъ государствомъ и съ опредѣленными формами его экономической политики. Вездѣ экономическое и, въ частности, промышленное развитіе шло „искусственнымъ" путемъ, вездѣ государственная политика, направленная на пользу промышленности и управляющихъ ею классовъ, оказывалось могущественнымъ рычагомъ промышленнаго развитія. Такъ же было и въ Россіи. Замѣчательна не эта естественная роль государства въ промышленномъ развитіи и не на ней слѣдовало особенно пристальнымъ взоромъ остановиться изслѣдователю. Его вниманія заслуживалъ другой факторъ процесса, и правильное чутье, или, вѣрнѣе, отчетливое пониманіе условій экономическаго развитія современнаго капитализма подсказало это Туганъ-Барановскому. Въ меркантилистическій вѣкъ европеизирующаяся Россія должна была насаждать крупную промышленность. Это было исторически

необходимо и не требуетъ особеннаго выясненія. Но какія экономическія силы приводили въ движеніе государственный механизмъ въ этомъ направленіи и утилизировали его „полезную работу“? Вопросомъ объ этихъ силахъ до сихъ поръ въ нашей литературѣ не задавались, потому что, вообще, вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи лишь недавно получилъ научную соціологическую постановку. До сихъ поръ ходъ нашего экономическаго развитія излагался примѣрно такъ: „въ началѣ былъ Петръ Великій и отъ него пошла вся наша крупная промышленность“. Туганъ-Барановскій справедливо усомнился въ научности такой формулы развитія и ему удалось показать, что „въ началѣ“ былъ не только Петръ, но еще и торговый капиталъ Московской Руси. „Въ допетровской Руси не существовало промышленнаго капитализма, но былъ вполнѣ развитъ торговый капитализмъ. Концентрація торговаго капитала, наблюдавшаяся въ допетровской Руси, была вызвана не правительственными мѣропріятіями, а естественной эволюціей торговли, преимуществами крупной торговли передъ мелкой. Этотъ-то торговый капиталъ и явился базисомъ, на которомъ основалось крупное производство въ эпоху Петра“ (стр. 8). „Лишь благодаря существованію въ тогдашней Россіи капиталистическаго класса Петръ достигъ своей цѣли—насажденія у насъ крупнаго производства. Но капиталистическій классъ былъ созданъ не Петромъ, а всей предшествовавшей эволюціей Московскаго государства“ (стр. 13—14).

Русское правительство XVIII в. насадило промышленность не въ формѣ наемно-капиталистическаго, а въ формѣ крѣпостного, принудительно-капиталистическаго производства—и ничего другого сдѣлать не могло. Однако, принудительный промышленный и, въ частности, фабричный трудъ былъ лишь кратковременной, по преимуществу технической школой для русскаго производителя. Крупная купеческая фабрика съ принудительнымъ трудомъ быстро исполнила свою миссію и пала подъ напоромъ враждебныхъ ей общественныхъ силъ. Ее побѣдилъ вольный промышленный трудъ и крѣпостная помѣщичья фабрика.

При Екатеринѣ II и промышленная политика правительства измѣнилась въ смыслѣ неблагопріятномъ промышленнымъ монополіямъ крупныхъ фабрикантовъ: „Правительственныя сферы оффиціально признали, что мелкая крестьянская промышленность заслуживаетъ большаго поощренія, чѣмъ крупная. Чѣмъ же объясняется такая измѣна традиціямъ нашей промышленной поли-

тики, направленной со временъ Петра на поддержаніе крупнаго производства? Ничѣмъ инымъ, какъ усиліемъ вліянія дворянства. Дворянскіе интересы требовали развитія крестьянскихъ промысловъ, дворянскіе наказы просили о запрещеніи фабрикантамъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ, дворянскіе депутаты отстаивали свободу крестьянскаго торга. Ученіе физіократовъ пришлось очень кстати и оказало вліяніе постольку, поскольку оно соотвѣтствовало интересамъ господствующаго класса". (стр. 40—41).

Антагонизма между „крестьянскими промыслами" и помѣщичьей фабрикой не было, наоборотъ, между ними было взаимодѣйствіе: крѣпостная помѣщичья фабрика насаждала промышленные навыки среди крестьянства. Такіе навыки распространялись помѣщиками еще другимъ путемъ: отдачей крестьянскихъ мальчиковъ въ ученики къ городскимъ ремесленникамъ, и этотъ способъ, быть можетъ, имѣлъ еще большее значеніе для развитія нашей такъ называемой кустарной промышленности, чѣмъ помѣщичья фабрика. Поэтому Туганъ-Барановскій безспорно неправъ, говоря, что „фабрика въ XVIII вѣкѣ была единственной (курсивъ мой П. С.) школой промышленнаго искусства, новыхъ пріемовъ производства техническихъ усовершенствованій" (стр. 51). Впрочемъ, самъ Туганъ-Барановскій отмѣчаетъ, что „развитію кустарныхъ промысловъ помогали и помѣщики, обучавшіе разнымъ ремесламъ своихъ крѣпостныхъ" (стр. 245) и приводитъ тому фактическіе примѣры [1]).

Городское ремесло, а въ связи съ нимъ и въ зависимости отъ него, крѣпостное ремесло—ремесло именно въ точномъ научномъ смыслѣ опредѣленной формы промышленности — также сыграло въ нашей промышленной эволюціи крупную роль въ качествѣ „школы промышленнаго искусства, новыхъ пріемовъ про-

[1]) Кстати: Туганъ-Барановскій ошибается, приписывая основаніе желѣзнаго завода въ Павловѣ графу Шереметеву и относя этотъ фактъ къ половинѣ прошлаго столѣтія. Желѣзный заводъ существовалъ въ Павловѣ еще въ первой трети XVIII-го вѣка, когда оно принадлежало не Шереметеву, а князю Черкасскому, какъ объ этомъ пишетъ Штраленбергъ въ описаніи своего путешествія: „Das Nord und Oesliche Theil von Europa" ets. (p. 351), вышедшемъ въ 1730 году: „An der Occa das Pawlowskische Werk, welches dem Knesen Czerkaski zukömmt, allwo sauber Gewehr und allerhand artige Sachen von Eisen gemacht werden, zumal die ganze Stadt fast nicht anders als aus lauter Schmieden bestehet".

изводства, техническихъ усовершенствованій". Мы имѣемъ на этотъ счетъ прямыя указанія писателей XVШ-го вѣка, которые были свидѣтелями этого явленія. Такъ, извѣстный Георги пишетъ, что русскіе помѣщики „насаждаютъ среди своихъ подданныхъ промышленныя и торговыя занятія, принося тѣмъ своимъ людямъ большую пользу и въ такомъ случаѣ пожиная богатые плоды своихъ благихъ намѣреній. Въ подобныхъ промыслахъ заключается источникъ весьма значительнаго богатства нѣкоторыхъ владѣльческихъ крестьянъ". (Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche, in den Jahren 1773 und 1774. II, S. 796. St.-Petersburg, 1775).

Еще болѣе характерно указаніе извѣстнаго англійскаго путешественника Кокса, первое изданіе книги котораго вышло въ 1784 г.: „Способъ, примѣняемый многими (русскими) землевладѣльцами къ ихъ крестьянамъ, напоминаетъ мнѣ практику древнихъ римлянъ. Мы знаемъ, что Аттикъ заставилъ многихъ изъ своихъ рабовъ научиться искусству переписки рукописей, которыя онъ продавалъ по весьма высокой цѣнѣ; такимъ образомъ, онъ составилъ себѣ значительное состояніе. На сходныхъ началахъ (on similar principles) нѣкоторые русскіе дворяне посылаютъ своихъ крѣпостныхъ въ Москву или Петербургъ, съ цѣлью обученія ихъ различнымъ ремесламъ, и потомъ или пользуются ихъ услугами въ своихъ собственныхъ хозяйствахъ, или отдаютъ ихъ въ наймы на сторону, или продаютъ ихъ по повышенной цѣнѣ, или, за извѣстную годовую плату, позволяютъ имъ заниматься своимъ ремесломъ за ихъ собственный счетъ" (William Coxe. Travels in Poland, Russia ets. 5-th edit 1802, Vol. III, p. 154). Аналогичную роль промышленной школы крѣпостное ремесло сыграло и на Западѣ, явившись въ значительной мѣрѣ преддверіемъ городского цехового ремесла. Но у насъ вслѣдствіе того, что филогенезисъ нашей промышленности, вообще, былъ скорѣе сокращеннымъ и форсированнымъ, чѣмъ замедленнымъ, крѣпостное ремесло сыграло роль преддверія не городского ремесла,—послѣднее, какъ импортированный съ Запада продуктъ, въ Россіи, наоборотъ, въ извѣстномъ смыслѣ предшествовало крѣпостному ремеслу,—а кустарной промышленности или децентрализованнаго товарнаго производства. Сходство въ ходѣ промышленной эволюціи здѣсь столь же знаменательно, какъ и различіе.

Прогрессъ промышленности, распространеніе неземледѣль-

ческихъ занятій среди крестьянскаго населенія имѣло огромное значеніе для него самого, и это значеніе Туганъ-Барановскій напрасно оставилъ безъ вниманія и разсмотрѣнія. Онъ ставитъ распространеніе вольнонаемнаго труда конца XVIII-го и начала XIX вѣка въ связь съ распространеніемъ оброчной системы, но просматриваетъ тотъ фактъ, что сама оброчная система была, главнымъ образомъ, порожденіемъ промышленнаго прогресса въ странѣ. Оброчная распространялась лишь постольку, поскольку среди крестьянскаго населенія распространялся неземледѣльческій трудъ—объ общемъ вытѣсненіи барщины оброчной системой, которое предполагаетъ въ концѣ XVIII в. и въ XIX в. Туганъ-Барановскій (стр. 85), не можетъ быть и рѣчи: наоборотъ, какъ система эксплуатаціи земледѣльческаго труда, барщина съ начала XIX-го вѣка вытѣсняетъ оброкъ. А такъ какъ оброчная система знаменовала собой смягченіе крѣпостного права и помѣщичьяго гнета, то, стало быть, распространеніе неземледѣльческой, промысловой дѣятельности среди крестьянскаго населенія означало собой частичное освобожденіе крестьянской личности. Это тѣмъ болѣе замѣчательно и знаменательно, что прогрессъ хозяйства въ другой области національнаго труда приводилъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Носителемъ экономическаго прогресса въ дореформенномъ земледѣліи было барщинное хозяйство, покоившееся на натуральной эксплуатаціи крестьянскаго труда съ цѣлью производства на рынокъ. Этому противоположному развитію двухъ различныхъ областей національнаго труда соотвѣтствовалъ и тотъ любопытный, отмѣченный и туземными, и иностранными наблюдателями, фактъ, что непредпріимчивый и косный въ сферѣ земледѣльческаго труда русскій крестьянинъ въ сферѣ неземледѣльческаго труда, въ области промышленности и торговли, оказывался предпріимчивымъ и прогрессивнымъ человѣкомъ. „Власть земли“ издавна угнетала его: только частично или всецѣло освобождаясь отъ подчиненія землѣ, русскій крестьянинъ вырабатывалъ изъ себя европейскаго „экономическаго человѣка“, всегда стремящагося къ полученію „наивысшей прибыли“—типъ, несомнѣнно воплощенный въ великороссѣ-промышленникѣ. Что русскій крестьянинъ-земледѣлецъ производилъ лишь столько, сколько нужно было для его существованія и потому не годился въ сельскохозяйственные предприниматели (арендаторы и проч.) — въ этомъ были согласны, повидимому, всѣ писавшіе о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ крѣпостного періода. Наоборотъ, русскій

крестьянинъ, какъ торговецъ и промышленникъ, возбуждалъ изумленіе даже въ англичанахъ. Для примѣра—слѣдующій любопытный отзывъ англійскаго путешественника Свинтона: „Русскій (дѣло идетъ о крестьянахъ. П. С.) при всѣхъ мѣстныхъ бѣдахъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ бездѣятеленъ исключительно въ дѣлахъ земледѣльческихъ: въ торговлѣ и промышленности онъ представляетъ изъ себя совершенно другого человѣка (in trade he is a very different person)..... Любопытно слышать двѣ характеристики русскихъ крестьянъ, даваемыя людьми, раздѣленными другъ отъ друга тысячью миль: мудрымъ философомъ, живущимъ въ своемъ кабинетѣ, и иностранцемъ купцомъ, поселившимся въ Россіи. Первый изображаетъ туземцевъ угнетаемыми цѣпями, кнутомъ и всяческимъ гнетомъ и бѣдами, и въ силу этого тупыми, глупыми и беззаботными; второй жалуется, что туземцы такъ же умны, какъ онъ самъ, и что въ коммерческихъ дѣлахъ отъ нихъ можно получить мало выгоды, а что, наоборотъ, русскіе отнюдь не имѣютъ отвращенія къ тому, чтобъ нажиться на чужой счетъ, если это только возможно“. (A. Swinton Esq. Travels into Norway Danemark and Russia in the years 1788, 1789, 1790 and 1791. London 1792, p. 451—53).

Эта различная общественная судьба русскаго земледѣлія и русской промышленности, повидимому, коренится, такъ сказать, въ различной природѣ этихъ занятій, или, точнѣе, въ тѣхъ различныхъ психологическихъ свойствахъ, которыя создаются на почвѣ земледѣльческаго труда, съ одной стороны, и промышленнаго, съ другой. Земледѣліе, наиболѣе „натуральное“ во всѣхъ отношеніяхъ производство, позже всѣхъ охватывается „стремленіемъ къ наивысшему доходу“ и подчиняется ему и, стало быть, позже всѣхъ предъявляетъ запросъ на современную индивидуальность. Пока земледѣлецъ-производитель самъ не стремится къ наивысшему доходу, онъ долженъ находиться подъ ферулой землевладѣльца, который въ формѣ земледѣльческой барщины организуетъ и ведетъ сельско-хозяйственное производство. Очень вѣроятно, что только при этомъ условіи было вообще возможно производство прибавочной цѣнности въ земледѣліи, и навѣрное, уже только эта организація производства обезпечивала наивысшій ея размѣръ. Обратный процессъ происходилъ въ промышленности. Крестьянинъ-промышленникъ, кустарь или фабричный рабочій приносилъ помѣщику гораздо большій доходъ, если онъ трудился „вольно“, по найму. Несостоятельный—съ точки зрѣнія

помѣщичьихъ интересовъ—въ земледѣліи, оброкъ съ промысловаго заработка былъ въ высшей степени раціоналенъ; онъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ принудительная организація производства, обезпечивалъ производительность труда и наивысшій размѣръ прибавочной цѣнности. „Вольный“ трудъ вытѣснялъ принудительный, оброкъ—барщину. Частичное освобожденіе крестьянской личности сопровождалось расщепленіемъ единой крестьянской массы на два класса: буржуазію и пролетаріатъ. Въ классовомъ расчлененіи фабричныхъ селъ этотъ процессъ нашелъ себѣ наиболѣе рѣзкое выраженіе.

Туганъ-Барановскій очень хорошо выяснилъ необходимость и ходъ вытѣсненія принудительнаго труда изъ промышленности, но онъ совсѣмъ не остановился на томъ соціологически знаменательномъ фактѣ, что процессъ развитія земледѣлія былъ совсѣмъ иной. Между тѣмъ, эта различная позиція свободнаго труда въ промышленности и земледѣліи дореформенной Россіи представляетъ, быть можетъ, въ исторіи нашего экономическаго развитія въ крѣпостную эпоху наиболѣе любопытную черту.

Огромный интересъ представляетъ и рѣшающее значеніе въ исторіи нашей промышленности имѣетъ появленіе на индустріальной аренѣ—крестьянской фабрики, выросшей изъ кустарной избы. „Этотъ фактъ очень важенъ, такъ какъ онъ характеризуетъ новую эпоху въ развитіи нашей крупной промышлениости. Крестьянская фабрика была органическимъ продуктомъ народной жизни и никоимъ образомъ не можетъ быть названа „искусственнымъ“ явленіемъ, подобно крупнымъ фабрикамъ прошлаго вѣка. Появленіе на промышленной аренѣ новаго типа фабрики знаменовало собой, что условія русской промышленности созрѣли уже до промышленнаго, а не только торговаго капитализма. Крѣпостная фабрика, по ходу промышленной эволюціи, отживала свое время; ея мѣсто заступала новая, капиталистическая фабрика, основанная на свободномъ договорѣ предпринимателя-капиталиста съ рабочими..... Въ XIX вѣкѣ въ крестьянской средѣ появляются крупные капиталисты-фабриканты. Правительство не имѣло никакого интереса задерживать развитіе капиталистическаго производства среди крестьянства, такъ какъ, съ одной стороны, ростъ производительности страны увеличивалъ платежную способность населенія, а съ другой—дворянскіе интересы, дававшіе тонъ всей нашей внутренней политикѣ, требовали того же. Крестьянскія фабрики почти не конкурировали съ дворянскими: въ

дворянскихъ рукахъ оставались фабрики и заводы, работавшіе преимущественно или въ значительной степени на казну, каковы фабрики солдатскихъ суконъ, солдатскаго и паруснаго полотна, писчебумажныя, горные заводы. Крестьянскія фабрики выдѣлывали почти исключительно дешевый товаръ, расходившійся въ массѣ населенія — ситцы, кумачи, платки, дешевыя шелковыя ткани, мелкія стальныя и желѣзныя издѣлія. Нерѣдко крестьянскія фабрики устраивались въ помѣщичьихъ селахъ (самыя замѣчательныя промышленныя села принадлежали дворянамъ). Какъ и въ прошломъ столѣтіи, дворянство въ александровскую и николаевскую эпоху не только не сочувствовало притязаніямъ купечества монополизировать крупную торговлю и промышленность въ свою пользу, но по собственнымъ интересамъ должно было отстаивать свободу развитія крестьянскаго промышленнаго и торговаго капитала, свободу, отъ которой оно только выигрывало" (стр. 102—103).

Такимъ образомъ, „язва капитализма" проникала въ самую глубь патріархально-крѣпостного строя народной жизни и разлагала его извнутри. Тутъ опять въ картинѣ, рисуемой намъ Туганъ-Барановскимъ, отсутствуетъ очень любопытная въ соціологическомъ отношеніи черта экономической дѣйствительности: борьба крестьянской буржуазіи съ дворяниномъ-помѣщикомъ за свободу, за жизненный и экономическій просторъ. Эту борьбу слѣдовало бы прослѣдить на исторіи отношеній между буржуазіей села Иванова и его владѣльцемъ графомъ Шереметьевымъ. Вещественнымъ памятникомъ этой борьбы явился Вознесенскій Посадъ, основанный ивановскими фабрикантами, которыхъ Шереметьевъ сжималъ въ своихъ тискахъ. Выкупиться у него было страшно трудно, еще труднѣе было купить землю. Между ивановской буржуазіей и Шереметьевымъ все время шла борьба за выкупъ и за землю подъ фабрики, борьба, нашедшая отчасти свой выходъ въ поселеніи на нешереметьевской землѣ, въ основаніи Вознесенскаго Посада.

Едва ли не самымъ цѣннымъ въ работѣ Туганъ-Барановскаго является чрезвычайно детальное и рельефное установленіе единства промышленной эволюціи Россіи, единства, въ основѣ котораго лежитъ взаимодѣйствіе между quasi-народной или кустарной промышленностью и quasi-искусственной или фабричной промышленностью. Объ эти экономическія формаціи выступаютъ передъ нами—при свѣтѣ подавляющаго своимъ обиліемъ и научно-обработаннаго фактическаго матеріала—какъ различныя ступени

въ развитіи одного и того же производственнаго, по существу своему—капиталистическаго, организма. Капиталистическая фабрика пришла не для того, чтобы „разрушить", а для того, чтобы „исполнить" то, что составляетъ самое существо кустарной промышленности — производство товаровъ на широкій и неопредѣленный рынокъ.

Туганъ-Барановскій прекрасно показалъ генетическую—и въ соціально-экономическомъ, и въ техническомъ отношеніи—зависимость кустарной промышленности отъ фабричной, онъ показалъ, что важнѣйшимъ кустарнымъ промысламъ отнюдь не присущъ самобытный, якобы народный характеръ, что они—порожденіе той же промышленной культуры, что и фабрика.

Въ отношеніи общей квалификаціи нашей кустарной промышленности онъ всецѣло примкнулъ къ той характеристикѣ ея, которую пишущій эти строки далъ въ „Критическихъ Замѣткахъ" (ср. Туганъ-Барановскій стр. 206—207 и „Критическія Замѣтки", стр. 97—101) и потомъ развилъ въ статьѣ „Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности".

Фабрика и кустарная промышленность являются не двумя глубоко враждебными въ соціально-экономическомъ отношеніи типами, — какъ представляла ихъ народническая литература, — а лишь двумя стадіями и формами въ развитіи товарнаго производства, генетически связанными, сплетающимися и переплетающимися. Въ Николаевскую эпоху „кустарь" побивалъ фабрику, его породившую. Въ наше время фабрика побиваетъ кустаря и въ то же время опирается на него, такъ какъ въ кустарной массѣ фабрика находитъ для себя готовый, выученный уже, вполнѣ податливый, такъ сказать, пластическій человѣческій матеріалъ, изъ котораго образуется армія фабричныхъ „рукъ". Какъ прежде, такъ и теперь, хотя съ противоположнымъ исходомъ, происходитъ непрерывная борьба фабрики и кустаря, но это не борьба народнаго производства съ капиталистическимъ, а лишь двухъ послѣдовательныхъ формъ капитализма. Кустарная промышленность, такимъ образомъ, вовсе не можетъ быть признана однимъ изъ „китовъ" нашей народнохозяйственной самобытности. Или, если хотите, этотъ китъ—такое же произведеніе народнической фантазіи, какъ китъ космологическій — продуктъ фантазіи народной.

Въ XIX в. крѣпостная—вотчинная и полукрѣпостная—поссессіонная фабрика отмирала. Но, отмирая, поссессіонная фабрика

являлась ареной замѣчательныхъ по своей относительной силѣ рабочихъ движеній, исторія которыхъ впервые съ такой полнотой изложена Туганъ-Барановскимъ по архивнымъ документамъ. Эта исторія лишній разъ доказываетъ, насколько формы фабричнаго быта—даже при самыхъ неблагопріятныхъ юридическихъ условіяхъ — воспитываютъ въ населеніи умѣніе и желаніе отстаивать свои интересы.

Любопытно, что во вторую четверть XIX в., т. е. въ Николаевскую эпоху, заработная плата фабричныхъ рабочихъ въ Россіи—какъ доказываетъ Туганъ-Барановскій (стр. 180—204)—повышалась. „Николаевская эпоха была временемъ сравнительно высокой рабочей платы—и это вполнѣ понятно. Съ одной стороны, быстрый ростъ фабричной промышленности создавалъ огромный спросъ на рабочія руки, съ другой—предложеніе рабочихъ рукъ уменьшалось, во-первыхъ, закрѣпощенностью населенія, а, во-вторыхъ, развитіемъ кустарной промышленности, дававшей занятіе крестьянину у себя дома и избавлявшей его отъ фабрики. Этимъ и объясняется поражавшій Гакстгаузена фактъ высокой заработной платы фабричнаго рабочаго въ крѣпостной Россіи“ (стр. 204).

Наоборотъ, во второй половинѣ столѣтія, отъ половины 50-хъ и до начала 80-хъ гг., заработная плата фабричныхъ рабочихъ центральной Россіи упала (Туганъ-Барановскій, гл. II, гл. III, стр. 402 и сл.), и Туганъ-Барановскій справедливо сопоставляетъ это явленіе съ извѣстнымъ процессомъ паденія жизненнаго уровня англійскихъ рабочихъ въ первой половинѣ XIX в. Ухудшеніе положенія трудящагося населенія въ тотъ періодъ, когда капитализмъ начинаетъ подчинять себѣ всю народную жизнь, но процессъ этого подчиненія еще не закончился, есть явленіе всеобщее: еще недавно мнѣ приходилось цыфровыми данными характеризовать его для Германіи 30 и 40-хъ гг. этого столѣтія.

„Итакъ, — спрашиваетъ Туганъ-Барановскій, — капитализмъ приводитъ къ обнищанію народной массы, къ ухудшенію положенія производителя? Дѣйствительно, опытъ всѣхъ капиталистическихъ странъ такъ же, какъ и теорія, показываетъ, что первыя стадіи развитія капиталистическаго производства сопровождаются ухудшеніемъ положенія трудящагося класса. То же происходило и у насъ. Исторія идетъ не по розамъ. Но тотъ же опытъ, равно какъ и теорія не менѣе убѣдительно говорятъ, что единственное средство улучшить положеніе рабочаго заключается въ дальнѣй-

шемъ развитіи капиталистическаго производства. Англія пережила тяжелый кризисъ въ эпоху борьбы машиннаго и ручного производства, но когда переходный періодъ кончился, и машина побѣдила въ важнѣйшихъ отрасляхъ труда, когда кустари перестали конкурировать съ фабрикой нищенской заработной платой, тогда и положеніе рабочаго класса стало улучшаться" (Стр. 481).

Авторъ далѣе задается вопросомъ: „въ какой же стадіи находится Россія, пережила ли она уже самое тяжелое въ этомъ переходномъ періодѣ или самое худшее для нея еще впереди?".

Первое представляется ТуганъБарановскому болѣе вѣроятнымъ—на основаніи сравненія заработной платы московскихъ и владимірскихъ рабочихъ за 1883 и 1896 г. по даннымъ фабричныхъ инспекторовъ. По этимъ даннымъ выходитъ, что номинальная заработная плата въ 80-хъ гг. возрасла въ среднемъ на 10—15%, между тѣмъ какъ цѣна хлѣба съ тѣхъ поръ—какъ извѣстно—упала. Впрочемъ, самъ Туганъ-Барановскій, въ виду недостаточности статистическаго матеріала, относится очень осторожно къ этому выводу, оговаривая его словомъ „повидимому".

Центръ тяжести той части работы Туганъ-Барановскаго, которая относится къ развитію нашей промышленности послѣ реформы 1861 года, заключается въ критикѣ—sit venia verbo—статистической миѳологіи гг. Н.—она и Карышева. Какъ извѣстно, первый, сопоставляя цифры рабочихъ за 1865 и 1890 гг., доказывалъ незначительность успѣховъ нашего капитализма. Оказывается, что г. Николай-онъ въ статьѣ, въ которой онъ пытался статистически уничтожить пишущаго эти строки, сравнивалъ совершенно несравнимыя величины, причемъ то слагаемое, которое цифру за 1865 г. дѣлало несравнимой съ цифрой за 1890 г., было, благодаря баснословной небрежности или таковой же неумѣлости въ статистическихъ операціяхъ почтеннаго автора „Очерковъ", увеличено на 336 тысячъ, т. е. на 70%. „Весь этотъ инцидентъ, замѣчаетъ Туганъ-Барановскій, весьма любопытенъ, какъ рѣзкій примѣръ фактической ошибки, легшей въ основаніе цѣлой теоріи и принятой чуть ли не за открытіе цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ, не говоря уже объ обывательской публикѣ". Въ противность г. Николаю—ону, Туганъ-Барановскій доказалъ, что число рабочихъ растетъ у насъ быстро, гораздо быстрѣе населенія, что въ развитіи нашей промышленности замѣчается та же цикличность или періодичность, которая свойственна міровому капитализму вообще, и что передъ этими періодическими колебаніями чисто капитали-

стическаго свойства совершенно стушевываются колебанія промышленности, зависящія отъ урожаевъ.

Глава II части 2-й, „Новѣйшее фабричное законодательство" представляетъ первый замѣчательный опытъ соціологической исторіи нашего фабричнаго законодательства. Съ этой точки зрѣнія исторія русскаго фабричнаго законодательства въ нашей литературѣ еще не разсматривалась. Въ очеркѣ Туганъ-Барановскаго много невольныхъ умолчаній, въ особенности о новѣйшихъ явленіяхъ, и тѣмъ, кто желалъ бы съ той же точки зрѣнія болѣе обстоятельно познакомиться съ генезисомъ и характеромъ закона 3-го іюня 1897 г., можно указать статью анонимнаго автора объ этомъ законѣ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала д-ра Г. Брауна „Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik,—она во многомъ дополняетъ и подтверждаетъ изложеніе Туганъ-Барановскаго.

Передъ читателемъ по прочтеніи книги Туганъ-Барановскаго встаетъ яркая картина нашего промышленнаго развитія. Въ началѣ взаимодѣйствіе интересовъ торгово-капиталистическаго класса и нуждъ европеизируемаго государства создаетъ крупную промышленность, основанную на принудительномъ трудѣ и монополіяхъ. Эта фабрика служитъ школой промышленнаго искусства, но затѣмъ оттѣсняется на задній планъ мелкой промышленностью, которою опять таки завладѣваетъ тотъ же торговый капиталъ. Постепенно это новое, технически-мелкое, экономически-крупное, т. е. массовое производство порождаетъ изъ своихъ нѣдръ технически крупное производство, опирающееся на новѣйшую машинную технику и ею побивающее раздробленную кустарную промышленность. Въ основѣ соціально-экономическаго процесса лежитъ, такимъ образомъ, дѣйствительно то развитіе производительныхъ силъ и прежде всего техники sensu stricto, которое постулируется теоріей. Въ то же время анализъ соціально-экономическихъ отношеній показываетъ, что техника, хотя и могущественно вліяетъ на нихъ, но отнюдь не представляетъ единственнаго момента, ихъ опредѣляющаго. И отсталая, раздробленная техника и прогрессивная техника, приводящая къ концентраціи производства и ее знаменующая, одинаково стоятъ подъ началомъ у капитала, такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ душой общественно-производительной дѣятельности является—производство товаровъ на широкій и неопредѣленный рынокъ. „Условія сбыта управляютъ производствомъ". На основѣ развитія

опредѣленныхъ формъ производства развиваются и другъ друга смѣняютъ въ управленіи производствомъ различные общественные классы. Сверху—крупный торгово-капиталистическій классъ, на который завистливымъ окомъ смотритъ помѣстное дворянство, смѣняется въ руководительствѣ промышленностью мелкой и средней крестьянской буржуазіей, и она то вмѣстѣ со старымъ купечествомъ создаетъ новѣйшую русскую торгово-промышленную буржуазію. Снизу — мы видимъ сперва крестьянъ и вольныхъ людей, прикрѣпленныхъ велѣніемъ государства къ фабричному труду, затѣмъ вольнонаемныхъ рабочихъ и кустарей изъ оброчныхъ крестьянъ, и затѣмъ уже изъ этой, еще на половину связанной съ землей, массы постепенно, но неудержимо, съ необходимостью и непререкаемостью естественно-историческаго процесса, развивается настоящій фабричный пролетаріатъ. Только ему удается добиться настоящаго фабричнаго законодательства, котораго до 80-хъ годовъ нашего столѣтія не существовало и которое появилось разомъ менѣе чѣмъ въ десятилѣтіе, лишь только окончательно сформировался особый классъ фабричныхъ рабочихъ.

Воспитанный на народническихъ представленіяхъ читатель, навѣрное, съ изумленіемъ спрашиваетъ себя и автора: а гдѣ же народное производство, гдѣ тѣ устои народнаго хозяйственнаго быта, о которыхъ я такъ много слышалъ? Увы, они существуютъ лишь въ миѳологіи русской промышленности, а не въ ея исторіи и дѣйствительности. Въ дѣйствительности же была и есть единая, непрерывно развивающаяся капиталистическая промышленная культура. А до нея была—съ одной стороны, лишь промышленная некультурность, съ другой—крѣпостное хозяйство и крѣпостное право. Крѣпостному хозяйству несомнѣнно принадлежитъ извѣстная немаловажная роль въ исторіи русской промышленности. Такимъ образомъ, еще разъ подтверждается то, высказанное пишущимъ эти строки въ «Критическихъ Замѣткахъ», положеніе, что понятію и слову „народное производство“ въ русской экономической исторіи и дѣйствительности соотвѣтствуетъ лишь одна, правда, очень внушительная реальность: крѣпостной хозяйственный строй и его многообразныя переживанія и отростки. Это обнаруживается и въ поразительномъ сходствѣ идеологіи крѣпостной и народнической: реальный объектъ обѣихъ идеологій тождественъ Въ гл. VII, 1 ч. и гл. V 2-ой части, посвященныхъ отношенію общества и литературы къ

фабрикѣ въ разныя эпохи, Туганъ-Барановскій даетъ достаточный матеріалъ для характеристики этого любопытнаго сходства двухъ идеологій, реакціонной и «радикальной», въ основѣ которыхъ одинаково лежала идеализація отживающихъ или обреченныхъ на отживаніе формъ хозяйственной и общественной жизни, идеализація самостоятельнаго и недифференцированнаго крестьянства, его натуральнаго хозяйства, его связи съ землей и кустарной промышленности, поскольку послѣдняя выражала собой частичное прикрѣпленіе рабочаго къ землѣ. Эта единая объективная подкладка соединяетъ крѣпостнически-либеральный «Духъ Журналовъ» первой четверти нашего столѣтія, барона Гакстгаузена, графа Канкрина и другихъ консерваторовъ съ Чернышевскимъ и съ «Отечественными Записками» въ лицѣ Елисѣева и г. Михайловскаго. Это не значитъ, чтобы г. Михайловскій былъ реакціонеромъ не только сознательнымъ, но и безсознательнымъ. Это значитъ только, что въ основѣ крѣпостной и „радикальной“ идеологіи лежалъ одинъ и тотъ же экономическій укладъ, идеализируемый съ разныхъ и даже враждебныхъ точекъ зрѣнія, точно такъ же, какъ капиталистическій укладъ тоже „идеализируется“ въ извѣстномъ смыслѣ съ двухъ враждебныхъ точекъ зрѣнія: съ буржуазной и пролетарской. Вѣдь несомнѣнно, что и пролетарская идеологія идеализируетъ опредѣленныя дѣйствующія въ капиталистическомъ строѣ общественныя силы, ибо всякая неутопическая идеологія должна сознательно или безсознательно идеализировать какія-нибудь реальныя силы даннаго общества, т. е. всякая такая идеологія должна представлять себѣ эти силы призванными осуществить ея идеалъ. Съ другой стороны, этотъ идеалъ носитъ на себѣ такъ или иначе реальныя черты того класса, который является или мыслится его историческимъ выразителемъ.

Книга Туганъ-Барановскаго—ученая диссертація, написанная по первоисточникамъ, въ значительной мѣрѣ не напечатаннымъ. Но этотъ тяжеловѣсный и обширный матеріалъ переработанъ такъ умѣло и изложенъ такъ живо, что большой томъ, въ 500 стр., читается съ удивительной легкостью. Видно, что Туганъ-Барановскій писалъ не только для полученія ученой степени. Быть можетъ, именно поэтому его трудъ отличается такими крупными достоинствами: полной самостоятельностью мысли, множествомъ новыхъ фактовъ, изящнымъ изложеніемъ. Это, дѣйствительно, научная соціологическая исторія русской фабричной промышлен-

ности, долженствующая лечь въ основу всѣхъ послѣдующихъ работъ на ту же тему.

Главный недостатокъ книги Туганъ-Барановскаго—отсутствіе широкаго сравнительно-историческаго фона въ двоякомъ смыслѣ. Во 1-хъ, авторъ не привлекъ для сравненія данныхъ экономической исторіи Запада и потому не выяснилъ ни степени тождества процесса хозяйственнаго развитія Россіи и разныхъ западныхъ странъ, съ одной стороны, ни размѣровъ своеобразія нашей промышленной исторіи, съ другой стороны. Во 2-хъ, авторъ не далъ и картины процесса хозяйственнаго развитія Россіи въ его цѣломъ. Такъ, мы уже видѣли, судьбы земледѣлія и, въ значительной мѣрѣ, взаимоотношеніе между земледѣліемъ и промышленностью оставлены имъ безъ разсмотрѣнія. Въ связи съ отсутствіемъ широкаго сравнительно-историческаго фона стоитъ другая слабая сторона его труда. Иногда прямо досадно на автора, что онъ нѣкоторыя картины оставляетъ недорисованными, въ нѣкоторыхъ обобщеніяхъ останавливается на полпути. Чувствуется недостатокъ, я бы сказалъ, философскаго размаха и художественной законченности. Это тѣмъ болѣе жаль, что видно, какъ легко дался Туганъ-Барановскому его огромный трудъ.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

(1900 г.)

I.

„Меня все интересовало. Мнѣ хотѣлось все знать. Мнѣ хотѣлось знать и отношеніе мужика къ его женѣ и дѣтямъ, и отношенія одного двора къ другому, и экономическое положеніе мужика; его религіозныя и нравственныя воззрѣнія, словомъ все".

Такими словами Энгельгардтъ въ своихъ «Письмахъ изъ деревни» охарактеризовалъ ту жажду познанія, которая охватила его въ деревнѣ, внѣ интеллигентской жизни, при близкомъ соприкосновеніи съ будничными интересами русскаго поселка. Долженъ сказать, что я эту глубокую жажду познанія ощущалъ всегда и всюду, куда ни бросала меня судьба. Ощущалъ и... почти никогда не удовлетворялъ, и не могъ удовлетворить. Вѣчно мѣшало что-нибудь: только начнешь надъ чѣмъ-нибудь задумываться, что нибудь наблюдать изъ „жизни", какъ ворвутся литература и книга и потянутъ совсѣмъ въ другую сторону. И кусочекъ наблюденной жизни такъ и остается маленькимъ отрывкомъ, который забудешь, прежде чѣмъ успѣешь его привести въ связь, спаять съ остальными представленіями. Конечно, и та жизнь, которую обычно видишь и которою живешь, не есть вовсе жизнь „воображаемая" или „литература" въ презрительномъ смыслѣ Нитцше, какъ часто вслѣдъ за крупными людьми говорятъ мелкіе людишки, которыхъ тяготятъ или которымъ просто непонятны ея высокіе умственные и моральные масштабы. Она тоже историческая жизнь и даже гораздо больше историческая, чѣмъ такъ называемая „жизнь" (въ ковычкахъ). Ея отличіе отъ послѣдней, ея сравнительно большая утомительность, наоборотъ, состоитъ въ ея слишкомъ историческомъ, слишкомъ сознательномъ ха-

рактерѣ: ничего въ ней не дѣлается такъ, ради нея самой, все производится ради той другой, непосредственной жизни. Въ ней, въ этой интеллигентской жизни безъ красокъ, все приносится въ жертву, ничто не довлѣетъ себѣ. Въ этомъ, я думаю, лежитъ отчасти психологическая разгадка жгучаго интереса, возбуждаемаго въ писателѣ, литературная дѣятельность котораго носитъ книжный характеръ, непосредственной жизнью. Какъ сильная любовь, чѣмъ меньше она находитъ удовлетворенія, тѣмъ ярче разгорается, такъ и этотъ интересъ къ подлинной, себѣ довлѣющей жизни, тѣмъ больше гложетъ и сверлитъ интеллигентскую душу, чѣмъ меньше она можетъ отдаться ему и искать удовлетворенія ненасытной жаждѣ познанія. Есть еще другой особенный мотивъ, обостряющій эту жажду у людей, подобныхъ пишущему эти строки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ко мнѣ по совершенно частному дѣлу явилась незнакомая дама. Исполнивъ возложенное на нее порученіе, она затѣмъ съ улыбкой, въ которой сквозило не то презрѣніе, не то снисхожденіе и жалость, и фамильярнымъ тономъ, въ которомъ чувствовался намекъ на мой возрастъ, озадачила меня словами: „Вы проповѣдуете, что всю Россію необходимо обратить въ фабрику. А знаете ли вы русскую деревню?“ Я смолчалъ, сдѣлавъ видъ, что принимаю сказанное за любезную шутку на прощаніе, и мы разстались. Дамѣ, въ словахъ которой совершенно несомнѣнно звучало убѣжденіе, что я по молодости лѣтъ проповѣдую какія-то глупости [1]), я врядъ ли могъ бы сколько-нибудь убѣдительно доказать свое право имѣть и высказывать мнѣніе объ экономическомъ развитіи Россіи, совершенно независимо отъ какихъ-либо личныхъ наблюденій. Но, сознавая это право, я всегда очень живо чувствовалъ, что оно не устраняетъ ни глубокой потребности, ни высокой субъективной цѣнности живыхъ личныхъ впечатлѣній. Научная добросовѣстность, конечно, никогда не позволила бы мнѣ ни въ литературѣ, ни даже передъ „дамой“ обосновывать свой взглядъ на экономическія судьбы Россіи такими личными впечатлѣніями и наблюденіями — я всегда сознавалъ бы, что они, эти личныя впечатлѣнія, какъ бы они ни были количественно и качественно богаты, несоизмѣримы съ задачей истолкованія путей и условій экономическаго развитія цѣлой страны, что для этого нужна и достаточна упорная

[1]) Нечего, конечно, объяснять, что я ничего подобнаго не „проповѣдую“.

и строгая къ себѣ работа теоретической мысли. Но я всегда алкалъ и искалъ личныхъ впечатлѣній и изъ простой жажды подлинной жизни, и въ качествѣ субъективно цѣннаго подспорья, какъ бы вкусовой приправы къ сухимъ и тяжелымъ теоретически-книжнымъ яствамъ. „Дама“ со своимъ снисходительно-презрительнымъ вопросомъ вовсе не посрамила меня передъ самимъ собой, она только вновь разбудила во мнѣ неудовлетворенную и неудовлетворимую потребность соприкосновенія съ непосредственною жизнью.

Этимъ лѣтомъ мнѣ удалось и, быть можетъ, еще удастся удовлетворить хотя немного эту потребность. Какъ неисправимый литераторъ и книжникъ, я переношу эти впечатлѣнія, впрочемъ, въ обобщенномъ видѣ, на бумагу.

II.

Мы привыкли слышать и говорить, что новѣйшая экономическая исторія шествуетъ семимильными шагами по стезѣ прогресса. Но когда отрѣшаешься нѣсколько отъ огульнаго разсмотрѣнія, при которомъ тонкіе штрихи времени и мѣста сливаются въ грубыя черты и мазки, суммирующія и погашающія множество мѣстныхъ и временныхъ различій, то замѣчаешь, что многое такое, чему давно пора бы сгинуть, стоитъ съ поразительнымъ упорствомъ на мѣстѣ и обнаруживаетъ очень мало охоты стать „достояніемъ исторіи“. На эти размышленія меня навели хозяйственныя условія той губерніи, куда я прежде всего попалъ. Они имѣли своего классическаго бытописателя въ лицѣ А. Н. Энгельгардта, автора „Писемъ изъ деревни“ (1872—1887) и „Хозяйства въ сѣверной Россіи“, потомъ ихъ коснулся Н. В. Шелгуновъ въ томъ фельетонѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ (1885 г.), которымъ открывается теперь отдѣльное изданіе „Очерковъ русской жизни“. Что же въ описаніяхъ этихъ даровитыхъ и умныхъ наблюдателей составляло въ 70-хъ и 80-хъ годахъ центральный фактъ мѣстной хозяйственной жизни? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: упорные пережитки крѣпостного хозяйства, состоящіе въ томъ, что крестьянинъ, надѣленный недостаточнымъ количествомъ земли и окруженный помѣщичьими землями („отрѣзками“ и проч.), вынужденъ почти даромъ работать на помѣщиковъ, а помѣщики, опираясь на такое положеніе крестьянъ, не только могутъ, но и должны—руководствуясь здравымъ экономическимъ разсчетомъ—вести свое хозяйство, не заводя ни батраковъ, ни своего соб-

ственнаго инвентаря, т.-е. держать хозяйство въ значительной мѣрѣ на техническомъ уровнѣ крестьянъ. Этотъ фактъ такъ и остается до сихъ поръ господствующимъ въ аграрной экономіи Смоленской губерніи. Но рядомъ съ этимъ кардинальнымъ фактомъ намѣчаются тенденціи совсѣмъ другого рода, его подтачивающія и пролагающія путь новому порядку вещей.

Можно было бы думать, что при только-что охарактеризованномъ положеніи вещей мѣстные помѣщики должны были бы стоять очень прочно въ экономическомъ отношеніи и даже расширять свое землевладѣніе. Между тѣмъ этого нѣтъ: мѣстные помѣщики, какъ мнѣ говорили лица, хорошо знающія уѣздныя дѣла и дѣлишки, теряютъ пядь за пядью, вытѣсняемые двумя другими, болѣе стойкими и жизнеспособными элементами въ экономической борьбѣ: тѣмъ же крестьяниномъ, который—неизвѣстно, откуда и какъ — собираетъ деньги и покупаетъ при содѣйствіи крестьянскаго банка „панскую“ землю, и болѣе хозяйственнымъ землевладѣльцемъ Западнаго края, которому ограничительные законы противъ польскаго элемента не даютъ возможности расширять свое землевладѣніе и хозяйство на исторической, давно освоенной почвѣ. Мнѣ кажется, что эти два элемента захватываютъ землю русскихъ помѣщиковъ просто потому, что она, дѣйствительно, очень нужна имъ обоимъ, не имѣющимъ легкаго доступа къ казенному жалованью, за которымъ русскіе, особенно сѣверные помѣщики, послѣ эмансипаціи жадно потянулись и тянутся въ города, оставляя „воздѣлываніе злаковъ“, какъ почтительно-иронически выражается о земледѣліи одинъ мой знакомый землевладѣлецъ, крестьянамъ и польскимъ панамъ [1]) и, вообще, всѣмъ не взысканнымъ казенной копѣйкой людямъ. Тотъ знаменательный фактъ, что стѣсняемое въ Западномъ краѣ польское землевладѣніе, благодаря этимъ стѣсненіямъ, переносится въ чисто русскія губерніи, напомнило мнѣ аналогичный процессъ, о которомъ я узналъ изъ разсказовъ одного безпристрастнаго и образованнаго нѣмца, наблюдавшаго дѣло въ Познани [2]). По его

---

[1]) Впрочемъ, выходцы-землевладѣльцы изъ Западнаго края отнюдь не всегда поляки въ національномъ смыслѣ, иногда это литвины или даже русскіе католическаго вѣроисповѣданія. Я держусь того мнѣнія, что національность всего лучше опредѣляется тѣмъ языкомъ, которымъ говорятъ въ семьѣ.

[2]) Это хорошо извѣстный психіатрамъ и криминалистамъ д-ръ Курелла, въ Бреславлѣ.

словамъ, по мѣрѣ того, какъ, благодаря аграрнымъ мѣропріятіямъ прусскаго правительства, здѣсь на польской землѣ осаждалось нѣмецкое крестьянство, въ городѣ Познани на деньги, выручаемыя польскими землевладѣльцами отъ продажи своихъ земель прусскому государству, выростали цѣлыя польскія улицы, и городъ изъ нѣмецкаго превращался въ польскій. Такъ, стихійные процессы народной жизни нерѣдко разрушаютъ самые, повидимому, вѣрные политическіе разсчеты, выдвигая непредусмотрѣнныя комбинаціи и открывая таившіеся подъ спудомъ выходы.

Скупая земли русскихъ „пановъ", землевладѣльцы изъ сосѣдняго Западнаго края (я жилъ на границѣ Смоленской и Могилевской губ.) садятся на земли, которыя въ своемъ составѣ заключаютъ знаменитые отрѣзки и вообще граничатъ съ землями малонадѣльныхъ крестьянъ. Понятно, что они отнюдь не пренебрегаютъ этимъ испытаннымъ средствомъ снабженія хозяйства дешевыми рабочими силами и пользуются имъ съ неменьшей, если не съ большей систематичностью и основательностью, чѣмъ ихъ предшественники по землевладѣнію изъ коренныхъ жителей. Это неудивительно: никто себѣ не врагъ, а, кромѣ того, пришлые землевладѣльцы отличаются такой хозяйственной выдержкой, упорствомъ и основательностью, до которыхъ аборигенамъ далеко. Издержки ихъ на личное потребленіе гораздо ниже того, что позволяютъ себѣ чисто русскіе баре; они сами и ихъ дѣти не сбѣгаютъ, да и не могутъ сбѣгать на выгодную казенную службу; наоборотъ, они крѣпко сидятъ на землѣ и дѣтей къ тому пріучаютъ. Естественно, что эти люди не упускаютъ ни въ чемъ своей выгоды и являются истинными представителями типа предпринимателя, стремящагося къ наивысшему чистому доходу. Среди мѣстныхъ жителей, конечно, есть охотники объяснять успѣхи этихъ пришлыхъ землевладѣльцевъ особеннымъ, якобы „инородческимъ" умѣньемъ эксплуатировать и прижимать „русскихъ" крестьянъ. Но неосновательность этихъ указаній очевидна сама собою: развѣ Энгельгардтъ и Щедринъ, характеризуя хозяйство, основанное на „отрѣзкахъ", не изображали русскихъ землевладѣльцевъ, развѣ эта хозяйственная система не создана самими условіями крестьянской реформы, отдавшими крестьянъ, лишенныхъ луговъ и выгоновъ, во власть помѣщиковъ? Правда, хозяйничая съ полнымъ разсчетомъ и не упуская ничего, пришлые землевладѣльцы окончательно затягиваютъ отработочный узелъ:

крестьяне, подвластные одному крупному земельному собственнику изъ пришлыхъ, говорили мнѣ, что—послѣ перехода владѣнія къ „поляку“ — отработки за угодья увеличились количественно и стали разнообразнѣе, а денежная приплата къ нимъ сильно упала, почти вдвое, т.-е. выражаясь школьнымъ языкомъ, сильно возросъ уровень эксплуатаціи. Думаю, что это явленіе составляетъ скорѣе правило, чѣмъ исключеніе. Но затягиваніе отработочнаго узла, быть можетъ, способно приводить и къ ликвидаціи невыносимыхъ отношеній. Съ другой стороны, несомнѣнно, что новые землевладѣльцы умѣлымъ веденіемъ хозяйства подготовляютъ тотъ моментъ, когда крестьянскіе отработки могутъ быть сведены на минимумъ и замѣнены инымъ хозяйственнымъ режимомъ. Несомнѣнно также, что крестьяне употребляютъ и будутъ употреблять всѣ усилія для того, чтобы избавляться отъ отработочной кабалы. Любопытное доказательство этого представляетъ одна деревня, которую мнѣ пришлось посѣтить и съ обывателями которой я говорилъ. Деревня эта, при освобожденіи, получила въ надѣлъ по $2^1/_2$ десятины на ревизскую душу, при высшемъ надѣлѣ въ уѣздѣ (по Положенію) въ 4 дес. Изъ разсказовъ стариковъ оказывается, что еще до освобожденія помѣщикъ, дававшій своей дворянской братіи балы и щедро кормившій ее при этихъ оказіяхъ, но крестьянъ жестоко тѣснившій, отрѣзалъ отъ ихъ надѣла въ свое пользованіе изрядный кусокъ земли и. такимъ образомъ, посадилъ ихъ на уменьшенный надѣлъ [1]). Съ двухъ сторонъ деревню и ея земли кольцомъ окружаетъ помѣщичья земля; у крестьянъ нѣтъ ни луговъ, ни выгоновъ, и, благодаря этому обстоятельству, они не въ гиперболическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ, *даромъ* работаютъ на помѣщика. Плохой лугъ, который они берутъ *исполу* у помѣщика, они цѣликомъ, оплачиваютъ своимъ трудомъ и, кромѣ того, они обязуются за лугъ цѣлымъ рядомъ отработковъ, совершенно не оплачиваемыхъ. Отработки эти заключаются въ томъ, что кре-

[1]) Любопытно, что старики (а, по ихъ разсказамъ, и слѣдующее поколѣніе) твердо убѣждены, что при освобожденіи ихъ обманули и что они напрасно подписывали уставную грамоту. Подписали они ее, впрочемъ, только послѣ неоднократныхъ уговоровъ мирового посредника. Между тѣмъ они получили всю ту землю, которой пользовались до освобожденія, въ размѣрѣ, превышающемъ низшій надѣлъ, установленный Положеніемъ, т.-е. они получили все то, что имъ слѣдовало по закону.

стьяне берутся обработать опредѣленное число „гнѣздъ“. Гнѣздо (въ другихъ мѣстахъ называемое кругомъ) состоитъ обыкновенно изъ трехъ, рѣдко изъ четырехъ [1]) хозяйственныхъ десятинъ: гнѣздовая обработка, однако, далеко не всегда ограничивается обработкой земли подъ посѣвъ и уборкой луга, но обнимаетъ собой часто и цѣлый рядъ другихъ операцій. Въ моихъ рукахъ находится подлинный договоръ о гнѣздовой обработкѣ, и изъ этого договора читатель убѣдится, какое универсальное содержаніе (которое нельзя даже, строго говоря, назвать исключительно сельскохозяйственнымъ) заключаетъ въ себѣ „гнѣздо“. Я позволю себѣ привести здѣсь самое существенное изъ этого любопытнаго документа жизни: „Мы вышеписанные крестьяне (12 крестьянъ изъ 2-хъ деревень) взяли у такого-то на обработъ въ с. (такомъ-то) въ количествѣ 13-ти гнѣздъ, а именно въ яровомъ полѣ, сколько окажется экономическихъ десятинъ и въ озимомъ полѣ, сколько окажется [2]) въ текущемъ 1900 году съ полной опашкой, уборкой, свозкой сухого хлѣба подъ крышу, молотьбою и ссыпкой зерна въ амбары, а также уборкою на указанное мѣсто соломы, оторы и мякины“. Все крестьяне обязаны дѣлать „по первому требованію экономіи“. Кромѣ того, они „по первому требованію экономіи должны скосить исполу весь нижній лугъ, облогу около сада, бывшую подъ клеверомъ, а также... высушить, сложить въ копы равномѣрно и экономическую половину свезти прежде своей въ сарай и уложить въ указанное мѣсто“. Кромѣ того, крестьяне „тѣмъ же порядкомъ обязаны скосить указанныя экономіей пять десятинъ клевера съ третьей копы, т.-е. себѣ получить одну копу, а двѣ копы доставить въ экономію“. Для обсѣмененія десятинъ въ паровомъ полѣ крестьяне „обязуются намолотить семь овиновъ ржи на все количество десятинъ, сколько потребуется для посѣва поля“. Удобреніе крестьяне обязуются „вывезти все находящееся въ с. (такомъ-то) и тотчасъ навозъ разбить равномѣрно и запахать... По вывозкѣ навоза тѣ мѣста, гдѣ находится навозъ, настлать экономической соломой“. Крестьяне далѣе обязаны:

„Вычистить весь хлѣбный сарай и пуни для укладки хлѣба

---

[1]) Три—озимая, яровая и паровая десятины. Четыре—тоже съ придачей 1 дес. луга.

[2]) Неопредѣленность относится къ распредѣленію земли въ поляхъ. 13 гнѣздъ=39 десятинамъ.

и сѣна и вывезти на указанное экономіей мѣсто, а также очистить по вскрытіи весны сего года отъ лома луга".

„Обработать по первому требованію и указанію экономіи всѣ огороды съ производствомъ посѣва подъ картофель и другія огородныя растенія данными экономіей сѣменами".

„Осенью... по первой санной дорогѣ и по первому требованію выставить экономіи тринадцать подводъ для своза клади не менѣе 21 пуда на подводу разстояніемъ не далѣе 40 верстъ [1]) отъ экономіи".

„Вырубить тринадцать куб. саженъ дровъ въ указанномъ мѣстѣ, но не далѣе 7 верстъ отъ экономіи, наколоть ихъ на мелкія плахи и перевезти въ с. (такое-то) и сложить аккуратно въ указанномъ мѣстѣ". „За аккуратное и точное исполненіе обозначенныхъ въ семъ условіи работъ мы, крестьяне, отвѣчаемъ круговой порукой другъ за друга, а въ случаѣ неисполненія какого-либо пункта сего условія или части онаго, а также въ случаѣ самовольнаго распаса скота на экономической ургѣ [2]) подвергаемъ себя штрафу въ пользу NN по десяти рублей каждый" [3]). За всѣ указанныя работы, изъ которыхъ, конечно, слѣдуетъ исключить уборку луга и клевера (значительно болѣе, чѣмъ сполна) оплачиваемую половиной луга и третью клевера, крестьяне получаютъ за каждое гнѣздо 18 рублей въ три срока: при подписаніи условія 8 рублей, къ 1-му октября—3 рубля, а остальные 7 рублей—по окончаніи всѣхъ выговоренныхъ работъ. Къ этой суммѣ необходимо прибавить то, чѣмъ выручка отъ половины сѣна и трети клевера превосходитъ обыкновенную оплату сѣнокосной работы.

Энциклопедичность гнѣзда, съ достаточной выпуклостью выступающая въ приведенномъ нами договорѣ, напоминаетъ намъ объ его происхожденіи по прямой линіи изъ барщины. Кажется, здѣсь недостаетъ только раздачи бабамъ „талекъ", да мелкихъ сборовъ, т. е. тѣхъ элементовъ барщины, которые многіе разсчетливые хозяева крѣпостной эпохи считали не стоющими вниманія и предлагали упразднить. Изъ данныхъ земской статистики мы, впрочемъ, знаемъ, что эти элементы барщины уцѣлѣли въ

[1]) Въ 40 верстахъ какъ разъ находится главное мѣсто сбыта—губернскій городъ.

[2]) Ургой здѣсь называется выгонъ для скота.

[3]) Кромѣ этого, за частныя неисправности установлены особые штрафы.

натуральной крестьянской арендѣ и по сіе время [1]). Замѣчу, между прочимъ, что и до освобожденія въ нѣкоторыхъ благоустроенныхъ барщинныхъ имѣніяхъ подводная повинность, справедливо считавшаяся крайне тягостною для крестьянъ, иногда тоже была платной, а если и не платной, то во всякомъ случаѣ точно урегулированной [2]). Несомнѣнно, что универсальные гнѣздовые договоры, подобные приведенному, юридически свободные крестьяне заключаютъ только изъ крайней нужды либо въ наличныхъ деньгахъ, либо въ какихъ-нибудь угодьяхъ, либо въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Универсальная гнѣздовая обработка чаще всего и встрѣчается въ этой смѣшанной формѣ аренды, сочетающейся съ личнымъ наймомъ. Что крестьянину, ведущему свое хозяйство, невыгодно обязываться вообще работой на чужой землѣ, да еще „по первому требованію“, это какъ нельзя лучше выяснилъ еще Энгельгардтъ. „Работа лѣтомъ, въ страду, въ помѣщичьемъ хозяйствѣ разоряетъ мужика и потому на такую работу онъ идетъ лишь изъ крайности, отбиваясь отъ этой работы елико возможно... Онъ борется до послѣдней степени и беретъ страдную работу только тогда, когда нѣтъ никакой возможности обойтись, когда нѣтъ хлѣба, когда приступаютъ къ продажѣ скота за недоимки“ [3]).

Сколько приходится крестьянину при разныхъ видахъ гнѣздовой обработки за рабочій день на своихъ харчахъ, со своею лошадью и своими орудіями? На этотъ вопросъ крестьяне, которымъ я его задавалъ, отвѣчали ироническою усмѣшкой, затрудняясь въ то же время опредѣлить цифру. Одно было ясно: они прекрасно понимаютъ, что ихъ трудъ отдается почти задаромъ. Энгельгардтъ въ свое время (70-ые г.) вычислилъ, что крестьяне при „гнѣздовой“ или „круговой“ обработкѣ получаютъ, считая равными по цѣнности день работы лошади, день работы мужчины и день работы женщины, по $11^4/_5$ коп. за мужской рабочій день, постольку же за денную работу лошади и постольку же за жен-

---

[1]) См. Карышевъ „Внѣнадѣльныя крестьянскія аренды“ и Ильинъ „Развитіе капитализма въ Россіи“.

[2]) Опредѣлялась величина клади и длина переѣзда, напр., 23 пуда и 300 верстъ. 300 верстъ эти могли быть сдѣланы 1, 2, 3, 4, 5 подводами; принимались въ разсчетъ условія пути. Дни проѣзда съ кладью засчитывались въ барщину; также засчитывались въ барщину дни, потерянные по причинѣ дурной дороги и т. п.

[3]) „Изъ деревни“. 12 писемъ. Изд. 3-е. Спб. 1897, стр. 481.

скій рабочій день [1]); Шелгуновъ (въ 80-хъ г.) писалъ, что крестьяне—при этой формѣ найма—получаютъ 15—20 коп. поденной платы, считая сюда оплату работы лошади.

Но вернемся къ нашей деревнѣ. Отработки ея, какъ увѣряютъ крестьяне,—и нѣтъ причинъ имъ не вѣрить,—безусловно даровые. Въ составъ ихъ входитъ, между прочимъ, поставка подводъ, и вообще они приближаются къ тому универсальному „гнѣзду", которое я охарактеризовалъ выше. Безъ всякихъ украшеній, это — чистѣйшая барщина. Но тогда какъ барщина въ крѣпостное время всегда оплачивалась надѣломъ, пореформенная барщина, какъ я сказалъ, часто ничѣмъ не оплачивается. При такомъ надѣлѣ, такъ расположенномъ, крестьяне прожили все время послѣ освобожденія до настоящаго года, и только теперь они, наконецъ, надо думать, выйдутъ изъ тисковъ. Теперешній владѣлецъ, которому рабство крестьянъ, несмотря на прелести дарового труда, очевидно, стало невтерпежъ, „обѣщалъ ихъ выпустить", какъ весьма характерно выразился въ разговорѣ со мной крестьянинъ той же деревни, давно уже не занимающійся землей (ея не хватаетъ и на одного брата) и живущій въ кучерахъ. Баринъ, держащій крестьянъ въ своихъ рукахъ, милостиво покупаетъ ненужную ему крестьянскую надѣльную землю по 100 руб. за десятину (земли у крестьянъ всего $163^1/_2$ дес.). Вырученная отъ продажи этой земли сумма пойдетъ въ качествѣ доплаты крестьянскому банку за пріобрѣтаемую крестьянами новую землю въ размѣрѣ около 300 дес. и цѣной въ 150 р. Теперь крестьяне напряженно и съ волненіемъ ждутъ, во сколько оцѣнитъ банкъ высмотрѣнную ими землю, т.-е. хватитъ ли тѣхъ денегъ, которыя они, погасивъ выкупную ссуду, могутъ выручить отъ продажи теперешняго надѣла и представить въ качествѣ доплаты крестьянскому банку. Если дѣло сладится, наша деревня въ составѣ 25 дворовъ переѣдетъ на новое мѣсто, и многоземельный „панъ", державшій въ клещахъ малоземельныхъ мужиковъ, можетъ впредь не возиться съ потравами и пр. и, вообще, не имѣть дѣла съ мужикомъ, который за глаза называетъ его, безъ околичностей „тираномъ", т.-е попросту

[1]) „Отеч. Записки" 1873, № 2. „Вопросы русскаго сельскаго хозяйства III. Дороговизна ли рабочихъ рукъ составляетъ больное мѣсто нашего хозяйства?" Перепечатано въ сборникѣ статей Энгельгардта, изданномъ подъ заглавіемъ „О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи". Спб. 1888 (стр. 209—256).

ненавидитъ. Крестьянскія три поля войдутъ въ многопольный сѣвооборотъ помѣщика, и панъ вмѣсто даровыхъ работниковъ крестьянъ будетъ нанимать батраковъ и поденщиковъ. Милость пана, покупающаго крестьянскій надѣлъ по 100 р. за десятину, быть можетъ, не такъ ужъ велика: правда, пану не хлѣбъ ѣсть съ этой земли, какъ мужикамъ, но когда кругомъ земля покупается за 125—150 р. крестьянами, то недурно купить землю за 100 р.—вѣдь потомъ ее когда-нибудь и за 200 руб. можно будетъ продать. Кстати, всѣ мѣстные жители говорятъ, что въ послѣдніе годы пришлые паны почти уже перестали покупать земли,—такъ крестьяне, при помощи крестьянскаго банка, подняли цѣны. При такихъ высокихъ цѣнахъ земли доступны только крестьянамъ. Читатель, незнакомый ни съ житейскими фактами, ни съ выведенными изъ нихъ „парадоксами“ экономистовъ, изумится этому положенію. Но несомнѣнно, опытомъ разныхъ странъ доказывается, что чѣмъ меньше землевладѣлецъ — капиталистъ и чѣмъ больше онъ—земледѣлецъ, тѣмъ дороже онъ можетъ платить за землю. Землевладѣлецъ-некапиталистъ, самъ работающій на землѣ, можетъ спокойно не получать ни процента на капиталъ, ни предпринимательской прибыли, ни земельной ренты. Исторія не пріучила его совсѣмъ къ нетрудовому доходу, и полученіе послѣдняго не входитъ въ разсчетъ крестьянина.

Я не сказалъ еще, что землю ищутъ и цѣны на нее подымаютъ не только здѣшніе крестьяне, но и пришлые земледѣльцы: крестьяне изъ настоящей Бѣлоруссіи (изъ Могилевщины) и латыши, т.-е. выходцы изъ Остзейскаго края. Послѣдніе, впрочемъ, встрѣчаются здѣсь спорадически, много рѣже, чѣмъ, напр., въ недалекомъ отсюда Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губ., и, конечно, гораздо рѣже, чѣмъ въ Петербургской и Псковской губ., въ которыхъ они осѣдаютъ въ большомъ количествѣ, разнося улучшенную сельскохозяйственную культуру и подавая русскому населенію поучительный примѣръ поразительнаго, активнаго и цѣлесообразнаго, упорства въ трудѣ.

Какъ ни выгодно за отрѣзки и вообще за недостающія крестьянамъ земли получать даромъ или почти даромъ гнѣздовую обработку, но все-таки мѣстные помѣщики сами начинаютъ понимать, что при такихъ условіяхъ они вмѣстѣ съ крестьянами когда-нибудь упрутся лбомъ въ стѣну. Кромѣ того, на крестьянскихъ малосильныхъ лошадяхъ нельзя подымать землю изъ подъ

клевера, и потому клеверное поле необходимо обрабатывать своимъ рабочимъ скотомъ. Любопытно, что этого слѣдствія техническаго прогресса помѣщичьихъ хозяйствъ Шелгуновъ въ 1885 г. даже не предвидѣлъ. Противопоставляя Смоленскую губ. Новгородской, Шелгуновъ тогда писалъ:

„Пока мужику нужны отрѣзки, онъ едва ли откажется отъ гнѣздовой обработки, какъ бы она ни была ему тяжела. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи эта система тоже практиковалась первое время послѣ освобожденія. Но, когда владѣльцы перешли къ шести и восьмипольному хозяйству съ клевером, обработка гнѣздами прекратилась, потому что оказалась невыгодной для владѣльцевъ и невозможной для мужиковъ. Для владѣльцевъ была невыгодна мелкая вспашка сохами, а мужикамъ оказалось не подъ силу поднимать задернѣлую землю, стоявшую подъ клеверомъ 5—6 лѣтъ. Такъ круги и прекратились. Прекращеніе это было „естественнымъ“ слѣдствіемъ новыхъ земледѣльческихъ условій, а въ нашей мѣстности причинъ для подобнаго слѣдствія и нѣтъ, и не предвидится. У насъ хозяйство трехпольное, ведется оно по старому, и рѣшительное большинство владѣльцевъ не желаетъ улучшенія, потому что безъ затратъ и лишнихъ хлопотъ ихъ и не введешь. При такихъ скромныхъ желаніяхъ владѣльцевъ самъ Богъ послалъ имъ гнѣздовую обработку. Правда, что крестьяне съ гнѣздами хозяйничаютъ по своему, по деревенски, не лучше и не хуже, безъ всякой „интенсивности“. Но вѣдь если владѣльцамъ и не нужно ничего лучшаго и клевера они сѣять не станутъ, то нужно думать, что при этихъ условіяхъ мужикъ еще долго будетъ нуждаться въ отрѣзкахъ и обрабатывать земледѣльческія гнѣзда“ (стр. 6).

Между тѣмъ за время, прошедшее съ того момента, какъ писалъ Шелгуновъ, частные владѣльцы всѣ стали сѣять клеверъ. Въ связи съ этимъ въ ихъ хозяйствахъ появились плуги, и теперь огромное большинство и крестьянъ въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, пашетъ плугами. Я, по крайней мѣрѣ, обойдя нѣсколько десятковъ крестьянскихъ дворовъ, въ одномъ только видѣлъ соху; ходя по полямъ во время пахоты, я встрѣтилъ только двухъ крестьянъ, пахавшихъ сохами. Прежде плуги привозились изъ Риги, а теперь они дѣлаются въ ближнихъ городахъ—Смоленскѣ и Витебскѣ. Крестьянину плугъ обходится въ 4 р. 50—5 р. и стоитъ не дороже сохи. Пашетъ онъ лучше, а, главное, съ нимъ гораздо легче работать: плугомъ могутъ работать не только́ жен-

щины, но даже дѣти. Кромѣ того, имъ можно поднять такую почву, съ которой соха не можетъ ничего подѣлать. Съ этой стороны крестьянское хозяйство не разошлось въ техническомъ отношеніи съ помѣщичьимъ, а послѣдовало за нимъ.

Такимъ образомъ, хотя экономическая исторія здѣсь и не движется въ семимильныхъ сапогахъ, но за 10 - 15 лѣтъ, прошедшія съ тѣхъ поръ, какъ о здѣшнихъ хозяйственныхъ дѣлахъ писалъ Шелгуновъ, кое-что все-таки измѣнилось. Правда, пореформенная барщина, отработки за угодья, стоятъ еще очень крѣпко. Тѣмъ не менѣе, эта система несомнѣнно медленно, но будетъ отмирать. „Старая помѣщичья система — писалъ Энгельгардтъ въ „Письмахъ изъ деревни"—послѣ „Положенія" замѣнилась кулаческой, но эта система можетъ существовать только временно, прочности не имѣетъ и должна пасть и перейти въ какую-нибудь иную прочную форму. Если бы крестьяне въ этой борьбѣ пали, обезземелились, превратились въ кнехтовъ, то могла бы создаться какая-нибудь прочная форма батрацкаго хозяйства, но этого не произошло—падаютъ, напротивъ, помѣщичьи хозяйства. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе закрывается хозяйство, скотъ уничтожается и земли сдаются въ краткосрочную аренду, на выпашку подъ посѣвы льна и хлѣба. Пало помѣщичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-на-просто происходитъ безпутное расхищеніе—лѣса вырубаются, земли выпахиваются, каждый выхватываетъ, что можно, и бѣжитъ. Никакія техническія улучшенія не могутъ въ настоящее время помочь нашему хозяйству. Заводите какія угодно сельскохозяйственныя школы, выписывайте какой угодно иностранный скотъ, какія угодно машины, ничто не поможетъ, потому что нѣтъ фундамента. По крайней мѣрѣ, я, какъ хозяинъ, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдутъ въ руки земледѣльцевъ" (стр. 610—611).

По всей видимости, Энгельгардтъ слишкомъ рѣзко ставилъ альтернативу. Вмѣсто непримиримаго „или—или" исторія готовитъ компромиссъ. Значительная часть помѣщичьихъ хозяйствъ будетъ ликвидирована и ихъ площадь отойдетъ къ крестьянамъ, но въ оставшихся утвердится прочное батрачное хозяйство, о достаточномъ снабженіи котораго „кнехтами" и поденщиками наши еще пока не зараженные неомальтузіанствомъ крестьяне сами позаботятся. В. Ильинъ, авторъ книги „Развитіе капитализма въ Россіи", очень мѣтко указалъ, что Энгельгардтъ,

считавшій помѣщичье хозяйство безсмысленнымъ и предсказывавшій ему гибель, самъ въ своей практикѣ вырабатывалъ основы раціональнаго помѣщичьяго хозяйства, основаннаго на батрацкомъ трудѣ.

Несомнѣнно, что крестьяне, покупая помѣщичьи земли при содѣйствіи крестьянскаго банка хотя бы и за очень высокую цѣну, не оставляющую ничего ни для прибыли, ни для ренты, все-таки весьма много выигрываютъ отъ этого. Покупая землю, они этимъ самымъ отрѣзываютъ возможность безграничнаго повышенія земельной ренты на ихъ счетъ. они, такъ или иначе, фиксируютъ ренту, между тѣмъ какъ, будучи арендаторами, они жили бы подъ постоянной угрозой повышенія арендной платы. Поставить хоть какіе-нибудь предѣлы повышенію ренты очень важно для крестьянъ, и отсюда для нихъ прямой разсчетъ покупать землю во что бы то ни стало. Конечно, своей высокой покупной цѣной, являющейся естественнымъ результатомъ ихъ усиленнаго спроса, они гонятъ ренту вверхъ, за предѣлы возможной и существующей въ данный моментъ доходности, но они, во всякомъ случаѣ, повторяю, фиксируютъ ее. Поэтому-то вездѣ, гдѣ крестьяне могутъ хоть сколько-нибудь сберегать, они набрасываются на землю, которая въ силу этого всюду въ сѣверной и сѣверно-центральной Россіи, въ области сравнительно зажиточнаго крестьянства, большими массами переходитъ въ его руки. Въ Смоленской губ. этотъ процессъ обозначился довольно рѣзко.

III.

Здѣсь нѣтъ сколько-нибудь замѣтной „дифференціаціи“ крестьянскаго населенія, которая такъ рѣзко бросается въ глаза и въ многоземельной Самарской губ. (и вообще въ Нижнемъ Поволжьѣ), и въ богатыхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Для нея нѣтъ почвы. Населеніе бѣдно, и въ немъ происходитъ не столько дифференціація, сколько медленный подъемъ общаго низкаго уровня. Рѣзкое отличіе такихъ мѣстностей, какъ характеризуемая мною, отъ богатыхъ отхожихъ уѣздовъ сѣверной и сѣверно-центральной Россіи сказывается въ слѣдующей въ высшей степени характерной черточкѣ: тогда какъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ Тверской губ., въ каждомъ домѣ есть самоваръ и крестьяне два раза въ день пьютъ чай, здѣсь на цѣлую деревню въ 20—30 дворовъ приходится одинъ самоваръ, а то его и вовсе нѣтъ. Здѣсь народъ одѣвается еще въ значительной

мѣрѣ въ самодѣльныя ткани, и этотъ фактъ лишній разъ вмѣстѣ съ прочими наблюденіями укрѣпилъ во мнѣ убѣжденіе, что нашъ (да и вообще всякій) крестьянинъ очень цѣпко держится за натуральное хозяйство, если это для него экономически возможно и выгодно. Ткать холсты и дѣлать сукно крестьяне перестаютъ только тогда, когда для нихъ экономически невозможно или невыгодно сѣять ленъ и коноплю и держать овесъ, т.-е., главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ земельнаго утѣсненія, а вовсе не въ силу какой-то мистически дѣйствующей конкуренціи московскихъ, владимірскихъ и лодзинскихъ фабрикъ, якобы побивающихъ крестьянское натуральное хозяйство. Какое дѣло крестьянину до того, что московскій ситецъ и петербургское или клинцевское сукно дешевы, если онъ можетъ—съ точки зрѣнія своего хозяйственнаго разсчета—еще дешевле самъ руками бабъ спрясть и соткать въ свободное время свой холстъ и свое сукно? Другое дѣло, когда у него нѣтъ земли для посѣва льна, нѣтъ скота для удобренія конопляника, нѣтъ, куда выгнать овецъ. Вотъ тогда онъ дѣйствительно вынужденъ идти на встрѣчу фабричному ситцу и сукну. Зависимость между явленіями, какъ я это уже раньше доказывалъ, вовсе не та, которую выдумали—нужно, впрочемъ, по справедливости сказать, съ легкой руки Маркса—нѣкоторые доктринеры. Но если крестьяне до сихъ поръ цѣпко держатся за натуральное хозяйство, насколько оно имѣетъ экономическій смыслъ, то это не значитъ вовсе, что ихъ хозяйство стоитъ внѣ власти денегъ. Деньги у здѣшняго крестьянина растутъ на огородѣ, и къ ихъ взращиванію онъ поневолѣ долженъ относится съ огромнымъ вниманіемъ. Уѣздъ лежитъ въ „конопляномъ“ районѣ [1]), изстари производящемъ коноплю и выручкой за нее покрывающемъ почти всѣ свои денежныя надобности. Продажа конопли здѣшнему крестьянину даже во снѣ снится. Конопля, служа основой денежнаго хозяйства, является въ то же время подспорьемъ и натуральнаго.

Такимъ образомъ, здѣсь, какъ, впрочемъ, думается мнѣ, вездѣ, несмотря на прочные и именно, въ силу своей относительной экономической раціональности, прочные остатки натуральнаго хозяйства, идилліи его безраздѣльнаго господства или хотя бы только преобладанія не наблюдается.

Я сказалъ, что здѣсь происходитъ медленный, но вѣрный

---

[1]) Конопля сѣется на пріусадебной или огородной землѣ.

подъемъ жизненнаго уровня крестьянства. Оно начинаетъ обростать тѣломъ послѣ продолжительнаго періода исхуданія. Обростаніе это сказывается въ слѣдующемъ любопытномъ фактѣ, имѣющемъ совершенно непререкаемое доказательное значеніе. Шелгуновъ, характеризовавшій ту же самую мѣстность, въ которой пришлось пожить мнѣ, чрезвычайно выпукло нарисовалъ картину крестьянской бѣдности и крестьянскаго питанія на основаніи наблюденій надъ привозимымъ крестьянами на мельницу хлѣбомъ. „Въ Смоленской губерніи на мельницы,—писалъ онъ,—крестьяне привозятъ такой хлѣбъ, что стыдно въ руки взять: земли, мякины, всякой шелухи столько, что не увидишь зерна. Посмотри, что ты привезъ: какъ это молоть?—говорятъ мужику,—а онъ съ добродушной ироніей отвѣчаетъ: люди не свиньи,—съѣдятъ. Мужикъ хочетъ сказать, что даже свиньи не станутъ ѣсть того, что ѣдятъ люди. Хороша же жизнь, вызвавшая такую иронію“. Въ то время, когда эту мельницу наблюдалъ Шелгуновъ, на ней, какъ говорило мнѣ лицо, близко стоящее къ дѣлу, около 75% всего привозимаго крестьянами для помола хлѣба состояло изъ такъ называемыхъ „субарныхъ“ хлѣбовъ, т.-е. изъ смѣси ржи съ болѣе дешевыми хлѣбами; теперь крестьяне почти исключительно привозятъ хорошую несмѣшанную рожь. Субарь же теперь идетъ почти исключительно на приготовленіе корма свиньямъ. Далѣе Шелгуновъ описывалъ „несчастный и неисходный круговоротъ, начинающійся и кончающійся мужикомъ“. Этотъ круговоротъ состоялъ въ томъ, что, „наготовивъ хлѣба, мужикъ его осенью и зимою смелетъ и выплатитъ мельницѣ натурой, потомъ тотъ же хлѣбъ и съ той же мельницы возьметъ весной въ долгъ, но уже затхлый. Осенью возвратитъ долгъ свѣжимъ хлѣбомъ, а весной получитъ опять тухлятину. Мельница становится какъ бы запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ, и безконечная игра въ долгъ и отдачу ведется какъ бы только для освѣженія хлѣба, и, конечно, мельничнаго, потому что если на мельницѣ есть хлѣбъ, свѣжій и не свѣжій, то нужно думать, что мельникъ прибережетъ свѣжій хлѣбъ для продажи за деньги“. Теперь мельница почти совсѣмъ потеряла значеніе такого кредитующаго запаснаго магазина, потому что у большинства крестьянъ не только хватаетъ хлѣба, но завелись и избытки. Крестьяне по прежнему платятъ за хлѣбъ натурой (хотя это менѣе выгодно, чѣмъ расплата деньгами, однако крестьяне не любятъ и часто не могутъ платить деньгами), но ихъ

„натура“ уже больше не возвращается къ нимъ, а продается мельницей евреямъ, которые являются главными ея кліентами по размолу на продажу. Мельница, о которой идетъ рѣчь, „обслуживаетъ“, выражаясь техническимъ желѣзнодорожнымъ терминомъ, довольно значительный районъ (до 40 верстъ) и размалываетъ довольно много зерна, и потому тѣ крупныя перемѣны, о которыхъ я говорю, несомнѣнно доказываютъ подъемъ жизненнаго уровня всего окрестнаго крестьянскаго населенія.

IV.

Носителемъ торговаго обмѣна здѣсь по преимуществу является такой чрезвычайно приспособленный и исторически подготовленный къ этому элементъ, какъ евреи. Въ 10-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ я жилъ, проходитъ черта еврейской осѣдлости, но фактически наши мѣста находятся, выражаясь колоніально-дипломатическимъ языкомъ, въ „сферѣ вліянія“ евреевъ. При извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ (когда въ этомъ, прямо или косвенно, нуждаются власть имущія лица), они даже пользуются настоящей осѣдлостью, благодаря чему выступаютъ не только въ роли наѣзжихъ торговцевъ, но и въ качествѣ осѣдлыхъ лавочниковъ и арендаторовъ. Независимо отъ какихъ-либо высшихъ гуманитарныхъ соображеній, меня, какъ экономиста, всегда интересовало и изумляло учрежденіе, извѣстное подъ именемъ черты еврейской осѣдлости. О томъ, что отъ нея теряютъ евреи скученные на пространствѣ, хотя и обширной, но по русскимъ масштабамъ чрезвычайно населенной области, и выигрываетъ только еврейская обособленность,—и говорить нечего. Но возьмите пограничную область и посмотрите, что вышло бы, если бы ее удалось фактически „освободить“ отъ „экономическаго“ вліянія евреевъ, и вы поймете значеніе черты осѣдлости. Представьте себѣ рынокъ, на которомъ 100 покупателей встрѣчаются съ 100 продавцами, и представьте себѣ далѣе, что чьей-либо административной мудрости и энергіи удалось „облегчить“ этотъ рынокъ, изъявъ 50 или 75 покупателей изъ обращенія. Тогда 100 продавцамъ противостояли бы 50 или 25 покупателей, и первымъ очень не поздоровилось бы отъ ихъ численнаго перевѣса. Въ положеніи этихъ 100 продавцовъ, которымъ выгодно, чтобы покупателей было какъ можно больше, находятся всѣ русскіе производители, имѣющіе дѣло съ еврейскими торговцами. Послѣдніе покупаютъ все, начиная съ хлѣба и кончая даже мертвыми пче-

лами [1]), но, конечно, чѣмъ дальше разстояніе, на которомъ живутъ и могутъ жить эти энциклопедическіе покупатели, тѣмъ слабѣе ихъ вліяніе и тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, образованіе цѣнъ менѣе выгодно для продавцовъ, т.-е. въ данномъ случаѣ для производителей. Это совершенно ясно становится всякому обывателю, когда почему-либо усиливаются строгости, и разрушается какая-нибудь ранѣе терпимая осѣдлость внѣ черты. А строгости наступаютъ періодически, какъ метеорологическія явленія, подъ вліяніемъ вѣяній и движеній, къ которымъ мѣстный обыватель остается непричастнымъ и происхожденіе которыхъ ему неизвѣстно.

V.

Занимаясь скупкою всевозможныхъ товаровъ и даже вовсе не товаровъ, а просто предметовъ, дальнѣйшее употребленіе и вообще судьба которыхъ нѣсколько загадочны, евреи врядъ ли могутъ быть въ серьезъ считаемы носителями „капитализма“ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Фабричныхъ трубъ они не воздвигаютъ, и ихъ крупное участіе въ торговлѣ врядъ ли „разлагаетъ“ здѣшнее крестьянство. Тѣмъ не менѣе успѣхи самаго подлиннаго капитализма — безъ всякой особой дифференціаціи крестьянства и при несомнѣнномъ переходѣ въ его руки помѣщичьихъ земель— очень замѣтно сказываются на здѣшнихъ мѣстахъ. Они, подобно почти всей непромышленной центральной Россіи, вовлечены въ то теченіе, которое временно или навсегда уноситъ избыточное населеніе на югъ, въ новый растущій районъ горной и металлургической промышленности, въ такъ называемый „Донецкій бассейнъ“. Отхожіе промыслы были развиты въ уѣздѣ и раньше, были въ немъ цѣлыя селенія, изъ которыхъ рѣдкій мужчина не бывалъ въ Петербургѣ, но рядомъ съ этимъ множество селеній было вовсе не тронуто отходомъ. Теперь въ прежнихъ неотхожихъ и чисто земледѣльческихъ селеніяхъ развивается отходъ и въ большіе города (Петербургъ и Москва) и на промышленный югъ. На югъ идутъ на сахарные заводы Юго-Западнаго края и въ „Юзовку“. Подъ названіемъ „Юзовки“ разумѣется не только самая Юзовка, но весь южный горнопромышленный районъ. Отходъ этотъ недавняго происхожденія, начался онъ не болѣе,

[1]) Для чего покупаются мертвыя пчелы—я не знаю, и мнѣ не умѣли объяснить.

какъ лѣтъ 7—8 тому назадъ, но, повидимому, развивается очень быстро. У меня имѣются данныя о 15 деревняхъ съ 370 дворами. Изъ этихъ 370 дворовъ 53, т.-е. около 14 проц. [1]), поставляютъ отхожихъ работниковъ, уходящихъ на продолжительные и дальніе заработки, главнымъ образомъ въ „Юзовку“. Несомнѣнно, что въ развитіи этого отхода извѣстную роль сыграла и паспортная реформа конца 90-хъ годовъ: теперь, когда паспортъ ничего не стоитъ, взять его гораздо легче, чѣмъ прежде; легче поэтому и уйти. Любопытно, что крестьяне теперь нерѣдко берутъ паспортъ на всякій случай, не имѣя вполнѣ опредѣленнаго намѣренія воспользоваться имъ.

Здѣшній отходъ носитъ рѣзкія черты новаго, еще непривычнаго для самого населенія, разрыванія вѣковыхъ узъ. Въ мѣстностяхъ стараго отхода населеніе выработало въ себѣ извѣстную дисциплину, на отходѣ покоится существованіе не только самихъ уходящихъ, но и тѣхъ, кто остается дома, очень часто даже самая возможность поддерживать осѣдлость и хозяйство. Здѣсь отходъ не создалъ еще въ населеніи никакой экономической дисциплины: отрывающееся отъ земли населеніе не освоилось еще со своимъ новымъ положеніемъ и не прониклось сознаніемъ „обязанности“— поддерживать деревню своимъ городскимъ трудомъ.

— Отъ того, что уходятъ, бываетъ только опущенство,— съ презрѣніемъ и досадой говорилъ мнѣ волостной старшина волости, въ которой отходъ представляетъ новость [2]),—уходятъ, ничего не зарабатываютъ, ничего не приносятъ, сами чуть что не голые, безъ штановъ возвращаются. Не то жаль, что они, подлецы, ничего не посылаютъ домой, а то жаль, что у нихъ, подлецовъ, у самихъ ничего не оказывается.

Вотъ крестьянинъ, братъ котораго ушелъ въ „Юзовку“. Консерваторъ-старшина убѣждаетъ его при другихъ послать брату рублевку въ видѣ „гостинца“, и слушающіе старшину крестьяне, конечно, очень хорошо понимаютъ, что въ этомъ добромъ совѣтѣ скрывается злая насмѣшка надъ ушедшимъ изъ

---

[1]) На дворъ приходится иногда не одинъ, а два или болѣе отхожихъ рабочихъ. Поэтому число ихъ должно быть больше числа дворовъ, дающихъ отходъ.

[2]) И въ то же время въ этой волости на 9.000 населенія обоего пола берется уже 800 паспортовъ, причемъ надо замѣтить, что женщины очень мало участвуютъ въ отходѣ.

дому работникомъ, отъ котораго не только не получаются деньги, но которому самому, быть можетъ, придется ихъ посылать.

Невѣрно, конечно, въ огульной формѣ, что отхожіе рабочіе изъ Юзовки и другихъ мѣстъ ни копѣйки не присылаютъ и не приносятъ съ собой домой. Но очень естественно, что выбитые нуждой изъ вѣковой земледѣльческой рутины, они теряются на каменныхъ мостовыхъ большихъ городовъ, въ дыму фабричныхъ трубъ, предъ ослѣпительнымъ свѣтомъ бессемеровскихъ конвертеровъ, въ глубинѣ угольныхъ шахтъ. Теряются, т.-е. теряютъ свое жизненное равновѣсіе, и оказываются плохими опорами для деревенскаго хозяйства. Нуженъ цѣлый рядъ поколѣній, чтобы пріучить отхожаго рабочаго сберегать и отдавать свои сбереженія деревнѣ [1]). Быть можетъ, что отходъ на югъ вовсе и не выработаетъ такого типа содержащаго деревню городского работника. Весьма возможно, что этотъ отходъ выльется окончательно въ форму фактическаго выселенія, при которомъ такой прямой экономической зависимости деревни отъ города, или, иначе и общѣе, промышленности отъ земледѣлія, и наоборотъ, не будетъ. Объ этомъ въ концѣ концовъ, мнѣ кажется, не пришлось бы сожалѣть. Отходъ, при всемъ его огромномъ цивилизующемъ вліяніи, страшно вреденъ тѣмъ, что, разобщая мужей и женъ, родителей и дѣтей, онъ мѣшаетъ прочному образованію дѣйствительно осѣдлой и культурной массы городского населенія. Деревня даетъ способы дешево содержать семью, и это является однимъ изъ моментовъ, позволяющихъ понижать городскую заработную плату. Но главное зло отхода, приносящее болѣзни и развращающее морально, это именно разобщеніе мужа съ женой и семьей. Это зло исчезнетъ, когда хроническій, т.-е. регулярный отходъ перейдетъ въ выселеніе, т.-е. когда живущій теперь на два дома отхожій рабочій станетъ, наконецъ, „жить какъ всѣ живутъ“, на одинъ домъ.

Какія бы формы ни принялъ отходъ, онъ тѣмъ имѣетъ безусловно положительное значеніе для жизни и положенія земледѣльческаго крестьянскаго населенія, что противодѣйствуетъ пониженію оплаты деревенскаго труда. Тѣмъ самымъ онъ увеличиваетъ силу крестьянства въ экономической борьбѣ. Мнѣ всегда казалось, что въ сѣверныхъ и сѣверно-центральныхъ

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что классическій отходъ сѣверной Россіи развился и установился въ суровой школѣ крѣпостного права.

губерніяхъ широкое развитіе отхода составляетъ одно изъ условій, благопріятствующихъ ликвидаціи помѣщичьихъ хозяйствъ и переходу земель въ руки крестьянъ. При недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ — а отходъ создаетъ именно такое положеніе вещей — крупное хозяйство испытываетъ сильныя затрудненія и неспособно къ широкому развитію. Поэтому-то вездѣ, гдѣ широко развился и развивается отходъ, онъ долженъ благопріятствовать такъ или иначе расширенію крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія насчетъ помѣщичьяго, косвенно подрывая послѣднее. Разрѣженіе крестьянскаго населенія, отливъ его изъ перенаселенныхъ мѣстностей, выгоденъ ему самому во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, переходъ помѣщичьихъ земель въ крестьянскія руки и развитіе отхода на заводы, фабрики и шахты промышленнаго юга, этотъ „некапиталистическій“ свѣтъ и эти „капиталистическія“ тѣни вовсе не стоятъ между собой въ противорѣчіи. Всѣ не могутъ сколько-нибудь сносно устроиться на землѣ; наоборотъ, чѣмъ больше „земледѣловъ“ тѣснится на землѣ, тѣмъ имъ хуже живется. Извѣстная часть неизбѣжно должна уходить, и, уходя, она оставляетъ больше простору сидящимъ на землѣ и тѣмъ увеличиваетъ ихъ хозяйственную силу.

Что же мы видѣли? Мы видѣли, какъ традиціонное крѣпостное хозяйство, съ одной стороны, уступаетъ мѣсто мелкому крестьянскому хозяйству, а съ другой—медленно преобразуется въ капиталистическое земледѣліе; мы видѣли, какъ на почвѣ земельнаго утѣсненія развивается отливъ населенія изъ земледѣлія въ высокоразвитую, за тысячу верстъ раскинувшуюся, промышленность, представляющую цвѣтъ капитализма. Въ этой смѣшанной картинѣ съ полною ясностью и выпуклостью выступаетъ эклектичность дѣйствительности. Въ то же время одно несомнѣнно: здѣсь передъ нами кусочекъ цѣльнаго, живущаго единой жизнью, народнохозяйственнаго организма. Единство этой жизни состоитъ не въ единообразіи частей и функцій, а въ тѣсной связи ихъ между собой. Столь же эклектично и въ то же время съ такимъ же единствомъ развивалась—мы знаемъ это—и хозяйственная жизнь большинства нашихъ западныхъ сосѣдей, которыхъ мы привыкли объединять подъ названіемъ „капитали-

стической Европы", себя къ ней не причисляя. Плохо зная Европу, которая рисуется намъ на одно лицо, манчестерское или бирмингамское, мы до сихъ поръ не знаемъ также, насколько, въ экономическомъ отношеніи, мы всегда были европейцами. Поэтому, мы все еще не можемъ взять въ толкъ, что намъ и невозможно стать ничѣмъ инымъ, какъ только — бо̀льшими европейцами.

Въ настоящее время, когда насъ не только зовутъ въ Азію, но и прямо приглашаютъ быть азіатами въ компаніи китайцевъ и турокъ, глубоко утѣшительно сознаніе, что эта азіатская романтика не имѣетъ никакихъ корней въ нашей экономической дѣйствительности и потому есть только—одна „словесность".

СВОБОДА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ [1]).

(1897 г.).

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie
Und grün des Lebens goldner Baum.
Goethe.

Unter allen Theorien ist die Erkenntisstheorie besonders „grau".

H. Rickert (Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. Erste Häfte. Freiburg 1896, S. 11).

Живое обсужденіе т. н. „экономическаго матеріализма" или матеріалистическаго пониманія исторіи вновь поставило на очередь вопросъ о соотношеніи между свободой и исторической необходимостью. Матеріалистическое,—или мы охотнѣе станемъ говорить—экономическое пониманіе исторіи есть грандіозная попытка ввести исторію человѣчества въ систему научнаго опыта, основнымъ формальнымъ понятіемъ котораго является необходимость или закономѣрность въ смыслѣ строгой причинности (durchgängige Kausalität).

Но исторія въ то же время дѣлается людьми, стремящимися къ осуществленію своихъ цѣлей, дѣйствующими во имя своихъ идеаловъ.

Ставить цѣли и стремиться къ ихъ осуществленію можно только при сознаніи своей свободы.

---

[1]) Первоначально напечатано въ „Вопросахъ философіи и психологіи".

Съ другой стороны, научное познаніе и пониманіе явленій мыслимо лишь подъ руководствомъ идеи необходимости, прямо противорѣчащей идеѣ свободы.

Противорѣчіе идей свободы и необходимости есть безспорный фактъ того внутренняго опыта, къ описанію и анализу котораго сводится теорія познанія или гносеологія. Противорѣчіе это не носитъ характера просто логическаго. Логическое противорѣчіе предполагаетъ общее начало, изъ котораго сдѣланы оба противорѣчащіе вывода. Оно можетъ быть показано и устранено при помощи закона противорѣчія, путемъ восхожденія отъ вывода къ основному началу, вѣрность котораго утверждается на основаніи уже не логическомъ, а лежащемъ внѣ логики—въ сферѣ опыта или же въ сферѣ метафизики [которая, замѣтимъ кстати, всегда представляетъ лишь сверхопытное истолкованіе (гипостазированіе) данныхъ внутренняго или внѣшняго опыта].

Наше противорѣчіе есть противорѣчіе не логическое, а гносеологическое и—какъ таковое—психологическій фактъ, который лишь раскрывается анализомъ человѣческаго познанія, упирающимся въ этотъ фактъ. Устранить или разрѣшить это гносеологическое противорѣчіе невозможно, если разсужденіе ведется строго-критическимъ путемъ, т.-е. если смыслъ понятій не мѣняется во время хода разсужденія.

Исходъ изъ этого противорѣчія, повидимому, одинъ—въ метафизикѣ. Этотъ исходъ указанъ Кантомъ, Шеллингомъ и Шопенгауэромъ, каждымъ на свой ладъ. Эти три философа прекрасно понимали занимающее насъ противорѣчіе, понимали во всей его глубинѣ. Канту мы и обязаны его раскрытіемъ, послѣ котораго тщетны всѣ попытки объединить свободу и необходимость въ одномъ высшемъ началѣ [1]). Штамлеръ въ своемъ сочиненіи „Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung“ съ полною силою вновь противопоставилъ свободу и необходимость. Въ этомъ главное значеніе и основная заслуга поле-

[1]) Читатель, знакомый съ моими „Критическими замѣтками къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ (Спб. 1894), замѣтитъ въ предлагаемой статьѣ уклоненія отъ высказанныхъ въ моей книгѣ взглядовъ. Но мнѣ кажется, что я только подвинулся дальше въ томъ направленіи, въ которомъ написана моя книжка. Одинъ изъ моихъ немилостивыхъ критиковъ (г. Михайловскій) замѣтилъ, что я „напрасно“ пытаюсь опереться на критическую философію. Дальнѣйшее развитіе литературы и собственная работа мысли, наоборотъ, убѣждаютъ меня, что это было вовсе не „напрасно“.

мики Штамлера противъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Такая постановка вопроса, какъ справедливо указываетъ г. Булгаковъ [1]), вынуждаетъ у представителей этого ученія самокритику.

Къ сожалѣнію, я не могу сказать, чтобы замѣчательная во многихъ отношеніяхъ антикритика Штамлера, сдѣланная г. Булгаковымъ, вполнѣ удовлетворила меня. Еще меньше я вижу въ статьѣ г. Булгакова спасительной „самокритики", на которую, дѣйствительно, наталкиваетъ Штамлеръ. Считаю нужнымъ замѣтить, что я стою при этомъ на той же самой почвѣ, что и г. Булгаковъ: мы оба одновременно—сторонники критической философіи и матеріалистическаго пониманія исторіи [2]).

Опровергая Штамлера, г. Булгаковъ говоритъ и слишкомъ мало, и слишкомъ много. Все зданіе соціальнаго идеализма, возведенное Штамлеромъ, нисколько—выражаясь юридически—не конкурируетъ съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Мы можемъ оставить соціальный идеализмъ совершенно въ покоѣ: если это зданіе построено въ духѣ Канта, то оно относится къ области Ding an sich, которая—какъ настойчиво училъ Кантъ—недоступна пониманію и объясненію: wo Bestimmung nach Naturgesetzen aufhört, da hört auch alle Erklärung auf (Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, ed. Kirchmann, S. 89). Штамлеръ самого себя и своихъ читателей вводитъ въ заблужденіе своей недостаточно строгой терминологіей. „Отождествленіе понятія закономѣрности съ понятіемъ закона причинности—говоритъ онъ (S. 350)—есть вольность (Unart) современнаго словоупотребле-

---

[1]) Вопросы философіи, 1896 г., ноябрь-декабрь.

[2]) Это сочетаніе критической точки зрѣнія и матеріалистическаго пониманія исторіи показываетъ, что послѣднее по существу нисколько не связано съ матеріалистическою метафизикой. Генетическая связь экономическаго матеріализма и матеріалистической метафизики неоспоримо доказывается главой о французскомъ матеріализмѣ въ „Heilige Familie" Маркса. Въ міровоззрѣніи Энгельса матеріалистическое пониманіе исторіи и матеріалистическая метафизика составляли прочное психологическое единство. Но ни генетическая связь, ни психологическое единство этихъ ученій у Маркса и Энгельса не обусловливаютъ ихъ систематическаго или логическаго единства. Матеріалистическое пониманіе исторіи заявляетъ свои притязанія лишь на „das fruchtbare Bathos der Erfahrung" и не нуждается ни въ какой метафизикѣ. См. мою статью о Марксѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Арсеньева и Петрушевскаго.

нія". Съ гораздо большимъ правомъ можно было бы сказать: перенесеніе понятія закономѣрности на сферу долженствованія есть вольность Штамлера. Ибо закономѣрность не есть просто „основное единство"—„grundlegende Einheit", оно есть „основное единство опыта". Закономѣрность есть форма, которая немыслима внѣ своей матеріи—явленій. Матеріалистическое же пониманіе исторіи есть,—и этого нельзя достаточно рѣзко подчеркивать,—построеніе, всецѣло относящееся къ области опыта. Поэтому, будь соціальная телеологія Штамлера совершенно безупречна, ея существованіе нисколько не затрогиваетъ экономическаго пониманія исторіи, по крайней мѣрѣ—съ точки зрѣнія тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ кантовской теоріи познанія и опыта. Претензія Штамлера,—при помощи идей свободы и закономѣрности воли, сбить съ позиціи соціальный матеріализмъ, какъ теоретическое построеніе, давно уже опровергнута словами самого Канта: „Мы можемъ объяснить только то, что мы въ состояніи свести къ законамъ, предметъ которыхъ можетъ быть данъ въ какомъ-либо возможномъ опытѣ. Свобода же есть голая идея (blosse Idee), объективная реальность которой не можетъ по законамъ природы, а стало-быть и ни въ какомъ возможномъ опытѣ быть обнаружена, которая поэтому..... никогда не можетъ быть понята или хотя бы усмотрѣна" [1]) (Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, ed. Kirchmann, S. 89). Въ противность этому категорически высказанному взгляду Канта, Штамлеръ утверждаетъ, что „существуетъ два высшихъ единства для человѣческаго пониманія (Einsicht): познающаго сознанія и ставящей цѣли воли" (370—371).

Собственно говоря, если согласиться съ выше цитированными словами Канта, то позволительно вовсе и не спрашивать далѣе, возможны ли утверждаемыя Штамлеромъ объективное долженствованіе и объективная цѣль. Очевидно, что эта объективность, находясь внѣ опыта, будетъ иной, чѣмъ та, о которой мы говоримъ въ примѣненіи къ явленіямъ эмпирически-реальнаго міра и которая заключается въ согласіи субъективныхъ показаній сознанія съ понятіемъ опыта въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ.

Но мы должны остановиться на анализѣ объективности, потому что на только что высказанныя соображенія намъ могутъ

---

[1]) Niemals begriffen oder auch nur eingesehen werden kann.

возразить, что объективность есть понятіе формальное и означаетъ общеобязательность (Allgemeingiltigkeit: „Objectiv sein heisst für jedes erkennende Wesen giltig sein". Riehl, Der philosophische Kritizismus, II, 2, 164). Общеобязательно можетъ быть и долженствованіе, скажутъ намъ. Гносеологія не можетъ остановиться на опредѣленіи объективности, какъ общеобязательности. Она должна задать и, независимо отъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ, разрѣшить дальнѣйшій вопросъ: при какихъ условіяхъ субъективныя показанія или содержанія эмпирическаго сознанія являются объективными или общеобязательными [1]). Съ точки зрѣнія гносеологическаго монизма [2]) всѣ показанія сознанія представляютъ бытіе: ибо мышленіе бытія равносильно бытію мыслимаго [3]). Эта точка зрѣнія является чисто гносеологической и свободной отъ всякаго метафизическаго предположенія. И потому она ставитъ вопросъ о субъективности и объективности данныхъ сознанія въ границы мыслимаго бытія, ибо только такое бытіе есть непосредственный фактъ опыта и не нуждается—для своего постулированія—ни въ какомъ немыслимомъ или существующемъ внѣ мысли бытіи, ни въ какомъ transcensus'ѣ. Съ этой монистической точки зрѣнія различіе между субъективнымъ и объективнымъ есть различіе въ сте-

---

[1]) Я знаю, что съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ „Erkenntnisstheoretiker" я повиненъ въ преступномъ смѣшеніи областей психологіи и гносеологіи, но вдаваться въ обоснованіе моего взгляда на соотношеніе этихъ областей здѣсь не мѣсто.

[2]) Это—точка зрѣнія того направленія, которое присвоило себѣ названіе „имманентной философіи". Въ качествѣ его представителей я назову Шуппе, Шубертъ-Зольдерна, Леклера, недавно умершаго Макса Кауфмана, которому принадлежитъ и названіе „имманентная философія", и который основалъ журналъ „Zeitschrift für immanente Philosophie" (редакторомъ этого изданія послѣ смерти Кауфмана сдѣлался Шуппе). Въ „Zeitschrift für immanente Philosophie" напечатана принадлежащая перу вѣнскаго ученаго Фр. Маршнера гносеологическая критика историческаго матеаріализма, къ сожалѣнію, не выдерживающая критики какъ разъ съ точки зрѣнія гносеологическаго монизма.

[3]) Cp. Leclair: Denken ist nur verständlich als Denken eines Seins oder Seienden, Sein nur verständlich als irgendein gedachtes d. i. als Bewusstseinsdatum auftretendes Sein. Die Antithese „Denken—Sein" verwandelt sich in die Gleichug: Denken eines Seins=gedachtes Sein (Beiträge zu einer monistischen Erkenntnisstheorie. Breslau 1882, S. 19). „Мыслимое" означаетъ тутъ стало быть не возможность, а фактъ мышленія или наличности въ мышленіи. На русскомъ языкѣ нѣтъ различныхъ словъ для понятій: denkbar и gedacht.

пени дѣйствительности (дѣйствительность=бытію=мыслимому бытію). Первобытное сознаніе (въ которомъ почти отсутствуютъ абстрактные элементы) не умѣетъ или очень мало умѣетъ различать воспріятія и представленія по степени ихъ дѣйствительности. Только очень постепенно вырабатывается умѣніе дифференцировать представленія по степени ихъ постоянства, т.-е. прочности, повторяемости. На практикѣ, т.-е. въ борьбѣ за существованіе и въ общеніи съ себѣ подобными, путемъ ряда опытовъ въ обычномъ смыслѣ слова вырабатываетъ себѣ человѣкъ опытъ въ гносеологическомъ смыслѣ и притомъ не сразу какъ цѣльное теоретическое понятіе, а такъ сказать, кусками и отрывками, которые оказываются достаточными не только для практическихъ цѣлей, но и для цѣлей отдѣльныхъ научныхъ отраслей. Объективно, стало-быть, то, что обязательно для всякаго нормально-организованнаго сознанія, а обязательны для индивидуальнаго сознанія прочныя представленія, т.-е. какъ таковыя, выдержавшія испытаніе на практикѣ, мѣсто которой лишь постепенно занялъ научный опытъ. На основаніи данныхъ представленій, положимъ, предпринимаемы были дѣйствія и эти дѣйствія увѣнчивались успѣхомъ: за воспріятіемъ *a* всегда слѣдовало воспріятіе *b*, которое составляло предметъ хотѣнія, и этотъ успѣхъ и представлялъ психологическое основаніе для признанія данныхъ воспріятій и связи между ними реальными, объективными, сущими. Прочность воспріятій и представленій, которая является критеріемъ ихъ объективности и реальности, и на практикѣ и въ научномъ опытѣ констатируется и провѣряется, конечно, не на узкомъ полѣ индивидуальнаго сознанія, а въ общеніи людей между собою; это общеніе, являясь источникомъ соціальнаго трансцендентальнаго (или универсальнаго) сознанія, въ свою очередь, возможно лишь благодаря ему. Въ этомъ смыслѣ опытъ, какъ говоритъ Риль, есть соціальное понятіе.

Дальше мы въ опредѣленіи объективности и реальности не можемъ идти: предполагать за индивидуальнымъ или коллективнымъ сознаніемъ реальный міръ внѣшнихъ „вещей“ есть метафизика. Объекты даны намъ, какъ содержаніе сознанія, а сознаніе находится въ неразрывной связи съ своимъ содержаніемъ: это—основное положеніе гносеологическаго монизма или имманентной философіи. Съ точки зрѣнія метафизическаго реализма, хотя бы и критически обоснованнаго, какъ это мы видимъ у Риля—такой монизмъ долженъ представляться субъективисти-

ческимъ. Но этотъ упрекъ въ субъективизмѣ несостоятеленъ, потому что онъ дѣлается на основаніи предположеній, которыя отрицаются гносеологическимъ монизмомъ, полагающимъ, какъ мы подчеркивали выше, различіе между объективнымъ и субъективнымъ не въ отношеніи между метафизически изолированными и гипостазированными элементами сознанія (объектомъ и субъектомъ), а въ отношеніи между содержаніями сознанія, т.-е. въ эмпирическомъ ихъ различіи по прочности и связности. Совершенно въ духѣ гносеологическаго монизма опредѣляетъ объективность Зиммель: „Въ теоріи то познаніе считается нами объективнымъ, которое признается вѣрнымъ всею совокупностью субъектовъ или признаніе котораго за вѣрное, по крайней мѣрѣ, ожидается или требуется -и съ гносеологической точки зрѣнія нѣтъ другого критерія для истины; для каждаго отдѣльнаго субъекта вопросъ рѣшается точно также: для него объективно истинными и объективно правильными (objectiv berechtigt) являются тѣ представленія, которыя гармонируютъ со всею совокупностью его прочихъ познаній и стремленій; процессы (Vorgänge), которыхъ констатированіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ считаться субъективнымъ и сомнительнымъ, получаютъ въ силу повторяемости наблюденій, характеръ объективной правильности. Субъективное и объективное отнюдь не противостоятъ одно другому, какъ раздѣльныя Genera, а наоборотъ, постепенное количественное измѣненіе (eine allmählige Steigerung) ведетъ отъ субъективнаго къ объективному; то, что мы въ познаніяхъ, нормахъ, интересахъ всякаго рода называемъ объективнымъ, есть лишь количественное накопленіе единичнаго, которое, поскольку оно сознается лишь какъ единичное, является для насъ субъективнымъ“ (Einleitung in die Moralwissenschaft I. Berlin. 1892, S. 150—151).

Если мы теперь съ нашей монистической точки зрѣнія подойдемъ къ гносеологическому опредѣленію соотношенія между бытіемъ и долженствованіемъ въ общепринятомъ ихъ противоположеніи, то мы увидимъ, что при тождествѣ представленій бытія и долженствованія—по ихъ содержанію—между ними всегда существуетъ какъ разъ то различіе въ прочности и связности, которое мы выставили выше какъ критерій объективности resp. субъективности. При свѣтѣ этого указанія гносеологическая несообразность объективнаго долженствованія, какъ понятія параллельнаго объективному бытію и съ нимъ равноправнаго, выступаетъ особенно ярко.

Извѣстная совокупность прочныхъ и связныхъ представленій образуетъ міръ объективнаго бытія или эмпирически-реальный міръ. Условимся впредь вмѣстѣ съ Зиммелемъ называть бытіемъ не всякое мыслимое, а именно только объективное бытіе, и послѣдуемъ за Зиммелемъ въ его гносеологическомъ толкованіи долженствованія, которымъ онъ — на мой взглядъ — навсегда отнялъ почву у всякихъ „научныхъ" построеній этики какъ формальной, такъ и матеріальной — конечно, этики въ смыслѣ „нормативной" дисциплины [1]).

„Долженствованіе есть категорія, которая присоединяясь къ содержанію представленія, указываетъ ему опредѣленное мѣсто въ человѣческой практикѣ, подобно тому, какъ такія же опредѣленныя значенія даются представленію другими сопутствующими категоріями: бытія, небытія, желаемости и т. п. Ни одна изъ этихъ категорій не поддается описанію. Изъ нихъ можно образовать феноменологическій рядъ, который, начинаясь съ представленія небытія и голой мыслимости, ведетъ къ совершенной дѣйствительности; хотѣніе, надежда, субъективная возможность (Können), долженствованіе — все это, такъ сказать, промежуточныя звенья, состоянія между небытіемъ и бытіемъ, состоянія, которыя мы такъ же мало могли бы описать тому, кто ихъ не переживалъ, какъ и опредѣлить, что такое собственно бытіе или мышленіе. Какъ одна и та же матерія можетъ находиться въ различныхъ аггрегатныхъ состояніяхъ, начиная съ величайшей твердости и кончая газообразнымъ и, быть можетъ, еще лучистымъ состояніемъ, такъ же точно тождественное по своему содержанію представленіе можетъ являться, такъ сказать, въ различныхъ психологическихъ аггрегатныхъ состояніяхъ — начиная съ полной реальности и кончая полной идеальностью.

---

[1]) Меня въ высшей степени удивило сужденіе г. Булгакова о Зиммелѣ, что онъ „съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ Штамлеръ, пытался приложить къ соціальной наукѣ принципы критической философіи". Мнѣ кажется, что болѣе обстоятельное знакомство съ трудами Зиммеля заставитъ г. Булгакова взять назадъ это неосторожное сужденіе. Разница между Штамлеромъ и Зиммелемъ въ томъ, что первый почти рабски слѣдуетъ догматической тенденціи въ кантовской философіи, а послѣдній кантіанецъ лишь постольку, поскольку онъ критицистъ. Соотвѣтственно этому различію Зиммель отрицаетъ возможность этики, какъ нормативной науки, Штамлеръ же матеріалистическому пониманію исторіи противополагаетъ одѣтую въ „научное" облаченіе этику чистой воды (на это вполнѣ категорически указываетъ и самъ г. Булгаковъ).

Долженствованіе есть одно изъ такихъ состояній; оно относится къ представленіямъ, за которыми мы не признаемъ еще бытія или, по крайней мѣрѣ, постольку его не признаемъ, поскольку эти представленія выражаютъ именно лишь долженствованіе (gesollt werden) и которыя, тѣмъ не менѣе, не пребываютъ въ безразличіи небытія. Оно вполнѣ отдѣлимо отъ всякаго содержанія, ибо въ противномъ случаѣ, не могла бы при каждомъ предпринимаемомъ дѣйствіи являться мысль, долженъ ли я его выполнить или нѣтъ. Долженствованіе есть такой же modus мышленія, какъ будущее или прошедшее время, какъ сослагательное или желательное наклоненіе; и это выражается въ языкѣ при помощи формы повелительнаго наклоненія".

„Изъ этого гносеологическаго характера долженствованія вытекаетъ прежде всего безплодность всѣхъ попытокъ вывести изъ понятія долженствованія какое-нибудь опредѣленное его содержаніе. Какъ только мы признаемъ, что долженствованіе есть лишь одна изъ формъ, принимаемыхъ содержаніемъ представленій для созданія практическаго міра, то становится ясно, что мы не можемъ долженствованію a priori припысывать болѣе сильную связь съ однимъ содержаніемъ, чѣмъ съ другимъ. Поэтому уже Кантъ пошелъ слишкомъ далеко, когда онъ вывелъ изъ понятія долженствованія вообще свою, хотя и очень общую, формулу категорическаго императива. Онъ впалъ при этомъ въ онтологическое заблужденіе, не меньшее чѣмъ то, которое онъ такъ убѣдительно раскритиковалъ въ приложеніи къ понятію бытія. Ибо ни изъ понятія какой-либо вещи нельзя узнать, существуетъ ли она или нѣтъ, ни изъ понятія бытія нельзя заключить, что оно должно быть приписано какому-нибудь спеціальному содержанію; и какъ что-нибудь происходящее (irgend ein Geschehen) по своему понятію не даетъ намъ вовсе указанія, что съ нимъ должно быть соединено долженствованіе, такъ долженствованіе не говоритъ нисколько о томъ, что оно присвоиваетъ себѣ какое-нибудь опредѣленное содержаніе. Если мы желаемъ уяснить себѣ долженствованіе, то мы должны строго отдѣлить его отъ тѣхъ содержаній, съ которыми оно, благодаря неприкосновенной святости послѣднихъ и долгой привычкѣ, такъ тѣсно психологически ассоціировалось, что одно непосредственно воспроизводитъ другое; представленіе объ извѣстныхъ способахъ дѣйствія является для насъ неотдѣлимымъ отъ долженствованія, которое либо предписываетъ, либо запрещаетъ ихъ осуществленіе; и такъ же немыслимымъ пред-

ставляется намъ отдѣленіе понятія долженствованія отъ извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, самыхъ общихъ содержаній. Лишь уяснивъ себѣ, что всѣ наши представленія (unser ganzes Vorstellen) состоятъ изъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, изъ идеальнаго содержанія (dem sachlichen ideellen Inhalt, dem Was der Dinge) и, съ другой стороны, изъ чувствованій, которыя, сопровождая это содержаніе, ставятъ его въ положительное, отрицательное или переходное отношеніе въ реальности—лишь уяснивъ себѣ это, мы пріобрѣтемъ основу для чистаго разсмотрѣнія (reine Betrachtung) долженствованія" (l. c. 8 — 11). Этотъ гносеологическій характеръ долженствованія прямо не допускаетъ признанія за нимъ такой же объективности, какъ за бытіемъ. Если бытіе (= объективности) есть особое качество или форма представленій, то долженствованіе есть качество совсѣмъ иное, чѣмъ бытіе, форма, совершенно отличная отъ него. Отрицая это, мы порываемъ связь между объективностью и реальностью.

Я думаю, что высказанныя нами соображенія радикальнѣе, чѣмъ приводимыя Зиммелемъ [въ его критической замѣткѣ о книгѣ Штамлера (Zur Methodik des Socialwissenschaft, въ Schmollers Jahrbuch] и г. Булгаковымъ, устраняютъ объективное долженствованіе и закономѣрность воли Штамлера. Для опроверженія Штамлера Зиммель почему-то не пользуется своей собственной гносеологической характеристикой долженствованія; онъ ссылается только на отсутствіе въ сферѣ долженствованія того мѣрила объективности, которое для сферы бытія представляетъ эмпирическая реальность. Но эта ссылка гносеологически недостаточна, ибо если не имѣть наготовѣ реалистической гипотезы метафизическаго характера, то необходимо, какъ это было нами сдѣлано выше, показать, въ чемъ состоитъ объективность эмпирически-реальнаго міра, т. е. точнѣе, показать, что́ во всемъ содержаніи нашего сознанія является объективнымъ, реальнымъ, сущимъ. Конечно, въ самой сферѣ долженствованія возможно различеніе объективнаго и субъективнаго. Но эта объективность будетъ уже, такъ сказать, объективностью второго порядка, имѣющей мѣсто въ сферѣ, въ которой нѣтъ и не можетъ быть объективности перваго порядка. Для занимающаго насъ вопроса анализъ такой объективности долженствованія не имѣетъ значенія. Разсужденія Штамлера объ объективномъ долженствованіи—образецъ отсутствія критики. Онъ много говоритъ объ объективномъ „Wollen", объ объективномъ обоснованіи соціальныхъ стре-

мленій (589). Но въ чемъ критерій этой объективности, Штамлеръ нигдѣ не указываетъ, да и не можетъ указать. „Должна быть установлена общеобязательная цѣль общественнаго существованія людей, если о каждомъ опредѣленномъ отдѣльномъ стремленіи къ сохраненію или измѣненію существующаго соціальнаго порядка желательно имѣть возможность рѣшить, законно оно или незаконно. Ибо только доказательство, что данное конкретное стремленіе при извѣстныхъ эмпирическихъ условіяхъ согласуется съ объединяющей основной мыслью соціальной жизни людей, сообщаетъ этому стремленію свойство объективно законнаго“ (eine objektiv berechtigte, 573). Въ чемъ же находитъ Штамлеръ „эту объединяющую основную мысль соціальной жизни“? „Общество свободно проявляющихъ свою волю людей — вотъ безусловная конечная цѣль соціальной жизни“ (Die Gemeinschaft frei wollender Menschen—das ist das unbedingte Endziel des sozialen Lebens), такъ какъ „безусловнымъ закономъ для человѣка является добрая воля, т. е. направленіе эмпирическихъ цѣлей, которое можетъ выступить какъ общеобязательное, отвлеченное отъ субъективныхъ эгоистическихъ побужденій. Абсолютная цѣль, идея, которой надлежитъ слѣдовать какъ регулятивному началу, хотя эта идея никогда не можетъ быть вполнѣ осуществлена въ опытѣ, это—быть свободнымъ. Внутренняя свобода, это то же, что объективность въ постановкѣ цѣлей, общеобязательность при преслѣдованіи своихъ цѣлей“. Какъ это доказывается? На стр. 575, изъ которой мы только что привели цитату, Штамлеръ отсылаетъ насъ къ § 65 своей книги (стр. 364—372). Но мы напрасно станемъ искать здѣсь даже какого-нибудь подобія доказательства. Если на стр. 575 говорится, что „свобода есть объективность въ постановкѣ цѣлаго“ (Objectivität der Zwecksetzung), то на стр. 368 мы читаемъ, что „свобода есть свобода отъ субъективности въ постановкѣ цѣлей“ и что свободное хотѣніе (freies Wollen) это „объективно обязательная постановка цѣлей“. Авторъ, повидимому, полагаетъ, что онъ поступаетъ „erkenntnisskritisch“, декретируя безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что и въ области „des Wollens“ существуетъ такое же различіе между субъективнымъ и объективнымъ, какъ и въ области познанія. „При познаваніи мы называемъ объективнымъ научную истину, при постановкѣ цѣлей—добрую волю, объективно-законное стремленіе“. Самый способъ выраженія обличаетъ въ данномъ случаѣ несостоятельность мысли автора, которая сводится въ сущности къ

тавтологическому положенію: объективнымъ мы называемъ объективное. Это пародія на гносеологію, а не Erkenntnisskritik.

Ссылка г. Булгакова на единство опыта, какъ не мирящееся съ двоякою закономѣрностью, конечно, вполнѣ правильна, но, на мой взглядъ, г. Булгаковъ неправильно расширяетъ свое возраженіе, обобщая единство опыта въ такое единство трансцендентальнаго сознанія, которое будто бы по Канту не мирится съ существованіемъ двухъ „направленій“ сознанія—познанія и воли. Вѣдь, что въ „трансцендентальномъ сознаніи“ существуютъ непримиримыя противорѣчія, это показалъ именно Кантъ, мѣтко назвавшій эту противорѣчивость „естественною антитетикой“, въ которую разумъ попадаетъ „самъ собою и неизбѣжно“ (Kritik der reinen Vernunft, II ed. Kehrbach, S. 340) [1]). Теорія Штамлера о двухъ направленіяхъ сознанія не принадлежитъ ему самому ни по основной мысли, которая безспорно имѣется у Канта и лишь маскируется ученіемъ о вещи въ себѣ, ни по своей формулировкѣ, которая Штамлеромъ заимствована у Наторпа. „Wille ist Richtung des Bewusstseins, nichts anderes“ (Natorp, Grundlinien einer Theorie des Willensbildung, Archiv für systematische Philosophie, I Band, 1 Heft 1855, S. 77).

Единство опыта не тождественно съ единствомъ трансцендентальнаго сознанія, которое въ сущности есть единство „я“ въ смѣнѣ воспріятій и представленій (это „я“—„трансцендентальное понятіе субъекта“, лежащее въ основѣ „паралогизмовъ чистаго разума“, Kritik der reinen Vernunft. Ed. Kehrbach 292 — 293). Слова г. Булгакова: „единство трансцендентальнаго сознанія не выноситъ двухъ непримиримыхъ и въ то же время равноправныхъ точекъ зрѣнія. Признаніе такой возможности составляетъ πρῶτον ψεῦδος Штамлера и есть гносеологическій nonsens“, мы должны перефразировать въ противоположномъ смыслѣ: въ трансцендентальномъ сознаніи всегда на-лицо двѣ непримиримыя идеи, свобода и необходимость, соотвѣтствующія двумъ направленіямъ сознанія: познанію и воли. Указаніе на эту антитезу есть не nonsens, а признаніе безспорнаго гносеологическаго факта. Ясная формулировка этого противорѣчія составляетъ крупную заслугу Штамлера, слѣдующаго въ данномъ случаѣ Канту и Наторпу. Ошибка Штамлера и, конечно, тоже Канта, являющаяся одной

[1]) Эта особенность человѣческаго мышленія получила надлежащее освѣщеніе и у Ланге въ его „Исторіи матеріализма“.

изъ многочисленныхъ кантовскихъ непослѣдовательностей, начинается съ навязыванія свободѣ или волѣ чуждыхъ имъ понятій закона, закономѣрности, объективности. Ошибка эта выступаетъ особенно явственно въ попыткѣ Штамлера установить параллелизмъ механизма причинности и цѣлесообразности. Цѣлесообразность, какъ совершенно правильно указалъ Риль, подчинена понятію причинности. Цѣлесообразность связываетъ средство и цѣль какъ слѣдствіе и причину. Цѣлесообразно то средство, которое по закону причинности, согласно даннымъ опыта, необходимо должно привести къ поставленной цѣли. Ближайшая цѣль можетъ оказаться въ свою очередь средствомъ и т. д., но прогрессъ отъ средства къ средству не безконеченъ, онъ всегда упирается въ конечную цѣль, которая не есть средство, а является самодовлѣющей. Средство всегда вассалъ, цѣль въ настоящемъ смыслѣ (т.-е. конечная цѣль) всегда суверенъ. Такимъ образомъ, цѣлесообразность, какъ механизмъ связи, совпадаетъ съ причинностью, а истинная цѣль, цѣль конечная, не подчиняется ни цѣлесообразности, ни причинности, ни вообще какому-либо механизму или закону. Свобода воли есть, конечно, съ точки зрѣнія опыта, величайшая нелѣпость, но несвобода ея такая же нелѣпость, съ точки зрѣнія того другого направленія сознанія, которое отрицаетъ г. Булгаковъ.

Итакъ, свобода беззаконна [1]). Впрочемъ, другого философскаго смысла, кромѣ отрицанія необходимости или закономѣрности, слово свобода и не имѣетъ.

Я уже говорилъ, что заслугу Штамлера вижу, между прочимъ въ ясной постановкѣ противорѣчія между свободой и необходимостью. Такая постановка была важна для критики и, если хотите, самокритики матеріалистическаго пониманія исторіи. Послѣднее до сихъ поръ довольствовалось Гегелемъ, переведеннымъ Энгельсомъ на языкъ матеріалистической метафизики, на почвѣ которой, какъ извѣстно, стоялъ Энгельсъ. Энгельсъ превращаетъ абсолютную необходимость Гегеля, которая есть въ то же время свобода, въ обыкновенную необходимость эмпирически-реальнаго

[1]) О беззаконности (Gesetzlosigkeit) свободы прямо и говоритъ Шеллингъ въ „System des transcendentalen Idealismus“, гдѣ онъ въ противоположеніи свободы и необходимости обнаруживаетъ по-истинѣ Кантовскую ясность мысли. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо выше Гегеля, который, уничтожая это противоположеніе, договаривается до такой нелѣпости, какъ свободный механизмъ и свободная необходимость.

міра, и послѣ этого превращенія истолковываетъ свободу, какъ „познаніе необходимости".

Это вѣрно, если не придавать свободѣ того единственнаго опредѣленнаго смысла, который заключается въ отрицаніи необходимости или причинности. Энгельсъ могъ такъ философствовать, потому что ему была совершенно чужда критическая точка зрѣнія и онъ не замѣчалъ, что никакая діалектика не можетъ устранить гносеологическихъ противорѣчій, которыя сами, наоборотъ, представляютъ одну изъ основъ и оправданій діалектической точки зрѣнія (эта мысль требуетъ дальнѣйшаго развитія, которое однако выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи).

На стр. 608—609 г. Булгаковъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ книги Штамлера, въ которомъ противоположеніе свободы и необходимости выражено въ весьма рѣзкой формѣ, что̀, по моему мнѣнію, составляетъ сильную сторону этой формулировки: „Характерную черту матеріалистическаго пониманія исторіи и его практическаго примѣненія составляетъ то, что оно уклоняется отъ неумолимой альтернативы — остановиться исключительно или на каузально понимающемъ познаніи, или на ставящей цѣли волѣ, постулируя естественно-необходимый ходъ соціальнаго развитія, но считая при этомъ возможнымъ его поощрять, ему содѣйствовать, уменьшать его бѣдствія. Это жестокое quid pro quo! Кто познаетъ (erkennt), что опредѣленный результатъ наступитъ съ неизбѣжною естественною необходимостью, тотъ уже не можетъ содѣйствовать наступленію этого результата. Въ представленіи содѣйствія и поощренія лежитъ мысль, что, такъ какъ оно можетъ произойти при вмѣшательствѣ, событіе не познано, какъ естественно-необходимое. Отъ этого противорѣчія нельзя уклониться: разъ научно познано, что извѣстное событіе необходимо произойдетъ совершенно опредѣленнымъ способомъ, безсмысленно еще желать содѣйствовать именно этому опредѣленному способу его наступленія. Нельзя основать партію, которая хотѣла бы сознательно содѣйствовать точно вычисленному лунному затменію. Въ этомъ случаѣ остается только фаталистическое ожиданіе".

Г. Булгаковъ справедливо замѣчаетъ, что Штамлеръ повторяетъ тутъ „старый упрекъ въ фатализмѣ сторонникамъ ученія о несвободѣ человѣческой воли и детерминированности человѣческихъ дѣйствій". Почтенный возрастъ этого упрека не мѣшаетъ ему быть совершенно неосновательнымъ. Но въ какомъ смыслѣ

и почему онъ неосновательнъ, мы съ г. Булгаковымъ понимаемъ, повидимому, весьма различно.

Ходъ общественнаго развитія совершается, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, съ безусловною необходимостью. Но — продолжаетъ сторонникъ матеріалистическаго пониманія исторіи — эта безусловная необходимость объемлетъ и цѣлесообразную дѣятельность людей и, такимъ образомъ, не только не исключаетъ ея, но даже требуетъ. „Законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а изъ нашихъ дѣйствій. И всякій разумный человѣкъ согласится, что можно энергично дѣйствовать скорѣе въ томъ случаѣ, когда знаешь, что дѣло увѣнчается успѣхомъ, чѣмъ тогда, когда дѣйствуешь наудачу. Все это трюизмы, и больше на нихъ останавливаться не стоитъ"—говоритъ намъ г. Булгаковъ (стр. 610).

Къ сожалѣнію, это дѣйствительно трюизмы, и они нисколько не выводятъ насъ на путь философскаго или научнаго рѣшенія вопроса. Ибо только-что приведенному разсужденію г. Булгакова я могу противопоставить такое на мой взглядъ неотразимое соображеніе: „законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а изъ нашихъ дѣйствій", но совершенно независимо отъ того, какъ „мы будемъ дѣйствовать", ибо въ этотъ законъ развитія, какъ составной элементъ объемлемой имъ необходимости, входитъ уже и опредѣленный образъ нашихъ дѣйствій. „Какъ мы будемъ дѣйствовать" уже „предетерминировано", и, конечно, совершенно не зависитъ отъ нашего сознанія, т.-е. отъ нашей рѣшимости дѣйствовать такъ, а не иначе. Допустить обратное значило бы, прогнавъ свободу съ передняго крыльца, самымъ любезнымъ образомъ открыть ей черный ходъ: операція отнюдь не философская.

Г. Булгаковъ совершенно напрасно говоритъ, что „не можетъ быть болѣе неудачнаго примѣра, какъ сопоставленіе закономѣрности человѣческихъ дѣйствій съ закономѣрностью затменія луны. Законъ затменія луны есть нѣчто внѣшнее, чуждое, постороннее, къ чему человѣческое сознаніе должно относиться какъ къ объекту; между тѣмъ наше собственное я есть субъектъ, который въ своемъ непосредственномъ сознаніи полагаетъ себя какъ первопричину, активно вмѣшивающуюся во внѣшній міръ"... „Представленіе о закономѣрности человѣческихъ дѣйствій заимствовано первоначально изъ закономѣрности явленій внѣшняго міра, и лишь отсюда это понятіе было распространено и на „само-

произвольныя“ человѣческія дѣйствія. Но по сіе время представленіе объ этой закономѣрности носитъ слѣды своего историческаго происхожденія, какъ о чемъ-то внѣшнемъ, стѣсняющемъ нашу свободу“ [1]).

По нашему мнѣнію, наоборотъ, примѣръ, выбранный Штамлеромъ или просто на-просто заимствованный имъ у Канта [2]) превосходенъ. Отождествленіе закономѣрности внѣшней (физической) съ внутреннею (психическою) есть величайшее торжество теоретическаго разума. И торжество это ему доставилъ тотъ же Кантъ; подъ безпощадную кантовскую критику „сравнительной свободы“ [3]) цѣликомъ подпадаютъ, на мой взглядъ, и разсужденія г. Булгакова, который въ данномъ случаѣ отчасти повторяетъ Энгельса, отчасти дополняетъ послѣдняго своею собственною психологическою аргументаціей.

Я слышу уже заявленіе: вы, значитъ, либо фаталистъ, либо по-кантовски основываете отвергаемую вами для области опыта свободу на „вещи въ себѣ“, т.-е. на метафизикѣ. Ни то, ни другое. Рѣшеніе вопроса лежитъ въ области психологіи. Въ этой области гносеологическія противорѣчія превращаются въ гармонію, а трюизмы перестаютъ быть „elende Behelfe“.

Штамлеръ впадаетъ въ крупную ошибку, когда, навязывая матеріалистическому пониманію исторіи фатализмъ, отождествляетъ познаніе естественной необходимости извѣстнаго хода

---

[1]) Это послѣднее замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно или даже въ извѣстномъ смыслѣ совершенно невѣрно. Понятіе закона, какъ показываетъ самая этимологія этого слова,—практическаго происхожденія. Извѣстно, что законъ природы у стоиковъ имѣлъ смыслъ закона нравственнаго, а не естественнаго въ современномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, чистое теоретическое понятіе закономѣрности лишь постепенно выдѣлилось изъ единаго смутнаго въ началѣ понятія закона, въ которомъ практическій смыслъ являлся господствующимъ. Напомнимъ также характерное, цитируемое Шопенгауэромъ, мнѣніе Кеплера, что правильность, съ которою планеты описываютъ свои пути, указываетъ на наличность у нихъ познанія (Die Welt als Wille und Vorstellung, ed. Grisebach, 158).

[2]) Изъ „Kritik der practischen Vernunft“.

[3]) „Eine Ausflucht darin suchen, dass man bloss die Art der Bestimmungsgründe seiner Kausalität nach dem Naturgesetze einem comparativen Begriffe von Freiheit anpasst, nach welchem das bisweilem freie Wirkung heisst, davon der bestimmende Naturgrund innerlich im wirkenden Wesen liegt . . . . ist ein elender Behelf“ (Kritik d. praktischen Vernunft, ed. Kehrbach, S. 116).

вещей, т.-е. логическую или теоретическую увѣренность въ немъ, съ увѣренностью психологическою или практическою. А между тѣмъ это—различіе огромной важности, ибо только та логическая увѣренность въ опредѣленномъ ходѣ вещей, которая превратится въ психологическую увѣренность въ его неизбѣжности, можетъ парализовать энергію и сдѣлать невозможною дѣятельность въ смыслѣ осуществленія даннаго неизбѣжнаго результата. Но это указаніе отнюдь не рѣшаетъ вопроса, потому что оно вовсе не исчерпываетъ его сложнаго содержанія. Ибо, если бы это указаніе было единственнымъ, устраняющимъ фатализмъ, то возможность дѣйствовать являлась бы, несмотря на противорѣчіе между психологіей и логикой дѣйствующаго субъекта, слѣдствіемъ преобладающаго вліянія на дѣятельность психологической неувѣренности въ естественной необходимости опредѣленнаго хода вещей [1]). А между тѣмъ совершенно противоположное говоритъ трюизмъ: „можно энергично дѣйствовать скорѣе въ томъ случаѣ, когда дѣло увѣнчается успѣхомъ, чѣмъ тогда, когда дѣйствуешь на-удачу“. И, какъ трюизмъ, это положеніе совершенно неоспоримо. Какъ же примиряются эти два одинаково неоспоримыя, и повидимому, противорѣчащія одно другому, психологическія положенія?

Прежде всего необходимо ясно представить себѣ, о какомъ необходимомъ или неизбѣжномъ ходѣ вещей идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Говорится о будущемъ, которое по отношенію къ настоящему представляетъ идеалъ. Утверждается естественная необходимость этого будущаго. Матеріалистическое пониманіе исторіи въ его примѣненіи къ современной намъ жизни и является именно попыткой показать историческую необходимость опредѣленнаго соціальнаго идеала. Говорятъ—и я тоже говорилъ это,—что научный коллективизмъ выводитъ свой идеалъ изъ соціально-экономической дѣйствительности. Это вѣрно и въ то же время невѣрно. Идеалъ, конечно, выросъ изъ условій дѣйствительности, какъ это всегда бываетъ со всѣми идеалами, но для каждаго дѣйствующаго субъекта, сознательно строящаго идеалъ, и для массы, стихійно или тоже сознательно къ нему стремящейся, онъ представляетъ психологическое prius по отношенію къ дѣйствительности и дѣйствующимъ въ ней силамъ. Въ научномъ изслѣдованіи этой дѣйствительности идеалъ ищетъ лишь

[1]) Эта психологическая неувѣренность, конечно, всегда на-лицо: она есть лишь другое выраженіе психологическаго чувства свободы.

признанія за собой реальности и необходимости. Таковъ и былъ дѣйствительный ходъ развитія современнаго коллективизма отъ утопіи къ наукѣ. Идеалъ остался неизмѣннымъ [1]), измѣнился лишь взглядъ на условія его реализаціи. Самъ же идеалъ стоитъ внѣ науки или, если хотите, выше ея, хотя и нуждается въ научной санкціи. Пояснить это отношеніе можно было бы, пожалуй, тривіальною ссылкой на соотношеніе между такъ называемою „душой“ и такъ называемымъ „тѣломъ“, между матеріей и духомъ. Какъ душа нуждается въ тѣлѣ, такъ идеалъ нуждается въ томъ, чтобы на его сторонѣ стояла дѣйствительность, чтобы ему, въ силу необходимаго хода вещей, принадлежало будущее. Иначе можно выразить такъ: идеальная цѣль всегда нуждается въ реальной связи съ реальнымъ средствомъ.

Но, повторяемъ, необходимость идеала, о которой идетъ у насъ рѣчь, относится къ будущему и, въ частности, къ будущимъ человѣческимъ дѣйствіямъ. И я утверждаю, что въ этой области эмпирически-реальнаго міра сколько-нибудь цѣльное представленіе о будущемъ не можетъ быть окрашено сплошь въ цвѣтъ необходимости. Логически, конечно, все будущее также предетерминировано, какъ прошлое детерминировано. Но въ предетерминированномъ будущемъ, въ которомъ участвуютъ наши дѣйствія, есть всегда бѣлое пятно, которое воля и свободная дѣятельность могутъ закрасить по своему усмотрѣнію. Психологическое сознаніе, дѣятельно обращенное къ будущему, всегда имѣетъ дѣло съ тѣмъ смѣшеніемъ свободы и необходимости, которое невыносимо для логическаго сознанія. Это смѣшеніе—необходимое выраженіе не просто недостаточности научнаго познанія, а того болѣе глубокаго и основного факта, что ни человѣческая жизнь, ни человѣческое сознаніе не исчерпываются познаніемъ, опытомъ, наукой. Welt und Leben,—говоритъ прекрасно Риль,—können nie rein in die Wissenchaft aufgehen (Der philos. Kritizismus etc. II, I, 291). На двухъ направленіяхъ сознанія основана самая возможность жизни и дѣятельности.

Если наше человѣческое будущее представляется намъ обыкновенно смѣшеніемъ необходимости и свободы, то такое же смѣшеніе долженъ представлять нашъ идеалъ, такъ какъ онъ тоже картина будущаго. Онъ ни субъективно (для психологическаго сознанія), ни объективно (по недостаточности эмпирическихъ дан-

[1]) Конечно, въ общихъ чертахъ.

ныхъ) не можетъ быть безусловно необходимымъ. Ибо если ставить знакъ равенства между психологическимъ и логическимъ убѣжденіемъ, какъ это дѣлаетъ Штамлеръ, то, конечно, слѣдуетъ признать, что добиваться того, что познано какъ безусловно необходимое, столь же нелѣпо, какъ стремиться къ абсолютно невозможному.

Совершенно утопическій идеалъ есть сфера абсолютной свободы. Если мы условимся картину будущаго представлять себѣ въ видѣ круга, господство свободы обозначать бѣлымъ цвѣтомъ, а необходимость—штрихами, то утопическій идеалъ представится намъ въ видѣ совершенно незачерченнаго круга. Здѣсь нѣтъ элементовъ необходимости. Наоборотъ, чѣмъ болѣе зачерченъ кругъ штрихами необходимости, тѣмъ научнѣе, вѣрнѣе, необходимѣе нашъ идеалъ. Сравнительная свобода, или сравнительная необходимость, конечно, гносеологическая нелѣпость, но наше психологическое сознаніе всегда оперируетъ съ такими противорѣчивыми представленіями. И нужно сказать: эти противорѣчія никого не должны были бы особенно мучить, ни у кого—производить „кошмары“ и т. п. патологическія явленія. Тому, кто проникъ въ эти противорѣчія, должны быть ясны границы и смыслъ гносеологическихъ противорѣчій вообще, для другихъ же всегда къ услугамъ спасительные трюизмы, въ родѣ того, что „законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а изъ нашихъ дѣйствій“.

Итакъ, научнымъ является тотъ идеалъ, который въ своей картинѣ будущаго заключаетъ возможно больше элементовъ необходимости. Кругъ никогда не можетъ оказаться совершенно зачерченнымъ, по крайней мѣрѣ, для психологическаго сознанія; это означало бы смерть идеала и дѣятельности. Но чѣмъ меньше будетъ бѣлый сегментъ нашего круга, тѣмъ увѣреннѣе будемъ мы въ немъ двигаться, т.-е. дѣйствовать. Удивительное и вполнѣ заслуженное обаяніе основаннаго на матеріалистическомъ пониманіи исторіи общественнаго міровоззрѣнія и заключается въ томъ, что его идеалъ представляетъ наиболѣе удовлетворяющее современному научному духу соотношеніе необходимости и свободы. Бѣлый сегментъ его—легко обозримая, довольно рѣзко отграниченная территорія, допускающая наибольшую концентрацію и наибольшее напряженіе силъ. Наше сравненіе съ кругомъ, какъ всякое сравненіе, конечно, хромаетъ: оно не передаетъ, напр., того, что человѣку, раздѣляющему матеріалистическое по-

ниманіе исторіи, бѣлый сегментъ свободы представляется продуктомъ зачерченной области необходимости: классовая борьба есть порожденіе развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Это представленіе логически противорѣчиво, но тѣмъ не менѣе оно—могущественный психологическій факторъ. Тутъ необходимость не противорѣчитъ свободѣ, а поддерживаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ за гносеологически совершенно несостоятельнымъ опредѣленіемъ Энгельса, что свобода есть „познаніе необходимости", скрывается величайшая психологическая истина.

Ироническое замѣчаніе Штамлера о партіи для содѣйствія лунному затменію игнорируетъ мелочь: человѣческую психологію, ту наличность въ человѣческомъ познаніи двухъ направленій, которая для самого Штамлера является исходной точкой его разсужденій. Штамлеръ останавливается на гносеологическомъ противорѣчіи, забывая о болѣе важномъ для жизни психологическомъ примиреніи.

Впрочемъ, здѣсь виноваты и представители матеріалистическаго пониманія исторіи. Справедливо настаивая на научности своего идеала, они часто превращаютъ его въ слишкомъ научный, забывая грань, лежащую между наукой и идеаломъ, между необходимостью того, что совершилось, и необходимостью того, что будетъ.

Если кто-нибудь упрекнетъ насъ въ томъ, что и мы говоримъ о „сравнительной свободѣ", то на это мы можемъ отвѣтить: мы и не постулируемъ единства сознанія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это дѣлаетъ г. Булгаковъ, а наоборотъ, мы утверждаемъ наличность въ сознаніи двухъ направленій. Эти направленія могутъ вступать между собой въ различныя психологическія комбинаціи, нелѣпыя, съ точки зрѣнія того, кто стоитъ на почвѣ одного изъ этихъ направленій, напр., опыта. Опытъ есть единая закономѣрность реальнаго міра, и для него не можетъ существовать сочетанія или примиренія свободы и необходимостн. Но опытъ не исчерпываетъ нашего сознанія и нашей жизни.

„Grau, teurer Freund, ist alle Theorie". Если же всевѣдѣніе не дано и не нужно человѣчеству, которое, какъ пророчилъ Мефистофель ученику, навѣрное испугалось бы своей „Gottähnlichkeit", если опытъ остается вѣчно незаконченнымъ, теорія вѣчно неполной и „сѣрой", то человѣчество не можетъ отдать себя цѣликомъ во власть опыта. Но если оно такъ непокорно по от-

ношенію къ реальному міру бытія, то что же сказать о попыткѣ наложить на людей формальныя цѣпи какой-то призрачной соціальной закономѣрности доброй воли? „Объективное долженствованіе“ есть величайшая претензія не въ мѣру зазнавшейся и переступившей свои границы „сѣрой“ теоріи. На эту претензію и самая сѣрая изъ всѣхъ теорій — гносеологія и непосредственное чувство живого человѣка должны отвѣчать одинаково: руки прочь.

Матеріалистическое пониманіе исторіи не претендуетъ давать отвѣтъ на вопросъ: что дѣлать? Этотъ вопросъ рѣшается въ другой инстанціи—интересовъ и идеаловъ, оно говоритъ лишь: какъ дѣлать.

И этой теоріи какъ разъ достаточно, не слишкомъ мало и не слишкомъ много, для исполненія завѣта Фихте:

Man muss nicht nur kämpfen, sondern auch siegen wollen.

КЪ ВОПРОСУ О МОРАЛИ.

(1901 г.).

Появившаяся не такъ давно въ русскомъ переводѣ книга Анри Лихтенберже о Нитцше [1]) представляетъ несомнѣнно наилучшій обзоръ философіи и наиболѣе изящную характеристику личности знаменитаго автора Заратустры. Русскій переводъ этой книги снабженъ интереснымъ и живо написаннымъ предисловіемъ М. Невѣдомскаго, автора, мало выступавшаго въ литературѣ, но сразу явившагося въ ней съ самобытною физіономіей, съ тѣмъ по истинѣ „необщимъ выраженіемъ", которое отмѣчалъ у самого себя одинъ изъ лучшихъ русскихъ лириковъ.

Предисловіе Невѣдомскаго—убѣжденная апологія Нитцше, какъ моралиста. Эта апологія покоится у автора на міровоззрѣніи, повидимому, одинаково враждебномъ и позитивизму. и всякой метафизикѣ. Жаль, что авторъ—олицетворенная безсистемность и что, обладая значительными мыслями, не вычитанными изъ книгъ, а глубоко продуманными, выношенными въ душѣ, онъ небрежно бросаетъ ихъ и, что еще хуже, пересыпаетъ мелочными и подчасъ даже не идущими къ дѣлу замѣчаніями и остротами. У автора есть тотъ Ernst, безъ котораго писательство является простымъ нанизываніемъ словъ и выписываніемъ строчекъ, но онъ, какъ писатель, слишкомъ невнимательно относится къ своимъ серьезнымъ думамъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ и не хочетъ быть писателемъ?

Нитцше привлекаетъ къ себѣ нашего автора тѣмъ, что, по мнѣнію Невѣдомскаго, образуетъ во всѣхъ писаніяхъ великаго философа-художника „высшее и дѣйствительное единство", „ту

*) А. Лихтенберже, профессоръ университета въ Нанси: „Философія Нитцше", перев. съ французскаго подъ редакціей и со вступительной статьей М. Невѣдомскаго. Спб. 1901 г., стр. CLXIV+242.

основную ноту, которая объединяетъ все, что онъ когда-либо мыслилъ, чувствовалъ, говорилъ". Это — противопоставленіе въ искусствѣ Діониса, какъ носителя стихійнаго, безсознательнаго, инстинктивнаго начала, начала естественности, органической связи и общности съ природой, Аполлону—началу обособленія или отграниченія человѣка отъ природы, началу планомѣрнаго, сознательнаго, специфически человѣческаго творчества. Аполлоновскому началу въ искусствѣ—въ жизни соотвѣтствуетъ начало Сократовское. Поэтому вмѣсто Аполлона можно подставить Сократа и сказать: „Діонисъ и Сократъ—это два противоположныхъ полюса той оси, вокругъ которой всю жизнь вращается мысль Нитцше". Онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ вѣрное служеніе Богу инстинкта Діонису, вѣчно „въ надеждѣ на его чудеса" боролся со всѣми его врагами и, въ особенности, съ самымъ важнымъ изъ этихъ враговъ—съ Сократомъ. Сократъ—это главный отрицательный герой, „злодѣй" всѣхъ романовъ Нитцше: „по винѣ Сократа создалась та внутренняя стѣна, на которую вѣчно наталкиваются инстинкты человѣка, стѣна, можетъ быть, не менѣе страшная, чѣмъ внѣшняя стѣна объективной дѣйствительности, чѣмъ греческая „Мойра" (Судьба), губившая героевъ трагедіи. Она, можетъ быть, потому особенно страшна, эта вторая стѣна, что она субъективная, лежитъ внутри насъ, что отъ нея нельзя уйти, уйти некуда... Мы сами, хотя и не по своей винѣ, воздвигаемъ ее внутри себя и всю жизнь носимъ ее въ себѣ,—всю же жизнь проводя въ борьбѣ съ ней" (стр. LIII). „Объясняя происхожденіе того, что мы называемъ моралью, чисто утилитарно-общественными потребностями, т. е. разсчетомъ и выгодой общества—съ одной стороны, и приспособленіемъ индивида къ его требованіямъ—съ другой, Нитцше всю эту мораль считаетъ проявленіемъ сократовскаго духа. Образъ Сократа постепенно растетъ и расширяется въ умѣ Нитцше и въ послѣднихъ его вещахъ... уже вмѣщаетъ въ себя и Платона съ его идеализмомъ, и христіанство (которое является, въ глазахъ Нитцше, простымъ „платонизмомъ для народа") и... всѣ вообще „нисходящіе типы жизни", все, что противоположно инстинкту „восходящей жизни", самоопредѣляющемуся, свободному Діонису" (стр. LIV). Внутренняя стѣна это—запасъ тѣхъ разумныхъ, ясныхъ, сознательныхъ моральныхъ нормъ и правилъ поведенія, которыя внѣдряются воспитаніемъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ во всякаго представителя культурнаго общества: все это входитъ въ индивидъ извнѣ, изъ окру-

жающей среды, изъ ненавистнаго Нитцше „стада“, все это нужно стаду, служить его разсчетамъ и видамъ, и все это ненужно и противно Нитцше (стр. LV). „Нитцше не хотѣлъ подчинять своего Діониса никакимъ санкціямъ, писаннымъ вѣрованіямъ и кодексамъ, и бился за своего Бога въ надеждѣ на его чудеса“: во имя „верховнаго индивида, самому себѣ лишь равнаго, отъ нравственности нравовъ освобожденнаго, автономнаго и сверхнравственнаго“,—онъ сталъ отрицать общество, и прежде всего современное общество со всей его общественной моралью, окутывающей человѣческую личность тысячью путъ и цѣпей. Онъ отрицалъ все, что существуя внѣ нашего „я“, заявляетъ претензію на это „я“, на опредѣленіе его содержанія, на ограниченіе и урѣзываніе его самоопредѣляющагося бытія. „Онъ отрицалъ всякія мистическія сущности, отрицалъ абсолютность истины, абсолютность и общеобязательность принциповъ морали, онъ старался камень за камнемъ разрушить внутреннюю, тѣснящую наше „я“, стѣну кодексовъ и правилъ морали; хотѣлъ, какъ траву, выкосить все вокругъ нашего „я“, вокругъ нашей личности, чтобы дать ей полный просторъ и свободу, чтобы сдѣлать ее центромъ всей жизни и жизненныхъ задачъ. Этотъ безусловный индивидуализмъ Нитцше, этотъ страстный его антропоцентризмъ, красною нитью проходящій черезъ все его мышленіе, сказывающійся въ выборѣ, постановкѣ и рѣшеніи всѣхъ практическихъ или этико-философскихъ проблемъ — и представляетъ собою основную и самую цѣнную особенность его міросозерцанія: именно, благодаря этой особенности, онъ и является такимъ чуткимъ и внимательнымъ „адвокатомъ“ личности въ ея процессѣ съ обществомъ, именно—благодаря ей, умѣетъ онъ такъ пристально прослѣживать и отмѣчать въ своемъ „искѣ“ къ обществу каждый ущербъ, каждую самомалѣйшую обиду, нанесенную личности“ (LVI—LVII).

Идеалъ, который указываетъ намъ Нитцше и къ которому всей душой присоединяется Невѣдомскій, это—вполнѣ автономное, само себѣ служащее закономъ, все изъ себя творящее я (LXXX). Нитцше признавалъ неограниченное я „единственной нормой нашего поведенія“. Установивъ это основное начало этики Нитцше, Невѣдомскій спрашиваетъ: „Наше я, какъ единственная моральная норма... развѣ это не равносильно прямому отрицанію моральныхъ нормъ“? и отвѣчаетъ: „Норма есть нѣчто постоянное, само себѣ равное, поставленное нами надъ собою, выше насъ и регулирующее наши хотѣнія. Наше я—это лишь извѣстная сумма

хотѣній, имѣющихся въ насъ на лицо въ данный моментъ. Хотѣнія не могутъ регулировать сами себя, уже не говоря о томъ, что наше я можетъ быть нетождественнымъ въ два различныхъ момента, и, стало быть, лишено и перваго признака нормы—постоянства. Какую же можетъ оно изъ себя являть норму? Мы признаемъ всѣ эти возраженія справедливыми" (LXX—LXXI).

Тѣмъ не менѣе, Невѣдомскій находитъ, что Ницше правъ. „Одно изъ двухъ,—говоритъ нашъ авторъ,—или какъ ставитъ его (вопросъ) Кантъ и даже послѣдовательнѣе и „жесточе"...—сказать, что чѣмъ больше и сильнѣе элементъ принужденія, чѣмъ больше усиліе, затрачиваемое на подавленіе „природы" „ради высшаго велѣнія", тѣмъ богаче данный актъ моральнымъ содержаніемъ, тѣмъ выше въ нравственномъ смыслѣ"...

„Или надо сказать, какъ говоритъ Ницше: идеалъ—это „верховный индивидуумъ, себѣ лишь равный, освободившійся отъ нравственности нравовъ, автономный, сверхнравственный". Если нѣтъ силы, то и ничего нѣтъ. Хорошо только то, что сильно; сильнымъ же можетъ быть лишь то, что самопроизвольно, свободно, что является результатомъ свободной дѣятельности, инстинктовъ и потребностей" (XC). „Мораль, опредѣляемая, какъ совмѣщающая необходимымъ образомъ два составныхъ элемента—начало свободы, самоопредѣленія и начало принужденія, вытекающаго изъ автономно нами признанной, стоящей надъ нами нормы,—такая мораль содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: употребляя безбоязненно-энергичное выраженіе Н. К. Михайловскаго, мы скажемъ, что эта мораль проповѣдуетъ одновременно и большую свободу, и болѣе тугую узду. Можетъ быть, такое рѣшеніе вопроса о „добрѣ" практично, пригодно для жизни, можетъ быть, оно практически въ извѣстной средѣ даже необходимо; но намъ одно представляется очевиднымъ, что нигдѣ такъ не нужна принципіальная чистота, ясность и цѣльность, какъ въ постановкѣ такого рокового и святого вопроса... Тутъ надо выяснить съ полною опредѣленностью тотъ идеалъ, ту цѣль, къ которой мы признаемъ нужнымъ итти. Какъ двигаться впередъ, не зная точно своей цѣли или имѣя передъ собою двѣ цѣли, ведущія въ разныя стороны? Тутъ надо выбирать: либо разсчетливый Сократъ съ уродливымъ тѣломъ, искусно задрапированнымъ въ складки бѣлаго хитона и съ уздой Н. К. Михайловскаго въ рукѣ, либо не только уздой, но и одеждой тяготящійся

божественно нагой, божественно свободный „расточитель“ Діонисъ“ (XCII).

Авторъ, чурающійся метафизики и „абсолютизма“ въ мышленіи, въ своей апологіи нитцшеанской морали и въ своемъ отрицаніи морали долга, какъ сверхъиндивидуальной нормы, впалъ въ своего рода абсолютизмъ. Aut Caesar, aut nihil! Долгъ отрицается имъ, потому что долгомъ урѣзывается „свобода“. Двойственность морали, признающей въ одно и то же время и долгъ, и свободу, или автономость, кажется ему неискренней и невыносимой. Но эта двойственность составляетъ, съ одной стороны, и существо нравственности, какъ психическаго явленія, и ея тайну. Въ предисловіи къ книгѣ Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ мы уже высказались въ этомъ смыслѣ: „и прежде дѣлались, и теперь повторяются попытки изгнать идею долга изъ морали. Попытки эти основаны на недоразумѣніи относительно самаго существа нравственности. Съ упраздненіемъ понятія долга, упраздняется и самая нравственность, какъ особое психическое явленіе. Упраздненіе это можетъ произойти въ двоякомъ направленіи: и назадъ, и впередъ. Либо человѣкъ станетъ совершенно естественно, т.-е. безъ всякой борьбы съ другими мотивами, изъ полновластной склонности къ добру творить его, либо онъ забудетъ о добрѣ. Строгое Кантово разграниченіе склонности и долга сохранитъ навсегда свое значеніе для опредѣленія нравственности, какъ психическаго явленія, хотя бы самое это явленіе даже перестало существовать. Какъ психическое явленіе, нравственность основана на реальномъ несовпаденіи по содержанію хотѣнія и долженствованія. До тѣхъ поръ, пока для человѣка предложенія: „я хочу“ и „я долженъ“ будутъ расходиться по своему содержанію, останется и нравственность, останется и долгъ. Нравственность предполагаетъ извѣстную раздвоенность „я“ на законодательствующее и подчиняющееся. Эта раздвоенность и есть расхожденіе между хотѣніемъ и долженствованіемъ“ (LXIX—LXX).

Невѣдомскій, по примѣру Нитцше [1]) и многихъ другихъ, стремится упразднить проблему морали путемъ погашенія идеи долга. Въ этомъ стремленіи, какъ и во всей философіи Нитцше, сказывается старая и жгучая потребность устранить противополож-

[1]) Та точка зрѣнія, которая излагается Невѣдомскимъ, какъ мораль Нитцше, въ основѣ своей упраздняется идеей сверхчеловѣка. Въ образѣ сверхчеловѣка Нитцше ввелъ идею долга въ свою мораль.

ность между природой, инстинктомъ, влеченіемъ, съ одной стороны, и разумомъ, нормой, цѣлесообразностью,—съ другой стороны. Въ сущности, это — вѣчное противоборство сознательнаго и безсознательнаго начала въ міровомъ порядкѣ, непримиримое въ области опыта и управляемой опытомъ дѣйствительности. Но, что всего важнѣе, эта противоположность слишкомъ отвлеченна и слишкомъ широка для конкретныхъ явленій дѣйствительности и не въ силахъ ихъ уловить: ставить нравственной дѣйствительности требованіе „или—или", или свобода, или долгъ, какъ это дѣлаетъ Невѣдомскій, значитъ насиловать эту дѣйствительность своимъ абсолютизмомъ. Въ нравственной дѣйствительности свободно сочетаются и свобода, и долгъ, и воля личности, и велѣніе закона. Въ этомъ тайна ея нравственной дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ намъ только забыть о томъ, что личность окружена со всѣхъ сторонъ другими личностями, что она рождается, живетъ и умираетъ въ сѣтяхъ и цѣпяхъ обычаевъ, традицій, учрежденій, и представить себѣ, что она со своимъ внутреннимъ содержаніемъ одна противостоитъ всему богатству міра внѣшняго, какъ тотъ же вопросъ о свободѣ и долгѣ возстанетъ передъ нами въ своемъ чистомъ видѣ. Личность и безъ всякаго внѣшняго міра, безъ всякаго „общества" неизбѣжно раздвоится и, вообще, раздѣлится въ себѣ и изъ этого раздѣленія въ концѣ-концовъ одинъ только выходъ въ призваніи или признаніи нравственнаго закона. Мнѣ кажется, стремленіе во что бы то ни стало изгнать идею долга изъ нравственности у такихъ рѣшительныхъ противниковъ морали счастья или эвдемонизма, какъ Нитцше и его послѣдователи, является безсознательнымъ наслѣдіемъ или пережиткомъ эвдемонизма. Въ немъ сказывается желаніе отнять у нравственной дѣятельности, у моральнаго творчества жесткій характеръ борьбы, внутренней борьбы за созиданіе добра, внести въ этотъ процессъ ту абсолютную гармонію, которая можетъ быть лишь его завершеніемъ, недоступнымъ нашему ограниченному зрѣнію. Упразднить внутреннія страданія и борьбу, примирить раздѣляющееся въ себѣ *я*—такова мечта этой послѣдней, самой тонкой формы эвдемонизма, трудно уловимой, какъ таковой.

Есть явленія, которыхъ существо, реальный смыслъ и эстетическая прелесть заключается въ своеобразномъ и таинственномъ сожительствѣ противоположныхъ началъ. Такъ, идеалъ, къ которому мы стремимся, не можетъ быть для насъ вполнѣ необхо-

димъ. Если онъ будетъ сплошь окрашенъ въ цвѣтъ необходимости, то для его осуществленія не нужны наши стремленія, какъ не нужны они для движенія небесныхъ свѣтилъ и для отложенія морскихъ береговъ. Но, съ другой стороны, мы будемъ чувствовать себя страшно слабыми, если на сторонѣ нашего идеала будетъ только одна сила—наше желаніе осуществить его. Мы всегда сознательно ищемъ или безсознательно примышляемъ для этой силы мощнаго союзника—силу вещей. И мы будемъ тѣмъ увѣреннѣе въ конечномъ наступленіи идеала, чѣмъ больше работы возьметъ на себя безсознательная стихійная сила вещей. Наше свободное дѣяніе никогда не можетъ исчезнуть вполнѣ изъ представленія объ идеалѣ, ибо иначе онъ распадется, какъ таковой, превратившись изъ человѣческаго творчества въ естественное теченіе вещей, но чѣмъ больше это послѣднее будетъ работать съ нами и для насъ, тѣмъ бодрѣе будемъ мы взирать на будущее. Для существованія идеала, какъ такового, нужно участіе нашего свободнаго дѣянія. Но для крѣпости этого идеала, какъ объективнаго факта, для реальнаго его воплощенія въ жизни, нужно какъ можно большее участіе въ его созиданіи силы вещей. А такъ какъ все человѣческое безъ остатка слагается изъ этихъ двухъ величинъ, то, очевидно, что возрастаніе одной означаетъ умаленіе другой. Умаленіе это, однако, носитъ совершенно своеобразный характеръ въ нашемъ случаѣ: оно не есть вовсе уменьшеніе ни внутренней силы, ни моральной цѣнности свободнаго дѣянія. Умаляясь въ сравненіи съ объективнымъ факторомъ, свободное дѣяніе объективно крѣпнетъ отъ этого умаленія и въ то же время совершенно не поступается своею внутреннею цѣнностью. Свободное дѣяніе теряетъ смыслъ тамъ, гдѣ вся территорія захватывается силой вещей, но психологически оно можетъ занимать очень много мѣста и значить очень много, хотя бы въ реалистически-обоснованномъ образѣ будущаго ему и пришлось объективно совершенно отступить на задній планъ передъ силою вещей.

Соотношеніе между необходимостью и свободнымъ дѣяніемъ въ общественномъ и иномъ моральномъ идеалѣ, или вѣрнѣе въ томъ образѣ будущаго, который мыслится нами, какъ такой идеалъ, представляетъ нѣкоторое подобіе соотношенія между такъ называемой свободой и долгомъ въ нравственномъ дѣйствованіи. Это и понятно, такъ какъ то, что мы часто называемъ свободой въ нравственномъ дѣйствованіи, въ своемъ наиболѣе полномъ и крайнемъ выраженіи совпадаетъ съ творчествомъ, совершающимся

вполнѣ естественно, безъ всякаго помышленія о возможности или желательности иного образа дѣйствія, безъ всякой внутренней борьбы. Свобода въ этомъ смыслѣ—это полновластіе одной какой-нибудь силы, одного содержанія, одного настроенія въ нашей душѣ. Исихологическая игра, „діалектика", какъ сказалъ бы гегеліанецъ или марксистъ, этого понятія свободы состоитъ въ томъ, что оно не только соприкасается съ полной противоположностью того, что мы тоже очень часто зовемъ свободой, но и прямо составляетъ такую противоположность.

Полновластное господство въ душѣ одного какого-нибудь содержанія противоположно борьбѣ въ ней различныхъ содержаній, той борьбѣ, которая дѣлаетъ необходимымъ выборъ между ними и ставитъ, такимъ образомъ, эти различныя содержанія на судъ какъ бы третьяго лица — свободнаго „*я*". Діалектика тутъ, какъ и всегда, состоитъ въ томъ, что различныя вещи обозначаются одними и тѣми же именами, и, вопреки логикѣ, имена заступаютъ мѣсто понятій. Въ одномъ случаѣ мы подъ названіемъ „я" разумѣемъ душевное содержаніе; въ другомъ случаѣ—формальное понятіе „я" или личности, независимо отъ того, что она въ себѣ содержитъ. Если одна какая-нибудь сила, одно содержаніе, направленіе, настроеніе цѣликомъ и исключительно владѣетъ формою нашего „я", ее наполняетъ, съ нимъ вполнѣ сростается и сливается, то это содержаніе, не имѣя рядомъ съ собою и противъ себя никакого другого, съ нимъ соперничающаго, его ограничивающаго, оказывается вполнѣ независимымъ, т.-е. свободнымъ.

Содержаніе (опредѣленное) „я" тѣмъ независимѣе и тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе ему подчинено, чѣмъ покорнѣе, т.-е. менѣе свободно „я", какъ форма. Поэтому, свобода „я", какъ опредѣленнаго содержанія, означаетъ несвободу „я", какъ формы духа. Отсюда понятно, почему необходимость въ образѣ идеальнаго будущаго, предносящемся нашему дѣйственному сознанію, играетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ такую же роль и занимаетъ такое же мѣсто, какое въ нравственномъ дѣйствованіи занимаетъ свобода. Мы уже опредѣлили выше природу нравственности. Чѣмъ больше „я" будетъ творить добро въ силу естественнаго влеченія, охваченное полновластной склонностью къ добру, ею наполняемое, тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе и ярче будетъ добро осуществляться. Но когда долгъ будетъ совершенно поглощенъ свободой, нравственность исчезнетъ такъ же, какъ исчезъ бы идеалъ, въ которомъ свободное дѣяніе было бы вполнѣ поглощено необходи-

мостью или силою вещей. Мѣсто нравственности заняла бы святость, т.-е. такое состояніе духа, въ которомъ нѣтъ внутренняго противоборства содержаній, нѣтъ состязанія между добромъ и зломъ. Для существованія нравственности нужно внутреннее принужденіе обязанности, нужно подчиненіе долгу; но для крѣпости нравственности необходимо какъ можно менѣе моральнаго дѣянія изъ обязанности, какъ можно меньше принужденія и подчиненія, хотя бы и внутренняго, какъ можно больше свободы и, пожалуй, даже безсознательности въ созиданіи добра.

Возражая противъ морали долга, Невѣдомскій говоритъ, что, какъ бы ни было велико мѣсто, отводимое ею элементу свободы и автономности, „очевидно, что количественно незначительный элементъ принужденія, принципіально говоря, занимаетъ огромное мѣсто, и именно потому, что онъ вводится по свободному признанію, принципіально, т.-е. путемъ признанія его именно моральнымъ элементомъ... Всякій согласится съ нами, что количественная сторона дѣла здѣсь вопросъ не первостепенной важности...“ (XLII).

Нашъ взглядъ послѣ сказаннаго вполнѣ ясенъ: для насъ важна тоже не количественная сторона вопроса. Съ нашей точки зрѣнія понятіе нравственности неразрывно связано съ понятіемъ долга.

Не признавая важности элемента или идеи долга въ морали, Невѣдомскій остается совершенно чуждымъ идеѣ нравственнаго порядка, который личность находитъ въ себѣ и въ то же время не можетъ не признавать объективнымъ и стоящимъ выше личнаго произвола. Въ сознательномъ и свободномъ подчиненіи этому нравственному порядку и состоитъ долгъ. Невѣдомскій думаетъ, что свободное подчиненіе долгу противорѣчиво въ себѣ и что поэтому никакое принужденіе или подчиненіе не можетъ быть моральнымъ. Я согласенъ, что употребленіе этихъ грубыхъ терминовъ вводитъ нѣкоторыя ложныя представленія и оттѣнки мысли, главнымъ образомъ, потому, что, примѣняя эти слова, мы забываемъ столь важное различеніе между „я“, какъ содержаніемъ, и „я“, какъ формой, и часто подмѣниваемъ одно понятіе другимъ. „Я“, какъ форма, всегда логически едино, и многообразіе „я“ опредѣляется всегда его содержаніемъ. Единство этого содержанія есть чрезвычайно рѣдкое и даже исключительное явленіе. Мысленно оно устанавливается обыкновенно лишь слѣдующимъ, совершенно искусственнымъ и мнимымъ, пріемомъ: по тѣмъ или другимъ соображеніямъ выхватываются нѣкоторыя от-

дѣльныя стороны или направленія „я“ (какъ содержанія), и эти стороны возводятся въ рангъ подлиннаго „я“, „я“ по преимуществу; имъ присвоивается то единство, которое составляетъ необходимый логическій признакъ „я“, какъ формальнаго понятія.

Благодаря такому сочетанію двухъ различныхъ понятій, опредѣленному душевному содержанію или, общѣе и точнѣе, строю передается, такъ сказать, законная власть надъ всѣми другими сторонами или направленіями души. Вопросъ только въ томъ, есть ли это законная власть или тиранія. Почему инстинктъ, природа, Діонисъ это—подлинное „я“, законная власть, а разумъ, долгъ, Сократъ—какіе-то пришельцы-насильники, вторгшіеся въ „я“, тираны, которыхъ необходимо свергнуть? Отрицательное отношеніе къ долгу поддерживается именно этимъ представленіемъ о немъ, какъ о чемъ-то внѣшнемъ, насильничающемъ надъ нашимъ „я“. А такое представленіе создано нами самими, оно возникаетъ вслѣдствіе того, что мы только извѣстныя содержанія и направленія духа признаемъ подлиннымъ выраженіемъ нашего „я“, прочія же разсматриваемъ, какъ нѣчто ему чуждое и внѣшнее. Какъ ни стараются отрицатели долга мыслить себѣ его въ личности, онъ всегда чудится имъ, какъ нѣчто постороннее личности, наступающее на нее и ограничивающее ее. Но нравственный законъ есть нѣчто столь же внутреннее, какъ и та личность, которая ему подчиняется. Единственное, въ чемъ правы отрицатели долга, это—въ томъ, что дѣйствіе идеи долга знаменуетъ собою раздвоеніе личности или „я“, какъ содержанія, и что погашеніе этой идеи устраняетъ такое раздвоеніе. Но, повторяемъ, это раздвоеніе составляетъ существо нравственности, какъ психическаго явленія.

Находя въ себѣ идею долга и притомъ не какъ пустое, безсодержательное долженствованіе, а, наоборотъ, наполненную извѣстнымъ содержаніемъ, личность или „я“, какъ форма, видитъ въ ней нѣчто прочное и независимое отъ смѣны хотѣній и настроеній, твердую точку, на которой она, переживающая всѣ эти смѣняющіяся, другъ друга перегоняющія и перебивающія настроенія и хотѣнія, можетъ укрѣпиться. Нравственный законъ, который духъ открываетъ въ себѣ, есть его подлинная собственность.

Я уже намекнулъ на то, что слова „подчиненіе долгу“ и „принужденіе обязанности“ могутъ влечь за собой ложныя представленія и оттѣнки мысли. Нравственный долгъ, если онъ есть дѣйствительно живущій въ душѣ и ею въ себѣ открываемый за-

конъ, всегда творится свободно въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ свобода понимается отрицателями долга. Но нравственная работа духа происходитъ не на пустомъ, а на занятомъ самыми разнообразными движеніями души мѣстѣ. Всякая моральная дѣятельность должна производить росчисти въ душѣ, многое подсѣкать и вырывать съ корнемъ. Словомъ, это есть борьба, театромъ которой является душа, борьба не личности съ внѣшними силами, а борьба личности, раздвоившейся, раздѣлившейся въ себѣ. Какъ бы нравственное дѣяніе ни было свободно, если оно есть сознательная творческая дѣятельность, въ немъ всегда много страданій, горечи и скорби, неразрывно связанныхъ съ борьбой. Но когда эта борьба закончена, побѣдитель распоряжается не только властной, но и свободной рукой или, вѣрнѣе, душой. Побѣдитель не только пригнулъ, онъ смелъ и отмелъ своихъ супротивниковъ: ихъ нѣтъ больше въ душѣ, они уничтожены или скрылись. До тѣхъ поръ, пока долгъ не овладѣлъ настолько душой, нравственная работа еще не закончена, нравственная задача еще не разрѣшена. Въ этомъ смыслѣ „кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь“. Душа свободно творитъ долгъ, но она прочно хранитъ память о той борьбѣ, которая велась ею и въ ней, и хорошо чувствуетъ все глубокое отличіе этой борьбы за нравственность, завершающейся свободнымъ дѣяніемъ отъ того, что дается безъ всякой борьбы, само собой, въ полномъ душевномъ мирѣ. Суровое дыханіе душевной борьбы налагаетъ свою печать на все то, что выросло и созрѣло въ ея атмосферѣ. И если стать на эстетическую точку зрѣнія въ дѣлѣ выбора морали, то еще вопросъ: что красивѣе, безсознательное и не сѣющее въ душѣ вражды и войны созиданіе добра, или тяжелая борьба за добро? Недаромъ поэтъ говорилъ: „о бурь душевныхъ красотѣ“; недаромъ великій художникъ-мыслитель сказалъ, что лучшее средство быть счастливымъ — это не искать счастья: „Dans la bataille de la vie la lutte vaut mieux que le prix de la lutte“; недаромъ великій нѣмецкій критикъ признался, что если бы Богъ держалъ передъ нимъ въ одной рукѣ истину, а въ другой—стремленіе къ истинѣ, то онъ выбралъ бы не самое истину, но вѣчную потребность ея исканія. Такова общая доля и неизмѣнный законъ всякаго конечнаго бытія: находить высшее удовлетвореніе не въ своихъ конечныхъ созданіяхъ, но въ исканіи безконечнаго, въ созиданіи абсолютнаго. Исканіе и созиданіе же есть борьба и прежде всего съ

самимъ собою. Никто иной, впрочемъ, не воспѣлъ такого гимна борьбѣ человѣка съ самимъ собой, никто не проповѣдывалъ ее такъ страстно и не исповѣдывалъ въ такой мѣрѣ всей своей духовной жизнью, какъ Нитцше [1]). Поэтому нѣтъ лучшаго свидѣтеля противъ Нитцше, чѣмъ самъ Нитцше. Отрицатель долга, онъ кончилъ утвержденіемъ его въ самой мистической формѣ (долгъ—служить мостомъ къ сверхчеловѣку); врагъ метафизики, онъ далъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ и потрясающихъ метафизическихъ построеній (ученіе о вѣчномъ возвращеніи всего сущаго); врагъ религіи, отвергшій, „похоронившій“ Бога, онъ всю жизнь думалъ только о религіи и искалъ только Бога; проповѣдуя подчиненное инстинкту, гармоническое въ себѣ „я“, онъ все время разрушалъ и вновь созидалъ содержаніе этого „я“.

Странно, что Невѣдомскій ничего не говоритъ о томъ, что

---

[1]) „...по мнѣнію Нитцше, мудрый долженъ быть твердымъ, суровымъ и къ себѣ, и къ другимъ. Онъ долженъ отказаться отъ всякаго личнаго благополучія, отъ всего, что приноситъ спокойствіе и миръ. Ему вѣдь извѣстно, что нѣтъ такой опредѣленной, напередъ установленной цѣли къ которой направлялось бы въ своемъ развитіи человѣчество; что, напротивъ, все находится въ процессѣ непрестаннаго образованія (Werden), что жизнь есть нѣчто такое, что „постоянно должно себя превосходить“; и онъ понимаетъ, что человѣкъ никогда не долженъ хвалиться, что достигъ уже пристани,—что всякій миръ долженъ быть лишь подготовкой, лишь „средствомъ къ новой войнѣ“, а все существованіе—рядомъ подвиговъ и приключеній, одно другого опаснѣе. Не счастья ищетъ онъ для себя а развѣ волненій игрока, и если ему удалось счастливо бросить кости, онъ тотчасъ задается вопросомъ: не фальшивыя ли то кости, которыми онъ игралъ? Онъ знаетъ, что радость и горе постоянно ходятъ вмѣстѣ. Человѣкъ можетъ достичь того, что проживетъ жизнь, не извѣдавши ни большой скорби, ни большой радости, въ состояніи безразличія и равнодушія, но не иначе, какъ цѣною пониженія до минимума своей жизненной силы. Кто хочетъ знать, что такое великая радость, тотъ роковымъ образомъ долженъ узнать и великую скорбь: каждое отклоненіе въ одну сторону оплачивается отклоненіемъ въ сторону противоположную. „Созидатель цѣнностей“, вѣрующій въ жизнь, желающій, чтобы она шла съ возможно большей интенсивностью и силой, тѣмъ самымъ желаетъ и наиболѣе сильныхъ колебаній, наиболѣе рѣзкихъ отклоненій отъ равновѣсія: онъ хочетъ извѣдать высочайшія вершины какъ счастья, такъ и горя, упоеніе самой блестящей побѣдой и ужасъ самаго полнаго пораженія; онъ „заразъ идетъ навстрѣчу и высшему своему страданью, и самой высокой своей надеждѣ“ какъ бы одновременно идетъ и къ торжеству, и къ гибели. Заратустра умираетъ въ моментъ, когда достигъ высшей точки своего существованія. Сверхчеловѣкъ—это будетъ и высшее торжество, и конецъ человѣка“ (Лихтенберже, стр. 192—193).

Нитцше въ послѣднюю свою эпоху отпалъ отъ морали, отрицающей долгъ. Идею долга онъ воплотилъ въ образѣ сверхчеловѣка. Эта эволюція Нитцше, оказавшаяся окончательной, въ высшей степени поучительна. Она показываетъ неистребимую силу идеи долга, коренящейся въ самой сущности морали. Съ другой стороны, то естественное возмущеніе, которое вызываетъ въ насъ взглядъ на человѣческую личность, какъ на орудіе, какъ на мостъ, или переходъ хотя бы и къ „сверхчеловѣку", невозможность признать такой взглядъ за руководящее начало морали, принять и исполнять такой отрицающій человѣка долгъ, указываетъ единственный выходъ изъ борьбы между личностью и долгомъ, единственное рѣшеніе этой великой тяжбы.

Это рѣшеніе давно найдено и заключается оно въ признаніи безусловнаго достоинства или цѣнности за человѣческою личностью, какъ таковой. Идея абсолютной цѣнности человѣческой личности, какъ этическое начало, съ полною ясностью раскрыто впервые Кантомъ, но свой метафизическій, или, если угодно, религіозный корень оно имѣетъ въ утвержденіи человѣческаго духа, какъ вѣчной и самоопредѣляющейся субстанціи, составляющемъ одну изъ главныхъ метафизическихъ идей христіанства. Это этическое начало далеко отъ того, чтобы быть отвлеченнымъ и безплоднымъ. Для того, кто принялъ его въ свою душу, оно становится точнымъ и строгимъ правиломъ, на судъ котораго должны предстать всѣ человѣческія дѣла, событія, отношенія и установленія.

Важный результатъ, къ которому, на мой взглядъ, приводятъ современное человѣчество честныя моральныя исканія Нитцше, заключается вовсе не въ той морали, на которой остановился самъ великій художникъ-философъ. Этотъ результатъ можно формулировать такъ. Обѣ основныя идеи морали: высшее благо и человѣческая личность по существу не враждебны, а, наоборотъ, требуютъ одна другой. Въ ихъ жизненномъ примиреніи, сближеніи и взаимопроникновеніи и состоитъ моральное творчество человѣчества, созиданіе абсолютнаго въ безусловно цѣнной формѣ человѣческой личности. Такъ примиряется универсализмъ и индивидуализмъ въ морали, идеализмъ и скептицизмъ, смѣлая вѣра въ абсолютное и честное сомнѣніе въ отдѣльныхъ стадіяхъ и результатахъ исканія его человѣчествомъ. Такая мораль чревата практическими выводами. Она дѣйственна и въ то же время терпима къ чужой мысли и чужому исканію.

Невѣдомскій очень хорошо отмѣчаетъ одну важную черту въ этической проповѣди Нитцше—у Нитцше была именно проповѣдь, а не система—и по справедливости высоко оцѣниваетъ значеніе этой черты. Въ столь ославленномъ и подчасъ дѣйствительно циничномъ „эгоизмѣ“ Нитцше выразилось прежде всего „стремленіе къ принципу равноправности человѣческой личности вообще“. Нитцше „нужна была равноцѣнность и только равноцѣнность я и ты, которую склонны игнорировать проповѣдники „морали, начинающейся тамъ, гдѣ начинается узда“, проповѣдники альтруистическаго и „эвдемонистическаго“ самопожертвованія,—словомъ, говоря молотобойнымъ языкомъ Нитцше—„христіане, демократы, рабы“. „Борецъ со своимъ временемъ“, страстный защитникъ нашего „я“, естественно долженъ былъ биться съ этими рабами за умаленіе нашего „я“, какъ онъ бился съ ними за ихъ Uebermass (чрезмѣрность) состраданія; но, ополчаясь лишь противъ умаленія „я“, онъ по обычаю, ни въ чемъ не зная ни середины, ни мѣры, ни края, превращался въ проповѣдника эготизма, жестокости и тираніи, въ апологета Наполеоновъ, преступниковъ... Въ очищенномъ отъ эксцессовъ существѣ своемъ эготизмъ Нитцше сводится къ реабилитаціи правъ нашего „я“, умаляемыхъ или попираемыхъ изъ альтруистическаго усердія нашими моралистами. Нитцше какъ бы указывалъ для морали вторую область, вторую половину, ничуть не менѣе важную, чѣмъ первая половина, но оставленную почему-то въ забвеніи,—указывалъ, что эта мораль должна подумать и о нашемъ „я“, доказывалъ, что собственное наше „я“ должно быть вполнѣ равноцѣнно въ моральномъ отношеніи, съ ты, съ чужимъ я... Это ты вѣдь дѣйствительно „старше, чѣмъ я“; объ его святости говорятъ намъ всѣ моралисты съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ мораль. Для ты полагалась мораль, а для я—„узда“. Нитцше находилъ, что это несправедливо...“ (CXXX—CXXXII).

Эта черта въ морали Нитцше, въ самомъ дѣлѣ, ставитъ чрезвычайно важную этическую проблему. Однако удовлетворительное разрѣшеніе этой проблемы недоступно не только этикѣ „альтруизма“, но и „эготизму“. Оно требуетъ внесенія въ этику третьяго, болѣе высокаго начала. Это начало дается понятіемъ личности.

ПРАВО И ПРАВА [1].

(1901 г.).

„Вспоминается мнѣ, какъ Катковъ началъ разъ передовую статью словами: „Правительство идетъ“. Слышимъ мы въ судѣ ежедневно судебнаго пристава, провозглашающаго: „встаньте, господа, судъ идетъ“. Скоро ли можно будетъ сказать мужику: „встань, голубчикъ, перекрестись, законъ идетъ?“...

Эти слова извѣстнаго автора „Записокъ земскаго начальника“, г. Новикова, чрезвычайно ярко выражаютъ наболѣвшую въ сознаніи русскаго человѣка мысль о необходимости внести въ нашу деревенскую жизнь господство принциповъ велѣній права надъ волей и желаніями властныхъ лицъ. Русскій обыватель жаждетъ и алчетъ законности. Врядъ ли, однако, это алканіе относится лишь къ голой формѣ закона.

Несомнѣнно, что наличность и неуклонное дѣйствіе права являются основнымъ условіемъ здоровья всякаго государственнаго организма. Въ Россіи внѣдреніе въ населеніе и въ низшіе органы власти дѣйствительнаго уваженія къ закону безспорно должна являться весьма серьезной задачей въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей. Но алчущіе закона русскіе обыватели ищутъ въ немъ не только нормъ для своей дѣятельности, не только объективнаго права, но, кромѣ того и главнымъ образомъ, отсутствія путъ для самодѣятельности и субъективныхъ правъ. Имъ нужны

---

[1]) Предлагаемая статья, первоначально напечатанная въ газетѣ „Право“, была сочувственно отмѣчена въ „Вѣстникѣ Европы“ (февр. 1901 г. стр. 888—889) авторомъ „Общественной хроники“, который нашелъ, что наша статья заключаетъ „цѣлую программу, заслуживающую полнаго сочувствія“. Насъ радуетъ, что мы, принадлежа къ совершенно другому поколѣнію, сошлись съ ветераномъ прогрессивной русской публицистики въ пониманіи основной задачи нашего времени.

не отвлеченное право и не отвлеченная отъ всякаго содержанія „правомѣрность“, но реальныя права. „Правомѣрность“ и „законность“ цѣнны и цѣнятся людьми не въ силу якобы присущихъ этимъ началамъ внутреннихъ достоинствъ, а потому, что въ дѣйствительной правовой жизни народовъ они соединяются съ конкретнымъ содержаніемъ, съ цѣнными для человѣческой личности и для цѣлыхъ общественныхъ группъ „правами“.

Дѣло въ томъ, что всякое предписаніе и всякій запретъ, каково бы ни было ихъ содержаніе, могутъ быть облечены въ форму закона и стать такимъ образомъ „правомъ“. Поэтому-то формальной правомѣрности болѣе чѣмъ недостаточно. Обыватели нуждаются не только въ принципіальномъ соблюденіи закона и отсутствіи произвола, но еще болѣе въ томъ, чтобы законы, по содержанію своему, отвѣчали ихъ духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ. Иначе говоря, правовой порядокъ цѣненъ не только и несколько потому, что онъ выражаетъ собой господство объективнаго и безстрастнаго права. Самое цѣнное въ настоящемъ правовомъ порядкѣ, что при господствѣ объективнаго права обезпечиваются важнѣйшіе интересы человѣческой личности, облеченные въ форму правъ. Не одно только „право“, но и „права“— таковъ долженъ быть лозунгъ друзей истинной законности и правомѣрности.

Эти элементарныя мысли до сихъ поръ еще недостаточно внѣдрились въ сознаніе образованнаго общества, изъ среды котораго вербуется правящая бюрократія, столь часто похваляющаяся своимъ уваженіемъ къ законности. Часто игнорируютъ, что дѣйствительное уваженіе къ закону въ народѣ неразрывно связано съ опредѣленнымъ содержаніемъ законовъ. Уваженіе къ закону живѣе всего тамъ, гдѣ законъ въ свою очередь всего полнѣе проникнутъ уваженіемъ къ человѣческой личности и ея интересамъ. Англійское чувство законности питается всѣмъ содержаніемъ англійскаго права, всею полнотою субъективныхъ правъ англійскаго гражданина.

Вотъ почему всѣ тѣ, кто искренно болѣетъ о человѣческихъ правахъ, придаютъ понятію законности далеко не одинъ формальный смыслъ.

Для того, чтобы обыватель — крестьянинъ имѣлъ основаніе „перекреститься“ передъ закономъ, необходимо, чтобы „законъ“ утѣшалъ не только своей формой, но и своимъ содержаніемъ,

чтобы законъ расширялъ свободу крестьянина, т. е. подымалъ его личность, давалъ ему „права".

Въ сознаніи лучшихъ русскихъ людей и въ жизни нашихъ народныхъ массъ давно уже назрѣла сильнѣйшая потребность во всестороннемъ признаніи объективнымъ правомъ правъ человѣка, какъ такового. Это есть та великая идеальная и въ то же время реальная историческая задача, которая, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и колебаній русской общественной мысли, выкристаллизовалась, какъ неоспоримое общее достояніе, съ такой же ясностью, съ такими же рѣзкими, всѣми мыслящими людьми до боли ощутимыми гранями, какъ нѣкогда — идея освобожденія крестьянъ.

Многовѣковая русская исторія создала своеобразную и сильную національность, непререкаемое бытіе которой внушаетъ лучшимъ русскимъ людямъ не стремленіе поглотить и урѣзать чужія, внѣшне или внутренне болѣе слабыя, національности, а, наоборотъ, чувство широчайшей національной терпимости и доброжелательства. Русская національность одарена богатымъ и гибкимъ языкомъ, который послужилъ ей чуднымъ орудіемъ для созданія мощной національной литературы. Рядомъ съ національностью и ея лучшимъ выраженіемъ, литературой росла и совершенствовалась внѣшняя—мы бы сказали — техническая сила государства и создавались, вмѣстѣ съ матеріальными органами и приспособленіями (войско, финансы), сложная система объективнаго права и сложный бюрократическій механизмъ, по своей технической выработанности и всеобъемлемости приближающіеся къ западно-европейскимъ образцамъ правовой и государственной культуры [1]).

Но чѣмъ больше въ націи—отчасти при содѣйствіи могучаго государственнаго механизма и подъ его давленіемъ—накоплялось и накопляется культурныхъ силъ, чѣмъ больше усложняется національная жизнь, утончается культурно-духовная организація русскаго человѣка, чѣмъ больше выростаетъ личность, тѣмъ недостаточнѣе для культурныхъ цѣлей становится система объективнаго права, тѣмъ настоятельнѣе выдвигается задача утвержденія въ правѣ правъ.

Соперничество между націями происходитъ не только и не

[1]) Ср. извѣстную философію государственно-правового развитія Россіи въ „Русскомъ государственномъ правѣ" Н. М. Коркунова, т. I, изд. 3-е стр. 204—213.

столько на полѣ брани, гдѣ дѣйствуютъ большія и, въ значительной мѣрѣ, безличныя человѣческія массы. Еще больше мѣрятся силами націи на поприщѣ мирнаго труда и культурныхъ успѣховъ. Здѣсь, чѣмъ безличнѣе масса, чѣмъ меньше въ ея членахъ индивидуальной энергіи, чувства личной отвѣтственности и чести (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), чѣмъ меньше навыковъ и вкусовъ къ самодѣятельности, любви къ правамъ, желанія ихъ имѣть и ими пользоваться, тѣмъ больше грозитъ націи и національной культурѣ оттѣсненіе на задній планъ, оскудѣніе и ослабленіе духовной и матеріальной мощи.

Мы не прозрѣваемъ и не рисуемъ для нашей страны такихъ мрачныхъ перспективъ. Бодро смотря въ будущее, мы видимъ въ немъ неуклонное дѣйствіе великихъ историческихъ силъ, которыхъ нельзя ни обмануть, ни своротить съ пути. Кто мнитъ задачу достойной національной жизни разрѣшить путемъ усвоенія промышленной техники и созданія совершеннаго объективнаго права, проводимаго въ жизнь образцовой бюрократіей, и полагаетъ, что права личности—отъ „лукаваго“ запада, что они объективно не нужны, что безъ нихъ русская культура можетъ двигаться впередъ, тотъ питаетъ мечту, которая была бы пагубной и грозила, дѣйствительно, поставить нашу родину „лицомъ къ обдорамъ“, а спиной къ Европѣ, если бы она не была совершенно утопической. Никакая техника и никакой объективный правопорядокъ недостаточны для великой развивающейся и усложняющейся національной культуры современной Россіи. Чѣмъ больше въ этой культурѣ наличныхъ и скрытыхъ силъ, чѣмъ больше въ ней жизни и великихъ возможностей, тѣмъ неосуществимѣе становится мысль заставить эту богатую національную жизнь протекать въ формахъ, заранѣе установленныхъ и исключающихъ широкое индивидуальное творчество и групповую самодѣятельность.

ВЪ ЧЕМЪ ЖЕ ИСТИННЫЙ НАЦІОНАЛИЗМЪ?

Посвящается памяти Влад. Серг. Соловьева.

(1901 г.).

„*Cultur* heisst Uebung aller Kräfte auf den Zweck der völligen Freiheit, der völligen Unabhängigkeit von allem, was nicht wir selbst, unser reines Selbst ist... Niemand *wird* kultivirt, sondern jeder hat sich *selbst* zu kultiviren. Alles blos- leidende Verhalten ist das gerade Gegentheil der Cultur; Bildung geschieht durch Selbstthätigkeit, und zweckt auf Selbstthätigkéit ab. Kein Plan der Cultur kann also so angelegt werden, dass seine Erreichung nothwendig sei; er wirkt auf Freiheit und hängt vom Gebrauche der Freiheit ab".

Fichte.

I.

Вопросъ, составляющій заголовокъ этой статьи [1]), быть можетъ, покажется многимъ и праздным, и фальшиво поставленнымъ. Націонализмъ—это національный эгоизмъ и національное самообожаніе, это явное „зло", и дѣло съ концомъ. Истиннаго націонализма быть не можетъ, скажутъ одни; понятіе о національномъ благѣ субъективно, и истинныхъ націонализмовъ столько, сколько головъ, пекущихся объ этомъ благѣ, возразятъ другіе; третьи сошлются на существующія формы національнаго бытія,

[1]) Напечатана первоначально въ „Вопросахъ философіи и психологіи"

считая всякія разсужденія объ ихъ достоинствахъ, всякую критику этихъ „основъ“ неумѣстной и даже зловредной.

Мы не согласны ни съ однимъ изъ этихъ „отводовъ“ нашего вопроса. Послѣдній „отводъ“, рекомендуя неразсужденіе, очевидно, долженъ быть a limine отвергнутъ философствующимъ умомъ. Но и первые два не могутъ быть признаны имѣющими силу.

Душу живу, глубочайшую основу всякаго „націонализма“ составляетъ неоспоримое, всякому извѣстное, могущественное чувство любви къ своей родинѣ и своему народу. „У нихъ и у насъ,— писалъ Герценъ о славянофилахъ и о себѣ съ друзьями,— съ раннихъ лѣтъ залегло одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество,—чувство безграничной, охватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума“. Да, эта любовь къ родинѣ присутствуетъ въ душѣ всякаго искренняго, живо и глубоко чувствующаго человѣка, и въ самыхъ дурныхъ выраженіяхъ такъ называемаго націонализма она образуетъ затемненную и искаженную, но неоспоримую и живую его „физіологическую“ основу. Чувствуя и признавая бытіе этой основы, какъ нѣчто не только данное, но и законное, изъ нашего человѣческаго существа вытекающее, мы должны, осознавъ и очистивъ ея живой источникъ отъ всякихъ скверныхъ примѣсей, дать ему достойное духовное или идейное выраженіе. Это и значитъ отвѣтить на вопросъ: въ чемъ истинный націонализмъ?

Но предметъ этой любви—предметъ націонализма, говорятъ намъ, понимается и опредѣляется каждымъ различно, и націонализмъ можетъ быть только субъективнымъ. Истина тутъ недоступна или, вѣрнѣе, невозможна. Это возраженіе противорѣчитъ только-что установленному нами факту единства и несомнѣнной живой („физіологической“, по матеріалистическому выраженію Герцена) основы націонализма, одинаковой для всѣхъ, надъ всѣми равно властвующей. Всѣ такія глубочайшія и державныя для души человѣка чувства, какъ и всѣ наиболѣе общія и святыя идеи, конечныя или верховныя цѣли неоспоримы и объективны. При всемъ субъективизмѣ смѣняющихся содержаній, сквозь эту смѣну развивается и отверждается чистая идея-форма. Оспаривать объективность такихъ идей-формъ, значитъ отрицать психологическій фактъ, значитъ не признавать коренныхъ, встающихъ предъ человѣческимъ духомъ, проблемъ. Лучшимъ примѣ-

ромъ такихъ идей-формъ является идея Бога, или религіозная идея. Содержаніе, прикрѣпляющееся исторически къ этой идеѣ, можетъ быть различно и многообразно, оно вѣчно творится и разрушается. Но въ этомъ историческомъ процессѣ постепенно для человѣческаго сознанія кристаллизуется чистая, формальная, неоспоримая и объективная идея религіи и отвѣчающее этой идеѣ душевное состояніе истинной религіозности. Такъ же обстоитъ дѣло съ національнымъ духомъ. Путемъ строгой и точной работы логическаго мышленія мы можемъ выдѣлить чистую и объективную форму этой идеи и развить изъ нея, въ качествѣ необходимаго и неоспоримаго вывода, понятіе истиннаго національнаго, какъ строгаго, сознательнаго и въ то же время одушевленнаго служенія національному духу.

II.

Мы живо любимъ нашу родину и нашъ народъ. Мы не знаемъ и не хотимъ знать, почему и зачѣмъ, мы любимъ безъ цѣли, мы отдаемся этому то спокойному, то жгучему и бурному чувству безъ всякой задней мысли, какъ о томъ съ неподражаемой силой и искренностью повѣдалъ великій поэтъ въ своемъ чудесномъ стихотвореніи. Но мы чувствуемъ и знаемъ, какъ мы любимъ это дорогое намъ, живое и въ то же время несравнимое и несоизмѣримое ни съ чѣмъ живымъ, существо. Мы любимъ родину, какъ дитя любитъ мать. Прекрасное сравненіе! Оно у всѣхъ на устахъ, всѣмъ сродни. Но родина намъ не только мать. Она въ такой же мѣрѣ—наше дитя. Мы въ сознательной и безсознательной жизни, духовно и матеріально, одно поколѣніе за другимъ, творимъ и растимъ нашу родину. Своей кровью и мышцами мы питаемъ ея тѣло, своими стремленіями и помыслами мы напояемъ ея душу. Мы творимъ ея живую и вѣчно мѣняющуюся ткань. Въ разной мѣрѣ, но всѣ безъ исключенія, мы повинны этой творческой работѣ. Все это не пустая игра словъ и не мистическія бредни. Въ нашемъ отношеніи къ родинѣ сливаются двѣ стихіи—созидающая и дающая, охраняющая и воспринимающая, пророчество и воспоминаніе.

Мать-дитя! Въ этомъ символѣ разгадка мучительно-искреннихъ споровъ о томъ, что любить въ родинѣ: дѣйствительность настоящаго дня или мечту о завтрашнемъ, спокойствіе существующаго или бурю и натискъ идущаго ему на смѣну будущаго. Мать держитъ насъ въ рукахъ, даетъ намъ приказанія, дитя слу-

шается насъ и во всякомъ случаѣ, хочетъ оно того или не хочетъ, живетъ и растетъ подъ нашимъ вліяніемъ. Какъ же любить это двойственное и въ то же время единое существо? Какъ удовлетворить и мать, и дитя? Какъ примирить „воспоминаніе“ и „пророчество“? Какъ? Это все тотъ же вопросъ: въ чемъ истинный націонализмъ?

III.

Сравненіями и символами такіе вопросы не разрѣшаются.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ умахъ вырабатывалась и зрѣла идея „національнаго духа“. Въ этой идеѣ отвердилось и ранѣе смутно бродившее, но къ тому времени уже значительно окрѣпшее національное чувство и самочувствіе европейскихъ народовъ. Только два изъ крупныхъ народовъ Европы тогда же воплотили это чувство въ большихъ и дѣйствительно національныхъ политическихъ дѣлахъ. Французская революція была всецѣло проникнута національнымъ духомъ, была его подлиннымъ дѣломъ, сознательно и открыто провозглашеннымъ, какъ таковое. Когда это дѣло, сочетавшись съ традиціями абсолютной монархіи и создавъ такимъ образомъ якобинскую практику внѣшней и внутренней политики, привело Францію къ вооруженной борьбѣ почти со всей Европой,—противъ нея поднялась вся Англія. Антиякобинская реакція въ Англіи была глубоко народнымъ движеніемъ, и носителемъ этого движенія несомнѣнно было тоже подлинное національное чувство. Эти историческіе примѣры показываютъ, какое различное содержаніе можетъ облекаться въ одежду національнаго духа, способную украсить всякое, достаточно сильное, направленіе умовъ. Это—фактъ. Фактъ и то, что могучее психическое явленіе національнаго самочувствія, находящее себѣ простую формулу и форму въ ясной, повидимому, идеѣ національнаго духа, почти всегда искажаетъ и затемняетъ свою идею-форму, вытѣсняя ее изъ сознанія ея же преходящимъ историческимъ содержаніемъ. Формальная идея національнаго духа выражаетъ безконечный—съ точки зрѣнія отдѣльныхъ личностей и поколѣній—процессъ, содержаніе котораго постоянно течетъ, въ которомъ „сегодня“ всегда споритъ со „вчера“ и „завтра“, въ которомъ все, какъ бы оно ни строилось основательно, столь же основательно разрушается и перестраивается. Нѣтъ никакого опредѣленнаго психическаго содержанія, которое могло бы заявлять и поддерживать претензію на монопольное

обладаніе формою національнаго духа. Сегодня ты, завтра я—такъ можетъ сказать одно содержаніе, теченіе, направленіе другому. Коллективный духъ стихійнымъ процессомъ одно отберетъ, другое отброситъ и такъ далѣе, до безконечности. Никакая мысль, никакая форма—государственная или общественная—не можетъ быть неприкосновенна передъ этимъ могущественнымъ сверхъиндивидуальнымъ, или соборнымъ творчествомъ, за исключеніемъ тѣхъ условій, которыя обезпечиваютъ свободный ходъ и богатство самого великаго творческаго процесса. Къ познанію національнаго духа можно—mutatis mutandis—примѣнить слова Фауста о вѣрѣ въ Бога:

„Wer darf ihn nennen!?
Und wer bekennen:
Ich glaub' ihn.
Wer empfinden und sich unterwinden
Zu sagen: ich glaub' ihn nicht".

Или какъ сказалъ великій историкъ-мыслитель:

„Toute proposition, appliquée à Dieu, est impertinente, une seule excepтée: il est".

Между тѣмъ нашлись люди—и они-то и называютъ себя истинными націоналистами,—которые увѣрили себя и другихъ, что имъ удалось узрѣть національный духъ и снять съ него даже не одну фотографію въ разныхъ позахъ: религіозной, государственной, общественной. Эти изображенія они предлагаютъ всѣмъ и каждому, по нимъ они желаютъ лѣпить (или коверкать?) живое лицо народа. На кого похожъ русскій національный духъ: на Салтыкова или на Каткова, на митрополита Филарета или на Льва Толстого? Наши націоналисты рѣшаютъ очень просто этотъ вопросъ: они начиняютъ національный духъ своими идеями и приглашаютъ насъ поклониться и преклониться передъ этимъ ихъ собственнымъ духомъ, ихъ же указомъ возведеннымъ въ рангъ „національнаго". И, сдѣлавъ это, они посылаютъ въ соотвѣтствующее мѣсто ходатайство объ отдачѣ всѣхъ реальныхъ проявленій духовно-общественнаго творчества націи подъ надзоръ полиціи.

Въ 1863 г., въ разгаръ польскаго возстанія, Катковъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" блестящую, написанную энергичнымъ стилемъ, статью по поводу „Рокового вопроса", извѣстной славянофильской статьи Страхова, навлекшей запрещеніе на журналъ „Время". Страховъ проводилъ въ своей статьѣ мысль, что въ основѣ польскаго возстанія лежитъ борьба между запад-

ной, европейской и восточной, русской цивилизаціей и что поэтому значеніе польскаго возстанія, какъ историческаго факта, гораздо глубже и шире, чѣмъ это представляется большинству нашихъ патріотовъ. Обрушиваясь на эту точку зрѣнія, Катковъ высмѣиваетъ славянофильскую „метафизику“ и ея представителей, съ „трансцендентальной напряженностью“ отыскивающихъ „народныя начала“, и предлагаетъ имъ отказаться отъ этихъ мечтательныхъ исканій и стать на почву дѣйствительности. Статья Каткова—классическій манифестъ государственнаго позитивизма, обращенный противъ славянофильства. Въ этой статьѣ чувствуется уже вся позднѣйшая эволюція Каткова, чувствуется, что его государственный позитивизмъ съ русско-польскихъ отношеній обратится и на основные вопросы внутренней жизни и всѣ ихъ освѣтитъ холоднымъ казеннымъ свѣтомъ доктрины властной руки. Въ защитѣ европейской цивилизаціи противъ славянофильскаго отрицанія слышится позднѣйшая полицейско-утилитарная точка зрѣнія на нее. Между прочимъ Катковъ выставляетъ противъ славянофильства такое положеніе: „мы имѣемъ всѣ элементы великой, могущественной, столько же всемірной, сколько и народной цивилизаціи; но мы найдемъ эти элементы и воспользуемся ими только, когда перестанемъ искать ихъ“. Въ этихъ словахъ, въ краткой выразительной формулѣ, какъ бы собранъ весь основной смыслъ государственнаго позитивизма: не искать! Высказываясь такъ, Катковъ въ 1863 году еще не держалъ въ умѣ всѣхъ логическихъ слѣдствій этой поистинѣ роковой доктрины, сковывающей и мертвящей духовную и общественную жизнь русскаго народа. Въ то время онъ навѣрное еще вполнѣ искренно отшатнулся бы отъ многихъ изъ этихъ слѣдствій, если бы они были передъ нимъ раскрыты, если бы ему воочію предстали тѣ низины государственнаго позитивизма, въ которыхъ въ 80-хъ годахъ такъ громко раздавался его властный голосъ.

Совѣтъ Каткова: не искать!—обращенный къ славянофильству, былъ въ извѣстномъ смыслѣ неумѣстенъ, былъ не по адресу. Славянофильство тѣмъ грѣшило и грѣшитъ, что на мѣсто безконечнаго процесса исканія и творчества общественныхъ началъ оно поставило служеніе уже найденнымъ и готовымъ началамъ,—что оно тоже всѣмъ и каждому предлагало свои туманныя изображенія, списанныя съ національнаго духа. Разница между государственнымъ позитивизмомъ и славянофильствомъ въ томъ, что въ лучшія минуты и эпохи своей жизни славянофильство гнуша-

лось того terre à terre, куда его звалъ положительный Катковъ, который въ 1863 году, когда онъ еще отчасти чувствовалъ себя заодно съ реформаціоннымъ движеніемъ, охватившимъ тогда Россію, уже рекомендовалъ славянофиламъ „приравнять нашу мысль, наши понятія къ окружающей насъ дѣйствительности", а „идеалы будущаго" брезгливо называлъ „отговоркой для праздной и лѣнивой мысли" [1]). Настоящее славянофильство всегда мечтало. Имѣя готовыя формулы для національнаго духа, оно въ то же время увлекалось идеей свободнаго творчества и на дѣлѣ иногда смѣло отстаивало права того исканія, которое было такъ не по душѣ Каткову.

IV.

Говоря, что національный духъ воплощается въ безконечномъ, текучемъ по содержанію, стихійно-творческомъ процессѣ сверхъиндивидуальнаго или коллективнаго характера, мы не хотимъ превратить ни этотъ процессъ, ни его форму въ какое-то особое существо, пребывающее внѣ живыхъ людей и надъ ними властвующее. Наоборотъ, мы рѣшительно будемъ возражать и протестовать противъ такого превращенія, составляющаго лишь первый шагъ къ полицейскому закрѣпощенію національнаго духа за какой-нибудь идеей или интересомъ, могущимъ предъявить въ данный моментъ прочно укрѣпленныя, такъ называемыя „историческія" права. Нѣтъ ничего ошибочнѣе и вреднѣе, какъ превращеніе сложныхъ процессовъ общественнаго взаимодѣйствія, общественно-правовыхъ „отношній" въ особыя существа, или „ипостаси", противопоставляемыя реальнымъ и живымъ участникамъ этихъ отношеній. Это—грубая теоретическая ошибка, воспроизводящая въ области общественныхъ явленій старую метафизическую доктрину „реалистовъ", утверждавшихъ реальное бытіе общихъ понятій и превращавшихъ ихъ въ истинныя „сущности", управляющія, согласно этому взгляду, міромъ якобы призрачныхъ отдѣльностей, міромъ вещей. Какова бы ни была конечная метафизическая или онтологическая цѣнность этой точки зрѣнія, ея перенесеніе въ сферу общественно-государственныхъ отношеній, гдѣ дѣло идетъ о человѣческой личности, являющейся не только самою подлинною реальностью, но и единственнымъ, извѣстнымъ намъ изъ опыта, субъектомъ, должно быть во всякомъ случаѣ производимо

[1]) 1863 годъ. Собраніе статей по польскому вопросу. Вып. I, стр. 504.

съ величайшею осторожностью. Некритическій и безсознательный реализмъ или универсализмъ въ обществовѣдѣніи и политикѣ практически часто приводитъ къ грубымъ и чреватымъ вредными послѣдствіями заблужденіямъ. Такъ, когда мысленно создается фантастическое существо подъ именемъ государства, ему охотно приносятся въ жертву реальные интересы (въ самомъ широкомъ смыслѣ) объединенныхъ въ государственномъ общеніи людей. Но такъ какъ существо этого имени—фантастическое, въ дѣйствительности не существующее, то на мѣсто его, конечно, тотчасъ становится болѣе или менѣе обширная группа живыхъ людей, для которыхъ очень удобно давать своимъ, подчасъ низменнымъ, интересамъ высокую государственную санкцію. Это почти всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда текучее общественно-правовое отношеніе между людьми, именуемое государствомъ, превращается въ самостоятельное существо, или субстанцію, которое можно мыслить отдѣльно отъ живыхъ людей и ихъ взаимодѣйствія.

Всякое стремленіе связать принципіально и навсегда какое-нибудь опредѣленное содержаніе съ формой „національнаго духа“ теоретически означаетъ превращеніе его изъ формы текучаго по своему содержанію процесса въ застывшую сущность, съ разъ навсегда даннымъ содержаніемъ. Практически это—грубое посягательство на естественное право „исканія“, на право и обязанность человѣка, какъ такового, безконечно совершенствовать культуру. Отказаться отъ этого права и этой обязанности значитъ „обѣщать не быть человѣкомъ и не терпѣть, насколько хватаетъ моего вліянія, чтобы кто-либо былъ человѣкомъ“. Давая такое обѣщаніе, „я довольствуюсь званіемъ искуснаго животнаго. Я обязуюсь и обязываю всѣхъ остановиться на той ступени культуры, на которую мы взобрались. Бобръ и теперь еще строитъ такъ, какъ за тысячу лѣтъ строили его предки; пчела и теперь еще устраиваетъ свои соты такъ же точно, какъ тысячелѣтія тому назадъ ея родъ. Такъ и мы, и наши потомки, которые явятся черезъ тысячу лѣтъ, будемъ всегда строить нашъ образъ мыслей, наши теоретическія, политическія, нравственныя максимы такъ, какъ онѣ построены нынѣ! И такое обѣщаніе, даже если бы оно было дано, должно въ самомъ дѣлѣ имѣть силу? — Нѣтъ, человѣкъ, ты не могъ этого обѣщать; ты не имѣешь права отказываться отъ своего человѣческаго званія. Твое обѣщаніе противоправно и, стало быть, не имѣетъ юридической силы“. Такъ за-

щищалъ Фихте право на совершенствованіе культуры, этотъ „священный палладіумъ человѣчества“ [1]).

Стихійный процессъ коллективнаго творчества, въ которомъ раскрывается вѣчно себя отвергающій и преодолѣвающій національный духъ, одинаково для взора и теоретика, и практика вполнѣ видимымъ образомъ разлагается на реальныя жизненныя проявленія, стремленія и дѣйствія живыхъ личностей. Только тотъ взоръ видитъ общественную дѣйствительность со всѣмъ ея богатствомъ линій и красокъ, который ясно усматриваетъ это реальное соотношеніе коллективнаго процесса и его индивидуальныхъ слагаемыхъ. Личность творитъ коллективный процессъ и отъ него въ свою очередь получаетъ возбужденія къ дальнѣйшему творчеству. Весь процессъ исходитъ отъ личности и къ ней возвращается. Мы вовсе не забываемъ, что взаимодѣйствіе людей въ обществѣ создаетъ силы, количественно и качественно отличныя отъ суммы индивидуальныхъ силъ, участвующихъ въ этомъ взаимодѣйствіи. Мы не проповѣдуемъ наивнаго номинализма, для котораго общество есть механическое взаимодѣйствіе человѣческихъ атомовъ, личностей. Общество и общественныя образованія и въ нашихъ глазахъ представляются внушительными реальностями, въ мірѣ причинъ и слѣдствій имѣющими огромную власть надъ всякою эмпирическою личностью, оказывающими на личность сплошь и рядомъ подавляющее вліяніе. Но мы знаемъ также, что эмпирическій міръ являетъ намъ только одинъ субъектъ — человѣческую личность—и что на понятіи личности и ея самоопредѣленіи основывается вся нравственность и, стало-быть, всякая политика. Въ области должнаго, въ царствѣ цѣлей, не можетъ имѣть значенія ничто, посягающее на личность и ея самоопредѣленіе. Личность не есть единственная реальность въ общественномъ процессѣ, и потому невѣренъ крайній и исключительный соціологическій номинализмъ, но самоопредѣляющаяся личность есть абсолютная моральная основа всякаго общественнаго строенія, и въ этомъ смыслѣ индивидуализмъ есть абсолютное морально-политическое начало. Никакой общественно-политическій универсализмъ не можетъ быть признаваемъ, если онъ несовмѣстимъ съ индивидуализмомъ. Съ этой точки зрѣнія долженъ быть разсматриваемъ и соціализмъ, какъ этическая и политическая, т.-е.

---

[1]) Johann Gottlieb Fichte's Sämmtliche Werke. Herausgegeben von J. H. Fichte. Sechster Band. Berlin. 1845. S. 103—104.

культурная проблема. Подробное обоснованіе и развитіе этого положенія выходитъ однако изъ рамокъ настоящаго разсужденія.

Если вѣрно все вышесказанное, то мы имѣемъ въ немъ важное и непререкаемое указаніе, дающее отвѣтъ на поставленный нами въ заголовкѣ вопросъ: въ чемъ истинный націонализмъ?

Этотъ отвѣтъ не притязуетъ на открытіе сущности національнаго духа; наоборотъ, мы только что рѣзко высказали наше глубочайшее убѣжденіе, что національный духъ созидается въ вѣчно творческомъ процессѣ народной жизни, что онъ не застываетъ никогда ни въ какую сущность до тѣхъ поръ, пока не прекращается этотъ процессъ; что, поэтому, національный духъ не соизмѣримъ съ тѣми формулами, въ которыя его стремятся втиснуть отдѣльныя лица, направленія и поколѣнія, что онъ не тождественъ съ тѣми содержаніями, которыя націоналисты всѣхъ сортовъ такъ старательно пытаются одѣть его соблазнительною, вѣчно юною и пышною тканью. Никто и ничто, никакая формула, ни трехчленная, ни двухчленная, ни одночленная не можетъ и не имѣетъ права сказать: національный духъ это—я.

Мы рѣшительно отвергаемъ, какъ нелѣпое и—да будетъ позволено такъ выразиться—наглое притязаніе присвоить какимъ-нибудь содержаніямъ величество національнаго духа. Но мы знаемъ, какъ можно „въ духѣ и истинѣ“ служить этому величеству. Для этого нужно не указывать властной рукой творческому процессу жизни его путей, а пролагать и расчищать ихъ для свободнаго исканія, помятуя, что только свобода творчества обезпечиваетъ національной культурѣ полноту и богатство содержанія, красоту и изящество формы.

V.

Медленно, но неуклонно развивалась въ человѣчествѣ морально-общественная идея личности, какъ формальной основы и коренного условія нравственности.

Нравственно лишь то, что творится свободно, „автономно“, или, по прекрасному и выразительному русскому слову, самочинно. Провозглашеніе этой идеи въ этикѣ Кантомъ совпало приблизительно съ упроченіемъ идеи личной свободы, или автономіи личности, какъ начала государственно-политическаго или гражданскаго.

Напрасно находились и находятся софисты, льстецы силы, отрицающіе тѣсную и существенную связь этихъ двухъ сторонъ

одной и той же идеи—автономіи личности, и даже утверждающіе, что максимумъ гражданской несвободы обезпечиваетъ максимумъ нравственной свободы. Въ свободѣ рѣшенія заключается непремѣнное условіе нравственности дѣйствованія. Въ свободѣ дѣйствованія заключается непремѣнное условіе осуществленія въ дѣйствительности нравственнаго рѣшенія. Все, что дѣлаетъ невозможнымъ свободу моего дѣйствованія, посягаетъ и на всякое нравственное рѣшеніе, содержаніемъ котораго является это дѣйствованіе. Оно упраздняетъ его какъ дѣйствованіе. Пресловутая проповѣдь т. н. „внутренней свободы“, отвергающая т. н. „внѣшнюю“ свободу, оказывается такимъ образомъ проповѣдью безплодственной нравственности, нравственности, которая состоитъ въ добрыхъ намѣреніяхъ, но не доходитъ до добрыхъ дѣлъ, такъ какъ между ними и ею возвышаются рогатки, воздвигнутыя во славу нравственности, если вѣрить мнимымъ друзьямъ свободы и подлиннымъ слугамъ силы.

Тѣсная связь между свободой внутренней, свободой убѣжденія и свободой внѣшней, свободой дѣйствованія, удостовѣряется и исторіей человѣчества.

Средніе вѣка уже довольно отчетливо выработали и идею, и фактъ народнаго, точнѣе, сословнаго представительства. Но только новому времени было дано выдвинуть идею неотчуждаемыхъ или неотъемлемыхъ правъ личности. Обычно возникновеніе этой идеи относится на счетъ литературы XVIII вѣка, въ особенности Руссо, и ея главнѣйшими политическими обнаруженіями считаются американская и французская революція. На самомъ же дѣлѣ происхожденіе идеи неотчуждаемыхъ правъ человѣка болѣе раннее и иное. Оно тѣсно связано съ великимъ религіозно-культурнымъ движеніемъ XVI--XVII вв. Идея правъ человѣка возникла въ отвѣтъ на запросы духовнаго и даже, частнѣе и точнѣе, религіознаго сознанія, и ея родиной является индепендентская Англія [1]). Англійскіе индепенденты перенесли ее въ Америку, откуда она, въ свою очередь, перешла во Францію, помимо политической доктрины Руссо и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, вопреки ей. „То, что до сихъ поръ считалось дѣломъ революціи, въ дѣйствительности есть плодъ реформаціи и ея бореній. Первымъ

[1]) Это выяснено изслѣдованіями Вейнгартена, Ковалевскаго и въ особенности Іеллинека. Ср. чрезвычайно ясное и изящное изложеніе этого важнаго момента въ развитіи правосознанія человѣчества у П. И. Новгородцева въ его курсѣ „Исторіи философіи права“.

апостоломъ идеи неотчуждаемыхъ правъ человѣка является не Лафайетъ, а тотъ Роджеръ Вильямсъ, который, влекомый мощнымъ, глубоко религіознымъ энтузіазмомъ, идетъ въ пустыню, чтобы основать царство вѣроисповѣдной свободы, и имя котораго американцы еще теперь называютъ съ глубочайшимъ почтеніемъ„ [1]). Роджеръ Вильямсъ принадлежалъ къ той фракціи индепендентовъ, которая носила характерное названіе искателей (сикеровъ) и не признавала никакихъ предѣловъ для религіозной мысли. Соотвѣтственно этому, Вильямсъ явился сторонникомъ безусловной свободы совѣсти и вѣры. Переселившись въ Америку, въ Массачусетсъ, онъ былъ избранъ колоніей Салемъ въ священники. Но въ этой общинѣ еще не утвердился духъ вѣротерпимости, и Вильямсъ, требовавшій безусловной религіозной свободы и гражданскаго равенства не только для всѣхъ христіанъ, но также для евреевъ, турокъ и язычниковъ, не могъ ужиться въ Салемѣ. Съ нѣсколькими сторонниками онъ оставилъ эту колонію и основалъ въ 1636 г. городъ Провидансъ, который давалъ убѣжище всѣмъ преслѣдуемымъ за религію. Въ учредительномъ договорѣ основатели Провиданса обѣщаютъ повиновеніе законамъ, которые будутъ приняты большинствомъ, но „только въ гражданскихъ дѣлахъ“ (only in civil things), ибо религія вообще не можетъ быть предметомъ законодательства. Такъ была впервые въ учредительномъ актѣ провозглашена безусловная свобода совѣсти, какъ естественное, неотчуждаемое и неприкосновенное даже для народнаго представительства право человѣка.

Въ теченіе XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка это начало (съ большими или меньшими ограниченіями) вошло въ конституціи и хартіи англійскихъ колоній Америки, между тѣмъ какъ въ самой Англіи и вообще въ Европѣ оно еще вовсе не признавалось (на континентѣ проведеніе принципа свободы совѣсти составляетъ заслугу Фридриха Великаго). Свобода совѣсти съ ея необходимыми ближайшими слѣдствіями было первое признанное на практикѣ субъективное право человѣка, независимое отъ государства и принципіально для него неприкосновенное. Въ идеѣ и практикѣ такихъ правъ, на нашъ взглядъ, раскрывается и весь глубокій философскій смыслъ, и все огромное практическое значеніе знаменитаго ученія объ есте-

---

[1]) Іеллинекъ „Die Erklärung der Menschen u. Bürgerrechte“. Leipzig. 1895.

ственномъ правѣ, лежащаго въ основѣ всякаго истиннаго либерализма. Естественное право есть не только идеальное или желаемое право, призываемое или идущее на смѣну дѣйствующаго или положительнаго права; оно есть право абсолютное, коренящееся въ этическомъ понятіи личности и ея самоопредѣленія и служащее мѣриломъ для всякаго положительнаго права. Послѣднее своимъ согласіемъ съ абсолютнымъ правомъ должно доказать свою правомѣрность.

Историческое выясненіе абсолютнаго права нисколько не упраздняетъ и не умаляетъ его безусловной моральной цѣнности, точно такъ же, какъ чистая идея Бога не теряетъ ничего отъ того, что она есть въ извѣстномъ смыслѣ продуктъ историческаго развитія.

Абсолютное право не раскрывается сразу. Но, зная его этическое основаніе, мы можемъ въ инвентарѣ юридическихъ понятій современности безошибочно найти элементы, носящіе на себѣ непререкаемую печать абсолютнаго права. Таковы нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ правъ личности, прежде всего тѣ, которыя устанавливаютъ свободу выраженія мысли и изъявленія воли. Никакое объективное право, отрицающее такую свободу, не можетъ быть признаваемо правомѣрнымъ, хотя бы оно было, съ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ тонкостей, облечено въ форму закона и прошло чрезъ всенародное голосованіе.

Абсолютное право есть всегда право личности, или право субъективное. Мы не задаемся здѣсь разсмотрѣніемъ всего существующаго или мыслимаго состава права или правъ съ точки зрѣнія идеи абсолютнаго права—это выходитъ изъ рамокъ нашего разсужденія,—но желаемъ лишь выяснить основной смыслъ этой идеи. Абсолютное право раскроется и восторжествуетъ тогда, когда субъективныя права, образующія абсолютное право, совлекутъ съ себя несовершенную, охраняющую ихъ одежду, объективнаго права, перестанутъ быть юридическими нормами и опираться на принужденіе. Принужденіе тогда всецѣло уступитъ свободѣ. Это—та подымающая духъ перспектива, которая рисуется какъ идеалъ не только многимъ изъ современныхъ индивидуалистовъ (напр., Льву Толстому), но предносилась также и великому универсалисту Фихте, когда онъ обсуждалъ культурную проблему соотношенія свободы и принужденія [1]).

[1]) „Die Staatslehre oder über das Verhältnis des Urstaates zum Vernunftreiche in Vorlesungen, gehalten im Sommer 1813“. S. W. Vierter

Идея абсолютнаго права, какъ мы уже указали, составляетъ существенное и вѣчное содержаніе либерализма. Проблема либерализма, какъ она выяснилась для насъ, не исчерпывается вовсе вопросомъ объ организаціи власти; такимъ образомъ, она шире и глубже проблемы демократіи; демократія въ значительной мѣрѣ является лишь методомъ или средствомъ для рѣшенія проблемы либерализма. Далѣе, наша историческая справка показала намъ, какъ исторически невѣрна та весьма популярная и въ русскомъ обществѣ доктрина, согласно которой либерализмъ возникъ, какъ политическая система буржуазіи въ ея матеріальныхъ интересахъ. Согласно этой доктринѣ либерализмъ носитъ въ одно и то же время и „классовый", и „матеріальный" характеръ. Мы видѣли, наоборотъ, что либерализмъ—общенароднаго и идеальнаго происхожденія. Онъ возникъ въ отвѣтъ на запросы религіознаго сознанія и получилъ кровь и плоть въ нѣдрахъ общинъ, истинно демократическихъ, образовавшихся путемъ не миѳическаго, а реальнаго „общественнаго договора" [1]) на дѣвственныхъ земляхъ Америки. Первымъ словомъ либерализма была свобода совѣсти. И это слѣдуетъ хорошо знать и твердо помнить въ той странѣ, гдѣ либерализмъ еще не сказалъ ни одного слова. Я нарочно употребляю терминъ „либерализмъ". Вопреки ходячему взгляду на либерализмъ, какъ на нѣчто мягкотѣлое, половинчатое и безформенное, я разумѣю подъ этимъ словомъ строгое, точное, исключающее компромиссы воззрѣніе, проводящее рѣзкую грань между правомъ и неправомъ. Истинный историческій обликъ и морально-политическій смыслъ либерализма давно пора возстановить.

Мы желали бы отстранить возраженіе, что идея абсолютнаго права, составляющая, по нашему убѣжденію, истинное существо либерализма, есть только созданіе нашей фантазіи, котораго нѣтъ и слѣдовъ въ современной дѣйствительности. Къ счастью, мы можемъ сослаться не только на моральное сознаніе современнаго культурнаго человѣчества, но и на правосознаніе наиболѣе свободныхъ народовъ. Идеѣ абсолютнаго права личности противостоитъ доктрина, что всякое право есть созданіе всемогущаго

Band, S. 599. Ср. „Ueber Errichtung des Vernunftreiches". Siebenter Band. S. 574 ff.

[1]) Іеллинекъ справедливо указываетъ на огромное значеніе этого часто игнорируемаго факта (исторической реальности общественнаго договора) для науки государственнаго права.

государства и существуетъ только по его милости, и что поэтому носитель государственнаго суверенитета, государь-законодатель, какова бы ни была его организація, есть неограниченный правотворящій факторъ. Эта доктрина въ свое подтвержденіе обычно ссылается на всемогущество парламента по англійскому праву, доказывающее якобы всеобщность государственнаго абсолютизма [1]). Однако внимательный анализъ англійскаго права показываетъ, что власть парламента лишь въ чисто формальномъ смыслѣ, вовсе не исчерпывающемъ всего содержанія понятій права и правомѣрности, является безграничной. „Что государство, а потому парламентъ и король матеріально ограничены въ своей власти,—именно въ Англіи было всегда живымъ народнымъ убѣжденіемъ“ [2]). И дѣло тутъ вовсе не въ томъ лишь фактическомъ ограниченіи, которое всякая власть и всякое правительство находятъ въ общественномъ мнѣніи, по указанію Юма, и въ природѣ вещей, по указанію Лесли Стифена. Если поставить вопросъ, чѣмъ „матеріально“ ограничивается формально неограниченная власть англійскаго законодателя, то на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: правами англичанъ, т.-е. тѣмъ правомъ, „господство“ котораго составляетъ общепризнанную характерную черту политическаго строя Англіи, или, что то же, англійской конституціей, такъ называемые принципы которой „представляютъ индукціи или обобщенія, основанныя на отдѣльныхъ рѣшеніяхъ, произнесенныхъ судами относительно правъ данныхъ лицъ“ [3]). Формальный деспотизмъ „короля въ парламентѣ“ встрѣчаетъ матеріальныя ограниченія въ правахъ личностей [4]). Это и есть то, что́ мы высказали выше: абсолютное право личности есть фактъ (англійскаго) правосознанія.

Еще, пожалуй, яснѣе это для Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ федеральнаго государства, гдѣ „верховный вла-

---

[1]) Извѣстна шутка-изреченіе Делольма, что англійскій парламентъ можетъ сдѣлать все, только не можетъ превратить мужчину въ женщину.

[2]) Іеллинекъ, l. c.

[3]) А. В. Дайси: „Основы государственнаго права Англіи“ Пер. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова, Спб., 1891, стр. 148.

[4]) Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что законъ и юридическая доктрина англичанъ совсѣмъ не выработали понятія субъективныхъ публичныхъ правъ. Право живетъ не только въ законѣ и доктринѣ.

дыка есть деспотъ, котораго трудно разбудить“ [1]). Такъ какъ этотъ деспотъ фактически не законодательствуетъ, то въ американской республикѣ практически не существуетъ и той формально неограниченной власти, которая въ Англіи принадлежитъ парламенту. По существу положеніе вещей здѣсь то же, что и въ Англіи: законодательныя власти (федераціи и штата) ограничены конституціей, т.-е. правами гражданъ. Практически же верховенство конституціи чрезвычайно дѣйствительнымъ образомъ обезпечивается контролемъ абсолютно независимаго отъ законодательныхъ властей суда. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что въ американской республикѣ абсолютное право личности, присутствуя въ народномъ правосознаніи, не только фактически, какъ въ Англіи, регулируетъ правообразованіе, но и вполнѣ юридическимъ путемъ—путемъ судебной практики—ограничиваетъ законодательную власть. Вопроса о томъ, являются ли ограждаемыя такимъ порядкомъ субъективныя права личностей, по своему этическому содержанію, всегда заслуживающими званія абсолютнаго права, мы здѣсь не разбираемъ. Въ данномъ случаѣ мы ставили себѣ задачу лишь показать, что современному развитому правосознанію присуща идея правъ, независимыхъ по существу отъ положительнаго закона или права и стоящихъ выше его. Это и есть та коренящаяся въ моральномъ понятіи автономной личности идея абсолютнаго права, въ которой слѣдуетъ искать рѣшенія проблемы „правомѣрности права“.

Мы уже установили, что никакія коллективныя образованія человѣческаго духа не ведутъ существованія, особаго и отдѣльнаго отъ живыхъ человѣческихъ индивидуальностей. Они живутъ въ нихъ и о нихъ, ими и чрезъ нихъ. Въ такихъ образованіяхъ обнаруживается и выражается взаимодѣйствіе личностей. Ни государство, ни національный духъ не являются сущностями или субстанціями; еще того менѣе они — субъекты, которые можно было бы противополагать личности и духу индивидуальному. Въ эмпирическомъ мірѣ, а стало быть, и для политики есть одинъ только субъектъ—человѣческая личность. Поэтому общественно-политическое начало свободнаго національнаго творчества всецѣло сводится къ свободѣ индивидуальнаго творчества. Уваженіе къ національному духу, какъ коллективному творческому процессу, какъ вѣчному „исканію“, безусловно требуетъ признанія

[1]) Дайси, стр. 112.

государства и существуетъ только по его милости, и
этому носитель государственнаго суверенитета, госуд[illegible] весь
датель, какова бы ни была его организація, есть нес[illegible]анъ или
правотворящій факторъ. Эта доктрина въ свое [illegible]ла инди-
обычно ссылается на всемогущество парламент[illegible]ціонализмъ
праву, доказывающее якобы всеобщность госу[illegible]льнаго духа,
лютизма [1]). Однако внимательный анализъ [illegible]вянофильство
казываетъ, что власть парламента лишь [illegible]ональнаго куль-
смыслѣ, вовсе не исчерпывающемъ всего [illegible]ознымъ, полити-
и правомѣрности, является безграни[illegible]арственный позити-
потому парламентъ и король матер[illegible]ретическія и отвлечен-
власти,—именно въ Англіи было [illegible]ухъ, перевелъ на прак-
жденіемъ“ [2]). И дѣло тутъ вовс[illegible]исаній (часто прикрываясь
ограниченіи, которое всякая в[illegible]гда это было удобно, но въ
ходятъ въ общественномъ м[illegible]ее отбрасывая).
родѣ вещей, по указанію [illegible]славянофильства состоялъ въ томъ,
просъ, чѣмъ „матеріальн[illegible]шимъ „народныя начала“, узрѣвшимъ
ченная власть англійск[illegible] Никакое отдѣльное воззрѣніе на это при-
жетъ быть только од[illegible] должно. Абсолютныхъ матеріальныхъ
правомъ, „господст[illegible] бытія нѣтъ и быть не можетъ. Но зато мы
рактерную черт[illegible] правомъ сказать слѣдующее: въ историче-
англійской кон[illegible]ылось намъ абсолютное формальное начало
„представляю[illegible]свобода, или автономія личности, и это же са-
ныхъ рѣш[illegible]предстаетъ передъ нами, какъ абсолютное формаль-
данныхъ [illegible] національнаго творчества, какъ законъ познающаго
ментѣ“ [illegible] себя національнаго духа. Либерализмъ въ его чи-
ностей [illegible] т.-е. какъ признаніе неотъемлемыхъ правъ личности,
пра[illegible] должны стоять выше посягательствъ какого-либо кол-
зн[illegible]ктивнаго, сверхъ-индивидуальнаго цѣлаго, какъ бы оно ни было
Г[illegible]организовано и какое бы наименованіе оно ни носило, и есть
единственный видъ истиннаго націонализма, подлиннаго уваженія
и самоуваженія національнаго духа, т.-е. признанія правъ его
живыхъ носителей и творцовъ на свободное творчество и иска-
ніе, созиданіе и отверженіе цѣлей и формъ жизни. Правда ли-
берализма въ этомъ, вполнѣ точно очерченномъ, смыслѣ истори-
чески сказалась, между прочимъ, и въ томъ, что лучшее и наи-
болѣе достойное русское выраженіе ложнаго по существу мате-
ріальнаго націонализма, славянофильство, восприняло въ себя
основные элементы либерализма и твердо удерживало ихъ, пока
и поскольку оно уважало національный духъ и не стало просто
пышнымъ словеснымъ облаченіемъ, которымъ казенная доктрина

ственнаго позитивизма прикрываетъ свою духовную на-
сущности въ славянофильствѣ всегда происходило испол-
иннаго внутренняго драматизма противоборство ме-
икрѣпленія національнаго духа къ готовымъ, уже
однымъ началамъ“ и идеей свободнаго творче-
духа, между ложнымъ матеріальнымъ и истин-
аціонализмомъ. Свободное же творчество на-
лимо ни помимо свободы индивидуальнаго
менѣе вопреки ей. Поэтому, защищая сво-
національнаго духа, славянофильство, оставаясь
деѣ, не могло не стоять за права личности и про-
щества организованнаго въ государствѣ принужденія.
концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг. Б. Н. Чичеринъ
пилъ защитникомъ охранительныхъ началъ [1]) и, между
очимъ, въ своей вступительной лекціи къ курсу государствен-
наго права (1861 г.) съ особеннымъ удареніемъ указалъ на зна-
ченіе принципа формальной законности [2]), Иванъ Аксаковъ
въ замѣчательной статьѣ противопоставилъ этому призыву къ
подчиненію положительному праву краснорѣчивую защиту права
естественнаго, или абсолютнаго. Намъ нѣтъ надобности разби-
рать, въ какой мѣрѣ Аксаковъ былъ правъ, выставляя г. Чиче-
рина крайнимъ государственникомъ. Насъ интересуетъ здѣсь только
его рѣшительное выступленіе на защиту „субъективныхъ“ и
„естественныхъ“ правъ противъ „объективнаго“ и „положитель-
наго“ права [3]). Въ наше время, писалъ въ 1861 г. знаменитый
публицистъ-славянофилъ, „проявляется воочію ходъ исторіи, слы-
шится трепетъ новыхъ пробудившихся жизненныхъ силъ! Эти
силы, еще нестройныя, не сложившіяся, нерѣдко безобразныя,
волнуются и мятутся, требуютъ и не находятъ ни правильнаго

[1]) Въ публицистическихъ статьяхъ, собранныхъ въ сборникѣ „Нѣ-
сколько современныхъ вопросовъ“, Москва, 1862. Г. Чичеринъ никогда
не былъ просто консерваторомъ, но въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг.
онъ очень рѣшительно выступилъ въ роли защитника начала авто-
ритета.

[2]) Указ. сборн., стр. 23—45.

[2]) Взгляды г. Чичерина 60-хъ гг. отличаются отъ его новѣйшихъ
взглядовъ въ этомъ кардинальномъ пунктѣ. Ср. по тону и содержанію
главу о личныхъ правахъ въ „Народномъ представительствѣ“ 1866 г.
(стр. 480 и сл.) и туже главу въ „Философіи права“ 1900 г. (стр. 105 и
сл.). Знаменательное измѣненіе, результатъ побѣды идеалистической ме-
тафизики надъ соціологическимъ и юридическимъ позитивизмомъ!

исхода, ни нормы для своего проявленія. Какъ рѣка въ своемъ стремленіи, обогащенная притокомъ новыхъ водъ, сворачиваетъ со дна неподвижные камни, несетъ съ чистой влагой песокъ и мусоръ, рветъ плотины, ищетъ себѣ новаго вмѣстилища и русла,—такъ пытливая и кипучая эта жизнь инстинктивно чуетъ ложь во многомъ, что выдавалось ей доселѣ за непреложную истину, и съ дерзкою самонадѣянною безразборчивостью, отрицая сплошь всѣ принятыя установившіяся опредѣленія, разбиваетъ шаткія подножія старыхъ кумировъ и смутно ищетъ истины, передъ которою могла бы и должна была бы смириться. Ей нужно бы услышать путеводное слово, нужно бы принять въ себя благотворную, зиждительную силу сознательной мысли, прогрѣться лучами истиннаго знанія и живой науки, которыя бы отдѣлили въ ней ложь отъ правды и добро отъ зла и дали бы отвѣтъ на ея новые, жизненные, историческіе запросы... А между тѣмъ, съ холодныхъ высотъ ученыхъ каѳедръ раздается отрицаніе самой жизни, ея смысла, значенія и правъ! Наука, или та повершенная и замкнутая, со всѣхъ сторонъ отшлифованная и отдѣланная теорія, которая выдаетъ себя за науку, возвѣщаетъ намъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ мертваго государственнаго механизма, что все совершается и должно совершаться отъ власти и посредствомъ власти,—въ какой бы формѣ она ни проявилась, лишь бы носила она на себѣ печать внѣшней законности,—что, наконецъ, сама жизнь, слѣдовательно и жизнь духа, есть одно изъ отправленій или функцій государственнаго организма. Съ точки зрѣнія такой несчастной доктрины нѣтъ мѣста внѣ порядка государственности никакому свободному творчеству народнаго духа. Начало внѣшнее, начало принудительное... начало правды формальной и условной ставится выше начала внутренней свободы, правды и совѣсти. Все живетъ и движется и обязано двигаться по однажды заведенному и механически разсчитанному механизму. Самонадѣянно и близоруко пытается эта доктрина опредѣлить вѣсъ, плотность и емкость человѣческаго духа и органической силы жизни и отмѣрить только такое количество, какое, по ея неизбѣжно ограниченнымъ соображеніямъ, нужно для правильнаго хода государственной машины... Государство, конечно, необходимо, но не слѣдуетъ вѣрить въ него, какъ въ единственную цѣль и политическую норму человѣчества. Общественный и личный идеалъ человѣчества стоитъ выше всякаго совершеннѣйшаго государства, *точно такъ*, какъ совѣсть и внутренняя правда стоятъ выше за-

кона и правды внѣшней... Законъ не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрѣшимое изреченіе оракула, не подверженное измѣненіямъ: онъ имѣетъ значеніе ограниченное и временное, и безсмысленъ законъ, носящій въ себѣ притязаніе уловить въ свои тѣсныя рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни. Самое „право“ не есть нѣчто само для себя и по себѣ существующее, неспособное выражать полноты жизни и правды, оно должно вѣдать свои предѣлы и находиться, такъ сказать, въ подчиненномъ отношеніи къ жизни и къ идеѣ высшей нравственной справедливости“ [1]).

Свое разсужденіе Аксаковъ резюмируетъ въ словахъ: „мы хотѣли... заявить... наше несогласіе съ провозглашенной теоріей, безразлично требующей духовнаго поклоненія всякой сигнатурѣ закона, безъ вниманія къ его содержанію, и духовно рабствующей предъ внѣшнимъ, условнымъ, принудительнымъ началомъ“ [2]).

Пусть не обманываетъ читателя то, что Аксаковъ говоритъ объ отношеніи государства не къ личности, а къ народу и обществу. Народъ и общество живутъ въ личностяхъ и личностями и никакого независимаго отъ нихъ существованія не ведутъ. Только недомысліе или, еще хуже, лицемѣріе могло бы говорить о свободномъ творчествѣ народнаго духа при безправіи личности. Но Иванъ Аксаковъ не былъ ни недомысломъ, ни лицемѣромъ. Придерживаясь условной и неправильной терминологіи, коренящейся въ туманности всей славянофильской общественной теоріи, онъ такія права личности, какъ свободу совѣсти и свободу слова, именовалъ правами неполитическими. Но съ тѣмъ большей силой и горячностью онъ отстаивалъ эти права. Съ чисто религіознымъ паѳосомъ онъ писалъ о свободѣ слова: „Мысль, слово! это—та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безмысленны и безсловесны только скоты, и только разумъ, иначе слово, уподобляетъ человѣка Богу. Мы, христіане, называемъ самого Бога Словомъ. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ—

---

[1]) Передовая статья въ „Днѣ“ отъ 11 ноября 1861 г. „Полное собраніе сочиненій“, т. II, Москва, 1886 г., стр. 17, 18, 19, 20.

[2]) Тамъ же стр. 21. Г. Чичеринъ прямо не названъ въ статьѣ, но она безспорно направлена противъ него, что видно изъ писемъ Аксакова къ гр. А. Д. Блудовой, содержащихъ любопытный историческій комментарій къ отвлеченнымъ разсужденіямъ статьи. Ср. „Ив. Серг. Аксаковъ въ его письмахъ“, ч. II, т. IV. Спб., 1896. (Изд. Имп. публичной библіотеки).

не только совершать святотатство Божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ. Свобода жизни разума и слова—такая свобода, которую по настоящему даже смѣшно и странно формулировать юридически, или называть правомъ: это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условіе самаго человѣческаго бытія; при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни вмѣнять что-либо ему въ преступленіе; умерщвленіе жизни мысли и слова—самое страшнѣйшее изъ всѣхъ душегубствъ!“ [1]).

О свободѣ совѣсти этотъ нелицемѣрно вѣрный сынъ православной церкви говорилъ:

„Свобода совѣсти отъ нея (церкви) неотъемлема, потому что свобода совѣсти, свобода воли, вообще дарованная Богомъ человѣку свобода духа есть ея стихія .....самое понятіе о церкви предполагаетъ уже свободную совѣсть. Развѣ можетъ быть церковь Божія понята внѣ вѣры въ Бога? Конечно, нѣтъ, отвѣтятъ намъ, это—безсмыслица. А можетъ ли быть вѣра не по совѣсти, вѣра внѣ совѣсти? Немыслимо, ибо вѣра есть союзъ человѣческой совѣсти съ Богомъ. Если такъ, то, говоря „совѣсть“, разумѣемъ ли мы совѣсть свободную или несвободную? Конечно,—только свободную, ибо несвободная совѣсть не есть уже совѣсть, а отрицаніе совѣсти. Подойдемъ къ дѣлу съ другой стороны. Если спрашивается отъ людей вѣра, то какая: искренняя ли и чистосердечная, или же фальшивая и лицемѣрная? Отвѣтъ несомнѣненъ. Возможно ли же совмѣстить искренность вѣры съ неискренней совѣстью? Это опять безсмыслица. Стало быть, когда спрашивается отъ людей вѣра, то этимъ самымъ спрашивается отъ нихъ искренняя совѣсть. Не такъ ли? А можетъ ли быть искреннею совѣсть насилованная, т.-е. не свободная совѣсть? Вопросъ, кажется, излишенъ. Поэтому, если церковь не можетъ быть понята внѣ вѣры, то, стало быть, она не можетъ быть понята и внѣ свободной совѣсти“ [2]).

---

[1]) Передовая статья „Дня“ отъ 23 января 1863 г. „Полное собраніе“, т. IV, стр. 399.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 105. (Передовая статьи „Москвы“ отъ 2 августа 1868 г.).

Говоря, что существеннѣйшія права личности—свобода совѣсти и свобода слова—суть права неполитическія и потому не зависятъ отъ государства и для него неприкосновенны, наиболѣе близкій къ дѣйствительной жизни общества и наиболѣе умудренный общественно-политическимъ опытомъ представитель славянофильства, на свой славянофильскій ладъ, исповѣдывалъ и проповѣдывалъ идею естественнаго (абсолютнаго) права, или неотъемлемыхъ правъ личности, т.-е. именно ту идею, которая исторически и логически составляетъ зерно либерализма, его подлинное существо. Эта проповѣдь правъ личности давала реальный и въ то же время глубоко идеальный смыслъ и жизненную правду идеѣ „свободнаго творчества народнаго духа", низводя ее съ облаковъ такихъ опасныхъ „универсалій", какъ народъ или нація, на ясно очерченную и твердую почву недоступнаго никакимъ софизмамъ индивидуальнаго бытія человѣка. Въ своемъ разграниченіи правъ „неполитическихъ" и „политическихъ" и въ своемъ отрицаніи правового характера за важнѣйшими правами личности, несмотря на всю невѣрность этого разграниченія и этого отрицанія, славянофильская „политика" была ближе къ истинѣ, чѣмъ новѣйшій, примыкающій къ Гоббсу и Руссо, политическій позитивизмъ, такъ недавно еще торжествовавшій полную побѣду надъ идеей „естественнаго права" и всякое право сводящій къ государству и изъ него выводящій. Для этого воззрѣнія не существуетъ субъективныхъ правъ, независимо отъ воплотившейся въ объективномъ правѣ волѣ Левіаѳана-государства и вопреки ей. Оно забываетъ историческое происхожденіе основъ современнаго правового государства изъ борьбы личности и общества противъ государственной власти за свободу религіознаго убѣжденія; забываетъ, что для современнаго сознанія право, посягающее на права личности, не можетъ быть ни въ какомъ, даже условномъ, смыслѣ облечено достоинствомъ правовой нормы. Славянофильское государственное воззрѣніе глубоко ошибалось только въ томъ, что, вопреки исторіи и здравому смыслу, оно не связывало реальнаго признанія независимыхъ отъ объективнаго права или закона и ему логически предшествующихъ субъективныхъ правъ съ господствомъ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ. Если нуженъ былъ экспериментъ въ этомъ смыслѣ, то всѣ послѣднія 20—25 лѣтъ нашей исторіи представляютъ подобный экспериментъ, произведенный на живомъ тѣлѣ русскаго народа и общества и свидѣтельствующій съ такимъ краснорѣчіемъ, которое до-

ступно только человѣческимъ дѣламъ и событіямъ, но не человѣческимъ словамъ. Онъ, этотъ экспериментъ, а не что иное, убилъ славянофильство. Да, оно убито!.. Славянофилитъ „Новое Время", славянофилятъ даже „Московскія Вѣдомости", на разные голоса славянофилитъ „Русское Собраніе", но славянофильства и славянофиловъ нѣтъ. Неумолимая жизнь, подхвативъ ихъ туманное изображеніе національнаго духа, своею рукой подрисовала и разрисовала его, какъ усердный реставраторъ—старую картину, какъ ретушеръ—расплывчатый фотографическій оттискъ: на мѣсто туманно-красивыхъ очертаній и переливовъ „народныхъ началъ" выступили совершенно свободныя отъ всякой поэзіи, но зато и недвусмысленныя опредѣленія положительнаго права. Представьте себѣ, что какой-нибудь варваръ въ искусствѣ, найдя чудесный пейзажъ Левитана послѣдней манеры, вздумаетъ его, исправивъ и подправивъ, разрисовавъ и разцвѣтивъ по своему варварскому вкусу, „приравнять къ жизни". Онъ погубитъ картину. Такъ была загублена и славянофильская картина грубыми и грязными руками, ее подхватившими. А съ картиной умеръ и художникъ.

Дѣло въ томъ, что политика, основанная на морали, должна быть строга и точна, не должна терпѣть тумана, хотя бы и красиваго. Этихъ свойствъ не доставало славянофильской политикѣ въ ея цѣломъ и, прежде всего, не доставало ей, какъ практическому ученію. Она постоянно колебалась между началами свободы и авторитета, не зная, за которымъ изъ нихъ признать первенство, между отвердѣвшими формами и вѣчно живымъ, развивающимся содержаніемъ, между найденнымъ, закрѣпленнымъ и исканіемъ.

VII.

Есть одно возраженіе противъ высказанныхъ нами взглядовъ, которое мы не желали бы обойти, такъ какъ оно подымаетъ рядъ интересныхъ вопросовъ.

Намъ скажутъ, что начало свободы или автономіи личности, для политики открытое великимъ религіознымъ движеніемъ XVI—XVII вв., въ морали окончательно утвержденное Кантомъ, могло проявить свое дѣйствіе только съ тѣхъ поръ, какъ оно было сознано, провозглашено и проведено въ жизнь, что составило для западнаго міра великую работу эпохи съ XVI по XIX вѣкъ, а до тѣхъ поръ творчество національнаго духа обходилось безъ дѣйствія этого начала,—и творились великія національныя

культуры. Поэтому, заключатъ иные, начало свободы не нужно для творчества національнаго духа.

Разсужденіе это никуда не годится. До XIX вѣка люди обходились безъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ и, несмотря на это, они передвигали себя и передвигали товары, переплывали моря, открывали новые материки, проникали въ глубь неизвѣстныхъ странъ, восходили на горы и переходили черезъ нихъ. Новѣйшіе пути и средства сообщенія не создали самой возможности передвиженія. Значитъ ли это, что человѣчеству слѣдуетъ обходиться безъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ? Такое же точно разсужденіе примѣнимо и къ началу свободы. Оно есть одно изъ условій, но не единственное условіе творчества національнаго духа и національной культуры. Чисто духовное начало свободы превосходитъ однако по своему значенію всѣ техническія и матеріальныя условія культуры. Прежде всего—потому, что оно возвышаетъ самый главный органъ культуры, человѣка. Но—и это еще существеннѣе—оно не только условіе и средство, оно—цѣль культуры. Вспомнимъ опредѣленіе культуры, данное Фихте въ словахъ, взятыхъ нами эпиграфомъ къ настоящей статьѣ. Культура въ этомъ смыслѣ можетъ только подготовляться путемъ принужденія, но осуществляется она свободою и для свободы. И разъ въ сознаніе живыхъ носителей культуры, хотя бы они составляли и меньшинство націи, вошло начало свободы, отказъ отъ него невозможенъ. Оно пріобрѣтаетъ для духа, его сознавшаго, абсолютное достоинство, ибо въ немъ выражается и даетъ о себѣ знать метафизическая природа человѣческаго духа, какъ вѣчной и самоопредѣляющейся субстанціи. А такъ какъ понятіе объ этой метафизической природѣ образуетъ одну изъ основныхъ идей христіанства, то утвержденіе идеи свободы или автономіи личности въ области моральной и политической есть ни что иное, какъ практическое раскрытіе христіанской идеи о человѣческомъ духѣ, раскрытіе не только важное, но и безусловно цѣнное съ точки зрѣнія религіи... Не нужно страшиться такихъ сближеній земного и преходящаго съ Высшимъ и Вѣчнымъ; наоборотъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы вскрывать связь между конечными требованіями реальной (земной) жизни съ высшими и вѣчными идеями религіознаго сознанія.

Такимъ образомъ, начало свободы есть не только важный и прямотаки могущественный рычагъ, но и абсолютно цѣнное условіе-цѣль творчества національнаго духа и національной культуры.

VIII.

Современная культура, культура второй половины XIX и начала XX вѣка знаменуется при необычайномъ прогрессѣ техники невиданнымъ доселѣ усовершенствованіемъ государственнаго механизма. Въ литературѣ ведется споръ о томъ, расширилась ли въ исторіи сфера господства и вліянія государства. Одни полагаютъ, что она расширилась, другіе — что она сузилась. Намъ думается, что вопросъ поставленъ неправильно, и что спорятъ потому, что подъ однимъ словомъ разумѣютъ различныя вещи. Современное правовое государство, поскольку оно признало неотъемлемыя права личности, разумѣется, сузило юридически и фактически сферу государственнаго властвованія. Но, съ другой стороны, создались, во-1-хъ, новыя области и явленія жизни, которыя—однѣ сразу, другія—постепенно, подпали подъ власть и вліяніе государства; во-2-хъ, новый обширный государственный аппаратъ со своими точно работающими приспособленіями дѣйствительно проникъ въ такія области, которыя были ему прежде недоступны. Въ зависимости отъ того, чему мы придадимъ большее значеніе, расширенію ли правъ личности и ихъ признанію и отвержденію въ правѣ, или распространенію государственнаго верховенства и вліянія на прежде свободныя отъ него и даже вовсе не существовавшія стороны и явленія жизни, мы склонимся либо въ пользу ученія объ убывающемъ могуществѣ государства, либо, наоборотъ, въ пользу противоположнаго ученія объ его возрастаніи. Споръ будетъ безплоденъ, потому что будетъ вестись о различныхъ вещахъ. Не слѣдуетъ далѣе забывать, что самыя реальныя явленія, объединяемыя подъ наименованіемъ государства и его функцій, измѣнили въ исторіи свой характеръ. Съ переходомъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени измѣнился не только внѣшній объемъ государства или, вѣрнѣе, государствъ, но и сложилось самое явленіе государства въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ, государства, какъ единаго идеальнаго носителя единой и нераздѣльной власти. Теперь вездѣ, на всемъ пространствѣ „цивилизаціи“, сложилось и дѣйствуетъ государство въ этомъ смыслѣ. Затѣмъ, степень техническаго могущества государства измѣняетъ въ извѣстномъ смыслѣ и самую природу отношеній его къ тѣмъ или инымъ сторонамъ жизни. Большая разница, напримѣръ, существуетъ ли свобода собраній фактически, т.-е. потому, что нѣтъ полиціи или она несовершенна, или же

потому, что государство принципіально признаетъ такую свободу, хотя оно обладаетъ всѣми техническими средствами для того, чтобы прослѣдить собравшихся и разогнать ихъ. Быть можетъ, собранія первыхъ христіанъ фактически происходили такъ же безвозбранно, какъ теперь собранія на лондонскомъ Трафальгаръ-Скверѣ, но общественная природа безвозбранности въ томъ и другомъ случаѣ глубоко различна, и это различіе опредѣляется для нашей эпохи въ одно и то же время и бо̀льшимъ матеріальнымъ могуществомъ государства, и бо̀льшей свободой личности. Государство могущественно, для его органовъ надзора и принужденія нѣтъ ничего слишкомъ труднаго или невозможнаго, но предъ отвержденными въ правѣ правами личности это полицейское всемогущество бездѣйствуетъ. Въ качествѣ символа этого бездѣйствія въ моей памяти возстаетъ расхаживающій по Трафальгаръ-Скверу полисменъ, неукоснительно подымающій всякаго, кто вздумаетъ вытянуться на скамейкѣ площади (такого права нѣтъ), но совершенно равнодушный къ собравшемуся на площади митингу, слушающему яростныя діатрибы противъ современнаго общества (собираться на улицѣ, безъ помѣхи проходу и проѣзду, и говорить о чемъ угодно въ Англіи воленъ всякій).

Матеріальное могущество современнаго государства есть, такимъ образомъ, совершенно новый и специфическій факторъ, характерный для нашей эпохи. Культурное значеніе его, очевидно, совершенно различно въ зависимости отъ того, противостоитъ ли государству, вооруженному всѣми новѣйшими пріобрѣтеніями промышленной, административной и иной техники, облеченная правами личность или нѣтъ. Иначе говоря, что значитъ ростъ матеріальнаго могущества государства, создаваемый и обезпечиваемый прогрессомъ техники всякаго рода, тамъ, гдѣ права личности не отвердились въ правѣ, гдѣ господство или признаніе права объективнаго не сопровождается безусловнымъ признаніемъ правъ субъективныхъ? Эта проблема, имѣющая огромный интересъ для философіи культуры, а стало быть, и права, есть въ то же время, по нашему глубочайшему убѣжденію, основная, поглощающая всѣ остальныя, проблема современной русской культуры.

Можетъ существовать общество, которое живетъ лишь стихійною жизнью, не ощущаетъ никакой потребности и не въ силахъ двигать культуру, т.-е. сознательно ставить и самочинно разрѣшать ея задачи; общество, гдѣ все можетъ идти впередъ

только по мановенію государства, его силами, по его указкѣ; общество, которое разсматриваетъ культуру, какъ государственную повинность и предъ которымъ культура выступаетъ въ образѣ полиціи (не въ фигуральномъ, а въ научномъ смыслѣ этого слова). Таковымъ было въ общемъ и цѣломъ русское общество на всемъ пространствѣ XVIII вѣка. Современное русское общество не таково. Отъ вершинъ интеллигенціи (въ лицѣ національнаго героя мыслящей Россіи, Льва Толстого) и до низинъ народныхъ оно сознательно и самочинно творитъ культуру, работая надъ разрѣшеніемъ высшихъ ея задачъ—религіозныхъ, выдвигая ихъ, какъ христіанство первыхъ вѣковъ и реформація новаго времени, рядомъ и въ связи съ проблемами моральными и соціальными. Этой особенности нашего времени—упорной работѣ народнаго сознанія надъ религіозной проблемой (работѣ, которая не есть просто мучительное недоумѣніе, какимъ былъ расколъ), мы придаемъ огромное значеніе: въ ней видится намъ явственный знакъ культурной зрѣлости русскаго народа въ его цѣломъ и благое предзнаменованіе широкаго подъема національной культуры. Какъ ни тягостны тѣ условія, въ которыхъ происходитъ процессъ творчества національной культуры, мы готовы съ радостнымъ сердцемъ повторить классическія слова Гуттена: Die Geister sind erwacht: es ist Lust zu leben! Да, они проснулись! Въ разныхъ мѣстахъ, подъ разными широтами, на томъ необъятномъ пространствѣ, гдѣ раскинулось русское племя, творится культура, и творится человѣческою личностью, притязающею на самочинное мышленіе и такое же строительство личной и общественной жизни.

Но что встрѣчаетъ на пути своего творчества деміургъ народнаго духа, человѣческая личность?

VIII.

Вотъ тутъ-то снова передъ нами возстаетъ поставленный выше вопросъ о культурномъ смыслѣ роста и усовершенствованія государственнаго механизма при безправіи личности. Никогда, ни въ одну историческую эпоху отсутствіе у личности отвержденныхъ въ правѣ правъ не грозило такою культурною опасностью, какъ въ вѣкъ огромныхъ государствъ съ превосходною сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, съ ихъ точно работающимъ, „просвѣщеннымъ“ бюрократическимъ „аппаратомъ“. Современная техника, конечно, оказываетъ огромныя услуги личности

и ея смѣлымъ исканіямъ новыхъ путей и содержаній жизни. Но не даромъ она основана на принципахъ концентраціи и централизаціи силы, девизъ которыхъ: у кого мало, у того отнимется и малое, у кого много тому и дастся многое. Тамъ, гдѣ централизованный государственный механизмъ завѣдуетъ всѣмъ, указуетъ всему предѣлъ и мѣру, всюду проникаетъ, все улавливаетъ, управляетъ настоящимъ и стремится преднаправить будущее,— тамъ современная техника (въ широчайшемъ смыслѣ этого слова) неизмѣримо больше идетъ на пользу централизованному аппарату власти, чѣмъ самодѣятельной личности.

Если „христіанство не нуждалось ни въ свободѣ печати, ни въ свободѣ собраній для того, чтобы завоевать міръ“ [1]), то только потому, что оно пользовалось въ сущности почти безпредѣльной свободой слова и общенія [2]). Въ тѣ эпохи, когда техническія средства государства и власти были крайне несовершенны и произволъ не былъ еще упорядоченъ, его господство было гораздо менѣе всеобъемлющимъ и потому менѣе вреднымъ для культурнаго и въ особенности для духовнаго творчества, чѣмъ въ наше время. Не было ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, но зато не было ни цензуры, ни полиціи, и не могло ихъ быть, потому что и эти учрежденія требуютъ для своего развитія и усовершенствованія извѣстныхъ техническихъ средствъ. Извѣстно, что въ классической странѣ свободы печати цензура пала не только или не столько вслѣдствіе яснаго сознанія ея неправомѣрности, какъ таковой, сколько въ силу техническихъ несовершенствъ полицейскаго аппарата, ее осуществлявшаго и не сумѣвшаго устранить „мелкихъ несправедливостей, вымогательствъ, придирокъ, стѣсненія торговли, квартирныхъ обысковъ“. Ссылаясь на эти неудобства, палата общинъ отказалась возобновить „Актъ о разрѣшеніи“. „Таковы были аргументы, — говоритъ Маколей, — которые сдѣлали то, что не удалось Мильтоновой Ареопагитикѣ“ [3]). Англійская свобода вообще исторически связана съ неповоротливостью государственнаго, или, иначе, административнаго аппарата Англіи.

Отсюда ясно, что тамъ, гдѣ субъективныя права не отвер-

---

[1]) Renan. L'avenir de la science, 4-me éd. Paris, 1890, p. 359.

[2]) Тамъ же: En Judée sous Ponce Pilate le droit de réunion n'était pas reconnu et de fait on n'en était que plus libre de se réunir: car, par là même que le droit n'était pas reconnu, il n'était pas limité.

[3]) Дайси, стр. 198—199.

ждены въ правѣ, техническій (въ широкомъ смыслѣ слова) прогрессъ, подхватываемый и усвоиваемый всего лучше и полнѣе централизованнымъ государственнымъ аппаратомъ въ нѣкоторыхъ, и очень существенныхъ, отношеніяхъ ухудшилъ и ухудшаетъ позицію личности, какъ творца новой культуры, какъ искателя новыхъ путей.

Въ этомъ заключается огромное культурное зло, источникъ, обильно питающій въ обществѣ грубѣйшій матеріализмъ и угрожающій національной культурѣ оскудѣніемъ животворными духовными силами, порывами и интересами. Въ самомъ дѣлѣ, область культурнаго творчества оказывается произвольно раздѣленной на двѣ части. Та часть, которая представляетъ непосредственное поприще для человѣческаго духа, гдѣ творится религіозная, политическая и общественная культура, всячески ограждается отъ вторженія свободнаго почина личности и свободныхъ союзовъ; здѣсь господствуетъ принципъ, недавно съ холопскимъ цинизмомъ вылитый въ формулу: „никакого сомнѣнія въ разумности приказаннаго“. Зато личности и свободнымъ союзамъ довольно „либерально“ предоставляется низменная сфера матеріальныхъ интересовъ, здѣсь дозволяется нѣкоторая свобода, и сюда же направляется главный потокъ попечительныхъ заботъ, грубо, на восточный ладъ, воспроизводящихъ знаменитое: Enrichissez vous. Исканіе новыхъ путей для духа и жизни замѣняется погоней за матеріальными выгодами и наслажденіями. Такъ національная культура пропитывается и отравляется ядомъ практическаго матеріализма; особенно и даже исключительно пагубно это отражается на высшихъ классахъ населенія, для которыхъ участіе въ выгодахъ обогащенія гораздо легче и гораздо осязательнѣе, чѣмъ для народной массы, до сихъ поръ неизмѣнно остававшейся и остающейся за штатомъ на банкетѣ міра сего. Между тѣмъ изъ этихъ классовъ вербуется большая часть интеллигенціи, оказывающей, въ лицѣ бюрократіи, такое властное вліяніе на всю народную жизнь. Есть надъ чѣмъ задуматься. Философствующіе умы имѣютъ право и обязанность указывать на эту опасность для духовной культуры націи.

Но зло, хотя и велико, однако несетъ въ себѣ зародышъ своего уничтоженія. Къ счастью, отвлеченная философія судитъ болѣе здраво и оказывается болѣе дальновидной, чѣмъ практическая политика. Философія знаетъ, что духъ человѣка есть великій деміургъ культуры и что нельзя безнаказанно устранять

его отъ этой законно ему принадлежащей задачи. Знаетъ она также, что политическій матеріализмъ, мечта котораго всѣхъ Марій превратить въ Марѳъ, всегда оказывался въ исторіи обманщикомъ и обманутымъ. Всѣ матеріальные успѣхи и улучшенія въ концѣ концовъ не подкупаютъ и не усыпляютъ духа, а, наоборотъ, его бодрятъ, возбуждаютъ и движутъ впередъ. Призывъ: „духа не угашайте“, можно дополнить увѣреніемъ, что духа никогда не угасить, что это есть мечта, которой грозитъ самое жалкое разочарованіе...

IX.

Можно и должно относиться съ уваженіемъ и бережно къ отвердившимся образованіямъ духовной и культурной жизни: лелѣять воспоминаніе и любить родину-мать. Но жизнь растущая, образованія слагающіяся, пророчество, зовущее впередъ, родина-дитя—заслуживаетъ не меньшаго уваженія и любви. Есть одинъ только способъ любить и беречь мать, не принося въ жертву дитя, а, наоборотъ, давая ему расти въ мѣру отпущенныхъ ему силъ. Этотъ способъ заключается въ безусловномъ признаніи правъ зиждителя національнаго духа, человѣческой личности, на свободное развитіе всѣхъ его силъ, на самочинное мышленіе и дѣйствованіе. Если вѣрно, что „нація есть начало духовное“, то истинный націонализмъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ безусловнымъ уваженіемъ къ единственному реальному носителю и субъекту духовнаго начала на землѣ, къ человѣку. Провозгласить такое уваженіе принципомъ развитія національнаго духа не значитъ бросить громкую фразу. Это значитъ выговорить точное и строгое нравственное правило, вѣрность которому налагаетъ тяжелыя и отвѣтственныя обязательства.

Конецъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Спб. Невскій, 54.

Бердяевъ, Н. **Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи.** Критич. этюдъ о Н. К. Михайловскомъ съ предислов. Струве. Стр. 355 2 р. 25 к.

Буасье. **Картины древне-римской жизни.** Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Стр. 317 1 р. 25 к.

Бэрдъ. **Реформація XVI в. въ ея отношеніяхъ къ новому мышленію и знанію.** Пер. подъ ред. Н. И. Карѣева. Стр. 369 1 р. 25 к.

Гардинеръ. **Пуритане и Стюарты 1603 -1660 г. и Эйры. Реставрація Стюартовъ и Людовика XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира.** Перев. Каменскаго. Стр. 492 1 р. 75 к.

Гейгеръ. **Нѣмецкій гуманизмъ.** Перев. подъ ред. проф. Форстена. Стр. 250 1 р. 50 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **одобрена** для фундам. и ученич. старш. возр. библ. средн. учебн. завед. мужскихъ и женскихъ.

Геттнеръ. **Исторія всеобщей литературы XVIII в.** Перев. и биографическая статья о Геттнерѣ. А. Н. Пыпина.

Т. I. Англійская литература. Стр. 466 1 р. 50 к.

Т. II. Французская литература. Стр. 581 2 р.

Гюйо. **Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.** Перев. подъ ред. Фальборка и Чернолусскаго. Стр. 458 2 р.

Дюрингъ. **Великіе люди въ литературѣ.** Перев. Антоновскаго. Стр. 555 3 р. 50 к.

Жюссеранъ. **Исторія англійскаго народа въ его литературѣ.** Стр. 401 1 р. 25 к.

Ингремъ. **Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ.** Перев. З. Журавской. Стр. 334 1 р. 25 к.

Іолли. **Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы.** Перев. Санина. Стр. 192 1 р.

Крепелинъ. **Гигіена труда.** Умственный трудъ. Переутомленіе. Перев. съ нѣмец. Стр. 101 30 к.

Кроненбергъ. **Философія Канта** и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Стр. 120 40 к.

Кюльпе. **Введеніе въ философію.** Перев. подъ ред. Струве. Стр. 351 1 р. 25 к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **рекомендовано** *для фунд. библ.* средн. учебн. заведен. и слушательницъ педаг. курс. женскихъ гимназій.

Ланглуа и *Сеньобосъ.* **Введеніе въ изученіе исторіи.** Перев. Серебрякова. Стр. 275 1 р.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **одобрена** для фунд. биб. сред. учебн. зав. и учител. института.

Липпсъ, Т. Проф. Мюнхенскаго университет. **Основы логики.** Перев. съ нѣмецкаго П. О. Лосскаго, приватъ-доцента Спб. университета 1902 г. Стр. 301 1 р.

Лихтенберже. **Философія Ницше.** Перев. подъ редак. и съ вступительн. статьей М. Новѣдомскаго. Стр. 386 1 р. 80 к.

Лоддъ. **Очерки элементарной психологіи.** Пер. подъ ред. Кистяковскаго. Стр. 162 80 к.

Левасеръ. **Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.** Перев. подъ ред. Фальборка и Чернолусскаго. 2 т. Стр. 727 5 р.

Мармери. **Прогрессъ науки,** его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Перев. съ приложеніемъ библіографическ. указателя рус. переводовъ классическихъ научныхъ трудовъ по различнымъ отраслямъ знанія. Стр. 431 1 р. 75 к.

Мильталеръ. **Что такое красота?** Введеніе въ эстетику. Перев. Венгеровой. Стр. 110 40 к.

Минье. **Исторія французской революціи.** Перев. подъ ред. и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Стр. 461 1 р.

Михайловскій. **Критическіе опыты.** Іоаннъ Грозный въ рус. литературѣ. Герой безвременья. Стр. 164 р.

Острогорскій. **Изъ исторіи моего учительства.** Какъ я сдѣлался учителемъ. Стр. 302 1 р. 25 к.

Ремке. **Очеркъ исторіи философіи.** Пер. подъ редакціей Колубовскаго. Стр. 340 1 р. 50 к.

Рисъ-Девисъ. **Буддизмъ.** Перев. подъ ред. Ольденбурга. Стр. 26 40 к.

Сорелъ. **Исторія Италіи** отъ 1815 г. до смерти Виктора Эммануила. Прилож. Очеркъ послѣдующихъ событій В. Водовозова. Стр. 410 1 р. 50 коп.

Спенсеръ. **Происхожденіе науки.** Стр. 97 30 к.

Трачевскій. **Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе.** Стр. 396 1 р. 25 к.

Циглеръ. **Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка.** Перев. подъ ред. и съ предисловіемъ проф. П. Карѣева. Стр. 227 50 к.

Имѣется въ продажѣ изданіе П. Б. Струве:

Н. Карелинъ. **Жанъ-Жакъ Руссо.** Опытъ характеристики его общественныхъ идей. Цѣна **1** руб.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ **О. Н. Поповой.**
Спб. Невскій, 54.